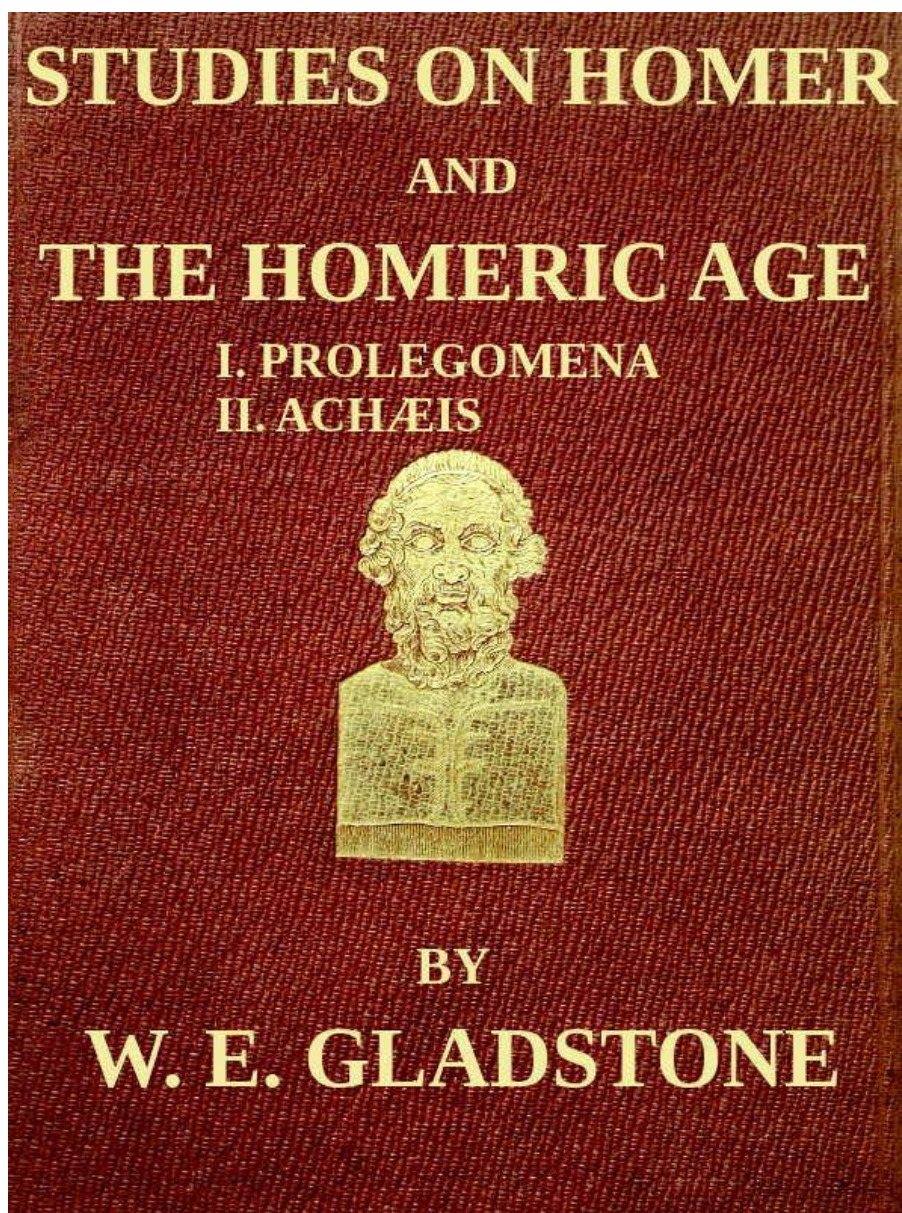


Исследования о Гомере и гомеровской
эпохе, Том 1 из 3. I. Прологомены II.
Ахейцы, или Этнология греческих рас

У. Э. Гладстон



Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная исследованиям Гомера и гомеровской эпохи, том 1 из 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исследования о Гомере и Гомеровской эпохе, Том 1 из 3

Автор: У. Э. Гладстон

Дата выхода: 15 ноября 2014 г. [Электронная книга № 47356]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

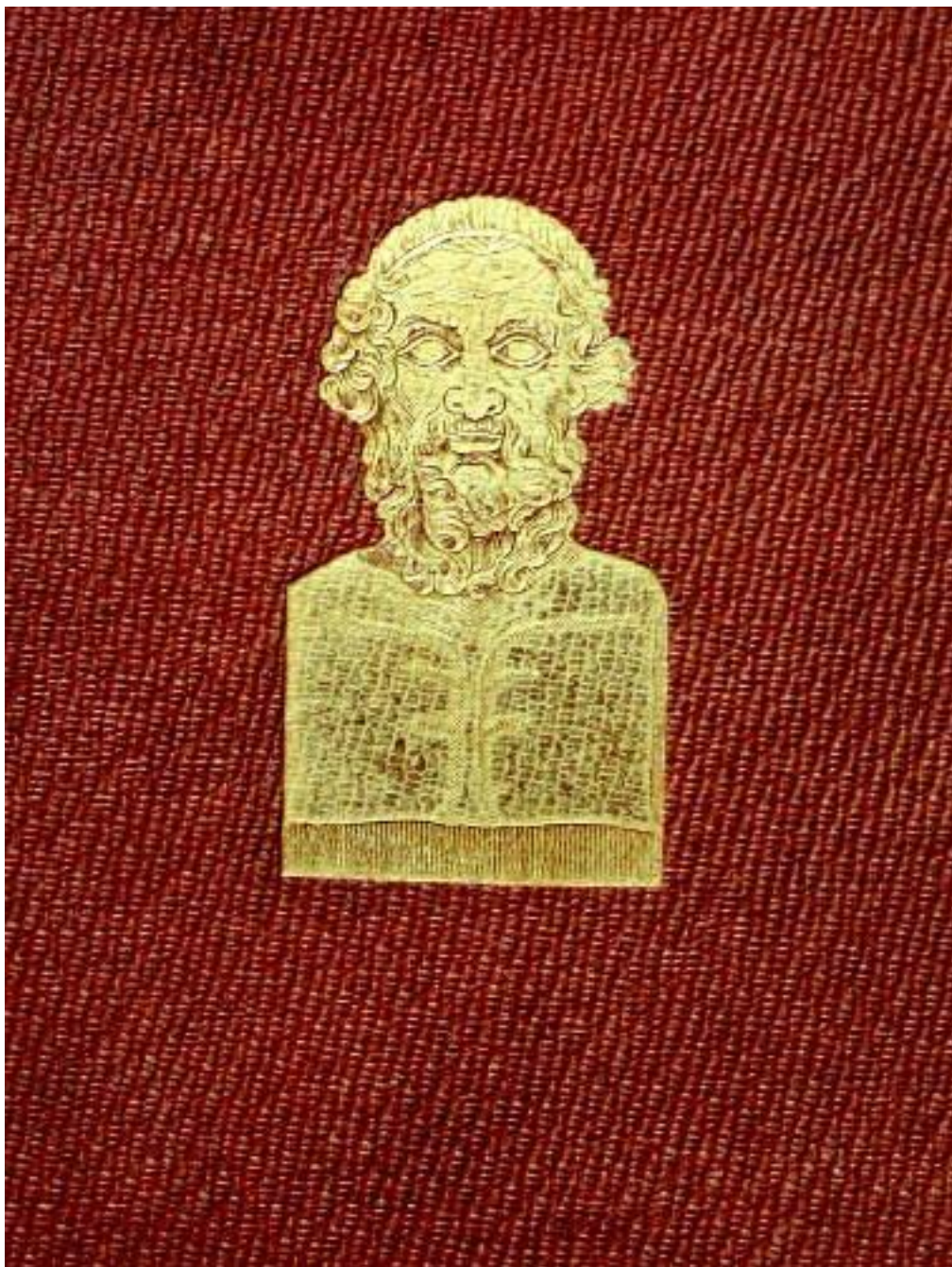
Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Генри Флауэром и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИССЛЕДОВАНИЯ О ГОМЕРЕ И ГОМЕРОВСКОЙ ЭПОХЕ", ТОМ 1 Из 3 ***

Обложка электронной книги была создана путем добавления текста к оригинальной обложке и находится в общественном достоянии.

В html-версии этой книги карты связаны с версиями изображений с более высоким разрешением.



ИССЛЕДОВАНИЯ О ГОМЕРЕ И ГОМЕРОВСКОЙ ЭПОХЕ.

ОТ ДОСТОПОЧТЕННОГО У. Э. ГЛАДСТОНА, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ
ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

В ТРЕХ ТОМАХ.
ТОМ I.

Plenius ac melius Chrysippo et Crantore.—Гораций.

ОКСФОРД:
ИЗДАТЕЛЬСТВО UNIVERSITY PRESS.
M.DCCC.LVIII.

[Право на перевод зарезервировано.]

ИССЛЕДОВАНИЯ О ГОМЕРЕ И ГОМЕРОВСКОЙ ЭПОХЕ.

I. ПРОЛЕГОМЕНИ.

II. АХЕЙЦЫ, ИЛИ ЭТНОЛОГИЯ ГРЕЧЕСКИХ РАС.

ОТ ДОСТОПОЧТЕННОГО У. Э. ГЛАДСТОНА, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ
ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Plenius ac melius Chrysippo et Crantore.—Гораций.

ОКСФОРД:
ИЗДАТЕЛЬСТВО UNIVERSITY PRESS.
M.DCCC.LVIII.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. ПРОЛЕГОМЕНИ.

РАЗДЕЛ I.

О состоянии гомеровского вопроса.

	Страница
Цели этой работы	1
Полученные на данный момент результаты гомеровской полемики	2
Усовершенствованный аппарат для изучения Гомера	4
Влияние поэм на цивилизацию	5
Они не конкурируют со Священным Писанием	6

РАЗДЕЛ II.

Место Гомера в классическом образовании.

Изучение Гомера в английских университетах	9
Гомера следует изучать не только как поэта	11
Его притязания сравниваются с притязаниями других поэтов	14
Изучение Гомера в государственных школах	18

РАЗДЕЛ III.

Об исторических целях Гомера.

Высокая организация стихотворений	21
Предполагается, что Поэт преследовал исторические цели	22
Их положительные признаки	23

Преследовались даже ценой некоторой поэтической красоты	26
Мелкие указания	28
Общий тон	28
Гипотеза о недопустимости воспроизведения	30
Что в основном подразумевается под его историческими целями	35
РАЗДЕЛ IV.	
<i>О вероятной Дате появления Гомера.</i>	
Главный вопрос: является ли он первоначальным свидетелем	36
Отрицательных аргументов	37
Утвердительных аргументов	39
РАЗДЕЛ V.	
<i>Вероятная достоверность Текста Гомера.</i>	
Полученный текст должен быть принят за основу	42
Несостоятельность других методов	44
Состояние рукописей	46
Жалобы на интерполяцию	47
Свидетельства, касающиеся раннего использования стихотворений.	49
Сохраняющая сила цитат или совпадений.	55
Псевдогомеровские поэмы.	56
Аргумент из циклических поэм.	59
Александрийский период.	60
Количество и качество гарантий.	64
Маловероятность преднамеренной фальсификации.	67
Внутренние доказательства достоверности деталей.	69
РАЗДЕЛ VI.	
<i>Место и авторитет Гомера в историческом исследовании.</i>	
Гомер первостепенное значение как литературный авторитет	71
он пережил доверчивость	73
и через недоверие	79
предлагаемого способа лечения	81
экземпляры отличие метода (1) Хеллен и его семья	82
авторитет Гесиода	84
экземпляра (2), личность Хелен	87
заключение	89
раздел II. АХЕЙЦЫ.	
ЭТНОЛОГИЯ ГРЕЧЕСКИХ РАС.	
РАЗДЕЛ I.	

Объем исследования.

Предварительное возражение г-на Гроте гласило, что 93

Необходимо изучить краткий обзор национальных и племенных названий 96

РАЗДЕЛ II.

О пеласгах и родственных расах.

Пеласги 100

Pelasgic Аргос 101

Додона 106

Фессалии и южных островов 109

эпитеты для пеласги 113

использовать это имя в единственном числе 114

пеласгов и Лариса 115

Аркадии Пеласг 119

, почему προσέληνοι 121

Аркадии после швейцарский Греции 122

с Graians или греки 123

Церера и пеласгов 124

в Ιαones или ионийцы 127

афинян в каталоге 129

каталоге, ВВ. 546-9 129

- же, ВВ. 550, 132

то же самое, ВВ. 553-5 135

отзыв о гомеровских доказательствах того, афиняне 137

свои отношения с Минервой 140

после гомерического доказательства Pelasgianism Аттики 145

пеласгов, связанные с Египтом 148

египтяне полу-сказочные Гомер 151

Пеласг их сходство, у Гомера и иное 153

греками "Илиады", почему не назвать Пеласг 156

в Ὀρῆκες и Ὀρῆκιοι 158

в Saucones и лелеги 161

раздел III.

Пеласги: и некоторые государства, натурализовавшиеся или родственные Греции.

Минос у Гомера 166

Его происхождение 167

Его место в нижнем мире 168

Могущество Крита 169

Две из пяти рас, по-видимому, пеласгийские	170
Традиция Девкалиона	172
Масштабы Минойской империи	175
Свидетельства постгомеровской традиции	176
Косвенные свидетельства	178
Ликийцы	181
Их связи с Грецией	183
Элементы населения	185
Кипр	188
Жители, вероятно, пеласги	190
Другого названия нет конкурирует с пеласгийским как обозначающий первых жителей Греции	193
Пеласги были основой или <i>субстратом</i> греческой нации	194
Постгомеровские свидетельства о них	195
Краткое изложение К. О. Мюллера	200
Пеласгийский язык	203
Путь пеласгов в Грецию	205
Вероятно, двоякий	206
Маршрут эллинов	208
Пелопоннес - древний центр власти	209
Происхождение названия Пеласгов	211
РАЗДЕЛ IV.	
<i>О финикийцах и внешней географии "Одиссеи".</i>	
Признаки финикийцев в Греции	216
Пределы внутренней или греческой географии Гомера	217
И греческая навигация	219
Его Внешняя география Финикийская	221
Традиции, связанные с ней, также финикийские	223
ΜινοςΛοοΨρων	225
Коммерческие способности современных греков	227
Гомеровское устье океана	228
Два географических отчета объединены в один	228
Сикели и Сикания	229
Их местонахождение, вероятно, находится на побережье Бруттии	231
Эпир Гомера	234
Феспротийцы у Гомера	235
Кадмийцы у Гомера	239

Период, с которого они датируются	240
Выводов относительно них	244
РАЗДЕЛ V.	
<i>В Каталоге.</i>	
Греческий каталог, собственно Свод или Обзор	245
Предисловие	246
Список	247
Принцип расположения	249
Основное распространение	250
Дополнительное распространение	251
Доказательства исторической цели	255
Генеалогии Каталога	256
Эпилог	259
Троянский каталог	261
РАЗДЕЛ VI.	
<i>Об эллинах Гомера.</i>	
Слово "Эллада" - ключ к этому исследованию	264
Список использованных отрывков	265
Некоторые из них допускают узкий смысл	266
Некоторые отвергают его	268
Никто этого не требует	272
Эллины в Ил. ii. 684	274
Панэллины в Ил. ii. 530	277
Кефаллены в Ил. ii. 631 и в других местах	278
Эллины или Селли	279
Селли из "Схолиаста Аристофана"	280
РАЗДЕЛ VII.	
<i>О соответствующем вкладе пеласгийского и эллинского факторов в формирование греческой нации.</i>	
Вклад в мифологию	285
Соответствия Риму и Трои	287
Религия пеласгов менее богата воображением	289
Их ритуальное развитие более полное	290
Порядок жрецов у Гомера не эллинский	293
Вклад в язык	294
Классы слов, которые согласуются	298
Классы, которые различаются	301

Свидетельства имен людей	307
Общие правила различения	309
Названия класса пеласгов	311
Названия класса эллинов	317
Вклад в политические идеи	320
В военные идеи	320
Телесное воспитание и игры	322
Музыка и пение	329
Предполагаемое пеласгианство троической эпохи	331
Традиции охоты	332
Практика мореплавания	336
В кратком изложении дела	338
говорится, что в особенности эллинский или пеласгический язык	342
РАЗДЕЛ VIII.	
<i>О трех великих гомеровских апеллятивах.</i>	
Способы образования имен народов	346
три больше апеллятивом не синонимы	348
доказательства их отличительные использовать	350
в аргосской Юноны, Аргивянин Хелен	353
самой Данаи Гомера	355
эпитеты из трех апеллятивом	356
на Данаан имя династических	359
по сравнению с Cadmean имя	361
эпохи династии	363
пост-Гомеровской традиции	366
применении имя Аргос	368
Achaic и Iasian Аргос	373
фраза μέσων Ἄργος	378
в Апиан земель	379
резюме географических выводов	380
этимология слова Аргос	381
ее связь с ἔργον	384
этимология проверен родственные слова	388
на Данаан Argeians ОД. раздел VIII. 578	391
в аргосской Юноны	392
перехода к Achæans	393
отношение Argeian и Пеласг имена	396

этимология иллюстрируется	397
разной степени Ἀργεῖοι и Ἄργος	401
предложения на Achæan имя	402
особенностей его использования	403
признаки его склонность к аристократии	406
режима его применения в Итаке	411
ее смысле, в Фессалии	416
на Крите	417
в Пилос	418
в восточной части Пелопоннеса	419
силу имя Παναχαιοὶ	420
в Æolid и Æolian имен	423
Гераклидов в Гомер	425
сошествие Æolids	427
самой ранней греческой престолов в Греции	429
на Данаан и Аргивянин имена, используемые на национальном уровне в поэзии только	431
резюме доказательств	433
позже литературной истории трех великих апеллятивом	436
их ценность в качестве примитивной истории	437
раздел IX.	
<i>На гомерический название ἄναξ ἄνδρῶν.</i>	
Разница между эпитеты и титулы	440
примеры гомерический названия	443
в Βασίλειος Гомера	443
общие трактовки ἄναξ ἄνδρῶν	443
некоторые особенности ее использования в Гомер	446
насколько связанных с метрической удобство	447
в κρείων и ποικίλῃ λαῶν	448
аргументы за определенный смысл в ἄναξ ἄνδρῶν	450
лиц, которым звание применяется	453
лиц, к которым могут быть применены	455
организаций почтения с ее	456
нем может свидетельствовать о патриархальных вождей	459
презумпций в случае Агамемнон	461
предложений уважая его добыча и станции	463
аргументы против его греческого происхождения считается	465

соединения Тантала с Грецией и с Пелоп	466
состоянию на место своего мощность	470
гомерический уведомления о Пелопсе	471
в Achæans воскресли с ним	472
они пришли из Фессалии	474
дорийцы необходимости Пелопида преемственности	477
протеста против народной традиции Hellenidæ	480
которых однако, свидетельствует о связи с Фессалии	481
случае Агамемнон, - подытожил	482
случаи Анхис и Эней	484
предполагаемого доказательства Анхис	486
предполагаемого доказательства Эней	486
доказательств от Dardanid генеалогии	489
от лошадей трос	490
доказательства подытожил	491
признаки Кина между троянцев и греков	492
признаки, связанные с Hellic имя	496
Геллеспонт Гомера	497
дар Echerolus Anchisiades	499
два раза Бонд, Hellic а также Pelasgic	499
случае Augeias заявил,	500
нотами связь между Элис и Северо -	502
отношение Augeias имя Ephyre	504
кластера, по-видимому, родственно именам	505
гонки Φῆρες	509
общий корень всех этих названий	510
вероятное значение Ἐφύρη	513
мест, носящих имя Ἐφύρη	515
Резюме доказательств для Augeias	519
случае Euphetes	520
месте его Ephyre	521
случае Eumelus	526
в ἄναξ ἄνδρῶν ведет свое происхождение от Юпитера	529
четыре ноты ἄναξ ἄνδρῶν	531
отрицательных доказательств	532
человека с четырех нот, но без титула	536
ее исчезновения с Гомером	538

знаки в "Илиаде" политической дезорганизации	539
более подробно в "Одиссее"	542
общей значимостью название ἄναξ ἄνδρῶν	543
Раздел X.	
<i>На связь эллинов и Achæans с Востока.</i>	
Название ахейцев не имеет признаков греческого происхождения	545
Средства для продолжения расследования	546
Две группы индоевропейских языков	547
Соответствующее различие рас	548
Провинция Фарс или собственно Персия	549
Господство персов	550
Отношение германцев к кельтам	551
И к эллинам	552
Персидское племя Γερμανίαι	554
Гомеровские следы персидского имени	555
Ахейское имя в Персии	556
Его вероятная этимология	557
Персы согласно Геродоту	558
Сравнение в отношении религиозных верований	561
В отношении ритуала и других сходств	563
Свидетельство Бехистунской надписи	565
Организация, основанная Дарием	566
Предположения из термина βασιλεύς	567
Эллинские черты в современной Персии	568
Эллиаты	571
Мидий вероятный источник пеласгов	571
Дополнения	573

ИССЛЕДОВАНИЯ О ГОМЕРЕ И ГОМЕРОВСКОЙ ЭПОХЕ.

I. ПРОЛЕГОМЕНЫ.[1]

РАЗДЕЛ 1.—О состоянии гомеровского вопроса.

Нам рассказывают, что в одном древнем городе тот, кто должен был предложить новый закон, появился, собираясь исполнить эту обязанность, с уздечкой на шее. Возможно, было бы несколько жестко повторно вводить эту практику в случае с теми, кто пишет новые книги на темы, с которыми знакомы, по крайней мере, уши всего мира. Но вполне разумно требовать от них какой-либо такой причины для их смелости, которая, во всяком случае, предположительно

связана с общественной пользой. Выполняя это требование путем предвосхищения, я выдвину на передний план четкое описание объектов, которые я имею в виду.

Эти цели двояки: во-первых, способствовать плодотворному изучению бессмертных поэм Гомера; и, во-вторых, подтвердить для них в эпоху дискуссий справедливую степень как абсолютной, так и, что более важно, относительной критической ценности. Мое желание состоит в том, чтобы указать, по крайней мере, если я не могу надеяться установить, их надлежащее место как в дисциплине классического образования, так и среди материалов исторического исследования. Когда мир слышит и читает Гомера, говорит и пишет о нем почти три тысячи лет, может показаться странным таким образом подразумевать, что он все еще является "наследником несбывшейся славы", [2] и еще не вступил в полное владение своим законным тронem. Тот, кто, кажется, ставит под сомнение знания и суждения всех прежних эпох, сам подвергается лишь злой случайности и, вероятно, будет признан виновным в невежестве и глупости. Однако это не входит в мои намерения. Нет никаких оснований сомневаться в том, что Греция

Dum fortuna fuit

хорошо знала своего благородного отпрыска и оказывала ему все почести, на которые даже он мог справедливо претендовать. Но в более поздние времена и в большинстве стран, где он был иностранцем, я не знаю, пользовался ли он когда-либо еще полным почетom со стороны образованного мира. Я верю, что он приближается к этому; и мое желание - ускорить, хотя бы немного, движение в этом направлении.

Что касается первой части конструкции, которая была описана, я бы предложил следующие соображения. Спор *о жизни и сангвинике*, касающийся личности поэта, единства и древности его произведений, ведется с ожесточением почти столетие. За неимением посторонних свидетельств, материалы для ведения боевых действий были тщательно разысканы в богатой копилке, которую предлагали сами стихи. Это привело к более тщательному изучению текста и более полному раскрытию многого из того, что в нем содержится, чем можно было ожидать во времена, когда изучающему Гомера оставалось только наслаждаться своим пиршеством, а не бороться за него, прежде чем он мог сесть. Однако он, возможно, извлек выгоду не только из теплоты чувств; "Илиаду" и "Одиссею", исходя из абсолютной необходимости дела, сами поместили на свидетельское место, изучили и подвергли перекрестному допросу со всевозможными угрызениями совести и, таким образом, по крайней мере, в какой-то степени заставили рассказать их собственную историю. Результат в целом был в их пользу. Чем больше их разыскивают и тестируют, тем больше кажется, что они могут сказать, и тем лучше согласуются их показания. Тем более очевидным становится, что аргументы, используемые в пользу скептицизма и уничтожения, как правило, носят технический и внешний характер, и тем больше масса моральных и внутренних доказательств, постоянно накапливаемых против них. Как следствие, среди ученых, даже в Германии (в Англии деструктивные теории никогда особенно не распространялись), возникла сильная реакция в пользу положительной стороны всех или почти всех основных вопросов, которые были подняты. Мюр, [3] последний и, возможно, самый выдающийся из британских писателей на эту тему, оставил дебаты в таком состоянии, что те, кто следует за ним, могут быть освобождены и могут извинить своих

читателей от систематического предварительного обсуждения; и могут исходить из предположения, что "Илиада" и "Одиссея" по своей сути являются истинными порождениями самой героической эпохи и подлинными дарами не только о далекой древности, но и о творческом уме; а также о том, что тот, кому принадлежал этот ум, был справедливо объявлен вердиктом всех веков патриархом поэтов. Эти противоречия были "прикручены к отрубям"; по крайней мере, для нас все они практически мертвы, и мне кажется, что возрождение их к жизни немногим лучше потерянного времени.

Таким образом, имея в настоящее время право собственности на поместье в некоторой степени защищенным от судебного разбирательства, мы можем приступить к его осуществлению со всем истинным рвением из-за конфликта, который велся долго и ожесточенно и, по общему мнению, был справедливо выигран. Теперь всем тем, кто любит Гомера, надлежит придерживаться надежного метода исследования и оценки путем тщательного, непрерывного, всестороннего изучения текста; необходимость изучения которого было бы легко доказать, показав, насколько неточно поэмы часто цитируются в изданиях, к которым обычный читатель обоснованно обращается за достоверной информацией. К этому нас призвал уже названный автор:[4] и нам остается только сделать его практику нашей моделью. О том, что кое-чего уже достигнуто, мы можем судить по сравнению. Давайте возьмем единственный пример. В 1735 году было опубликовано 'Исследование Блэквелла о жизни и сочинениях Гомера'. Бентли, как явствует из жизнеописания епископа Монка[5] этого выдающегося ученого не следовало увлекать книгой такого рода: но такие люди, как Бентли, не являются образцами своего времени, они живые символы и предсказания того, на достижение чего потребуются годы или поколения. Скорее мы можем судить об общем впечатлении, произведенном этой книгой, по Примечаниям к предисловию Поупа к "Илиаде", где Уортон[6] превозносит ее как 'произведение, изобилующее любопытными исследованиями и наблюдениями и представляющее Гомера в новом свете'. Но я полагаю, что ни один читатель Гомера в наше время на самом деле не стал бы беднее, если бы все его экземпляры можно было сжечь.

Со времен работы Блэкуэлла были получены важные данные для изучения Гомера благодаря исследованиям путешественников, богатым косвенными свидетельствами, и открытию Венецианской Схолии, а также настойчивым трудам современных критиков. Мы постепенно приходим к пониманию того, что эти драгоценные произведения, которые, возможно, составляли радость нашего детства, также были предназначены для обучения нас в более зрелые годы. Я имею в виду здесь не только их поэтическую силу и великолепие. Настало время нам признать истину, что они представляют собой обширное хранилище знаний по предметам, представляющим глубокий интерес и безгранично разнообразным; и что это тоже знание, которое можно получить только от них. Это был греческий ум, переданный, без сомнения, в какой-то части через Италию, но все же только переданный, и все еще греческий как по происхождению, так и по большей части своей сути, в котором была сформирована и закалена первоначальная форма современной европейской цивилизации. Сейчас я говорю о цивилизации как о чем-то отличном от религии, но предназначенном для объединения с ней. Сила, черпаемая из этого источника, заключалась в том, чтобы находиться в подчиненном соединении с Евангелием и вносить свою лепту в обучение человечества. Отсюда должны были быть получены формы и материалы мысли, культуры воображения, всего образования интеллектуальной души, которая, будучи наполнена высшей жизнью из Божественного источника, должна была, таким образом, быть защищена от порчи и находиться в гармонии с миром духов.

Этот греческий ум, который, таким образом, стал одним из главных факторов цивилизованной жизни христианского мира, не может быть полностью понят без изучения Гомера, и нигде он не проявляется так ярко и искренне, как в его произведениях. У него есть свой собственный мир, в который он уносит нас на своем сильном крыле. Там мы оказываемся среди системы идей, чувств и действий, отличной от той, что можно найти где-либо еще; и формирующей новый и отчетливый стандарт человечности. Многие из них выглядят так, как будто им вскоре предстояло быть погребенными под грудой развалин, чтобы впоследствии они могли появиться вновь, яркие и свежие для применения, среди последующих поколений людей. Другие из них почти переносят нас в раннее утро нашей расы, в часы ее большей простоты и чистоты и более свободного общения с Богом. Во многом, что демонстрирует этот гомеровский мир, мы видим налет греха в действии, но пока что он далек от совершенства и зрелости; он стоит между Раем и пороками позднего язычества, далек и от того, и от другого, как от последнего, так и от первого; и если среди всех земных знаний знание о человеке является тем, к чему мы должны стремиться в первую очередь, и если для того, чтобы быть подлинным, оно должно основываться на опыте, как можно переоценивать это примитивное изображение человеческой расы в форме завершенной, отчетливой и отдельной, со своей собственной религией, этикой и традициями? политика, история, искусство, манеры свежи и соответствуют стандарту своей природы, как форма младенца из рук Создателя, но в то же время зрелы, полны и завершены в своем собственном смысле, по своим собственным законам, как какой-нибудь шедевр искусства скульптора.

Поэмы Гомера никогда не могут соперничать со Священными Писаниями Ветхого Завета в том, что касается содержащегося в них бесценного кода Истины и Надежды. Но в то время как еврейские летописи демонстрируют нам связь между человеком и другим миром в древнейшие времена, поэмы Гомера показывают нам существо, о котором Богу было угодно так помнить, в свободной, ничего не подозревающей игре его истинной природы. Патриархальный и еврейский устроения создали и поддерживали благодаря Божественному вмешательству положение вещей, по сути, особенное и исключительное: но здесь мы впервые видим, как наш род сам решает для себя, при свете, который давали общая жизнь и опыт, глубокую проблему своего предназначения. И нет, пожалуй, более серьезного и печального урока, чем тот, который можно извлечь из его непрерывного нисходящего течения. Если эти слова означают постановку вопроса, то, по крайней мере, для нас важнее всего знать, был ли этот путь постоянно нисходящим; приближался ли человек к своему счастью и своему совершенству по мере того, как увеличивал свои силы и ресурсы, или удалялся от них дальше. Итак, это исследование не может быть проведено удовлетворительно, по крайней мере, для Европы и христианского мира, если не исходить из основы, которую дают гомеровские поэмы. Что касается великого римского народа, то мы ничего о нем не знаем, что является одновременно архаичным и достоверным. Что касается греков, то Гомер указывает исходную точку, от которой следует отмерять все расстояния. Когда начался исторический период, Греция уже приближалась к интеллектуальному средневековью. Мало что можно узнать об относительных изменениях нашей моральной и ментальной природы по отдельности, сопоставляя одну часть того периода с другой, по сравнению с тем, что мы можем почерпнуть, сопоставляя первозданную и юную Грецию Гомера, с одной стороны, и, с другой, развитую и законченную Грецию эпохи трагиков или ораторов.

Книги Моисея и другие исторические книги Ветхого Завета не предназначены для представления и не представляют картины человеческого общества или нашей природы в

целом. Их цель - продемонстрировать это в одном мастерском отношении, и чтобы сделать это с эффектом, они делают это, в значительной степени, исключительно. Гомеровские материалы для демонстрации этого отношения различны как по характеру, так и по степени: но поскольку они рисуют, и рисуют до самой жизни, весь диапазон нашей природы и весь круг человеческих действий и опыта в эпоху, гораздо более аналогичную патриархальному времени, чем какой-либо более поздней эпохе, поэмы Гомера в "Философии природы человека" можно рассматривать как дополнение к самой ранней части Священных Писаний.

Хотя тщательное и систематическое изучение гомеровского текста началось сравнительно недавно, тем не менее заметное развитие богатств, из которых оно возникло, уже стало реальным, постоянным и обширным дополнением к интеллектуальному богатству человечества. Теперь мы можем лучше, чем раньше, понять многое из того, что связано со славой и авторитетом этого великого поэта в ранние времена, и что мы, возможно, раньше считали причудливым, преувеличенным или нереальным. Как мы теперь видим, не было ничего удивительного в том, что, в то время как греческие философы в основном брали у него тексты в своих школах, греческая публика слушала его музыку в местах массового отдыха и на торжественных собраниях, а греческие воины и государственные деятели хранили его в своих шкафах и под подушками; и, в первый и последний раз в мировой истории, сделали сохранение произведений поэта объектом постоянной государственной политики.

РАЗДЕЛ 2.—Место Гомера в классическом образовании.

Теперь, исходя из этих соображений, может возникнуть важный вопрос: занимает ли Гомер в нашем английском образовании то место, которое ему подобает, и которое было бы в наших интересах предоставить ему? Молодежь этой страны платит огромную цену за изучение классической музыки. Это главное усилие первого весеннего периода их интеллектуальной жизни. Следует надеяться, что эту цену по-прежнему будут платить все те, кто имеет право извлечь выгоду из этого приобретения; и что, хотя других знаний впоследствии будет получено гораздо больше, чем до сих пор, этого ни в коем случае не должно быть меньше. Тем не менее, учитывая величие затрат, которые заключаются в главной энергии стольких драгоценных лет, нас очень беспокоит то, что то, что мы получаем взамен, хорошо как по мере, так и по качеству. Каковы же тогда факты, касающиеся изучения Гомера в Англии в наши дни?

Здесь я должен начать с извинений, приносимых человеком, который считает себя далеко не полностью информированным о случае, о котором необходимо рассказать в общих чертах. Но даже если я преуменьшу как объем изучения Гомера, так и его эффективность, я уверен, что после того, как будут сделаны все необходимые поправки на ошибки, останется достаточно места для применения общих положений, которые я стремлюсь утвердить. Они таковы: изучение Гомера в наших университетах пока еще не достигло того уровня, до которого желательно его довести, и что то же самое изучение, которое ведется в наших государственных школах, не является и не может быть заменой тому, чего так не хватает в университетах.

В мое время, в Оксфорде, теперь уже четверть века назад, поэмы Гомера читались главным образом в виде исключения и повинуюсь импульсу индивидуальных вкусов. Они довольно серьезно участвовали в тех экзаменах, с помощью которых в основном проверялась стипендия, но они едва ли составляли существенную или признанную часть основных исследований в этом месте, которые были направлены на выпускные экзамены в школах на получение степени бакалавра. Я не припоминаю, чтобы когда-либо слышал в то время о том, чтобы они

использовались в качестве предмета обычных учебных лекций; и если это было так, то случай, безусловно, был редким. Хотя покойный доктор Гейсфорд, по мнению многих, первый ученый своего времени, за время своего длительного пребывания на посту благочинного Крайст-Черча всем весом своего авторитета поддержал рекомендацию изучать Гомера, это не привело к каким-либо существенным изменениям. Основа обучения греческой классике лежала главным образом в трудах философов, историков и более поздних поэтов; и когда Гомером, по академическому выражению, 'увлекались', им пользовались декоративно, а следовательно, поверхностно, и не применяли таких поисковых и трудоемких методов изучения, которые, к великой чести и преимуществу Оксфорда, несомненно, применялись к авторам, занимавшим первое место в ее практической системе. Я склонен полагать, что случай в Кембридже существенно не отличался, хотя, учитывая большее относительное пространство, занимаемое там экзаменами по чистой науке, вполне вероятно, что Гомер, по крайней мере в этом аспекте, привлекал большую долю внимания.

Однако, когда в 1850 году Оксфордский университет ввел в действие новый Закон об экзаменах, были предприняты усилия по расширению изучения Гомера. К счастью, эти усилия, как представляется, дали значительный эффект. В этом законе было предусмотрено разделение изучения поэтов и философских и исторических дисциплин и включение первых в промежуточный, или, как его еще называют, 'первый публичный' экзамен, в то время как оба последних были зарезервированы для окончательного испытания, которым обычно заканчивается период обучения в бакалавриате. Все кандидаты, получившие диплом с отличием на этом промежуточном экзамене, теперь обязаны представить не менее двенадцати Книг Гомера из списка произведений, по которым они должны сдавать экзамен. И я понимаю, что он также занял свое место среди обычных тем учебных лекций. Это большой признак прогресса, и можно с уверенностью надеяться, что при таких обстоятельствах Гомер впредь будет занимать гораздо более передовую позицию в изучении Оксфорда. Остается кое-чего пожелать, и я должен надеяться, что любое дальнейшее развитие Экзаменационного устава университета обеспечит это.

Ясно, что изучение этого великого учителя не должно ограничиваться подготовкой к экзаменам, которые касаются в основном языка или которые не могут касаться ни первобытной истории, ни философии, ни политики, ни религии, кроме как в качестве второстепенной иллюстрации. Гораздо лучше, если его будут изучать просто среди поэтов, чем если его вообще не будут изучать. Но до тех пор, пока его читают только среди поэтов, я полагаю, что его нельзя эффективно читать для более высоких и разнообразных целей, которым так подвержено изучение Гомера.

Грамматика, размер и дикция, вкусы, все поэтическое обращение и качества Гомера в целом, действительно, предлагают нам для рассмотрения множество объектов одновременно и одинаково уникальных, привлекательных, обширных и полезных. Посторонние споры, с которыми так долго ассоциировалось его имя, относительно его личности и даты, а также единства и передачи его работ, хотя для нас, я надеюсь, они по существу почти решены, все же вряд ли потеряли бы свой литературный интерес, если бы только из-за особенно удобной и соблазнительной манеры, в которой они раскрывают многие вопросы первобытных исследований; представляя эти вопросы нам, как они это и делают, не в унылом наряде,

сколоченном из антикварных обрезков, а живыми и в полном движении энергичных дебатов. Все это подходит для восхитительных упражнений, но за ними стоит гораздо больше.

Существует внутренний мир Гомера, святилищем которого являются его стихи, а выразителем - его поэтический гений, но который сам по себе представляет собой зрелище, представляющее глубочайший интерес, совершенно независимо от того, кто знакомит нас с ним, и от средств, с помощью которых мы таким образом знакомимся. Этот мир религии и этики, гражданской политики, истории и этнологии, нравов и искусств, настолько оторванный от всего последующего опыта, что мы можем правильно назвать его палеозойским, вряд ли может быть исследован и понят теми, кого учат относиться к Гомеру только как к поэту.

Действительно, трансцендентность его поэтических различий имела тенденцию затмевать другие его притязания и способы использования. Как поселенцы на самых богатых почвах, насыщенных плодами, которые они приносят почти спонтанно, редко используют все свои силы для отчета, так и те, кого учат просто обращаться к Гомеру за его поэзией, находят в нем, при таком рассмотрении, такие обширные ресурсы для наслаждения, что, если их не позовет вперед особый зов, они вряд ли пойдут дальше. Именно таким образом блестящая слава лорда Бэкона как философа отвлекла внимание общественности от его заслуг как политического историка.^[7] Таким образом, если взять более близкий пример, то большинство читателей Данте, подчиняя свое воображение его могущественному влиянию, почти полностью не осознавали, что они находились в руках одного из самых проницательных и точных метафизиков, одного из самых нежных, серьезных и глубоких среди духовных писателей. Здесь, действительно, процесс был проще по форме; по крайней мере, большинство читателей ограничились поразительными и, так сказать, инкорпорированными образами "Ада" и даже не прочитали нижеследующие, которые также являются более возвышенными и неземными частями 'Божественной комедии'. Для славы Гомера может быть достаточно того, что согласие человечества безвозвратно закрепило за ним первенство среди поэтов, без реальных конкурентов или партнеров, за исключением Данте и Шекспира; и что, возможно, если мы примем во внимание его дату, неподготовленность мира к таким экстраординарным произведениям, как его, сравнительную скудость традиционных ресурсов и подготовки, которые он мог бы унаследовать, он тогда станет самым экстраординарным, поскольку он также является самым древним явлением во всей истории чисто человеческой культуры. В частности, мне кажется, что он, если не будет слишком самонадеянным так много говорить, по сей день, несомненно, не имеет себе равных в управлении поэтическим искусством. Если Шекспир превосходит в интуитивном знании человеческой природы и в быстрой и плодотворной силе своего воображения, если Данте лучше всех понимает "высоту и глубину" всех созданных вещей, если он стоит на первом месте в силе проявления и создания экстаза, и в сжатой и концентрированной энергии^[8] мысли и чувства, то Гомер тоже достиг этого. его собственные особые прерогативы. Среди них, возможно, можно было бы выделить способность к высокому ораторскому искусству; искусство подбирать эпитеты и характерные фразы; создание косвенных или негативных эффектов; и способность создавать и поддерживать драматический интерес без широкого использования злонамеренных агентов, в которых более поздние поэты нашли своих самых незаменимых помощников. Но всего этого недостаточно для нас, читающих его. Если произведения Гомера для письменности и человеческого образования являются тем же, чем ранние книги Священного Писания для всей Библии и для духовной жизни человека; если в них заложены зачатки интеллектуальной жизни мира, тогда мы все же должны помнить, что для правильного понимания этой жизни следует изучать ее зачатки. Там мы можем увидеть в

простых формах то, что впоследствии усложнилось, и в ясном свете то, что впоследствии стало затемненным; и там мы получаем отправные точки, исходя из которых можно измерять прогресс и упадок по всем направлениям, по которым движется наша природа.

Помимо общей просьбы, предлагаемой здесь для изучения Гомера в иных аспектах, чем просто поэтические, есть кое-что, что следует сказать о его притязаниях на соперничество с другими, и особенно с другими греческими поэтами. Случай с латинскими поэтами, более близкими нам исторически, более доступными по языку, легче запоминающимися под давлением загробной жизни, более доступными для литературных и общественных целей, должен иметь свои собственные основания.

Рассматривая вопрос о том, какое место принадлежит Гомеру в образовании, мы не можем полностью исключить из поля зрения вопрос о сравнительной ценности Гомера с его ныне успешными и властными соперниками, греческими трагиками. Ибо мы не должны ожидать, что из общего объема исследований, по крайней мере в Оксфорде и Кембридже, в дальнейшем греческой поэзии в целом может быть отведена какая-либо большая доля, чем уделялась до сих пор. Это скорее вопрос, должны ли произойти какие-то сдвиги или быть менее единообразными в нынешнем распределении времени и рабочей силы между различными претендентами в этой привлекательной области.

Я не оспариваю заслуг трагиков как мастеров своего благородного искусства. До тех пор, пока среди человечества культивируется литература, их почести в безопасности. Я не подвергаю сомнению ни преимущество изучения греческого языка в его наиболее устойчивых и точных формах, которые они представляют в совершенстве; ни их равную, по крайней мере, если не большую ценность, чем Гомер, как практических помощников и образцов в греческом сочинении. Но, после всех допущений по этому или любому другому поводу, они не могут, даже в отношении чисто поэтических названий, обоснованно претендовать на то предпочтение перед Гомером, которым они, тем не менее, широко пользовались. Я гораздо меньше ссылаюсь на Эсхила, чем на других, потому что он, кажется, больше похож на Гомера не только величием, но и природой, реальностью и исторической достоверностью; и опять же, гораздо меньше на Софокла, чем на Еврипида. Но о них можно сказать в целом, хотя и в сильно различающейся степени, что в то время как у Гомера все в высшей степени свежо и подлинно, у них, напротив, этой свежести и подлинности, этого жизнеподобия по большей части не хватает. Сам факт происхождения напоминает нам о масках, в которых появлялись актеры, о механических приспособлениях, с помощью которых они говорили. Само существование слов *κτράφειν*, [9] и другой [10] подобных соединений, показывает нам, что в греческой трагедии Человеческая природа и человеческая жизнь не были представлены в целом; они были придуманы; они были представлены в свете определенных специфических идей с целью получения специфических эффектов. Драмы были великолепными и в то же время поучительными картинами, но они преподавали, так сказать, только определенные установленные уроки: это были картины *sui generis*, картины, отмеченные определенной манерностью, картины, в которых художник следует стандарту, который не является ни оригинальным, ни общим, ни по-настоящему нормальным. Давайте попробуем проверить выражение, несколько родственное по этимологии: такое слово, как *ἔξοπιον*, носило бы на своем лице убийственный солецизм. И снова давайте отметим разницу, которую заметил проницательный Аристотель. [11] С речами в "Илиаде" он сравнивает речи в "Трагиках"; тех самых замечательных и красноречивых произведениях, которыми мы так часто имеем возможность восхищаться у Еврипида. Но, как он говорит,

персонажи древних, несомненно имея в виду Гомера, говорят на πολιτικῶς, персонажи современных - на ῥητορικῶς. Я не знаю причин, по которым речи Ахилла нельзя было бы сравнить с прекраснейшими отрывками Демосфена; но никто не смог бы провести такое сравнение между Демосфеном и речами, хотя это самые сильные и действенные речи, которые мы находим в "Троадах" или "Ифигении" в "Авлиде". Это противопоставление серьезного и практичного искусственному проходит, в большей или меньшей степени, по всей линии, отделяющей Гомера от трагиков, особенно от Еврипида.

Когда мы рассматриваем этот случай с другой точки зрения и оцениваем этих поэтов по тому, что они рассказывают, а не по простой манере их изложения, аргумент в пользу того, что Гомеру уделяется большее внимание нашей молодежи, становится еще более убедительным. Ибо следует признать, что трагики, особенно два более поздних из трех, очень мало рассказывают нам о греческой религии, истории, нравах, искусствах или институтах. В период, когда они писали, религия страны стала политической или, иначе, театральной по своему духу, и представленные в ней цифры были не только умножены, но и безнадежно запутаны; в то время как мораль погрузилась в очень грубое разложение, в котором, как мы имеем это на основании явных свидетельств, по крайней мере двое из них в значительной степени участвовали. Персонажи и происшествия их собственного времени и поколений, непосредственно предшествовавших ему, оказались все менее подходящими для сцены. Эта и другие причины побудили их взять свои темы, в общем, из отдаленного периода героических или доисторических эпох. Но они не были адекватными толкователями традиций тех эпох; следовательно, их представления по большей части облечены в измененные и выродившиеся формы. Наиболее ясно это будет видно при изучении гомеровских персонажей, как они появляются в пьесах Еврипида. Здесь они, по-видимому, часто не сохраняют никаких признаков идентичности, кроме имени. 'Форма и напор', а также механизм или физические обстоятельства греческой драмы были таковы, что держали трагиков, так сказать, на ходулях, в то время как ее ограниченные рамки по необходимости исключали многое из того, что входило в широкий круг эпического действия; так что они мало что открывают нам, по сравнению с Гомером, о греческом разуме и жизни: о той колыбели, в которой, как мы должны помнить, лежат первоначальная форма и элементы европейской цивилизации, поскольку они светские.

Если я могу судить в какой-то степени об умах других по моему собственному опыту, ничто так не поражает в Гомере, как масса его материала. Особенно это верно в отношении "Илиады", которую большинство людей считают не более чем гигантским боевым произведением. Но эта поэма, как бы батальная пьеса ни была, где мы могли бы ожидать найти только блеск и лязг оружия, богата всевозможными знаниями, возможно, самыми богатыми из всех в политическом и историческом отделах. В целом, едва ли будет преувеличением сказать, что, помимо своих притязаний как поэта, Гомер предъявляет к себе все те притязания, которые все другие классы древних писателей могут выдвинуть сами, каждый в своей отдельной области. И, за исключением трудов Аристотеля и Платона, на основе которых можно основать исследование всей мировой философии, я не знаю ни одного автора среди тех, кого обычно изучают в Оксфорде, предлагающего поле для труда и исследований столь широкое и разностороннее, как то, которое предлагает Гомер.

Но, если Гомера не полностью изучают в наших университетах, то нет никакого адекватного утешения в том факте, что им так много читают в наших государственных школах.

Я действительно очень далек от того, чтобы сокрушаться по поводу того, что его так читают. Его свободный и добродушный темперамент позволяет ему завоевывать симпатии молодежи. Простое и прямое построение почти всех его предложений обеспечивает им легкий доступ к его смыслу; изучение смысла отдельных слов, которое так часто требуется, находится в пределах их досягаемости; в то же время легко поверить, что обширные и разнообразные флексии греческого языка, в его руках одновременно такие точные и такие гибкие, делают его особенно пригодным для необходимой и бесценной работы по синтаксическому анализу. Возможно, что в детстве Гомер находил достаточно занятий своей внешностью и более очевидными аспектами. Но ни в детстве, ни в зрелом возрасте невозможно эффективно читать Гомера для всех целей сразу, если моя оценка этих целей верна. Следовательно, вопрос заключается в том, как наилучшим образом разделить работу между периодами жизни, наиболее подходящими для разных ее частей.

Действительно, как правило, несколько сложно с пользой и эффективностью использовать одну и ту же книгу одновременно в качестве инструмента обучения как языку, на котором она написана, так и предмету, который в ней рассматривается. То, что честно отдается для одной цели, обычно в такой же степени отнимается или удерживается для другой. С одной стороны, ум должен быть направлен на мысль автора; с другой - на материальный орган, через который она передается; или, другими словами, для достижения первой из этих двух целей его язык должен рассматриваться с материальной, а для достижения последней - с интеллектуальной стороны. Трудность сочетания этих взглядов, по необходимости взятых с противоположных точек зрения, возрастает по мере того, как учащийся молод, язык тонкий, обильный и продуманный, предмет разнообразный и расширенный. В некоторых случаях она может быть незначительной или, по крайней мере, легко преодолимой; но в примере Гомера она достигает почти максимума. Мало кто из нас может сказать, что мы многое узнали о внутренних сторонах Гомера в детстве; хотя, возможно, мы и не чувствуем, что наши труды над ним были ниже среднего уровня наших общих усилий; и хотя другие поколения могут значительно улучшить нас, боюсь, они не смогут овладеть высшими качествами своего автора в тот ранний период жизни. Гомера, если его читают в наших государственных школах, читают и, вероятно, должны читать только или в основном из-за его дикции и поэзии (в общепринятом понимании) даже самые продвинутые; в то время как для менее продвинутых он не более чем механический инструмент для зачатков настоящего знакомства с греческим языком и его флексиями. Поэтому, если мы хотим, чтобы его читали за его теологию, историю, этику, политику, за его мастерство в более высоких и деликатных областях поэтического призвания, за его нескончаемые уроки манер, искусств и общества, если мы хотим изучать в нем великую карту того человечества, которую он так чудесно раскрывает нашему взору, — его нужно читать в университетах, и читать в связи с его глубинными сокровищами. Он не уступает никому из поэтов Греции как поэт мальчиков; но он намного опередил их всех, даже Эсхила и Аристофана, как поэт мужчин.

Но никакое обсуждение общего, а также поэтического возвышения Гомера не может быть полным или удовлетворительным без более определенного рассмотрения вопроса — какова историческая ценность его свидетельства? Это не решается тем, что мы показываем ни его существование, ни его совершенство в своем искусстве. Никто не сомневается в личности Ариосто, или Боярдо, или Вергилия, или в их высоком ранге поэтов; но и никто не стал бы

цитировать их как авторитеты в каком-либо историческом вопросе. Чтобы прийти к правильному взгляду на этот дальнейший вопрос, мы должны быть разумно уверены в природе первоначального замысла Гомера, в его возможностях получения информации и в обоснованности его текста. К этим темам я сейчас и перейду; пока же, возможно, было сказано достаточно, чтобы объяснить цель этих страниц в том, что касается более плодотворного изучения произведений Гомера, рассмотрения их с положительной стороны во всех их аспектах и расчистки для них надлежащего места на наиболее подходящих этапах воспитания молодежи Англии.

РАЗДЕЛ 3.—Об исторических целях Гомера.

Для целей анатомии каждый скелет может быть полезен и в достаточной степени рассказать историю расы, к которой он принадлежит. Но когда мы начинаем искать высокую красоту и подходы к совершенству, каким бесконечным разнообразием, в каких бесчисленных степенях оказывается восприимчивая форма! Как трудно найти их, за исключением простых фрагментов; и как опасно при работе с объектами относиться к целому как к обычному образцу просто потому, что части прекрасны или даже превосходны. Когда, опять же, мы идем дальше и вместе с телом рассматриваем также и разум человека, диапазон различий становится еще шире, и еще более редким становится либо развитие частей в такой степени, чтобы приблизить их единое совершенство к идеальному стандарту, либо точное согласование их отношений друг с другом, либо полнота совокупности, которую они образуют.

Теперь мне кажется, что в случае Гомера, наряду с широтой и возвышенностью высочайшего гения, мы имеем перед собой, и в еще более замечательной степени, еще более редкую полноту и согласованность различных инструментов и органов, составляющих аппарат человеческого существа, устроенного таким, каков он есть, умом и телом, и держащегося, как он делает, по одну сторону Божества, а по другую - праха. Среди всех качеств стихотворений нет ничего более экстраординарного, чем общая точность и совершенство мельчайших деталей, если рассматривать их применительно к стандартам, к которым они время от времени стремятся. Там, где другие поэты рисуют, Гомер рисует; и там, где они рисуют, он вырезает. Он единственный из всех ныне известных эпических авторов подчиняется (особенно в "Илиаде") более строгим законам времени и места; он один, создавая непревзойденные произведения воображения, является также величайшим летописцем, который когда-либо жил, и представляет нам, от его собственной руки, изображение жизни, нравов, истории, морали, теологии и политики, настолько яркое и всеобъемлющее, что, возможно, трудно сказать, является ли какая-либо из более утонченных эпох Греции или Рима, с их тучами авторов и их многочисленными формами исторических записей, более совершенной, достоверно или более полно переданный нам. Он один представляет нам ум и организацию, работающие с такой точностью, что, оставляя на данный момент в стороне любой вопрос относительно подлинности его текста, мы можем в целом судить о его мельчайших указаниях с уверенностью, что они принадлежат к некоему последовательному и понятному целому.

Однако, возможно, было бы правильно более подробно рассмотреть вопрос об историческом авторитете Гомера. Вахсмут справедливо заметил^[12], что даже исчезновение его индивидуальности не избавляет от его авторитета. Ибо, если бы работы, считающиеся его произведениями, исходили от многих умов, и все же, в соответствии с их единством цвета и

соответствием по этическому и интеллектуальному тону событиям эпохи, которые они якобы описывают, возник бы аргумент, основанный на внутренних свидетельствах, в пользу отнесения всей группы к классу заслуживающих доверия исторических свидетелей.

Но, прежде всего, не можем ли мы спросить, откуда берется презумпция против Гомера как исторического авторитета? Не из-за того, что он смешивает чудеса с обычными событиями; ибо это, если не приводить никаких других примеров, уничтожило бы вместе с ним Геродота. Не вытекает ли это из того, что его произведения поэтичны, что история давно перестала принимать поэтическую форму, что таким образом старая ассоциация была распущена, что ее место заняла новая и враждебная ассоциация, которая связывает поэзию с художественной литературой, и что мы нелогично переносим эту современную ассоциацию на ранние времена, к которым она совершенно неприменима?

Если это так, то на тех, кто считает Гомера историческим авторитетом, нет бремени доказывания. Все предположения говорят в пользу их такого отношения к нему. Вопрос, конечно, останется — в каких пропорциях он смешал историю с художественными приукрашиваниями? И он снабдил нас некоторыми пособиями для рассмотрения этого вопроса.

Огромная масса материала, содержащаяся в "Илиаде", которая выходит за рамки того, что требуется для действия поэмы, и все же по своей природе является собственно исторической, сама по себе является сильнейшим доказательством исторических целей поэта. Следовал ли он, излагая все это, определенной и сознательной цели своего собственного разума, или же он только утолял аппетит своих слушателей тем, что, по его мнению, было им приятно, — это мало что значит для ответа на этот вопрос. Важный факт остается фактом: существовал либо замысел, который нужно было осуществить, либо, по крайней мере, аппетит, который нужно было утолить — сильное желание создать связи и отношения с прошлым — схватить его события и закрепить их в формах, которые могли бы стать достоянием настоящего и будущего. Без этого великого признака благородства в своей натуре греки никогда не смогли бы быть греками.

Я имею в виду, в частности, великое множество генеалогий; их необычайную согласованность друг с другом и с другими историческими указаниями стихотворений; их распространение на очень большое число, особенно в Каталоге, второстепенных лиц; Я снова беру сам Каталог, это самое замечательное произведение, в целом; точность, с которой имена различных рас приводятся на протяжении всех стихотворений; особенности требований, регулярно предъявляемых незнакомым людям к информации о них самих, и особенно постоянный запрос, кто были их родители, каково было для каждого человека, каким он представляется, его отношение к прошлому? и далее, многочисленные легенды или повествования о предшествующих событиях, которыми так густо пронизаны поэмы, и особенно более историческая "Илиада". Даже национальное использование отчеств в качестве почетных титулов само по себе является весьма значительным историческим событием. Более того, многое из того, что касается общей структуры поэмы, может быть частично прослежено до этого источника; ибо все промежуточные книги между "Гневом" и "Возвращением Ахилла", хотя они и созданы так, чтобы усилить военное величие героя, во многом являются данью особым и местным желаниям каждого штата или округа увековечить память своих конкретных вождей,

которым Гомеру, конечно, пришлось бы соответствовать, поскольку он путешествовал по различным частям Греции.

Итак, эта тяга к увековечиванию не фиксируется на воображаемом; она может терпеть вымысел в качестве аксессуара и приукрашивания, но в основном, по своей природе, она должна полагаться на то, что считается твердой пищей. Деяния великих людей во все времена, но особенно в древности, дают ей подходящий материал; и нет ничего иррационального в том, чтобы верить, что раса, которая в своем младенчестве произвела на свет такого замечательного поэта, как Гомер, должна была также в своем младенчестве произвести на свет великих воинов и государственных деятелей. Составляя, с такими державами, как его, о своей стране, и для своих соотечественников, он едва мог выйти из строя, даже незадently сознательной целью, чтобы донести до нас многие масса такого значения, как в действительности самого высокого исторической правды и значение. Если, действительно, мы продвинемся настолько далеко, что придем к убеждению, что его слушатели верили, что он излагает исторические факты, то главный вопрос может быть быстро решен. Ибо каждое поколение людей, обладающих ментальной культурой, необходимой для того, чтобы ценить Гомера, слишком много знает о поколениях, непосредственно предшествующих, чтобы допустить полное навязывание. Но из "Одиссеи" справедливо следует, что Троянская война была воспета таким образом мужчинам и детям тех людей, которые ее вели. В этом стихотворении упоминаются четыре стихотворения бардов[13]; одно из Фемия, три из Демодока; и из четырех три относятся к Войне, что, по-видимому, ясно показывает, что ее известность, должно быть, была мгновенной и всепоглощающей; тем более, что единственное оставшееся имеет отношение не к какой-либо человеческой сделке, а к сцене на Олимпе. И я вскоре вернусь к вопросу, были ли сами гомеровские поэмы, по всей вероятности, сочинены не позднее, чем в течение двух поколений после самой войны.

Возможно, это правда, что в отношении некоторых частей своих исторических заметок поэт, приспособляясь к пожеланиям и вкусам своих слушателей, мог позволить себе вольности, не опасаясь разоблачения, прежде всего там, где он добавлял аксессуары, чтобы завершить картину; но я думаю, мы были бы неправы, предполагая, что в интересах своего искусства у него была бы возможность сделать это общей практикой или перенести это на исторические сюжеты, выходящие за рамки деталей. Я также не могу полностью игнорировать аналогию между его историей и его столь же обильными и повсюду перемешанными географическими заметками: такими из них, я имею в виду, которые лежали в сфере греческого опыта. Действительно, он не мог на глазах у людей, которые его слушали, облечь их в форму вымысла; и все же никто не мог требовать от общества его непревзойденной и мельчайшей точности, и это можно объяснить только верой в то, что точная запись была великой целью его стихов. Если он был таким образом осторожен, записывая оба класса подробностей одинаково, и если в отношении одного мы абсолютно уверены, что он записал их с образцовой точностью, этот факт порождает соответствующее предположение, имеющее некоторый вес в отношении другого.

Но есть, я думаю, и другой аргумент на тот же счет, имеющий наивысшую степень убедительности, которую допускает природа дела. Это можно найти в том факте, что Гомер не постеснялся принести в жертву этим историческим целям некоторую поэтическую красоту и уместность. Ибо, если бы какого-нибудь здравомыслящего критика попросили указать на главный поэтический изъян "Илиады", разве он не ответил бы указанием на множество историй из прошлого, не имеющих никакой связи или, в лучшем случае, очень слабой, с Войной,

которые в ней встречаются? Такие краткие и второстепенные легенды, встречающиеся по ходу составления Каталога, могут иметь поэтическую цель; не кажется невероятным, что они могут быть введены для облегчения сухости топографических и местных описаний. Но в целом повествования о предшествующих событиях (так сказать) несколько навязаны, и поэтому мы должны предположить, что у них есть цель, превосходящая ту, которую имел бы в виду Гомер как простой поэт. Трудно представить, что он предавался бы им, если бы не был в состоянии с их помощью достичь этой особой цели. Таким образом, опять же, любопытная и важная генеалогия Дома Дарданов[14] дана Энеем в ответ Ахиллу, который только что показал своей насмешкой, что он, по крайней мере, не хотел эту информацию, но очень хорошо знал[15] претензии своего антагониста. Опять же, долгая история, рассказанная Агамемноном на собрании, созванном для Примирения, когда все было готово к отправке, может быть лучше всего объяснена желанием рассказать об обстоятельствах, сопровождавших рождение великого национального героя Геракла. Это, конечно, мешает действию стихотворения, которое, по—видимому, признается в упреке, содержащемся в ответе Ахилла: -

νῦν δὲ μνησώμεθα χάρις
αἶψα μάλ'· οὐ γὰρ χρὴ κλοτοπεύειν ἐνθάδ' ἔοντας
οὐδὲ διατρίβειν· ἔτι γὰρ μέγα ἔργον ἄρεκτον.[16]

В еще большей степени это относится к Патроклу, которого человек самого пламенного нетерпения в спешке послал за новостями, а Нестор в одиннадцатой книге держит (выражаясь современным языком) за пуговицу, и, хотя у него "нет времени присесть", он все же вынужден выслушивать речь из ста пятидесяти двух строк, девяносто три из которых, содержащие отчет об эпейском сражении с Пилосом, абсолютно и полностью неуместны. Можно сказать, что эти излияния, естественно, относятся к болтливой эпохе Нестора и к ложному стыду и недостатку простодушия у Агамемнона. Отчасти мы также можем сравнить их с современной модой жителей Востока вводить притчи в повседневный дискурс. Но многие из них не имеют никакой параболической силы: и от всех них страдает поэтическая красота. С другой стороны, представленный исторический материал в высшей степени любопытен для греческих народов: почему же тогда мы должны предъявлять Гомеру обвинение в небрежении, глупости или сонливости,[17] когда важная цель этих вставок, по-видимому, лежит на самом их основании?

Следует заметить, что если это рассуждение относительно сопутствующих легенд является обоснованным, оно придает поэме исторический характер как раз в тех местах, где общие аргументы в ее пользу были бы наиболее слабыми; поскольку эти легенды обычно относятся ко временам на одно или два поколения раньше, чем "Тройка", и на такой большой дополнительный интервал удалены от знаний и опыта его слушателей.

Но, помимо эпизодов, которые, по-видимому, обязаны своим местом в поэме исторической цели, в ней присутствует множество второстепенных оттенков, которые пронизывают ее и которые, поскольку Гомер не мог извлечь никакой пользы из их симуляции, мы вынуждены считать реальными. Они являются частью изящного завершения реальной истории, но в них нет того эффектного характера, который был придуман для пущего эффекта. Почему, например, Гомер должен говорить о Клитемнестре, что до того, как ее развратил Эгист, она была хорошей?[18] Почему ему стоило притворяться, что железный мяч, предложенный Ахиллесом в

качестве приза, был тем, который раньше подавал Ээтион?[19] Зачем ему тратить восемь строк на описание сухого ствола, по которому должны были проехать колесницы?[20] Почему он должен говорить нам, что Тидей был маленького роста?[21] Почему Менелай ездит на кобыле?[22] Почему сестра Пенелопы Ифтимия, "которая была замужем за Эвмелом", нужна только для того, чтобы стать *персонажем* Минервы во сне?[23] Эти вопросы, согласится каждый, могут множиться бесконечно.

Но, в конце концов, не может быть пункта более важного для решения этого вопроса, чем общий тон самого Гомера. Является ли он, с этической и интеллектуальной точки зрения, ребенком той героической эпохи, которую он описывает? Демонстрирует ли он ее форму и напор? Поет ли он в ее ключе? Существует ли набор идей писателя, которые явно не совпадают с идеями его героев, или его героев, которые не совпадают с идеями писателя, или же он поет, в основном, так, как могли бы петь сами Фемиус и Демодок? Вахсмут хорошо говорит, что Гомера следует рассматривать все еще в пределах более широких границ героической эпохи. Возможно, есть признаки, особенно в "Одиссее", первой стадии перехода от нее; но поэт повсюду отождествляется с ней в сердце, душе, речи и понимании. Я бы осмелился утверждать таким образом, что Гомер никогда бы не отважился обойтись без простого описания и избрать действие своим единственным ресурсом - инсценировать свою поэму так, как он ее инсценировал, — если бы он не был силен в сознании этой идентичности. Будет неверным сказать, что более поздние писатели, а именно трагики, еще больше драматизировали сюжет и представляли своих персонажей на сцене даже без тех слабых вспомогательных средств от вставного повествования к их пониманию, которые Гомер, во всяком случае, кое-где позволял себе использовать. Ибо следствием в их случае было то, что они совершенно не в состоянии представить подобие картины героической эпохи, да и вообще какой бы то ни было эпохи вообще. Они создают отдаленные события или басни, облаченные в одежду чувств, языка и манер, соответствующих их собственному времени, насколько это вообще возможно. Кроме того, как драматурги, они обладали огромными вспомогательными средствами и преимуществами другого рода; не говоря уже об их великом вспомогательном повествовании - Хоре. Но Гомер мало пользовался вспомогательными средствами и, несмотря на это, нарисовал саму жизнь. И все же, стремясь рисовать с натуры, он поручает своим персонажам рисовать самих себя и друг друга. Конечно, он никогда не смог бы ограничиться этим косвенным процессом, если бы его не ободрило сознание своего собственного сущностного единства со всеми ними. Он поступил бы так, как поступило большинство других эпических поэтов, персонажей которых, как нам кажется, мы знаем не от них самих, а из того, что поэт в роли разведчика был достаточно любезен, чтобы рассказать нам; в то время как Ахилла мы узнаем через Ахилла, Улисса - через Улисса, и так со всеми остальными. Рядом с их собственным светом находится свет, который они отражают друг от друга; но мы никогда не видим поэта, так сказать, держащего свечу. Тем не менее, настаивая на всем этом, я чувствую, что многое еще остается невысказанным. Вопрос о том, говорит ли Гомер и рисует ли он в основном в духе своей эпохи, или же он извлекает издали как свои факты, так и манеру, столь удивительно гармонирующую с ними, должен после всех наших дискуссий быть решен в конечном итоге не аргументами, которые могут играть лишь вспомогательную роль, но сначала самым тщательным поиском и просеиванием текста; затем применением того внутреннего чувства, к которому критики разрушительных школ с их *ναποδῆκται φάσει* так часто апеллируют. .

Но принятие усилием мысли манер и тона отдаленной эпохи в сочетании с последовательной поддержкой этого персонажа на протяжении продолжительных произведений встречается

очень редко. Насколько мне известно, в греческой литературе нет ничего, что хоть сколько-нибудь приближалось бы к ней; и это, я думаю, само по себе может служить почти убедительным аргументом против приписывания ее Гомеру. Более поздние трагики, в сочинениях которых мы должны искать это, по-видимому, даже не задумывались об этом; и труднее всего предположить, что поэт такой национальной национальности, как Гомер, в этом кардинальном отношении полностью отличался от всех остальных представителей своей расы. Действительно, это предположение радикально расходится с представлением о его поэтическом характере, сама основа которого лежит в детской бессознательности и в единстве искусства с природой[24].

Не можем ли мы, однако, пойти гораздо дальше и смело заявить, что способность использовать в литературных произведениях архаичный костюм, голос и манеры вовсе не принадлежит ни эпохе, подобной эпохе Гомера, ни какой-либо эпохе, литературные условия которой хоть сколько-нибудь напоминают ее?

Во-первых, изобретатель, работающий подобно Гомеру на широкую публику, должен, полностью отойдя от модусов мышления, выражения мнений и действий, распространенных в его дни, *pro tanto* утратить свою власть над теми, от чьего одобрения он зависит. Из этого, по-видимому, следует, что это не будет предпринято всерьез, за исключением эпохи, которая перестала обеспечивать себя щедрыми запасами материалов для романтики. Разве опыт не подтверждает это предположение? Греческие трагики, бесспорно, не считали необходимым стремиться и не стремились воспроизвести весь современный аппарат, который был, строго говоря, уместен и обусловлен их характерами. Вергилий не предпринимал подобной попытки в "Энеиде", которая, несмотря на манеры, изобилует анахронизмами в деталях. Итальянские поэты-романтики идеализируют свой предмет, однако, не возрождением античных нравов с их надлежащим аппаратом происшествий, а с помощью обильного сверхъестественного механизма. Даже в "Короле Иоанне" Шекспира, "Генрихе IV" или "Генрихе VIII" можно обнаружить мало отличий от елизаветинской эпохи или (в данном случае) друг от друга[25]. Опять же, в "Макбете" или "Лире" сделано достаточно, чтобы мы не стали окончательно смешивать их возраст с обычной жизнью слушателей; но нет ничего, что приближалось бы к полному характеристическому представлению соответствующих времен, к которым предположительно принадлежат персонажи. Итак, опять же, в "Кориолане", "Юлии Цезаре" или "Антонии и Клеопатре" на фигуры свободно наброшено что-то вроде римской *тоги*; но мы не чувствуем себя среди римской жизни, когда читаем их. И, по правде говоря, то, что вообще делается в этих случаях, делается не столько путем воспроизведения, сколько путем обобщения, в том же смысле, в каком художник обобщает свои драпировки. Прекрасный пример подлинного процесса воспроизведения можно найти у сэра Вальтера Скотта. Однако он, помимо того, что был человеком могущественного гения, отлитого не по образцу своего времени, а по образцу, по существу принадлежащему прошлому, был мастером антикварных знаний. И это заставляет меня назвать то, что кажется вторым условием серьезных и успешных попыток (мне нет необходимости говорить здесь о бурлесках, в которых все штрихи должны быть широкими) вскрыть и возродить ушедшие эпохи во всем круге и схеме их жизни. Первый, как уже было сказано, состоит в том, чтобы жить в эпоху, которая сама по себе социально стара, чтобы не изобиловать подходящими материалами для высоких изобретений. Второе - жить в эпоху, обладающую таким изобилием документов и записей о прошлом, что делает практически возможным исследовать ее во всех аспектах с помощью исторических *данных*. Этого условия Вирджилю не хватало, даже если предположить, что у него были необходимые

вкусы и квалификация. Скотт не испытывал недостатка в этом, особенно в отношении периода Стюартов, которые, помимо огромного изобилия устных и письменных традиций, имели в своем распоряжении законы, обычаи, архитектуру, оружие, монеты, утварь, все мыслимые формы реликвий и свидетельств, так что он мог сам сначала жить в эпоху своих произведений, а затем, когда акклиматизировался, изобретать в соответствии с этим.

При всем этом не забывается, что определенная доля архаизма необходима во всех работах, претендующих на то, чтобы изобразить предмет из давно минувшей эпохи. Но этот *минимум* должен быть лишь небольшим и общим, как в "Энеиде"; и он заключается скорее в исключении современных аксессуаров, чем в возрождении первоначального тона. И опять же, сам выбор темы, будь то серьезная и суровая или легкая и веселая, в какой-то степени повлияет на манеры поведения: первые будут спонтанно тяготеть к прошлому, вторые, в зависимости от страсти к новизне, будут более склонны облекаться в формы настоящего. Таким образом, в "Генрихе Пятом" мы имеем более античный оттенок, чем в "Веселых женах Виндзора". Но архаическая окраска в таких пределах, как эти, в значительной степени отличается от такого систематического изображения античности, которое, должно быть, практиковал Гомер, если он вообще практиковал это.

Как в романах и поэзии, так и в развитии драмы этот метод, по-видимому, является делом позднего возраста. Сила драматического воображения всегда проявляется, когда сама драма молода. Затем он уверенно полагается на свои основные элементы для создания необходимой иллюзии; он мало знает и еще меньше заботится о том, чтобы поддерживать ее с помощью тщательного внимания к второстепенным символам и происшествиям. Но когда он доживает до старости цивилизованного общества, когда критический дар становится сильным, а воображение слабым, тогда он укрепляет себя мельчайшей точностью декораций и костюмов — фактически, точным воспроизведением. Это действительно новый дар нашего времени, и благодаря ему мы теперь понимаем и практикуем театральное возрождение среди нас способом, которому прежние поколения не могли подражать, но и не нуждались в нем.

В связи с этим обсуждением мы также не должны забывать о важности подробностей, точности и множества деталей у Гомера. Каждое из них, следует помнить, если мы предположим, что он рисует не с натуры, дает дополнительный шанс для обнаружения из-за несоответствия между жизнью, обычно присутствующей в опыте поэта, и той, которую он представляет усилием. Но голос гомеровских поэм в этом отношении, в конце концов, унисонен, как у греков, а не многообразен, как у троянской армии[26]. Следовательно, мы вынуждены предположить, что Гомер практиковал это искусство воспроизведения в неслыханных с тех пор масштабах и с успехом, и это в период, когда, согласно всей вероятности и всему другому опыту, практиковать его вообще было возможно лишь в очень ограниченном смысле. Экстравагантность этих предположений убедительно свидетельствует против них и еще раз возвращает нас к убеждению, что объекты, которые он рисовал, были, в основном, теми, которые его собственная эпоха ставила ниже его зрения.

Я полагаю, что этот взгляд на исторический характер Гомера в значительной степени согласуется с тем, которого придерживались греки в целом. Если я ссылаюсь на Страбона в его замечательных "Пролегоменах"[27], то это потому, что у него была возможность особо рассмотреть этот вопрос. Эратосфен относился к великому прародителю поэтов как к баснописцу. Страбон опровергает его. Эратосфен был сам заметил, что точность

географических подробностей: Фисбы с ее голубями; Haliartus и луга; Anthedon, граница; Lilæa источники Cephissus; и Страбон реторт на него форс—πότερον οὖν ταῦτα ἢ ὁ ποιεῖν ψυχᾶ γωγῶντι ἔοικεν διδάσκοντι; его общий вывод заключается в том, что Гомер использовал фантастику, а его Смит в "Одиссее" используется золото для покрытия серебро:—

ὥς δ' ὅτε τις χρυσὸν περιχεύεται ἀργύρων ἄνῃρ,

вот так Гомер примыкал мифические орнаменты к реальным событиям. Но история стала основой:—ἐλάβεν οὖν παρὰ τὰς τῆς ἱστορίας ἀρχάς[28]. И, принимая веру в то, что Гомера следует воспринимать как наиболее заслуживающего доверия свидетеля фактов, я далек от того, чтобы утверждать, что не существует исключительных случаев, когда его можно было бы обоснованно заподозрить в проявлении меньшей, чем обычно, верности. Доктрину следует принимать со всей широтой: вопрос не в том, абсолютно ли она безопасна, а в том, является ли она наименее небезопасной. Возможно, наиболее разумно относиться к его заявлениям и представлениям с особой ревностью, когда они кажутся систематически придуманными для того, чтобы подчеркнуть отличительные достоинства его нации. Так, например, как в отношении причин и происшествий войны, так и в отношении относительных качеств и заслуг греков и троянцев нам не мешало бы воздержаться от слишком поспешных суждений и дать некоторый простор предположению, что исторические обязанности барда могут здесь естественным образом оказаться подчиненными его патриотической цели прославления предков своих слушателей, той бессмертной группы, которая благодаря ему стала для Греции источником как национального единства, так и национальной славы.

Действительно, хотя я горячо отстаиваю историческую цель и характер Гомера, я понимаю термины в гораздо более высоком смысле, чем простая точность основного повествования. Мы можем, как я склонен думать, даже если не поверим в существование Елены, Агамемнона или Трои, все же придерживаться, во всем, что является наиболее существенным, исторического характера Гомера. Что касается меня, то я прошу позволить мне поверить в это и во многое помимо этого; однако я также утверждаю, что главный вопрос заключается не в том, правильно ли он зафиксировал определенную серию операций, а в том, действительно ли он верно изобразил манеры и характеры, чувства и вкусы, расы и страны, принципы и институты. В этом суть истории; они составляют ее душу, а факты - ее тело. Мне не кажется разумным предполагать, что Гомер идеализировал свое повествование с какой-либо вольностью, которая была позволена роману эпохи Карловингов; однако даже этот роман не преминул сохранить во многих наиболее существенных деталях истинный исторический характер; и он передает нам, частично фактами, а частично обширной притчей, внутреннюю жизнь периода, изобилующего силами, которым суждено было мощно воздействовать на наши собственные характеры и состояние. Поэтому даже те, кто считает эти случаи параллельными, должны помнить, что они тоже должны читать Гомера иначе, чем как поэта в вульгарном и более распространенном смысле, который лишает поэзию ее связи с реальностью. Чем больше они будут читать его в этом духе, тем выше, я верю, они будут оценивать его все еще неизвестные и неоцененные сокровища.

РАЗДЕЛ 4.—Вероятная дата Гомера.

Используя такое выражение, как дата Гомера, я имею в виду не какое-либо определенное количество лет до Олимпиад, а просто его отношение в историческом порядке к героической эпохе; к событиям и, прежде всего, к типу жизни той эпохи.

Когда твердят как правило, исторические задачи и полномочия поэта, я не берусь произносить confidently на сложный вопрос срока, на который он жил. Я предпочитаю остановиться на предположении, что он является оригинальным свидетелем манер, характеров и идей, подобных тем, что содержатся в его стихах. Для подтверждения этого утверждения нет необходимости определять данное количество лет как максимум, который мог пройти между Троянской войной и созданием "Илиады" или "Одиссеи". Но внутренние свидетельства, как мне кажется, очень убедительно подтверждают веру в то, что он жил до дорийского завоевания Пелопоннеса. То, что он не был очевидцем войны, мы абсолютно точно знаем из Ссылки перед Каталогом[29]. Также появляется[30], что он, должно быть, видел внуков Энея, царствующих на земле Приама. Нет ничего экстравагантного в предположении, что это могло произойти через сорок или пятьдесят лет после осады, а может быть, и меньше.

Единственная идея или форма выражения в стихотворениях, которые на первый взгляд наводят на мысль об очень длинном интервале, - это то, что цитируется Веллеем Патеркулом[31], οἱ οἱ νῦν βροτοὶ εἰ σὶ[32]. Но возникает вопрос, является ли это историческим ориентиром или поэтическим украшением? В первом смысле, как подразумевающим великое физическое вырождение человечества, это потребовало бы от нас предположить не что иное, как промежуток в столетия между "Тройкой" и эпохой поэта. Эта гипотеза, хотя Хейн говорит о восьмом или девятом поколении[33], общим мнением отвергнута. Если от нее отказаться и если мы примем взгляд на эту формулу как на украшение, она потеряет всякое определенное хронологическое значение. Таким образом, оно теряется во фразе, распространенной в наше время по отношению к интеллектуальным качествам людей, которых уже нет в живых, но все же не удаленной от нас, возможно, более чем на четверть-полвека— 'в те дни были гиганты'. Более того, наблюдение Патеркула, особенно учитывая, что он был восторженным поклонником, само по себе свидетельствует о том, насколько мало внимания уделялось этим вопросам. Ибо сама "Илиада" дает исчерпывающий ответ в речи Нестора, который проводит тот же самый контраст между героями "Троицы" и героями его прежних дней:

κεῖνοι δ' ἄν οὔτις
τῶν οἱ νῦν βροτοὶ εἰ σὶν ἐπὶ χθονίῳ μαχέοιτο[34].

И любопытно, что в этих словах мы имеем оценку реальной силы фразы, предоставленную самим Гомером, которая, по-видимому, определяет ее возраст менее чем в полвека и, таким образом, приводит ее в соответствие с указанием, содержащимся в отрывке, относящемся к потомкам Эния. Аргумент Митфорда[35] об эпохе Гомера представляется мне очень ценным: и, хотя он отклонен, Хейн на него не ответил[36]. Нелегко также найти ответ тем, кто настаивает на том, что, согласно свидетельству поэта, от Пиритоуса до осады прошло столько же лет, сколько от осады до его собственных дней[37]. Но Пирифей был отцом Полипета, который возглавлял фессалийское подразделение на войне.[38]

Если этот взгляд на значение Гомера в данном конкретном случае верен, мы сможем лучше понять, почему поэт, который использует эту форму усиления четыре раза в "Илиаде", не

использует ее в "Одиссее", хотя это более поздняя поэма и хотя у него было достаточно возможностей, таких как спортивные подвиги Улисса в Феакии и особенно умение обращаться с луком на Итаке. Ибо в "Илиаде" преобладает более античный колорит, поскольку этого требует более возвышенный характер действия.

Есть один-единственный отрывок, который можно истолковать как намек на великое дорийское завоевание: это отрывок из Четвертой книги "Илиады", где Юнона говорит Юпитеру, что она хорошо знает, что он может разрушить вопреки ее желанию три ее самых дорогих города, Аргос, Спарту и Микены[39]. Вероятно, что этот отрывок относится к увольнению, подобному тому, которое практиковал Геркулес[40], и такое, которое трогательно описано Фениксом[41]. Но, во-первых, мы не знаем, были ли эти города в каком-либо смысле разрушены в результате дорийского завоевания в большей степени, чем в результате предыдущих династических и территориальных изменений. Если, с другой стороны, можно утверждать, что нам не нужно толковать этот отрывок как подразумевающий нечто большее, чем революцию, независимую от материального разрушения, тогда нам вообще не нужно вводить идею дорийского завоевания, чтобы поддержать уместность этого отрывка, поскольку Гомер уже знал по традиции, как эти города и территория, к которой они принадлежали, перешли из рук Данаид к Персеидам и от Персеид к Пелопидам.

Но указания, даже гораздо менее двусмысленные, взятые из отдельного отрывка, были бы во много раз перевешены в случае, подобном случаю с Гомером, любым выводом, справедливо сделанным на основе черт, положительных или отрицательных, которые укоренены в общем тексте поэм. Такой вывод напрашивается из допущенного и полного отсутствия у Гомера каких-либо намеков на общие события великого дорийского завоевания и на последующую реконструкцию древней, или европейской, Греции, или на переселения на восток, или на само существование новой Азиатской Греции, которую оно, как предполагается, вызвало к жизни. Что касается самого завоевания, то он мог бы путем постоянных усилий и обдуманного намерения хранить молчание; но возможно ли, что он мог бы избежать того, чтобы тысячи раз не выдать ссылкой на результаты своих знаний о переменах, которые заново затронули всю поверхность общества в Греции? Было бы более рационально, если бы мы были вынуждены к этому (что не так), даже предположить, что рассматриваемый отрывок был подделан, чем воображать, что поэт мог пропустить двадцать восемь тысяч строк, чтобы сделать какую-либо другую ссылку на события, которые, согласно этому предположению, должны были занимать для него столь значительную часть всего горизонта жизни и опыта.

Опять же, упоминания о трубе и верховой лошади, встречающиеся в иллюстративных отрывках, но не используемые в "войне", слишком слабы и сомнительны, чтобы поддерживать теорию о том, что Гомер видел вокруг себя систему ведения войны, отличную от той, которую он описал; и требуют от нас принятия каких-либо предположений для их объяснения, кроме вполне естественного предположения, что поэт-герой, существенно не меняя манер, все же, в определенных пределах, незаметно переносит себя и свой сюжет с переднего плана повседневной жизни на мягкую дистанцию; и, следовательно, что Гомер видел вокруг себя систему ведения войны, отличную от той, которую он описал. возможно, он намеренно исключил из своего стихотворения определенные предметы или практики, которые, несмотря на то, что он знал, что они более или менее использовались. И снова, что мы можем сказать о мельчайших знаниях собственно Греции и Пелопоннеса, которые продемонстрировал Гомер? Почему он (по-видимому) знает их намного лучше, чем Малую Азию? Как среди грубых

дорийцев, только что вышедших из сравнительного варварства, он вообще мог этому научиться? Как странно, что Ликург приобрел славу первого автора поэм на Пелопоннесе, если только между ними не произошла великая революция и замена одной господствующей расы другой, которая стерла или сильно ослабила память о них в той самой стране, которую они покрыли блеском славы больше всех других.

Из очень небольшого числа отрывков в стихотворениях, содержащих отсылки к событиям более поздним, чем действие, есть два, оба относящиеся к одной и той же теме, которые на первый взгляд кажутся труднообъяснимыми. Почему Нептун навязывает Олимпийскому Двору свою незначительную и довольно абсурдную ревность, опасаясь, что оборонительные сооружения, поспешно возведенные ахейской армией, затмят стену, возведенную вокруг Трои Аполлоном и им самим? Очевидно, для того, чтобы получить от Юпитера внушение, что впоследствии он сам должен стереть все следы этого. Но почему Гомер проявляет такое беспокойство, чтобы объяснить его неявку? Почему впоследствии он возвращается к этой теме и самым тщательным образом рассказывает о том, как Юпитер, пролив дождь, и Аполлон, перекрыв устья восьми рек, и Нептун своим трезубцем - все они объединились, чтобы разрушить работу и снова сделать берег гладким и ровным? Если бы Гомер жил через много поколений после Троянской войны, эти отрывки были бы совершенно лишены смысла, поскольку тогда ему не нужно было бы приводить доводы, чтобы показать, почему века не оставили видимых следов дневного труда. Но если бы он жил недалеко от периода войны, то дело обстоит бы совсем по-другому. Тогда ему могли бы бросить вызов его морские слушатели, которые, если бы они часто посещали проход в Мраморное море, имели бы четкое представление о лагере Агамемнона, и которые, естественно, потребовали бы от него назвать причину исчезновения даже такой работы, которую мог произвести дневной армейский труд, и поскольку троянские солдаты могли бы сделать возможным проезд своих колесниц[42].

Эти конкретные указания, по-видимому, заслуживают рассмотрения: но главными причинами для того, чтобы датировать Гомера очень близко к дате Войны, являются его очевидная идентичность с эпохой, меняющейся, но еще не исчезнувшей эпохой, о которой он поет, и большой разрыв в тоне и чувствах между ним самим и самым близким из всего, что следует за ним.

РАЗДЕЛ 5.—Вероятная достоверность текста Гомера.

Давайте теперь перейдем к рассмотрению вопроса: какое предположение в целом безопаснее всего сделать или какому правилу мы можем наиболее разумно следовать в качестве нашего руководства в изучении Гомера применительно к тексту Поэм?

Должны ли мы принять заданную форму полностью реконструированного текста, как у мистера Пейна Найта?

Должны ли мы, без такой приверженности определенному шаблону, считать бесспорным или, по крайней мере, наиболее вероятным, что обширного искажения текста вряд ли можно было избежать[43]; и должны ли мы, следовательно, временно использовать полученный текст и подвергать его удалению или исправлению в соответствии с какой-либо конкретной теорией относительно Гомера, его эпохи, ее нравов и институтов, которую мы сами можем использовать? сочли нужным следовать или конструировать?

Должны ли мы признать авторитетными выдержки Аристарха или александрийских критиков, а также *возражения*, которые он поместил против стихов, вызывавших у него подозрения?

Или же мы должны исходить, как общее правило, из убеждения, что принятый текст Гомера в целом надежен, по крайней мере, настолько, что он гораздо предпочтительнее любой реконструированной или измененной формы, в какой бы то ни было, в которой он до сих пор создавался или предлагался для нашего принятия?

Мое решительное предпочтение отдается четвертому и последнему из этих вариантов: с замечанием, однако, мимоходом, что третий существенно не отличается от него в отношении большей части Стихотворений, насколько мы знаем, каким на самом деле был александрийский текст.

Я предпочитаю этот путь как безусловно самый безопасный: как единственный, к которому можно приступить с таким количеством предварительных согласий, чтобы обеспечить свободное и непредвзятое рассмотрение вопросов Гомера на общих основаниях; и как, следовательно, единственный, с помощью которого можно надеяться достичь твердых и материальных результатов в качестве награды за исследование. Чтобы справедливо поднять этот вопрос, два следующих положения могут быть сформулированы как соответствующие канонам изучения Гомера:

1. Что мы должны принять сам текст за основу всех исследований Гомера, а не какую-либо предвзятую теорию или произвольный критический критерий, применимый к определенным периодам, школам или личностям.
2. При построении любой работы на основе доказательств, почерпнутых из текста, мы должны избегать соблазна разрешить стоящие на нашем пути трудности, осуждая отдельные его части как искаженные или вставленные: никогда не должны отбрасывать их в сторону, кроме как после тщательного изучения конкретного оспариваемого отрывка; должны экономно использовать свободу даже выдвигать против него предположения; и всегда должны давать читателю понять, когда и почему это ставится под сомнение.

Теперь давайте рассмотрим эти правила и метод, который предлагается с их помощью применять,

- а. В связи с неэффективностью других методов.
- б. Со ссылкой на предшествующие вероятности за или против общей обоснованности текста.
- с. Со ссылкой на внутренние доказательства обоснованности или несостоятельности, предоставляемые самим текстом.

Первое из двух правил все больше и больше вводилось в действие верующими в Гомера как Поэта "Илиады" и "Одиссеи" в целях самозащиты от скептических теорий; и Мюре провозгласил его и действовал в соответствии с ним с такой широтой и полнотой, что тем, кто его принимает, остается просто следовать по его стопам.

Опять же, что касается второго, то теперь можно надеяться, что в силу обстоятельств он постепенно входит в моду, хотя, возможно, пока в меньшей степени из-за отчетливой убежденности в его разумности, чем из-за полной несостоятельности всех других методов.

Сначала опрометчиво строить теории (сознательно или бессознательно), а затем грубо вычеркивать из гомеровского текста все, что противоречит нашим грубым концепциям, - это, в конце концов, по существу поверхностный и вульгарный метод действий: и если это было простительно до того, как свидетельства, касающиеся Поэта и текста, были так убедительно подтверждены, как это было недавно, при более тщательном изучении, то сейчас это вряд ли можно простить. Текст Гомера не может быть безупречным; но, во-первых, очевидно, насколько это возможно по общему согласию, что поэмы в их нынешнем виде представляют собой гораздо лучшую и более надежную основу, чем любая другая их форма, которая была предложена, будь то сокращенная в своих основных элементах, как это было сделано деструктивной школой, или только дополненная свободным обращением к деталям. Все процессы переделки, которые до сих пор были опробованы, породили десять солецизмов или другой солецизм десятикратного масштаба на каждый, от которого они отказались. Фактически, целью схем, таких как у Лахманна[44], было не достижение чего-либо похожего на реальный прогресс в непрерывной работе, а просто запуск множества различных спекуляций, изолированных, противоречивых, каждая из которых опирается на искреннее одобрение ее автора и каждая не вызывает у остального мира никаких других знаков, кроме пожатия плечами или улыбки, что, по-видимому, является надлежащей наградой за труд. извращенная изобретательность.

Было бы самонадеянно и несправедливо относиться к замечательному выступлению мистера Пейна Найта как к одному из того, что можно назвать — если позаимствовать фразу из коммерческого мира — гомерическими схемами надувания пузырей. Гейне с нетерпением ожидал этого. Его приветствовали спокойное суждение и утонченный вкус лорда Абердина. Однако этого было недостаточно.

ἀμέραι δ' ἐπίλοιποι
μάρτυρες σοφώτατοι[45].

Испытание временем не уничтожило ценности "Пролегомен" мистера Пейна Найта, но оно было решительно неблагоприятным для его текста как практической попытки реконструкции. Держа старый текст в правой руке, а мистера Найта - в левой, кто бы сомневался, в чем искать ближайшее сходство с Гомером? Или кто когда-нибудь снова рискнет опубликовать сокращенную или переработанную "Илиаду"?

Однако, помимо неудовлетворительных результатов попыток реконструкции, есть ли у нас основания полагать, что текст Гомера в целом был серьезно искажен в результате интерполяции или искажения? Нельзя отрицать трудностей, связанных с его передачей со времен поэта. Но я думаю, что мы едва ли достаточно рассмотрели количество средств, которые были доступны и которые фактически были использованы для того, чтобы нейтрализовать эти трудности и выполнить поставленную задачу. Хотя письменность с некоторым описанием, по-видимому, существовала в эпоху Поэм, вероятно, можно доказать и, во всяком случае, полностью признать, что Гомер не писал, а только декламировал. Это первый шаг, теперь перейдем ко второму. Я пропускаю мимо ушей спор с теми, кто отрицает, что стихотворения такой длины вообще могли передаваться устно, поскольку одно из них уже удалено по общему приговору мира. Точно так же я оставляю позади, в том месте, где Мюр поместил их, все рассуждения *составителей*, которые говорят, что первоначально существовало несколько илиадических и одиссейских песен, впоследствии составленных в поэмы, такие, какими мы их имеем сейчас;

усилителей, которые рассматривают их как расширенные соответственно постепенными вставками и дополнениями из оригинала небольших размеров; *разделителей*, у которых будет только два Гомера и не более, один для Илиады и один для Одиссеи. Для данной цели я предполагаю противоположное всем этим трем утверждениям и просто приглашаю тех, кто им не верит, но кто также считает, что текст в целом небезопасен и не заслуживает доверия в своих деталях, к некоторому рассмотрению этого предмета.

Пытаясь ретроспективно взвесить вероятную судьбу гомеровского текста, я полагаю, что мы можем установить в качестве отправной точки суждение, высказанное Гейне[46], что рукописи Гомера удовлетворительны: что у нас есть все или почти все, чем обладали александрийские критики; и что благодаря развитию критического искусства мы теперь, вероятно, имеем в целом лучшее и более правдивое описание Гомера. Гомера, чем у Аристарха, который лежит в основе современного текста. Несовершенное состояние нотации, когда впервые начали использовать письменность, и изменения в произношении, как мы также можем предположить с помощью Неупе[47], не нанесли копий большего, чем незначительный или вторичный ущерб.

Первый серьезный вопрос заключается в следующем: насколько Гомер был изуродован, во-первых, рапсодами, или декламаторами, до того, как он был записан, и, во-вторых, теми, кто, чтобы свести "Слова Илиады" в единое целое, должен был, как предполагается, многое добавить и изменить, даже если у них не было собственных прихотей, а только стремились сделать то, что было необходимо *nexus et juncturae causâ*. Конечно, следует признать, что эти записи, хотя и были в идеале едиными, поскольку исходили от их создателя, во многих случаях фактически были разделены. И Гейне цитирует Схолиаста Пиндара[48], жалуясь в отчете, что Кинет и его школа в значительной степени интерполировали, а также отрывок, в котором Иосиф Флавий[49] (так он утверждает) приводит это в качестве своего мнения о том, что "Илиада", составленная по кусочкам задолго до того, как она была составлена, содержала много расхождений. Так вот, даже если бы это было мнение Иосифа Флавия, оно имело бы не больше претензий на исторический авторитет, чем если бы оно было высказано вчера. Но факт в том, что Иосиф Флавий упоминает это просто как общепринятое понятие; *φασι ν οὐδὲ τοῦτον ... ἀλλὰ διαμνημονευομένην ... καὶ διὰ τοῦτο πολλὰς ἐν αὐτῇ σχεῖ ν τὰς διαφωνίας*. В самом деле, не следует слишком тщательно учитывать, что если положительные отзывы о Гомере в ранние времена невелики, что сильно отбрасывает нас назад к поэмам для их собственного оправдания, то, с другой стороны, все авторитеты, цитируемые скептически, хронологически настолько далеки от обсуждаемого вопроса, что это всего лишь мнения, а не доказательства, и что мы можем исследовать и подвергать сомнению их без малейших угрызений совести или опасений, что противопоставляем простую теорию законным доказательствам.

Нельзя отрицать, что состояние гомеровских поэм до того, как они были написаны, представляло большую опасность. Но вполне можно задать вопрос: как получилось, что стихи такой длины вообще сохранились путем простой устной передачи в течение неопределенного и, возможно, очень длительного периода? Очевидно, что только экстраординарная знаменитость и страстная привязанность со стороны людей могли бы сохранить им жизнь. Теперь, если мы предполагаем эту известность и эту привязанность, давайте спросим дальше, не могли ли они предоставить средства нейтрализации и противодействия, в основном, опасностям, которым подвергались стихи; и неразумно ли утверждать, что то, что *могло* вообще сохранить их в их единстве, *должно*, по всей вероятности, сохранить их в сносно подлинном состоянии. Полностью признавая, что доказательства по этому делу несовершенны и могут

привести только к спорным выводам, я, тем не менее, спрашиваю, каково наиболее вероятное предположение относительно состояния гомеровских поэм в доисторические времена Греции? Разве это не так — что, с должным учетом иного состояния обстоятельств, они были тогда тем, чем они были в более поздние времена; широкой основой умственной культуры; великим памятником славы нации и каждого отдельного государства или расы; главным развлечением тех продолжительных праздничных собраний, которые были так характерны для ранней Греции; что они были не только особым предметом заботы и гордости определенных поэтических школ, но и особым объектом заботы законодателей и государственных деятелей; что таким образом они были признаны среди институтов страны и что, таким образом, они должны были зависеть от своего положения? передача, не только в огне национального и поэтического чувства, но и под ревнивой опекой, во многом напоминающей ту, которую даже сравнительно грубый народ оказывает своим законам?

Я попытаюсь кратко изложить аргументы и свидетельства, которые, как мне представляется, рекомендуют, если не вынуждают, принять эти выводы.

1. Гераклid Понтийский, ученик Платона, во фрагменте περὶ πολιτείας, заявляет, что Ликург был первым, чтобы принести в поэзию Гомера в Пелопоннесе: τὴν ποίησιν Φηέρου, παρὰ τῶν ἀπογόνων λαβὼν Κρεοφύλου, πρῶτος διεκόμισεν εἰς τὴν Πελοπόννησον. Это свидетельство запоздало по отношению к факту, о котором оно сообщает, но не запоздало в истории греческой литературы. Об источнике, из которого оно было взято автором, который его нам приводит, мы ничего не знаем. Элиан,[50], который добавляет эпитет ὁρώων к ποίησιν. Плутарх расширяет изложение традиции, но, по-видимому, мало что добавляет к ее сути, за исключением того, что некоторые отрывки Гомера были известны до того, как Ликург привез их целиком с Крита.[51] В "Республике Платона" указано,[52], что Креофил был спутником Гомера. Страбон[53] сообщает нам, что он был самойцем; а Хермодамас, учитель Пифагора, по словам Диогена Лаэртция[54] был его потомок. Итак, мы не можем назвать какую-либо часть этих утверждений историей; но они демонстрируют совокупность традиций, члены которой, почерпнутые из разных источников, согласуются друг с другом, а также с общей вероятностью, вытекающей из факта, столь удивительного, каким само по себе является фактическое сохранение поэм Гомера. На самом деле именно этот факт закладывает наилучшую основу для традиций, подобных той, о которой идет речь. Если бы они дошли до нас искусственно дополненными и приукрашенными, это могло бы стать основанием для подозрений. Но, появляясь, как это происходит, с очевидным отсутствием замысла, есть все основания полагать, что это правда. Прежде чем рассмотреть всю силу, которая ему придается, если это правда, мы обратим внимание на родственные традиции.

2. Из них на следующий, и самый важный, - это утверждение Геродота, соблюдая был правитель Сикионе, который, когда он был на войне с Аргосом, ῥαψῳδοὺς ἔπαυσεν ἐν Σικυῶνι ἀγωνίζεσθαι, τῶν Φηρεῶν ἑπέων εἰ νεκα, ὅτι τε καὶ πάντα τὰ πολλὰ Ἀργεῖ οἱ Ἀργος ὑμνέεται[55]. Далее он говорит, что Клисфен стремился изгнать память об Адрасте как об аргивском герое с Сикиона. Нет необходимости выяснять, что могли включать в себя эти гомеровские поэмы; но вывод Грота о том, что это были "фиванцы и эпигоны, а не "Илиада"[56], кажется мне невероятным. Неверно и то, что "Илиада" не раскрывает вопроса, к которому может относиться это утверждение. В "Илиаде" название Аргос, хотя на самом деле оно означает страну, а не город, почти ассоциируется с главным центром власти и становится представителем всей эллинской расы в период ее героического зарождения. Это, несомненно, честь, бесконечно более высокая, чем

любая местная известность, которую он мог бы получить в результате гражданской вражды с Фивами. "Илиада" также наиболее четко указывает на связь Адраста с Аргосом — в ней Диомед назван мужем его дочери или внучки Эгиалеи[57]; это также указывает на подчиненное положение Сикиона,

ὅθ' ἄρ' Ἄργος πρῶτ' ἐμβασιλευεν[58],

превратив его в простой город во владениях Агамемнона, в то время как Аргос считается суверенным и могущественным городом. Поэтому, возможно, есть основания усомниться в том, имел ли Геродот в виду даже включение фиванцев или эпигонов во фразу "Гомеровские поэмы".

Но важность отрывка не полностью зависит от этих соображений. Это показывает,

а. Что в Сикионе за шесть веков до христианской эры проводились государственные декламации Гомера, сопровождавшиеся наградами успешным исполнителям.

б. Что эти декламации соответствовали общему употреблению; ибо они названы как нечто обычное и устоявшееся, которое затем было отложено в сторону, а не как обычай, характерный для Сикиона.

с. Что декламации зависели от гомеровских поэм, поскольку они были полностью прекращены из-за исключительных материалов, которые, как считалось, содержались в гомеровских поэмах.

г. Что эти декламации носили характер состязаний рапсодов, когда лучшие и наиболее одобренные, конечно, получали призы. Это подразумевает, что декламации были не одиночными, как у поэтов-лауреатов, а что в них участвовали многие.

3. Следующим за этим преданием и почти ровесником ему, но переданным более поздними источниками, является предание о Солоне и Афинах. Dieuchidas Мегара, автор неопределенного возраста, размещен на *Heune*[59] позднее, чем Александр, цитирует Диоген Лаэртский[60], как свидетельствует следующий эффект в отношении Солон: τὰ τε Φηέου ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε ῥαψωδεῖ σθαι. οἱ οὖν ὅπου ὁ πρῶτος ἔληξεν, ἐκεῖθεν ἄρχεσθαι τὸν ἐχόμενον. μᾶλλον οὖν Σόλων Φηρον ἐφώτισεν, ἢ Πεισιστратος. Но у нас есть также лучший свидетель, я думаю, в лице Ликурга оратора, современника Демосфена,[61], который дает наиболее поразительный отчет о политическом и военном использовании гомеровских песен. He says, οὕτω γὰρ ὑπέλαβον ὑμῶν οἱ πατέρες σπουδαῖον εἶναι ποιήτην, ὥστε νόμον ἔθεντο καθ' ἐκάστην πενταετηρίδα τῶν Παναθηναίων μόνου τῶν ἄλλων ποιήτων ῥαψωδεῖ σθαι τὰ ἔπη. "Именно с этими песнями в ушах, - продолжает он, - ваши отцы сражались при Марафоне; и так доблестны они были *тогда*, что среди них их храбрые соперники, лакедемоняне, искали полководца Тиртея".

а. Итак, эти слова, по-видимому, указывают на традиционное происхождение этого закона, насколько позволяет судить авторитет Ликурга, к началу VII века, когда жил Тиртей.[62]

б. Таким образом, в период, когда Афины только начинают подниматься к возвышению, она издает закон, согласно которому поэмы Гомера должны декламироваться на ее величайшем празднике.

с. Эту честь она оказывает Гомеру (что бы ни значило это имя) единственному среди поэтов.

г. Из связи с Тиртеем следует, что это традиция, относящаяся к вопросу еще более древнему, чем та, о которой упоминал Диевхид. Но эти два понятия находятся в полном соответствии. Ибо Евхид не говорит, что Солон ввел чтения Гомера, и не ссылается просто на Панафинаику. Он довольно ясно подразумевает, что Солон не начинал декламации, но что он реформировал — (приведя их в правильную последовательность, что подразумевает фиксированный порядок песен) — то, что уже было введено; в то время как Ликург, по-видимому, указывает на первоначальное введение как произошедшее даже до Тиртея.

4. Аргумент, основанный на скульптурах на груди Кипселуса, представляющих сюжеты, взятые из "Илиады", относится к периоду, почти соответствующему периоду Тиртея, поскольку Кипселус, вероятно, родился около 700 г. до н.э., и имеет тенденцию показывать, что "Илиада" была известна в Коринфе в то время.[63]

5. Следующая из конкретных традиций связана с Писистратом. В последние годы вошло в моду придавать его агентству преувеличенное или даже исключительное значение. Но в то время как свидетельства, касающиеся Ликурга, Клизфена и Солона (а также афинских законодателей до него), заимствованы у авторов, вероятно, или определенно относящихся к четвертому и пятому векам до нашей эры, у нас нет вообще никаких свидетельств, касающихся Писистрата ранее эпохи Августа.[64] Цицерон говорит, что сначала расположил книги Гомера в их нынешнем порядке; Павсаний,[65] что он их собрал, διεσπασμένα τε καὶ ἄλλαχοῦ μνημονεύόμενα; Иосиф Флавий,[66] который, как мы видели, просто ссылается на сообщение о том, что "Илиада" была написана только после Гомера, процитирован ошибочно[67] как свидетель трудов Писистрата. Недавно обнаруженный древний схолион,[68] называет четырех поэтов, которые работали под руководством этого принца. И можно признать, что традиции, касающиеся Писистрата, имеют эту отличительную черту — они, по-видимому, указывают на первое выполнение критической и литературной работы над текстом Гомера под непосредственной заботой и ответственностью суверена страны.

Таким образом, свидетельства о Писистрате по порядку явно уступают тем, которые поддерживают более ранние традиции, и не могут быть надлежащим образом поставлены против них там, где они противоречат им; но нет оснований отвергать сообщение о том, что он установил особый порядок стихотворений, который закон Солон, возможно, оставлял в некоторой степени открытым для суждения чтецов, хотя по нему от них требовалось читать по порядку.

6. В диалоге, сомнительно приписываемом Платону под именем Гиппарха, утверждается, что этот суверен —

τὰ Φιήρου πρῶτος ἐκόμισεν ἐς τὴν γῆν ταυτηνὶ , καὶ ἠνάγκασε τοὺς ῥαψωδοὺς Παναθηναίοις ἐξ ὑπολήψεως ἐφεξῆς αὐτὰ διέναι, ὥπερ νῦν ἔτι οἱ δε ποιοῦσι[69].

Что касается первоначального введения, то этот отрывок противоречит всем предыдущим. Из-за неопределенности, кто является его автором, он должен уступить им как менее авторитетному. Но это еще не все. На первый взгляд это невероятно, поскольку утверждает не то, что его стихи были впервые аранжированы или скорректированы, а то, что их впервые

привез в страну Гиппарх. Это само по себе абсурдно: и это также прямо противоречит утверждению, которое вряд ли может быть чистой выдумкой, что Солон по закону требовал, чтобы поэмы Гомера декламировались на Панафинейях. Что касается преемственности в чтении, то вполне возможно, что он в последнюю очередь взялся за дело своего отца.

Однако этот отрывок, возможно, заслуживает внимания как признак общего убеждения в том, что забота о поэмах Гомера и обеспечение их упорядоченной публикации единственно возможным в то время способом были уместной и обычной частью заботы государств и их правителей.

Можно подумать, что вся масса процитированных отрывков имеет отношение в первую очередь к противоположным версиям, от которых я отказался. Но они имеют самое важное, хотя и второстепенное, отношение к вопросу о том, является ли полученный текст в целом надежным по своей структуре. Опасности, которые угрожали этому тексту, конечно, можно было отнести к двум источникам: первый - отсутствие должной осторожности; и другой - фальсификация с определенной целью; и необходимо свести воедино все положительные свидетельства относительно сохранения и публикации гомеровских поэм, чтобы оценить величину обеих этих опасностей и мер предосторожности против них. Я возобновляю выполнение этой задачи.

Из слова $\alpha\upsilon\tau\omega\nu\iota\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, примененного Геродотом к декламациям на Сикионе, ясно, что они были одинаковыми среди рапсодов. И поскольку исход состязания в основном зависел не от оригинальных композиций кандидатов, а от повторения того, что, как считалось, написал Гомер, возникает вопрос, на каком основании мог быть присужден приз? Отчасти, возможно, из-за голоса и манер рапсода; но отчасти также, нет, мы должны предположить, главным образом, из-за его сравнительной верности предполагаемому стандарту своего оригинала. И когда мы примем во внимание длину стихотворений, нам будет легче понять, насколько пристальная память, необходимая для адекватного овладения ими, вполне может заслуживать вознаграждения. Правда, тщеславие конкретного рапсода могло легко побудить его предположить, что он мог бы улучшить Гомера. Но, несомненно, такой человек подвергся бы немалой проверке со стороны бдительности и беспристрастного или, что более вероятно, ревнивого суждения своих современников и соперников. Кроме того, aberrации или вставки каждого изобретателя были бы немедленно пересечены aberrациями всех остальных; и внутреннее превосходство самого великого поэта и необычайное почитание, оказываемое его имени, получили бы, таким образом, мощную поддержку от естественной игры человеческих страстей. Я рассматриваю то обстоятельство, что эти выступления были соревновательными и, вероятно, открытыми для всех желающих, как одно из важнейших. Свобода в таком случае была бы гораздо более консервативной, чем ограничение.

Сила таких соображений действительно уменьшается, но не уничтожается тем фактом, что поэмы, написанные не Гомером, считались гомеровскими. У нас нет возможности узнать, выходила ли эта ложная оценка в целом за рамки простого вульгарного слуха. Мы действительно находим, что Каллин приписывал фиваиду Гомера, Фукидиду - Пифийский гимн, а Аристотелю - маргитов. Но из этих трех страшный суд, насколько нам известно, мог быть истинным. Павсаний считал "Фиваиду" лучшим из эпосов после "Илиады" и "Одиссеи". Отсюда не следует, что из того, что поэт мог приписать это себе, он также приписал бы и другим. Немногие авторы демонстрируют более слабые признаки критической проницательности, чем Геродот; но даже он трактует представления о том, что кипрский эпос или эпигоны

принадлежали Гомеру, в таких терминах, чтобы показать, что они были в лучшем случае простыми спекуляциями, а не устоявшимися общественными суждениями.[70]

Сейчас, даже в критический век, кажется неизбежным, что авторов, пользующихся заметной популярностью, будут преследовать на их пути не только подражатели, но и, там, где есть наименьшая надежда хотя бы на временный успех, фальсификаторы. В наши дни мы видим попытки выпустить новые романы под именем Вальтера Скотта. У меня самого есть купленный в Италии том поддельных стихов, напечатанный под именем ее великого, хотя еще и не известного современного поэта Джакомо Леопарди. В гораздо менее критические периоды самозванцы были бы смелее, а обманутых - многочисленнее. Но нельзя доказать, что ряд других эпосов или даже что какой-либо один в целом приписывался Гомеру с такой же уверенностью, как "Илиада" и "Одиссея"; равно как и то, что такая же забота, общественная или частная, была проявлена в любом другом случае для сохранения и восстановления текста.

Опять же, хотя спартанская и афинская традиции не уделяют особого внимания конкуренции, все же мы вправе предположить, что она существовала, поскольку эту практику можно проследить до более отдаленной древности, чем любую из них. Это правда, что у Гомера мы не находим примера соперничества между бардами, действительно продемонстрированного; но и поэмы не дают нам повода, когда этого можно было бы ожидать. Обычным местом барда была должность члена семьи короля или вождя. На больших собраниях племен или греческой расы, куда вожди отправлялись в большом количестве, также, вероятно, появлялось больше бардов, чем один. Некоторый свет на этот предмет проливает отрывок, относящийся к Тамирису во второй книге "Илиады".[71] он встретил свою гибель на Дорион, когда на пути; и он поймал его Οἱ χαλῖθεν ἰόντα παρ' Εὐρύτου Οἱ χαλῖρος. Обычная точность Гомера оправдывает наш довод о том, что, когда он говорит, что пришел не просто из какого-то места, но также от правителя этого места или рядом с ним, имеется в виду, что он был привязан к этому правителю как бард при его дворе или домочадцах. И снова он был в путешествии. Куда направлялся, кроме, очевидно, одного из этих состязаний? Это полностью показано последующими строками, поскольку они предполагают матч, который затем должен состояться с. Ибо формой его хвастовства было не просто то, что он мог победить Муз, но (выражаясь нашим языком) он хвастливо поклялся, что победит, даже если сами Музы будут его соперницами.

στεῦτο γὰρ εὐχόμενος νικήσεμεν, εἴ περ ᾗν αὐταὶ
Μοῦσαι ἀείδοιεν.

Институты, предполагающие конкуренцию, в силу особенностей человеческой природы обладают огромной самоподдерживающейся силой; и нет никаких оснований предполагать, что между временами Тамириса и сикионских рапсодов этот метод декламации когда-либо был утрачен. Во фрагменте Гесиода[72], цитируемом Схолиастом о Пиндаре, мы находим φραζυάπτειν ᾄδῃν; но из-за упоминания в нем Гомера как современника, этот фрагмент не заслуживает доверия. В других местах, однако, он отчетливо свидетельствует о матчах и призах бардов и говорит, что на матче, проведенном Амфидамасом в Авлиде, он сам выиграл треногу[73]. Опять же, Фукидид находит недвусмысленное доказательство соперничества бардов в прекрасном отрывке, который он цитирует из очень древнего *Гимна* Аполлону[74].

Я не думаю, что есть необходимость подробно останавливаться на средствах, использовавшихся частными лицами для передачи гомеровских песен. Синет Хиосский (согласно "Схолиасту о Пиндаре"[75], цитирует Гиппострата, сицилийского автора неопределенной даты), ἑρρασιζήσε τὰ Φήρου ἔπη (около 500 г. до н.э.), впервые в Сиракузах. Можно заметить, что этот отрывок, вероятно, может подразумевать основание для публичных декламаций в нем. Евстафий[76], цитирующий, как отмечает Гейне,[77], неточно обвиняет Синета в искажении гомеровских поэм; но слова Схолиасту не нужно подразумевать ничего, кроме того, что он сочинил определенные поэмы и включил их в массу тех, которые более или менее считались гомеровскими. Нам нет необходимости распространяться о Креофиле[78]или о Гомериде, упомянутой Пиндаром и, согласно Страбону, заявленной как ее собственная Хиосом[79]. Это имя, по-видимому, свободно используется Платоном[80], без объяснения причин, как будто в его время они сформировали хорошо известную школу. Согласно Афиней[81], цитируя Аристокла, писателя неопределенной даты, имя Φηρίοταί было дано рапсоdistам в целом.

"Илиада" и "Одиссея" были известны Геродоту под их нынешними названиями, как мы узнаем из его ссылок на них. Но Гейне справедливо утверждает, что в то время, когда были написаны другие циклические поэмы, которые заполняют промежуток между ними и завершают Троицкую историю, должны были быть известны стихотворения их объема и тематики[82]; то есть вскоре после начала Олимпиад.

Опять же, нет необходимости делать что-то большее, чем просто касаться отношения Гомера к греческим буквам и культуре в целом. Он был источником трагедии, первым учебником философов и основой гуманитарного образования; настолько, что Алкивиад, как говорят, ударил своего школьного учителя за то, что у него не было МИСС рапсоdия из Илиады[83], в то время как Ксенофонт цитирует Никерата, который говорит, что его отец заставил его выучить "Илиаду" и "Одиссею", и что он мог повторить все они наизусть[84]. Кассандр, царь Македонии, по словам Афиней, мог сделать почти столько же. Он знал наизусть τῶν ἐπῶν τὰ πολλὰ.[85]

Отходя от этого свидетельства общей оценки, я перехожу к тому, что более важно в отношении вопроса о тексте, то есть к состоянию стихотворений на момент александрийской редакции, как это показано Виллуазоном из венецианской схолии по "Илиаде", которую он обнаружил. Мне кажется, что этот источник является наилучшим основанием для веры в общую обоснованность текста.

Первые тенденции александрийской школы, как они представлены Зенодотом, по-видимому, были направлены на очень свободное вырезание и исправление. Считается, что Аристарх, его высший авторитет, представляет собой реакцию на более трезвое обращение. План выражения подозрений со стороны *обели* был хорошим — он поднимал вопрос о подлинности, не исключая его. Отрывки, которые он исключил, сохранились в тексте, и многие из них не сильно пострадали от осуждения. Одна из них, в частности, в речи Феникса,[86] кажется мне одинаково красивой и характерной. В конце концов, *обелос* обычно прикрепляется к линиям усиления и поэтического украшения, без которых можно было бы обойтись, и все же смысл не пострадал бы жизненно. Но мы можем процитировать Аристарха как свидетеля, в целом, существенной обоснованности текста. Ибо ясно, что подтверждение всех его сомнений все равно оставило бы нас с сутью "Илиады" такой, какая она есть; хотя кажется, что суждение человечества, или, скорее, его чувство, которое в подобном вопросе стоит больше, чем его суждение, отказалось

заходить так далеко, как это сделал он, поскольку его сомнения или неблагоприятные вердикты записаны, но строки и отрывки остаются, их по-прежнему читают и преподают как Гомера, и они не претендуют на то, чтобы их отличал какой-либо широкий признак внутренней неполноценности. Это не означает, что достоверность каждой строки была рассмотрена и подтверждена как не вызывающая сомнений, но было высказано мнение, что, хотя четкое разграничение в деталях было практически невозможно, сохранение было, в целом, более безопасным, чем исключение. И это не потому, что возобладал принцип слепой доверчивости. Напротив, то же самое суждение, чувство или инстинкт, какими бы они ни были, цивилизованного человека, который счел самым безопасным придерживаться традиционного текста Гомера, точно так же счел самым безопасным отрицательно отнестись к делу об авторстве Гимнов. При всех обстоятельствах я не нахожу никаких трудностей в понимании таких рассказов, как тот, который говорит нам, что "Расследование" - лучшее издание Гомера? был встречен ответом: "старейший"— или таким отрывком, как у Лукиана,^[87] который представляет Гомера в Тени, заявляя, что ὁ ἑτοῦμεναι στίχες, все предполагаемые и отвергнутые стихи, были его; после чего, говорит Лукиан, я осознал чрезмерную холодность школы Гомера. Зенодот и Аристарх. Это ироничное произведение; но ироничные произведения часто используются как носители реальных мнений.

Венецианский схолиаст полон привычных ссылок на различные издания текста "Илиады" как на стандарты, прекрасно известные; и таким образом он в значительной степени демонстрирует нам материалы, которые александрийские критики сочли существующими и с которыми они приступили к работе над этой поэмой.

Множество изданий (ἐκδόσεις), который у них перед глазами, были частично государственные издания (αἱ πολιτικάι, αἱ κατὰ πόλεις, αἱ διὰ τῶν πόλεων, αἱ ἀπὸ τῶν πόλεων), и отчасти из-за собственной ухаживаемости (οἱ κατ' ἄνδρα). Эти последние, по-видимому, получили свое название двумя способами. Первый был, когда он был взят у конкретных редакторов, которые редактировали текст, таких как Антимак (современник Платона), Каллимах и, прежде всего, Аристотель, который подготовил для Александра Македонского копию ἐκ νάρθηκος, и, опять же, издание Зенодота, Аристофана и два отдельных издания Аристарха, все александрийской школы; или же они были названы по именам лиц, которые ими владели, и для которых они были подготовлены заботой ученых людей. Среди таких обладателей был Кассандр, царь Македонии.

Существование этих государственных изданий - факт, полный значения. По-видимому, это свидетельствует не о чем ином, как о том, что текст находился в ведении государственных властей нескольких штатов. У венецианских схолиастов есть конкретные названия шести из этих изданий — для Марселя, Хиоса, Кипра, Крита, Синопы, Аргоса. При просмотре этого списка нас сразу поражает тот факт, что, хотя в нем содержатся названия с дальнего Востока, такие как Синопа, и с дальнего Запада, такие как Марсель, в нем нет ни одного названия города в самой Греции, за исключением Аргоса, и что этот город, возможно, имеет меньшее отношение к греческой литературе в целом, чем почти любое другое значительное место. Мы спрашиваем, почему не появляются Афины, Спарта, Фивы, Коринф, почему не появляются Сиракузы и великие греческие города Сицилии и Италии с их несколькими гомеровскими текстами? Наиболее вероятный ответ, по-видимому, заключается не в том, что эти шесть перечисленных городов более отличались от других тщательностью, с которой они обеспечивали сохранность гомеровского текста, а в том, что по какой-то причине, возможно, из-за того, что они находились в меньшей степени в пределах круга греческих букв в целом, они

все же сохранили каждый свой особый текст, тогда как было сделано приближение к общему тексту, которым в целом воспользовались города, наиболее правильно написанные на греческом языке. Ибо иногда в Схолиях приводятся определенные обозначения общего текста, преобладающего в государственных или национальных изданиях, и другого - в частных изданиях, и это без привязки к шести вышеупомянутым городам. В предположении о такой тенденции к разделению нет ничего сверх вероятного; ибо частные редакторы были бы более свободны следовать своим собственным суждениям или догадкам, в то время как государственные кураторы были бы почти, как само собой разумеющееся, более жестко консервативны. Во всяком случае, перед нами очевидные указания на этот счет; ибо Схолиаст цитирует для конкретных прочтений —

αἱ ἐκ τῶν πόλεων, xxi. 351.

αἱ ἀπὸ πόλεων, xxii. 51.

αἱ ἀπὸ τῶν πόλεων, xix. 386.

а с другой стороны —

αἱ κατ' ἄνδρα, xxii. 103.

а также в других местах, τινὲς τῶν πολιτικῶν (Эл. г. XXIV. 30), и ἄνδρα πλείους αἱ τῶν κατ' (XXIII. 88). Следовательно, вероятно, что существовал национальный текст, приближенный к единообразию и совместно используемый теми городами, главными городами Греции, которые не цитируются как имевшие собственные тексты; поскольку, насколько мне известно, нет причин предполагать, что фразы αἱ πολιτικαὶ и остальные эквивалентные им, ограничены шестью изданиями. Итак, в то время как шесть государственных изданий указывают на заботу, вероятно, восходящую к очень древним временам, о достоверности текста, общая государственная редакция, если, как представляется вероятным, таковая имела, указывает на постепенное сближение критических трудов и общественного суждения в целом в тех государствах, жители которых испытывали самый древний, сильный и непосредственный интерес к гомеровским поэмам.

Существует третья форма распространенного текста, менее совершенная, чем любая из остальных, следы которой обнаружены в изобилии. Мы находим упоминания издания или копий, αἱ κοινὰ , δημοτικά αἱ , αἱ δημῶδεις, и они иногда описываются в совокупности, как о Великой "Илиаде". 53, ἐν δὲ ταῖς κοιναῖς ἐγγέγραπτο καὶ τῇ Ζηνοδοτεῖῳ βουλῇ. Иногда большая часть этих κοινὰ или δημῶδεις имеют особое прочтение. Они всех, всех классов, разнообразные, более или менее, и различаются по их заслугам, а φαυλὰ , εἰ καί ὀτεραί, μέτρια, χαριέστερα. Эти обычные или общедоступные (не национальные) издания, подготовленные для продажи на открытом книжном рынке, вероятно, были основаны, в основном, на национальных текстах, но, поскольку они предназначались для широкой продажи и не готовились ответственными редакторами, они обычно были хуже. Этот венецианский схолиаст сам был критиком и писал, когда эолийский и ионийский диалекты еще использовались, как явствует из его ссылок на них.[88]

Схолии к "Одиссее" содержат названия некоторых изданий, помимо тех, которые были упомянуты ранее. Одним из них является Αἱ οἷς, или Αἱ οἰκή;[89] другой ἡ ἐκ Μουσείου,[90] , который объяснил, обратитесь в депозитарий возле школы в Александрии; и третий ἡ

Κυκλική,[91] что означает издание, в котором поэмы Гомера были помещены в ряд с циклическими авторов.

Таким образом, с одной стороны, можно с готовностью признать, что гомеровские поэмы, прежде чем они были записаны, подвергались мощному и разнообразному действию разлагающих причин. Среди них мы можем назвать пренебрежение, неспособность справиться с реальными трудностями их передачи, личное тщеславие рапсодов и местное тщеславие сообществ. Но я думаю, что мы также раскрыли нам, как посредством фрагментарных заметок об истории стихотворений, если рассматривать их с точки зрения их коллективного воздействия, так и по положению вещей, в которых трудились александрийские критики, действие огромного количества восстановительных контрсредств. Все шансы на то, что мы придем к трезвому суждению, должны зависеть от того, сумеем ли мы должным образом взвесить эти два набора сил в их отношении друг к другу. Действительно, существовали тенденции, которые вполне можно назвать непреодолимыми, к отклонениям от традиционного стандарта; но существовали и непреодолимые барьеры, которые, по-видимому, ограничивали эти отклонения в определенных пределах. Они не могли продвинуться дальше заданной точки, не пробудив сознание того, что Гомеру, бесценному сокровищу Греции и, возможно, первому источнику ее более острого национального сознания, грозила опасность быть обезображенным и, следовательно, утраченным; и это чувство, однажды пробудившись, без сомнения, вызвало такую реакцию, пример которой мы находим в трудах Писистрата.

Мы действительно можем непосредственно извлечь из силы разрушающего элемента, если рассматривать его в деталях, самое убедительное доказательство того, что должен был существовать первоначальный стандарт, возвращением к которому его разрушительные действия можно было время от времени исправлять. Ибо, если бы этот элемент сработал без таких средств исправления, я не понимаю, как мы могли бы сейчас обладать "Илиадой" и "Одиссеей". Как и в случае с религиями после того, как они расстались со своим источником, тенденция заключалась бы в постоянно растущем расхождении. Различия, возникающие из-за пропусков, изменений и вставок, росли бы, охватывая все большие и большие фрагменты поэм, и в наши дни, вместо того чтобы просто подвергать сомнению ту или иную строку в нескольких местах и сравнивать это с тем прочтением, мы должны были бы перебирать дюжину "Илиад" и дюжину "Одиссеей", чтобы обнаружить, какие из них истинны.

Если, таким образом, скажут, что труды Писистрата или Солона свидетельствуют не о достоверности, а о непрекращающемся искажении текста, то мой ответ таков: они свидетельствуют о его искажении, точно так же, как можно было бы сказать, и действительно сказать, что отчеты о ремонте Вестминстерского аббатства свидетельствуют о его аварийном состоянии. То, что частичные и локальные дефекты и смещения будут проникать внутрь, так же несомненно, как то, что ветер и непогода воздействуют на самую прочную ткань: но когда мы читаем о ремонте здания, мы заключаем, что были предприняты усилия, чтобы сделать его пригодным для жилья; а когда мы читаем о реставрации Гомера, мы понимаем, что поддержание поэм в надлежащем состоянии было предметом общественной заботы. Как, действительно, наиболее часто используемое здание будет *при прочих равных условиях* требовать наиболее частого ремонта, так и элементарные причины порчи из-за небрежности могут действовать наиболее мощно в случае, когда поэта может декламировать каждый прогуливающийся менестрель на местном празднике: но также ясно, что в этих самых случаях было бы наибольшим беспокойством обнаружить и устранить деструктивные элементы, как

только было замечено, что они набирают силу. Но, по правде говоря, аналогия со зданием не отражает ситуацию. Здания иногда уродуются из-за бережливости позднейших времен, но, насколько нам известно, не было времени, когда Греция не ценила Гомера выше, чем затраты на уход за ним. Опять же, Architects дегенеративно возрастов думаю, как Бернини сделал Микеланджело, что они могут улучшить свои проекты, а имя не греческое был записан, который думал, что он может улучшить Гомер, и тщеславие безымянных, вероятно, будет проверено на своих товарищей и конкурентов.

Мы в основном имели в виду вопрос, был ли Гомер в определенной степени защищен от любого глубокого и радикального искажения, которое могло вырасти из неконтролируемой беспечности; но результат не будет более неблагоприятным, если мы спросим, как он относился к другому великому источнику зла, а именно к целенаправленной фальсификации? Итак, тот факт, что в любом конкретном случае предусматривается ревностная опека против любого нападения извне, не дает никаких доказательств или даже предположений против существования разрушительных причин внутри. Но у греков, как у нации, не было мотива развращать, и у них были все основания сохранить текст Гомера. Его национальный пост и позиция были превосходно выражены Статием в стихах о Троянской экспедиции:

Tum primùm Græcia vires
Contemplata suas: tum sparsa ac dissona moles,
In corpus vultumque coit[92].

Его произведения были самой колыбелью нации; там она впервые зримо ожила и задышала. Они были самым совершенным выражением всех греческих чувств и желаний: в соперничестве между эллинской расой и (впоследствии так названными) βάρβαροι Азией они в формах наиболее эффективных и наиболее искусных дали первым все, что стоило иметь, и не оставили более поздним грекам ничего, что можно было бы добавить. Какую пустоту, которую требовалось заполнить, могло обнаружить даже тщеславие, когда так много греческих вождей, уступавших Ахиллесу в неизмеримой степени, были, тем не менее, каждый из них слишком силен для князя троянских воинов?

Но, возможно, можно возразить, что, даже предположив, что коллективная Греция ничего не выиграла бы, извратив Гомера, все же относительное распределение почестей между главными государствами могло бы измениться в пользу одного и во вред другому. Теперь ясно, что в этом деликатном и жизненно важном вопросе секционная зависть греков обеспечила бы наилучшее возможное сохранение общего содержания текста: нечто подобное тому, что обеспечивала ненависть евреев и самаритян, когда они стали соперничающими хранителями книг Ветхого Завета. Аргос, глубоко заинтересованный в Диомеде, и Лакедемон в Менелаете, и оба в Агамемноне, были одинаково могущественными и ярыми стражами против Афин, если бы она попыталась занять для себя в "Илиаде" место, соразмерное ее последующей славе. Было множество частей гомеровской Греции, как больших, так и малых, которые впоследствии утратили свое значение, таких как Пилос, Итака, Саламин, Локрис: относительное положение Фессалии и Южной Греции коренным образом изменилось в исторические времена. Но все они, независимо от того, радовались ли они долгоживущим почестям своих Государств или с любовью предавались воспоминаниям о былой славе, были одинаково заинтересованы в сопротивлении незванным гостям, которые могли попытаться вторгнуться на территорию ради их

собственной выгоды, а также в общей цели сохранения бесценного национального памятника от разрушения. Нет также никакого основания предполагать, что эти вопросы первобытной чести были безразличны позднейшим грекам. Цитата из Каталога, составленного афинскими посланниками перед Гелоном у Геродота (возьмем единственный пример), дает убедительное доказательство обратного: и даже так поздно, во времена Павсания, он сообщает нам, что Арголида и Аркадия были государствами, которые даже тогда все еще остро оспаривали у Афин пальму первенства в автохтонности.

Следовательно, мне кажется, что исходные положения данного дела в целом благоприятны, а не противоречат общей достоверности гомеровского текста.

Признаюсь, я в значительной степени утвердился в этом взгляде на презумпции благодаря едва поддающемуся измерению количеству внутренних доказательств, которые предоставляет текст для подтверждения его собственной целостности. Почти весь обширный материал, накопленный авторами последних лет для доказательства единства и индивидуальности автора, доступен для демонстрации основательности текста. Апелляция должна быть не только к нетронутому состоянию основных *слоев* стихотворений, последовательной структуре и взаимосвязям фактов; общий *корпус* стихотворений мог бы быть добротным, и все же плохой текст, подвергнутый тщательному исследованию мельчайших деталей, выявил бы множество недоразумений и ошибок: но вместо этого строгое применение микроскопа только яснее показало огромное совершенство исполнения. Бесчисленные формы утонченных совпадений в именах и фактах, в употреблении эпитетов, чертах характера, оборотах речи и фразах и тому подобном представляют собой множество ручейков свидетельств, которые сливаются в поток непреодолимой силы в пользу того текста, который был найден столь замечательным, как зеркало, отражающее образ и мысль Гомера, и который, подобно зеркалу, не мог бы верно отразить это, если бы оно само не было правдой.

В самом деле, я должен пойти еще дальше; и признать, что аргументы *ab extra*, которые я здесь выдвинул относительно исторических целей поэта, его близости по времени к своему предмету и вероятной достоверности текста, являются скорее ответами на возражения, чем достаточными материалами для утверждения.

После того, как я лично проверил текст на предмет его самосогласованности и в других отношениях в нескольких тысячах мест, я нахожу едва ли одно или два места в каждой тысяче, где, по-видимому, предлагается сделать исключение, чтобы установить последовательность его содержания. Доказательства, на которые я действительно полагаюсь, - это экспериментальные данные, и я нахожу их в стихотворениях, накопленных в такой степени, к которой не приближается ни одно другое человеческое произведение в пределах моих знаний. Я не осмеливаюсь надеяться больше, чем на то, что более отдаленные и общие аргументы, которые были использованы сейчас, могут помочь устранить предварительные барьеры на пути рассмотрения одного кардинального и первостепенного аргумента - самого текста и его содержания.

И здесь следует кратко упомянуть о скептицизме в миниатюре, пришедшем на смену более радикальному недоверию Вольфа и его школы. Влиятельные редакторы, отказывающиеся поддержать даже Хоризонтов в определении авторства стихотворений, тем не менее открыто осуждают отдельные отрывки. Я не отрицаю, что существуют различные отрывки, подлинность которых является справедливым предметом для обсуждения. Но я признаюсь, что нахожу такие

основания для удаления, на которые обычно ссылаются критики, рекомендуящие это, очень неопределенными и такого характера, что остается сомнительным, где именно должна прекратиться их операция. Как правило, они включают произвольные допущения либо о конструкции, либо об истории, либо о применении более жесткого и буквального правила последовательности, чем того требует поэзия или что она может выдержать, либо о капитальной ошибке, как я не могу не считать, заключающейся в том, что Гомера судят в суде более поздних и неполноценных традиций. И налицо недостаток общих принципов, общая ненадежность позиций и видимость перестройки Гомера не в соответствии с какими-либо признанными законами критики, а в соответствии с юмором каждого образованного и изобретательного человека, что в вопросе такого масштаба не является достаточной гарантией. Поэтому я следую примеру тех, чья рекомендация состоит в том, чтобы извлечь из настоящего текста все, что мы можем, и посмотреть, насколько его содержание может составлять существенное и непротиворечивое целое в различных областях информации, к которым они относятся. Когда мы продвинем этот процесс настолько далеко, насколько это возможно, мы можем обнаружить, во-первых, что многие или некоторые из кажущихся диссонансов на самом деле охвачены всеобъемлющей общей гармонией, и, во-вторых, что с более полным знанием законов этой гармонии мы сами можем оказаться в состоянии, по крайней мере, меньшей неспособности произнести, что является гомеровским, а что нет. Скажу только, что, если бы я рискнул обратиться к этой области критики, я был бы меньше, чем обычно, подвержен расхождениям в фактах, часто очень поспешно предполагаемым; и гораздо больше, чем обычно, - любому насилию над более тонкими аналогиями, которыми так полон Гомер, и отклонениям от его обычных способов мышления, чувств и репрезентации.

РАЗДЕЛ 6.—*Место и авторитет Гомера в историческом исследовании.*

Основная и конечная цель, которую я хочу наиболее отчетливо представить уму читателя, состоит в том, чтобы обеспечить гомеровским традициям, оцениваемым в соответствии с результатами предыдущих рассуждений, справедливую меру как относительной, так и абсолютной оценки.

Мне кажется, что в этом отношении возобладало широко распространенное и продолжительное заблуждение, принимающее различные формы и, без сомнения, в очень разной степени затрагивающее практику разных авторов, но настолько распространенное и укоренившееся, что на данном этапе развития критики требует официального оспаривания. Я имею в виду, что ошибочно рассматривать и принимать все древние традиции, относящиеся к периодам, предшествующим регулярным историческим летописям, как имеющие равную ценность, или не разграничивать их несколько значений с должной тщательностью. Прежде всего, я решительно настаиваю на том, что мы должны присвоить свидетельствам Гомера первостепенное значение по всем темам, которых они касаются, и что мы должны взять за правило сводить все другие литературные свидетельства, из-за более позднего происхождения, к подчиненному и вспомогательному положению.

Простые слухи или истории о доисторических временах сами по себе не имеют права называться традициями. История такого рода, скажем, у Аполлодора, действительно, с большой вероятностью может быть старше, чем что-либо у Гомера; но если она дошла до нас без надлежащих и видимых критериев возраста, она не может претендовать на наше согласие

как правдивая летопись того времени, к которому она якобы относится. Традиции этого класса становятся таковыми для нас, как правило, только тогда, когда они принимают позитивную форму в творчестве какого-нибудь автора, который таким образом становится, насколько позволяют его время и обстоятельства, их свидетелем. Только с этого момента на их достоверное происхождение и передачу можно полагаться как на сколько-нибудь вероятную.

Опять же, я отбрасываю утверждения, в отношении которых поэт, будучи вынесен за пределы сферы своего обычного опыта, не должен, по этой причине, считаться историком; но даже здесь, если он говорит о вещах, которые были общепризнанными, он свидетель первого разряда в отношении этой веры, которая сама по себе в другом смысле является вопросом истории; и здесь также те, кто следовал за ним в отдаленные времена, являются свидетелями более низкого порядка.

Или могут быть случаи, как, например, в случае с упрямыми фактами географии, когда законы очевидности вынуждают нас грубо отвергнуть заявление барда; или случаи, когда его способ обращения с материалами сам по себе является доказательством того, что он хотел говорить не исторически, а, по выражению Аристотеля, ἐκπληκτικῶς, или для поэтического эффекта.

Или, опять же, возможно, хотя я и не знаю, случалось ли это, что свидетельства Гомера могли вступить в конфликт не с простым контрутверждением, а с теми формами косвенных доказательств, которые иногда убедительно выявляются путем рассуждений на основе положительных *данных* архитектуры, языка и этнологии. Я не требую для Гомера никаких исключений из более убедительного авторитета, который может быть придан рассуждениям такого рода.

Проясняя вопрос об этих помехах, я хотел бы предоставить на усмотрение тех, кто, возможно, более компетентен, чем я, оценить как предположение, так и доказательство, следующий тезис: что в отношении религии, истории, этнологии, государственного устройства и жизни в целом греков героических времен авторитет гомеровских поэм, стоящий намного выше авторитета всей массы позднейших литературных традиций в любой из их форм, никогда не следует рассматривать как однородный с ними, но обычно следует, в первую очередь, рассматривать сам по себе, а свидетельство с более поздними авторами следует, в общем, обращаться в соответствии с ним и испытывать их, как пробный камень, по всем предметам, которые он охватывает.

Общепризнано, что Гомер на несколько поколений старше Гесиода, на многие - авторов циклических поэм; и старше на много столетий, чем основная масса наших авторитетов по греческой античности, начиная с Эсхила и Геродота и заканчивая Дионисием Галикарнасским, Диодором Сицилийским, Страбоном, Элианом, Павсанием, Диогеном Лаэртским. И не только временем можно измерить его превосходящую близость и вес. Можно с уверенностью сказать, что из всех эпох, прошедших со времен Гомера, ни одна не породила более проницательного, точного и всесторонне развитого наблюдателя. Но, прежде всего, описывая героическое время, он, и только он, пишет как человек, который, как мы можем с уверенностью утверждать по внутренним свидетельствам, находился в пределах его границ и был с головы до ног пропитан его духом и ассоциациями.

Конечно, вполне возможно, что в том или ином конкретном случае Гомер мог ошибаться, и более поздняя традиция, тоже вполне возможно, может быть правильной. Но точно так же

показания очевидца в суде могут быть ошибочными, в то время как случайно самые простые слухи могут оказаться правдой. Это не отвлекает людей от тщательной классификации доказательств в соответствии с их предполагаемой ценностью, когда, по их мнению, они преследуют полезные цели в соответствии с общепринятым и ограниченным смыслом этого термина. Что касается ранней истории Греции, то практика часто была иной; частично в работах ученых, но в большей степени, как и следовало ожидать, в более популярных формах обучения. Это было сделано для того, чтобы свести воедино разнородную массу традиций, воплощенных в литературе за тысячу лет. Все, к чему привела игра воображения, все, что подсказывало национальное, местное или личное тщеславие, все, что политические мотивы сформировали в истории или религии, — или та большая часть этой совокупности, которую время сохранило для нас, — рассматривалось без какого-либо систематического признания различной ценности различных порядков традиций. Я допускаю, что ближе к концу греческой литературы мы находим главных исследователей античности; и их цель и метод, возможно, в значительной степени устранили любое неравенство между ними самими и писателями времен Фукидида или Платона. Но ничто не может отменить, ничто, можно сказать, даже сузить огромную пропасть с точки зрения авторитета между Гомером, воспевавшим героическую эпоху, и теми, кто не только собирал свои материалы, но и формировал свои мысли после того, как книга была закрыта и после того, как ее плавающие воспоминания стали предметом непрекращающегося процесса фальсификации.

В течение долгого времени характер наших древних историй был таков, что они принимались без вопросов. Но там, где многое противоречило само себе, не во все можно было поверить. При таких обстоятельствах не было ничего противоестественного в том, что предпочтение отдавалось тем авторам, которые были полными и систематичными, а не в том, что приходилось тратить время на сбор золота по крупичкам со страниц Гомера, на тщательный сбор фактов и предположений по отдельности из текста, а затем снова оценивать количество и влияние их влияния друг на друга. Следовательно, Каталогам Аполлодора или прямым утверждениям схолиастов было позволено придать форму нашим ранним историям Греции; а подлинным, но обычно более поверхностным замечаниям Гомера уделялось мало внимания, за исключением тех случаев, когда в тех или иных деталях они могли соответствовать аргументации, оказавшейся в руках у каждого конкретного автора. Опять же, поскольку Геродот по профессии был историком и никем иным (по крайней мере, я не могу найти лучшей причины), его заметкам о предшествующих эпохах, по-видимому, придается большее значение, чем менее формально представленным заметкам Гомера, которые, согласно утверждению самого Геродота, предшествовали ему на четыреста лет. Я не хочу этим замечанием подразумевать, что Геродот и Гомер особенно расходятся друг с другом, но только для иллюстрации того, что мне кажется преобладающим источником ошибок.

В целом, если традиции, сообщаемые более поздними авторами, предпочтительнее традиций Гомера, то, возможно, потому, что, хотя они могут противоречить вероятности, а также друг другу в бесконечном количестве пунктов, все же сами по себе они более систематичны и полны. Они представляют для нас по большей части *пастичко*, произвольно составленные из материалов неодинаковой ценности, но все же составленные в единое целое; тогда как доказательства, которые он предоставляет, оригинальны, хотя и фрагментарны. Если бы за ним следовала непрерывная череда авторов, мы, без сомнения, поступили бы мудро, согласившись рассматривать факты, с которыми он имел дело, главным образом так, как их рассматривали те, кто шел по его стопам. Но, напротив, они были отделены от него пропастью, широкой и

глубокой, по которой плыли его сочинения, несмотря на трудности, столь великие, что многие считали их положительно непреодолимыми, только благодаря их необычайной плавучести.

Именно в циклических поэмах мы, естественно, должны искать материалы для расширения, толкования или исправления Гомера. Но ни от одного из них не осталось ни строчки или упоминания, которое оправдывало бы наше присвоение им какого-либо исторического авторитета, достаточного для того, чтобы квалифицировать их для такой цели. Все их предполагаемые авторы, начиная с Арктинуса, принадлежат к периодам, не выходящим за рамки дат Олимпиад[93]. Все они несут на себе следы того, что они были написаны для того, чтобы заполнить пробелы, оставленные Гомером незанятыми, и таким образом вступить в партнерство, если не с его славой, то с его популярностью; с популярностью, которую его произведения, как мы можем хорошо судить по более позднему опыту, несомненно, пролили бы некоторой долей на все композиции, якобы связанные с ними, и которая тогда, как и сейчас, представляла собой наиболее убедительный стимул для подражателей, которым приходилось искать средства к существованию с помощью своей Музы.

Гомер, без сомнения, придал теме Троянской войны огромную известность и популярность, во многом так же, как Боярдо и Ариосто придали всему кругу романов, центром которых является Орlando. Одно из этих стихотворений, "Ἰλίου πέρσις", является простым расширением, как заметил Мюр[94], третьего рассказа Демодока из Восьмой "Одиссеи"[95]. Они, кажется, несут на себе отпечаток бытия, составленного не из первых рук на основе действий людей, а из запаса композиций, в которых уже были воплощены героические поступки; так мало в них, по-видимому, той индивидуальности, которая указывает на оригинальный замысел. И, соответственно, обычным способом, цитируя их не в качестве отдельных произведений конкретного человека, но и в виде цитирования (ὁ τῶν γράψας μικρὰν Ἰλιάδα, ὁ ποιήσας τὰ Κύπρια ἔπη), писатель малой Илиаде, композитор Киприан песни, и тому подобное. Хейн[96] утверждает, что даже начало циклических поэм было по крайней мере на столетие позже даты "Илиады" и "Одиссеи".

Мистер Файнс Клинтон, чье имя никогда не может быть упомянуто без благодарного признания его заслуг и услуг, в начале своего "Fasti Hellenici" предлагает множество ценных предложений по анализу ранней истории Греции. Но он нигде не признает и не приближается (я полагаю) к признанию правила, что для героической эпохи авторитет Гомера является единственным в своем роде. В "Fasti Hellenici" многие утверждения, датируемые намного позже Гомера, приводятся так, как будто они имеют одинаковый авторитет с его собственными в отношении истории той эпохи; и мистер Клинтон, по-видимому, попал в ловушку, в которую его, вероятно, загнал долг хронолога, предположив, что история и хронология могут начинаться вместе; предположение, как я понимаю, не подкрепленное вероятностью. Мистер Митфорд превосходно указал на важность правдивости для деятельности Гомера и его славы как поэта в то время, когда поэт мог быть единственным историком[97], вероятность и исключительная согласованность его разрозненных анекдотов и поразительный контраст между ясностью его истории и темнотой и неопределенностью, которые следуют за ним и продолжаются до исторической эпохи. начинается; он также не стесняется заявить, что "для этих ранних возрастов Гомер - наш лучший путеводитель"[98]. Но даже этого все еще недостаточно для моего желания, которое состоит не просто в том, чтобы признать его *первым среди pares*, но относиться к его свидетельству как к главному и как к самостоятельному классу, с которым не могут соперничать никакие другие литературные свидетельства. И вот еще раз епископ Марш в

своей умелой работе о пеласгах не придает особого значения свидетельству Гомера, я бы, пожалуй, сказал, особого веса.

Но я рад опереться на авторитет, предоставленный мне практикой Буттмана, который в предисловии к своему замечательному "Лексиколу" объявляет своим правилом филологического исследования Гомера следующее: брать, во-первых, свидетельства самого текста в его нескольких частях; во-вторых, свидетельства последующей эпической поэзии и наряду с этим свидетельства первых последующих веков греческой литературы; в-третьих, грамматическую традицию.

И все же признается огромное противоречие между старым и новым. "Илиада и Одиссея", - говорит мистер Грот[99], - "и остальные фрагменты Гесиода слишком часто демонстрируют безнадежное разнообразие, когда сталкиваются с повествованиями логографов". И автор Минос[100] расчищали сказочные и порочащих счетов, что Государь, чтобы вернуться к представлениям Гомера и Гесиода; καίτοι ἡ πιθανώτερόν ἢ σύμπταντες εἰς τὴν οἱ τραγῳποιοῖ, ὥς οὐ ἄκούων ταῦτα λέγουσι. Великие писатели древности, действительно, по-видимому, никогда не подвергали сомнению авторитет Гомера как свидетеля; и никто не мог желать видеть его на троне на большем возвышении, чем то, которое было присвоено ему еще на страницах Страбона. Вергилий систематически высмеивал его, но его тема в какой-то мере вынудила его вообще не обращать внимания на историческую достоверность.

Исторический скептицизм, взявший в последние годы верх, не исправил того зла, которое было причинено исторической доверчивостью, как это было с Гомером. Когда-то мы возвысили до уровня истории общую массу преданий, относящихся к эпохам, которые предшествовали эпохам непрерывных исторических записей; теперь мы снова отказываемся от труда различения и сводим их все в равной степени к легенде. Имя мистера Грота должно иметь большой вес в любом вопросе греческих исследований, но можно усомниться в том, что сила и одаренность его могучего ума были столь же успешно применены к гомеровскому, как и к более поздним периодам. Он представляет нам, действительно, даже более подробные каталоги, чем историки привыкли, об Эолидах, Пелопидах, правящих семьях во всех уголках Греции и с древнейших времен; но он также устанавливает хронологическую точку начала истории, а именно первую зарегистрированную Олимпиаду[101]. Похоже, он считает, что заслуживающая доверия хронология Греции начинается раньше, чем ее реальная история. Он отказывается отталкиваться от раскопанных пеласгов[102]; он полагает, что у нас нет других оснований для существования Трои, кроме как для теогонических революций[103]; огромное количество ранних имен, которые он представляет, предлагаются как имена чисто легендарные. Он не будет пытаться определить, сколько или как мало истории могут содержать эти легенды; он не будет выставлять картину из-за занавеса, потому что, как он убедительно говорит, занавес - это картина, и его нельзя убрать никакой изобретательностью[104]. В основном он обращается к Гомеру, Гесиоду, трагикам и второстепенным греческим поэтам, к разрозненным замечкам историков, писателей-антикваров христианской эпохи и схолиастов. Поэтому, конечно, нельзя ожидать, что он исправит ошибку, если таковая имела, в отношении оценки поэм Гомера.

Я могу, однако, заметить, что в этом, как и в других случаях, крайности, по-видимому, сходятся. Попытки отсеять легендарные знания и отделить историческое или примитивное зерно от шелухи очищали сцену от множества мифических персонажей, неизвестных древнейшей традиции; все они теперь представлены еще раз; на них, действительно, навесили ярлык

неисторических; но они снова полностью смешаны с теми, из чьего общества их исключило критическое наблюдение. Придавая, таким образом, беспорядочный характер первым сценам греческой истории, мы, по-видимому, осуществляем регрессивную, а не прогрессивную операцию. В любом случае следует понимать, что поднятый вопрос охватывает вопрос о том, имеет ли личность Ахилла и Агамемнона не лучшие корни в истории, чем личность пеласга, Прометея или Эллина. И опять же, являются ли все они, будучи равными друг другу, равными и не более чем равными в заслугу Церере, Бахусу или Аполлону. Что касается всех одинаково, то какая доля правды может быть в легенде и есть ли вообще, "установить невозможно, да и бесполезно спрашивать"^[105]; все одинаково принадлежат к региону, по сути мифическому, недоступному ни критику, ни хронологу.

Если высказанные здесь мнения в какой-либо степени верны, мы должны попытаться восстановить в качестве реальных персонажей и воплотить в жизнь некоторые из этих изображений и даже тех лиц, которых мистер Грот отправил в страну Теней и Грез.

С этой точки зрения древнейшая греческая история должна основываться на тексте Гомера, и не только на его поверхности, но и на его глубинах. Должны быть зарегистрированы не только его более широкие и очевидные утверждения, но мы должны искать и обшаривать все те более слабые указания, предположения и источники выводов, которыми он так необычайно богат; и заставить его, так сказать, уступить свои сокровища. Действительно, мы не можем, подобно зоологу, произнести сами слова: "Дайте мне кость, и я расчленю животное"; однако разум Гомера был устроен настолько точно, что мы можем подойти к этой уверенности ближе, имея дело с ним, чем с любым другим порождением человечества. С более поздними и неполноценными доказательствами следует обращаться по-другому, и их не следует рассматривать как по своей сути авторитетные. Но та его часть, которая заполняет пробелы или подтверждает предположения Гомера, получает, таким образом, право на нечто историческое. Опять же, широко распространенные и единообразно продолжающиеся традиции могут служить доказательством дурной славы и могут, не благодаря их личной заслуге, а благодаря их совпадению, обеспечить нам достаточно прочную почву под ногами. За пределами всего этого мы можем продолжить и можем представить на обозрение, где по какой-либо причине это кажется желательным, даже плохо подкрепленные легенды, но всегда как таковые, с точным указанием любых обстоятельств, которые могут иметь тенденцию укреплять их честь или дискредитировать, и с достаточно четко обозначенной границей между ними и рассказами, опирающимися на авторитет Гомера. Таким образом, общим правилом было бы начинать с Гомера: *принцип Юпитера*. Мы должны расставить каждое его высказывание по своим местам, как множество краеугольных камней в фундаменте. Пока он ведет нас за руку, мы должны действовать со сравнительной уверенностью; когда мы покидаем его руководство, мы должны действовать осторожно, с недоверием, тоном не выше спекуляции и общепризнанных предположений.

Во многих случаях применение этих принципов потребует пересмотра зачатков ранней греческой истории. В качестве иллюстрации этого утверждения я сошлюсь на легенду, которая до сих пор считалась в значительной степени этнологической отправной точкой греческой истории.

Современные представления о распределении греческих рас основаны на предположении, что жил некий эллин и что у него было три сына: Дорус, Эол и Ксуф, последний из которых умер и

оставил после себя двух сыновей, Иона и Ахея. Этот Эллин был (так гласит история) сыном Девкалиона, а Девкалион был сыном Прометея и мужем Пирры, которая, опять же, была дочерью Эпиметея и Пандоры, первозданной женщины. Благодаря Девкалиону и Пирре человеческая раса получила новое начало после Всемирного Потопа. Нация в целом называлась эллинами, в честь Эллина; и от двух его выживших сыновей и внуков Иона и Ахея были названы четыре великие ветви общего ствола. Такова легенда, как она изложена у Аполлодора[106]; и та ее часть, которая описывает Эллина и его трех сыновей, но не более, найдена во фрагменте Гесиода, цитируемом Цецесом в "Ликофроне"[107].

Очевидно, что любой, кто взялся бы за сочинение истории со сложной целью, во-первых, объединить греков общими расовыми узами; во-вторых, отнести их к общей стране как к их колыбели; и, в-третьих, возвести их происхождение к глубокой древности, вряд ли смог бы добиться большего, чем выдумать эту историю. И то, что могло быть сделано одним махом отдельным умом, было сделано не менее эффективно общей мыслью и желанием греческого народа, постепенно оформившимися в традицию. В этой сказке есть симметрия, больше всего наводящая на мысль о замысле и изобретательности. Как ясно это связывает все знаменитые семьи или группы греческой нации; с какой точностью это фиксирует их отношение к общему корню; и с каким беспристрастным учетом самолюбия каждого из них и их различных долей славы.

Не только в целом, но даже в деталях мы можем наблюдать постепенное формирование этой традиции, адаптирующейся к условиям Греции. У Гомера мы не находим особо выдающихся эллинов, за исключением эолидов и ахейцев. Это первый этап. Но когда дорийцы достигают власти[108], они претендуют на долю в прошлом, соответствующую их преобладанию в настоящем: и соответственно они получают первое место в генеалогии в том виде, в каком она существует у Гесиода, где Дорус назван первым среди трех сыновей Эллина. Ахейцы, пребывающие сейчас в депрессии, вообще не выглядят эллинами. Но с течением времени афинские ионийцы, став могущественными, захотели также прославиться: следовательно, для них должно быть создано место; и ахейцы также из-за их местного смешения с той же расой и их политических симпатий к Афинам снова получают право на внимание: соответственно, Ксуф в окончательной форме традиции наделен двумя сыновьями. Ион и Ахей, и теперь каждая из четырех ветвей занимает свое соответствующее место.

Однако эта традиция ни полностью, ни частично не поддерживается Гомером и не может быть приложена к тому, чтобы вписаться в Гомера; не говоря уже о том, что она содержит в себе много несоответствий. Если мы исключим Ксуфа как простого немого, это даст нам пять человек в качестве эпонимов пяти рас, причем четыре последних входят в первую. Но из пяти персонажей, таким образом выведенных на сцену, Гомер называет нам только одного; у этого человека, Эола, нет расы или племени, а только две или три линии потомков, названных в его честь. Опять же, двое или трое детей Эола у Гомера становятся пятью у Гесиода, двенадцатью у Аполлодора, а благодаря дополнениям других авторов общее количество достигает семнадцати[109]. Таким образом, что касается личностей, у Гомера действительно есть Эол, но у него нет ни эллинов, ни доров, ни ионов, ни ахеев. Теперь что касается рас. Он упоминает, без сомнения, эллинов, ахейцев, дорийцев, ионийцев; но вряд ли дает какие-либо средства отождествления дорийцев с эллинами, а что касается ионийцев, выдвигает довольно веские предположения, что они не были эллинами[110]. Он также не устанавливает никакой связи ни между одной из четырех рас и каким-либо общим предком или эпонимистом. Опять же,

Девкалион из этой легенды на два поколения старше своего Эола; но Девкалион Гомера, которого можно считать за три поколения до падения Трои, также на три поколения позже своего Эола. На самом деле, эта легенда об Эллине и его семье подобна уродливому и непрочному, но формальному современному дому, построенному из кощунственного собрания фрагментов благородных руин.

Однако, устанавливая авторитет Гомера, можно счесть опасным ниспровергать авторитет Гесиода, который ближе всего к нему подходит. Но, во-первых, Гесиод ответственен только за ту часть легенды, которая связывает двух людей по имени Эол и Дорус с Эллином в качестве их источника; что, в любом случае, является не более чем поэтической оболочкой, приданной гипотезе, по существу, не противоречащей гомеровским традициям. Во-вторых, что касается букварной истины, название Эллен сразу же является убедительным доказательством против его собственных претензий на исторический характер, подобный тому, который ему присвоен, потому что его этимология отсылает его к территориальному названию Ἐλλάς, а через это и к национальному названию Ἕλλοι[111]. Наконец, существенное различие в авторитете лежит между Гомером и Гесиодом, а не между Гомером вместе с Гесиодом, с одной стороны, и теми, кто пришел после Гесиода, с другой. Гомер был полностью в рамках сферы и духа героической эпохи; Гесиод был столь же явно вне ее. По-видимому, его отделяет от могущественного мастера значительный срок, даже если измерять его годами. Этот термин было бы трудно определить каким-либо заданным числом; но легко видеть, что даже будучи определенным, он передавал бы совершенно неадекватное представление об интервале поэтических и личных различий, а также о моральных и социальных изменениях между Гесиодом и Гомером. Ее нельзя найти в той или иной вариации, ибо она принадлежит всему порядку идей; все элементы мысли, весь тон картины, атмосфера, в которой видны люди и предметы, существенно изменены.

Однако я осмелюсь сделать одно замечание по поводу очень красивого описания эпох Гесиодом. Никого не может не поразить порядок, в котором он их расставляет. Начав с Золотого, он переходит к Серебряному веку, а затем к Медному. Но вместо того, чтобы немедленно спуститься на четвертую и последнюю ступеньку к Железному веку, он весьма необычным образом возвращается по своим следам и разрывает нисходящую цепь эпохой героев, о которых он говорит, что это было

δικαιοτέρων καὶ ἄρειον,
ἄνδρῶν ἡρώων θεῶν γένος, οἱ καλέονται
ἡμίθεοι προτέρῃ γενεᾷ κατ' ἀπείρονα γαῖαν[112].

Далее он объясняет, что это были люди, частично убитые в Фиванской и Троянской войнах, частично перенесенные Юпитером на край земли, на острова блаженных. После этого чаша весов сразу опускается до самой низкой точки - Железного века, века, в котором не было ни νέμεσις, ни αἰ δὴ, века абсолютного зла и коррупции.

Этот весьма любопытный поворот в расположении эпох Гесиода, и особенно включение в правильный образный ряд, взятый из металлов, совершенно разнородного отрывка, требует объяснения; и я осмеливаюсь предположить, что этот отрывок следует истолковать как раскрывающий нам тот сияющий ореол, который гомеровские поэмы отбрасывали на эпоху, еще недавнюю, чтобы не только возвысить ее над последующей, но и даже над той, что ей

предшествовала; над эпохой Беллерофонта, Тантала, Сизифа, Миноса. , и даже о Геркулесе. Великолепие славы героев действительно зависело от Барда. Великий Бард Греции вознес Ахилла и Улисса на высоту, превосходящую высоту более древних Героев, которые остались им невоспетыми; и он пообещал Менелаю в Четвертой "Одиссее"[113] то самое место в обители блаженных, на которое ссылается здесь Гесиод. Хотя очевидный поэтический солецизм этого отрывка объясняется таким образом, он сразу становится и убедительным свидетельством огромной силы, которой обладают стихи Гомера, и четким заявлением Гесиода о широком социальном интервале, которым он сам был отделен от героического периода; заявление, полностью согласующееся с внутренними свидетельствами поэм Гесиода в целом и подразумевающее двойное утверждение этого поэта, что Гомер принадлежал к героической эпохе, и что он сам к ней не принадлежал.

Таким образом, традиция Эллина и его сыновей демонстрирует один из случаев, когда мы должны сделать выбор между свидетельством Гомера и тем, что, по-видимому, является изобретением более поздних греков.

Другой из этих случаев, который будет моей второй и последней иллюстрацией, связан с Еленой Троянской.

Было много споров о том, следует ли считать этого знаменитого персонажа историческим или вымышленным. Писатель, обладающий не меньшим суждением и авторитетом, чем епископ Сент-Дэвидс, принимает последнюю альтернативу по разным причинам. Самым сильным из них, по его мнению, является то, что "в "похищении Елены" Парис лишь повторяет подвиг, также приписываемый Тесею"[114]. Этот подвиг, по мнению епископа, был известен Гомеру, поскольку он представляет Этру, мать Тесея, в компании Елены в Трое. Другие авторы развили эти идеи дальше, найдя абсурдность в гомеровском рассказе о Елене на том основании, что ей, должно быть, было восемьдесят лет, когда произошло предполагаемое похищение Парисом.

Итак, основа этих утверждений полностью зависит от предположения, что более поздние традиции имеют право рассматриваться либо наравне, либо, во всяком случае, как однородные с традициями Гомера. Традиция, приписывающая Тесею изнасилование Елены, доступна только для того, чтобы дискредитировать рассказ о Гомере, исходя из предположения, что он опирается на авторитет, подобный авторитету Гомера. Но если это было позднее изобретение, то его, скорее всего, следует рассматривать как свидетельство славы гомеровских персонажей и стремления Аттики наделить своего героя подобными украшениями, чем как оригинальную традицию, скопированную Гомером, или как отчет, совпадающий с тем, что он передал.

Традиция о похищении Елены Тесеем упоминается Геродотом[115] как история, распространенная среди афинян. Он свидетельствует, по-видимому, о том факте, что децелийцы Аттики пользовались определенными иммунитетами в Спарте и были пощажены лакедемонянами, когда те вторглись в Аттику; афиняне приписали это тому, что они помогли вернуть Елену у Тесея, указав Тиндаридам место ее укрытия. Геродот, однако, не подтверждает ни причину, заявленную афинянами, ни похищение Тесеем, которое впоследствии стало или даже тогда было устоявшейся традицией. Исократ[116] обращается с этим без опасений, и это методично изложено у Плутарха со множеством других подробностей, наше принятие которых абсолютно требует отказа от исторического авторитета Гомера.

И то же самое касается Этры, дочери Питфея, которую более поздние века связывают с Тесеем. Мы не имеем права рассматривать ее появление в компании Елены[117] как доказательство того, что Гомер знал историю, связывающую Елену с Тесеем, если только мы не знали, чего мы не знаем, от Гомера или от авторитета, имеющего право конкурировать с Гомером, что между Этра и Тесеем была связь.

Итак, история о том, как Гомер уважал Елену, совершенно непротиворечива; так же, как и его история о Тесее: но их разделяют промежутки чуть менее чем в два поколения, или, скажем, пятьдесят лет. Для Тесея[118] участвовал в войнах против фйрес, в которых принимал участие Нестор: он ухаживал и женился на Ариадне, тете Идоменея, который сам был почти на одно поколение старше греческих царей в целом. С другой стороны, Гомер показывает, что возраст Елены был как раз пропорционален возрасту Менелая: до похищения у нее была дочь Гермiona, и она могла, что касается возраста, родить детей после возобновления их супружеского союза[119]. Почему же тогда, если Гомер является высшим авторитетом, мы должны, основываясь на свидетельстве, которое ниже его, вносить конфликт и абсурд в две традиции, которые он дает нам далеко друг от друга и каждая из которых самосогласованна, устанавливая связь между ними?

Я привел эти два случая не для того, чтобы снять вопрос о превосходстве свидетельств Гомера, но для того, чтобы показать, насколько важен этот вопрос; и в скольких случаях история героической эпохи должна быть переписана заново, если мы примем принцип, согласно которому Гомера следует воспринимать как оригинального свидетеля, современного нравам, нет, возможно, даже некоторым из лиц, которых он описывает, и подлежащего только таким выводам, какие могут быть сделаны другими оригинальными свидетелями; в то время как более поздние предания основываются только на слухах; настолько, что они едва ли могут быть приняты во внимание. их следует называть доказательствами, и никогда не следует противопоставлять, исходя из их собственной чести, свидетельству Гомера.

Подводя это обсуждение к концу, я процитирую отрывок, посвященный Гомеру, из Исследования графа Абердина о принципах красоты в греческой архитектуре, который, я думаю, с большой правдивостью и простотой выражает основу общих притязаний Гомера на авторитет, при условии, конечно, любого вопроса, касающегося подлинности полученного текста:

Рассматривая эпоху, далекую от подхода к регулярной истории, нам повезло, что у нас есть такой безошибочный проводник, как Гомер, чья общая точность наблюдений и детальность описаний таковы, что служат обильным источником информации почти обо всем, что связано со временем, в которое он создавал свой труд; и который, будучи почти современником событий, о которых он повествует, и, более того, с самым ранним материалом, о котором известно в Греции, не впадает в ошибки и анахронизмы в искусстве, манерах или управлении, как он мог бы сделать, живи он в более позднее время. расширенный и усовершенствованный период[120].

О некоем Дорофее говорили, что он всю свою жизнь потратил на попытки разъяснить значение гомеровского слова κλισίη. Такая диспропорция между трудом и его целью несколько поразительна; и все же вряд ли будет преувеличением сказать, что никакие усилия, затраченные на какую-либо из великих классиков мира и сопровождающиеся сколько-нибудь реальным результатом, на самом деле не пропадают даром. Лучше написать одно слово на

камне, чем тысячу на воде или песке; лучше убрать один случайный камень с тропы, ведущей на холм истинной культуры, чем прорубать мили окольных троп, которые вводят нас в заблуждение, когда мы идем по ним, и делают нас более чем довольными, если нам посчастливится обнаружить, когда мы выйдем из их изгибов, что мы просто вернулись к точке нашего века, с которой в сангвинической юности мы отправились в путь.

Поскольку правила, изложенные выше, могут быть полностью поняты только при их применении, соответственно, была предпринята попытка их применения в работе, введение к которой составляют эти страницы. С этой точки зрения, это можно рассматривать как их необходимое продолжение. Я передаю это в печать с немалыми опасениями и с должным уважением к суждениям ученых, ибо я не чувствую, что обладаю ни свежими воспоминаниями, ни готовым распоряжением сокровищами древней Греции, ни обширными и систематическими знаниями современной гомеровской литературы, которые входят в число существенных условий квалификации для удовлетворительного рассмотрения предмета. Я должен далее сказать, что поэмы Гомера, которые должны быть правильно и основательно озвучены, несомненно, требуют отвлеченного ума, возможно, это окупило бы даже изучение целой жизни. Только одну просьбу я могу выдвинуть с уверенностью. Это произведение, каким бы оно ни было, было добросовестно основано на тексте Гомера. Будь то в заявлении или в умозаключении, я желал и старался, чтобы оно вело меня за руку: и даже мои предвидения того, что мы могли бы в любом случае ожидать от него, были сформированы рефлекторным процессом из предложений, которые оно само выдвинуло:

Oh degli altri poeti onore e lume!
Vagliami il lungo studio, e il grande amore
Che m' ha fatto cercar lo tuo volume;
Tu sei lo mio maestro, e il mio autore^[121].

Наконец, хотя я и разделяю недовольство других установившимся у нас предпочтением латинских имен божеств, изначально греческих, и некоторой частью нашей орфографии греческих имен, я счел за лучшее придерживаться в целом общего обычая и отклоняться от него только там, где имелась в виду особая цель. Я боюсь, что разнообразие и даже путаница, скорее всего, возникнут, чем какая-либо польза, от усилий по реформированию, предпринимаемых отдельными лицами и без преимущества ни авторитета, ни четкого принципа в качестве основы для всеобщего согласия. Здесь я склонен сказать: "οὐκ ἄρα θὸν πολυκοίρανιν"; и снова с Вордсвортом,

"Меня утомляет эта неизведанная свобода".

И все же я был бы рад увидеть тот день, когда под руководством ученых, и особенно тех, кто руководит учебными заведениями, можно было бы добиться улучшения не только в вышеупомянутых вопросах, но и в нашем уединенном и варварском методе произношения как греческого, так и латинского языков. В этом отношении европейский мир все еще может с полным основанием охарактеризовать англичан, по крайней мере, как *penitus toto divisos orbe Britannos*.

II. ЭТНОЛОГИЯ.

РАЗДЕЛ I.

Объем исследования.

Объем исследования.

Теперь я приступаю к попытке в серии исследований практического применения принципов, которые были изложены в предварительном эссе. Первое из этих исследований по некоторым причинам может быть признано наиболее опасным. Это исследование ранней этнологии и этнографии Греции: или состава греческой нации, преемственности и распределения ее рас, согласно тексту Гомера. Религия, политика, нравы, современная история "Илиады" и "Одиссеи" могут по праву считаться существенными частями замысла Поэта и были отчетливо предусмотрены его намерением. Но в предшествующие легенды он погружается лишь время от времени, а тему преемственности и распределения рас, вероятно, вообще не входило в его намерения затрагивать; так что в попытке исследовать ее мы полностью зависим, насколько это касается его, от разрозненных и случайных упоминаний.

Но именно здесь необычайная уверенность и точность ума Гомера сослужили нам такую замечательную службу. Везде, где среди облаков и хаоса до-гомеровской древности он позволяет нам различить светящуюся точку, эта точка является маяком и указывает почву, по которой мы можем уверенно ступать. Материалы, которые на первый взгляд кажутся на первый взгляд доступными для наших целей, действительно могут быть весьма скудными. Но тщательный сбор воедино многих разрозненных указаний и строгое наблюдение за их относительным значением приводит к тому, что каждый фрагмент, добавленный к запасу, может как получать иллюстрацию из того, что уже известно, так и давать ее взамен, помогая объяснить и установить связи, которые до сих пор были сомнительными или неясными. И по мере роста общего или валового накопления чистый результат увеличивается в более быстром соотношении: как единственная известная точка на плоскости не говорит нам ни о чем, кроме самой себя, но две позволяют нам провести линию, а три - треугольник, и каждая последующая точка по мере ее добавления образует множество фигур; или как в картографических головоломках, составленных для того, чтобы спровоцировать изобретательность детей, когда после того, как очень немногие страны расположены на своих местах, они служат ключами к остальным, и мы можем с уверенностью разложить их в общем порядке. Тем не менее, я не теряю надежды, что, по крайней мере, в отношении некоторых частей этого этнического исследования, гомеровские указания могут, будучи сведены воедино, оправдать применение к ним слов, использованных Цицероном для другой цели: *есть эним адмирабилис, продолжающий сериал, повторяемый, без исключения, из алиуса следующего, и повсюду среди подходящего совместного видеосюжета*^[122].

Я не должен, однако, переступить порог исследования, не предупредив, что с самого начала нам придется столкнуться с широко выраженным мнением, исходящим от человека такого высокого авторитета, как мистер Гроте, наш новейший историк Греции, о том, что эти расспросы бесполезны. Этот намек настолько важен, что он должен быть изложен его собственными словами. "Изучая историческую Грецию, - говорит м-р Гроте, - мы вынуждены принять эллинскую совокупность с составляющими ее элементами в качестве основного факта

для начала, потому что состояние нашей информации не позволяет нам подняться еще выше. При каких обстоятельствах или из каких ранее существовавших элементов эта совокупность была сведена воедино и модифицирована, мы не находим доказательств, заслуживающих доверия[123].” И затем, осуждая, в частности, пеласгические исследования, он резюмирует: “если кто-либо склонен называть неизвестный доэллинский период Греции именем пеласгический, у него есть право выбора. сделайте это: но это название не несет в себе никаких надежных предикатов, никоим образом не расширяет наше понимание реальной истории и не позволяет нам объяснить - в чем заключалась бы реальная историческая проблема — как или у кого эллины приобрели тот запас предрасположенностей, способностей, искусств и т. Д., С которым они начали свою карьеру.... Сейчас мы не располагаем никакими подтвержденными фактами — Геродоту и Фукидиду даже в их эпоху они не были известны, - на которых можно было бы строить достоверные утверждения о доэллинских пеласгах”.

Отвечая на эти отрывки, которые ставят вопрос не менее широко, чем справедливо, сначала можно заметить, что, по крайней мере, Геродот и Фукидид думали не так, как нам предлагается думать за них, и что о суждении последнего, как исследователя фактов, сам г-н Грот справедливо выразил высочайшее мнение[124]. Г-н Грот, поместив в одну категорию всего, что относится к легендарной эпохе, считает ее в целом трудноразрешимой и неисторической, с преобладанием сентиментальных атрибутов, совершенно непохожих на практический склад ума греков более поздних времен[125]. Но не произошло ли это нарушение равновесия главным образом потому, что подлинный, хотя и скудный исторический материал героической эпохи, представленный поэмами Гомера, был вытеснен и затоплен накоплениями, созданными воображением, тщеславием, обидой или патриотизмом в течение тысячи лет? Даже в отношении нерасчлененной массы легенд, на которые ссылается выдающийся историк, можно усомниться, не является ли она, если рассматривать ее в целом, скорее сбивающей с толку, бесформенной и непоследовательной, чем сентиментальной. Повсюду она была омрачена противоречивыми целями и несанкционированным вмешательством поколений, которые перестали сочувствовать героической эпохе. Во всяком случае, я прошу разрешения попробовать, что мы можем сделать из той эпохи в вопросе истории, имея дело прежде всего с тем, кто использовал ее для целей истории, за исключением тех, я имею в виду последующих поэтов, трагиков и логографов, для которых это было немногим больше, чем роман.

Я надеюсь, что недавние примеры таких образованных и способных людей, как епископ Терлуолл и К. О. Мюллер, ни один из которых не считал темы такого рода слишком непривлекательными, чтобы поощрять исследование, могут помочь как предотвратить введение предварительной преграды в дискуссию, так и защитить ее от неблагоприятного предубеждения. Предвосхищая, я не могу разумно дать никакого другого ответа на осуждающий приговор, кроме того, который выражен в словах ‘давайте попробуем’. Но в любом случае, *это опера претиум*: ставка того стоит. Он был бы действительно никчемным биографом, если бы, насколько позволяли его материалы, не проследил жизнь героя вплоть до детской или даже колыбели: и те же самые верные и обоснованные инстинкты придают исключительный интерес любому реальному разъяснению фактов и идей, составляющих образ греческой нации либо в ее младенчестве, либо даже в зародыше.

В "Илиаде" есть три и только три обычных имени, которыми поэт обозначает людей, объединившихся против Трои. Этот же самый народ впоследствии прославился в истории, возможно, больше всех других, во-первых, под названием эллины, которое было

самоназванием; и, во-вторых, под названием греки, которое они получили от своих итальянских завоевателей и пленников. Греция теперь снова стала Элладой.

Этими именами, выдающимися далеко за все остальные, являются,

1. δαναοὶ , данайцы.
2. Ἀργεῖ Οἱ, аргейцы или аргивянки.
3. Ἀχαιοὶ , ахейцы.

Их обычно рассматривают как синонимы. По крайней мере, предполагалось, что они неспособны дать какие-либо практические результаты при попытке исторического анализа и распространения. Полное рассмотрение этого вопроса является основной частью моей нынешней цели. Таким образом, по крайней мере, многое становится ясным: для троического периода они, по-видимому, являются эквивалентами эллинского имени в более поздние времена.

Но есть и другие названия различных классов, которые из-за их связи с предыдущими имеет смысл привести в рассмотрение.

Во-первых, у Гомера встречаются два других обозначения, которые предполагают тот же эффект, что и три уже процитированных. Это

1. Παναχαιοὶ , Panachæans.
2. Πανέλληνες, Panhellenes.

Далее следуют три названия рас, связь которых с предыдущими наименованиями потребует тщательного изучения. Это

1. Πελασγοὶ , Pelasgians.
2. Ἑλλήνες, эллины.
3. Θρῆκες, фракийцы, или, скорее, фракийки.

Наконец, существует более многочисленный класс названий, которые являются локальными в том смысле, что Гомер упоминает их только в связи с определенными частями Греции, но которые, будучи явно племенными, а не территориальными, четко отличаются от названий, которые обязаны или могли быть обязаны своим происхождением различным городам или районам страны, таким как Фокийский (Ил. ii. 517), Родийский (654), Элианский (Ил. xi. 670) или Итаканский ("Одиссея" *passim*): а также от названий, которые уже были или могли быть обязаны своим происхождением различным городам или районам страны. впоследствии возникли в установившейся связи с районами, хотя они, по-видимому, изначально не были территориальными: такими, как Аркадийский (Ил. ii. 603, 611), Беотийский (Ил. ii. 494), Афинский (Ил. ii. 546, 551).

Из рассматриваемого нами класса есть некоторые, которые в разной степени важны в отношении взглядов на первобытную историю, почерпнутых из поэм Гомера. К таковым я отношу

1. Καδμεῖ Οἱ, Кадмийцы, в Фивах, Ил. iv. 388 и в других местах: и с этим, как эквивалентом, καδμεῖωνες, Ил. iv. 385 и в других местах.
2. Ἴόνες, ионийцы, в Афинах, Ил. xiii. 685.
3. δωριέες, дорийцы на Крите, Од. xix. 177. Город Дорион также упоминается в Каталоге как находящийся на территориях Нестора, Ил. ii. 594.
4. κεφάληνες, Кефаллен, на островах при Улиссе, Ил. ii. 631.
5. Ἐφυροῖ, Эфиры, в Фессалии, Ил. xiii. 301.
6. σελλοῖ или λλλοῖ, Хелли, в северной Фессалии, Ил. xvi. 234.
7. καύκωνες, Кавказ, южная Греция, Од. iii. 366: (и среди союзников троянцев, Ил. x. 429, xx. 329.)
8. Ἑπεῖ Οἱ, Эпейны, в Элиде, Ил. ii. 619, и на противоположном или северном побережье и островах Коринфского залива: сравните Ил. ii. 627 и xiii. 691.
9. Ἀβαντες, Абантес, в Эвбе, Ил. ii. 536.
10. μυρμιδόνες, Мирмидоны во Фтии, Ил. ii. 684.
11. κουρήτες, Кюрецы в Этолии, Ил. ix. 529.
12. Φλεγύαι, Флегия в Фессалии, Ил. xiii. 301.
13. φῆρες, в Фессалии, Ил. i. 267, 8, ii. 733, 4.

И, наконец, можно упомянуть, что в единственном слове Граї А, используемом (Ил. ii. 498) для обозначения одного из многочисленных беотийских городов, мы имеем единичное указание на существование в героические времена зародышей названий *Греция* и *греческий*, которые впоследствии приобрели и до сих пор сохраняют такую необычайную известность.

Гомеровский текст предоставит нам более или менее средства исследования большей части этих имен, но основная нить исследования проходит через эти пять; пеласги, эллины, данайцы, аргейцы, ахейцы.

В связи с данной темой я рассмотрю, какой свет проливает Гомер на отношения греков с другими расами, не являющимися собственно греческими: ликийцами, финикийцами, сикелами, египтянами, народом Кипра и, наконец, персами. Название Лелегес будет рассматриваться в сочетании с именем Кауконе.

РАЗДЕЛ II.

Пеласги; и с ними,

а. Аркадийцы. б. ὑρακοῖ или греки. с. ионийцы. г. Афиняне. е. Египтяне. ф. Фракийцы. г. Кавказцы. г. Лелегес.

Удобнее всего будет начать со случая пеласгов, и вопросы, которые нам придется исследовать, будут в значительной степени сведены к следующим главам:

1. Являются ли пеласги по сути греками?
2. Если да, то каково их отношение к эллинам и к целостной греческой нации?
3. Какие элементы они внесли в формирование так называемого составного тела?
4. На каком языке они говорили?
5. Каково было происхождение их названия?
6. Каким путем они попали в Грецию?

Прямые свидетельства гомеровских поэм о пеласгах разрознены и слабы. Однако материальную помощь она получает от различных ветвей традиции, частично переданных в гомеровских поэмах, а частично чуждых им, особенно от религии, языка и занятий. Доказательства, законно почерпнутые из этих последних источников, где бы они ни носили характер косвенных доказательств, намного превосходят по авторитетности те литературные традиции, которые в своем видимом источнике окружены обстоятельствами неопределенности.

Пеласги.

I. Первый отрывок, с которым нам предстоит иметь дело, - это та часть Каталога греческого вооружения, где Гомер знакомит нас с отрядом Ахилла в следующих строках:

Νῦν αὖ τοὺς ὅσσοι τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἔναϊον,
οἳ τ' Ἄλον οἳ τ' Ἀλόπην οἳ τε Τρηχί ν' ἐνέμοντο,
οἳ τ' εἴ χον Φθίην ἥδ' Ἑλλάδα καλλιγύναϊκα,
Μυρμιδόνες δὲ καλεῦντο καὶ Ἕληνες καὶ Ἀχαιοί,
τῶν αὖ πεντήκοντα νεῶν ἦν ἄρχος Ἀχιλλεύς[126].

Все свидетельства показывают, что Фессалия имела важнейшее отношение к зарождающейся жизни греческих рас; рассматриваем ли мы ее как место действия многих древнейших легенд; как место, достойное присутствия Додоны, высшего средоточия религиозной традиции и авторитета у греков; как связанное с двумя древними именами Элли и Пеласги: или, наконец, в связи с тем, что она сохраняла известность вплоть до и в течение исторической эпохи в составе Амфикионического собора[127]. Все эти указания согласуются с ходом греческой этнологической традиции.

Теперь Каталог греческого вооружения разделен на три больших раздела.

Первый включает континентальную Грецию с островами, непосредственно прилегающими к побережью и лежащими к югу от Фессалии. Второй состоит из греческих островов Эгейского моря. Третья полностью написана на фессалийском языке и начинается строками, которые были процитированы.

Пеласги: пеласгический Аргос.

Что же тогда Гомер хочет, чтобы мы поняли под фразой τὸ Πελασγικὸν Ἄργος в этом отрывке? Так ли это

1. Простой город или поселки и округа, такие как Алос, Алопе и другие, которые следуют за ними; или это

2. Страна, включающая несколько или много таких?

И если последнее, описывает ли оно

1. Только та страна, над которой правил Пелей и которая снабжала мирмидонское подразделение; или

2. Более обширная страна?

Сначала давайте обратим внимание на использование артикля. Не в манере Гомера употреблять артикль с собственными названиями мест. Мы можем быть уверены, что оно несет в себе особую силу: как и в Каталоге Trojan, он использует его для обозначения определенной расы или группы пеласгов[128] отдельно от других. Теперь отличительная сила изделия здесь может быть обусловлена одним или обоими из двух факторов.

1. Это может указывать на принадлежность Аргоса пеласгов к одной или нескольким другим странам или местам, носящим название Аргос.

2. Даже независимо от эпитета артикль может быть правильно использован, если сам Аргос является не строго именем собственным, а скорее описательным словом, указывающим на физический характер данного региона. Таким образом, "Шотландия" - это строго имя собственное, "Низменности" - описательное слово такого рода: и последнее использует артикль там, где первое его не требует и даже не допускает. А теперь давайте продолжим делать выбор между различными альтернативами, стоящими перед нами.

Какое бы из двух значений мы ни придали этому артиклю, оно, по-видимому, само по себе исключает предположение, что здесь может подразумеваться простой город или отдельное поселение: ибо нигде Гомер не дает артикля названию этого класса.

Во-вторых, почти в каждом месте, где Гомер говорит об Аргосе, он ясно дает понять, что имеет в виду не простой город или отдельное поселение, а страну, включающую в себя города или селения внутри нее. Исключения из этого правила редки. В Ил. iv. 52 у нас есть одно из них, где он объединяет Аргос со Спартой и Микенами и называет все три города именами. Строка Il. ii. 559, вероятно, содержит другую. Но в более позднем разделе[129] общее правило будет полностью проиллюстрировано.

Также будет ясно видно, что название Аргос на самом деле является описательным словом, а не именем собственным, и почти эквивалентно нашим "Низменностям" или итальянской "кампанье".

В-третьих, во многих других местах Каталога Гомер начинает с того, что помещает впереди, так сказать, всеобъемлющее название, которое перекрывает и включает в себя конкретные имена, которые должны последовать; а затем, без какого-либо другого отличительного знака, кроме

использования слабого энклитического копулятивного τε, переходит к перечислению частей, включенных в целое, которое он назвал ранее. Так, например,

οἱ δ' Εὐβοίαν ἔχον ...

Χαλκίδα τ' Εἰρετρίαν τε κ.т.λ.

ст. 535, 6.

‘Те, кто удерживал Эвбу, и Халкиду, и Эретрию’.... Или, используя английскую идиому, мы, возможно, можем написать более правильно: ‘Те, кто владел Эвбой, то есть Халкидой и Эретрией’ ... и остальные.

Ещераз,

οἱ δ' εἶχον κοιλὴν Λακεδαίμονα κητώεσσαν

Φῶριν τε Σπάρτην τε ...

ст. 581, 2.

"Те, кто удерживал направленную Лаконию, изобилующую дикими зверями, а именно несколько поселений Фариса и Спарты", и все остальное.

То же самое с Аркадией, ст. 603, и Итакой, ст. 631.

Поэтому мы можем рассмотреть стих 681,

Νῦν αὖ τοῦς, ὅσσοι τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἔναιον·

в качестве предисловия, и я соответственно печатаю его, чтобы отметить паузу.

Но, опять же, является ли это вступлением только к подразделению Ахилла, и это просто целое число, выражающее всю территорию, с которой был набран его контингент, или это вступительное слово ко всей остальной части Каталога, заканчивающейся на ст. 759, и включает ли оно все девять территориальных подразделений, описанных в нем? Для первого варианта нет грамматических или иных оснований, в то время как различные соображения рекомендуют последний.

В поэмах нет никаких признаков какой-либо связи между Ахиллом и его мирмидонцами или между царством его отца Пелея и какой-либо конкретной частью Фессалии под названием Аргос, или пеласгический Аргос. Хотя подразделение Ахилла не охватывало всю Фтию[130], все же Фтия, по-видимому, является правильным описанием его территории, поскольку у нее есть собирательное название: и есть признаки, которые будут рассмотрены ниже, что само название Фтия было воспринято и включено в более широкий диапазон другого названия.

Опять же, пеласгическое название, как будет замечено далее, у Гомера не связано специально с Югом Фессалии, где находилось царство Пелея, а скорее с Севером, города и поселки которого перечислены не в первом, а в последующих параграфах этой части Каталога.

В обращении к Шестнадцатой книге, на которое вскоре будет сделана ссылка, Ахилл сразу же обращается к Юпитеру как к Пеласгу и обитающему вдали (τηλόθι ναίων): следовательно, особое фессалийское местопребывание бога не могло находиться во владениях Пелея.

Мы снова наблюдали в предыдущих частях каталога различные собирательные названия, впоследствии объясненные распределенно для различных контингентов; но ни одно из названий этого класса не используется ни для одного из Восьми Подразделений, следующих за Подразделением Ахилла. Все они, по-видимому, носят форму особых распределительных перечислений, принадлежащих всеобъемлющему главе пеласгического Аргоса или Фессалии.

Есть также что-то особенное в очевидном разрыве в Каталоге, обозначенном словами

νῦν αὖ τοὺς ὄσσοι ...

которые указывают, так сказать, на совершенно новую отправную точку. Больше ничего похожего на них нет. Они образуют введение к новой главе списков после географического перехода от островов: и нет никакой причины для этих выделенных слов, если пеласгический Аргос был либо простым городским округом, либо местным владычеством, но очень веская причина, если пеласгический Аргос означал ту большую неотъемлемую часть греческой территории, Фессалийскую долину, отдельные части которой Поэт собирался описать так подробно.

Следовательно, можно сделать вывод, что эпитет Πελασγικὸν применяется Гомером к Фессалийской долине коллективно, поскольку она находится между горами Пинд на западе, Хта и Олимп на севере, Офрис на юге и Осса, или море, на востоке. Мы могли бы, без географической ошибки, перевести фразу τὸ Πελασγικὸν Ἄργος из второй Илиады этим названием Фессалии[131], которое страна впоследствии приобрела: но идея, на которую это правильно указывает нам, заключается в том, что *Аргос, который был заселен пеласгами*.

Это единственный географический эпитет, применяемый к названию Аргос и относящийся к северу Греции: и применяется он таким образом в качестве различия и противопоставления другим употреблением названия Аргос в других частях поэм, которые нам предстоит изучить позже, а именно к ахейскому и яссскому Аргосу.

Пеласги: Додона.

II. Возможно, самым торжественным обращением к Юпитеру как великому божеству греков во всех Поэмах является то место, где Ахилл, отправляя Патрокла на битву, молится о том, чтобы ему была дарована слава. Это звучит так (Ил. xvi. 233-5):

Ζεῦ ἄνα, Δωδωναίε, Πελασγικέ, τηλόθι ναίων,
Δωδώνης μεδέων δυσχειμέρου· ἄμφι δέ σ' ἄλλοι
σοὶ ναίουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαμαιεῦναι.

Кажется, не будет преувеличением сказать об этом замечательном отрывке, что он показывает нам, так сказать, нацию, устанавливающую свой первый алтарь по прибытии в страну. Это свидетельствует о том, что те, кто принес поклонение додонецкому Юпитеру, были пеласгами, а также о том, что местом, которое они выбрали для главного места своего поклонения, была Додона. Ибо обращение Ахилла по этому поводу, очевидно, самое убедительное, какое только в его силах сделать, и адресовано высшему источнику Божественной силы, который он знал.

Обсуждался, но, по-видимому, без какого-либо окончательного результата, вопрос о том, каким местом была Додона, столь известная в последующие времена Греции[132]. Однако кажется очевидным, что это была Додона к западу от Пинда, принадлежащая Теспротии или Молоссии. Но это явно была не та позиция Додоны, которую мы сейчас имеем перед собой. Ибо в отрывке из Каталога Гомер отчетливо помещает эту Додону в Фессалии, давая ей тот же эпитет, *δυσχείμερος*, который Ахилл применяет к ней в Ил. xvi. За Гунеем, по его словам, последовали эниены и перреби,

οἱ περὶ Δωδώνην δυσχείμερον οἳ κ' ἔθεντο,
οἳ τ' ἄμφ' ἰ μέρτων Τίταρῆσιον ἔργ' ἐνέμοντο[133].

И название реки Перреби, и название реки Титаресий указывают на Додону Гомера на севере Фессалии. И характер, присвоенный этому Титаресию, расположенному так близко от Додоны, как ответвлению Стикса, 'могущественному заклинанию богов', хорошо иллюстрирует тесную связь между этой рекой, которой должны были клясться другие божества, и Юпитером, который был их главой и в определенном смысле вершителем правосудия среди них. В "Одиссее", действительно, Улисс в своих вымышленных рассказах Эвмею и Пенелопе представляет себя путешествующим из Теспротии, чтобы проконсультироваться с оракулом Юпитера, который был доставлен с высокого дуба[134]. Но на этом отрывке не может быть основано предположение о близости, которое оправдывало бы наше предположение о существовании отдельной Додоны к западу от гор в гомеровскую эпоху: и не было никаких причин, по которым Улисс не мог бы изобразить себя путешествующим через перевалы горы Пинд[135] из Амбракийского залива в Фессалию, чтобы узнать свою судьбу. С другой стороны, нет никаких серьезных трудностей и в принятии предположения, на которое указывают доказательства по делу, о том, что оракул додонейского Юпитера, возможно, сменил свое местонахождение до начала исторической эпохи. Свидетельства Гомера помещают его в Фессалию, и Гомер, как мы увидим, подтверждается Гесиодом. После них мы ничего не слышим о том, что Додона располагалась в Фессалии, но в основном на западной стороне полуострова. Как в более поздние времена мы находим Перреби и Долопеса к западу от Пинда, которых Гомер показывает нам только на востоке, так и с течением времени оракул, возможно, путешествовал в том же направлении[136]. Судя по тому, как используется это имя, крайне маловероятно, что в гомеровскую эпоху существовало два греческих додона.

Однако сам отрывок, находящийся перед нами, указывает на то, что революция уже наложила свою руку на это древнее средоточие греческой религии. Ибо, хотя гомеровская Додона была пеласгической по своему происхождению, ее окрестности теперь были населены другой расой, селли или элли, и эти элли также были ὑποφῆται или служителями божества. В то время как их грубый и грязный образ жизни указывает на то, что они, вероятно, были народом недавнего прибытия, который сам еще не вышел из своего высокогорного дома и из борьбы с нуждой и трудностями к цивилизованной жизни, тем не менее, они начали посягать на пеласгов с их привлекательными владениями и более устоявшимися привычками, и силой или иным образом получили контроль над храмом, хотя и не уничтожая традиции его пеласгического происхождения. Сам факт, что эллины были в то время служителями Юпитера, имеет тенденцию подтверждать веру в то, что пеласги были теми, кто изначально основал его; ибо как иначе название пеласгийской расы могло попасть в эллинское обращение?

Таким образом, как ранее мы обнаружили, что то, что мы называем Фессалией, для Гомера является "Аргосом пеласгов", так и теперь мы обнаруживаем, что люди, связанные с первоначальным и центральным культом греческого Юпитера, вероятно, были расой, которой она была обязана своим возникновением.

И таким образом, хотя пеласги не были политически доминирующими в Фессалии в эпоху *Троики*, все же Фессалия - это пеласгийский Аргос: хотя у них не было додонецкого оракула, все же Юпитер Додонский - пеласгийский Юпитер: две ветви свидетельств, первая из которых показывает их как самых ранних известных колонизаторов страны, а вторая - как предполагаемых основателей основного предмета ее религии.

Мы не должны прекращать эту тему, не обратившись к свидетельству Гесиода, которое, хотя и уступает по важности свидетельству Гомера, стоит перед любыми другими литературными свидетельствами. Он дважды ссылается на Додону. Ни в тот, ни в другой раз он, по-видимому, не переносит его на запад. В одном отрывке он непосредственно связывает его с пеласгами;

Δωδώνην, φῆγόν τε, Πελασγῶν ἔδραν, ἦκεν[137].

В другом отрывке он связывает его с эллинским названием через территориальное обозначение Хеллопии:

ἐστί τις Ἑλλοπία πολυλήϊος ἥδ' εὐλείμων,
ἔνθα τε Δωδώνη τις ἐπ' ἐσχατίῃ πεπόλισται[138].

Таким образом, в точном соответствии с Гомером, он связывает Додону с двумя и только с двумя названиями расы, теми же двумя, что и те, с которыми она ассоциируется в призывании Ахилла.

Фессалия и Южные острова.

III. Далее, у Гомера мы находим широко распространенную связь между Фессалией и островами, которые образуют как бы дно Эгейского моря.

С этих островов он перечисляет четыре контингента, предоставленные греческой армии:

1. С Крита, при Идомене (Ил. ii. 645).
2. С Родоса, при Тлеполеме (653).
3. Из Сайма, при Нирее (671).
4. Из Нисира, Калидны и других мелких островов при Фидиппе и Антифе (676).

1. Что касается Крита. Универсальная традиция связывает имя Девкалиона с Фессалией. Но, согласно Гомеру, он был сыном Миноса, который был правителем или смотрителем Крита (κρήτη ἐπίουρος, Ил. xiii. 450): и он был также отцом Идоменея, вождя критян до Трои (Il. xiii. 452) и правителя многих из них (ibid.), но, насколько представляется, не всего острова.

Итак, Минос был не только царем всего Крита, но и сыном Юпитера (ibid., и Od. xi. 568) от знатной финикийской девушки (Il. xiv. 321); поэтому мы должны рассматривать его или его мать как пришедших из Финикии на Крит. Напрашивается вывод, что Девкалион пришел с Крита в

Фессалию и что он или его сын Идомений повторно мигрировали на Крит. Гомер на самом деле не утверждает, что Девкалион когда-либо был в Фессалии: но он косвенно поддерживает традицию, как помещая Идомения на Крите в положение, отличное от положения его деда Миноса, так и иным образом[139]. Это предположение сразу же примирит позднейшую традицию с Гомером и объяснит нам, почему внук Миноса занимал всего лишь низшее положение.

Опять же, поскольку мы видим, что Фессалия пеласгическая и что фессалийских мирмидонцев называют ахейцами, точно так же мы находим среди пяти народов Крита как пеласгов, так и ахейцев[140]. Здесь, согласно Страбону, Стафил описал эти две расы как населяющие равнины, а Андрон сообщил, что они, как и дорийцы, пришли из Фессалии: ошибочно, говорит Страбон (х. 4, с. 476), что делает материнский город дорийцев простой колонией фессалийцев. И древняя традиция, которая помещает младенца Юпитера на Крит ("Инкунабула Юпитера Критского"), согласуется с идеей, на которую наводят вышеупомянутые факты, о том, что пеласги могли прийти, по крайней мере частично, с южных островов Эгейского моря.

2. Что касается Родоса. Тлеподем, его вождь, - сын Геракла и Астиохей, которых он захватил в ходе своих набегов из Эфиры у реки Селлеиды. Возникает вопрос, какая Эфира, а какая Селлеис, поскольку и тех, и других могло быть несколько. Если они были в Фессалии[141], таким образом, у нас есть линия связи, установленная между Фессалией и Родосом.

3. Что касается контингента из Нисира, Калидны и Коса. Во-первых, им командовали Фидипп и Антиф (678), сыновья Фессала, сына Геракла. Связь между Гераклом и Фессалией, которая согласуется с общим ходом традиции, также согласуется с наиболее естественным построением, которое можно применить к этому отрывку Гомера, а именно, что этот Фессал был человеком, который впоследствии стал эпонимом Фессалии, что он был уроженцем или жителем этой страны и что либо он, либо, что более вероятно, его сыновья, были эмигрантами из нее на острова.

Его имя, некоторое время скрывавшееся, впоследствии, возможно, приобрело громкость как средство связи Фессалии с Гераклом, когда потомки этого героя стали преобладать на Юге. Возможно, появление постгомеровского имени "Дорис" можно объяснить таким же образом.

Во-вторых, Кос описывается как город Эврипила. Это может означать город, который он основал; или город, который тогда фактически находился под его властью. Вне всякого сомнения, это указывает на какую-то совершенно особую связь между Косом и Эврипилом. Теперь его имя упоминается без дополнения. Если бы он был покойным основателем города, его, вероятно, звали бы $\theta\epsilon\iota\varsigma\ \omicron\varsigma$, как Тоаса (Ил. xiv. 230). Если он был жив, то кем он был? В "Илиаде" у нас есть один очень известный Эврипил, который фигурирует среди девяти выдающихся греческих героев (Ил. vii. 167), и чей ранг дает ему право (xi. 818) называться $\delta\iota\omicron\tau\epsilon\phi\acute{\eta}\varsigma$; эпитет, ограниченный, как вероятно, царями[142]. Итак, хотя Гомер позволяет себе, когда он имеет дело со второстепенными лицами, применять одно и то же имя к нескольким индивидуумам, не всегда заботясь о том, чтобы проводить различие между ними, нет ни одного примера, когда он делал бы это для человека класса Эврипила. Следовательно, это, вероятно, тот же самый Эврипил, который встречается нам в других частях поэмы, сын Эвемона. Но из Каталога[143], похоже, что он командовал контингентом из Ормениума в Фессалии. Если тогда тот же человек, который основал Кос или имел какое-то особое отношение к нему, был также

командующим фессалийскими войсками, то здесь мы имеем новый путь связи между Фессалией и островами на юге.

4. О Нирее, названном Гомером только за его красоту, и о трех его кораблях из Сайма едва ли можно сказать, что он является единицей в греческом каталоге.

За этим единственным незначительным исключением, мы находим во всех случаях, когда речь идет об островных контингентах, связь, существующую между ними и Фессалией, и эта связь, по-видимому, не является опосредованной, вдоль линии материка, которая простирается от Фессалии до Крита на небольшом расстоянии, но, по-видимому, поддерживается непосредственно морским путем: факт, важный при рассмотрении вероятного распространения и передвижения пеласгической расы, которую мы находим существующей в обоих регионах. Мы знаем из Гомера[144], что южные острова были обычным маршрутом, соединявшим Грецию с Востоком. Есть также многочисленные следы миграции у северного побережья Эгейского моря. Таким образом, именно у обоих этих ворот Греции мы находим название пеласгов, существовавшее во времена Гомера, когда в непосредственной близости от центра ахейской державы оно уже вымерло.

Пеласги.

IV. Опять же, я думаю, что мы можем проследить тесную связь между пеласгами и греческой нацией в хвалебных эпитетах, с которыми первые упоминаются Гомером. Здесь мы должны иметь в виду, с одной стороны, необычайное мастерство и осторожность, с которыми Поэт использовал свои эпитеты, а с другой стороны, его неизменную заботу возвеличить и украсить все греческое.

Гомер называет пеласгов всего трижды, и каждый раз хвалебным эпитетом.

В Il. x. 429, где они являются частью троянского лагеря, и снова в Od. xix. 177, где утверждается, что они найдены на Крите, они являются ὄϊ οἱ. Гомер никогда не применяет это слово иначе, как к тому, что является выдающимся в своем роде: в частности, он никогда не присоединяет его к какому-либо национальному названию, кроме пеласгов, за исключением Ἀχαιοί, что само по себе равносильно предположению, что он считал своих соотечественников в некотором роде стоящими в одном классе с пеласгами.

В оставшемся отрывке, где он называет пеласгов, приведенном в "Троянском каталоге" (Ил. ii. 340), он называет их ὑπεσπίωροι. Он использует этот эпитет только в трех других местах. Само по себе оно похвально, потому что связано с правильной работой героев, с σταδίη ὑσμίνη. В одном из трех мест он применяет это слово по отдельности к двум царским воинам, одному Муну, мужу Брисеиды, а другому Эпистрофию (Ил. ii. 693), воину, связанному с Мунесом. Во втором (Ил. vii. 134) он отдает его аркадянам, которых в Каталоге (ii. 611) он уже называл ππιόταμενοι πολέμιζέιν. В третьем отрывке (Od. iii. 188) он приписывает этот эпитет самим мирмидонянам. Из каждого из этих употреблений, особенно последнего, мы можем сделать новые предположения о его высокой оценке пеласгийского имени.

Снова V. В случае расы, за исключением случаев, когда ее можно проследить до Эпонима или лица, давшего имя, название во множественном числе в обычном употреблении предшествует единственному. Должны быть кельты, прежде чем может появиться кельт, и пеласги, прежде

чем может появиться пеласгиан. Таким образом, употребление единственного числа в названиях народов является доказательством того, что устоялось и давно знакомо.

Например, Гомер не называет один греческий Δαναός, ни Ἀργεῖος (хотя в отдельных случаях Юноны и Елены, которые он использует, единственном числе женского рода, которых больше в будущем), но только Ἀχαιοί; и мы найдем, что этот факт не лишена смысла. Поэтому стоит отметить, что он использует термин πελασγῶς в единственном числе. Вождями пеласгов ἐπίκουροι в Трое были Гиппот и Пулей (Ил. ii. 843), которые были

οἱ ἐ δὴ Λήθοιο Πελασγοῦ Τευταμίδαο.

И снова, (xvii. 288),

Λήθοιο Πελασγοῦ φαίδιμος υἱός.

‘Прославленный сын Пеласга Лета. Судя по их месту в Троянском каталоге, кажется неясным, были ли эти пеласги европейцами или азиатами; также не имеет значения, к какому региону они принадлежали.

Пеласги и Ларисса.

VI. Далее следует отметить, что Гомер отчетливо подразумевает существование различных племен пеласгов под тем же названием в разных и далеко отстоящих друг от друга местах. Он говорит,

Ἰππόθοος δ’ ἄγε φύλα Πελασγῶν ἐχχεσιμῶρων
τῶν, οἱ Λαρίσσην ἐριβώλακα ναϊετάουσιν.

Страбон справедливо отмечает, что употребление множественного числа φύλα в этом отрывке подразумевает значительные числа. И слова τῶν ἰ в следующей строке, означающие “именно те пеласги, которые”, показывают, что поэт счел необходимым использовать отличительный знак, чтобы этих пеласгов нельзя было спутать с другими пеласгами. Опять же, поскольку это находится в Троянском каталоге, где, как само собой разумеющееся, греков не было найдено, ему вряд ли нужно было отличать их от каких-либо пеласгов, связанных с греками, и мы можем предположить, как наиболее вероятное, что он имел в виду таким образом отличить их от других пеласгов за пределами Греции, а не в самой Греции. В то же время он, возможно, имел отношение к другим пеласгам из пеласгического Аргоса. В этой стране, как мы можем с уверенностью заключить из самого названия, они, как известно, составляли основную массу населения, и поскольку мы не слышим о такой массе пеласгов нигде у Гомера, он, возможно, имел их в виду, когда описывал троянских пеласгов как пеласгов Лариссы.

Некоторый свет на характер и привычки народов также проливают эпитеты, прилагаемые к местам их проживания. Гомер упоминает Лариса, но дважды: первый раз здесь, и когда он касается смерти Hippothous, ἀπὸ ἐριβώλακος τῆς Λαρίσσης (Ил. XVII в. 301). Плодородие Лариссы, насколько это возможно, указывает на то, что пеласги были народом земледельцев с оседлым образом жизни.

Однако существует некоторая трудность, связанная с особым знаком, который Гомер использовал для различения этих пеласгов. ‘Гиппотей вел пеласгов, я имею в виду тех пеласгов, которые населяют плодородную Лариссу’. Из этого следует, что во времена Гомера, хотя

пеласгов было много в разных местах, Ларисса была только одна. И, соответственно, это название никогда не встречается в "Греции Гомера", ни в Каталоге, ни где-либо еще. Тем не менее традиция передает нам множество Ларисс, как в Греции, так и за ее пределами; и критики считают разумным предположить, что везде, где мы находим Лариссу, там были поселены пеласги. Но это имя Ларисса, по-видимому, не использовалось и, вероятно, не могло широко использоваться во времена Гомера; ибо, если бы это было так, использование поэтом термина "Ларисса" не было бы в данном случае тем, что он имел в виду, а именно отличительным. Однако уже в то время пеласги, по-видимому, приходили в упадок. Как же тогда они могли построить много новых городов в последующие века? И, кроме как таким образом, как могло имя Лариса возродиться и приобрести свое особое значение?

В шести местах "Илиады" мы слышим об особой части города Трои, которая была построена на возвышенности и в которой находился храм Аполлона (ст. 446). Это дает нам пример отдельного названия, $\tau\acute{\epsilon}\rho\upsilon\alpha\mu\omicron\varsigma$, прикрепленного к отдельной части города, которая, по-видимому, является цитаделью. Аналогичным образом, цитадель Аргоса (которая стояла на возвышении) позже имела отдельное название, которое было Ларисса[145], и, как говорили, происходила от дочери Пеласга, так называемой[146]. Теперь, возможно, стало общим правилом называть цитадели пеласгийских городов Лариссой. Если это так, то мы можем легко понять, что до тех пор, пока сохранялись сами города, или, скорее, это могли быть разбросанные деревушки, название цитаделей было бы редко услышано; но когда первые пришли в упадок, осталась бы прочная каменная кладка, которую пеласги использовали для стен и общественных зданий, но которая не распространялась на частные жилища. Таким образом, цитадели, естественно, сохранили бы свое старое название, которое было первоначально присвоено им в связи с их укреплениями. Эта гипотеза полностью объясняет поглощение конкретных и отдельных названий городов в первоначальном и распространенном названии их цитаделей.

Там, где на земле было основано сельскохозяйственное поселение, в каком-то конкретном месте которого можно было легко построить укрепления, удобство, вероятно, диктовало бы возведение цитадели для случайного отступления во время опасности, без каких-либо попыток собраться в одном месте и окружить стенами жилища поселенцев: мера, которая, поскольку влекла за собой множество неудобств, могла быть предпринята только под давлением острой необходимости. Такова, как я предположил, была обычная история пеласгийских ларисс. То, что, хотя и процветало как пеласгийское поселение, могло быть Аргосом[147], возможно, после завоевания и последовавших за ним изменений станет, наконец, Лариссой.

Но могут возникнуть случаи, когда наиболее плодородные земли, лежащие совершенно открыто и на ровной местности, будут, с одной стороны, представлять особые соблазны для грабителя, а с другой - не предлагать обрывистого или возвышенного места, подходящего для отдельного укрепления. В таком случае название $\acute{\epsilon}\rho\iota\upsilon\omega\lambda\alpha\varsigma$ было бы наиболее заслуженным, и в таком случае также вероятным результатом было бы строительство города, обнесенного стеной, включающего все жилища колонистов. Этот город, обнесенный стеной, по той же причине, что и цитадели в других местах, сам по себе был бы Лариссой: и, таким образом, это пеласгийское название могло быть характерным во времена Гомера, и все же могло стать распространенным впоследствии.

Все это соответствует общему мнению по двум пунктам: (1) что пеласги обитали, как и в Аттике, в $\kappa\omega\mu\eta\delta\omicron\nu$ и (2) что лариссы - пеласги.

Но, более того, это поддерживается конкретными примерами. Троя, например, ее Pergama на возвышенной части участка, где он стоял, и из эпитетов αἰ πείνη, ὄφρουέσσα, ἥμερόεσσα, применяется к имени Ἴλιος но никогда не Τροίη (конечно, я имею в виду, когда это последнее слово употребляется для города, единственный класс в качестве примера), он может справедливо заключить, что Илус[148] построил Pergama, когда он переселился на равнину. Но стена, окружающая весь город, была построена только в следующем поколении, при царе Лаомедонте, который использовал для этой цели Нептуна и Аполлона.

Другой и, возможно, более яркий пример можно найти в случае с Фивами. Мы знаем из Фукидида[149], что Беотия из-за своей открытости и плодородия была более подвержена революциям из-за последовательного заселения, чем другие части Греции. С этим утверждением замечательно согласуется отрывок из "Одиссеи"[150]. Гомер сообщает нам, что Амфион и Зетус, вероятно, одни из самых первых эллинских иммигрантов в Среднюю Грецию, впервые поселились на месте Фив; и, добавляет он особо, что они укрепили его. Но, по-видимому, окружать целые города, по крайней мере, укреплениями, не могло быть обычной практикой того времени, потому что далее он указывает особую причину, по которой это было сделано в данном случае, а именно, что, какими бы могущественными они ни были, они не могли удержать эту страну, такую открытую (εὐρύχωρος, Od. xi. 265) и богатую, иначе как с помощью стен. Казалось бы, это случай, подобный Λαρίσση ἐριβόλαξ семнадцатой Илиады, и оба они, вероятно, были исключениями из общего правила.

Теперь я покончил с прямыми упоминаниями о пеласгах у Гомера. Но нам еще предстоит собрать значительный объем косвенных уведомлений. В частности, обсуждая значение названия "ионийцы", мы позже найдем основания предположить, что гомеровские афиняне были пеласгами; и я предлагаю здесь сослаться на некоторые аналогичные указания в отношении аркадцев.

Аркадийцы у Гомера.

Аркадийцы - пеласги.

Подобно пеласгам, аркадийцы, как мы видели, счастливы тем, что никогда не упоминаются без похвалы Гомера. In Il. ii. 611 they are ἐπιστάμενοι πολέμῳ. В Ил. vii. 134 они называются ἐυχεσίμωροι.

В Каталоге он также проливает некоторый свет на привычки аркадцев: во-первых, описывая их как тяжеловооруженных, ὤχιμαχῆται; во-вторых, заявляя, что они не интересовались морскими делами. В обоих отношениях их отношение к троянцам примечательно. За исключением аркадийцев, эпитет ὤχιμαχῆται нигде не используется, за исключением субстантивного Δάρδανοι, и положение дарданийцев в Троаде очень соответствовало положению аркадийцев в Греции. Опять же, троянцы, как мы знаем, были настолько лишены кораблей, что Парису пришлось строить их на специальных началах. Эти сходства наводят на мысль о еще одном сходстве. Поскольку троянцы, по-видимому, были особенно преданы стремлению к миру, разумно предположить, что поэт имел такое же представление об аркадцах. ὤχιμαχῆται связано с привычками оседлых земледельцев. Крестьянство составляет тяжелую пехоту, в то время как легкие войска лучше всего формировать из населения с менее устоявшимися привычками и более грубыми манерами. И поскольку использование кораблей имело гораздо меньшее

отношение к регулярной торговле, чем к пиратству и войне,[151] таким образом, отсутствие морских привычек, как правило, для героической эпохи подразумевает мирный характер. В те дни главной целью легкого передвижения была добыча, а для человеческих тел не существовало легкого передвижения, кроме как на кораблях. Несмотря на то, что Аркадия была окружена холмами, здесь кормились лошади[152], поэтому она была относительно небедной страной. В более поздние времена это была, рядом с Лаконией[153], самая густонаселенная провинция Пелопоннеса; и даже у Гомера, хотя ее политическое положение было явно второстепенным, она поставляла не менее шестидесяти кораблей с большими экипажами на каждый[154]. Все это благоприятствует традиции, которая придает ему пеласгийский характер.

Опять же, аркадцами командовал Агапенор, сын Анкея[155]. Судя по всему, он не был коренным правителем. Ибо мы узнаем из речи Нестора в двадцать третьей книге[156], что эпейцы устраивали игры при погребении Амаринкея, на которых он сам победил в борьбе Анкея Плевронского. Следовательно, Анцей был не аркадянином, а этолийцем, а его сын Агапенор, вероятно, был либо первым аркадянином из своего рода, либо чужеземцем, назначенным Агамемноном командовать аркадцами в Троянской войне. То, что у них были корабли от Агамемнона, и вождь либо чужеземного, либо не аркадийского происхождения, - факты, которые склонны обозначать аркадцев как политически зависимых, и, следовательно, *pro tanto* как пеласгов: ибо не подлежит сомнению, что все, что в Греции было пеласгийским в эпоху *Троики*, также подчинялось какой-то расе с более высокими и действенными энергиями.

Снова. Позже (я думаю) будет обнаружено, что институт всех гимнастических и боевых игр был эллинским, а не пеласгическим[157]. В процитированном последнем отрывке есть очень примечательное утверждение, что на играх присутствовали эпейцы, пилийцы и этолийцы, то есть все соседние племена, за исключением аркадцев. Таким образом, у нас есть веское основание полагать, что эти игры не соответствовали аркадским обычаям: и если то же самое можно показать из других источников в отношении пеласгов, то есть веское основание предполагать, что аркадцы сами были пеласгами.

Еще раз. В шестой книге Нестор рассказывает, что в его юности пиляне и аркадяне сражались близ города Феей и реки Ярданос. Аркадийцами командовал Эревталион, который носил доспехи Арейтоса. Ареитус встретил свою смерть благодаря хитрости Ликоорга, который присвоил доспехи и завещал их своему *εταίρῳ*, или товарищу по оружию, Эревталиону. Нестор, со стороны пилийцев, столкнулся с Эревталионом и с помощью Минервы победил его.

Из этого рассказа, во-первых, следует, что Ликург был царем Аркадии. Его имя имеет пеласгийское происхождение из-за его связи с Λυκάων более поздней традиции, касающейся Аркадии, и с Ликаоном, сыном Приама, происходящим по материнской линии от Лелегов; опять же, с Ликаоном, отцом Пандара; возможно, также с жителями Ликийи. Намек на то, что он преуспел только благодаря хитрости, очень меток (148),

τὸν Λυκόοργος ἔπειφνε δόλῳ οὔτι κράτεϊ γέ,

и используемые термины, по-видимому, указывают на военную неполноценность, что согласуется с вероятным отношением аркадцев, как пеласгов, к их эллинским соседям. И это снова соответствует концу рассказа; в котором Нестор, сражаясь на стороне пилян, которые были ахейцами и, следовательно, эллинами, побеждает аркадского вождя Эревталиона (Ил. vi. 132-56).

Можно отметить раз и навсегда, что эту военную неполноценность следует понимать не так, как если бы пеласги были трусами, а просто как подразумевающее, что они уступили племенам с более выраженным военным гением или привычками, чем они сами; как при Гастингсе саксы уступили норманнам; или как русские в последней войне 1854-1866 годов уступили западным армиям.

Наконец, δῖος, применяемое к Эревталиону (Ил., ст. 319), согласуется с использованием этого эпитета для пеласгов в других местах.

Таким образом, ряд указаний Гомера, незначительных, если брать их по отдельности, но более значительных, если их объединить, и взятых из *всех* отрывков, в которых Гомер упоминает Аркадию, сходятся к предположению, что аркадяне были пеласгами.

Они подтверждаются целым потоком более поздних традиций; которые помещали Ликаона, сына Пеласга, в Аркадию, что единообразно представляло аркадцев как автохтонных^[158], и это сделало их конкурентами аргивян за честь отдать пеласгам их первоначальное местопребывание в Пелопоннесе.

Здесь тоже вступает в игру филология и оказывает нам небольшую помощь. Название Προσέληνοι, которое взяли себе аркадийцы и которое, как предполагается, означает "старше луны", при таком понимании, по-видимому, выражает очень натянутую идею: действительно, трудно представить, как такое название могло вообще войти в обиход. Но если мы отнесем его происхождение к πρός и σελλοί или σελλήνες, тогда это станет простым указанием на исторический факт, который мы ищем, а именно, что они, пеласги, населяли Аркадию до того, как какая-либо из эллинских или селлийских рас пришла на Пелопоннес.

Благодаря своим богатым пастбищам Аркадия изначально была хорошо приспособлена для проживания пеласгов. Защищенный горами, он предлагал, как и Аттика из-за бедности своей почвы, убежище беженцам этой расы, изгнанным из других, еще более плодородных и, возможно, также более доступных районов Пелопоннеса^[159]. Следовательно, легко объяснить как его первоначальный пеласгийский характер, так и его долгое сохранение.

Таким образом, мы, по-видимому, обнаруживаем, что гомеровские аркадцы (во-первых) политически зависимы и (во-вторых) находятся под командованием иностранца, но все же (в-третьих) доблестны на войне. Таким образом, складывается впечатление, что то, чего они хотели, было не животным или даже моральным мужеством, а политическим и руководящим элементом, который является главным элементом высокого военного таланта. Все это, как мы уже в какой-то степени выяснили, является пеласгийской портретной живописью. И если вам покажется, что это было сделано с помощью догадки, пусть, во всяком случае, будет замечено, что это подтверждается аркадским характером исторических эпох. По различным признакам, они на протяжении многих поколений были греческими швейцарцами: не производили на свет великих командиров и были достаточно малоизвестны до очень позднего времени в политических анналах страны, но изобиловали материалами выносливых солдат и поступали на службу к той или иной части греков по воле случая. Ибо у Ксенофонта они хвастаются, что, когда кому-либо из греков требовались вспомогательные войска (ἐπίκουροι), они приходили в Аркадию, чтобы получить их: что лакедемоняне взяли их в компанию, когда вторглись в Аттику, и что фиванцы сделали то же самое, когда они вторглись в Лакедемон^[160]. И Фукидид рассказывает нам, что в Сицилийской войне мантинейцы с частью своих братьев аркадийцев

сражались по найму с афинянами на одной стороне, в то время как другой контингент из того же государства помогал коринфянам, которые пришли с войсками, чтобы помочь в защите Сиракуз от них[161].

Грайцы: пеласги и Церера.

Еще два обстоятельства, незначительные сами по себе, все же заслуживают внимания.

1. Именно благодаря авторитету и практике римлян название "греки" или "грайанцы" в конечном итоге вытеснило название "эллины". Из этого факта, который является наиболее важным доказательством, имеющимся в нашем распоряжении, возникает предположение, что, поскольку именно пеласги, можно сказать, обеспечили главное связующее звено между Грецией и Италией, а также между эллинским и римским языками, грайцы не могли не быть ветвью или частью этого народа. Теперь мы знаем, что пеласги были земледельцами равнин. Ботия, как мы видели, указана Фукидидом[162] как самая богатая равнина[163] Греции, и по этой причине среди частей, наиболее подверженных перемещению их жителей. Следовательно, вероятно, это была равнина, где пеласги поселились рано и в большом количестве: и заслуживает внимания, что в каталоге[164] помещая город Грая в Беотии, мы, естественно, предполагаем, что там существовало многочисленное, хотя теперь, как и в Фессалии, подчиненное пеласгийское население.

Также отрывок, в котором Аристотель замечает γραικοί, противоречит вере в то, что они были пеласгийской расой. Он утверждает, что потоп Девкалиона был в Древней Элладе: - страны, идущие от Додона к Ахелой (αὕτη δ' ἐστὶ νῆπερὶ τὴν Δωδώνην καὶ τὸν Ἀχελῷον). Это может включать либо большую часть, либо всю Фессалию: понимаем ли мы под этим малый фессалийский Ахелос, недалеко от Ламии, который находился в пределах тридцати стадиев от Сперхея[165]: или большой Ахелос, который огибал западную границу этой страны, и линия притоков которого питалась от склоны Пинда. Если мы разберемся с эпирской Додоной, это даст значительный охват страны, и все это за пределами Фессалии. Аристотель исходит сказать, что там обитали Селли, а те потом позвонил Γραικοί но теперь эллины (καὶ οἱ τότε μὲν νῦν δὲ καλοῦμενοι Γραικοί Ἕλληνες). Таким образом, он описывает как γραικοί тех, кто вместе с селли были жителями страны, которую Гомер называет пеласгическим Аргосом: так что, согласно ему, γραικοί не были селли: и время, когда они, таким образом, были соседями селли, было доэллинским временем. Это почти эквивалентно утверждению Аристотеля о том, что грайцы были пеласгами, поскольку мы не знаем ни о какой другой доэллинской расе в Фессалии[166].

2. В ст. 695, 6 мы находим, что (πύρασος) Пирас в Фессалии (вероятно, получивший свое название от πυρὸς пшеница, зерно) описывается как δῆμητρος τέμενος: и это единственная земля, посвященная Церере, которую упоминает Гомер. Важно, что это произошло в Фессалии, особенно пеласгической стране: как небольшие упоминания у Гомера, так и большая часть более поздних традиций особым образом связывают пеласгов с поклонением этому божеству. Например, Павсаний упоминает храм Δημήτρης πελασγὶς [167] в Коринфе еще в его время. Эта связь, в свою очередь, служит подтверждением характера пеласгов как сельского и земледельческого народа.

Что касается этой части свидетельств Гомера, то она сводится только к тому, что с помощью Гесиода Церера находится в прямых отношениях с двумя странами; как с Фессалией, так и, как сейчас будет показано, с Критом; в котором также, как мы знаем от Гомера (перенесено Гесиодом на более поздний срок), пеласгийское название все еще сохранялось, хотя оно, по-видимому, было затоплено в другом месте Греции; и в котором, следовательно, можно сделать вывод, что пеласгийский элемент был более чем обычно силен и долговечен.

В пятом Одиссея[168] мы сказали, что Церера влюбилась в сына Iasus (Иасион, у Гесиода Iasios), с которым она познакомилась νεῖϖ' ἐνὶ τριπόλῳ в какой стране Гомер не говорит, но Гесиод, повторяя историю, добавляет он был на Крите, Κρήτης ἐν δῆμῳ πτόνι[169]. Таким образом, двойное соединение выполнено надежно.

Помимо всего прочего, название Иасус само по себе указывает на пеласгийское происхождение.

1. Ведь Ἰάσον Ἄργος-старое название Пелопоннеса, либо значительная часть ее; в то время как имя греческого был, как мы знаем, Ἄργος Ἀχαικόν. И Ἰασίδαи царствовал в Орхомене[170] за два или три поколения до Нелеидов. Вероятно, это относится к периоду, когда, насколько нам известно, ни одно эллинское племя не проникало на Пелопоннес[171], и когда династии даже средней и северной части были, как это вероятно, в основном пеласгийскими.

2. Потому что Ἰάσος[172] было именем одного из афинских лидеров, а афиняне были, как мы обнаружим, явно пеласгами. Его отец Сфелус также является сыном Букола, имя, которое, как будет показано, имеет пеласгический, а не эллинский характер[173].

3. Потому что Дметор, сын Иаса, был правителем Кипра в эпоху Троики, и этот остров, по-видимому, находился в аномальных отношениях полузависимости от Агамемнона, что лучше всего поддается объяснению, если мы предположим, что он был населен населением, все еще сохраняющим свой пеласгийский характер. К этому вопросу у меня вскоре будет возможность вернуться при более полном рассмотрении случая Кипра.

В более поздних традициях есть множество оснований связывать Цереру с пеласгами: их характер как земледельцев, а ее - как подательницы зерна; поклонение ей в Элевсине, восходящее к незапамятным временам и якобы основанное на обрядах, отличных от тех, что были в моде в более позднюю эпоху: это тоже связано с пеласгийским происхождением Афин и их долгим сохранением этого характера. В древнем гимне Церере, отчужденной от Юпитера и других богов, она приезжает в Элевсин и там сама основывает культ; в своем рассказе она объявляет, что родом с Крита:

νῦν αὖτε Κρήτηθεν, ἐπ' εὐρέα νῦν α θαλάσσης,
ἦλυθον, οὐκ ἐθέλουσα[174].

Я даже осмеливаюсь предположить, что существование τέμενος (или земли, посвященной служению какому-либо божеству) вообще возможно, что позволяет предположить наличие пеласгического населения и институтов. Ибо мы находим только три других случая такой одаренности: все в местах, сильно отмеченных пеласгическим характером. Один - это река Сперхий в Фессалии: второй - Венера на Кипре; и третий - Юпитер в Гаргаре[175].

Ионийцы.

Ионийцы.

Упоминания об ионийцах, содержащиеся у Гомера, слабы и немногочисленны, но они полностью противоречат господствующей традиции.

Слово *ἰωνες* встречается в поэмах только один раз, где мы находим пять отрядов беотийцев, ионийцев, локрийцев, фтийцев и эпейцев, объединившихся в сопротивлении, но безуспешном, нападению Гектора на корабли. Они названы здесь *ἄλλεχίτωνες* [176], эпитет, который, к сожалению, больше нигде не используется поэтом. Порядок, в котором они названы, таков,

1. Беотийцы,
2. Ионийцы,
3. Локрийцы,
4. Фтийцы,
5. Эпейцы.

Таким образом, описание начинается с трех частей, первая из которых (689-91),

οἱ μὲν Ἀθηναίων προλελεγμένοι· ἐν δ' ἄρα τοῖ σιν
ἦρχ' οἷος Πετεῶν, Μενεσθεύς· οἱ δ' ἄμ' ἔποντο
Φεῖδας τε Στιχίος τε, Βίας τ' ἔϋς·

Во втором описываются вожди эпейцев: третий из фтианцев, и они, как говорится, имея в виду, очевидно, фтианские силы, сражались совместно с беотийцами, *μετὰ Βοιωτῶν ἐμάχοντο* (700). Имена беотийских лидеров не названы: отсутствие ойлейского Аякса, который официально возглавлял локрийцев, немедленно объясняется тем, что он был со своим неразлучным другом, теламонийским вождем.

Тогда эти *ἰωνες ἄλλεχίτωνες* были *προλελεγμένοι*, избранным отрядом афинских войск; или же это были силы, состоящие из людей, отобранных среди афинян. Но ни здесь, ни где-либо еще в "Илиаде" об афинянах не говорится ни о каких выдающихся качествах или военных действиях. Их называют просто *μηστῶρες αὐτῆς*, [177] но это всего лишь общий эпитет, он не имеет отношения к какому-либо конкретному поведению и не подкреплён никаким описанием их боевых подвигов. Пять названных выше дивизий сражаются для того, чтобы быть разбитыми троянцами: и мы можем быть уверены, что Гомер создает цвет греков не для такой цели. Афинский вождь Менестей также не оказал ему никакого отличия, даже в том месте Каталога, которое вызывает много вопросов, за исключением того, что он превосходно командовал войсками.

Афиняне в Каталоге.

Отрывок II. ii. 546-56, описывающий афинян в Каталоге, представляет такой большой исторический интерес из-за различных связанных с ним моментов, что заслуживает особого рассмотрения, которое ему лучше всего уделить в этом месте. От этого зависит некоторая часть гомеровских свидетельств, относящихся к признакам пеласгийского происхождения.

В любом случае следует сохранить три строчки, чтобы описать афинский контингент и его командующего.

οἱ δ' ἄρ' Ἀθήνας εἴχον, ἐϋκτίμενον πτολίεθρον ... (ст. 546.)

τῶν αὖθ' ἡγεμόνευ' υἱὸς Πετρεὺς Μενεσθεύς. (552.)

τῷδ' ἅμα πεντήκοντα μέλαινα νῆες ἔποντο. (556.)

Против предположения, что этот тощий *минимум* представляет отрывок в его первоначальном виде, безусловно, возражает тот факт, что ни в одном другом месте из всего Каталога Гомер не расправлялся столь сухо и кратко с каким-либо важным подразделением отряда.

Оставшаяся часть отрывка делится на три части, из которых первая отделима от двух других, а первая со второй также отделимы от третьей. Они заключаются в следующем:

(1)—ст. 546-9.

οἱ δ' ἄρ' Ἀθήνας εἴχον, ἐϋκτίμενον πτολίεθρον,
δῆμον Ἐρεχθίδος μεγαλήτορος, ὃν ποτ' Ἀθήνη
θρέψε Διὸς θυγάτηρ, τέκε δὲ Ζεῖδωρος Ἄρουρα,
καὶ δ' ἐν Ἀθήνῃσ' εἴσεν, ἐϋκτιπὶ πτόνι νηῶν

Есть чтение Ἀθήνης для Ἀθηνησ': это спорный ли τέκε относится к δῆμον или Эрехтея; ли ἐϋ следует понимать Эрехтей или Минерва; и опять-таки, в чем смысл πτόνι применительно к νηῶν? Разнообразие лекций несущественно: τέκε явно относится к Эрехтеусу, как, по-видимому, и ἐϋκ Минерве[178]. Опять же, применение эпитета πτόνι в храм-это, пожалуй в достаточной мере поддерживается ОД. XII. 346, πτόνα νηὸν, Ил. В. 512, μάλα πτόνος ἐξ ἁδύτοιο.

Не похоже, что эти строки или две последующие были отвергнуты александрийскими критиками, но Псевдо-Геродот в "Жизни Гомера", с. 28, утверждает, что они были вставлены.

Возражения, основанные на внутренних доказательствах, изложены Пейном Найтом[179].

1. Что во времена *Троики*у греков не было храмов.

2. Что поскольку Роура - это *поверхностный вид без орбис Террей*, то во времена Гомера это не было известной персонификацией.

Что касается первого из них, то мы слышим о троянских храмах в "Илиаде"; вероятно, также о греческом храме Аполлона в Ил. ix. 404; и о греческих храмах в "Одиссее", вне всякого разумного сомнения. Мы слышим об этолийских жрецах в Ил. ix. 575; хотя маловероятно, что там должны были быть жрецы без храмов.

Опять же, обстоятельства жизни греков в "Илиаде" были не такими, чтобы приводить к обычному или частому упоминанию храмов. Следовательно, это не основание для подозрений в отношении данного отрывка.

Что касается второго возражения, то следует иметь в виду, что Земля, Γαῖα, а также Ῥοῦρα, по-видимому, были для Гомера, не менее, чем для других древних, поверхностью, а не твердым телом (κικλότερῆς ὡς ἀπὸ τόρνου, Ирод. iv. 36.) Возражение на самом деле состоит в том, что _WBR_Ῥοῦρα означает особый класс земель, а именно пахотные или обрабатываемые земли; и что персонифицировать этот класс земель сам по себе искусственно, надуманно и не в духе Гомера.

Мне кажется очевидным, что это было бы неестественно для нас, но очень сомнительно, было ли это так для Гомера. В поэзии мы не могли хорошо относиться к Кукурузному полю или Саду как к личности: но Земля, несущая зерно (Ζεῖδωρος Ῥοῦρα), имела для греков в их ранние времена такое яркое значение, которого она не имеет для нас. Для нас, современного европейского сознания, дары Цереры - всего лишь один пункт в бесконечном списке приятных вещей: для человека, когда он был еще молод, когда он впервые соприкоснулся со своей матерью-Землей и стихиями, когда у него было мало инструментов и никаких ресурсов, эта идея была столь же определяющей, сколь и наводящей на размышления и поэтичной. У латинян нет слова, с помощью которого можно было бы передать слово Ῥοῦра в его полном значении, хотя *arvum*, должно быть, произошло от него или от того же корня, что и оно. Это почти соответствует английскому "glebe" в его правильном использовании[180]. Это означает не только землю под кукурузу, но и все продуктивные земли, например, виноградную лозу, в Ил. iii. 246. Но к ним, чтобы беременная была идея, что помимо урожая эпитетов, таких как πολύφορος и τραφέρη, он скинул свои перевернутое изображение в эпитет, привычные с Гомером, из ἀτρυγέτος для θάλασσα, ООН-cornbearing море. Теперь, когда идея кукурузных угодий была столь ярко сформулирована, следующий шаг - рассматривать Ῥοῦра как Γαῖα - было не очень трудно сделать. Возражение, по-видимому, возникает из-за того, что мы бессознательно читаем Гомера в ложном свете наших собственных знакомых ассоциаций.

Его текст содержит доказательства в поддержку этих взглядов. Нельзя ли сказать, что фраза πατρίς Ῥοῦρα[181] для *patria* показывает нам большой шаг к персонификации? В Νεκυία (Od. xi. 489) ἐπάρορος эквивалентно слову "живой"; сравните Il. xvii. 447. Опять же, Улисс, в тот момент, когда он сбегает из устья реки на берег, целует Ζεῖδωρος Ῥοῦρα[182] среди камышей: что, кажется, показывает использование термина, почти синонимичного Γαῖα или земле. И снова, молясь о славе Алкиноя[183], он говорит,

τοῦ μὲν κεν ἐπὶ Ζεῖδωρον Ῥοῦραν
ᾧσβεστον κλέος εἴη.

Слава Алкиноя не ограничивалась полями. Таким образом, заходящее солнце отбрасывает тени на Ῥοῦρα[184]. В обоих случаях этот термин настолько приближен к значению Земли, несомненно, благодаря метонимии, что неотличим от него. Again Il. iv. 174, σέο δ' ὅσ τεα πύσει Ῥοῦρα. Несомненно, здесь имеется в виду Земля, поскольку мы не должны предполагать, что Гомер имел в виду, что тела его воинов будут лежать только на обрабатываемой земле. Но другой отрывок подводит нас к реальной персонификации, относящейся к Отусу и Эфиальту

οὓς δὴ μηκίστους θρέψε Ζεῖδωρος Ῥοῦρα[185].

Следовательно, это возражение против Ῥοῦра не имеет силы, и отрывок не может быть осужден на основании внутренних доказательств. На это ссылается Платон в первом "Алкивиаде"[186].

(2)—Vss. 550, 1.

ἐνθάδε μιν ταύροισι καὶ ἄρνείοις ἰλάονται
κοῦροι Ἀθηναίων, περιτελλομένων ἐνιαυτῶν.

Некоторые относят μιν к Минерве и истолковывают этот отрывок как относящийся к празднованию Панафинейских праздников. При таком толковании, как утверждается, эти слова обнаруживают явный анахронизм.

Снова утверждается, что (1) Гомер не приводит в Каталоге общих описаний религиозных обрядов Греции, и вряд ли ему следует упоминать здесь празднование, которое, по его словам, не имело ничего особенного в своем характере. (2) Из xi. 729 следует, что Минерве приносили в жертву коров, а не быков: (3) смысл предложения отсылает нас к Эрехтею, и оно предполагает поклонение местному герою.

Что касается Панафинаики, несомненно, возникла бы трудность, если бы мы были вынуждены предположить, что в ней содержится ссылка на гимнастические игры, которые у нас есть все основания рассматривать как носившие в эпоху Гомера ярко выраженный эллинский характер[187]. Но слова не подразумевают такой отсылки. В лучшем случае они говорят не более чем о периодических жертвоприношениях. Это подразумевает установленный праздник и ничего сверх него. Такое значение не вызывает никаких предположений против подлинности этого отрывка, потому что у Гомера мы имеем один отчетливый и неоспоримый пример установленного праздника божества, а именно праздника Аполлона в "Одиссее". День мести Одиссея был ἑορτὴ τοῦ ο Θεοῦ ο ἀγνή[188].

Итак, рассматривая этот отрывок, давайте затем рассмотрим возражение, выдвинутое против него, что он включает в себя поклонение героям[189], которое не было известно в эпоху Гомера.

Теперь у нас есть в "Одиссее", как и здесь, в "Илиаде", случаи, когда смертные попадали на небеса и в компанию бессмертных.

В "Одиссее" мы имеем, например, случай Кастора и Поллукса, которые пользовались особой привилегией жизни после смерти и каким-то таинственным образом посещали землю поочередно[190]. И это тоже, хотя они были похоронены[191].

Их τίμη πρὸς Ζηνὸς было таково, что, как утверждается далее в отрывке из Од. xi., они соперничали с божествами;

τίμην δὲ λελόγχασ' Ἴσα θεοῖ σιν.

Это τίμη, должно быть, включало в себя честь, воздаваемую на земле: пребывание на небесах, если только оно не связано с землей и ее обитателями, само по себе не было τίμη, а тем более τίμη богов. Тема поклонения героям будет дополнительно рассмотрена в более поздней части этой работы, но пока достаточно того, что это близко к поклонению героям. Отрывок об Эрехтею является не более чем развитием выражения, относящегося к братьям Тиндаридам; и, хотя на несколько шагов опережает его, вряд ли может быть отвергнут только на этом основании как

поддельный. Нельзя ожидать, что все отрывки будут выражать с одинаковой степенью полноты основные идеи, на которых они основаны; и мы не вправе отсекают только на этом основании тот из них, который является наиболее передовым.

Но хотя применение к Эрехтею, возможно, и не подтверждает этот отрывок, я очень сомневаюсь, следует ли нам так его применять. Это совершенно противоречит общему смыслу отрывка, который гораздо более естественно относил бы его к Минерве. Причина этого в том, что ей приносили в жертву коров или телок, а не баранов или быков. Несомненно, в упомянутых нами конкретных случаях (Il. vi. 94, x. 292, xi. 729 и Od. iii. 382) говорится только о коровах или телках. Но в Од. iii. 145 нам сказано, что ей должны были предложить *κаторβαί*, что мы вряд ли можем так жестко ограничивать: и учитывая, что все случаи с коровами, упомянутые Гомером, являются особыми, в то время как в этом отрывке говорится о том, что было обычным и периодическим, я думаю, нам следует сделать паузу, прежде чем признать, что применение этих строк к Минерве на этом основании неоправданно.

Слово *περιτελλομένων* [192] понимается как обозначающее не годовые обороты, а обороты периодов в годах. Я подвергаю сомнению основания такой интерпретации, но, если бы ее можно было установить, это, безусловно, ослабило бы значимость отрывка; поскольку Гомер нигде больше не упоминает периодические празднования любого рода, разделенные каким-либо количеством лет, и я сомневаюсь, что такая идея не предполагает большего знакомства с числовыми комбинациями, чем, по-видимому, обладал Поэт.

Оставляя эти две строки предметом некоторых сомнений, но ни в коем случае не доказанными полностью, давайте перейдем к третьей и последней из оспариваемых частей отрывка.

(3)—Ст. 553-5.

τῷδ' οὕπῳ τις ὁμοῖ ος ἐπιχθόνιος γένετ' ἄνηρ
κοσμήσαι ἵππους τε καὶ ἀνέρας ἀσπιδιώτας·
Νέστωρ οἷ ος ἔριζεν· ὁ γὰρ προγενέστερος ἦεν.

Эти строки были осуждены Зенодотом [193] на том основании, что у нас нет других упоминаний об этих дарах Менестея и нет примера того, как он применял их на практике. Мистер Пейн Найт [194] также настаивает на том, что Менестей, которого здесь так хвалят как колесницы, так и пехоту, даже не появляется в качестве участника гонок на колесницах на погребальных играх Патрокла, хотя, чтобы расширить соревнование, даже медленные лошади Нестора выставлены на продажу.

Схолиаст отвечает в отношении первого возражения, и Хейн [195] принимает защиту как достаточную, что в целом восхваляются другие лица, о которых нигде не приводится подробностей: поскольку Махаон назван *ἀριστεύων* в Il. xi. 506. Но простой общий эпитет сильно отличается от набора из трех строк, выражающих экстраординарное превосходство в конкретных достижениях.

Опять же, слово, примененное к Махаону, ни в коем случае не является абстрактным панегириком, но само по себе является описанием деятельности в той области, которой он в данный момент ставил в тупик энергию Гектора, и, по словам Поэта, продолжал бы ставить их в

тупик, если бы Парис не ранил его. Таким образом, это слово не является расплывчатым эпитетом: слова παῖσεν ἀριστεύοντα Μαχᾶονα просто означают, что мужественные усилия Махаона были остановлены.

Есть еще одно возражение против этого отрывка в связи с довольно преувеличенным характером его комплимента ничем не примечательному человеку. Даже Нестор[196], там говорится, не бил его, а только (ρρίζεν) соперничал с ним: и это не как способный, а только как пожилой человек.

С другой стороны, некоторые из Scholiasts гениально предположить, что эти стихи даны Menestheus путем компенсации; τοῦτο χαρίζεται αὐτῷ ἐπεὶ εὐδοκίμησai μὴ ἐν ταῖς μάχαις[197]. Но у греков Гомер обычно не компенсирует недостаток почестей, заслуженных подвигами, абстрактными восхвалениями, и все другие воинские восхваления вождей, приведенные в Каталоге, хорошо отражены в поэме.

В целом, возражение мистера Пейна Найта и суждение александрийских критиков, по-видимому, оставляют эту часть отрывка в таком сомнительном состоянии, что на ней не следует основываться. Лучший момент в его пользу состоит в том, что афинский легатов до Гелон представлены Геродотом с уверенностью полагаться на нее, когда бы была заинтересованность с его стороны в demurring своей властью, ибо речь шла о военной приоритет, который был под вопросом: καὶ ὁ τῶν ᾠηρος ἐποποιὸς ἄνδρα ἀρίστον ἔφησε εἰς ᾧον ἀπικέσθαι, τάξαι τε καὶ διακοσμεῖν στρατόν[198].

С другой стороны, можно справедливо заметить, что комплимент, сделанный здесь Менестею, является самым лучшим из тех, которые были допущены в данном случае; возможно, единственный, который интерполятор мог бы с уверенностью выбрать. Ибо он должен был бы знать, что любой панегирик, касающийся силы или доблести в действии, будет окончательно опровергнут остальной частью стихотворения во всем его содержании.

Но хотя мы не можем с уверенностью полагаться на эти три строки, кажется, нет причин, по которым мы не могли бы использовать доказательства, представленные в остальной части отрывка, как наиболее вероятный исторический материал. Это, несомненно, представляет собой сильное продолжение старой местной традиции[199]: в Афинах был древнейший храм, посвященный Минерве и Эрехтеусу вместе.

Обзор свидетельств о Гомере.

Таким образом, гомеровские свидетельства вплоть до этого момента выглядят следующим образом применительно к Афинам и афинскому контингенту, или главным и отборным его людям, в зависимости от того, какой термин лучше всего подходит для описания этого отрывка. Они были

1. Ионийцы, Ил. xiii. 685.
2. ἑλκεχίτωνες, *ibid*.
3. Автохтонный, Ил. ii. 547.
4. Ничем не выделялся на войне.

5. Под особым покровительством Паллады или Минервы, Ил. ii. 546 и Од. xi. 323, где эпитет ἰεράων, данный Афинам, указывает на особое отношение к божеству.

Эпитет ἔλκεχίτωνες предполагает недружелюбные привычки и, хотя и более слабо, также указывает на текстильную промышленность. Это резко контрастирует сμυττοχίτωνες[200] Доблестных ликийцев, чья короткая и свободная туника не требовала пояса, чтобы ограничивать ее. Это подтверждает негативное свидетельство, содержащееся в "Илиаде", о некотором недостатке военного гения в первобытных Афинах. Это совпадает с опекой Паллады, поскольку у Минервы Гомера нет более неоспоримой функции, чем богиня квалифицированного труда[201]. Все это указывает на то, что жители гомеровской Аттики были пеласгами.

Опять же, автохтонное происхождение, приписываемое афинянам в лице Эрехтея, равносильно утверждению, что они были первыми известными жителями страны: другими словами, что они были пеласгами.

Отрицательные свидетельства также важны. У Гомера нет ничего, что связывало бы Афины с эллинским происхождением. Отсутствие воинских отличий заслуживает более подробного упоминания.

Вряд ли может быть лишено смысла то, что из всех вождей, значительных в "Илиаде" по своим должностям и командованию, есть только двое, которые никогда не называются по именам, как в настоящем бою, так и с какими-либо другими знаками отличия, и эти двое являются главарями двух (как мы предполагаем) подчеркнута пеласгийских контингентов из Афин и Аркадии соответственно. Агапенор, который (будучи, однако, этолийского происхождения) возглавляет аркадцев, не назван нигде, кроме как в Каталоге: Менестей упоминается неоднократно, но никогда в связи с битвой. В единственной части действия поэмы, где он выдвигается вперед, он содрогается[202] и проявляет беспокойство за свою личную безопасность, гораздо больше похожий на троянского вождя, чем на греческого. И все же они были единоличными командирами, первый из не менее чем шестидесяти кораблей, второй из пятидесяти. Подобных случаев нет. Ближайшими к ним являются те (1) из Prothous[203], кто командует 40 кораблями магнесийцев, и Gourieus[204], кто возглавляет 22 из Эниены и Перрхеби: оба это отдаленные, фессалийские и, весьма вероятно, пеласгийские племена: (2) из Подаркеса, который командует 40 кораблями, но только в качестве заместителя своего покойного брата Протесилая, который, как говорят, был не только старшим, но и более доблестным[205].

Агапенор, действительно, очевидно, в определенном смысле зависел от Агамемнона, на кораблях которого он плавал, но это не могло повлиять на его положение в том, что касается личной доблести. Случай с Менестеем тем более примечателен из-за этого обстоятельства, что он является единственным независимым и единоличным командиром, отвечающим за целых пятьдесят кораблей, который не облечен высшим званием βασιλεὺς или царя. Однако его отца Петеоса зовут διότηρ φῆς βασιλεὺς (Ил. iv. 338), что указывает на то, что он, вероятно, был более важной персоной.

И то, что верно в отношении командиров, верно и в отношении войск. Афины, а с ними и Аркадию, по праву можно рассматривать как единственные два непримечательных у Гомера государства Греции, которые впоследствии достигли особого положения. Ибо среди государств, приобретших известность в исторические эпохи, Арготида, Ахайя и Лакония

занимают в поэме благодаря своим вождям очень высокие места: Элида и Беотия бросаются в глаза в древних традициях, которые она хранит. Только Аттика и Аркадия не демонстрируют нам признаков раннего превосходства в военном искусстве, что заметным образом подтверждает предположения, которые мы уже получили относительно пеласгийского характера их жителей.

Знак, хотя и более неопределенный, указывающий в том же направлении, дает выбор Афин со стороны Ореста[206], в качестве места его проживания во время тирании Эгифа в Микенах. Перемещенные, если они не обращаются за защитой к сильным, попадают к тем, кто слабее, и там им легче всего отстоять свои позиции или даже заново обрести власть. Другими словами, в рассматриваемом нами случае эллинский изгнанник вполне естественно оказался бы среди пеласгов.

Хотя, однако, признаки преобладающего пеласгийского характера среди афинян в эпоху *Троики* кажутся разнообразными и убедительными, я должен признать, что их пересекает одно указание, которое на первый взгляд носит противоположный характер, я имею в виду то, которое дается их названием. Даже если бы нам пришлось отказаться от всех отрывков из Каталога, касающихся их, все равно было бы трудно утверждать, что название Афин и афинян подделано в шести других местах поэм, где встречается то или иное из них, кроме того, в "Одиссее" есть второй намек на Эрехтея. Таким образом, здесь мы имеем прикрепленное к народу, который, как мы предполагаем, является пеласгами, имя, непосредственно связывающее их с божеством, которое, как обычно считается, имеет сильные эллинские наклонности; связывающее их, действительно, настолько особым образом, что является исключительным, потому что ни один другой город или население у Гомера вообще не берет своего имени от божества. Это указывает на связь самого близкого описания: и это совершенно независимо от предполагаемого отрывка, который представляет Минерву как кормилицу или приемную мать Эрехтея.

Отношения афинян с Минервой.

При ближайшем рассмотрении обнаружится, что Минерва играет в "Илиаде" совсем иную роль, чем Юнона, великая защитница греков, и Нептун, их настоящий боевой товарищ. Разница даже на первый взгляд заключается в том, что их чувства кажутся национальными, а у нее - скорее личными и моральными. У Юноны это симпатия к грекам как к грекам; у Нептуна - антипатия к троянцам как к троянцам: но оба случая явно отличаются от характера и отношения Минервы.

Ее защита Улисса, чей персонаж является человеческим аналогом ее собственного, является основой всей теургии "Одиссеи", а также сильно отмечена в Δολώνησις. Опять же, в первой книге она появляется[207], по примеру Юноны, чтобы сдерживать и направлять Ахилла: утверждается, что Юнона любила и Агамемнона, и Ахиллеса одинаково; что может означать, что с Минервой дело обстояло не совсем так. Итак, она снова вдохновляет Диомеда[208] для работы ἐγορρίοτεῖ α, с целью его личного отличия[209]. В каждом из двух случаев, когда две богини вместе спускаются с небес, именно Юнона делает предложение. Когда Минерва подталкивает Пандара к предательству, это происходит по указанию Юпитера, изданному по предложению Юноны[210]. Однако в седьмой книге она спускается сама, видя, что греки теряют позиции, говорит Аполлону, что пришла, как и он, с намерением остановить битву[211], и результатом их совета стала одна из одиночных схваток (между Гектором и Аяксом), которая, несомненно,

увенчалась славой греческих героев. Тем не менее, у нее нет той бешеной злобности против Трои, которая отличает Юнону, которая заставляет ее принять решение о ее разрушении на олимпийском собрании и которая заставляет Юпитера саркастически сказать ей, что если бы она могла съесть Приама, его детей и подданных сырыми, то ее гнев был бы утолен.

Фактически, Юнона обладает всеми признаками божества, полностью эллинского: как в страстном характере ее привязанности, так и в отсутствии каких-либо признаков каких-либо практических отношений между ней и троянским народом.

С Палласом все обстоит иначе. Безжалостно противостоявшая троянцам в войне, она нигде настолько не отождествляется с греками, чтобы выставить ее в свете одного из тех божеств, чье влияние или симпатии были ограничены каким-либо одним местом или нацией. Ее вражда к Трои мифологически основана на решении Парижа[212]: но у нее есть более существенная этическая основа в природе ссоры между двумя странами.

В отличие от Юноны и Нептуна, ей регулярно поклонялись в Трое, где у нее была жрица высокого ранга и храм, расположенный, подобно храму Аполлона, на высоте Пергама.

Однако явным доказательством того, что Минерва изначально не была в состоянии войны с троянцами и не была неизвестна им из-за своего благотворного влияния, является случай с Фереклом, сыном Гармониды, плотником; этот Ферекл был строителем кораблей Париса и был высококвалифицированным рабочим[213] по ее милости,

ἑξόχα γάρ μιν ἐφίλατο Πάλλας Ἀθήνη.

Имя Гармонид может быть вымышленным; но отношение к Палладе заслуживает замечания, если мы предположим, что Троя была в основе своей пеласгийской; и это дает веское основание предположить, что в характере Минервы не было ничего, что мешало бы ей благосклонно относиться к пеласгийской стране. Ее атрибуты как богини промышленности, или, более строго говоря, как мы выражаемся, манупроизводства, действительно, не находились в особой гармонии с характером пеласгов, поскольку она не имела никакого отношения к сельскохозяйственным работам: но и антагонизма между ними не было.

Есть также кое-что, заслуживающее внимания, в речи, в которой Минерва выражает Юноне свое негодование по поводу ограничений, наложенных на нее Юпитером. Она обвиняет его в забвении услуг, которые она так часто оказывала Гераклу, когда он был подавлен трудами, возложенными на него Эврисфеем, и заявляет, что именно она осуществила его побег из Ада[214]. Теперь все это, по-видимому, является сказочным одеянием старого предания, которое сообщает, что дети Геракла нашли убежище в Аттике и были там укрыты; что Эврисфей вторгся в страну вследствие оказанной таким образом защиты и что он был убит во время похода. Следовательно, представляется возможным, что этот прием Гераклидов мог иметь какое-то отношение к особым отношениям в эпоху *Троики* между Афинами и Минервой как их богиней-покровительницей? Что касается лично Геракла, "Илиада" дает нам еще один признак того, что между Троей и Палладой могли существовать дружеские отношения. Она, в сочетании с ними,

τῶν καὶ πάλλας Ἀθήνη[215],

воздвиг крепостной вал, в котором Геракл укрывался от преследующего его чудовища.

Но полный ответ на это возражение носит более широкий характер и его следует искать в общем характере этого божества, которое, в отличие от низших представлений, не допускало того, чтобы быть ограниченным пределами определенного района или народа.

Далее будет показано, что, подобно Латоне и Аполлону в частности, Минерва в языческой художественной литературе представляет собой замаскированный и уединенный фрагмент истинной первобытной традиции[216]. Все подобные божества, которые мы можем ожидать найти, и мы действительно находим, перешли от древних пеласгов в мифологии Греции и Рима или в те, которые являются общими для пеласгов и эллинов. Мы ожидаем найти, и мы действительно находим, что им поклонялись как среди греков, так и среди троянцев как богам не той или иной нации, а великой человеческой семьи. Теоретически, исключительное отношение к той или иной стороне гораздо лучше согласуется с идеей о таких божествах, которые представляют собой неуправляемые страсти или склонности нашей природы, такие как Марс и Венера, или Меркурий; или главных физических сил, таких как Нептун; или таких, которые, подобно Юноне, являются чистым продуктом человеческого воображения, отраженным в вышнем мире, и не имеют никакого отношения к какому-либо элементу или части истинной теологии. Но гомеровский Юпитер, поскольку он является представителем высшей власти и единства, а также Паллада и Аполлон из поэмы благодаря определенному моральному возвышению и различным случаям их рождения или атрибутам, демонстрируют более благородное происхождение[217].

В качестве традиционного божества Минерве с совершенной последовательностью поклоняются одинаково троянцы и греки, эллинские и пеласгийские племена. Таким образом, нет ничего странного в том, что мы сочли ее покровительницей пеласгов. Единственная странность заключается в том, что она была (если это было так) в большей степени их покровительницей, чем любого другого народа. Сам факт, что для целей войны Гомер отдает ее грекам, мог бы, возможно, подготовить нас к ожиданию, что мы найдем ее особое пристанище среди эллинских частей этой нации: но это не дает абсолютной и убедительной причины для такого пристанища. Но я завершаю обсуждение этими наблюдениями. Во-первых, пеласгийский характер афинян в ранние времена подтверждается доказательствами, слишком вескими, чтобы их можно было опровергнуть каким-либо подобным выводом, поскольку мы были бы вправе сделать противоположный вывод из особой связи с Минервой. Опять же, возможно, что связь обоих с Геркулесом может содержать решение этой трудности. Но, наконец, если, как мы найдем основания полагать, традиционные божества были главными богами древней Греции, и если вторжение эллинских племен привело к появлению многих новых претендентов на божественные почести, то, в конце концов, может показаться вполне разумным, что мы обнаружим в одном из самых чисто пеласгийских государств поклонение этому великому традиционному божеству, менее затемненное, чем где бы то ни было, конкуренцией с поклонением захватчикам, и, следовательно, в более своеобразных и заметных почестях.

Изучение этимологии некоторых имен у Гомера, я надеюсь, впоследствии подтвердит эти рассуждения об Афинах героической эпохи: за этим исключением мы можем сейчас распрощаться с исследованием гомеровских свидетельств о пеласгианстве в Аттике.

Постгомеровские свидетельства.

Эти свидетельства, безусловно, получают множество подтверждений, положительных и отрицательных, извне. Во-первых, хотя Гесиод сообщает нам эллина, а среди его сыновей - Доруса и Эола, он ни словом не упоминает Иона; и традиция, связывающая Иона с эллином через Ксуфа, относится к более позднему времени: вероятно, более позднему, чем Еврипид, который называет Иона только приемным сыном Ксуфа - ахейцем[218], и ссылка на настоящий сын Креузы, Эректеиды; его отцом был Аполлон, эллинское, но также и пеласгийское божество. Опять же, в легендарные времена мы не слышим об афинянах как о захватчиках и захватчицах, что было характерно для эллинских племен, но обычно как о самих захваченных; например, Эврисфеем из Пелопоннеса.

В древней традиции, как правило, афиняне выступают в обороне против беотийцев[219], критян или других. И предполагаемое пилийское и нелейдское происхождение семейства Писистратидов является любопытной иллюстрацией того, каким образом, по сообщениям, Аттика импортировала из-за границы наиболее энергичные элементы своего собственного населения[220], а также (так сказать) естественного преобладания эллинской крови над пеласгической.

Фукидид[221] сообщает нам, что афиняне первыми среди греков отказались от обычая носить оружие и стали культивировать легкость и роскошь. Возможно, у нас уже было указание на это в словах ἑλκεχίτωνες.

Он также заявляет, что из-за безразличной почвы[222], которая не представляла соблазна, сравнимого с теми, которые предлагали более плодородные районы Греции, не было изгнания жителей из Аттики более сильными претендентами. Τῇ γοῦν Ἀττικῇ, ἐκ τοῦ ἐπὶ πλεῖστον διὰ τὸ λεπτογέων ἀστασίαστον οὔσαν, ἄνθρωποι ἔχουσιν οἱ αὐτοὶ αἰεὶ. Это просто констатация в другой форме того, что обычно выражалось в объявлении их автохтонами. Это часть их пеласгийского титула.

Замечательный отрывок из Геродота охватывает всю широту того, что здесь было взято; и он важен, потому что, без сомнения, он выражает то, что этот автор считал лучшей из существующих традиций, основанной на дурной славе, и то, что Крез также узнал в ходе официального расследования, предпринятого с целью заключения союзов в Греции, относительно происхождения афинян. Геродот, как и Гомер, делает афинян ионийцами; и в соответствии с построением, которое здесь дано Гомеру, он объявляет ионийцев не эллинами, а пеласгами[223]. Далее он говорит, что аттический народ, некогда бывший пеласгами, стал эллином[224]. Согласно некоторым мнениям[225], это изменение произошло, когда ионийцы пришли в Аттику: но свидетельства Гомера, я думаю, делают Афины ионическими в ту же эпоху, когда они были пеласгами. Поэтому я истолковываю утверждение Геродота как означающее, что афиняне с течением времени принимали между собой эллинских иммигрантов из более беспокойных и изменчивых частей Греции, и эти иммигранты произвели впечатление на Аттику, как они это делали на другие государства[226], эллинский характер и название; только с той разницей, что вместо конфликта и порабощение первоначальных жителей привело к процессу более гармоничного и сердечного поглощения и, как следствие, к развитию греческого характера, еще более замечательного по своей полноте, чем у любой другой греческой расы. Однако даже в случае с Аттикой эллинский характер окончательно утвердился не без столкновения, хотя, возможно, лишь локального и частичного, которое закончилось изгнанием пеласгов. Об этом конфликте сообщает нам Геродот из Гекатея[227], и если мы обнаружим, что в

нем, согласно афинской версии истории, пеласги были беззаконниками, то, вероятно, это на том основании, что победитель всегда прав: и афинянам больше требовалось обоснование, потому что их политика требовала оправдания, когда При Мильтиаде они последовали за пеласгами на Лемнос и снова подчинили их там. Каждая версия ссоры в Аттике содержит указания на то, что она связана с истиной по делу: пеласгов заставляют заявлять, что афиняне изгнали их с земли, на которой они были до этого и которую они возделывали так тщательно, что вызывали их зависть, в то время как афиняне утверждали, что когда до дней рабства их дети ходили набирать воду к Девяти Источникам (Ἐνεάκρουνοι), пеласги этого района оскорбляли их. Что может быть более вероятным, чем то, что, когда эллинская часть населения принуждала другую часть к рабству, их негодование время от времени находило выход в деревенской дерзости по отношению к мальчикам и девушкам?

Доктрина, распространяемая таким образом Геродотом относительно Аттики, еще более ярко представлена у Страбона в том, что касается ее ионического характера. Τὴν μὲν ἰάδα τῇ παλαίᾳ Ἀθίδι τὴν αὐτὴν φασὲν· καὶ γὰρ Ἴωνες ἐκαλοῦντο οἱ τότε Ἀτικοὶ, καὶ ἐκεῖθεν εἰσιν οἱ τὴν Ἀσίαν ἐποικίσαντες Ἴωνες, καὶ χρησάμενοι τῇ νῦν λεγομένῃ γλώττῃ ἰάδι[228]. Бедность их почвы, добавляет он, отделяла их от другой расы (ἔθνος) и другого языка (γλώττη).

И таким образом, Геродот снова сообщает, что ту же букву, которую дорийцы называли Сан, ионийцы называли Сигма. Не является ли это чем-то большим, чем диалектическое различие, и не указывает ли оно на более глубокое расовое различие?[229]

Связь пеласгов с древней Аттикой получит дополнительную иллюстрацию из нашего последующего исследования общих свидетельств более поздней традиции, касающейся этой расы.

Египет.

Египет и пеласги.

Если мы отважимся сделать еще один шаг назад и спросим, к какой посторонней расе и стране относятся пеласги эпохи Греции, которые, по-видимому, особенно относят нас к их типу, ответ, как могло бы показаться, хотя он может быть дан лишь с оговоркой, должен заключаться в том, что Египет и его народ, по-видимому, наиболее близко соответствуют образцу. Разнообразные заметки, указывающие на родство, прослеживаются в самых разных местах, где мы находим основания подозревать пеласговский характер: особенно в Трое и в ранней римской истории, более или менее у Гесиода и его школы, а также в определенных частях Греции. Многие из этих заметок, а также общий характер, на который они указывают, по-видимому, также принадлежат Египту.

Прямые признаки связи между Египтом и Грецией у Гомера гораздо менее ощутимы, чем между Грецией и Финикией. У нас нет от него никаких сведений о египтянах, поселившихся среди греков, или о греках среди египтян. Свидетельства торговых сношений между двумя странами ограничены случаем псевдо-Улисса, который отважился отправиться туда с Крита при обстоятельствах[230] которые, по-видимому, показывают, что это вряд ли входило в обычный круг греческих коммуникаций. Он действительно прибывает через пять дней при постоянном северо-западном ветре: но пятидневное путешествие[231] через открытое море, которое могло бы затянуться на неопределенное время из-за переменчивости или отсутствия ветра, было очень опасным для людей, единственная безопасность которых во время их морских

предприятий заключалась в возможности вытаскивать свои суда, когда это необходимо, на берег. Это было почти вдвое длиннее путешествия в Трою[232]. Следовательно, мы находим, что Менелай был перенесен в Египет не добровольно, а из-за погодных условий: и Нестор с ужасом говорит о том, что он пересек такое пространство, переход, который даже птицы совершают всего раз в год[233]. Если это будет сочтено несовместимым с пятидневным переходом, то даже непоследовательность в этом пункте у Гомера будет доказательством того, что путешествие в Египет было в его время редким, странным и таинственным для его соотечественников, и поэтому он свободно относился к нему как к чему-то, лежащему за пределами опыта и измерений.

У Гомера нет ничего, что полностью противоречило бы мнению о том, что Данай был египтянином; но нет и ничего, что могло бы окончательно подтвердить это. И если он считал, что египтяне приближаются к пеласговому типу, это может вызвать некоторые сомнения в египетском происхождении Данаи. Поэт, конечно, не выбрал бы пеласгийское имя, если бы не был полностью натурализован, для одного из характерных национальных обозначений ахейцев. Но он слишком хороший грек, чтобы сообщить нам конкретную информацию о каком-либо иностранном выдающемся деятеле в своем отечестве. Представляется, однако, возможным, что в названии ἀπίη, данном Пелопоннесу, может крыться связь с египетским Аписом. Апис был первым из четырех божественных быков Египта[234]; а бык был символом сельского хозяйства, которое, согласно традиции, переданной Эсхилом[235], Данай был введен в Пелопоннес.

Однако скудость контактов между Грецией и Египтом во времена Гомера не опровергает предположение о том, что, возможно, имела место ранняя миграция из последней страны в первую.

Был задан вопрос о том, насколько глубоко древние египтяне были знакомы с искусством мореплавания. Утвердительный ответ полностью аргументирован мистером Мак'Каллохом[236] в его комментариях к "Богатству народов" Адама Смита. Но совершенно очевидно, что египтяне не были известны Гомеру как народ мореплавателей. Мы не только никогда ни при каких обстоятельствах не слышим о них в связи с использованием кораблей, но и слышим о разграблении их побережья пиратами, когда они ограничивались сопротивлением на суше. Этот недостаток мореходного гения согласуется со всем, что мы узнаем о них из Священного Писания. И это придает им заметное сходство с пеласгами в целом: с аркадцами[237]; с троянцами; с ранними римлянами, которые не уделяли серьезного внимания созданию флота до второй самнитской войны в 311 году до н.э., или, как думает Нибур, тогда флот вообще был только у первых[238]; и снова, посвящается земному духу Гесиода, который называет себя

οὔτε τι ναυτιλίας σεσοφισμένος, οὔτε τι νηῶν,

полностью ограничивает это определенным сезоном, никогда не был в море, за исключением перехода из Авлиды в Эвбулу, и считает, что выхода в море лучше избегать[239].

То, что у Гомера сказочный элемент входит в его представление о египтянах, кажется очевидным из того, что он называет их расой Пейонов, точно так же, как он называет феаков расой Нептуна; и в некоторой степени также из того места, которое он отводит им в "странствиях Менелая", поскольку они, подобно странствиям Улисса, лежат во внешней и непостижимой сфере географии.

Протея называется Αἰ γύπτιος, но, по всей вероятности, смысл "Протей" Нила, который и является собственно Αἰ γύπτιος в мужском роде; в то время как страна, как производное звонил с ним как γῆ Αἰ γύπτιος, берет женский. Позже мы увидим, насколько Proteus принадлежит к кругу морских и, следовательно, финикийских традиций[240]. Это божество носит на себе все признаки внешнего и негреческого мира. Он является не менее замечательным типом πρῶκτῆς, чем обычный слуга Нептуна, ποσειδάωνος ὑπόδμῳς (Od. iv. 386). Эта связь с Нептуном ни в коем случае не делает его греком: Нептун был богом ἀλάσσης, который простирался за пределы круга греческого опыта, даже до границ Океана. Мы видим во всем этом приключении тот же странный религиозный знак, что и в отдаленных приключениях Улисса, а именно то, что Менелай выходит за рамки обычных обязанностей эллинских божеств. Средства освобождения указаны ему не Минервой, а Эйдотеей, дочерью самого Протея, чье имя, функции и родство в равной степени напоминают нам, что именно Ино Левкотей, дочь финикийца Кадма, явилась Улиссу за его освобождением в почти аналогичной пограничной зоне морской территории, лежащей между миром басен и миром опыта; ибо положение Египта в этом отношении было таким же, как у Феакии. Таким образом, может показаться, что сам Гомер знал Египет в основном через финикийцев.

В общении финикийцев с этой страной мы можем быть уверены, исходя из их близости, из их курорта туда, упомянутого у Гомера[241], и из следов, которые они оставили в самом Египте.

Представляется вероятным предположение, что у них с очень раннего времени была колония или фабрика в Египте, с помощью которой они вели с ним торговлю. Во времена Геродота в Мемфисе было большое и ухоженное владение Протея, о котором жрецы сообщали как о преемнике Сесостриса на египетском троне. Это поместье было окружено жилищами "тирских фиников", и вся равнина, на которой оно находилось, называлась Τυρίων στράτόπεδον. У Геродота есть еще одно предание, согласно которому финикийцы снабдили Египет флотом, который во времена Нехо совершил кругосветное плавание по Африке[242].

Гомер почти не дает нам прямых доказательств связи между религией Греции и египетским происхождением, к которому, по мнению Геродота, это можно отнести; но все же очень может быть, что Египет был источником многих традиций, которые финикийцы принесли в Грецию. У Гомера, например, мы находим признаки, которые, по-видимому, связывают Диониса с Финикией: но финикийцы, возможно, познакомились с ним в Египте, где Диодор[243] сообщает, что Осирис считался его оригиналом. Однако есть два признака египетского влияния, которые, по-видимому, прослеживаются более глубоко. Один из них - необычайная святость, придаваемая быкам Солнца. Другой, очевидная связь между египетским Нейтом и Афиной Аттики, взятая в сочетании с пеласгийским характером района[244]. Но, конечно, нашу позитивную информацию от Гомера о египтянах можно суммировать в очень кратком изложении. Они, по-видимому, были мирными, богатыми и процветающими, высококвалифицированными в сельском хозяйстве, а также в медицине, если мы не хотим понять под этим, что они знали об употреблении опиума, который мог бы легко вызвать пылкие восхваления со стороны расы, не осведомленной о его свойствах. Но свидетельство их превосходства в сельском хозяйстве не может быть ошибочным. Дважды упоминаются их поля, и оба раза как περικάλλεες ἀγροί: в точном соответствии с традицией, которая, как мы находим, существует в Аттике в отношении тех полей, которые возделывались пеласгами[245]. И этот случай с египтянами - единственный во всех Поэмах, в котором Гомер восхваляет земледелие. И снова они храбро сражались при нападении[246]. Мы находим также имя Эгиптий,

натурализованное на Итаке. Наконец, они, по-видимому, были гостеприимны к незнакомцам и уступчивы к врагам[247]. Это смутный контур, но все его черты, по-видимому, гармонируют с чертами пеласгов.

Следует отметить, что Лотофаги, которые посетил Улисс, во многом соответствуют египтянам, такими, какими их представлял Гомер. По месту жительства они принадлежали к египетской четверти земного шара: они с добротой приняли спутников Улисса[248]; и они дали им отведать лотоса, который по своим существенным и замечательным свойствам в точности соответствует *νήπενθες*[249], который Елена получила из Египта. Поскольку каждая фигура финикийских традиций, за исключением, возможно, Эола, по сути своей либо жестока, либо лжива, тем не менее, будь то из-за соседства или по какой-либо другой причине, поэт, по-видимому, намеревался запечатлеть менее энергичный, но более добрый характер египтян в этом конкретном народе, который, возможно, он считал родственным им.

В "Одиссее" действительно есть один наводящий на размышления отрывок, из которого мы можем предположить, что между Грецией и Египтом существовало нечто большее, чем цель Гомера как национального поэта, которую он мог полностью раскрыть. Менелай, когда он возвращается в Египет, узнав от Протея о смерти Агамемнона, воздвигает в Египте курган в честь своего брата[250], *ἵν' ᾧβεστον κλέος εἴῃ*. Но этот курган не мог способствовать прославлению убитого царя, если только Греция и ее жители не были достаточно хорошо известны в Египте.

В целом свидетельства гомеровских поэм не соответствуют тем более поздним традициям, которые ссылаются главным образом на Египет как на источник того, что является греческим. Рассматривая этот предмет, мы действительно должны иметь в виду систематическое умолчание Гомера о каналах, по которым иностранное влияние проникало в Грецию. Ибо это полностью отбрасывает нас на те косвенные доказательства, которые он может (так сказать) невольно предоставить. И мы должны также вспомнить, во-первых, что египетское влияние, каким бы оно ни было, возможно, сильнее действовало в пеласгийский период, чем в ту ахейскую эпоху, к которой относятся изображения Гомера. Во-вторых, многое из того, что касалось религии или чего-либо другого, могло попасть в Грецию в финикийской одежде, которую сами финикийцы, возможно, заимствовали из Египта.

Есть и другие черты, хорошо известные из всей истории как египетские, хотя и не прослеженные рукой Гомера, которые убедительно подтверждают их родство с пеласгийской расой, частично в том виде, в каком оно очерчено в гомеровских очерках, а частично в том, в каком оно известно из более поздней традиции. Одним из таких моментов является сравнительно жесткий и лишенный воображения характер его мифологии, соответствующий мифологии расы. Интересно отметить, как греки, с их тонким чувством прекрасного, сразу избавились от всего, что они заимствовали из Египта, от мифологических уродств богов, воплощенных в животных, и облекли их в формы более изящных басен.

Вторым моментом сходства с пеласгами является сильное ритуальное и жреческое развитие религии. Третье - недостаток политической энергии, которая строит и поддерживает обширную империю. При всем своем богатстве и ранней цивилизации это богатое государство никогда не могло совершать приобретения за пределами своей собственной границы и обычно находилось

в подчинении у какой-нибудь более мужской Силы. В-четвертых, раннее использование монолитной каменной кладки в общественных зданиях. Остатки в Греции и Италии, которые относят к пеласгам, действительно гораздо меньших размеров, чем остатки в Египте; но пеласги этих стран, насколько нам известно, не имели времени достичь какой-либо более высокой политической организации, чем у небольших общин со сравнительно ограниченными средствами производства рабочей силы. Пятое - это само их богатство, из-за которого египетские Фивы прославляются как в "Илиаде", так и в "Одиссее", возможно, единственном случае, когда поэт таким образом повторился, Ил. ix. 381 и Од. iv. 126.

Наконец, предполагаемое происхождение оракула в Додоне из Египта согласуется с пеласгийским характером, приписываемым этому месту поклонения Гомером. Традиция на этот счет, о которой сообщает Геродот[251] была греческой, а не египетской: она была получена им на месте: и если соотечественники Гомера разделяли сдержанность поэта и его нелюбовь приписывать иностранный источник чему-либо, созданному в Греции, возникает предположение, что это конкретное утверждение не было бы сделано, если бы оно не основывалось на респектабельном ходе истории. традиционный авторитет.

Молчание Илиады.

Однако можно спросить, если пеласгов следует рассматривать как греков и как основу греческой нации, и если Гомер был знаком с их именем и положением в этом персонаже, то почему он никогда не называет греков пеласгами, как он называет их данайцами, аргейцами и ахейцами, и даже никогда не называет нас в "Илиаде" пеласгийскую расу или племя по имени, как это было у греков?

Однако сказать, что раса и имя пеласгов находились в упадке в эпоху Гомера, недостаточный ответ; ибо позже мы увидим основания предположить, что названия данаан и аргеян также были (так сказать) претеритными, хотя и еще не устаревшими названиями; Гомер все еще свободно ими пользуется.

Однако, как мы увидим, их случай существенно отличается от случая пеласгов, поскольку эти два названия не подразумевают ни какой-либо крови, отличной от ахейской или собственно греческой, ни какой-либо конкретной расы, которая внесла какой-либо элемент в его состав: один из них пеласгийское название определенно подразумевает. Эти имена тоже, без сомнения, не использовались бы, если бы они не прославляли греков: пеласгийское имя не могло бы похвастаться таким сокровищем.

Однако здесь следует отметить, что исследование, которое в настоящее время предстоит провести, силы аргейского имени поможет нам объяснить исчезновение из Греции пеласгийского имени, которое оно, возможно, вытеснило.

Позвольте мне заметить, что если пеласги действительно внесли элемент в греческую национальность, которая, все еще оставаясь заметно обособленной, стала политически подчиненной во времена Гомера, то это как раз тот случай, когда он был бы уверен, что не применял это название ни к грекам в целом, ни к какому-либо греческому государству, поскольку его применение при таких обстоятельствах не могло быть популярным. Следовательно, то, что он не использует его для греков, является *pro tanto* подтверждением общей аргументации, изложенной на этих страницах.

Если бы, опять же, среди троянских вспомогательных войск были отдельные пеласги, а на греческой стороне был большой, но подчиненный пеласгический элемент, это было бы достаточным основанием как для того, чтобы он назвал пеласгических союзников троянцев, имея в виду правдивость его рассказа, так и для того, чтобы он не использовал пеласгическое имя в связи с греками; ибо ни в одном случае он не ставил ветви одной и той же расы или племени по обе стороны в борьбе. Главк и Сарпедон, пересаженные эолиды, не могут рассматриваться как исключения, во-первых, исходя из давней даты их греческого происхождения; и, во-вторых, потому, что они являются индивидуумами, тогда как мы сейчас говорим о племенах и расах. Это название также больше подходило несмешанным пеласгам троянского союза, чем народу, среди которого оно побледнело перед большим блеском знаменитых династий и более энергичных племен.

Применимость этого рассуждения к пеласгам подтверждается тем, что оно применимо и к другим гомеровским именам.

Фракия и Триция.

Вряд ли можно сомневаться, что имя $\Theta\rho\acute{\alpha}\xi$ сродни $\Theta\rho\alpha\chi\acute{\iota}$ и $\tau\rho\acute{\iota}\chi\upsilon\varsigma$ [252], что оно означает горца или жителя суровой и гористой страны, и что в него входили жители территорий, явно греческих. Это расширенное значение термина объясняет утверждение Геродота[253], что фракийцы были самой многочисленной из всех наций после индийцев.

Теперь Гомер делает Барда Тамириса фракийцем; однако из его связи с Музами и из географических точек, с которыми Гомер связывает его имя, ясно, что он должен быть греком[254]. Это, например, $\Delta\acute{\omega}\rho\iota\upsilon\upsilon\varsigma$ во владениях Пилоса, где он встретил свое бедствие, и Халия Эврита в Фессалии, откуда он совершал свое путешествие[255]. Страбон сообщает нам, что Пиерия и Олимп были древними фракийцами[256], и более того, фракийцы Беотии посвятили Геликон Музам. Орфей, Мусий, Эвмолп по традиции считались фракийцами, но это также заставляло их писать по-гречески. Я думаю, мы можем проследить этот описательный характер имени $\Theta\rho\acute{\alpha}\kappa\epsilon\varsigma$ и то, что оно еще не приобрело в полной мере силу имени собственного у Гомера, в его употреблении его как прилагательного, а не субстантива. В стихотворениях оно очень часто соединяется с аффиксом $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\varsigma$, который он не использует с такими именами собственными, которые являются привычными и устоявшимися, такими как Данаан, аргивянин или ахейянин. Он говорит об ахейских или данаанских героях, но никогда не присоединяет эти имена к простому сказуемому 'люди'. Когда он говорит Ἀχαιοὺς ἄνθρωποι , это делается с другой силой; это делается для того, чтобы указать на отдельного человека среди множества. Ведь у Гомера не $\Theta\rho\acute{\alpha}\xi$ но $\Theta\rho\acute{\alpha}\kappa\iota\omicron\varsigma$ что означает Фракийский, или принадлежность к стране под названием Фракия, $\Theta\rho\acute{\alpha}\kappa\eta$. Таким образом, имеется достаточно доказательств того, что греки высокогорья могли быть фракийцами; и весьма вероятно, что у греков существовали целые племена, называемые так. Тем не менее, у нас никогда нет названных Гомером фракийцев на греческой стороне, в то время как на троянской стороне они фигурируют как поставляющие не менее двух контингентов союзников: один в Каталоге, а другой, который только что прибыл в период $\Delta\omicron\lambda\acute{\omega}\Nu\epsilon\iota\alpha$ [257].

Эти два племена кажутся совершенно разными: потому что между ними не упоминается никакой связи; потому что первый контингент описывается как состоящий не из всех фракийцев, а из всех фракийцев в пределах Геллеспонта; и, наконец, потому что у вновь прибывших есть свои собственные $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$, поскольку у первоходога были свои вожди, Акамас

и Пейрус. Геллеспонт, подразумеваемый здесь, по-видимому, как пролив, потому что *εὐχερρῶος*. И поэтому возможно, что в то время как первый контингент пополнялся ближайшими племенами, второй мог состоять из тех фракийцев, которые располагались ближе к греческой границе.

Несмотря на то, что Марс, который так неразрывно связан с Фракией, сражается на стороне троянцев, у нас нет свидетельств Гомера, которые оправдывали бы предположение, что он намеревался более тесно связать фракийцев с пеласгами, чем с эллинами. Возможно, этнические познания поэта подвели его. Колебания Марса, по-видимому, указывают на соответствующую неуверенность в его собственном сознании. Возможно, трудность как с фракийскими, так и с пеласгийскими названиями заключалась в широте их распространения. Некоторая часть Фракии принадлежит ему *ἑριβώλαξ*[258]; это та часть, из которой вышел первый контингент, поскольку к ней принадлежал сын Пейруса. И эта часть менее гористая, чем квартал, который, как я предположил, мог поставлять контингент резусов. Эпитет тот же, что применяется к пеласгам Лариссы[259]: и ларисские пеласги помещены рядом с первым фракийским контингентом в каталоге Trojan.

Наиболее вероятным предположением для фракийцев, так же как и для пеласгов, является то, что у них было родство в обоих направлениях; что они существовали среди греков рассеянно и были поглощены именами большей пышности; но что на троянской стороне у них все еще было отчетливое национальное существование, и поэтому они названы по этой стороне, в то время как во избежание путаницы о них старательно сохраняется молчание на другой. Вся раса, говорит Гроте, представляет характер скорее азиатский, чем европейский[260].

Кауконес и Лелегес.

В более поздних традициях упоминается о многих других расах, населявших в доисторические времена различные части Греции. Таковы темники, зоны, гиганты, телебои. О них Гомер ничего не упоминает. Но есть две другие расы, которых он называет, лелеги и кауконы, и в отношении которых Страбон[261] подтвердил, что они были широко распространены по Греции, а также по Малой Азии.

Гомер поступил по отношению к кавказцам точно так же, как и по отношению к пеласгам. В "Илиаде" он называет их[262] среди союзников троянцев и совершенно умалчивает о них, имея дело с греческими расами. Но в "Одиссее", где ему не приходилось учитывать национальных различий, он называет их народом, по-видимому, греческим, живущим в западной части Греции. Псевдо-Наставник отправляется к ним по делу, чтобы получить выплату долга[263]: и манера, в которой они упоминаются без объяснения причин, показывает, что имя должно было быть знакомо Нестору и другим лицам, к которым обращались. Вероятно, поэтому они были соседним племенем: несомненно, греческим племенем, поскольку мы не находим доказательств того, что гомеровские греки вели торговлю разве что со своей собственной расой.

Поэт называет их хвалебным эпитетом: они - *καὶ κωνὲς μευάθυροι*. Это может напомнить нам о его щедрости такого же рода пеласгам: и кажется, что он испытывал благоговение к останкам древних владельцев страны.

У нас есть множество свидетельств того, что лелеги участвовали в войне на стороне троянцев. В Десятой книге они появляются как контингент: но, помимо этого, у Приама была одной из его жен Лаофея, дочь Алтея, царя лелегийцев, которые здесь называются *φίλοπτόλεμοι*[264]. Что более важно, мы находим выражения *λέλεγες καὶ τρῶες*[265], используемые вместе таким образом, что подразумевает широкое распространение первого как расы. В Двадцатой "Илиаде" Эней, говоря об Ахилле, ссылается на свое прежнее бегство от великого воина. Он сражался, говорит Эней, под покровительством Минервы, которая проливали перед ним свет и повелевала ему убивать легийцев и троянцев,

ἦδ' ἐκέλευεν

ἔγχεϊ χαλκείῳ λέλεγας καὶ Τρῶας ἐναίρειν.

Троянское войско состояло из двух основных частей, каждая из которых состояла из множества подразделений: во-первых, армия Приама и его родственников или подчиненных князей; и, во-вторых, союзники с их многочисленными и широко рассеянными расами. В только что процитированном отрывке слово *Leleges* должно означать либо большое количество союзников, либо оно должно, совместно с *Troes*, обозначать всю массу того, что мы можем назвать местными войсками. Теперь первое в высшей степени маловероятно. Таких различий, которые подразумеваются в сочетании фракийцев, ликийцев и пеласгов, не могло быть, и нигде больше Гомер не описывает их под одним именем как одну расу или нацию, хотя ликийцев, из-за их превосходства, иногда[266] принято представлять всю группу союзников. И опять же, если бы лелеги имели в виду всю группу союзников, то пеласги предстали бы как их ветвь, что противоречит всем свидетельствам и вероятности. Если, таким образом, эти два слова вместе обозначают те местные войска, которые в отличие от союзников были разделены на пять дивизий, перечисленных в ст. 816-39 Второй книги, вопрос в том, как распределить смысл между ними. И здесь нет особого места для сомнений. Имя *τῶες* было присвоено королем Тросом за четыре поколения до войны и, следовательно, являлось политическим или династическим именем, а не названием расы. Следовательно, это, скорее всего, указывает либо на жителей собственного города Приама и ближайших владений, либо на правящую расу, которая удерживала власть здесь, как и везде, среди подвластного населения. В любом случае мы должны заключить, что слово *Leleges* предназначено для обозначения крови, а также кровного имени (так сказать) основной массы населения на значительной территории страны: и следует заметить, что в четвертом и пятом разделах[267] в Троянском каталоге Гомер не указывает ни кровного имени, ни названия расы вообще.

Поскольку это так, мы находим важный свет, проливаемый на значение слова *Leleges*.

Продолжая эти расспросы, мы обнаружим накапливающиеся свидетельства пеласгианства массы населения на троянской стороне: и, таким образом, когда оказывается, что эта масса или очень большая ее часть были лелегианами, также представляется вероятным, что лелеги были, по крайней мере, родственны пеласгам, хотя некоторые считали их разными[268].

Таким образом, отвечая на вопрос, кем были эти *Saiones* и эти *Leleges*, хотя у нас нет средств для подробного и конкретного ответа, мы можем, я думаю, с достаточной уверенностью прибегнуть к словам, использованным епископом Терлуоллом в завершении этнологического обзора:

“Обзор, который мы только что сделали по пеласгийским поселениям в Греции, по-видимому, неизбежно приводит к выводу, что название "пеласги" было общим, как у саксов, франков или алеманнов: но что у каждого из пеласгийских племен было также свое собственное”[269].

После того как мы обнаружили, что пеласгийское имя находится в определенных очевидных отношениях с другими, такими как лелеги и кауконы, представляется более разумным предположить родство между ними, чем обратное: ибо ничто не может быть более невероятным, чем одновременное присутствие в тот ранний период множества рас, радикально отличающихся друг от друга, и все же смешанно рассеянных по одной и той же стране на равных условиях, и если бы такое родство существовало, то, скорее всего, это было бы родство подразделения, при котором лелеги и кауконы могли быть ветвями широко распространенной расы. Пеласгийская семья.

Это мнение подтверждается не только предположениями, но и многими косвенными доказательствами. Бесспорно, что по обычаю гомеровской эпохи к одному и тому же народу и в одно и то же время применялись разные имена. Поэт называет жителей Элиды как элианами, так и эпейцами. Народ Итаки - итакийцы (Ἰθακῆσιοι), но есть также Ἀχαιοί[270], и в Каталоге они включены в раздел "Кефалленцы"[271]. Долопийцы в речи Феникса[272] включены во фтианцы; а также подпадают под другие названия, применяемые Каталогом к последователям Ахилла, которых называли мирмидонцами, или эллинами, или ахейцами. Первой из них, по-видимому, является деноминация, которую правящая раса этого конкретного округа принесла с собой в страну. Третье, вероятно, принадлежит мирмидонянам, как членам того племени эллинского происхождения, которое в то время преобладало в Греции в целом. Второе, как мы увидим, было общим названием для всех греческих племен того происхождения, и именно это название в конечном итоге получило полное господство в стране. Из пяти народов Крита в Семнадцатой "Одиссее"[273] все или несколько, вероятно, включены в κρήτες Второй "Илиады"[274]. Более того, теперь мы можем заявить, что это, по крайней мере, весьма вероятно[275], что ионийское название было подназначением пеласгов. Таким образом, мы имеем множество примеров множественности в обозначениях племен. В целом, нам лучше всего предположить, что рассматриваемые названия лелегов и кавказонов указывали на пеласгийское подразделение. Исследование, однако, относится исключительно к этническому антикваризму; эти имена исторически незначимы, поскольку, за исключением пеласгийского, они не несут никакого отличительного характера или особой функции по отношению к Греции.

Erratum.—Я непреднамеренно, на стр. 103, перевел κητώεσσιν ‘полный диких зверей’. Это следовало перевести как ‘глубоко погруженный’. Смотрите Лексикон Буттманна, в вос.

РАЗДЕЛ III.

Пеласги продолжали: и некоторые государства, натурализовавшиеся или родственные Греции.

а. Крит. b. Ликия. с. Кипр.

Крит и традиции Миноса.

Здесь, по-видимому, самое подходящее место для более полного рассмотрения свидетельства Гомера относительно, вероятно, величайшего персонажа ранней греческой истории, которого нельзя опустить ни в одном исследовании, касающемся ранних пеласгов Греции: в той мере, в какой они находятся в прямой гомеровской связи с Критом, царем которого он был.

В поэмах Гомера Минос предстает как первая великая и неизменная точка греческой национальности и цивилизации. На самом деле он не так далек от периода самого Гомера, как другие, даже как другие европейцы, которых упоминает поэт и которых он связывает генеалогией с троянским периодом, особенно с Эолидами. Но особенности, встречающиеся в его случае, по сравнению с большинством из них, таковы:

1. Что он четко прослеживается как вверх, так и вниз.
2. Что он связан с определенным местом как его суверен.
3. Что так много говорится или предполагается о его характере и поступках.
4. Что гомеровские предания о Миносе так замечательно поддерживаются извне.

Минос упоминается, причем довольно широко, не менее чем в шести различных отрывках "Илиады" и "Одиссеи". Гомер дал нам о нем гораздо более полное представление, чем о более популярном герое Геракле, хотя он и не упоминается почти во многих отрывках; и странно, что более древний из двух персонажей также гораздо более историчен. Опять же, поэт рассказал нам больше о Миносе, хотя он и иностранного происхождения, чем обо всех остальных древнегреческих героях, вместе взятых. О Тесее, Пиритосе, Касторе, Поллуксе, Мелеагре, Персее, Ясоне и остальных он упоминает очень мало. Имея дело с Гомером, я должен процитировать даже этот факт о большем количестве его упоминаний, которые в случае большинства других поэтов были бы несущественными, как убедительное предположение о высшей исторической значимости данной личности.

Согласно Гомеру, отцом Миноса был Юпитер, матерью - финикийская девица, а младшим братом - Радамант. Имя^[276] его матери не указано, но Юпитер называет ее широко известной. Эта слава, если бы она была обусловлена ее красотой, вероятно, сохранила бы ее имя живым; но поскольку оно не сохранилось, это, скорее всего, отражение последующего величия ее сына.

Данная история, вероятно, указывает на то, что Минос был финикийцем по происхождению, но без известной родословной, и прославился благодаря своей собственной энергии и достижениям.

Способ, благодаря которому он прославился, заключался в управлении людьми и создании гражданских институтов. В девять лет он получил, как гласит легенда, откровения от Юпитера,^[277] и царствовал в великом или могущественном городе (μεγάλη πόλις) Кносса над Критом: такова была форма, скопированная политическим законодателем Рима, в которой право на почитание было закреплено за его законами. Ни один другой город, кроме этой столицы, не описывается у Гомера эпитетом μεγάλη или каким-либо эквивалентным словом.

Еще одним ярким свидетельством его политического величия является тот отрывок из "Одиссеи", который показывает его не просто как осуществляющего в мире, расположенном ниже,^[278] простую должность судьи, но скорее как выполняющего там судебную функцию в

силу своего суверенитета. Такова сила слова θεμιστεύειν,[279] которое означает скорее давать закон, чем управлять им: или, по крайней мере, выполнять функции короля, а не судьи[280] (ἴστωρ). Он по-прежнему описывается как прославленный сын Юпитера, διὸς Ἀγαθὸς υἱὸς. Даже там он появляется не как один из страдающих или сбитых с толку обитателей этого низшего мира, но при осуществлении власти как действительный правитель среди духов усопших;

οἱ δὲ μὴν ἄμφι δίκας εἴροντο ἄνακτα.

Только он наделен каким-либо персонажем такого рода. Любое другое приведенное ниже видение либо действительно страдает, либо мрачно и подавлено.

Эпитет ὀλοόφρων, примененный к Миносу в более раннем отрывке "Νεκυία", возможно, передает ту же идею, которую Вергилий выразил в своей "durissima regna",[281] в описании Радаманта: и мы также можем сравнить обращение Менелая в Третьей Илиаде к Юпитеру,

Ζεῦ πάτερ οὔτις σεῖο θεῶν ὀλοώτερος ἄλλος.[282]

Разумная конструкция отсылала бы это слово к коммерческому характеру финикийского народа, одновременно хитрому и дерзкому[283]; и есть большая вероятность, по мнению Хека, который интерпретирует это слово как означающее "взимающий дань" или как намек на взимание Миносом дани с Аттики[284]. На этом нам вскоре придется остановиться подробнее.

Могущество Крита.

Что касается семьи и царства Миноса, то, прежде всего, мы должны узнать у Гомера, что при нем Крит был выдающимся по могуществу. Он был королем острова (κρήτη ἐπίουρος)[285], и он царствовал в возрасте всего девяти лет (ἐννέωρος βασιλεὺς) в Кноссе над пятью народами. На острове насчитывалось девяносто, а в более округленных цифрах - сто городов. Со времен Миноса прошло два поколения; его внук Идомей, по-видимому, не правил, как сам Минос, всем этим островом: ибо, если бы это было так, то очень маловероятно, если предположить, что мы можем судить по аналогиям, которые приводит общий порядок армии, что Мерионес был бы назначен его помощником, которым он в некотором роде и является, в командовании; и опять же, вымышленная история Улисса в "Одиссее", хотя и вводит Идомею, не представляет его царем всего острова, а скорее подразумевает, что Мерионес был бы назначен его помощником. что его мнимый брат, Итон, также осуществлял там суверенитет[286]. Но даже тогда критский контингент, хотя названные города, снабжающие его, не распространяются на весь остров[287], насчитывал восемьдесят кораблей и, таким образом, превосходил любой другой, за исключением кораблей Агамемнона и Нестора. И потом, когда Минос был уже так давно мертв, это все еще было заметным и особым отличием страны, что она была резиденцией его расы. Итак, Евмей, описывая переодетого незнакомца Пенелопе, говорит[288],

φησὶ δ' Ὀδυσσεύς ξεῖνος πατρίῳς εἶναι,
Κρήτηναιετάων, ὅθι Μίνωος γένος ἐστίν.

Отрывок, который, возможно, свидетельствует о том, что семья Миноса была ξεῖνοι для предшественников Улисса.

Но, пожалуй, в Греции нет страны, которую Гомер так редко упоминает без хвалебного эпитета. Хотя (περίρρυτος) Си-Герт, это не с ним остров: это Κρήτη γαῖα, Κρήτη εὐρεῖα, Κρήτη

ἐκατόμπολις[289], и в основном описание, Гомер превозносит его более высоко, я думаю, чем любой другой территории,

Κρήτη τις γαῖ' ἐστὶ , μέσῳ ἐνὶ οἷ νοτι πόντῳ
καλὴ καὶ πείρα, περίρρυτος· ἐν δ' ἄνθρωποι
πολλοὶ , ἀπειέσιοι, καὶ ἐννήκοντα πόληες[290].

Если кто-то считает, что свидетельства характера Миноса как законодателя незначительны, мы должны вспомнить, что даже слово *закон* не встречается у Гомера. Термин, впоследствии использованный греками для выражения того, что мы подразумеваем под законом, νόμος, встречается у Гомера только в совершенно ином смысле. Он не говорит нам ни о чем более определенном, чем δίκαι и θέμιτες. Но по сравнению с его изображениями других правителей законотворческий характер Миноса столь же ярко выражен, как у Нумы Ливия - по сравнению с другими царями Рима.

В заключение, что касается региона Крит, то он был населен пятью расами, а именно:

1. Ἀχαιοί.
2. Ἑεοκρῆτες.
3. Κυδωνες.
4. Δωριέες.
5. Πελάσγοι.

Пеласгианство на Крите.

Из них ахейцы и дорийцы, очевидно, греки. Сейчас мы рассматриваем в целом титул пеласгов, присвоенный тому же персонажу. Что касается кидонов, то из фактов мы можем сделать вывод, что они жили (Od. iii. 292) на критской реке Иарданус, и что так же называлась река Пелопоннеса (Il. vii. 133). Я бы даже предположил, что этот ручей, который не идентифицирован, скорее всего, находился в Аркадии: во-первых, потому, что в борьбе с эллинскими племенами Пилоса аркадяне, как и пеласги, были бы в обороне и, следовательно, сражались бы на своей территории; во-вторых, потому, что битва происходила на ἰκúροος Κελάδων. Эти слова больше всего подходят к какому-нибудь горному притоку Ярдана с его стремительным спуском, а не к обычно более спокойному течению реки у моря, особенно у морского побережья песчаного Пилуса, которое доходило до Алфея[291]. Это предположение относительно селадона также лучше всего объясняет то, что в противном случае кажется странным; а именно, что битва шла одновременно на Селадоне, а также вокруг Иардануса (ἸΑρδάνου ἀμφὶ ρέεθρα[292]). Опять же, битва происходила между аркадцами и пилианцами, и, следовательно, исходя из относительного положения территорий, вероятно, происходила на каком-нибудь аркадском притоке Алфея, лежащем далеко в глубине материка. Теперь, если Ярдан был аркадской рекой, а аркадийцы были пеласгами, это приводит к предположению, что кидонийцы с Крита, которые жили на Ярдане, также были пеласгами.

Остаются Ἑεοκρῆτες, видимо так называли, чтобы отличить их как коренных народов от всех остальных четырех стран, которые были ἐπὶ ἡλυδες, или иммигрантов. Это любопытно, поскольку отсылает нас к другому источнику происхождения пеласгов. Это единственный случай, когда мы слышим о чем-либо предшествующем им на землях, которые они занимали. Наконец, Крит лежал между Грецией и КиевомПрус, а Кипр четко указан в "Одиссее" как путь в Египет[293].

Но мы также слышим о Радаманте как о брате Миноса, о Девкалионе как о его сыне и об Ариадне как о его дочери[294]. И все упоминания об этих персонажах у Гомера имеют тенденцию преувеличивать наше представление о его могуществе и связях.

Тесей, прославленный Нестором как первоклассный герой[295] и описанный как самое известное дитя богов[296], которого и Гомер, и также более поздние легенды связаны с Атикой, женится на Ариадне, которая умирает по пути в Афины[297]. Браки Гомера, как правило, заключались между гораздо более близкими соседями. Я думаю, что эта более отдаленная связь не может не быть воспринята как указание на расширенные отношения, связанные с суверенитетом Миноса и его высоким положением.

Традиции Девкалиона.

Генеалогия Идомея выглядит следующим образом[298]; 'Юпитер породил Миноса, правителя Крита. Минос родил выдающегося сына, Девкалиона. Девкалион родил меня, правителя многочисленных подданных на обширном Крите.

Здесь следует отметить,

1. В то время как Минос и Идомей, первое и третье поколения, описываются как правящие на Крите, Девкалион из второго поколения так не описывается.
2. Что Идомей нигде не описывается как унаследовавший трон своего деда Миноса, а только как правитель Крита: и что, как мы видели, из определенного сочетания Мериона с ним в командовании, возможно, также из ограниченного числа критских городов в Каталоге, возникает положительное предположение, что он унаследовал лишь часть древнего превосходства и власти своего предка.

У Гомера нет прямых свидетельств, связывающих Девкалиона с Фессалией. Более поздняя традиция, однако, помещает его туда: и эта традиция, вероятно, может претендовать на авторитет столь же древний, как авторитет Гесиода. Фрагмент этого поэта[299], с частично искаженным текстом, говорит о Локре, лидере Лелегов, как о тех, кого Юпитер поднял с земли для Девкалиона. Это упоминание о Локре непосредственно наводит на мысль о названии локрийской расы и, таким образом, переносит нас в непосредственные окрестности Фессалии; и общий смысл этих слов состоит в том, чтобы выразить нечто, немного напоминающее более позднюю традицию о Девкалионе, действие которой происходило в этой стране. Объединяя это с негативными свидетельствами, содержащимися в гомеровском тексте, мы, таким образом, обнаруживаем установление связи, по-видимому, прямой, между Китом при Миносе и Фессалией, в которую, как мы уже выяснили, вероятно, иммигрировал Девкалион и где он, возможно, правил.

Обычно утверждается, что имя Девкалион было общим для двух разных людей, одного сына Миноса, а другого царя Фессалии. Но мы должны быть осторожны с уловками более поздних греческих авторов, которые сразу же распутали накопившиеся хитросплетения, постепенно накапливавшиеся в их традициях, и пополнили запас материала для тешения тщеславия и возбуждения воображения, умножая персонажей ранних легенд. Что касается рассматриваемого нами сейчас случая, то традиция, которая делает Эллина сыном последнего

из этих Девкалионов, несомненно, делает его значительно старше, чем он мог бы быть, если бы был сыном Миноса. Следует признать, что Гомер повторяет имя Девкалиона, поскольку троянец с таким именем убит Ахиллом в Ил. хх. 478. Фантазии поэта там понравилось использовать имена ряда погибших героев, чтобы отличить воинов, павших, как овцы, под мечом ужасного Ахиллеса: мы находим среди них Дардана, Троса и Мулиуса; и Гомер так редко употреблял имена без особого значения, что мы можем предположить, что он сделал это, предпочитая позволить Ахиллу истребить толпу неблагородных людей, чтобы во всем отличать своего Главного героя от других людей. Но поэт, по-видимому, особенно заботится о том, чтобы не допустить какой-либо путаницы относительно своего великого греческого, да и вообще относительно всех своих великих ныне живущих персонажей. Мне не известно более чем об одном отрывке из "Илиады"[300], среди множества, в которых назван тот или иной вариант, где может возникнуть сомнение, какой из двух имеется в виду. Крайне маловероятно, что если бы Гомеру был известен отдельный Девкалион из Фессалии, он не отличил бы его от Девкалиона с Крита. Эта маловероятность возрастает до невероятности, когда мы вспоминаем (1), что этот другой Девкалион из Фессалии является не чем иным, как утверждаемым корнем всего эллинского происхождения, и (2) что поэт неоднократно использует отчество Девкалид как индивидуальное наименование Идоменея, тогда как неблагоприятное предположение сделало бы всех ахейцев одинаковыми Δευκαλίδαι. Следовательно, мы можем с уверенностью заключить, по крайней мере, что Гомер не знал ни о каком Девкалионе, кроме сына Миноса.

О Радаманте и феаках.

Теперь мы переходим к Радаманту, который трижды упоминается Гомером. Один раз[301], как рожденный от одних родителей с Миносом[302]. Однажды, подобно ему, наслаждаясь почестями от Юпитера, превышающими срок нашей обычной человеческой жизни: ибо он находится среди спокойствия и удобств Елисейской равнины. Третий отрывок примечателен. Именно здесь Алциной[303] обещает доставить Улисса домой, даже если это дальше Эвбы, которую феакийские мореплаватели считают самой дальней из известных им точек, и куда они доставили Радаманта,

ἔποψόμενον Τίτιον, Γαιήιον υἱὸν·

направлялся навестить, или осмотреть, или присмотреть за Титием. Этого Тития мы находим в "νέκυια", подвергающемся пыткам за попытку насилия над Латоной[304], когда она направлялась к Пифону через Панопеус. Панопей был местечком в Фокиде, на границе Беотии и на пути любого, кто путешествовал между Делосом и Дельфами.

В этой легенде присутствует географическая расплывчатость и даже путаница, которую мы обычно встречаем там, где Гомер имел дело с местами, лежащими по меньшей мере за пределами его собственного опыта или опыта его слушателей, как это было в случае с Феацией. Если Титий был в Панопее, то правильным способом перевезти Радаманта было через Коринфский залив. Но из различных пунктов географии "Одиссеи", на мой взгляд, можно сделать вывод, что Гомер имел представление, довольно смутное и неопределенное относительно расстояния, о морском сообщении между севером Адриатики и севером Эгейского моря, либо напрямую, либо из Мраморного моря: и это соответствовало его представлению о феаках и наилучшим образом поддерживало их, так сказать, воздушный характер, давая им неизвестный, а не известный маршрут. Как бы то ни было, если мы заглянем

в легенду, чтобы предположить ее историческую основу, то, по-видимому, напрашиваются следующие выводы:

1. Согласно традиции, империя или верховенство Миноса, которое, возможно, в некоторых моментах напоминало то, которым впоследствии владел Агамемнон, охватывало как Коркиру, так и среднюю Грецию, где находились Панопей и Пифон, или Дельфы.

Мы должны, однако, предположить, что империя Миноса была по большей части островной. На материке существовали современные королевства, которые не подавали никаких признаков зависимости от него.

2. Что феаки действовали как подданные Миноса, перевоза Радаманта морем из одной части владений этого царя в другую.

3. Что Радамант отправился наказывать Тита как преступника в пределах царства Миноса и сделал это со стороны и вместо самого Миноса.

4. Хотя он и не был греком по происхождению, его личность, семья и империя были греческими с точки зрения Гомера.

Эта гипотетическая интерпретация легенды находит поддержку во многих кругах.

Что касается длительного правления Миноса, то это полностью согласуется с Одиннадцатой "Одиссеей", в которой Минос изображен действующим в качестве суверена в нижеприведенных тенях; в которой также показано, как понесшие судебное наказание, которым он был награжден, преступники, связанные с различными частями греческой территории, и среди них этот самый Тит.

Минос: постгомеровская традиция.

Теперь пришло время обратиться к постгомеровским традициям.

Степень влияния Миноса подтверждается традицией Пеласга в "Дополнениях Эсхила"^[305], которая представляет всю страну от (вероятно) Македонии до крайнего юга полуострова, как ранее находившуюся под одним и тем же влиянием. Империя Миноса, возможно, была приукрашена этой традицией.

Авторитет Фукидида доступен по следующим пунктам^[306]:—

1. Что Минос был самым ранним известным обладателем морской мощи: это согласуется с гипотезой о том, что феаки, чье большое отличие заключалось в их мореходном характере, действовали как его подданные, когда везли Радаманта.

2. Что его власть распространялась на Греческое море, или Эгейское (Ἑλληνικὴ Θάλασσα) в целом (ἐπὶ πλεῖστον); таким образом, указывая на большую степень влияния.

3. Что он назначал своих детей, чтобы они регулируют свои владения от своего имени (τοὺς ἑαυτοῦ ἡγεμόνας παῖδας ἐγκρατοῦσας): который поддерживает идею о том, что его брат Радаманта, возможно, действовали ему на расстоянии.

4. Что он изгнал карийцев с эгейских островов. Это утверждение получает замечательное подтверждение у Гомера, который приписывает острова до самого побережья Карики силам

греческой армии: в то время как Лесбос и другие, расположенные дальше на север и более удаленные от Крита, по-видимому, были, как и сама Кария, в интересах троянцев.

В "Миносе, приписываемом Платону"[307] мы находим традицию о его прямых отношениях с Атикой, которые были хорошо известны театру. Это подтверждает упоминание Гомером о браке, заключенном между Тесеем и его дочерью Ариадной.

Аристотель[308], как и Фукидид, утверждает морскую мощь Миноса и его суверенитет над островами, и добавляет, что он погиб или закончил свою жизнь в ходе экспедиции по завоеванию Сицилии[309].

Геродот[310], как и Фукидид, рассматривает Миноса как первого известного правителя, который был могущественен на море. Он утверждает, что Минос изгнал своего брата Сарпедона с Крита и что Сарпедон со своими приверженцами колонизировал Ликию, которая управлялась, вплоть до времен самого историка, частично критскими законами[311]: и он также передает традицию о том, что Минос был убит в экспедиции против Сицилии при Камике, впоследствии Агригентум. Город, носящий его имя, еще долго оставался на острове.

Еврипид описал место действия своего "Радаманта" в Беотии: и говорят, что критская колония основала там храм Тильфоса[312]. Хек находит следы заметной связи между Критом и этим районом[313].

Минос: лаконские и критские законы.

Однако более важными, чем любые изолированные факты, являются сходства лакедемонянской и критской политики, замеченные Аристотелем[314], в сочетании с признанием, которое всегда делали лакедемоняне, что их законодатель Ликург положил начало критским институтам[315], и с универсальной греческой традицией о том, что на Крите, в первую очередь во всех частях Греции, законы и регулярное государственное устройство были установлены Миносом. Опять же, в Диалоге, напечатанном среди произведений Платона, его автор стремится утвердить фундаментальную идею права: отбрасывает в сторону оскорбительные высказывания трагиков, которые представляли Миноса тираном, объявляет его законы старейшими и лучшими в Греции, а также модели, из которых были заимствованы основные части лаконского законодательства[316].

Среди известных нам сходств, по-видимому, есть

1. Разделение между военной и сельскохозяйственной частью сообщества.
2. περὶοικοί с Крита, имеющие такое же отношение к критянам, как илоты к спартам, и подобно им обрабатывающие землю.
3. Институт συσσίτια в обеих странах.
4. Структура правительства: пять эфоров соответствуют десяти κοσμοί Крита, а βουλή одинаковы в обоих.

Также до сих пор сохраняются этимологические указания на то, что Минос был человеком, который возвысил какое-то племя или класс до господства на Крите и низвел некоторые другие племена или классы ниже уровня свободного сообщества. У Исихия мы читаем:

μνοῖ α, οἱ κετεῖα.

μνηῖτοι, δοῦλοι.

μνώα, δουλεία.

And Athenæus quotes from the Cretica of Sosicrates, τὴν μὲν κοινὴν δουλείαν οἱ Κρηῖτες καλοῦσι μνοῖαν· τὴν δὲ ἰδίαν ἀφαιμιώτας· τοὺς δὲ περιοίκους, ὑπηκόους[317]. Он также говорит, что, согласно Эфору, общим названием раба на Крите было κλαρώτης, и что оно произошло от обычая распределять рабов по жребию. Это замечательно подтверждает характер критского рабства, поскольку оно возникло благодаря некоторым институтам, общественным в высшем смысле этого слова, поскольку чисто частное рабство, по-видимому, не могло иметь такого происхождения, чтобы объяснить это название. Таким образом, это косвенно подтверждает идею, подразумеваемую в μνοῖα и μνηῖτοι, о том, что оно произошло от Миноса. Athenæus[318] снова со ссылкой на *Creticæ glossæ* Хермон, дает нам слова μνώτας, τοὺς εὐγενεῖς (иначе читать ἐγγενεῖς) οἱ κέτας, и, таким образом, указывая на сокращение в рабство кого-то из ранее свободное население страны.

Не может быть никаких сомнений в том, что именно пеласгическая часть населения, таким образом, уступила более активным элементам критского общества и продолжала заниматься земледелием вручную, в то время как война, политика и морские занятия стали уделом их более удачливых конкурентов. Ибо трудно ли угадать, какие из этих элементов были более активными, поскольку Гомер указывает нам среди жителей Крита по крайней мере на два племени, ахейцев и дорийцев, эллинского происхождения. Епископ Терлуолл указывает также на финикийский элемент на Крите и на Гомера, указывающего на финикийское происхождение Миноса. На это указывает не только его рождение и его морское превосходство, но и то, что Гомер поместил Дедала на Крите[319]. Ибо это название напрямую устанавливает связь с искусствами, которые сделали Сидон и Финикию такими знаменитыми. Более поздняя традиция, действительно, помещает Дедала лично в отношения с Миносом, поскольку тот преследовал его после того, как он бежал на Сицилию[320].

В другом месте я приводил основания для предположения, что второй из пяти критских народов, а именно, κύδωνες, был пеласгами; и существует любопытная традиция, подтверждающая эту гипотезу. Согласно Эфору[321], проводились торжественные празднества рабовладельческого населения, во время которых свободным людям не разрешалось входить внутрь стен, в то время как рабы были верховными и имели право пороть свободных; и эти фестивали проводились в Сидонии, городе этих κύδωνες.

Наша вера в критскую империю Миноса, основанная на свидетельствах Поэм и подкреплённая утверждением Фукидида, не должна быть ослаблена тем фактом, что мы находим мало прямых постгомеровских свидетельств в ее поддержку. В прежние времена память о династиях во многом зависела от заинтересованности их преемников в сохранении этой памяти. Так вот, Минойская империя уже была разорвана на куски во времена *Троики*. Верховенство над Грецией находилось тогда в руках семьи, которая владела тронем Персеидов и Данаид, тронем более древним, чем трон самого Миноса, хотя в его время, вероятно, менее выдающимся: тронем, блеск которого был бы уменьшен живыми традициями его власти и величия. И именно от Пелопидов претендовали на наследство дорийские правители Спарты. Следовательно, великий греческий суверенитет, начиная с *Троики* и далее, не был заинтересован в том, чтобы

лелеять воспоминания об этой древней части истории; напротив, их интерес заключался в том, чтобы подавлять ее; и при таких обстоятельствах нам не нужно удивляться, что до эпохи исследований греческой литературы и философии, когда Афины получили преобладание, следы этого оставались лишь слабыми. Но следы критян были обнаружены широко рассеянными как по островам, так и на побережьях Эгейского моря[322].

Ликийцы.

Чтобы завершить изложение этой части дела, необходимо обратиться к другой стране, занимающей вместе со своими жителями весьма своеобразное положение в "Илиаде". Внимательный читатель поэмы должен часто задаваться вопросом, с любопытством и недоумением, почему Гомер повсюду упоминает ликийское имя с такой явной благосклонностью, что это можно почти назвать фаворитизмом. На каждом шагу, который приводит к появлению этого народа, мы встречаемся с его ярчайшими свидетельствами: и лишь немногие из указаний Гомера, ни одно из его заметных указаний, не лишено причины и цели.

Сарпедон, ликийский главнокомандующий, совершает величайший военный подвиг на стороне троянцев, который можно найти во всех стихотворениях[323]. То, что он не заслоняет величия Гектора, объясняется только тем фактом, что его доля в действии поэмы меньше, а не тем, что она менее выдающаяся. Везде он играет свою роль с безупречной отвагой, доблестью, оттеняемой его скромностью и острым чувством общественного долга в строгом смысле этого слова[324]; Юпитер, его отец, проливает кровавые слезы из-за своей грядущей смерти; и он, по правде говоря, самый совершенный, а также самый храбрый человек на стороне троянцев. Главк, его заместитель, не уступает ни одному троянскому воину, кроме Гектора, хотя при обмене оружием с Диомедом Гомер, как обычно, отдал превосходство греческому интеллекту.

Отличия, которыми был награжден ликийский народ, полностью соответствуют отличиям их царя Сарпедона. Они сформировали только одно из одиннадцати подразделений вспомогательных сил, но ликийская[325] название, и их единственная[326], очевидно, из-за их высокого положения, часто используется для обозначения всего тела. В великом штурме греческих траншей и валов Сарпедон, их лидер, командует всеми союзниками и выбирает своими лейтенантами Главка, а Астеропей - пеонийца, но не пеонийского генерала[327]. Они никогда не упоминаются никаким эпитетом, кроме почетного: и к ним применяется термин ἄντιθεοι[328], который не дается ни одному другому племени или нации в "Илиаде", а в "Одиссее" только феакам[329]; к последним это относится, несомненно, из-за их родства с бессмертными. Атака ликийцев в Двенадцатой книге действительно грозна для греков[330], и в разгроме Шестнадцатой книги нам говорят, что 'даже стойкие (ἱ φθιτοί) Ликийцы удержали свои позиции после смерти Сарпедона[331]. Только к ним обращаются во имя того особого и священного чувства воинской чести, называемого αἶ δῖα, которое, за этим единственным исключением, кажется исключительной собственностью греков[332].

Трудно объяснить это яркое изображение, столь последовательно проходящее через всю поэму, за исключением предположения, что Гомер считал ликийцев имеющими какое-то особое родство или иную связь с греками; и что он по этой причине поднял их с того, что в противном случае более естественно было бы занять второстепенное положение.

Есть много признаков особого рода, свидетельствующих о том, что на самом деле это был его взгляд на них.

1. Сделать Сарпедона сыном Юпитера означало сразу же установить какие-то отношения с греческими расами.

2. Легенда о Беллерофонте, рассказанная на поле битвы, не требовалась и не вводится просто для того, чтобы заполнить время, в течение которого Гектор отправляется из лагеря в город. Она не требовала заполнения, но Гомер объясняет этот интервал, используя его, чтобы рассказать нам эту интересную главу архаической истории, несомненно, для того, чтобы проиллюстрировать, как это делают все другие его легенды, зарождение и ранние взаимоотношения эллинских рас. Соответственно, мы обнаруживаем, что Антея, жена аргивского царя Прета, была ликийкой; что между двумя дворами существовали фамильярные отношения, которые, вероятно, убедительно предполагают, что у народов были и другие связи; и, наконец, что древняя династия государей, происходившая от Сизифа, была фактическими правителями Ликии в период *Троики*.

3. Те же самые идеи царствования и его должностей, которые преобладали в Греции, выражены Сарпедоном в его речи Главку[333], и есть указание на свободные институты, которое усиливает сходство. Сила этого обстоятельства будет оценена более полно, когда мы рассмотрим азиатский оттенок, который замечен в учреждениях самой Трои.

4. Помимо владычества элидов, этимология имен ликийских воинов связана не только с греческой расой, но и с эллинским элементом в этой расе[334].

5. С другой стороны, Аполлон, которого мы впоследствии узнаем как великого пеласгийского, хотя и универсального бога, даже, согласно Гомеру, находится в тесной и своеобразной связи с Ликией, хотя Гомер и не локализует его там, как в более поздней традиции. Сначала как существо *λυκίηνός*. Во-вторых, как великий лучник: хотя Ликия была настолько выдающейся в этом искусстве, что Эней, обращаясь к Пандару с комплиментом по поводу его мастерства, говорит, что ни один человек до Трои не может сравниться с ним, и, возможно, даже в Ликии не может быть лучшего лучника[335]. В-третьих, этот Пандар, лучник и сын Ликаона, получил в дар свой лук от самого Аполлона[336]: и говорит, что Аполлон подсказал или проинструктировал его, поскольку он был родом из Ликии[337]. Может, однако, возникнуть обоснованный вопрос, имеем ли мы здесь в виду Южную Ликию или район с родственным названием в Троаде. В любом случае, Аполлон в Ликии был бы не более чем двойником Минервы в пеласгийских Афинах.

6. Распространенность этого ликийского имени в других кварталах, таких как Аркадия, с ярко выраженным пеласгийским характером, еще больше подтверждает предположение, что в Ликии, вероятно, основную часть населения составляла пеласгийская раса, находящаяся в таком же подчиненном отношении к другой расе, как мы находим в соответствующих случаях. В Аркадии[338] Павсаний сообщает о Ликаоне, сыне Пеласга; о Ликосуре, городе, который он основал; о Ликеоне, холме, на котором он стоял; и о Ликее, играх, которые он учредил.

Все эти свидетельства в совокупности показывают некоторое соответствие между Ликией и Грецией в том, что касается составляющих элементов населения. Согласие не могло быть совершенным, поскольку записи ликийского языка, я полагаю, демонстрируют преобладание других элементов, помимо греческого. Но, таким образом, у нас есть основания предполагать,

что общность архитектуры и других искусств, которая, как было обнаружено, существовала между двумя странами, зависела не просто от более поздней колонизации, но была обусловлена близостью рас и сходством нравов, которые восходят к героической эпохе.

Наконец, фрагменты гомеровских свидетельств о ликийцах объединены более поздней традицией, которая связывает их с Критом, главным предметом нашего недавнего исследования. Согласно этой традиции, Сарпедон существовал раньше, чем Сарпедон из *Троики*, который, помимо того, что был сыном Юпитера, был братом Миноса. Говорят, что он был изгнан этим монархом со своими приверженцами с Крита; что он отправился в Ликию и колонизировал эту страну или ее часть. Во времена Геродота, как мы видели, здесь сохранялись законы критского, то есть греческого происхождения. И в два более поздних периода своей истории, далеких от Гомера и друг от друга, его жители проявили самую отчаянную доблесть при защите Ксанфа, своей столицы[339].

Что касается происхождения группы названий, корнем которых является *λύκος* или какое-либо похожее слово, то представляется наиболее естественным сделать вывод о его идентичности с латинским *lucus*, по сути, то же самое с *lupus*, и предположить, что оно имело пеласгический источник, но что соответствующее ему слово, вероятно, *λύκος*, означающее лес или рощу, устарело в позднем эллинском языке. Есть все основания для предположения такого рода, поскольку эти слова, этимологически связанные, очевидно, вращаются вокруг некоего общего центра, который имеет отношение к первобытной и пеласгической жизни, а также к несколько особому пеласгическому божеству Аполлону. Нет ничего странного и в том, что корень имени, связанного с пеласгами, был утрачен греческим языком, в то время как само название сохранилось: у нас есть еще один пример в Лариссе.

Но если существовало такое слово с таким значением, то связь, которая, возможно, связывает его с жизнью пеласгов, очевидна. Ибо первые поселенцы-земледельцы часто сами по себе, в большей или меньшей степени, были обитателями лесов. Можно сказать, что в настоящее время в Соединенных Штатах правильное название сельскохозяйственного поселенца - "человек из лесной глуши". В британских колониях Австралии говорят, что те, кто выходит за пределы существующего поселения, чтобы расширить его, уходят в буш. Таким образом, идея, лежащая в основе ликийского имени, по всей вероятности, является близнецом или, скорее, старшим братом той, которая должным образом указывает на земледельческого поселенца.

Однако очевидно, что мы не можем рассматривать что-либо просто пеласгийское в ликийском населении как источник мотива, побудившего Гомера отдавать ликийцам заметное предпочтение перед другими популяциями, которые сами по себе пеласгийского характера. Это предпочтение, должно быть, связано с другим элементом, который особенно связывает их с эллинской расой. И мы не можем иррационально предполагать, что это основано на какой-либо из таких причин, как эти: особая связь по царской линии между двумя странами: большее вливание более знатной крови в подчиненное тело лелегиев или пеласгов в Ликии, как и в Греции, чем в Трое и Малой Азии в целом; или, наконец, более ощутимая и близкая связь между доминирующей кастой в Ликии и теми персидскими горцами, из среды которых, возможно, произошли[340] предки эллинских племен. Повсюду мы видим, как эта раса разрастается и, благодаря внутреннему превосходству, приобретает преобладание над расами, занимавшими прежние места обитания. Пришел ли этот род в Ликию по суше или с восточного побережья Средиземного моря, может быть, трудно даже предположить: но есть одна особая

черта родства с Персией, которую Ликия сохраняет более отчетливо, чем Греция, и это высокая оценка, в которой, судя по связи с Аполлоном и из II. v. 172, пользовались луком в этой стране. То же самое было и в Персии. Согласно Геродоту, одной из трех основных статей образования в Персии было использование лука[341]; и ему не противоречит Ктесий, который называет его в большинстве случаев лжецом и баснописцем[342]. Действительно, мы не должны слишком полагаться на подобные обстоятельства. Скифы-кочевники обучали своих сыновей искусству Киаксара Мидийского[343]. Однако мы можем заметить, что как на троянской, так и на греческой стороне мы никогда не слышим о луке, кроме как в руках высокородных особ, таких как Парис, Пандар, Тевкр: и, в играх, Мерионес[344].

Попутно, возможно, заслуживает замечания, что только ликийцы из всех племен или наций с обеих сторон предстают не просто под властью двух вождей, но и двух царей в строгом смысле этого слова. Однако я не считаю, что это указывает на какую-то политическую особенность. Происхождение этого, вероятно, можно найти в легенде о Беллерофонте, которому после его высоких подвигов и великих услуг правящий государь подарил половину своего королевства[345]. Нигде не указано, что у этого царя был сын, и если мы предположим, что в его собственной прямой линии не было потомства и что один из двух потомков его дочери унаследовал каждую часть королевства, это сразу объясняет исключительное положение Сарпедона и Главка.

Таким образом, предположения, к которым нас подводят, заключаются в том, что Минос был финикийского происхождения, что он прибыл на Крит и приобрел суверенитет, что он правил смешанным населением критян, пеласгов и эллинских племен, что он организовал страну и установил обширное господство, особенно морское и островное, за ее пределами; что, однако, мы не должны рассматривать как предполагающее последовательное поддержание суверенитета в соответствии с современными представлениями, и что ни в какой степени не противоречит правлению Данаид или Персеид на Пелопоннесе. Наконец, придавая форму своим социальным институтам, он подавил пеласгийский элемент критского общества и заложил в условиях политической депрессии основы их последующего рабства.

Кипр.

Если это так, то стоит дополнительно отметить, что на Кипре есть следы несколько аналогичной истории, еще одной признанной ступеньки, согласно Гомеру[346], между Грецией и Востоком.

В семнадцатой книге Одиссея[347], Улисса, в одном из своих вымышленных повествований, государства к женихам, что египтяне, которые взяли его в плен и уменьшаются его в рабство, а затем подарил его своей ξείνος Dmetor, потомок Iasus, правивший с могущества, то есть значительную власть над Кипром (ὁς Κύπρου ἵφι ἄνασσειν); то же выражение, так как он использует в одиннадцатой книге по отношению к Амфион, в Iasid, в Орхомена. Из всего, что мы знаем об иасийском названии[348], можно сделать вывод, что это была пеласгийская династия, и если это так, то, без сомнения, она правила пеласгийским народом.

Улисс не упоминает время этой операции; и следует помнить, что он говорил от лица пожилого человека, так что действие могло происходить (так сказать) тридцать или сорок лет назад, следовательно, задолго до похода на Трою.

Но в Одиннадцатой книге "Илиады"[349] мы находим, что Агамемнон надел нагрудник, который, очевидно, был чудом мастерства, с накладками на пластинах из разных металлов и шестью драконами, переливающимися всеми цветами радуги. Теперь мы должны заметить, во—первых, что это, очевидно, подразумевалось как сидонское или финикийское произведение: во—вторых, что оно было подарено Агамемнону Киниром Кипрским, чтобы снискать его расположение (-αριζόμενος βασιλῆϊ, возможно, мы могли бы передать это, чтобы завоевать расположение его царя -) по случаю того, что он услышал, что царь собирает оружие против Трои. Иными словами, это было сделано для того, чтобы наказать его за то, что он не явился лично, чтобы присоединиться к греческим войскам. Таким образом, здесь мы должны сделать вывод, что существовала какая-то неопределенная лояльность, которая была обусловлена или на которую, по крайней мере, можно было претендовать, со стороны Кипра Агамемнону, согласно πολλῆσιν νήσοισι[350].

Сейчас мы ничего не знаем о Пелопидах до *Трои* как о завоевателях; и особенно было бы трудноприменить предположение, что они были таковыми, по отношению к столь отдаленному месту. Следовательно, политическая связь, какой бы она ни была, вероятно, могла основываться только на этническом родстве; и, поскольку мы ничего не знаем о каком-либо эллинском элементе в этой части, это родство, по-видимому, предполагает пеласгийский характер населения. Вывод, который можно сделать таким образом, совпадает с тем, который уже был предложен именем Иасуса.

Однако нам может быть справедливо любопытно узнать, какие условия обусловили у Киниреса, и, насколько нам известно, только у Киниреса, среди принцев, это весьма своеобразное отношение в критический момент. Очевидно, что по мере того, как его положение удалялось от места встречи с греками и от места действия, служба становилась все более обременительной; но, с другой стороны, по мере того, как он удалялся от центра ахейской власти, его вряд ли можно было принудить. Как же тогда получилось, что Агамемнон оказал на Кинира влияние, которым он, по-видимому, не обладал на племена Македонии и Фракии, хотя они лежали ближе как к нему, так и к пути между ним и Троадой, который он должен был пересечь морем?

Гипотеза о том, что население Кипра было чисто или в целом пеласгийским, по-видимому, замечательно согласуется с фактами. Ибо тогда, с одной стороны, они, естественно, были бы не склонны вмешиваться от имени греков в войну, где все чисто пеласгийские симпатии (что мы пока должны считать само собой разумеющимся) склоняли бы их в сторону Трои.

Но далее, среди других упоминаний о пеласгах мы находим следующее: для них было характерно отсутствие мореходного гения, в то время как более предприимчивый характер эллинов сразу же сделал их в высшей степени морским народом и сохранил до наших дней; и сам Гомер, всей душой, очевидно, прославлял море и получал от него наслаждение. Если бы тогда население Кипра было пеласгами, мы могли бы легко понять, как, несмотря на его симпатии и удаленность, его правителю стоило бы умиловить Агамемнона ценным подарком, чтобы предотвратить визит, который в противном случае могли бы нанести его корабли; и как власть Пелопидов над Кипром, как островом, могла быть больше, чем над более близкими племенами, которые были континентальными.

Возможно, нам легче понять отношения между Кипром и Агамемноном, если мы вспомним островную империю, которую впоследствии приобрели Афины.

Есть еще один признак, который сильно связывает Кипр с пеласгами, особенно с теми, которые принадлежат к Азии. Это поклонение Венере, у которой на этом острове было свое особое святилище, и которая, обнаружив ее в "Одиссее"[351], находит там убежище. В войне она остро заинтересована на стороне троянцев, а троянская история слишком явно отмечена влиянием идеи, которая возвела ее в ранг олимпийки. То, что Венера была мифологически известна эллинским племенам, мы видим из "Сказания Демодока". То, что ей поклонялись среди них, кажется крайне невероятным из-за того факта, что Диомед ранил ее в своемррјотей α[352]. Мы должны рассматривать ее как особое и, возможно, во времена Гомера почти исключительно пеласгийское божество; и, соответственно, ее местожительство в Пафосе можно рассматривать как явный признак кипрского пеласгианства.

Мы уже видели, как Агапенор, чужеземец, был поставлен Агамемноном командующим пеласгийскими войсками в Аркадии; и Минос, чужеземец, приобрел власть над частью, а возможно, и в основном, пеласгийским населением Крита. Представляется вероятным, что Кипр в этом тоже проводит параллель. У нас есть следующие соображения, которыми мы руководствуемся в этом вопросе. Во-первых, пеласги, не будучи моряками, следовательно, не были торговым народом. Во-вторых, из описания подарка, присланного Киниресом, мы должны понять, что из-за ценности его материалов и украшений он был первоклассным примером мастерства работников по металлу того периода. Подобные предметы изготавливались не пеласгами; и мы должны, чтобы соответствовать всем другим гомеровским указаниям, предположить, что этот нагрудник был сидонской или финикийской работы. Это предположение связывает самого Киниреса с Финикией, в то время как его народ был пеласгами. Опять же, изучив его имя, мы не находим в нем никаких пеласгийских характеристик; но оно, по-видимому, азиатское и обозначает музыкальный инструмент со струнами, который использовался в Азии[353]. Все это делает вероятным, исходя из предположений Гомера, что он был финикийцем или человеком с финикийскими связями, и что в его руки древняя пеласгическая власть над Миномом перешла от семьи Ясидов, которая правила там незадолго до *Троики*.

Гомеровская традиция в отношении Киниров в некоторой степени поддерживается без[354]. Аполлодор настолько согласен с этим, что сообщает, что Кинирес мигрировал с соседнего азиатского континента на Кипр с группой последователей, основал Пафос и женился на дочери короля острова. Аполлодор, Пиндар и Овидий - все трактуют Кинира таким образом, который особенно связывает его с поклонением Венере, как будто он привнес его на остров; и примечательно, что пункты, в которых мы находим это божество в контакте с расой, все находятся в Азии или на пути от нее, то есть Трояда, Кипр и, наконец, Китера: как будто оно не было оригинальным для греков, но привилось и постепенно овладевает ими. Сандак был, согласно Аполлодору, отцом Кинира и пришел в Киликию из Сирии.

Процесс, который мы, таким образом,, по-видимому, наблюдаем в странах пеласгов и который, вероятно, получил дальнейшее развитие в миграциях греков к побережью Малой Азии, был основан на естественном, если мы подразумеваем под естественным обычный ход вещей. В прошлом веке Джон Уэсли сказал, что религиозные и упорядоченные привычки его последователей сделают их богатыми, и что тогда их богатство разрушит их религию. Так что, по всей вероятности, именно миролюбивые привычки пеласгов сделали их поселения привлекательными для нарушителя. Таким образом, они вызвали агрессию, которую их политический гений и организация были недостаточно сильны, чтобы отразить; и власть их

древних, но слабых суверенитетов перешла в руки семей или племен, более способных надолго сохранить ее и использовать с силой и эффектом.

Отрицательный аргумент Гомера.

Я не должен, однако, отходить от темы гомеровских свидетельств о пеласгах, не обратившись к одной важной отрицательной их части.

Следует отметить, что перед тремя апелляциями, которые он обычно применяет к грекам времен Троянской войны в совокупности, Гомер не использует никакого другого имени, кроме пеласгического, которое не имеет ограниченного и локального применения. Ни Ἀχαιοὶ, Ἀργεῖοι, ни Δαναοὶ, несет один знак того, правильное обозначение первых поселенцев и жителей всей Греции: и если имя их не Πελασγοὶ, там, конечно, нет другого имени, что может побороться за честь, ни одного, который имеет такие же следы сразу из глубокой древности, и охватывает широкий спектр страны. И если, как я надеюсь, впоследствии будет показано, что все они прибыли из-за границы как чужаки в страну, уже оккупированную, тогда даже из этого отрицания возникнет предположение, имеющее немалую силу, о том, что пеласги были первоначальной основой греческой нации, в то время как мы также вправе утверждать, основываясь на свидетельствах Гомера, что их раса распространилась за пределы Греции.

Таково предположение, исходя из которого мы уже начинаем обнаруживать, что свидетельства стихотворений в целом, по-видимому, сходятся. Я допускаю, что она косвенна и фрагментарна, и многое в ней носит предположительный характер; мы можем значительно увеличить ее количество из еще не открытых источников; но я хочу обратить особое внимание на ее единство и гармонию, на множество указаний, которые, хотя и отдельные и индивидуально незначительные, все совпадают с теорией о том, что пеласги составляли *субстрат* греческого населения, существовавшего под доминирующим эллинским влиянием; и на тот факт, я почти осмелился бы добавить, что они не могут совпадать ни с чем другим.

Пеласги; постгомеровские свидетельства.

Однако мы должны перейти к рассмотрению той части доказательств по делу, которая не имеет отношения к гомеровским поэмам.

Помимо того, чего мы до сих пор случайно касались, существует огромная масса внегомеровских свидетельств, которые, как правило, при прочтении в свете Гомера подтверждают взгляды, высказанные здесь о пеласгах как об одном из основных факторов, влияющих на греческую нацию.

В первой главе талантливой труда епископа Марша, озаглавленного "Гора пеласгическая"[355], будет найдено обширное собрание отрывков из греческих авторов, которые, хотя многие из них сами по себе незначительны, и любой из них, взятый по отдельности, может иметь небольшой вес для целей доказательства, все же в совокупности указывают на то, что владение всей страной в самый отдаленный период у пеласгов это было немногим меньше, чем универсальная и неизменная традиция. Здесь я соберу некоторую часть доказательств, которые могут быть приведены на этот счет.

Следующий за Гомером по времени и авторитету, Гесиод поддерживает его, как мы видели выше[356], связывая Додону как с пеласгами, так и с эллинскими расами; помещая ее, как и Гомер, среди последних и более отчетливо, чем Гомер, указывая на ее основание первыми. Можно заметить, что во Фрагменте он сомнительно олицетворяет Пеласга[357].

Далее мы находим очень древнего поэта Асия, согласно цитате Павсания[358], приписывающего пеласгийской расе высочайшую древность, делая Пеласга отцом людей;

ἀντίθεον δὲ Πελασγὸν ἐν ὑψικόμοισιν ὄρεσσι
γαῖα μέλαινα' ἀνέδωκεν, ἵνα θνητῶν γένος εἴη.

Среди греческих писателей, не являющихся историками того исторического периода, нет ни одного, чье свидетельство, на мой взгляд, в такой степени несет на себе отпечаток истинной архаики, как Эсхил. Кажется, что мы могли бы проследить в нем большее благоговение к Гомеру, и мы, конечно, находим более пристальное внимание как к его персонажам, так и к его фактам, чем впоследствии им обычно уделялось. Более того, в этом отношении он превосходит циклических поэтов. Они были гораздо ближе по времени к великому мастеру, но он, так сказать, опередил их более глубоким и благородным сочувствием. В его драме еще не приобрели характер, который стирает или ухудшает ее претензии на исторический авторитет: который заработал для него ἑκτραγῶδειν Аристотеля[359] и Полибий[360], и на котором был основан декларации Сократа в Минос Ἀττικὸν λέγεις μῦθον καὶ τραγικόν[361]. Даже там, где он говорит аллегорически, он, кажется, представляет первую форму аллегории, в которой она прослеживается в истории и служит ее ключом. Поэтому вполне разумно придавать большое значение его изложению общественного предания о пеласгах, которое мы находим в замечательном отрывке из Дополнений;

τοῦ γηγενοῦς γάρ εἰ μ' ἐγὼ Παλαίχθονος
ἴνις Πελασγός, τῇσδε γῆς ἀρχηγέτης.
ἐμοῦ δ' ἄνακτος εὐλόγως ἐπώνυμον
γένος Πελασγῶν τήνδε καρποῦται χθόνα[362].

Пеласг, сам спикер, потом описывает его владения, как идущие из Пелопоннеса (χώρῃ Ἀτίν) на юге и до реки Стримон на севере (πρὸς δύνοντος ἡλίου), и заявляет, как Апис, исходя из Ασαρπαια, был установлен в стране в обитель человека, очистив его от диких зверей. Акарнания отмечает линию местности, по которой проходил обычный маршрут из Фессалии в Пелопоннес. В буквальном смысле Пеласг - сын Рожденного на Земле и давший имя пеласгийской расе. Очевидно, что этот отрывок означает, что, согласно древней традиции, пеласги были первыми жителями страны и что они достигли Греции с севера до юга. Именно в царствование этого мифического Пеласга Даная достигает Пелопоннеса.

Утакого *эпонима* в Фессалии, Аргосе и Аркадии были свои отдельные традиции в соответствующей одежде. Павсаний сообщает об аркадском очень полно: и в соответствии с его содержанием Пеласг учил пользоваться жилищами и одеждой, а также есть каштаны вместо корней, травы и листьяв[363]. Предполагалось, что гробницу Пеласга покажут в Аргосе.

Геродот утверждает, что в Элладе его день назывался Πελασγία[364]: дает Пелопоннесской женщин эпохи Данай имя Πελασγιωτίδες γυναῖκες[365]: он обозначает Аркадии Πελασγοὶ Ἀρκάδες[366], люди, что было потом Ахаии Πελασγοὶ Αἰγιαλέες[367], афиняне Πελασγοὶ Κραναοὶ [368], которых он описывает как автохтонных[369]: и он показывает, что воспоминания о

Пеласг культа сохранились в его время на Додона[370]. Далее он упоминает Πελασγικὸν τεῖχος[371] в Афинах; и он помещает расу пеласгов в Самофракии и на Лемносе и упоминает их поселения на Геллеспонте, названные Плация и Сцилация.

Фукидид описывает место или здание под названием Πελασγικὸν под Афинским Акрополем, ту самую ситуацию, в которой, по всей вероятности, находился первоначальный город в целях безопасности. Этот историк также поддерживает вес его суждение, мнение, что в догреческие времена преобладающей расы и имени в Греции были Pelasgic; κατὰ ἔθνη δὲ ἄλλα τε καὶ τὸ Πελασγικὸν ἐπὶ πλεῖστον[372].

Это правда, что в другом отрывке[373] среди рас βάρβαροι он перечисляет пеласгов: но сам эпитет, который был совершенно неприменим к героической эпохе, показывает, что он говорил со ссылкой на демаркацию, установленную в его собственное время, которая делала варварским все, что не было греческим, ни географически, ни по известным причинам. происхождение. Варвар у него и его современников означал просто иностранец, с добавлением сильного оттенка обесценивания. Зрелый эллинский характер больше не был связан с определенными расами, которые, тем не менее, могли внести свой вклад, каждая в свое время и в своем месте, в формирование этого замечательного продукта. Это родство, однако, установлено самим Фукидидом, поскольку он говорит, что эти пеласги были из тех же тирсенов, которые населяли Афины в более ранний период.

У Феокрита, который процветал в начале третьего века до нашей эры, есть отрывок, где он проводит хронологическое различие между разными людьми и расами. Он начинает с героев Троики, а затем возвращается к ἔτι πρότεροι, в качестве которых он называет Лапифов, Девкалид, Пелопидов и, наконец, ῥῥυεος ἄκρα πελασγοί[374]. Слово ἄκρα может означать либо (1) цветок Греции, либо (2) самых древних жителей Греции[375]. Теперь, поскольку пеласги ни в коем случае не были цветком Греции, мы можем выбрать только последнее значение для этого конкретного отрывка. Слово ῥῥυεος, возможно, взято здесь в самом широком смысле[376].

Аполлоний Родий, почти столетие спустя, придерживается по крайней мере части той же традиции и называет Фессалию πολυλήϊος αἶα Πελασγῶν[377]. Схолиаст к этому отрывку добавляет более старое свидетельство, утверждающее, что Софокл в "Инахе" заявил, что πελαγο and ῥῥυεῖ Οι были одним и тем же.

По данным Страбона, пеласги были наиболее древней расы, которая находилась у власти в Греции: τῶν περὶ τὴν Ἑλλάδα δυναστευσάντων ἀρχαιότατοι[378]. Там же он называет оракул Додоны Πελασγῶν ἱδρυμα пеласгийским основанием. Он явно поддерживает строительство которого было дано выше Πελασγικὸν ῥῥυεος Гомера[379], в слова τὸ Πελασγικὸν ῥῥυεος ἡ Θετταλία λέγεται, и он определяет страну Ренеус, Пинд, и Thermopylae. Он прослеживает пеласгов во множестве конкретных мест и, опираясь на авторитет Эфора, упоминает Πελασγία как название Пелопоннеса. Он также приводит нам отрывок из Еврипида, в котором говорится, в согласии со свидетельством Эсхила, что Данай пришел в Грецию, основал город Инах и изменил название жителей с пеласгиотов на данайцев.

Πελασγιώτας δ' ὠνομασμένους τὸ πρὶν
Δαναοὺς καλεῖσθαι νόμον ἔθηκ' ἀν' Ἑλλάδα.

И Страбон считает, что и название пеласгиотов, и название данаан, вместе с именем эллинов, были покрыты именем аргивян из-за славы, которой прославился город Аргос[380].

Труды Дионисия Галикарнасского, вероятно, представляют собой все, что здравый смысл мог почерпнуть из записей и традиций, сохранившихся в его время[381]. Он уверенно заявляет, что пеласги были эллинской расой; я полагаю, это означает, что это была одна из составных частей тела, впоследствии названных эллинскими, а не то, что ранние пеласги были включены в число ранних эллинов. Он считает, что эта раса пришла из Пелопоннеса, где многие считали ее автохтонной, в Фессалию под властью Ахея, Фтия и Пеласга. Это было прискорбно, как и в других отношениях, так и в том, что они были вынуждены к частым миграциям. Эта идея о частом перемещении пеласгов, вероятно, была результатом в основном двух фактов, во-первых, того, что их следы были обнаружены во многих удаленных друг от друга пунктах, и, во-вторых, того, что, согласно традиции, они оказались в положении неполноценности.

К. О. Мюллер, опираясь главным образом на постгомеровскую традицию, убедительно обобщил свидетельства о пеласгах следующим образом.

Они были исконными обитателями равнин и плоских днищ долин, каждую из которых древние называли Ἰσθμός, как мы видим на равнинах Пеней и Инаха. Если, как утверждает Страбон, это употребление слова было в его время современным, македонским или фессалийским, возможно, это все еще было возрождением примитивного употребления, даже когда очень старое слово ὑρακός вернулось в обиход александрийских поэтов через древний общий язык Македонии.

Их старейшими городами были Лариссы[382], и их количество указывает на пеласгов как на народ-основатель городов, специалист по возведению значительных и прочных сооружений. Эти лариссы были на аллювиальных почвах у рек, а пеласги были ранними копателями каналов[383]. Их занятия были сельскохозяйственными; следовательно, они занимают богатейшие почвы: следовательно, пеласг является хозяином Цереры и изобретателем хлеба: следовательно, тирренские пеласги превращают каменистую почву Гиметта в плодородные поля. Пастушья жизнь пеласгов - аркадская традиция, но Аркадия была не единственным их первоначальным пристанищем, и, когда их вытеснили ахейцы и дорийцы, они, возможно, были изгнаны в холмы. Такие поселения мы находим в Аргосе, Ахайе, Пелопоннесе в целом, Фессалии, Эпире и Аттике, где они прослеживаются в разделении племен.

Рассматривая как ошибку традицию их бродячего характера, он считает их в целом и прежде всего автохтонными. Он цитирует из Азия в "Павсании" строки, которые уже цитировались.

По его словам, нет никаких записей об их приходе в Грецию путем колонизации. Он считает, что это народ, отличный от легийцев и карийцев, а также от северных иммигрантов, ахейцев и фессалийцев: и они являются основой греческой нации[384].

У Нибура[385] можно найти исчерпывающий обзор широкого ареала проживания пеласгов в Италии: а Крамер приводит аналогичный набросок для Малой Азии и Греции[386].

Я воздержусь цитировать латинские источники относительно греческих пеласгов. Сильный пеласгийский характер Великой Греции сам по себе, естественно, объясняет свободное использование этого названия римлянами для обозначения греческой нации, и поэтому не

может в значительной степени служить доказательством даже более поздней традиции, касающейся древнего положения пеласгов в Греции и их отношений с другими ее жителями.

Марш, по-видимому, утверждает слишком много, когда говорит, что мы можем считать исключительно пеласгийскими те места, которые сохраняли пеласгийское название в исторические эпохи. Из этого утверждения не следует, что Плация и Сцилация были более подлинными пеласгами, чем Фессалия, так же как мы не имеем права говорить из Гомера, что Фессалия изначально была более пеласгийской, чем Аттика или Пелопоннес, хотя это название сохранилось дольше. Причина, возможно, заключалась в том, что в одном классе случаев не было оказано такого мощного давления со стороны высшей расы, как в другом[387].

Утверждая, что пеласги были, так сказать, основой греческой нации, я имею в виду указать как вероятное мнение, что они продолжали составлять основную массу населения на протяжении всех перемен названия, следовавших за периодом их правления. Но, по-видимому, последовательность других, более сильных влияний со стороны эллинского племени, должно быть, внесла гораздо более мощный вклад во всех отношениях, за исключением численности, в формирование национальной принадлежности народа. Основная часть пеласгов Аттики, возможно, принадлежала к 400 000 рабов, которые составляли незамеченное стадо ее населения; подобно тому, как в Италии крепостные греческих колонистов носили пеласгийское имя[388]. Столь крупное объединение вряд ли могло быть сформировано на этой ограниченной территории иначе, как из исконных жителей страны. На ранних стадиях развития общества основная масса общества получает отпечаток от одного или нескольких представителей высшей силы, и правящие семьи и племена меньшей, но более энергичной и воинственной расы, находя для себя естественное место во главе уже сформированных обществ, принимают на себя неоспоримое руководство своей судьбой и становятся, по стихийному закону, их единственными представителями перед лицом мира и в анналах его истории.

Язык пеласгов.

Мы можем, однако, найти немалые доказательства присутствия сильного пеласгийского элемента в греческой нации в той части свидетельств по этому делу, которая представлена языком. Те многочисленные и важные слова в латинском языке, которые соответствуют словам, относящимся к тем же идеям в греческом, могли произойти только от пеласгийских предков, общих для обеих стран; и, если они происходят от них, должны демонстрировать в одном случае, как и в другом, сильную пеласгийскую окраску нации.

И поскольку язык страны не может быть широко пропитан таким образом, кроме как численностью, или политическим и социальным господством (как это было в случае французского языка с английским), или литературным влиянием (как это сейчас имеет место у нас в отношении греческого и латинского языков), мы должны спросить, какой из этих причин было обусловлено то, что пеласги так глубоко оставили на греческом языке следы своего собственного языка. Это не было литературным влиянием, поскольку мы можем быть уверены, что его не существовало. Это не было политическим господством, поскольку они были либо поработаны, либо, по крайней мере, подчинены. Это могло быть только влияние их численности, благодаря которому их манера речи могла в какой-то мере закрепиться; и таким образом, мы снова приходим к выводу, что они, должно быть, составляли основу нации.

Это правда, что Геродот, так же как и Фукидид, говорили о пеласгах как об использующих иностранный язык. Таким образом, немецкий писатель, естественно, описал бы англичан, и все же английский язык, благодаря одному из своих основных компонентов, убедительно свидетельствует о саксонском элементе английской нации, а также иллюстрирует относительные позиции, которые, как известно в истории, занимали саксонская и нормандская расы. Язык пеласгов был подвержен внутри Греции влиянию и примеси языка эллинских племен: за пределами Греции он получил впечатления из различных источников; и естественно, после того, как последствия этого разделения действовали в течение столетий, речь пеласгов была бы варварской в глазах греков. Опять же, Марш[389] отмечает, что в той самой главе, где он отличает пеласгов от эллинов, Геродот (i. 56) заявляет, что ионийцы принадлежат к одной из этих групп, а дорийцы - к другой: обе эти популяции в его время, несомненно, были греческими. И историк дает еще одно доказательство того, что пеласги были греческим, которых он назначает на это родителей (второй. 52) греческое имя богов: θεοὺς προσωνόμασάν σφεας δὲ ἀπὸ τοῦ τοιοῦτου, ὅτι κόσμιθέντες πάντα τὰ πρήγματα к.т.л.

Даже если мы предположим, что пеласги, упомянутые Геродотом и Фукидидом, говорили на языке, столь же далеком от греческого, фактически известного обоим из них, как немецкий от английского языка в наши дни, все же благодаря своему сходству этот язык все еще может оставаться убедительным доказательством того, что предки тех, кто говорил на нем, должны были составлять существенный ингредиент в составе нации. Доказательства, которые, как мы знаем, являются вескими в одном случае, могут быть столь же вескими и в другом.

Существует множество свидетельств авторов, как греческих, так и римских, устанавливающих связь пеласгов со старыми формами языка обеих стран. В настоящее время достаточно обратиться ко второй главе "Пеласгической горы" епископа Марша для очень умелого и удовлетворительного обсуждения этого вопроса. Вскоре мне придется рассмотреть особый оттенок слов, которые греческая нация, по-видимому, заимствовала из пеласгических источников, и выводы, которые напрашивается из этого оттенка. Но лучше всего это будет сделано, когда мы разберемся с гомеровским значением эллинских и пеласгийских имен собственных.

Пеласгийский путь в Грецию.

Далее мы должны рассмотреть этот вопрос,

Каким путем наиболее вероятно, что этот пеласгийский народ пришел в Грецию?

По этому поводу вряд ли может быть что-либо иное, кроме одного из двух предположений: первое, что через Фракию или северные острова они достигли Фессалии; второе, что они переправились из Азии к югу от Эгейского моря по островам, разделяющим пространства этого моря.

Крамер отмечает, что[390], что преобладающее мнение среди тех древних авторов, которые обсуждали этот предмет, ставит пеласгов на первое место в Пелопоннесе: этого придерживаются Ферекид, Эфор, Дионисий Галикарнасский и Павсаний, без каких-либо разногласий, которые могли бы им возразить. Эта традиция, очевидно, поддерживает мнение о переходе с юга.

Дионисий, которого можно рассматривать как подводящего общие итоги греческой традиции, говорит[391] он поместил пеласгов первыми в Пелопоннесе как автохтонов; и представил их как мигрировавших в Фессалию в шестом поколении. Еще через шесть поколений они, как он полагает, были изгнаны этолийцами и локрийцами, которых тогда называли куретами и лелегами, и рассеялись по разным кварталам: действительно, здесь предание, кажется, становится совершенно расплывчатым или мифическим и собрало в одну массу большинство мест, в которых появились признаки заселения пеласгами: оно включает сообщение о великом переселении в Италию.

Марш[392] рассматривает Фракию как первоначальную резиденцию пеласгов в Европе; но *данные*, на основании которых он исходит, слишком скудны; они относятся только к островам Лемн, Имбрус и Самофракия. Нет никаких свидетельств существования пеласгов на континенте к северу от Эгейского моря, за исключением того, что они находятся на некотором расстоянии от Трои (τῆς Ἰων. II. xvii. 301), и если это так, то в точке, куда они могли добраться с этих островов, что более вероятно, чем континентальным путем. Однако в целом более вероятно, что пеласги могли попасть в Грецию как с севера (и если это так, то, вероятно, через острова), так и с юга.

Гомер не предоставляет никаких материалов для окончательного решения этого вопроса. Он дает нам пеласгическое название, утвердившееся в Фессалии, что благоприятствует нашему предположению об одном отрывке, а также на Крите, что благоприятствует другому. Он приводит нам пеласгического Юпитера из Додоны (очень веское свидетельство) и тѐμενος Цереры в Фессалии, что говорит скорее в пользу первого; и он также указывает нам на ощутимую связь между Церерой и Критом и между Юпитером и царем Миносом, близкую к последнему. Но следует отметить, что, за исключением Аттики, основные гомеровские признаки пеласгианства находятся в Северной и Южной Греции, но не в Средней, что подтверждает мнение о том, что, возможно, существовала двойная линия проникновения.

Внегомеровская традиция в целом наиболее благоприятствует предположению о южном маршруте. Гесиод называет Додону в Фессалии пеласгийской, но отчетливо связывает Цереру с Критом, а Теогония (479, 80) отправляет Юпитера младенцем на воспитание на Крит. Гимн Церере, как мы видели, переносит ее оттуда в Элевсин; и популярная мифология в целом рассматривает этот остров как колыбель Юпитера, следовательно, очевидно, как место, откуда греки переняли его культ. Более того, традиция делает Пелопоннес резиденцией и центром пеласгической власти, как мы видим из Эсхила, который заставляет пеласгов проживать на Пелопоннесе, но править вплоть до Македонии. Точно так же, имена обоих Ἀτίν γαῖα и Ἰασὸν Ἄρως подключить себе изначально с этой частью Греции: особенно если учесть, что Апис в Египте-это священный бык, и что сельское хозяйство, характерное стремление к пеласгов, тоже был бизнес волов. Опять же, Геродот[393] сообщает, что местная традиция Додоны приписывала этому оракулу египетское происхождение; и поскольку Додона была пеласгической, эта традиция несколько поддерживает гипотезу о проникновении с юга.

У Гомера есть несколько упоминаний Крита, Кипра или обоих, обозначающих маршрут между Грецией и Азией. Менелай, покинув Трои и приблизившись к Криту (Ок. iii. 285-92), отплыл издадека

Κύπρον Φοινίκην τε καὶ Αἰ γυπτίους ἐπαληθεῖς [394].

Псевдо-Улисс плывет с Крита в Египет[395], и возвращается оттуда в Финикию, в одной сказке, а затем отправляется в Ливию через Крит; в другой легенде он отправляется из Египта на Кипр; и Антиной[396] в Семнадцатой "Одиссее", отвечая предполагаемому нищему, говорит: " Уйди с дороги",

μη̐ τάχα πικρὸν Αἴ γυπτον καὶ Κύπρον ἴκηαι.

Мы уже знаем о связи Крита с Грецией из "Илиады": и, таким образом, он появляется как бы на большой дороге из Греции в Финикию и через Финикию в Египет. Беспрецедентная густонаселенность этого острова, естественно, вызвала бы миграцию; и из всех территорий, лежащих к западу от Эгейского моря, Фессалийская равнина, судя по ее протяженности, стала бы, возможно, наибольшим стимулом для поселенцев-земледельцев. Традиции, о которых сообщает Геродот из Додоны, тесно связывают это место с Египтом и Востоком, и маршрут, который сейчас проходит через Крит, устанавливает эту связь, вероятно, самым простым и очевидным образом.

Континентальная страна от Фессалии на север и восток, как может показаться, в значительной степени удерживалась воинственной и высокогорной расой ρρῆκες и Θρηῖκοι. Маловероятно, что пеласги имели много общего с этим народом или могли попасть в Грецию либо вместе с ними, либо вопреки им. Возможно, побережье, где мы находим сиконов и пеонов, помимо фракийцев, могло служить маршрутом, и мы должны помнить традиционные следы их пребывания как на побережье Геллеспонта, так и на островах[397].

Возможно, это самое удобное место для наблюдения, что не может быть никаких сомнений в том, что северный путь - тот, по которому эллинские племена пришли в Грецию. Они, высокогорный народ, пришли по горной стране. Они оставили свое название Геллеспонту, Геллийскому морю, что означает не просто пролив, названный так в более поздние времена, но весь северный Эгей[398]; и реке Селлеис, которая впадает в Мраморное море. Впервые мы слышим о них у Гомера на крайнем севере Фессалии: затем мы находим, что они дали название Эллада этой стране или какой-то ее части. Народ Эллады, когда его связь со своими горными предками ослабла по сравнению с их отношением к территории, которую они занимали, назвал себя эллинами по местности, которую они населяли, и как бы потерял из виду более грубое родительское племя. Тем временем они проложили ответвления по Греции, и название Эллада, как будет видно[399], вероятно, еще во времена Гомера стало применяться во вторичном и всеобъемлющем смысле ко всей северной и центральной его части.

Пелопоннес - средоточие власти.

Примечательно и неоспоримо, применительно как к пеласгическим, так и к эллинским временам, что в какой бы части страны ни появлялись правящие племена или семьи, постоянным центром власти Греции неизменно был Пелопоннес. Каждое движение, имеющее политическое значение, по-видимому, направляется туда и там пребывает в равновесии. Древняя традиция Пеласгов, династии Данаид, Персеид и Пелопидов, великое вторжение Гераклидов и дорийцев, очевидно имевшее целью захват центра владычества, и, более того, то первенство Спарты (ἡγεμονία), которое длилось столько веков, - все это говорит об одном и том же; наконец, череду свидетельств венчают сильные местные симпатии Юноны. Только в пятом веке до христианской эры Афины приобрели лидерство, но удерживали его недолго. После некоторого перерыва за ее господством последовало другое, недолговечное, господство в

Фивах в четвертом веке. Но Греция закончилась так же, как и началась: и последнее великолепие ее национальных чувств и военного мужества было сброшено с ее первозданных мест на Пелопоннесе: из Лакедемона, и Ахайи. Единственный древний амфикионический союз, сохранившийся на протяжении всей истории Греции, свидетельствовал о том факте, что именно на севере Перешейка, и прежде всего в Фессалии, эллинские племена впервые организовались как отдельные политические сообщества, объединенные по существу, если не по форме, в отношении их общего религиозного культа и общей крови.

Вероятно, именно большая безопасность в прежние времена давала преимущество Южной Греции над Северной и Срединной. Только один узкий перешеек вел в Пелопоннес, и этот проход был настолько извилистым, или опасным, или и тем и другим вместе, что это не был путь племен-переселенцев, которые, по-видимому, обычно пересекали Коринфский залив в Элиду. Этот участок земли обладал, конечно, не всем, но значительным преимуществом, которым пользовалась Англия. Это было не совсем, но почти,

Драгоценный камень, оправленный в серебряное море,
Который служит ему в качестве стены,
Или рва, защищающего дом[400].

Когда до него добрались, это было шоссе, ведущее в никуда. Тучные земли Беотии были дорогой вперед для всех, кто приезжал из Фессалии: здесь был выбор между бесплодием и бедностью, с одной стороны, как в Аттике в древние времена, и ненадежностью владения плодородными почвами, которые были предметом вождения каждого племени, отправлявшегося в поход. Пелопоннес был богаче первого, гораздо безопаснее второго: он соответственно процветал; и в Троянскую войну эта небольшая территория поставила четыреста тридцать кораблей, вероятно, включая наибольшее количество крупных судов, в то время как две другие части континентальной Греции вместе взятые дали не более пятисот тридцати. И, по-видимому, у него была в целом более энергичная и сконцентрированная политическая организация; ибо, в то время как пятьсот тридцать человек состояли из пятнадцати дивизий под командованием двадцати шести лидеров, пелопоннесские силы состояли из шести дивизий под командованием всего девяти лидеров, и по крайней мере три из шести, а именно микен, Лакедемонян и Аркадии, фактически находились под непосредственным командованием Агамемнона.

Происхождение пеласгийского названия.

Для названия пеласгов были предложены различные варианты. Некоторые предполагают, что оно происходит от Фалега, упомянутого в десятой главе книги Бытия, чье имя, как говорят, означающее разделение, подразумевается как намек на раздел земной поверхности между различными племенами человеческого рода. Марш хорошо замечает, что это не более чем возможность: что значение слова не позволяет отнести его, в частности, к пеласгам, поскольку в ранние века мировая миграция с разделением и переделом была непрерывным процессом: и что, даже если это правда, это ничего не говорит нам о них до их европейского поселения[401]: ничего, что могло бы послужить причиной того, что то есть материального рода, за исключением того, что мы знаем независимо от него, а именно. они, как и все другие расы, имеют восточное происхождение. Клинтон приводит другие причины для отклонения этой этимологии[402], в то время как он видит силу в ссылке имен Япет и Ион на Иафета и Явана

соответственно. Кажется очевидным, что мы не могли бы безопасно опираться даже на полное сходство названия в случае, когда интервал времени, разделяющий Пелегов и пеласгов, термины, которые нам предстоит сравнить, настолько огромен и неясен.

Так же и название πελαργοί, означающее аисты, было принято за основу πελαργοί; и было дано объяснение, что аист - перелетная птица, и что пеласги были названы в ее честь из-за их странствий.

Это объяснение, которое кажется хуже предыдущего, частично основано на неверно истолкованном утверждении Геродота. Он называет дорийцы ἔθνος πουλυπλάνητον κάρτα[403], и это было ошибочно применено к пеласгов, которых, наоборот, он говорит, οὐδαμῇ κω ἐξεχώρησε. Это утверждение писателя эпохи Геродота полностью нейтрализует утверждение Дионисия, который описывает их как странствующих и никогда надежно не обосновывавшихся[404]. Возможно, он действительно имел в виду не больше, чем Фукидид, когда говорил (i. 2), что жители плодородных земель были наиболее подвержены лишению собственности. Но соответствует ли эта идея странствий миграциям аиста, которые, по-видимому, связаны с устойчивыми периодическими изменениями климата и максимально далеки от идеи, подразумеваемой в слове "много странствующий"?

По-видимому, это была понятная особенность этой птицы - приближаться к оседлым местам обитания людей и обитать около них. Кажется в высшей степени невероятным и беспрецедентным, что широко распространенная нация получила свое название от птицы: но разве птица не могла получить свое название от нации? Если бы это была нация, состоящая исключительно из поселенцев, в отличие от пиратов, грабителей, кочевников и бродяг всех видов, живущая с комфортом в постоянных жилищах, в отличие от νηπιπτόποδες χαμαίευναί[405], не могли бы птицы, которые, казалось, разделяли эти поселения, быть разумно названы в честь людей?

Ни в коем случае не кажется, что Аристофан в отрывке, где он использует этот термин, имел в виду простой каламбур. Это в комедии о птицах[406], и это намек на тот закон афинян, очевидно, обозначенный здесь именем аистов, который требовал, чтобы дети обеспечивали своих родителей[407]. Этот отрывок явно свидетельствует о пеласгическом происхождении афинян: и он может быть основан на вере, что аисты получили свое название от пеласгов и что сходство заключалось в их привычке селиться на крышах домов и тому подобном, почти как жители деревень, первыми греческими основателями которых были пеласги. Это также дает повод для предположения, что πελαργοί, возможно, было старой формой этого имени. Следует помнить, что аист был одной из священных птиц египтян.

Опять же, слово πέλαγος было предложено как источник истинного происхождения пеласгийского имени. Марш[408] отвергает ее, поскольку считает, что она основана на гипотезе о том, что пеласги наткнулись на Эгейцев, что он считает невероятным. Но свидетельства, по-видимому, свидетельствуют в пользу того, что они пришли главным образом с островов, если не сразу через Эгейское море. Можно также поставить под сомнение, должна ли этимология основываться исключительно на этой гипотезе. Ибо, во-первых, более естественным было бы предположение не о том, что они пришли морем, а о том, что они пришли *из-за моря*, идея, которая вполне могла бы быть присуща любому народу азиатского происхождения. Так получилось, что слишком знаменитый Пелагиус, который, как известно, был валлийцем, получил свое классическое имя; имя, имеющее именно это значение[409]. Но разве не

возможно также, что πέλαγος когда-то могло иметь значение равнины? Собственно, это означает широкую открытую ровную поверхность, соответствующую латинскому *aquor* и нашему *основному*. Поэтому Гомер не придает слову πέλαγος-либо из его обычные эпитеты для моря, таких как οἷ νοψ, ἥχηϊς, μεγακήτης, ἀτρύγετος, πολύφλοισβος; но только μέγα, и он использует фразу ὅλος ἐν πελάγεσσι[410], который будет чем тавтологией, если πέλαγος правильно и непосредственно предназначается на море. Так, Пиндар πόντιον πέλαγος, Æschylus ὅλος πελαγία, и Аполлоний Родиус πέλαγος θαλάσσης[411]. В Македонии, как мы узнаем от Страбона, был народ по имени Пелагоны[412], а у Гомера мы находим имена Πελάγων и Πηλέγων. Опять же, мы имеем в Исихия, к числу смыслов πελαγίζειν, ψεύδεσθαι μεγάλα, и для πέλαγος он дает μέγεθος, πλῆθος, βύθος; а также πλάτος θαλάσσης. Кажется невозможным, что пеласги, возможно, обязаны своим названием слову πέλαγος, в ее первичном смысле простые и открытые поверхности: как слово Ὀρῖξ, в этом представлении своего точного аналога, было получено от τρήχης, а в свое время означало просто житель грубая и каменистая местность, горек и горек.

Существует, однако, другой способ, в котором πελαγοί может означать жителей равнины или, скорее (поскольку именно в этом смысле это слово будет наиболее полно применимо к ним и наиболее точно соответствовать своему истинному значению), обрабатываемой страны, которая включала бы долины, а также равнины, собственно так называемые: и действительно, это происхождение, предложенное К. О. Мюллером, является самым простым из возможных, если только мы сможем прояснить первый шаг, который *предполагает* тождество πελαγοί и πεларгоί. Он говорит, что оно состоит из πέλω и ἄργος. Первое значение πέλω, по-видимому, подразумевает движение с повторением или обычай. Впоследствии это *должно быть*, и особенно *быть привычным*. Таким образом, оно, находясь еще совсем рядом со своим источником, будет иметь смысл, *чтобы часто посещать/любить* в нем, где бы оно ни находилось. К тому же источнику он относит πόλις, πολέω; а также πελώρια, праздник урожая в Фессалии, воспринимаемый как праздник заселения[413] или поселения.

Тема этого названия снова всплывет в поле зрения, когда будет рассмотрено более позднее название Ρυγεῖ Οι. Между тем, следует заметить, что если пеласги были названы так из-за того, что они были, или если только они действительно были, жителями равнин, мы находим в этом некоторое дальнейшее объяснение предания, которое вряд ли могло быть явной ошибкой, об их бродячем характере. Ибо равнины содержали самые плодородные почвы, и, особенно поскольку они имели ограниченную протяженность, их население не могло не быстро увеличиваться, так что требовалось больше места для прокорма своего населения. Кроме того, эти богатые участки предлагали награду всем племенам, нуждавшимся в поселениях; согласно справедливому наблюдению Фукидида[414], уже цитировавшемуся, что наиболее плодородные части Греции, а именно Беотия, Фессалия и большая часть Пелопоннеса, чаще всего переходили из рук в руки. Это было бы все более и более применимо к данному народу по мере того, как он мог бы быть более склонен к мирным занятиям. Очевидно, что Гомер особенно отмечает пеласгов как жителей равнин, или возделываемой страны: и называя великую равнину Фессалии пеласгической, и эпитетом ἐριβώλαξ, который он применяет (Ил. ii. 841 и xvii. 301) к их Лариссе, только в двух случаях, когда он упоминает ее. И этимологическое исследование, по-видимому, в целом ведет нас, хотя конкретный путь несколько неопределен, к аналогичному выводу.

РАЗДЕЛ IV.

О финикийцах и внешней географии "Одиссеи".

Финикийцы.

Текст Гомера, по-видимому, допускает предположения если не о близком родстве финикийской и эллинской рас, то о близком родстве и большой способности к слиянию; хотя первые имели семитское происхождение.

Финикийское название, как видно из Страбона, было широко распространено по Греции: даже у Гомера мы находим уже использованное слово φοίνιξ, (1) обозначающее финикийца, (2) греческое имя собственное, (3) обозначающее пурпур и (4) обозначающее пальму (Od. v. 163).

Мы находим древнее семейство Кадм, основанное как династия в Беотии, примерно в то же время, согласно общепринятому мнению, с самыми ранними появлениями эллинской расы на греческом полуострове. У нас нет оснований предполагать, что они сами были эллинского происхождения, но мы находим, что они наделены теми же знаками политического превосходства, что и эллинские семьи, и фигурируют среди греческих государей в последующих поколениях. Должно быть, они изгнали предыдущих обитателей: ибо Амфион и Зетус первыми заселили и укрепили Фивы, и они были сыновьями Юпитера и Антиопы[415].

Ино Левкотия, дочь Кадма, была божеством уже во времена Гомера. В этом качестве она предстает Улиссу, когда его швыряет по водам между Огигией и Феацией; иными словами, когда он был еще за пределами греческого или гомеровского мира, и в кругу тех преданий, лежащих в неведомых дальях, которые греки могли почерпнуть только у самых опытных и отважных мореплавателей того времени, а именно у финикийцев. Это, по-видимому, указывает на то, что сама Ино, а следовательно, и ее отец Кадм, родом из Финикии. И соответственно мы можем установить положение этой семьи в Греции как самый ранний признак отношений между Финикией и Грецией.

За ним следует еще одно, еще более значительное, и более четко засвидетельствованное у Гомера. Финикиец Минос появляется на Крите и основывает империю: он выдает свою дочь Ариадну замуж за афинского героя Тесея; и эта империя так быстро приобретает национальный характер, что во времена *Троикина* острова утвердились эллинские расы, критские войска числятся без различия среди последователей Агамемнона; и Идомей, всего лишь внук Миноса, кажется таким же греком, как и любой другой военачальник армии. Сам дедушка назначен судьей над тенями греков в нижнем мире[416]: а его брат Радамант занимает пост большого достоинства, хотя и меньшей ответственности, поскольку ему доверена полиция Элизиума[417].

Нигде точность Гомера не является более замечательной, чем в многочисленных отрывках, где он предстает перед нами как настоящий географ или топограф. Действительно, благодаря такой точности он позволяет нам со значительной уверенностью определить сферу его знаний и опыта; под этим я подразумеваю не только страны и места, которые он посетил, но и те, относительно которых он имел обычную информацию от своих соотечественников и неограниченные возможности исправления ошибок. В направлении запада кажется очевидным, что он не знал ничего, кроме побережья Греции и прибрежных островов. Феация

сомнительно маячит на его горизонте, и вполне вероятно, что он имел лишь очень общее и смутное представление о ее положении. Что касается севера, то ничто не указывает на то, что его экспериментальные знания простирались за пределы фракийского побережья и, самое дальнее, Мраморного моря. Он говорит об Иде так, как будто ее корни и отроги составляли весь район, о котором в этом квартале он мог говорить с уверенностью[418]. На востоке он, вероятно, не знал региона за пределами Ликии на побережье Малой Азии, а на юге его границей, вероятно, был Крит; хотя ему были известны, по крайней мере по названию, ведущие географические пункты морского пути, не совсем редкого, к почти неизвестным регионам Кипра, Финикии и Египта. Однако очевидная непоследовательность его заявлений[419], касающаяся путешествия в Египет, служит доказательством того, что оно лежало за пределами географического круга, в пределах которого, как мы должны полагать, находились его привычные знания и знания его народа.

Находясь внутри этого круга, он одинаково внимательно изучает расстояния между местами, формы местности и физический характер различных районов; но когда он выходит за его пределы, он освобождается от законов пространства. Темы, затронутые в "Путешествии Улисса", совершенно несовместимы с реальной географией, хотя национальные пристрастия пытались идентифицировать их с целью конкретного присвоения. Некоторые из них, действительно, мы можем предположить, что он мысленно ассоциировал с местами, которые были ему описаны; более того, он, возможно, все это имел в виду; но искаженные знания, которыми могли обладать даже мореплаватели того времени, намеренно или случайно подверглись такому дальнейшему искажению при передаче в сознание Гомера, что нет никакой надежды скорректировать его географию иначе, как путем свободного и обильного вливания вымышленных рисунков. Однако эта внешняя сфера населена образами, представляющими глубокий интерес. Для целей поэмы все странствия и Менелая, и Улисса лежат внутри нее и выходят за пределы обычного греческого опыта. И на протяжении всех этих странствий язык Гомера - это язык поэта, который в том, что касается фактов, был во власти неопровержимой информации; информации, которую он должен был либо получать из источника, не подлежащего проверке или тщательному изучению, либо вообще не получать; и который мудро воспользовался тем характером чудесного, которым было переполнено все это, чтобы превратить это в картины воображения, которые должны были наполнить как его современников, так и все последующие поколения эмоциями интереса и изумления.

Пределы греческого судоходства.

У Гомера мы находим, что греческая навигация уже простирается, хотя и очень незначительно, за пределы греческих поселений. Псевдо-Улисс из Четырнадцатой "Одиссеи" совершил девять путешествий[420], ἀνδρὰς ἐς ἄλλοδαπούς; и наконец, вдохновленный, как он говорит, диким порывом свыше, он спланировал и совершил путешествие в Египет. Но он представлен как критянин, и ранняя слава Крита в области мореплавания, вероятно, связана с его связью через Миноса с Финикией. Здесь также предполагается, что он критянин высшего класса, коллега Идоменея по его команде[421], и, таким образом, согласно закону поэтического правдоподобия, его следует понимать как, вероятно, члена семьи, принадлежащей финикийскому роду Миноса. Теспротианский корабль из Четырнадцатой "Одиссеи" везет зерно только в Дулихиум. В Taphians, действительно, кому от хеніаl отношении своего Господа, Ментес[422], к "Улиссу", должен, по всей вероятности, жили в окрестностях Итаки, представлены как выполнять рейсы не только в неизвестном Temese, который был в чужих краях

(ἐπ' ἄλλοθρόους ἄνθρωπους[423]), а также Phœnicia; последний рейс, однако, упоминается только в связи с целью пиратства[424]. Но эти тафиане, по-видимому, составляют незначительное исключение из общего правила: мы ничего не слышим о них в великом вооружении "Илиады". Говоря в целом, мы можем сказать, что у ахейцев не было иностранного судоходства: оно находилось в руках финикийцев.

Финикийский язык внешней географии.

Именно к этому народу мы должны относиться как к признанным купцам, самым отважным мореплавателям и самым дальним исследователям тех дней. Им одним, как телу, во всем гомеровском мире из плоти и крови, Гомер дает отличительный эпитет ναυσικλυτοὶ ἄνδρες[425]. Он действительно приписывает это эйрийским феакам, но, по всей вероятности, этот элемент их характера заимствован у финикийцев[426], и если это так, то причиной происхождения может быть только то, что финикийцы были для той эпохи типом морского народа. Только им он присваивает эпитеты, присущие торговому мошенничеству, а именно: πολυπαῖταλοι и τρωκταί. Когда мы слышим об их кораблях в Египте или Греции, это обстоятельство упоминается так, как если бы их прибытие было обычным ходом их коммерческих операций. Некоторую силу в отношении национальной истории также можно приписать общей традиции, которая почти делает жителей средиземноморья героической эпохи "финикийским озером": их поселения в Испании и тому сильному влиянию, которое они оказали на эту страну; и косвенным свидетельствам Гомера, а также суждениям Фукидида о морском характере минойской империи.

Опять же, Гомер знал о классе торговцев, которых он называет πρῆκτῆρες в восьмой "Одиссее" (ст. 152). Но там, где Евмей перечисляет δημίεργοι, или "профессии" греческой общины, среди них нет πρῆκτῆρες[427]. Опять же, поскольку поэт знал о существовании этого класса на земле, он ввел их в свои олимпийские небеса, где обретение и преумножение имели своего представителя в лице Меркурия. Откуда мог взяться прототип, кроме как из общения с финикийцами?

Но образная география "Одиссеи" выходит далеко за рамки пунктов, с которыми Гомер, по крайней мере, знаком по существу, настолько, что исторически связывает их с торговлей или политикой того времени. Жилища циклопов, Лестригонов, Лотофагов, Эола, Сирен, Калипсо и Цирцеи, возможно, не имели никакого "где-либо поблизости", никакого реального места, кроме как в воображении Гомера; тем не менее они, должно быть, представлялись как хранилища дошедших до него преданий, которые, какими бы сказочными они ни были, выдавались за местные. Опять же, что касается традиции Атласа, вряд ли возможно отказать ему в местном характере. Он знает глубины каждого моря, и он держит или удерживает столпы, разделяющие небо и землю. Это не следует путать с более поздними изображениями Атласа, несущего земной шар, или с его более чисто географическим характером, поскольку он представляет горные хребты Северной Африки. Здесь он появляется[428] как хранитель великих ворот внешних вод, а именно Гибралтарского пролива: эти великие ворота, вероятно, являются точкой соединения с океаном, и это внешнее море посещается исключительно финикийцами, которые, по всей вероятности, получали из Корнуолла олово, используемое при изготовлении Щита Агамемнона, или в любом из металлических производств Гибралтара. точка. Скалы, возвышающиеся по обе стороны канала в крайней точке земного шара, как это было известно грекам по опыту или нарисовано в морских повествованиях, не могли быть представлены более

естественно, чем в виде колонн, поддерживающих небо. Этот рисунок повторяет аналогию с колоннами и стенами дома, поддерживающими крышу, и размещен в конце интерьера его большой квартиры[429]. В равной степени уместно было бы сказать, что те, кто, как считается, в одиночку добрался до этого отдаленного квартала и часто посещает его, держат эти столбы[430].

Даже в эпоху, менее богатую воображением, чем эпоха Гомера, любовь ко всему чудесному, как со стороны дающих, так и со стороны получателей информации, оказывала сильное влияние, окрашивая все повествования, действие которых происходило в отрывках, неизвестных никому, кроме рассказчика. Но более мощный мотив можно было бы найти в том духе монополии, который в высшей степени характерен для ранних стадий, в частности, для развития торговли[431]. Облекать свои отношения в тайну и благоговейный трепет с помощью как естественных, так и сверхъестественных чудес было бы для народа, обладающего исключительным мореплаванием, мощным средством отпугивания конкурентов и надежного удержания прибыли, как законной, так и пиратской.

Перед нами очевидные факты: с одной стороны, народ, который в области морских предприятий намного превзошел всех остальных и обладал фактической монополией на знание вод и стран, лежащих за пределами определенного узкого круга. Затем, с другой стороны, мы имеем множество приключений, описанных Гомером в этой внешней сфере и полностью связанных с людьми и местами, которые ей принадлежат. На этом основании вряд ли возможно избежать вывода, что финикийцы, должно быть, были народом, от которого Гомер черпал, прямо или опосредованно, свои сведения о внешнем круге географии "Одиссеи". Таково суждение Страбона. Он говорит, τοὺς δὲ λέγω Φοίνικας μὴνυτάς; он считает, что еще до времен Гомера они были хозяевами выбор части Испании и Африки: и выясняется, что следы их колонизации, оставались до его дня[432].

Традиции Внешней географии.

Но далее: сами предания несут на себе другие недвусмысленные следы, помимо того, что они находятся в частях, известных только финикийцам, и носят финикийский характер; и были ли эти следы нанесены Гомером или попали к нему в руки готовыми, не имеет отношения к настоящему аргументу.

Я говорил о традиции Атласа и о вероятности того, что финикийцы набросили бы завесу на регионы, о которых они знали полезные секреты. В соответствии с этими представлениями, остров Огигия - это остров Калипсо, Укрывательницы, и эта Калипсо - дочь Атласа.

Феация в "Одиссее" является географическим промежуточным термином между открытым и неоткрытым миром; Огигия - это ступень за ним, а ступень по эту сторону - Итака. Я не считаю, что феакийцы являются портретом финикийцев[433]: но самого сходства названий достаточно, чтобы показать, что Гомер имел в виду этот народ, когда наделял своих неземных островитян двойным даром, во-первых, непревзойденного мореходного мастерства, и, во-вторых, формирования средства коммуникации между внутренним пространством, ограниченным греческим горизонтом, и океаном. части, которые лежат за его пределами.

Minos the Ὀλοόφρων.

Но во многих случаях мы находим, что своеобразное и характерное использование Гомером эпитетов является самым верным руководством к пониманию его смысла. Теперь в Миносе мы имеем, согласно Гомеру, прочно обоснованную точку соприкосновения с Финикией. О Миносе, как о друге Юпитера и Судье умерших, у нас должно сложиться благоприятное впечатление из стихотворений. Yet is Ariadne Μίνωος θυγάτηρ Ὀλοόφρωνος. Каково значение слова Ὀλοόφρων? Я думаю, изучение употребления родственных слов покажет, что в сознании Гомера это не означает ничего порочного или преступного, но жесткого, ригидного, неумолимого; или пронизательного, с которым трудно совладать, того, кто безжалостно пользуется преимуществом, кто держит тех, с кем имеет дело, в соответствии с буквой уз; и, как следствие, часто наносит им серьезный ущерб.

С этой точки зрения, это был бы эпитет, естественный и подходящий для народа, который представлял торговлю в то время, когда она так часто принимала характер беспринципного приключения, войны и грабежа; и эпитет, который мог бы подойти Миносу как одной из величайших фигур в их истории или как завоевателю. Опять же, стоит пересмотреть использование Гомером прилагательного Ὀλοός. Этот эпитет он применяет ко льву, вепрю и водяной змее[434]. Ахилл, жалуясь на Аполлона за то, что тот отвел его от троянской стены, называет его $\theta\epsilon\epsilon\tilde{\omega}\nu\ \delta\lambda\omega\acute{\upsilon}\tau\alpha\tau\epsilon\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ [435]. Менелай, сражающийся с Парисом, когда его меч ломается в руке, жалуется Юпитеру, что нет бога $\lambda\lambda\omega\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ [436]. Филетий в "Двадцатой Одиссее", удивленный тем, что Юпитер не заботится лучше о хороших людях, использует те же слова[437]. И Менелай применяет тот же эпитет к Антилоху, который украл преимущество над ним в гонках на колесницах[438]. В положительной степени, то она применяется до старости, огонь, Судьба, Ночь, схватки, к Харибдой (ОД. XII. 113), и даже враждебные намерения Бога, такие, как $\delta\lambda\omega\acute{\upsilon}\phi\rho\omega\nu\acute{\epsilon}\omega\nu$ Аполлона (Ил. XVI. 701), а в $\theta\epsilon\tilde{\omega}\nu\ \delta\lambda\omega\acute{\upsilon}\varsigma\ \delta\iota\alpha\ \beta\omicron\upsilon\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ (ОД. XI. 275).

Но характерная сила эпитета, применяемого к Миносу, становится наиболее ясной, а его влияние на формирование финикийского характера в определенных традициях неоспоримым, когда мы исследуем оставшиеся примеры его использования; а также родственную, фактически почти синонимичную фразу $\lambda\lambda\omega\phi\acute{\omega}\iota\alpha\ \epsilon\acute{\iota}\ \delta\acute{\omega}\varsigma$.

Только два человека, помимо Миноса, получают у Гомера эпитет Ὀλοόφρων[439]. Один из них - Атлас, отец Калипсо, другой - Эет, брат Цирцеи. Опять же, фраза $\delta\lambda\omega\phi\acute{\omega}\iota\alpha\ \epsilon\acute{\iota}\ \delta\acute{\omega}\varsigma$ применяется к Протею[440]; и она больше нигде не используется, кроме как Мелантием, где он имеет в виду описать Эвмея как человека опасного и заслуживающего подозрения[441]. Опять же, $\delta\lambda\omega\phi\acute{\omega}\iota\alpha$ Протея - это его уловки[442]; и, кроме того, у нас есть $\lambda\lambda\omega\phi\acute{\omega}\iota\alpha\ \delta\eta\nu\epsilon\alpha$ Цирцеи[443]. Таким образом, может показаться, что Гомер фактически ограничивает эти эпитеты одним конкретным кругом традиций; для Протея, Эета, Цирцеи, Атласа все они принадлежат к внешней географии "Одиссеи"[444]; и использование одного из них для Миноса с его уже предполагаемым финикийским происхождением[445], приводит нас, в сочетании со многими другими признаками, к выводу, что эпитет является строго характерным, а круг традиций финикийским. Один из самых незначительных, а также, возможно, один из самых любопытных и удовлетворительных признаков финицианства всей схемы. Тиресий используется в Одиннадцатой "Одиссее", чтобы предсказать Улиссу его грядущую судьбу, и при этом он использует многие из тех самых строк, которые впоследствии пророчески произносит Цирцея. Итак, почему Тиресий стал осведомителем Улисса? Он больше нигде не упоминается в поэмах; тем не менее, он представлен здесь как обладатель единственного дара пророчества, разрешенного в нижнем мире. Почему у нас нет Амфиарая или Полуфейда, этих Провидцев на

вершине славы среди смертных[446]? Конечно, может быть только одна причина; а именно, что Тиресий был фиванцем, уроженцем единственного греческого государства, кроме Крита, где он мог быть подданным финикийской династии[447]. Несомненно, это финикийское родство дало ему право говорить о регионах, о которых греческий Провидец по праву своей нации не обладал бы никакими знаниями.

Мы можем полагаться не только на эпитеты, но и на характеры тех, кому они присвоены. Они полны элементов хитрости и обмана. Протей, Цирцея, Калипсо, Сирены, Лестригоны, Циклопы - все они причастны к этому элементу, в то время как у одних он сочетается с насилием, а у других с утонченностью или чувственностью. Во всех них мы узнаем так много вариаций одного финикийского типа.

Было замечено, что Вергилий, по-видимому, признает Протея восточным аналогом Атласа в строках

Atrides Protei Menelaus ad usque columnas, &c.

Это признание Вергилием финикийского характера традиции: но я не вижу доказательств того, что Гомер имел в виду соотнести Протея и Атласа друг с другом как представляющих Восток и Запад Средиземноморья, хотя эта теория принята Негельсбахом[448] и другие.

Служба бога Меркурия и его связь с Калипсо подтвердят эти выводы[449].

Коммерческие способности современных греков.

Моральные признаки греческого характера, хотя и не идентичны таковым у финикийцев, все же устанавливают сходство между ними; в той мере, в какой оба обладали энергией, отвагой и отважностью, и что интеллект, который направлял и поддерживал эти великие качества, был восприимчив к союзу с хитростью. В порицании *τηρκτηρες*, которое Гомер передал устами Эвриала, мы можем прочесть подлинное проявление его собственной натуры; но подарки Меркурия Автолику, по-видимому, показывают, что финикийский характер легко сочетался с греческим как своей хитростью, так и своей силой. И, конечно, мы вполне можем восхититься стойкостью, с которой формировались эти характеры, когда обнаружим, что по прошествии трех тысяч лет одна раса все еще выделяется среди всех других способностями и энергией в ведении честной торговли; что в Англии, ныне центре торговли всего мира, греки наших дней одинаково превосходят всех других иностранцев, посещающих ее великие торговые центры, и детей ее собственного энергичного и настойчивого народа; сами они, возможно, являются потомками феспротийцев, которые ездили за зерном в Англию. Дулихиум; о тафианах, которые везли черное железо в Темезе; о критянах, которые сделали много денег в Египте; и о лемнийцах, которые получали металлы, шкуры, пленников и даже быков в обмен на свое вино от веселых греков из армии перед Троей.

Чем больше мы пытаемся исследовать географию "Одиссеи", тем больше обнаруживаем, что, хотя ее невозможно согласовать с реальным распределением суши и морей, в ней есть признаки происхождения от народа, который плавал в отдаленных водах, где происходят события. Фундаментальной статьей всего является описание известных морей великой рекой Океаном, которая, как в "Илиаде", так и в "Одиссее", обтекает землю кругом, возвращаясь сама по себе, *ὁψόρροος*[450], подобно тому, что называется бесконечной веревкой. И два ключа, как я полагаю, к пониманию этого, следует искать в двойной гипотезе,

(1) Гомер поместил к северу от Фракии, Эпира и Итальянского полуострова пространство не суши, а моря, сообщающееся с Эвксинским полуостровом. Или, выражаясь другими словами, что он значительно расширил Эвксинский залив на запад, возможно, также укоротив его на востоке; и что он связал его через Генуэзский и Венецианский заливы с южным Средиземноморьем.

(2) Что он объединил в одно два набора финикийских традиций, касающихся устья океана, и определил их местонахождение на северо-востоке.

Это увело бы нас слишком далеко от линии этнологического исследования, если бы я теперь стал рассматривать обширный вопрос, с которым связаны эти положения. В этом месте я только замечу, что все особенности этой внешней географии, если рассматривать их в целом, таковы, что благоприятствуют или, возможно, скорее вынуждают предположить, что она была основана на иностранной, то есть финикийской информации. Его обширный ареал, его охват маршрутами Менелая, с одной стороны, и Улисса, с другой, по всем сторонам света, его расплывчатый, неопределенный и негеографический характер в отношении расстояний и направлений, и все же его частое, хотя и непоследовательное и путаное сходство почти в каждой точке с каким-либо реальным прототипом, который поэт, возможно, имел или, вероятно, видел своими глазами; все это согласуется с мнением, что он представляет собой тщательно изготовленное произведение, созданное из финикийских материалов, и вряд ли может быть согласовано с чем-либо другим. остальное.

Оставляя эту весьма волнующую тему для более подробного отдельного обсуждения, я здесь перейду только к рассмотрению той ограниченной ее части, которая имеет отношение к этнологии; я имею в виду свидетельства, предоставленные нам Гомером в "Одиссее", и особенно в связи со странствиями, относительно местонахождения и характера (1) сикелей и Сикании; (2) феспротийцев и Эпира; и (3) в отношении семьи Кадм, которую общая традиция непосредственно связывает с Финикией в лице ее основателя, и которую Гомер, по его словам, описал в "Одиссее". я думаю, что косвенные свидетельства оправдывают нас в том, что мы считаем их полученными из этого источника.

Сикели и Сикания.

Сикели и Сикания.

Несмотря на использование им имени Тринация, поэт, по-видимому, не имел географических знаний о Сицилии, по крайней мере, за пределами ее очертаний; поскольку, я думаю, можно доказать, что он помещает остров в непосредственной близости от Босфора. Но он, возможно, все же слышал о восточном побережье Италии, непосредственно примыкающем к ней, а затем о стране бруттий, которая образует подошву стопы, грубо описываемую конфигурацией южной Италии. Ибо это побережье гораздо ближе к Греции; вероятно, им пользовались мореплаватели на пути из Греции на Сицилию, и они могли посетить его до того, как перенесли свои исследования в более отдаленные места. Афинский флот в Пелопоннесской войне сначала причалил к Япигийскому мысу, а затем прошел весь путь вдоль берега^[451]. Эта возможность превращается почти в уверенность, когда мы обнаруживаем, что Гомер говорит о расе, очевидно, трансмаринной, которая, судя по истории, вероятно, населяла этот регион в какой-то ранний период.

Я осмеливаюсь утверждать, что это побережье Бруттии, подошва италийского подножия, простирающееся от Тарентского залива до Регия, и есть та страна, которая предстает нам в "Одиссее" под названием Сикания.

В сказочном рассказе, который Улисс рассказывает о себе своему отцу Лаэрту перед Признанием, он говорит следующее:

εἴ μιν ἐξ Ἀλύβαντος, ὅθι κλυτὰ δῶματα ναίω,
οὔ ος Ἀφείδαντος Πολυπημονίδαο ἄνακτος·
αὐτὰρ ἐμοί γ' ὄνομ' ἐστὶ ν' Ἑπήριτος· ἁλλὰ με δαίμων
πλάγξ' ἀπὸ Σικανίης δεῦρ' ἐλθέμεν οὐκ ἐθέλοντα·
νηὺς δέ μοι ἦδ' ἔστηκεν ἐπ' ἀγροῦ νόσφι πόληος[452].

В этом отрывке Улисс изображает себя мореплавателем, которого какой-то встречный ветер сбил с курса и привел на Итаку. Теперь это подразумевает, что его отправной точкой должен быть такой, откуда при одной перемене ветра его можно было бы легко отнести на Итаку. Опять же, Сикания, должно быть, была регионом, известным итакийцам, иначе, вместо того чтобы просто назвать его, он описал бы его Лаэрту, как он описывает Крит Пенелопе[453].

Теперь, чтобы выполнить эти условия, нет другой страны, кроме той, которую я назвал. Между ним и Грецией только открытое море и проход примерно в двести-двести пятьдесят миль, так что ветер, сбивающий его с курса, может легко перенести его через реку. И на западном берегу Адриатики нет другого трактата, который, по всей вероятности, был задуман Гомером. Япигия, расположенная за Тарентинским заливом, лежит даже севернее Схерии; и, как и Схерия, Япигия, мы можем быть уверены, находилась во Внешней или неизвестной Гомеру географической сфере.

С другой стороны, Бруттийское побережье вполне могло быть известно в Греции, хотя и по смутным слухам, но все же лучше, чем Сицилия: во-первых, потому, что оно было ближе; и, во-вторых, поскольку оно не имело сходства с островом, его координаты было бы легче определить, и, следовательно, вероятность ошибки в его местоположении была меньше. Наконец, история уверяет нас, что сицилийское название преобладало в Италии до того, как оно перешло на Сицилию. Следовательно, страна бруттов - это, по всей вероятности, гомеровская Сикания.

Но опять же, у Гомера мы слышим о σικελοί, хотя и не о Σικελία. Женихи советуют Телемаху отправлять своих гостей по адресу σικελοί [454] на продажу: добавляя, что таким образом для них будет получена хорошая цена с перенумерацией (ᾠξίον). С другой стороны, сицилийская рабыня является женой Долиоса и ухаживает за Лаэртом в старости[455].

Из этих отрывков мы можем сделать вывод,

1. Что страна σικελοί была в пределах отдаленных знаний итакийских моряков.
2. Что они были богатым народом, поскольку могли платить хорошую цену за рабов.

Первый пункт, как мы видели, сделал бы σικελοί подходящих жителей Сикании.

Но точно так же, как второй, Гомер дал нам некоторые признаки своего состояния: (а) во имя Ἀφείδας (открытой рукой) относят Одиссея с его отцом; (б) в Ἑτήριος (объект спора) взяла для себя; (с) возможно, также во имя Ἀύβας, сродни тому, что Ἀύβη[456], где было серебро, и Ἀρύβας богатый Сидона[457]. Это название, вероятно, указывает на владение металлическими рудниками, которые в тот период мы можем рассматривать как особый признак прогресса и богатства.

Затем, если мы обратимся на мгновение к историческому периоду, то именно в этой стране мы обнаружим большие и роскошные города Сибарис и Кротона[458].

Итак, как народ, называемый сикели, и страна, называемая Сикания, таким образом, поставлены Гомером в близкие отношения, так это продолжается на протяжении всей древности. Отчеты, собранные Фукидидом, представляют сиканидов как давших свое название Сицилии и заменивших прежнее название Тринакрия, которое идентично гомеровскому Thrinacie. В более позднее время сицилийцы переправились из Италии на Сицилию и, как было сказано, на плотях, то есть через пролив и, следовательно, из страны, которая, как я утверждаю, является гомеровской Сиканией. Ходили слухи, что эти сикели победили сикани и снова изменили название острова на Сицилию. Еще более важно отметить, что Фукидид говорит, что в Италии еще были сикели, когда он сам жил: и он добавляет традицию о том, что Итал, их царь, дал свое имя полуострову[459].

К этим сообщениям, которые составляют часть отчета, приведенного Фукидидом, мы можем добавить утверждение Дионисия о том, что σικελοὶ были древнейшими жителями Лация и были вытеснены пеласгами[460]. Это предполагает их движение на юг и делает вероятным, что мы встретим их в Бруттии, на пути к Сицилии, возможно, наступающих в этом регионе на сикани.

Такая гипотеза полностью согласуется с Гомером, который, очевидно, представляет сиканское как более древнее сицилийского названия, поскольку первое стало территориальным, в то время как последнее было только племенным или национальным. И все это согласуется с Фукидидом в том существенном пункте, что он ставит сиканидов перед сикели: хотя традиция, о которой он сообщает, выводит сикани из Испании под давлением лигуров[461], ему не нужно исключать предположение, что они, возможно, пришли по суше с итальянского полуострова. Хотя, вероятно, неправильно путать сикели с сикани[462], таким образом, со всех сторон будет казаться, что они были всего лишь последовательными волнами иммиграционного потока, продвигавшегося на юг.

Есть еще одно свидетельство того, что Гомер намеревался поместить Сиканию в греческий морской мир, а не за его пределы. Вот оно. В своем сказочном рассказе Лаэрту Улисс сообщает старику, что пять лет назад видел своего сына в Сикании, надеясь добраться до его дома[463]. Теперь это доказательство того, что это место находилось во Внутренней или известной сфере географии: ибо во внешнем круге, как, например, в Эолии, у него никогда нет собственного знания или расчета относительно силы добраться домой: это Эол дал ему Зефир, чтобы отвезти его домой, а не он, который знал, что если он получит Зефир, то доберется домой. И точно так же Калипсо дает ему четкие указания: в то время как Менелай, не находясь абсолютно за пределами известного мира, не получает указаний относительно своего путешествия от Протея, который играет для него роль божественного осведомителя.

Таким образом, получается, что Гомер кое-что знал о той части итальянского континента, которую мы можем назвать подошвой стопы. Опять же, если мы посмотрим вперед, на каблук, Япигию или Апулию, и заметим его близость к Коркире или Схерии, мы увидим, что мореплаватели во времена Гомера могли избрать маршрут, которым впоследствии следовал афинский флот под командованием Никия и его коллег. Но это предположение; и поскольку Схерия была так слабо известна, мы должны предположить, что Апулия была представлена еще более слабо. За пределами Апулии Гомер не подает никаких признаков какого-либо знакомства с Италией. Поэтому сразу же представляется возможным, что он понятия не имел о соединении по суше греческого и итальянского полуостровов и что он представлял себе к северу только морское пространство. Однако я откладываю дальнейшее обсуждение этого вопроса.

Эпир и Феспроты.

Эпир у Гомера.

Поклонники с Итаки угрожают отправить Ируса (Од. xviii. 84, 115) и снова Улисса (Од. xxi. 307) к некоему беззаконному и жестокому царю по имени Эхет; и в двух первых отрывках мы имеем дополнительное указание ἤπειρόνδε. Это выражение, используемое на Итаке, не может относиться ни к какому другому материка, кроме Греческого полуострова, из которых даже более близкие части[464] проходят под этим названием.

Поскольку, с одной стороны, Эхет дикарь и, очевидно, иностранец (поскольку мы никогда не находим грека, проданного греками в рабство греку), он должен быть за пределами греческих границ: несомненно, за пределами теспроти, которые были союзниками (ἄρθμιοι, Од. xvi. 427) Итаки. С другой стороны, он не мог быть далеко, иначе Претенденты не говорили бы так бойко о том, чтобы послать туда людей. Следовательно, мы едва ли можем сомневаться в том, что этот Эхет был правителем области Эпир, между Схерией и Теспроти, и территориальное название ἤπειρος, таким образом, может быть по меньшей мере таким же древним, как и сам Поэт.

Подобным же образом в Шестой "Одиссее" мы находим рабыню по имени Эвримедуза в доме Алкиноя, старой кормилицы Навсикаи. Она была доставлена морем Ἀπειρῆθεν и описана как γρηῖς Ἀπειραῖη[465]. Вероятно, это означает указание на какую-то часть того же региона.

Таким образом, Эпир, по-видимому, образует, наряду со Схерией и Сиканией, гомеровскую линию исчезающих точек, или крайних пределов реальной географии, на северо-западе и западнее Греции. Проследивать эти исчезающие точки по всему контуру его горизонта, когда это возможно, наиболее полезно для установления фундаментального различия между его Внутренним и Внешним, его практической и поэтической географией. Чтобы более четко обозначить это различие, я бы, если позволите, даже назвал первое из них Географией, а второе - территориальной скиографией.

Феспротийцы из "Одиссеи" находятся ближе к кругу повседневных сношений с Грецией, чем варвар Эхет и его Эпир, и все же находятся на грани этого круга.

Улисс в Четырнадцатой книге, в ходе своего сказочного повествования Эвмею, рассказывает, что, когда он направлялся с Крита в Ливию, корабль, на котором он плыл, затонул, но по милости Юпитера он плыл на мачте девять дней и на десятый достиг земли Феспротов.

Теспроти у Гомера.

Этого утверждения достаточно, чтобы установить, что этот народ проживал к северу от залива Амбракия (Арта). Ибо, если бы они лежали к югу от этого залива, это была бы не первая земля, которую он осмотрел, поскольку она была бы покрыта островами.

Последующее повествование очень любопытно. Феспротийский царь Фидон, согласно "Сказке об Улиссе", хорошо заботился о нем, не делая его рабом (ἔκομίσσατο ππρίαντην); что, поскольку он был выброшен беспомощным на берег, обычное употребление, по-видимому, оправдывало и даже предполагало. Сын царя, который нашел его в таком нищем состоянии, получил свою долю от этой великой доброты, ибо он забрал его домой, как Навсикаю, и одел его. Здесь, говорится в рассказе, он услышал новости об Улиссе, который отправился оттуда в Додону, чтобы узнать о своей судьбе, и оставил много ценного имущества в доверительное управление этим гостеприимным и достойным людям. Но далее он рассказывает, все еще от вымышленного лица, что вместо того, чтобы заставить его ждать Улисса, теспротийский царь воспользовался возможностью, предоставленной теспротийским кораблем, который собирался отплыть в Дулихиум за зерном, и отправил его на нем в качестве пассажира к себе домой. Команда, однако, заразившись склонностью мореплавателей к похищениям, жестоко обращалась с ним и связала его с намерением продать в рабство: но, когда они высадились на пляж Итакана, чтобы приготовить еду, он воспользовался случаем и совершил побег[466].

На эту остроумную басню ссылаются и частично повторяют в последующих отрывках стихотворения[467], без существенных дополнений, за исключением того, что страна называется (πίων δῆμος χῆρ. 271) богатой.

Но другой отрывок[468], совершенно независимый от всех предыдущих, добавляет в высшей степени характерный инцидент. Пенелопа резко упрекает Антиноя, дерзкого предводителя Женихов, и напоминает ему, что его отец Эвпейт прибыл во дворец как беглец от итакийцев, зависящий от Улисса в избавлении от их гнева. Причиной их раздражения было то, что Эвпейт присоединился к пиратам-тафианам в пиратской экспедиции против феспротийцев, которые были союзниками Итаки.

Здесь мы имеем очень примечательный набор характеристик, которые все имеют тенденцию доказывать, и я думаю, что в достаточной степени доказывают, пеласгианство феспротийцев. Гуманный и радушный прием, оказанный выброшенному на берег мореплавателю, в точности соответствует поведению египетского царя[469], и его людей, обращенных к нему в предыдущем случае. Тот факт, что он не был поработен, предполагает как наиболее вероятное, что в стране Феспротий не было рабов, что полностью соответствовало бы положению пеласгов, поскольку они сами были не завоевателями расы, которая им предшествовала, а первыми обитателями мест, которые они занимали на греческом полуострове. Богатство их страны также согласуется с описанием Египта и с их пристрастием к земледелию. Притворное хранение Улиссом своих металлических запасов у них доказывает, что они не были хищниками, и, следовательно, доказывает, что в тот период они не были бедным народом. Имя Фидон, или бережливый, данное царю, согласуется с характером, который, как мы увидим в другом месте, заметным образом присущ пеласгийским именам собственным. И, наконец, они подверглись

нападению тафианских пиратов, что, как правило, демонстрирует их безобидный и неагрессивный характер.

С другой стороны, мы обнаруживаем, что они торгуют морем в Дулихиум: и мы обнаруживаем команду торговца, пытающегося похитить Улисса. Но поскольку пеласги, как правило, не были мореплавателями, вполне могло случиться, что торговля страны попала в руки какой-нибудь особой, возможно, какой-нибудь лелегийской или даже эллинской расы, которая, возможно, поселилась там с целью заниматься подходящим занятием и которая, подобно другим торговцам того времени, была бы готова при случае заняться пиратством. Следует помнить, что существовала теспротийская[470] Эфиры; что доказывает, как я полагаю, раннее вливание какой-то расы, связанной с эллинским происхождением.

Таким образом, исходя из Гомера, я заключаю, что феспротийцы были пеласгами. И этот вывод убедительно подтверждается внегомеровской традицией. Геродот утверждает, что они были родительским племенем, от которого произошли фессалийцы[471], сообщению, которому я следую только в той мере, в какой оно указывает на родство между ранними поселенцами по обе стороны горы Пинд. И Дионисий[472], по-видимому, подразумевает мнение, что это были феспротийские пеласги, поселившиеся в Италии.

Я уже говорил, что вряд ли могу думать, что Гомер указывает нам более чем на одного Додона в "Илиаде" и "Одиссее" соответственно. В то же время, если предположение о двух Додонах допустимо, предложенные им обстоятельства помогли бы объяснить это. Ибо Додона из "Илиады" описывается как пеласгическая, а также эллинская: то есть, как мы, я думаю, должны предположить, будучи пеласгической, она стала эллинской. Додона из "Одиссеи" (исходя из этого предположения) является только теспротийской, то есть пеласгической. Тогда решение заключалось бы в том, что пеласги первоначальной Додоны, будучи перемещенными, утверждали, что унесли свой оракул с собой, в то время как эллинские пришельцы аналогичным образом выдвинули встречное требование сохранить его на его первоначальном месте. История христианского мира снабжает нас случаями, не имеющими отдаленной аналогии с этим, в связи с устранением великого центра церковной власти.

Кадмийцы.

Кадмий означает у Гомера.

Мы видели, что имя Ино Левкоти в достаточной степени отождествляется с кругом финикийских традиций и традиций внешнего мира. И поскольку ее имя и положение прямо или косвенно указывают нам на главное свидетельство, данное Гомером ее отцу Кадму, это будет наиболее удобным местом для рассмотрения его связи с Грецией.

Я думаю, мы вправе сразу предположить, во-первых, исходя из его отношения к Ино, что он был финикийцем; во-вторых, исходя из обожествления его дочери, что он был правителем или принцем. И в-третьих, Ино является Улиссу в его бедственном положении как божество-покровитель. Теперь, поскольку, будучи смертной, она была финикийкой по происхождению, и поскольку таким образом она демонстрирует свои симпатии к эллинской расе, мы должны предположить связь между этими двумя фактами. Они были бы связаны соответствующим

образом, если бы семья Кадма, ее отца, натурализовалась во владении греческим суверенитетом.

Диодор Сицилийский передал традицию, касающуюся наблюдения Кадма[473], которая важна в сочетании с косвенными доказательствами; и которая согласуется с Гомером, поскольку, по-видимому, представляет финикийского иммигранта в хорошо известном естественном месте отдыха на его пути в Грецию. Суть в том, что Кадм поселился на Родосе, построил там храм Нептуна (и здесь мы должны помнить о богослужении и, как некоторые думают, о храме Нептуна[474] в Схерии), основал линию наследственных священников и сделал пожертвования Минерве Линдосской. Среди них в более поздние времена сохранился чайник тонкой работы, выполненный в античном стиле, с надписью финикийскими буквами.

В связи с именем Кадма у нас есть гомеровские обозначения $\text{Καδμεί} \text{Οι}$ и καδμείωνες . Они кажутся синонимами, но форма отчества последнего подтверждает мнение о том, что существовал отдельный Кадм, от которого произошли эти имена, что они были должным образом династическими, а не именами, взятыми от нации или расширенной расы.

Далее мы должны выяснить, в течение какого периода эта раса кадминов господствовала в Беотии, единственной области, где мы слышим о них. Когда они начались и когда завершились?

Внегомеровская традиция отбрасывает Кадма назад, к одному из самых ранних периодов, который, по-видимому, включен в знания Гомера. Поколения расположены следующим образом:

1. Кадм.
2. Полидор.
3. Лабдакус.
4. Laius.
5. Oedipus .
6. Этеокл и Полиник.

Названные братья - современники Тидея. Из этого следует, что Кадм находится за семь поколений до Троянской войны; его считают современником Дардана, и он появляется в Греции примерно за три с половиной поколения до прихода Миноса на Крит.

Однако это не та презумпция, к которой мог бы привести гомеровский текст. Ибо маловероятно, что, если семья такой активной расы, как финикийцы, проникла в Грецию и сумела установить в ней суверенитет за семь поколений до *Троики*, должно было пройти более столетия, прежде чем был найден какой-либо другой авантюрист, повторивший столь выгодный процесс.

Далее, кадмийцы были в Фивах. Но Кадм не был их основателем. Он был основан, как нам сказано в Одиннадцатой "Одиссее"[475], Зетом и Амфионом, сыновьями Юпитера и Антиопы, дочери Асопа: двумя людьми, которые, таким образом, по обе стороны своего происхождения являются первыми известными представителями своей расы в стране. Из появления Антиопы в "Νέκυια", где допускаются только эллинские и натурализованные оттенки, мы можем заключить,

что Амфион и Зетус были не пеласгами, а эллинами. Опять же, поскольку они *первыми* основали и укрепили Фивы, они, должно быть, предшествовали там Кадму. Какова же тогда была их вероятная дата?

В "Νέκυια", что касается женщин, Гомер придает некоторое значение представлению лиц и групп в хронологическом порядке.

Первым из них является Тайро[476], который, по-видимому, происходил из семьи Эола и жил примерно за четыре поколения до *Тройки*.

Следующая - Антиопа, мать Амфиона и Зефуса.

После нее приходит (1) Алкмена, мать Геракла,

(2) Эпикаста, мать Эдипа, и

(3) Хлорида, мать Нестора.

Все они принадлежат к периоду за три поколения до войны.

За ними следуют Леда и Ариадна, а также другие, эпоху которых текст Гомера не позволяет нам установить. Но Ариадна, невеста Тесея и тетя Идомея (μεσαίπολιος), родилась примерно за полтора поколения до войны; и Леда, как мать Кастора и Поллукса, которые были мертвы, и Елены, чей брачный возраст датировался за много лет до действия "Илиады", а также Клитемнестры, относится примерно к той же дате.

Таким образом, из хронологического порядка в целом следует, что Антиопа вряд ли могла быть старше Тайро, и, следовательно, ей могло быть всего около четырех лет, а ее сыновьям - примерно за три поколения до войны. У нас нет никаких следов их расы в гомеровской истории, за исключением того, что в Девятнадцатой "Одиссее"[477], зафиксирована смерть Итила, сына Зетуса, в детстве. Амфион Язидес из Od. xi. 283, должно быть, другой человек. Но, если это рассуждение обоснованно, Кадм, который сменил их в Фивах, вероятно, был гораздо более поздним, чем о нем повествует более поздняя традиция, и, возможно, прибыл в Грецию незадолго до Миноса.

Его имя, по-видимому, было дано в качестве династического имени его подданным или их правящему классу и сохранилось таковым при его потомках. Ибо кажется, что это не только началось с него, но и сразу исчезло с распадом семьи.

В пяти разных местах поэм Гомер имеет случай сослаться на события, имевшие место в Фивах при династии Кадмеев, во времена Эдипа и его сыновей: и в этих пяти отрывках он использует имена Καδμείῳι и καδμείωνες не менее восьми раз для обозначения людей, при этом он никогда не называет их никакими другими именами[478].

Но когда мы переходим ко времени войны, эта династия исчезает вместе с Этеоклом и Полиником: страна Беотия, которой она когда-то управляла, по-видимому, утратила свою сплоченность, и ее войсками руководят не менее пяти вождей. И теперь, когда Гомеру приходится упоминать жителей страны, они никогда не являются Καδμείῳι или καδμείωνες, но они βοιωτοί. Слова βοιωτὸς и βοιώτιος встречаются в "Илиаде" девять раз.

Нации, названные именем, происходящим от национального источника, скорее всего, сохраняют его дольше, чем те, которые получили династическое название от главы правящей семьи: поскольку им приходится чаще менять свои династии, чем они могут получать новые вливания расы и крови, достаточно могущественные, чтобы приобрести преобладание над старыми.

Страбон действительно говорит, что^[479], что Гомер называет Кадмийцев троической войны именем Миний. Но нет Μίνυαε называются у Гомера, хотя он говорит о Φρόμενος Μίνυήϊος, и ποταμός Μίνυήϊος в Пелопоннесе, и хотя там было возможно и Миньян Орхомен. Даже если бы Миньи были названы у Гомера расой, было бы странно, что Гомер без причины изменил на период войны использование имени кадмеев, которого он так строго придерживается в других местах, чтобы показать, что он действует в соответствии с правилом. Принимая во внимание, что переход к βοιωτοί не только понятен, но и политически описателен.

На основании вышеизложенных фактов мы можем сделать несколько замечаний:

1. Имя Кадмеев, по-видимому, является строго династическим, поскольку оно впервые появляется на том месте, где правил Кадм, и исчезает в том же месте вместе с исчезновением его семьи.
2. Использование Гомером имени Кадмея по сравнению с его отказом от него, каждое из которых имеет соответствующую привязку к обстоятельствам разных эпох, представляется ярким примером осторожной и исторической манеры обращения с местными названиями применительно к точным обстоятельствам места, времени и личностей, а не в свободной манере более поздней поэзии.
3. Весь наш взгляд на Кадма и кадмийцев из Гомера был получен путем окольного вывода: и, предполагая, что он справедлив, мы имеем здесь очень необычный пример сдержанности поэта по отношению ко всякому вливанию иностранной крови и влияния в его страну.

РАЗДЕЛ V.

В Каталоге.

Каталог во Второй книге относится скорее к Географии, чем к Этнологии стихотворений. Но я обращаюсь к нему здесь как из-за содержащегося в нем исторического материала, так и из-за того, каким образом он иллюстрирует общие исторические замыслы Поэта.

Возможно, по-своему это почти такое же характерное и примечательное исполнение, как и любая из более возвышенных частей поэмы. Рассматриваемый как часть "Илиады", его было бы более справедливо назвать Сводом, чем Каталогом, поскольку это обзор, а не простое перечисление. Рассматриваемая с точки зрения истории, ее ценность трудно переоценить: она содержит высочайшие титулы на все древние почести, на которые могли претендовать несколько государств, и, по правде говоря, является Книгой Судного дня Греции.

Мы можем рассмотреть Греческий каталог в трех частях:

Во-первых, Призыв или Предисловие.

Во-вторых, сам Каталог.

В-третьих, постскриптум, так сказать, 761-779.

До и после этого он украсил свою работу великолепными сравнениями. Когда все закончено и, так сказать, помечено, он приступает к дополнению к "Каталогу троянцев" - произведению меньшего объема и сложности, а также менее интересному для его слушателей, но все же составленному с большой тщательностью и с различными описательными украшениями.

Предисловие содержит наиболее формальное обращение к Музам из тех немногих, которые можно найти в стихотворениях. Остальные таковы,

Ил. i. 1. Введение в "Илиаду": адресовано ΘΕά.

Ил. ii. 761. В Постскриптуме к Каталогу.

Ил. xi. 218. Перед перечислением людей, убитых Агамемноном.

Ил. xiv. 508. Перед выступлением греческих вождей, которые в ходе битвы убили нескольких троянцев.

Ил. xvi. 112. Прежде чем перейти к рассказу о том, как троянцы бросали головы в греческие корабли.

Од. i. 1. Введение в "Одиссею": адресовано Μοῦσα.

В случаях с Одиннадцатой и Четырнадцатой Книгами обращение к Музе связано с особым усилием запоминания; ибо предваряемые ею рассказы состоят из имен, не связанных какой-либо естественной связью одно с другим. Но именно здесь обращение Поэта к Музе больше всего заслуживает внимания.

Если Гомер сочинял письменное стихотворение, то обращение к нему несвоевременное и бессмысленное. Он уже с помощью серии прекрасных сравнений поднял тему на должный уровень. Рассматриваемая как простой письменный Каталог, она не заслуживает молитвы о помощи и не объясняет ее: с этой точки зрения, она была необходима среди *пропиоральных* проповедей и была одной из самых простых для сочинения частей стихотворения. Но если рассматривать стихотворение как декламацию, то составить Каталог было очень сложно; из-за огромного множества деталей, которые включены в него и которые сами по себе не связаны между собой какой-либо естественной или очевидной связью.

Это правда, что он умоляет Муз сообщить ему, потому что они были вездесущими и всеведущими, тогда как он зависит от информации только от отчета (κλέος). Теперь это в равной степени относится ко всему материалу стихотворения: но причина, по которой он излагает эту истину в столь подчеркнутой манере, должно быть, кроется в трудном характере задачи, которую он начинал; и это не могло быть трудным никаким другим способом, кроме как усилием памяти.

Призыв содержит еще одно доказательство того, что стихи были написаны для декламации словами (ст. 489, 90)

οὐδ' εἴ μοι δέκα μὲν γλῶσσαι, δέκα δὲ στόματ' εἴ ἐν
φωνῇ δ' ἄρρηκτος, χαλκέον δέ μοι ἦτορ ἐνείη.

Ничто не может быть более уместным, чем сослаться на недостаточную способность органов тела к декламации, если бы он собирался декламировать; но не менее уместно, если бы он был занят написанием стихотворения. Однако у поэтов вошло в моду копировать Гомера в этом отрывке, хотя причина и обстоятельства, на которых он основан, стали совершенно неприменимы, а их грубое подражание ослепило нас от значения этого отрывка в том виде, в каком он есть в "Илиаде".

Теперь что касается самого списка.

Греческий массив.

В этом Каталоге он должен был пройти по различным государствам Греции, предоставив армии двадцать девять контингентов различной численности, все обозначенные количеством кораблей. Эти контингенты находятся под командованием сорока пяти лидеров, многие из которых имеют родословные и происходят из ста семидесяти одного греческого города. Имен собственных в Греческом каталоге, строго говоря, так называемых, триста девяносто шесть, а в Троянском - сто пять, что составляет всего пятьсот одно. Они, должно быть, были выбраны из большего числа, поскольку были греческие города (например, φηραί Пелопоннеса, Od. iii. 488, и различные города под названием 'Εύρη), не названные в Каталоге; и это снова увеличивало трудность запоминания всего списка. Опять же, было трудно принять какое-либо расположение, которое не было бы полностью произвольным, при демонстрации нам частей армии, состоящей из стольких дивизий и набранной из столь многочисленных источников и рассредоточенной по территории такой крайне нерегулярной формы.

Принцип расположения.

Однако Гомер с большой изобретательностью применил географическое расположение в Греческом каталоге, которое, насколько это касалось различных разделов, позволило ему объединить их в некое целое.

Территория, снабжавшая армию, состояла частично из континента, а частично из островов; и острова опять-таки были частично такими, которые, лежа у побережья материка, удобнее всего запомнить в связи с ним, частично такими, которые сами по себе образовывали группу.

Если мы возьмем континент и острова вместе, то обнаружим, что они образуют часть криволинейной фигуры, на самом деле не круглой, а эллиптической, и более приближающейся к кругу, чем та группа островов в Эгейском море, которая впоследствии получила название Киклад. Это название, взятое из-за грубого приближения к геометрической фигуре, возможно, было впервые предложено грекам геометрическим расположением Гомера в Каталоге. Я говорю о расположении Гомера как о геометрическом, потому что принятый им принцип заключается в рисовании мысленных фигур: это, конечно, самый грубый способ, и он, возможно, даже не знал правильного способа построения круга.

Пропорция фигуры, образованной материком и островами, составляет примерно две трети полной окружности: концами кривой являются Фессалия на севере и Калидна с другими небольшими островами на юго-востоке.

Теперь давайте обратим внимание, во-первых, на первоначальное деление Каталога на основные части и, во-вторых, на подразделение в каждой из этих частей.

Стоит отметить, что Поэт не использовал способ перечисления, который мог бы показаться наиболее очевидным, а именно начать с одного из концов этого полукруга (так его можно назвать), а затем перейти к другому. Если бы территориальные подразделения были регулярными, это было бы удобно, но из-за их крайней нерегулярности в данном случае это было бы совершенно бесполезно.

Опять же, он мог бы начать с Агамемнона, его непосредственных сил и владений; а затем мог бы пройти по штатам в соответствии с политической важностью их соответствующих контингентов. Но против этого курса было два возражения. Во-первых, их порядок не мог быть легко определен по этому принципу, особенно после прохождения нескольких наиболее значительных этапов. Но, во-вторых, он, по-видимому, с определенной целью и необычайным мастерством избегал как здесь, так и в других местах всего, что могло бы вызвать чувство ревности между несколькими государствами Греции. Конечно, я не имею в виду признанное превосходство Агамемнона, но если бы он попытался расположить силы Нестора, Диомеда, Менелая, афинян, аркадян, фтианцев в установленном таким образом порядке, это противоречило бы очевидному благоразумию и его единому распорядку действий. Возможно, однако, мы можем справедливо рассудить, что если бы Гомер писал свои поэмы, он не мог бы не уделить Агамемнону первое место в этом описании. Он не затем общий вид территории, и он начал с главного политического члена вооружения. И, наконец, он даже не рассматривал Пелопоннес как отдельное подразделение Греции: но он представил его, хотя это была самая важная часть страны, между восточными частями (Ботия с шестью другими государствами) и западными частями (Этолия с двумя другими государствами) Средней Греции.

Следовательно, существуют различные способы организации, которые с политической или географической точки зрения можно было бы назвать очевидными, но мимо которых Поэт прошел. Почему он прошел мимо них? и почему он начал Каталог с беотийцев? которые не были ни могущественными, ни древними, ни выдающимися людьми; и они не находились ни на одной из географических оконечностей страны.

Опять же, можно было бы спросить, почему он либо не отделил все острова от Континентальной Греции, либо ни один? Вместо этого он относит Эвбулу, Кефалению, Закинф и Итаку к тому же разделу, что и Континентальная Греция, но начинает новый раздел с Крита.

Давайте теперь внимательно рассмотрим, что он сделал, и посмотрим, не указывает ли это на причины.

Представляется, что Каталог состоит из трех основных разделов:

I. Континентальная Греция к югу от горы Тата, включая Среднюю и Южную части, с непосредственно прилегающими островами. В этой части находится шестнадцать контингентов. (Il. ii. 494-644.)

II. Островная Греция, от Крита до Калидны: на этих островах находятся четыре контингента. (645-680.)

III. Фессалийская Греция, от Эты и Офриса на юге до Олимпа на севере: которая предоставляет девять контингентов. (681-759.)

Эти три деления полностью пересекают линию полукруглой кривой. Из этого следует, что при декламации он мог бы распоряжаться каждой частью по отдельности, поскольку каждая образует компактную фигуру сама по себе; а этого он не смог бы сделать, если бы следовал кажущемуся более естественным разделению на континент и острова. В промежутке между первым и вторым он совершает прыжок из Этолии на Крит, а другой - между вторым и третьим, из Калидны в Фессалию.

The Желанием, очевидно, было помочь памяти таким географическим расположением, чтобы различные части могли быть вызваны ассоциацией, каждая из которых предполагала то, что должно было немедленно последовать. Распределенные таким образом, они стали бы своего рода *памятью техники*.

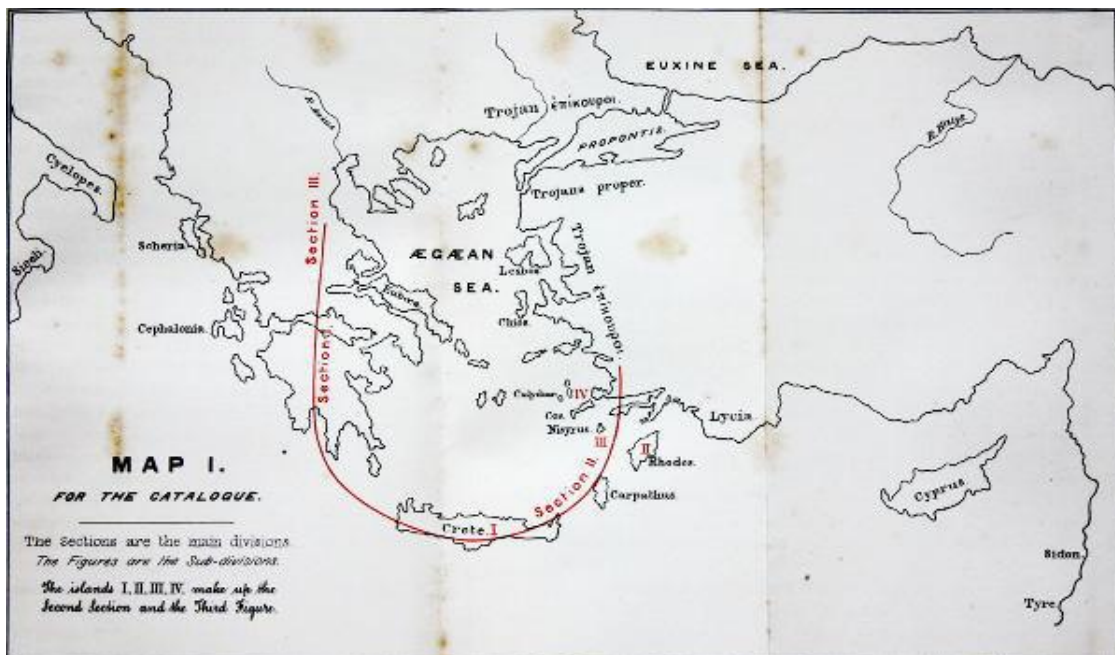
Мы видим, как он готовится к этой операции, по своему главному распределению, которое дает ему три части Греции, следующие одна за другой на линии (завершенного) рисунка.

И, хотя мы, возможно, еще не имеем в виду причину, по которой он начал с беотийцев, теперь, по крайней мере, у нас, кажется, есть причина, по которой он начал со средней части, а не с одной из крайних; а именно, что она была главной, поскольку она не только поставляла наибольшее количество кораблей и людей и почти всех высших командиров, но также поскольку она содержит резиденцию верховной власти и снабжала силы главнокомандующего армией.

Имея перед собой три раздела, давайте теперь посмотрим, как он управляет распределением, чтобы каждый район территории вел его к следующему.

И здесь он, очевидно, следует этим двум правилам: во-первых, никогда не пересекать промежуточную территорию, хотя он может пересечь пролив или залив.

И, во-вторых, изобразить несколько Состояний в виде грубых кругов или других фигур, по дуге или вдоль линии которых его воспоминание перемещается от точки к точке.



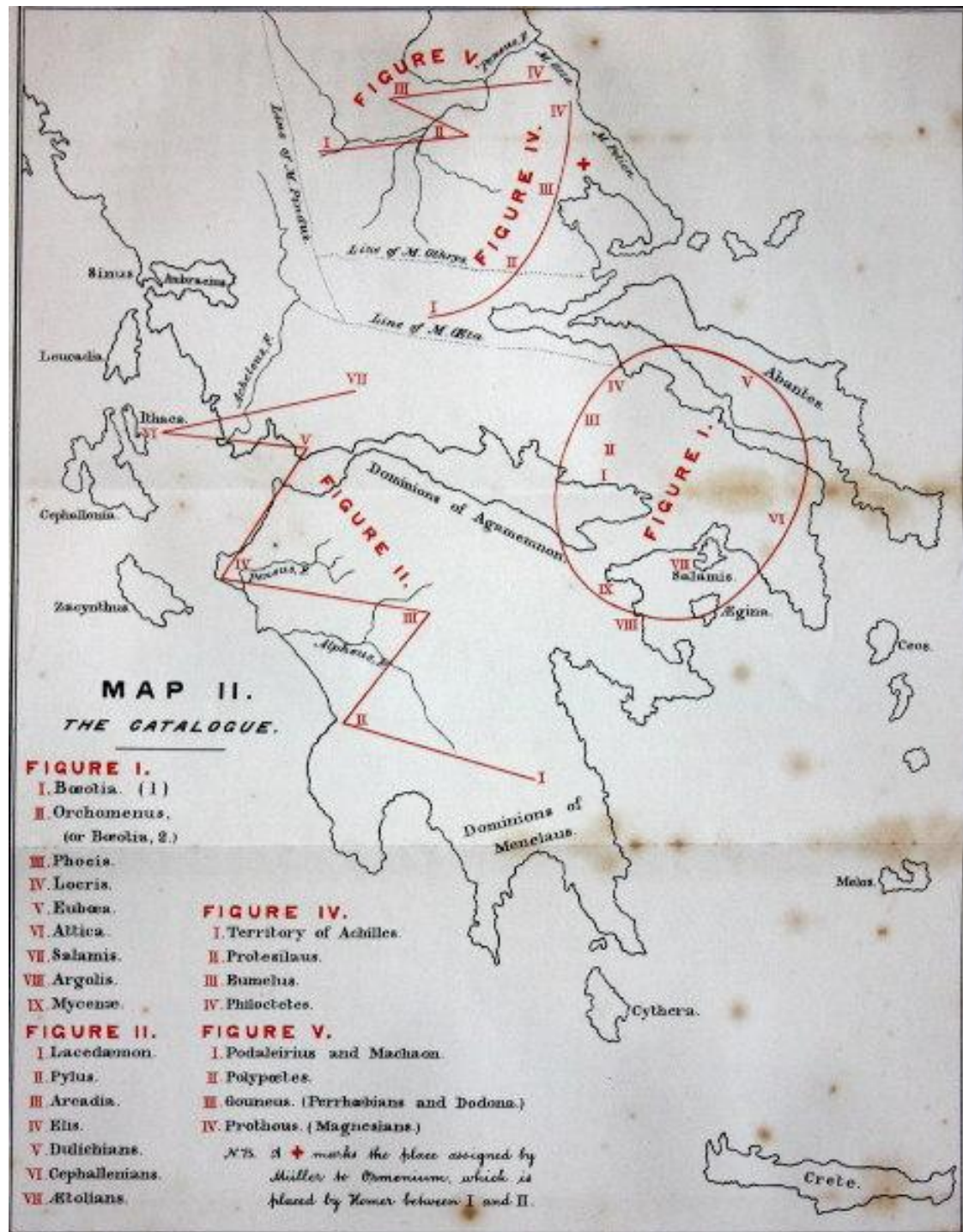
КАРТА I.

ДЛЯ КАТАЛОГА.

Разделы являются основными подразделениями.

Цифры обозначают подразделения.

Острова I, II, III, IV составляют Второй раздел и Третий рисунок.



КАРТА II.

КАТАЛОГ.

РИСУНОК I.

1. И. Ботия. (1)
2. II. Орхомен (или Беотия, 2.)
3. III. Фокида.
4. IV. Локрис.
5. Против Юбиа.
6. VI. Аттика.
7. VII. Саламин.
8. VIII. Аргонида.
9. IX. Микены.

РИСУНОК II.

1. I. Лакедемон.
2. II. Пилус.
3. III. Аркадия.
4. IV. Элис.
5. Против Дуличян.
6. VI. Кефалленцы.
7. VII. Этолийцы.

РИСУНОК IV.

1. I. Территория Ахилла.
2. II. Protesilaus.
3. III. Eumelus.
4. IV. Филоктет.

РИСУНОК V.

1. I. Подалейрий и Махаон.
2. II. Полипы.
3. III. Гуней. (Перрибияне и Додона.)
4. IV. Протус. (Магнезианцы.)

NBA ~~✶~~ отмечает место, отведенное Мюллером Ормениуму, которое Гомер помещает между I и II.

Его первую фигуру можно назвать кругом, поскольку она эллиптическая[480]; и она включает девять составляющих.

1. Беотия.
2. Орхомен Минейский.

3. Фокида.
4. Локрис.
5. Эвбея.
6. Аттика.
7. Саламин.
8. Аргоида.
9. Микены.

Его второй - зигзагообразный и включает в себя семь контингентов[481].

1. Лакедемон.
2. Пилус.
3. Аркадия.
4. Элида.
5. Дулихианцы.
6. Кефалленцы.
7. Этолия.

Теперь мы расстаемся с первым разделом.

Его третий рисунок охватывает второй раздел, или островное подразделение Каталога, и снова является частью грубого круга или эллипса[482].

1. Крит.
2. Родос.
3. Сайм.
4. Кос и другие острова. Сюда входит Карпат, который лежал между Критом и Родосом; будучи, по-видимому, в политическом союзе с Косом и Калидной и внося свой вклад в тот же контингент, он не мог не встать на их сторону. Страбон отмечает, что этот принцип политического разделения, согласно тому, что он называет *δυνάστεϊαι*[483], был принят Поэтом в его рассказе о фессалийских контингентах.

Если обратиться к прилагаемым грубым картам, на которых обозначены цифрами несколько контингентов, природа этого приспособления будет ясно видна.

Орден за Фессалию.

Труднее проследить, каким образом Гомер действовал в отношении Фессалии.

Эта страна предоставляет девять контингентов, которые лучше всего можно охарактеризовать по именам их руководителей. С первыми четырьмя нет никаких трудностей, за исключением того, что некоторые границы неопределенны. Они образуют, как и последняя, или островная группа, неполный круг[484]. Лидерами являются;

- I. Ахилл (681-94).

II. Protesilaus (695-710).

III. Eumelus (711-15).

IV. Филоктет (716-28).

Больше трудностей возникает при описании расположения остатка. Страбон, который следовал каталога в Фессалии с большой внимательностью, кажется, не заметил круговое расположение: по крайней мере, он говорит о κύκλος τῆς Θετταλίας, и περίοδεια τῆς χώρας[485]. Но когда он подходит к шестой отдел, что Euryulus, он, кажется, найти его невозможно исправить с уверенностью сайте Ormenium: и говорит, καὶ ἄλλα δ' ἃ ἐστὶ ν λέγοι τις ἂν, ἄλλ' οὖν ὀκνῶ διατρίβειν ἐπὶ πλέον[486]. И далее он замечает, что перемещения и смена городов, а также смешение рас привели к путанице в названиях и племенах[487], чтобы сделать их частично непонятными для людей его времени: здесь нам снова напоминают отрывок из Фукидида, в котором он говорит нам, что наиболее плодородные участки подвергались наиболее частым изменениям климата. население[488].

На наших картах δυναστεία Эврипила обычно располагается на морском побережье, но, как представляется, без какой-либо авторитетности: хотя после всех виденных нами доказательств непрерывного расположения кажется невероятным, что только в этом случае Гомер мог следовать такому порядку, чтобы δυναστεία не шли ни с тем, что предшествует, ни с тем, что следует, но были отделены от них линией территорий, которыми он уже распорядился.

Если судить по аналогии с единообразным в остальном правилом Каталога, владения Эврипила должны были где-то совпадать как с владениями Асклепиадов, так и с владениями Полипита. Отказываясь, однако, от каких-либо попыток положительно исправить их местоположение, мы обнаруживаем, что остальные четыре оставшихся контингента соединены зигзагообразной линией[489], подобная той, которая использовалась в южной Греции. Лидерами являются следующие:

I. Подалейрий и Махаон (729-33). (Еврипил 734-7, опущен.)

II. Полипы (738-47).

III. Гуней (Эниен, Перреби и Додона, 748-55).

IV. Протус (магнезианцы, 756-9).

С этой точки зрения Гомер, по-видимому, разделяет Фессалию на две части, как он это делал в Южной Греции: и в обоих случаях одна из них криволинейна, в ней расположены восточные части, а другая представляет собой зигзаг, включающий западные части.

Я описал это геометрическое расположение как представляющее большой интерес в связи с вопросом, были ли стихи написаны или декламировались; а также поскольку оно кажется само по себе в высшей степени оригинальным.

Кажется, что перед мысленным взором с грубой, но реальной симметрией распределяется совокупность объектов, между которыми на первый взгляд кажется почти невозможным установить какое-либо связующее звено.

Но у Гомера, хотя и есть много остроумного, нет ничего надуманного: и порядок, которому он следовал, вполне мог бы, как и во многих частях, по крайней мере, Греции, быть порядком его собственных странствий в качестве менестреля. И, хотя это сложно в других отношениях, все же, если это сводит сложную физическую схему к форме, в которой она становится практически более управляемой, чем любым другим способом для его целей, это, очевидно, тот способ, который лучше всего может быть оправдан принципами здравого смысла.

Свежие доказательства исторического замысла.

Греческий каталог также полон доказательств исторического замысла Гомера.

Во-первых, такое доказательство дается огромным количеством деталей, которые *prima facie* являются нагрузкой на его стихи и которые Гомер, по-видимому, так и расценивал, исходя из той заботы, которую он предпринял, чтобы облегчить тему с помощью набора сравнений в начале. Должно быть, у него была какая-то цель, столкнувшись с этим недостатком. Совершенно не соответствует его собственному духу и духу его эпохи предполагать, что его целью было просто польстить тщеславию слушателей посредством массового вымысла.

Использование сверхъестественных механизмов приемлемо для гения поэта и его эпохи, но не для вульгарной фальсификации простых земных фактов. Если предположение о массовом вымысле не может быть поддержано, то нет другой альтернативы, кроме исторической цели.

В целом Каталог является ответом на этот обычный вопрос, который выражает стремление каждого грека познакомиться с человеком прежде всего через то, что в просторечии называется его "вещами".

Τίς; πόθεν εἴς ἄνδρῶν; πόθι τοὶ πόλις; ἥδ' ἐ τοκῆς[490];

Главным признаком отклонения от этой цели является в случае с Nireus[491]. Этот ничтожный лидер - почти единственный человек законного происхождения, оба родителя которого названы по именам: и хотя он, очевидно, представлен исключительно из-за своей красоты, наиболее подозрительно, что его отца зовут ἄροψ, а также его мать Γλαῖη. Это напоминает имена δημόδοκος и τερπιάδης, которые Гомер дал своим бардам в "Одиссее". И снова о своем Фрониусе, сыне Ноэмона, которого он представляет в роли внимательного и услужливого гражданина Итаки[492]. С незначительным островом Сайм Гомер вполне мог бы, ради особой цели, позволить себе такую вольность. И мы можем заметить здесь, как и везде, что то, что, вероятно, является отклонением от буквальной истины, с более высокой точки зрения также может быть историческим: ибо, несомненно, его цель - впечатляюще увековечить удивительную красоту Нирея, и он делает это, изобретая соответствующие аксессуары.

Опять же, хотя точная география сама по себе не доказала бы, что личные части повествования являются историческими, вряд ли можно представить, что он выбрал бы такую подробную и продуманную, а также точную географию, если бы хотел соединить с ней череду просто вымышленных личностей.

Генеалогии Каталога.

В-третьих, помимо множества простых отчеств, в Каталоге найдено тринадцать второстепенных генеалогий, десять из них греческие и три иностранные. В каждом случае они принадлежат только к трем поколениям, за исключением орхоменских вождей, у которых их четыре: и в каждом случае они присоединяются к второстепенным героям, которые, таким образом, рассматриваются в массе, в то время как в других частях поэмы предусмотрено, чтобы мы узнали о происхождении (за исключением Аякса) всех великих героев, поскольку случай позволяет указать это для каждого из них в отдельности. Теперь немыслимо, даже по общим соображениям, чтобы поэт выдумал такую массу имен; ибо они, несомненно, не могли вызвать никакого интереса у его слушателей, за исключением одного обстоятельства. Должно быть, это были подлинные генеалогические записи людей, сыгравших роль в великой национальной драме; возможно, не очень важную, но достаточную, чтобы стать основой таких традиций, которые справедливо считаются достойными упоминания на местном уровне среди народа, чрезвычайно сильного в своем муниципальном, а также общем патриотизме. Помимо всего прочего, многие моменты этих второстепенных генеалогий совпадают с другими историческими примечаниями в других частях стихотворения и иллюстрируют их.

Опять же, во всех восьми случаях в Каталоге упоминается имя матери. Это,

1. Астихе, мать Аскалафуса и Иалмена, отцом которых был Марс, ст. 513.

2. Арура, мать Эрехтея, отец не упоминается, ст. 548.

3. Астиохея, мать Тлеполема, отцом которого был Геракл, ст. 658.

4. Аглая, мать Нирея, отца Чаропса, ст. 672.

5. Алкеста, мать Эвмелуса, отца Адмета, ст. 715.

6. Рена, мать Медона, отец Оилея, ст. 728.

7. Гипподамия, мать Полипта, отец Пирифус, ст. 742.

8. Венера упоминается как мать Эней, а Анхиз - как отец, ст. 820.

Второй из этих случаев, если мы хотим считать содержащий его отрывок гомеровским, следует рассматривать не как рассказ о происхождении, а просто как способ утверждения автохтонности. Опять же, родители Ниреуса, настоящие они или нет, очевидно, названы исключительно в связи с соображениями красоты, которые являются ключом ко всему отрывку.

И происхождение Энейса, возможно, также может быть названо с единственной целью приукрашивания.

Описать словами θεῶν ὅτε γέννηθεῖσσι, он не появляется, чтобы стоять в одном классе, или чувствительными, и те же объяснения, как эти греческие случаи, когда греческие вожди, рожденные вне брака, имеют богов своих отцов, ни в каком случае, среди греков, незаконное рождение богини. Из пяти других случаев три (1, 3 и 6), очевидно, являются незаконнорожденными, по крайней мере, у одного из них потрясающий отец. Это наводит на мысль о том, что имя матери было упомянуто в качестве единственного оставшегося средства

записи происхождения, поскольку в противном случае эти лица были бы οὐτίδανοι. Можно с полным основанием предположить, что все эти рождения были внебрачными.

Эпитеты Каталога настолько точно описывают страну, что их всегда использовали для проверки традиций, относящихся к ситуациям мест, к которым они относятся. Они не менее точно согласуются с описаниями в других частях поэмы, и это в незначительных случаях, где вряд ли можно предположить преднамеренный вымысел, не в меньшей степени, чем в более крупных. Например, в Аркадии Ил. VII Устава. 134, являются ἑγχεσίμωροι: те из каталога ἀρχιμάχῃται (604), и ἐπιστάμενοι πολεμίζειν (611). Пеласги из Il. x. 429 - это δῖοι, пеласги из Каталога (840) - γυχεσίμωροι. В Serphalleniens каталога μεγάθυμοι (631), те, Ил. Ив. 330 являются στίχες οὐκ ἄλαπαδναί. Крит в "Одиссее" (XIX век. 174) имеет ἐννήκοντα πόλῃες, Крит каталога (ст. 649) является ἑκατόμπολις[493].

Отдельные команды в каждом случае отдаются тем, кто в остальной части стихотворения фигурирует как вожди первого порядка. Только в случае с Идомением это каким-либо образом затемнено; поскольку отрывок (645-51) гласит: 'Идомение вел критян.... Их возглавлял Идомение вместе с Мерионом.' Но очень примечательно, что Мерионес придерживается именно такого двусмысленного отношения к Идомению в поэме в целом: иногда его называют егоεἰράπῳν (xxiii. 113 *et alibi*) и егоππῳν (x. 58 *et alibi*), в то время как он стоит среди девяти первых воинов армии, которые (vii. 161) добровольно вступают в единоборство с Гектором; и когда Идомение ведет авангард, он управляет тылом (iv. 251-4). Опять же, хотя возможности, предоставляемые Каталогом, по необходимости невелики, Гомер ухитрился в его пределах отчетливо обозначить характер и положение почти каждого великого вождя: конечно, Агамемнона, Ахилла, Менелая, теламоновского Аякса (ст. 668) и Улисса.

Эпилог.

Третья часть, или эпилог, по-видимому, объясняется главным образом искренней любовью Гомера к лошади. Его расстановка армии в соответствии с количеством кораблей, которые перевозили каждое подразделение, исключила упоминание о колесницах и всадниках, которые их тянули, и он, по-видимому, придумал это закрытие в призывании с целью восполнения недостатка. Это, конечно, не было необходимо для того, чтобы зафиксировать положение Ахиллеса в армии, которое полностью раскрыто в Первой книге; и отрывок в основном посвящен лошадям Эвмелуса вместе с лошадьми Ахиллеса и его отряда.

Однако в нем содержатся два примечательных факта исторической достоверности. Лошади Эвмелуса, фессалийца, провозглашаются безусловно лучшими (μέγ' ἄριστοι): а о мирмидонцах, опять же фессалийском контингенте, здесь говорится как о том, что у них было несколько отдельных колесниц и лошадей; нам говорят (773): 'солдаты играли в игры.... Лошади стояли на кормежке, каждая возле своей колесницы, а колесницы стояли в своих сараях. Этого никогда не говорится ни о каком другом контингенте в армии. В строгой гармонии с этой картиной Фессалия выделялась на протяжении всей исторической истории Греции превосходством своих пород лошадей и высоким характером своей кавалерии.

Если все это так, то мы не можем удивляться тому, как высоко греки последующих веков ценили "Каталог Гомера" как великое и единственное систематическое изложение национальных притязаний соответствующих государств.

Это была не просто литературная или частная оценка: Каталог занимал место авторитетного публичного документа. Например, согласно законам Солона, он удостоился чести публичного зачитывания в торжественных случаях. Он также цитировался для разрешения разногласий. В критический момент, предшествовавший первой персидской войне, послы афин и Спарты обращаются со стороны Греции к Гелону за помощью. Он претендует на командование. Сопrotивляясь этому утверждению и настаивая на своем собственном праве возглавлять флот, если только на этот пост не претендуют лакедемоняне, афиняне обнаружили свое предубеждение по поводу величины своего флота, своего автохтонства и, наконец, свидетельства Гомера о достоинствах Менестея[494].

Каталог троянов.

Троянский каталог имеет меньше органической связи, чем греческий, со структурой поэмы в целом.

Переходя к этой части своего произведения, поэт не возобновляет своих декоративных сравнений или обращения к Музе. Он, очевидно, хотел снизить тон своего напева: и, более того, он не собирался напрягать память, как делал в предыдущей операции, поскольку имена собственные составляли лишь примерно четвертую часть от тех, что использовались для обозначения греков, и ни одно из них не располагалось длинными рядами, как города Беотии.

Теперь он начинает в том, что можно назвать естественным порядком: берет сначала ту часть армии, которая снабжалась Тремя державами, главной и подчиненной; и среди них отводит первое место войскам самого Илиона, как наиболее значительным и как тем, кто в первую очередь заинтересован. Следующая дана войскам Дардана, которые были связаны с первоначальным очагом расы, а следующие - контингентам, предоставленным подчиненными правителями остальной Трояды.

Его стремление к этому порядку напоминает нам, что географическое распределение в случае с троянским списком было простым и не требовало помощи ментальной геометрии, поскольку ему нужно было только проследить, почти на всем протяжении, единственную линию государств вдоль европейского и азиатского побережий. Это также укрепляет предположение о том, что, когда Гомер выбрал порядок, столь отличный и гораздо менее естественный и очевидный в случае с греками, им, должно быть, руководила какая-то особая причина.

Следует заметить, что из одиннадцати подразделений союзников двумя первыми являются пеласги и фракийцы. Поскольку кровь этих двух рас одинаково текла в жилах греков, приоритет, отданный им, возможно, был основан на этом родстве. Но это предположение подкрепляется нашим выводом о том, что, несомненно, на основании географического порядка ликийский контингент, имевший, во всяком случае, сильное греческое родство, идет последним из всех.

По причине, указанной в другом месте, мы должны рассматривать номера, присвоенные греческим контингентам, как приблизительное представление об их соответствующих силах: но отсутствие указания конкретных номеров вообще в Троянском каталоге само по себе является свидетельством его исторического характера. Троянская армия имела разный характер: мы также знаем, что союзные контингенты уходили и приходили, и что их отсутствие дома, вызванное не такими сильными мотивами, как у греков, было сокращено рельефами. Таким образом, мы находим Резуса со своими фракийцами, только что прибывшими в Десятую книгу[495]: Мемнон приезжает в Трою после смерти Гектора[496]: и нам рассказывают о

сыновьях Гиппотииона (Il . xiii. 792), которые ἑλλθον ἀποίβοι пришли в качестве рельефов накануне. Армия, собранная таким образом по частям и, следовательно, изменяющаяся по своему составу, не могла оставить после себя тех же доступных традиций. Опять же, разрушение самой Трои уничтожило то, что само по себе могло быть их хранилищем; и у Гомера, как у греческого барда, не было ни тех же мотивов, ни тех же средств для сбора подробной информации, которыми он, естественно, располагал в отношении своих соотечественников.

Следовательно, чем короче Каталог троянов, тем более ограниченной становится их сфера применения. В нем нет описания вооруженных сил: нет анекдотов, восходящих к нынешнему поколению: едва ли что-либо из того, что можно назвать особенностями характера или положения вождей. Это свидетельствует о большом знании географии и продуктов этих стран, но эти знания носят гораздо более общий и расплывчатый характер, чем те, которые он продемонстрировал почти в каждой части греческого каталога. Он вообще приводит здесь очень мало списков городов и никогда не использует эпитетов, заставляющих нас поверить, что он лично знал их местоположение и характер. Только Аристе - это Ἀῖα, а Лариса - Ἑριώλαξ. В двух или трех случаях он говорит о коммерческих продуктах; характеристика, которую, очевидно, он мог бы усвоить и без какого-либо личного опыта работы в этих странах. Он вообще не использует этот особый вид знака в описаниях Греческого каталога, и мы, возможно, можем правильно интерпретировать его там, где он появляется, как признак его недостатка ярких и экспериментальных знаний.

Он также иногда называет гору или реку. Но есть общее избегание определенных и характерных эпитетов, таких как (для обозначения Boeotian список покое) πετρήεσσα приведенный в Авлиде, πολύκνημος в Eteonos, εὐρύχορος в Mysalesos, ἑυκτίμενον в Медеон и Hypothebæ, πολυτρήρων для Фисбы, ποιήεις в Haliartos, πολυστάφυλος Арне, ἑσχατόωσα в Anthedon, возможно, одного или двух других случаях.

Другой существенный вывод напрашивается из совершенно иной структуры каталога троянов.

В целом, я думаю, эта расплывчатость описания не может не рассматриваться как противоречащая вере в то, что Гомер был греком из Малой Азии, если, по крайней мере, его сравнительные знания о двух странах по разные стороны Эгейского моря следует рассматривать как положительный или отрицательный признак его происхождения.

РАЗДЕЛ VI.

Об эллинах Гомера; и вместе с ними Эллада; Панэллины; Кефаллены; Эллыны или Селлы.

Эллада Гомера.

Далее мы должны исследовать значение эллинского имени в поэмах Гомера.

Оно встречается нам не в единичной форме, как пеласгический, а в группе слов, среди которых основными являются следующие:

1. Ἑληνες, Il. ii. 684.
2. Πανέλληνες, ibid. 530.
3. Σελλοὶ, Il. xvi. 234.

И, наконец, территориальное название

4. Ἑλας.

Соблюдая порядок наследования, как уже отмечалось, Мюр[497], мы должны, естественно, смотреть на слово Ἑλας в качестве руководства, чтобы смысл его производные, Ἑληνες и Πανέλληνες. Само оно заимствовано изσelloi или σελλοί: но поскольку это имя используется в Поэмах только один раз, и поскольку о слове Ἑλας свидетельствует гораздо больше свидетельств, решение по всей группе слов будет зависеть главным образом от исследования, которое нам предстоит провести по поводу употребления этого слова Гомером. Поэтому с этого мы и начнем. Есть ли, мы должны спросить, четкие доказательства того, что это вышло за пределы владений Пелея? Если это вышло за их пределы, то как далеко это зашло? и включал ли он в себя ту часть Греции, в которой лежал Локрис, жители которой принадлежали к определенному ряду каталожных классов панэллинов? Ибо никакое подозрение в фальсификации не может справедливо возникнуть из факта (если таковой имеется), что Гомер называет именем эллинов жителей какой-либо страны, которая сама входила в сферу территориального названия Эллада: поскольку это немногим больше, чем слово "Йоркшир", поскольку используется также слово "Йоркширцы".

Прежде всего, однако, важно отметить, что определенная гибкость в использовании географических, а также политических названий не могла не принадлежать эпохе, в которую жил Гомер: во-первых, из-за последовательных перемещений племен, подобно волне за волной, так что использование любого такого названия обычно было либо растущим, либо сокращающимся, но не постоянным; во-вторых, из-за неопределенных форм, которые принимала политическая власть, поскольку она основывалась на смеси в неизвестных пропорциях различных элементов обычая, соглашения, почтения и силы; и, в-третьих, из-за недостатка хорошо известных -определены географические границы.

Мы не вправе предполагать, что территория, которую мы называем Грецией, во времена Гомера была с точностью разделена между заданным количеством территориальных названий. Мы слышим о Фтии, Эгиале, Элиде, Аркадии, но это, по-видимому, скорее исключения, чем правило. Для многих его частей вообще нет местных названий; и мы не должны искать ничего похожего на то, как Англия состоит из своих графств, Франция - из своих департаментов или более поздняя Греция - из своих отдельных штатов.

Отрывки, в которых Гомер использует слово "Эллада", расположены в следующем порядке стихотворений:

1. Стих из Каталога, Ил. ii. 683:

οἳ τ' εἴ χον Φθίην ἥδ' Ἑλλάδα καλλιγυναῖ κα.

2. (Achilles loquitur), ix. 395:

πολλαὶ Ἀχαϊδὲς εἰ σιν ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε.

3. (Феникс *log.*), там же. 447:

οἷ' ὄν' ὅτε πρῶτον λίπον Ἑλλάδα καλλιγυναῖ κα.

4. (Феникс *log.*), там же, 478:

φεῦγον ἔπειτ' ἀπάνευθε δι' Ἑλλάδος εὐρυχόροιο,
Φθίην δ' ἐξικόμην ἐριβώλακα.

5. (В повествовании), Ил. xvi. 595:

Χάλκωνος φίλον υἷ' ὄν, ὃς Ἑλλάδι οἷ' κ' αἰών
ὄλβωτε πλούτῳτε μετέπρεπε Μυρμιδόνεσσιν.

6. (Пенелопа, *перевод*), Од. i. 344:

μεμνημένη αἰ εἰ
ἄνδρ' ος, τοῦ κλέος εὐρὺ καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος.

7. (Пенелопа, *перевод*), Од. iv. 724:

ἦ πρὶ ν μὲν πόσιν ἐσθλὸν ἀπώλεσα θυμολέοντα,
παντοίῃς ἀρέτῃσι κεκασμένον ἐν Δαναοῖσι,
ἐσθλὸν, τοῦ κλέος εὐρὺ καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος.

8. Пенелопа повторяет те же строки, Од. iv. 814-16.

9. (Ахиллес *рассказ.*), Од. xi. 494:

εἴ πε δέ μοι, Πηλῆος ἀμύμονος εἴ τι πέπυσσαι·
ἦ ἔτ' ἔχει τιμὴν πολέσιν μετὰ Μυρμιδόνεσσιν
ἦ μιν ἀτιμάζουσιν ἄν' Ἑλλάδα τε Φθίην τε.

10. (Менелай *говорит*), Телемаху, Од. xv. 80:

εἰ δ' ἐθέλεις τραφῆναι ἄν' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος,
ὄφρα τοι αὐτὸς ἔπωμαι, ὑποζεύξω δέ τοι ἵππους,
ὅσπερ δ' ἀνθρώπων ἡγήσομαι.

Из этих отрывков есть некоторые, которые допускают для слова "Эллада" сокращенное значение владений Пелея или даже простой их части. А именно следующее:

В (1) мы читаем часть описания страны, из которой были взяты силы Ахилла. Начиная со строки, которая ей предшествует, мы можем перевести так: "жители Алоса, и Алопе, и Трахина, и те, кто оккупировал Фтию, и Эллада прекрасных женщин". На первый взгляд из этого отрывка ясно, что, что бы он ни означал, смысл не требует, чтобы в данном месте он означал нечто большее, чем конкретный район, входящий в состав владений Пелея.

В (2), где Ахилл говорит, что в Элладе и Фтии много ахейских девушек, любую из которых он может взять в жены.

В (5), где нам рассказывается, что Батикл, сын Халкона, жил в Элладе, выделяясь среди мирмидонян процветанием.

И в (9), где тень Ахилла спрашивает, пользуется ли его отец Пелей по-прежнему царской властью в густонаселенной стране Мирмидонян, или он обделен и презираем на территории Эллады и Фтии.

Но между этими четырьмя отрывками есть различие. В (1), (5) и (9) Эллада объединена с Фтией. Теперь мы видели, что за пределами владений Пелея существовали фтии: если бы территориальное название Фтия было распространено подобным же образом, то возникло бы предположение, что Эллада также могла означать нечто большее, чем лежать в пределах этих владений. Но есть много отрывков, где Фтия используется без Эллады; и во всех них она используется для обозначения области, где правил Пелей. Поэтому, на первый взгляд, не исключено, что Эллада в этих отрывках имеет ограниченное значение части царства. И в отрывке, относящемся к Батиклам, сыну Халкона, ограниченный смысл предлагается еще более убедительно; однако, как мы сможем более ясно увидеть ниже, это никоим образом не требуется ни в этом, ни в каком-либо из этих четырех мест.

И из остальных отрывков совершенно ясно, что имя Эллада уже во времена Гомера начало приобретать более широкое значение.

В доказательство этого давайте возьмем, во-первых, два отрывка, в которых он стоит особняком. В II. ix. 444-8 Феникс говорит нам, что ничто не заставило бы его покинуть Ахиллеса; нет, даже если бы боги, избавив его от старости, снова сделали его молодым и энергичным, таким, каким он был, когда впервые покинул Элладу, страну прекрасных женщин, спасаясь от вражды со своим отцом Аминтором. Этот отрывок абсолютно доказывает, что слово "Эллада" использовалось Гомером, по крайней мере иногда, для обозначения какого-то ограниченного района, а не (как в последующие времена) для обозначения всей страны; поскольку Феникс иначе не мог бы сказать, что он *покинул Элладу* по этому поводу. Но, с другой стороны, это показывает, что границы Эллады были не такими узкими, как могли бы позволить нам предположить рассмотренные выше отрывки. Ибо Феникс продолжает описывать причину ссоры; и (478-80) говорит, что он отправился своим путем *через широкую открытую Элладу* и пришел в плодородную Фтию, к царю Пелею. Предположение, наиболее соответствующее формулировке этих отрывков, состоит в том, что Фтия составляла главный район владений Пелея, в то время как часть их, возможно, отошла (как мы видим в другом месте, возможно, так и было) под названием Эллада: но они абсолютно помещают резиденцию Аминтора за пределы царства Пелея; и поэтому, говоря, что Феникс покинул Элладу и что он бежал из своего дома через Элладу, они обязательно подразумевают, что Эллада, регион, из которого он бежал, находился, по крайней мере частично, за пределами того царства, в которое он бежал. .

Но эти отрывки будут прекрасно гармонировать друг с другом и с ранее рассмотренными, если мы предположим, что под Элладой подразумевалась вся Северная Греция в целом, но что конкретная ее часть была более определенно обозначена названием Фтии как главной резиденции Пелея и мирмидонян. Ибо тогда первоначальная обитель Феникса могла бы

находиться в Элладе, как он говорит (в ix. 447), и все же он продолжил бы свой путь через Элладу, как он говорит (ibid. 478), что он и сделал: и он также покинул бы Элладу, а именно придя во Фтию: и, более того, владения Пелея могли бы выходить за пределы того, что обычно называлось Фтией, и могли бы включать в себя некоторую часть Эллады, как, судя по Il. ii. 683, они, очевидно, и сделали.

Это предположение рекомендуется нам не только тем, что оно соответствует всем необходимым условиям и обеспечивает удобную конструкцию для всех рассмотренных нами отрывков, но и тем фактом, что Фтия, и только Фтия, обычно упоминается в поэме как родина Ахилла и мирмидонян, что показывает, что они имели более особое отношение к территории, известной под этим названием, чем к Элладе.

Если чего-то еще не хватает, доказательство дополняется двумя другими отрывками: первым (Il. x. 261-7), в котором говорится нам, что этот Аминтор, сын Ормена, жил в Элеоне; жил там постоянно, с тех пор как Автолик украл у него шлем, взломав его солидный, хорошо построенный дом,

πύκινον δόμον ἀντιτορήσας[498]:

и другой стих из Каталога[499], который помещает Элеон в Беотию. Таким образом, эти отрывки, по-видимому, ясно указывают на то, что название Эллада простирается до Беотии и что оно непрерывно простирается оттуда до Фтии. И если Эллада сводится к Беотии, то она включает в себя Локрис; и различные племена этих регионов могут быть включены в общее название эллины, хотя, по всей видимости, они еще не назывались так фамиллярно и обычно. И если Локрида и Беотия, с частью Южной Фессалии (владения Пелея), включены в диапазон названия Эллада, у нас не может возникнуть трудностей с предположением, что оно включало также Северную Фессалию, которая, должно быть, была путем эллинов на Юг.

Но мы находим ἄλλας в другом сочетании, помимо сочетания с Фтией, в четырех отрывках "Одиссеи" (один из них является простым повторением другого), которые нам еще предстоит изучить.

Теперь строка Od. iv. 726, повторенная 816, находится под подозрением, справедливость которого не стоит подвергать тщательному анализу: поскольку идея и сила ее точно такие же, как у Od. i. 344,

Ἀνδρὸς, τοῦ κλέος εὐρὺ καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος.

Этот отрывок описывает славу Улисса, распространившуюся по всей Элладе и среднему Аргосу; (или от сердца Аргоса до его окраин, прямо через весь Аргос). И снова в Од. XV. 80, когда Телемах предложил вернуться домой немедленно от двора Менелая, его хозяин мягко отговаривает его от поспешности, и советует более продолжительный тур, καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος, предлагая взять его лошадей, и чтобы показать ему города, или обеспеченных жилыми помещениями, 'мужчинами.

Значение слова Ἄργος будет рассмотрено позже: для настоящей цели достаточно заметить, что слово μέσον, употребленное Менелаем в сочетании с Элладой, само по себе не позволяет нам применять его просто к узкому уголку Пелопоннеса, в котором находился город Аргос; и, следовательно, оно едва ли может означать меньше, чем Пелопоннес. И не менее очевидно,

что какой бы ни была сила этих слов, взятых по отдельности, их эффект, взятый вместе, вряд ли может быть меньшим, чем этот: Менелай, должно быть, имел в виду Грецию в целом, как место предполагаемой экскурсии. Ибо нет такой определенной части Греции, которой, в соответствии со словами и смыслом, он мог бы ограничить свое значение. Если бы мы могли предположить, что он имел в виду Пелопоннес только под двумя названиями Эллада и Аргос, которые он использует в этом месте, мы бы только расширили тем самым гомеровский смысл слова Эллада; ибо мы уже перенесли его с севера в Беотию; и мы должны, предлагаемым сейчас способом, перенести его через перешеек и над Пелопоннесом или, по крайней мере, над некоторой его частью. Но даже если Менелай имеет в виду только Пелопоннес, что крайне маловероятно, совершенно невероятно, чтобы таково было значение Пенелопы в Од. i. 344. Как язычница, она не хотела ограничивать известностью мужа, чтобы любой сфере, менее широкий, чем в Греции.

Мы уже видели, что Эллада иногда определенно включает территорию от Южной Фессалии до Беотии и, вероятно, Фессалию в целом: и совершенно очевидно, что, если речь идет о Беотии, то она на этом не заканчивается, а применяется ко всей Средней Греции, региону между Фессалией и перешейком: ибо применение термина "Эллада" могло прекратиться только на каком-нибудь крупном естественном разделении страны, а перешеек здесь единственно возможный.

Теперь название Аргос связано с Фессалией[500], но гораздо более конкретно связано с Пелопоннесом, как мы увидим из ряда отрывков. У Гомера это вообще не имеет отношения к тому делению страны, которое мы называем Средней Грецией.

Предполагая, что это, таким образом, означает Пелопоннес, в этом случае Эллада означает Середину по отношению к Северной Греции: и два названия Эллада и Аргос, взятые вместе, полностью и удобно выражают всю страну. Единственные изменения таковы, что придали бы Элладе более широкий смысл; что касается этого отрывка, то он ни в коем случае не может допускать более ограниченного смысла.

Приведенный выше аргумент в определенной степени подтверждается тем фактом, что, хотя территориальные названия часто встречаются для пелопоннесской части Греции (у нас есть ахейский Аргос, Ясский Аргос, Элида, Аркадия, Лакедемон), континент к северу от перешейка обычно не имеет территориальных названий: Фтия и пеласгический Аргос, я думаю, являются единственными исключениями. Таким образом, перед нами пробел, который, по-видимому, удобно заполнить названием "Эллада" в том виде, в каком оно было здесь истолковано.

Такое построение некоторых отрывков, в которых содержится слово "Эллада", не должно быть принято читателем врасплох. Но если, подобно мне, после тщательного изучения он согласится с его справедливостью и необходимостью, тогда он обнаружит, что оно имеет первостепенное значение для выяснения гомеровской истории; поскольку оно дает ключ к другим, вызывающим много споров случаям использования эллинского имени.

Во-первых, я утверждаю, что если мы теперь рассмотрим десять отрывков, в которых Гомер говорит об Элладе, и примем во внимание, что в некоторых из них это слово не может быть истолковано как имеющее значение меньшее, чем, с некоторой неопределенностью относительно границ, Северная и Средняя Греция в целом, мы также обнаружим, что среди всех этих отрывков нет ни одного, в котором оно не имело бы, по крайней мере, того же смысла. Я не

отрицаю, что мы можем утверждать, что Эллада, в которой жил Халкон, была всего лишь областью Фессалии, и что Гомер в разных местах придает этому слову разные значения. Но если есть смысл, по существу, такой, который будет подходить слову везде, где оно употребляется, то представляется наиболее разумным в целом придерживаться этого смысла. Такое значение мы, я думаю, нашли для Эллады, заключив, что оно используется для обозначения Северной и Средней Греции. В этом смысле она превалирует над Фтией и включает ее в себя, как Франция превалирует над Эльзасом или Бургундией. Но поскольку было время, когда Эльзас и Бургундия до нынешнего состояния инкорпорации могли либо называться Францией, либо не принадлежать Франции, без возмутительной вольности выражений в любом случае, так что, возможно, земля Фтия была для Гомера либо частью Эллады, либо провинцией, выделенной из Эллады особой оккупацией мирмидонян, в зависимости от обстоятельств. Не то чтобы он не соответствовал фактам, но факты сами по себе были неопределенными. Для наших привычек, при которых каждая пядь земли кому-то принадлежит, эта неопределенность совершенно странна; но во времена, когда присваивались только отдельные участки тут и там и не было всеобщей оккупации, это было совершенно естественно, и по-настоящему странным было бы ее отсутствие. Соответственно, когда Феникс говорит, что покинул Элладу, он называет Фтию, название места, которого он достиг, его исключительной силой. Когда он говорит, что Халкон жил в Элладе среди мирмидонян, он, вероятно, имеет в виду Фтию, но теперь рассматривает Фтию как охватываемую более широким обозначением. Когда Гомер говорит нам, что воинами Ахилла были те, кто населял Алос, Алопу и Трахин и кто оккупировал Фтию и Элладу, мы подразумеваем под тремя первыми особыми местами, которые заселили мирмидонцы, под Фтией - более обширную область, которую они настолько усеяли своими поселениями, что сделали ее исключительно своей, а под Элладой - окружающую местность, на которую они более или менее распространились.

Предполагая, что значение слова "Эллада" теперь достаточно выяснено, возникает следующий вопрос: как получилось, что эта страна, которая была описана, носит название Эллада? И этот вопрос допускает только один ответ. Она могла называться Элладой только потому, что эллинские племена стали ее хозяевами, ее правящей расой, хранителями политической и военной власти в различных регионах.

Следовательно, мы должны понимать, что, согласно Гомеру, племена, предположительно эллинского происхождения, были настолько распространены по этой стране, что начали, по крайней мере, присваивать ей свое название, хотя и не полностью вытеснив все более древние названия, такие как Πελασγικὸν Ἄρους, и хотя это не исключает появления названий, возможно, более поздних, безусловно, более специфичных, таких как Фтия.

Эллины Гомера.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению силы, согласно использованию Гомером имен, происходящих из Эллады. В общепринятом понимании это

1. Ἕληνες,

2. Πανέλληνες,

и к этому я позволю себе добавить:

3. Κεφάλλληνες.

Первое из них встречается только в II. ii. 684. Здесь, после описания мест, из которых пришли войска Ахилла, поэт переходит к их обозначению:

Μυρμιδόνες δὲ καλεῖντο καὶ Ἕληνες καὶ Ἀχαιοί.

Мы находим исключительное использование[501] слова "мирмидонцы" для обозначения силы Ахилла на протяжении всей Илиады, за исключением этого единственного места; несмотря на то, что Феникс, который был повелителем Долопов, командовал одной из пяти дивизий[502], и поэтому мы можем предположить, что определенная часть силы была долопианской. Исходя из этого исключительного употребления, мы не можем сомневаться, что название мирмидонян относилось именно к ним, как к правящему племени среди подданных Пелея.

Если бы мы нашли причину истолковать слово Ἕλλας в предыдущей строке как означающее только район его владений, из этого следовало бы, что Ἕληνες означало жителей этого района; и что часть воинов Ахилла были скорее эллинами, чем мирмидонцами, в силу местного названия. Но из того, что мы уже сделали об Элладе, следует, что название эллины было применимо ко всем мирмидонянам, поскольку они сами были жителями Эллады, то есть Фтии, которая принадлежала Элладе.

И попутно следует заметить, что, хотя мирмидоняне населяли Фтию, их никогда не называют фтийцами; и мы вообще никогда не слышим о фтийцах у Гомера, за исключением того отрывка, где они описаны как участвовавшие вместе с локрийцами и другими в отражении нападения троянцев[503]. Там они описаны как находящиеся под командованием Медона и Подаркеса. Но в Каталоге Подаркес и Медон[504], в качестве заместителей Протесилая и Филоктета соответственно, командуют вторым и четвертым фессалийскими контингентами, которые прибыли из районов, лежащих недалеко от королевства Пелей. Следовательно, либо фтианское название распространялось за пределы Фтии, либо фтианцами были те, кого мирмидоняне недавно изгнали и чьи земли они заняли.

Мы не можем окончательно установить значение слова Ἀχαιοί в этом отрывке, кроме как предвосхищая результаты исследования, к которому мы еще не приступали. Но даже на этом этапе можно заметить, что ориентация прохода несколько неблагоприятна для чисто местной конструкции для него. Если Мирмидон был строго собственным именем, то ахейцы, должно быть, были обозначением, которое было свойственно не только мирмидонцам, но которым они пользовались вместе с другими. И все же, с другой стороны, не общее со всеми греками, но в каком-то смысле более ограниченное, чем то, в котором оно обычно применяется ко всей армии. Ибо в этом широком и общем смысле каждый контингент армии был ахейским, и Гомер, конечно, поэтому не упомянул бы ахейского имени в отношении какого-либо конкретного. Трудно не заметить, что, следя за большой ясностью и аккуратностью в Каталоге, он систематически избегает введения своих общих названий для армии. Мы вообще никогда не читаем в нем о данайцах или аргейцах, а об ахейцах - только дважды[505]. Итак, поскольку сам отрывок направляет нас, он указывает на предположение, что те, кого называли мирмидонцами должным образом, чтобы отличать их от всех остальных, и эллинами, потому что они были (как и другие) жителями Эллады, также принадлежали к определенному классу или расе греков, к которым название αἰοί было применимо в некотором отличительном смысле. Соответственно, эти три наименования - не так уж много синонимов, но каждое из них, вероятно, имеет свою собственную надлежащую сферу применения.

Фукидид[506] говорит со своей обычной точностью, когда говорит, что Гомер не дал названия эллины ни одной части армии, за исключением войск Ахилла из Фтиотиды. Однако он не идет дальше утверждения, что это слово еще не превратилось в универсальное название для греков, утверждения, которое, насколько можно судить по свидетельствам Гомера, неоспоримо. Но это не требует от нас также отрицать, что Эллада Гомера простирается за пределы Фтии и что название эллины, возможно, уже тогда начинало присоединяться к жителям других частей Эллады, хотя, возможно, пока менее прочно, чем к мирмидонянам.

Панэллины Гомера.

Принимая во внимание эти факты, я совершенно не в состоянии следовать за теми, кто на основании внутренних свидетельств осудил тот стих из Каталога, в котором мы находим упоминание о панэллинах.

Говоря об олейском Аяксе, полководце локрийцев, поэт говорит (Ил. ii. 530):

ἐγχεῖν δ' ἐκέκαστο Πανέλληνας καὶ Ἀχαιοῦς.

Нет грамматической необходимости в том, чтобы мы делали эти два слова равнозначными; и я не верю, что любое из них по отдельности, как здесь используется, передает всю силу этих двух слов, хотя, возможно, вместе они могут нести утверждение, что он был лучшим копейщиком в армии.

Если бы во времена Гомера существовала Эллада, населенная множеством племен, то, поскольку эти рассеянные племена можно было бы с полным правом называть эллинами, даже без учета авторитета постоянного употребления, их можно было бы с таким же правом объединить в термин панэллины, который означал бы все племена, включая локрийцев, населявших Элладу, или Северную и Среднюю Грецию. Таким образом, поскольку ахейское имя было в то время более заметным и выделяющимся на Пелопоннесе[507], чем в любой другой части страны, поэт может в этом месте под Ἀχαιοὶ подразумевать Южную или Пелопоннесскую Грецию; таким образом, двумя эпитетами вместе обозначается вся армия. Или он может иметь в виду всех тех, кто в Элладу или за ее пределами принадлежал к чистой ахейской расе (предполагая на данный момент, что такая раса существовала); и, таким образом, может здесь утверждать, что Аякс превзошел всю Элладу и даже всех ахейцев в Элладу или за ее пределами, используя последнее из двух слов в качестве кульминации. Я не отрицаю, что он также может быть истолкован как означающий все воинство в целом под Ἀχαιοὶ, что согласуется с обычным его употреблением; но это менее вероятно, поскольку название, понимаемое таким образом, не было бы отличительным.

Также я не вижу никаких причин сомневаться в том, чтобы рассматривать гомеровское имя κεφάληνες как одно из его эллинской группы имен. Как и в случае с τελασγοί, здесь мы имеем имя, образованное сочетанием разных слов. Слово "голова", по-видимому, было представлено корнем "гибкая структура". На санскрите это *капала*[508], по-гречески κεφάλη, по-латыни *caput*: но оно также встречается в немецком *kopf*, и в греческом κόπτειν, 'бодаться', и в κύβη, κυβιστάω, κυβερνάω. Таким образом, слово κεφάληνες, по-видимому, образовано самым прямым образом от корня κεφ, означающего 'голова', и λληνες: и, таким образом, оно одновременно относит Улисса, по крайней мере, с доминирующей расой среди его подданных, к эллинскому роду, и указывает на тенденцию эллинского имени, даже во времена Гомера, воспроизводить себя и распространяться за рубежом.

Опять же, мы наблюдаем в его редком использовании κεφάληνες тех же знаков, что и вλλήνες и πανέλληνες, что сила имени только росла с момента его зарождения. Ибо это слово употреблено всего дважды в "Илиаде" и не более четырех раз в "Одиссее", где постоянно есть повод обратиться к сюжетам "Улисса" или поговорить о них. Мы находим в этом стихотворении Ἰθακῆσιοι одиннадцать раз ιααίοι постоянно.

Разобравшись с гомеровскими производными от Эллады[509], давайте теперь перейдем к слову, от которого оно само произошло; очевидно, что в греческом языке Эллада означает страну, которая была оккупирована эллинами.

О людях, которых так называют, либо по форме, начинающейся с придыхательного, либо по форме σελλοί, мы находим очевидные следы Гомера в Геллеспонте, Ἀλλήσποντος; в различных реках, называемых σελληεῖς; и в обращении Ахилла к Юпитеру, которое помещает селли на север Фессалии, около зимней Додоны, и, кажется, указывает на то, что они все еще оставались народом самых грубых привычек в своем горном доме[510];

Δωδώνης μεδέων δυσχεμέρου· ἄμφι δὲ Σελλοί
σοὶ ναίουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες, χαμαιεῦναι.

σελλοί Гомера.

Слово ἄλλοι, по-видимому, не является наиболее вероятным прочтением текста этого призыва; поскольку оно предполагает неудобную загрузку предложения двойным местоимением σε и σοί. Но не может быть никаких сомнений в его тождестве с σελλοί. Независимо от филологических аргументов, существует сильнейшее предположение, что в этом месте Ахилл намеревается назвать своих собственных национальных предков, которые были служителями бога; которые дают ему, так сказать, право призывать на помощь действительно пеласгического, но поэтому подлинного Юпитера Додонского. Но филологические исследования, по-видимому, лучше всего подтверждают то обстоятельство, что во многих случаях греческих слов, которые сейчас начинаются с придыхательного, была одна (или более чем одна) начальная буква, и что часто этой буквой была *сигма*. Вокруг этого предмета нависла большая неясность из-за того факта, что открытия происходили по частям, и что долгое время слово *digamma* использовалось для обозначения того, что изначально заполняло пустоту, ныне существующую во многих местах гомеровского стихосложения. Чем могла быть эта *дигамма*, оспаривалось; но, возможно, почти незаметно, предполагалось, что это всего лишь какая-то одна буква или звук. Но по мере дальнейшего продвижения расследования было обнаружено множество форм утерянного письма или писем, а также стало ясно, что пробелы следует заполнять по-разному, а не каким-то одним единообразным способом. Очень простые примеры, не может быть никаких сомнений по поводу личности ἔξ, ἔπτα, ὕς, с *сексом*, *Септем*, *Сус*: ни каких сомнений существенная идентичность ὕδωρ и *судорь*, ῥῶς и *suavis*, ἑκυρὸς и *socer*: нет, следовательно, σ должны быть поставлены, а не φ, ψ, или ν, в коридоре φίλε ἑκυρέ[511]. Хотя действительно возникает предположение[512] из немецких слов *schwieger* и *schwäger*, что могла произойти двойная или даже тройная потеря и что отрывок мог иметь длину φίλε σφεκυρέ. При таких обстоятельствах, в случае перед нами, где мы обе формы представлены, не может быть никаких сомнений в личности Ἐλλοί и Σελλοί: в первой представлены в Ἑλλάς, Ἑλληνες, Ἑλλάσποντος, и Ἑλοπία Гесиода: другой лет и старше поддерживается Σελληεῖς.

Есть еще один любопытный и поучительный случай, в котором у нас все еще сохранилась более старая форма слова σελλοῖ : помимо формы Προσέληνοι, на которую уже делался намек при рассмотрении случая с аркадянами-пеласгами. В "Птицах" Аристофана драматург высмеивает Афины и Сицилийскую экспедицию под названием "город в облаках", называемый ΝεφέλοκοκκυΐΑ; цель состоит в том, чтобы разоблачить высокомерие великих притязаний, не имеющих достаточных средств для их поддержки. Там, по его словам, лежит большая часть имущества Феагена и все имущество Эсхина. Этого Феагена звали κάπνος, дым, потому что он много обещал и ничего не делал. Æschines был нищий, который претендовал на то, чтобы богатства. В Scholiast добавляет, ἦν δὲ Αἰσχίνης Σελλοῦ. "Ἐργον δὲ ἐκ μεταφορᾶς τοιοῦτους Σελλοῦς· καὶ τὸ ὀλαζονεύεσθαι δὲ, σελλίζειν[513]. Кэри думает, что термин σελλίζειν произошел от Селлуса, отца этой Эсхины. Но, во-первых, кажется трудным полагаться на схолиаста в том, что он знал, а тем более точно записал имя отца малоизвестного человека, жившего в эпоху Аристофана. Во-вторых, если Эсхинес был малоизвестным человеком, то крайне маловероятно, чтобы имя его отца стало корнем греческого слова, описывающего определенную привычку или склонность. Такие слова (например), как hectoring и rhodomontading, предполагают большую знаменитость в лице человека, на имени которого они основаны. Наконец, вывод из древнего σελλοῖ кажется совершенно естественным, а также адекватным данному случаю. В какой-то степени это характерно для тех, кто в стесненных обстоятельствах ведет свою родословную к очень древнему роду, вместо того, чтобы полагаться просто на солидную честь своего происхождения, все еще притворяться обладателем перешедшего к ним богатства: играть для себя роль, которую желает сыграть Кaleb Болдерстоун, не от своего имени, а от имени Хозяина Рейвенсвуда в "Ламмермурской невесте" Скотта; и в целом быть чувствительным, или, что называется, щекотливым в этом вопросе, и в целом склоняться к известному хвастовству, в общем с νεοπλοῦτοι на другом конце шкалы. Существует большая разница между отношением к схолиасту как к свидетелю существования и силы расхожей фразы и принятием на веру его слов о происхождении такого ничтожества, как этот Эсхин, живший задолго до него. Возможно, однако, нет необходимости толковать σελλίζειν исключительно или даже специально применительно к ушедшей в прошлое гордыне богатством. Если мы в дальнейшем покажем для Селли[514] персидского происхождения, то, даже без какого-либо учета изменения обстоятельств, фраза сразу же возвращает нас к описанию персами своих предков, данному Геродотом. Πέρσαι, φύσιν ἔόντες ὕβρισταί, εἰ σὶ ν' ἀχρήματοι[515].

Далее у меня также будет возможность заметить одно или два других слова, по-видимому, родственных σελλοῖ.

РАЗДЕЛ VII.

О соответствующем вкладе пеласгийского и эллинского факторов в формирование греческой нации.

Вклад в мифологию.

В этой попытке этнологического обзора мы подошли к тому моменту, когда греческий полуостров отказывается от своего старого пеласгийского характера и становится объектом преобладающего эллинского влияния.

Итак, теперь, прежде чем мы рассмотрим отношения и последовательность великих гомеровских наименований эллинов, по-видимому, настало время рассмотреть, как обстоят дела между этими племенами и пеласгами, и каков, насколько мы можем судить по вероятным свидетельствам, соответствующий вклад этих двух источников в целостный характер греков и их институтов.

В случае с Грецией, известной нам по истории, мы имеем самую заметную диспропорцию между моральной и физической мощью, а также между зеленым и полностью выращенным продуктом, на которую можно посмотреть во всем спектре человеческого опыта. В очерченной стране, с малочисленным населением, бросает вперед, без потери жизненной энергии, на Восток и на Запад, колоний значительно превосходя себя, как представляется, в богатстве и населении; продолжается на протяжении многих веков для осуществления первичного влияния в мире; одно время сопротивляется и отталкивает, в другой захватывает и пугает, на третьем сметает и давит на атомы великий колосс Восточной империи, и продолжает упражнение, при посредстве ума, единственном числе масТери, Несокрушимая вплоть до наших времен, и, вероятно, еще терпеть, за цивилизованного человека. И даже миниатюрная организация Греции представляет нам, в своих собственных пределах, разнообразие характеров, достаточное почти для четверти земного шара.

Многие из этих различий связаны с этнологическим формированием различных сообществ. В ходе этого процесса, насколько можно судить, определенные примеси иностранного влияния поступали непосредственно из Финикии, Египта или откуда-либо еще: но главными составляющими частями или факторами в этом сложном продукте являются две: эллинская и пеласгическая. Об этой двойной комбинации, возможно, свидетельствует двойное обращение к Ахиллесу (Ил. xvi. 233, 4).

Развитие национального характера является наиболее значительным и разнообразным в Аттике, где население в результате последовательных иммиграций групп беженцев и всеобщего свободного обращения и приема чужеземцев представляло также самую многочисленную и разнообразную этническую группу.

Анализируя этот национальный характер, который, таким образом, возник в результате объединения ингредиентов, главным образом эллинского и пеласгического, мы должны теперь спросить, насколько его различные элементы соотносятся соответственно с пеласгическим или эллинским корнем? Мы в некоторой степени проследили ход развития и местные границы рас: можем ли мы приписать им какой-либо вклад, который они по отдельности внесли в разнообразие нравов и институтов Греции?

Доказательством, насколько оно конкретно, может быть только то, что дают вероятные и предположительные доказательства: но это доказательство подтверждается тем фактом, что в целом оно ведет к упорядоченному результату.

Хотя они происходят из разных источников и сохранили видимые и даже постоянные различия в характере, между эллинской и пеласгической расами нет резкого различия: они представляют собой хороший материал для слияния. Мы не должны предполагать, что все, что было у одного, не было у другого. Из того, что исторически принадлежит пеласгам, многое может оставаться их собственностью только благодаря их приоритету въезда в страну.

Я предлагаю выяснить, какие свидетельства можно почерпнуть либо из филологических источников, либо из текстов Гомера, чтобы пролить свет на различные занятия и тенденции этих рас, такие как Религия, политика, Война, игры, Поэзия, Охота и мореплавание.

Однако по некоторым из этих пунктов мы должны в некоторой степени предвосхищать результаты, которые будут полностью получены только в результате последующих исследований.

Эти стихи не дают нам полного и решающего критерия для различения вклада эллинов и пеласгов соответственно в греческую религию.

Однако в дальнейшем мы найдем множество подробных свидетельств, относящихся к этому предмету.

Пока я должен ограничиться двумя очень общими положениями, которые основаны на отношениях греческой религии с религиями Трои и Италии.

Во-первых, по-видимому, существует предположение, которое может иметь для нас определенный вес в отсутствие контраргументов, что те части греческой религии, которые были общими для греков с троянцами, были пеласгийскими, а те, которые не были общими, не были пеласгийскими. Но из тех частей, которые были обычными и, следовательно, пеласгийскими, многие, возможно, изначально тоже были эллинскими.

Опять же, между Грецией и Италией существуют отношения относительно составных частей их соответствующего населения, которые, не будучи чрезмерно напряженными, прольют значительный свет на вопрос об эллинских и пеласгических атрибутах.

От грека или итальянца классических времен нельзя было ожидать родства с тем, что лежало к северу, на каждом из этих двух полуостровов. Следовательно, римлянин, чьи исследования привели его к предположению о существовании пеласгов в Италии, мог вывести их только из Греции. Для нас дело обстоит совсем иначе; и мы должны просто рассматривать пеласгов Греции и пеласгов Италии как две из множества ветвей, которые в разное время отделились от главного ствола разветвленной расы, вероятно, распространившейся по многим частям Азии и Европы. В Греции и Италии, соответственно, эти пеласгические племена вступили в новые комбинации, вероятно, не совсем отличающиеся друг от друга и, с другой стороны, никоим образом не совпадающие в точном соответствии.

Возможно, окажется, что мы не выходим за рамки скромности, которой требует данный случай, когда мы просто установим это правило: соответствия в религии или языке между Грецией и древней Италией вызывают предположение, что те черты каждой страны, в которых наблюдается соответствие, имеют пеласгическое происхождение.

Нечто подобное мы можем наблюдать и в отношении религии. Религия гомеровской Греции отличается от религии Рима не только второстепенными божествами, но и именами, данными многим из великих божеств, и особенно гораздо более образным характером ее традиций.

Те части религии Греции и Рима, которые были общими для обеих, вероятно, были пеласгийскими.

Давайте сначала возьмем те имена, которые соответствуют друг другу, а затем те, которые отличаются.

(I.) Имена божеств, соответствующие греческому и латинскому языкам:

1. Ζεύς Deus.
2. Ζεύς-πάτηρ Jupiter.
3. Ἀπόλλων Apollo.
4. Ἴστιή Vesta.
5. Λήτω Latona.
6. Περσεφόνη Proserpina.
7. Ἄρης Mars or Mavors.

(II.) Имена божеств, которые никоим образом не соответствуют греческому и латинскому языкам:

1. Ἥη Юнона.
2. Ποσειδῶν Нептуна.
3. Ἀδώνευς Плутон.
4. Ἀθήνη Минерва.
5. Ἥφαιστος Вулкан.
6. Ἑρμῆς Ртути.
7. Ἀφροδίτη Венеры.
8. Ἄρτεμις Diana.
9. Δημήτηρ Ceres.
10. Διόνυσος Bacchus.

По поводу божеств из первого списка можно сделать два замечания.

Во-первых, оно в целом охватывает богов, которые, как мы обнаружим, являются самыми древними среди греческих божеств; за заметным исключением, однако, Минервы[516].

Во-вторых, в нем мы не находим божества, принимавшего участие на стороне греков, то есть пеласгов, в Троянской войне. Единственные два имени, которые не фигурируют на троянской стороне, - это Веста, которая у Гомера вообще не персонифицирована, и Прозерпина, которая из-за своего темного владычества не могла участвовать в войнах, введущихся на земле.

С другой стороны, когда мы обращаемся ко второму списку исключительно греческих имен, мы обнаруживаем, что в нем указаны все божества, участвовавшие в сражении против Трои, и только два второстепенных имени дружественных ей божеств.

Марс и Венера, оба задействованные на стороне троянцев, и одно из них стоит в первом списке, являются божествами, в честь которых, согласно Овидию[517], были названы два первых месяца римского года в первую эпоху города.

Однако было бы небезопасно безоговорочно полагаться на кажущееся повторное появление определенных имен в латинском языке без более полного знания законов различения ранней мифологии римлян и формы, которую приняла их религиозная система в период, когда они вступили в свободное общение с Грецией и ее колониями, откуда, поскольку они, несомненно, заимствовали некоторые имена божеств, такие как Паллада и Феб, они могли заимствовать и другие. Например, у нас нет доказательств того, что Аполлон занимал видное место или даже того, что он был известен в древнеримском богослужении. Цицерон[518] говорит, *Джем Аполлинис номен эст Грек*. Тем не менее, в Риме ему был воздвигнут храм[519] еще в 430 году до нашей эры; и симпатии большинства божеств из первого списка к троянцам в некоторой степени показывают как то, что они были хорошо известны в религии пеласгов, так и то, что многие из старых частей мифологии были общими для троянцев, ранних римлян и пеласгов Греции. .

Религия пеласгов менее богата воображением.

Мы можем более смело полагаться на общее указание, которое предлагают нам религиозные системы как Рима, так и Трои в сравнении с греческими.

Обширный отчет о римских божествах, приведенный святым Августином в его "О гражданстве божьем", представляет для нас главное представление о великой работе Варрона, ныне утраченной, о "Древних рерумах Божественных". Несмотря на всестороннее развитие теургической системы, "О гражданстве", как правило, подтверждает веру в то, что она не была оживлена, подобно системе греков, интенсивной всепроникающей силой энергичного и плодovitого воображения. Возможно, о "Фасти" Овидия можно сказать, что они придерживаются того же мнения. И Гейне в своем комментарии к Вергилию заметил о сравнительной скучности и сухости ранней мифологии Рима: *Итальянская мифология долгое время была греческой сказкой, отсутствующей в чистом виде; некоторые разновидности грата в ней есть*[520].

В более поздней части этой работы[521] Я попытаюсь показать, что подобный характер, по-видимому, присущ религиозной системе Трои: не столько чистоте или простоте, сколько сравнительной бедности и жесткости; и нежеланию изобретений принимать те изящные формы, которыми так полна греческая теомифология, представленная у Гомера.

И снова, когда мы переходим от Гомера к Гесиоду, мы находим огромное количество религиозных басен, либо добавленных более поздним поэтом, либо выросших в промежутке между ними. Хранилища Гесиода гораздо более многочисленны; но мы сразу перешли от поэзии теогонии к ее простейшей прозе, когда сравнили его манеру касаться или оперировать и его идеи по этим предметам с идеями Гомера. И, поскольку на других основаниях мы можем считать Гесиода представителем пеласгийской стороны греческого мышления, нам кажется оправданным в некоторой степени соотносить отличительный тон его мифологии с его пеласгийскими характеристиками.

Но независимо от подтверждения на примере Трои и от тона Гесиода, характер древнеитальянской мифологии, столь лишенной воображения, силы и изящества, заставляет

нас приписывать эти свойства, когда мы находим их в изобилии в греческом сверхъестественном мире, его непеласгийскому, то есть эллинскому источнику.

Его ритуальное развитие более полное.

Когда, однако, мы обращаемся к другой форме развития религиозных систем, мы обнаруживаем совершенно иную ситуацию: я имею в виду развитие позитивных обрядов всех видов и устойчивых институтов собственности и класса. Здесь религия Рима была обширной и обильной. Полибий оставил запись, в самом замечательном отрывке, о своем восхищении римской системой $\delta\epsilon\iota\sigma\iota\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\acute{o}\nu\iota\alpha$, которая, по его словам, была так развита и доведена до такой степени, что ее невозможно было превзойти. Все это было сделано, по его мнению, из-за множества людей. Государства, состоящие из мудрых, дело было бы иначе: но как люди, полные легкомыслия и страсти, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\tau\alpha\iota\ \tau\omicron\acute{\iota}\varsigma\ \acute{\alpha}\delta\eta\lambda\omicron\iota\varsigma\ \phi\acute{o}\beta\omicron\iota\varsigma\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \tau\eta\ \tau\omicron\iota\alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\ \tau\rho\alpha\gamma\omega\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\acute{\alpha}\pi\lambda\acute{\eta}\theta\eta\ \sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ [522].

Не менее примечательно свидетельство Дионисия; который, восхваляя Ромула за суровую простоту того, чему он научил и чего придерживался в отношении религии, и за искоренение безнравственных басен и обычаев, говорит, что он организовал для своего народа все, что касалось храмов богов, их освященных земель, их алтарей, их изображений, их форм, их *знаков отличия*, их прерогатив и их даров людям, жертвоприношений, которыми они наслаждаются, праздников и собраний, которые следует отмечать, и отпусков от труда, которые должны предоставляться в их честь. Ни в одном другом недавно основанном городе нельзя было увидеть такого множества священников и служителей богов[523], которые также были выбраны из самых выдающихся семей[524].

"Фасты" Овидия дают представление о том, каким образом римский календарь приносил религиозный церемониал в течение жизни. В течение нескольких столетий знакомство с Календарем было исключительной собственностью священного ордена[525]; и жречество обратило в свою пользу знания, которые впоследствии заполнили страницы этого характерного труда.

Опять же, у нас будет возможность, рассматривая отличительный характер Трои, заметить, что политические и ритуальные формы религии, по-видимому, были там гораздо более развиты, чем у греков. Это различие, естественно, связано с более крепким пеласгийским настоем в первом случае. Тогда мы обнаружим, что из двух великих видов священного служения только одно - служение $\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\varsigma$, а не жречество, - по-видимому, во времена Гомера принадлежало эллинским расам.

И не мало любопытно наблюдать, что, когда святой Павел прибывает к афинянам, момент, который он обращает внимание на их характер и обычаи, после всех изменений, которым они подверглись, по-прежнему заключается в том, что они являются $\delta\epsilon\iota\sigma\iota\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\acute{o}\nu\epsilon\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\iota$ [526], особенно склонные к религиозному ритуалу; и что, не довольствуясь богами, которых они, как им кажется, знают, они также имеют дополнительный алтарь для "Неизвестного Бога". И тем не менее у нас нет никаких оснований связывать эту особенность с первоначальным и долго сохранявшимся пеласгийским характером Афин, потому что этот город за столетия до этого стал особенно подходящим представителем всего греческого комплекса: ибо система ритуальных обрядов имеет постоянство, которое не зависит от простого мнения; и, однажды укоренившись в стране, имеет мощные тенденции приобретать такую прочность, которая сохраняется до сих

пор. превратность: возможно, в какой-то степени из-за ее нейтрального и мирного характера и той способности, которую она дает людям, разделять внешнее соблюдение и внутреннее действие.

Хотя существовало мнение, что с самых ранних веков приносить жертвы было исключительной привилегией перворожденных, представляется наиболее вероятным, что отдельная функция священства, подобно другим должностям и профессиям, формировалась постепенно. Независимо от того, был ли первобытный институт жертвоприношения спонтанным или предписанным, каждый мужчина, то есть каждый глава семьи, был, я полагаю, сначала сам себе приносящим жертву или священником[527]. Затем, по мере того как домашнее хозяйство перерастало в общину, должность священника на первых этапах развития политического общества, как само собой разумеющееся, принадлежала вождю.

Он, по необходимости естественного порядка вещей, первоначально объединил в своем лице великие функции

1. Отец.
2. Учитель.
3. Священник.
4. Царь.
5. Собственник.
6. Командир.

Рано или поздно последовало бы прекращение работы этих офисов, в зависимости от того, быстрым или медленным был прогресс в численности и богатстве. Концентрация занятий в одних руках отмечает примитивное состояние или замедленное движение общества, в то время как разделение труда является признаком более быстрого и продвинутого развития. Даже летописи народа Израиля содержат примеры, в которых мы прослеживаем остатки их прежнего объединения в периоды, когда эти должности подвергались разделению божественной властью. Похоже, что, помимо Моисея, который посвятил Аарона и его сыновей по божественному повелению, Иисус Навин, Самуил и Саул[528] в определенных случаях приносили жертвы. Исключительный характер священства был запечатлен в нем Божественным Откровением, позитивным таинством и для особой цели[529].

Орден жрецов неэллинского происхождения.

Эллины у Гомера, по-видимому, демонстрируют это в более раннем состоянии объединения с должностью гражданского правительства; а пеласги - как функцию, которая действительно стала особой и профессиональной, но только на том самодействующем принципе, который в процессе общественного прогресса ведет к разделению труда.

Если мы представим случай двух рас, одна из которых населяет грубую и бесплодную страну в состоянии постоянной бедности и войн, а затем недавно, спустившись на более плодородные почвы, соприкоснулась с цивилизованной жизнью; другая из них с гораздо более раннего периода пристрастилась к мирным и трудолюбивым занятиям, населяя равнины и привыкнув образовывать сельскохозяйственные поселения; не будет причин для удивления, если мы также обнаружим, что у последней из этих рас есть профессиональное жречество, в то время как у

первой его нет; но что служба жертвоприношения остается в частном доме у отца семейства. , и на публичных мероприятиях с главой гражданского правительства.

Таково, по-видимому, было положение вещей между троянцами Гомера, у которых было жречество, и эллинами, у которых его не было; и разница может быть в основном связана с различным состоянием и историей пеласгов и эллинских рас; в то время как другие причины, относящиеся к соответствующим признакам рас, возможно, внесли свою лепту в получение этого любопытного результата. Отчасти большая личная энергия и уверенность в себе эллинских племен, но отчасти также и более ранняя непринужденность, богатство и постоянство пеласгов являются вероятными причинами того, что в момент времени, описанный в трудах Гомера, мы находим жречество собственно пеласгийским, но еще не эллинским по-настоящему, и лишь в ограниченной степени усыновляющим институтом.

Итак, на данный момент у нас есть предположение, которое, как я надеюсь, впоследствии значительно укрепитя, что греческая религия была обязана эллинам своим творческим, а пеласгам - своим жреческим и церемониальным развитием. И это предположение, я думаю, полностью соответствует тому, что мы должны разумно ожидать, исходя из отношений, которые, как известно, существовали между двумя расами. Теперь я перехожу к теме языка.

Вклад в развитие языка.

Пытаясь проиллюстрировать отношения пеласгов к эллинам посредством сходства и контрастов между греческим и латинским языками, я отдаю себе отчет в том, что вступаю на почву, которая требует большой осмотрительности. Ибо латинская нация, возможно, содержала в себе какой-то этнический элемент, не отличающийся от эллинского, а также в значительной степени соответствующий пеласгийскому фактору греческого народа. И опять же, существует очень тесная связь этих двух языков с общим корнем в санскрите. Количество слов, восходящих к такому корню, недавно было указано в 339 в греческом и 319 в латинских языках[530]. Справедливо будет заметить, что из простого факта сходства между греческим и латинским словом мы не должны делать вывод, что одно было заимствовано или непосредственно модифицировано из другого.

Давайте начнем с рассмотрения справедливого эффекта этих замечаний и выяснения, не оставляют ли они еще достаточно места для полезного изучения.

Я начинаю с предположения, что существовал глубокий и обширный пеласгийский *субстрат* как у греческих, так и у римских народов. Считается, и, возможно, это справедливо, что доминирующее племя осканов, которые были нацией воинов и охотников, пришло к пеласгам Италии, подобно тому как эллины пришли к пеласгам Греции. Но хотя мы можем правильно предположить идентичность пеласгийского фактора в обоих случаях соответственно, совершенно очевидно, что соединения или агрегированные признаки широко различаются и представляют собой совокупность или примесь либо различных качеств, либо одних и тех же качеств в очень разных пропорциях. Следовательно, мы вправе установить в качестве общего правила, что все, что встречается в языке двух стран, было, скорее всего, пеласгийским: поскольку, если бы эта часть совокупного языка была образована из тех элементов, в которых народы различались, вероятно, было бы обнаружено соответствующее различие между их способами речи.

Опять же, я думаю, мы должны различать простой факт происхождения из общего первоисточника и те степени или описания сходства, которые показывают, что любые данные слова не только изначально имели один источник, но и продолжали существовать вместе до определенного момента процесса образования, так что, судя по их форме, они могут быть образованы не только от этого корня, но и одно из другого. Например, утверждается, что греческое *ἐγώ* и латинское *ego* оба происходят от санскритского *ахам*. Но здесь совершенно очевидно, что они не только отправились из одной и той же точки, но и прошли по одной и той же дороге до конца своего путешествия, поскольку греческие и латинские слова идентичны. С другой стороны, если мы возьмем греческое *τέσσαρες* и латинское *quatuor*, то оба относятся к одному и тому же санскритскому корню, *chatur*: но ни одно из них не могло быть производным от другого, и каждое из них более тесно связано с корнем, чем с другим. Или, если мы возьмем латинское *anser*, греческое *χῆν* и английское "гусь", у этих слов вряд ли найдется связующее звено, но оно найдено, и отдаленная или опосредованная связь установлена посредством немецкого *gans*. Примеры можно было бы легко умножить.

В единичных случаях, когда связь слов имеет только тот вид, который был показан в последнем примере, было бы небезопасно делать выводы о том, что они соответственно связаны с тем или иным элементом в составе нации.

Но там, где есть такое сходство, которое показывает либо то, что слово продвинулось почти до своего зрелого состояния до того, как греческая и латинская формы начали разделяться, либо то, что латинская форма, возможно, произошла от греческого на ранней стадии истории языка, либо *наоборот*, тогда, по-видимому, сходство терминов просто указывает на существование мощного общего элемента у двух народов.

И далее, если мы обнаружим, что слова, стоящие в близком родстве, поддаются классификации по их смыслу, тогда, когда мы однажды составили класс таких слов, может быть оправдано добавление к нему новых слов в силу более отдаленного родства в силу уже созданного предположения. Например, если названия наиболее распространенных объектов и операций неживой природы обычно находятся в близком соответствии, мы можем заключить о связи между другими словами, относящимися к тому же классу по значению, хотя они могут быть и не так близки, с большей уверенностью, чем если бы рассуждения относительно этого последнего раздела не подкреплялись первым. Исходя из этого принципа, я использую приведенные ниже подборки слов.

Конечно, необходимо соблюдать максимальную осторожность, чтобы исключить те слова, которые были скопированы с греческого на латынь после начала литературных эпох Рима и в соответствии с практикой, описанной и рекомендованной Горацием[531].

Предложения Нибура.

Нибур был, я полагаю, первым человеком, который на основе филологических источников сделал вывод о характере и привычках пеласгов. Он исходил из тройственного утверждения: (1) что слова, общие для двух языков, предположительно пеласгийские, (2) что они по большей части относятся к земледелию и более мягкому образу жизни, и (3) что отсюда мы можем заключить, что пеласги были народом, склонным к миру и земледелию. И наоборот, что слова, которые сильно различаются в этих двух языках, не являются пеласгийскими, и что занятия, на которые они указывают, должно быть, были более характерны для какой-то другой расы,

которая способствовала формированию состава римской нации. Принципы, принятые Нибуром, таким образом, [532] кажутся, при надлежащем ограничении, обоснованными; и единственный вопрос заключается в том, подтверждаются ли они фактами дела. Если в данном языке мы обнаруживаем, что слова, указывающие на определенный поворот в жизни, произошли от определенной расы, которая составляет часть нации, говорящей на этом языке, в то время как другие слова, относящиеся к другим привычкам и занятиям, были заимствованы другими расами, также входящими в его составные части, то просто прочесть характеры этих рас соответственно через характер слов, которые они вносят в общий язык. Ибо на самом деле речь идет о силах, которые могли быть отрегулированы с такой же точностью, как если бы они были чисто механическими. Обычная причина, по которой слово пеласгийского происхождения преобладает над словом эллинского происхождения с тем же значением или наоборот, заключается в том, что оно более или менее распространено: а распространенность употребления, вероятно, определяется степенью принадлежности занятия или жизненного состояния, с которым связано это слово, к той или иной расе.

Исследование, проведенное Нибуром, по-видимому, было быстрым; и список приведенных им слов очень скуден. Бишоп Марш [533] и другие авторы, придерживаясь различных точек зрения, предоставили дополнительные материалы. Наиболее полный список, на который было направлено мое внимание, находится в "Позднем синониме и этимологии" Дедерляйна [534]. Субъект, по существу, такой, который вряд ли допускает наличие фиксированного критерия или авторитетного правила, или полной уверенности в том, что его пределы были достигнуты. Памятуя о той сдержанности, которую рекомендуют эти соображения, я не хотел бы выдвигать негибких предложений. Но я осмеливаюсь утверждать в целом, что те слова латинского и греческого языков, которые находятся в наиболее тесном родстве, связаны

1. С элементарной структурой языка, такой как местоимения, предлоги, числительные.
2. С самым ранним состоянием общества.
3. Стремлением к мирной и сельской промышленности, а не к высококвалифицированной рабочей силе.

Классы слов, которые согласуются.

Примеры, достаточно многочисленные, чтобы продемонстрировать самое широкое согласие, легко напрашиваются сами собой в первую голову. Чтобы проиллюстрировать другие положения, хотя это может быть сделано лишь несовершенно, я буду следовать как позитивным, так и негативным методам. Первый - путем сравнения слов, обозначающих элементарные объекты как живой, так и неодушевленной природы, или простейшие продукты человеческого труда для удовлетворения человеческих потребностей, или члены человеческого тела, или зачатки общественного порядка. Второй - путем противопоставления слов, которые относятся (1) к интеллекту и умственным операциям, (2) к войне и (3) к металлам, широкое использование которых обозначает определенную степень социального прогресса. Я надеюсь, следует иметь в виду, с одной стороны, что эти списки даны в качестве примера и не претендуют на исчерпывающую полноту; и, с другой стороны, что обнаруживаемые то тут, то там исключения из правила, на которое они, по-видимому, указывают, никоим образом не

опровергают его существование, но сами по себе, если это чисто исключения, должны рассматриваться, по крайней мере временно, как случайные.

Класс I.—Элементарные объекты неживой природы.

ἔρα, terra

ἀήρ, aer

αἴθρη, æther

αὔρα, aura

ἀστήρ аструм

ἀστέρος стелла

стерула

κοῖλον, cælum

ἥλιος, sol

σε-λήνη, luna

νύξ, nox

(Ζεὺς) Διὸς, dies

πόντος, pontus

ἅλς sal

θάλασσα salum

πόλος, polus

λυκὴ in λυκάβας, lux

λεύσσειν

χείμων, hyems

ἔαρ, ver

ῥῆ, hora

ἑσπέρα, vesper

νέφος nubes

nebula

(νιψ) νιφος, nix, nivis

δρόσος, ros

ῥετος fluvius

pluvia

ῥίγος, frigus
χάμαι, humus
πευκή, pīx

κῆπος sepes
σῆκος
λακκὸς (ямы), lacus
λάχυς

ἄμπελος, pampinus
ῥύλη, sylva
φύλλον, folium
ῥόδον, rosa
λαῶς, lapis
ἄγρος, ager
ἄρουρα, arvum
ἄντρον, antrum
φῦκος, fucus

σπέος spelunca
σπήλαιον
ἴον, viola
σκόπελος, scopulus
ῥῖδωρ, sudor.

Κλάση II.—Ελεμενταριεσ οβιεκτοι οδυσσευελενεσ ηρηροδης.

θηρ, fera
λύκος, lupus
καπρὸς, aper
λέων, leo
ἔγγελος, anguilla
ἴχθους, piscis
ᾠκύπτερος, accipiter
κύων, κύνος, canis
ὄς, ovīs
βοῦς, bos
ταῦρος, taurus
ῥς, sus
ἵππος, equus
πᾠλος, pullus

οὔθαρ, uber
ἄμνος, agnus
κρίος, aries
ἄλώπηξ, vulpes.

Класс III. —Предметы, непосредственно связанные с элементарными потребностями и трудом.

1. ЖИЛИЩА.

δόμος, domus
οἶκος, vicus
θύραι, fores
κλεῖς, clavis
ἔδος, sedes
αἱ θάλη, favilla
θάλαμος, thalamus
λέχος, lectus.

2. ΕΔΑ.

οἶνος, vinum
ἔλαια, olea
ἔλαιον, oleum
ὄον, ovum
μήλον, malum
σῦκον, ficus
τρύγη, fruges
ἄ-τρύγετος, triticum
σῖτος, cibus

γάλας, lac, lactis
γάλα, γάλακτος

κάλαμος, calamus
κρέας, caro
μέλι, mel
δαῖς, dapēs
κοινῇ, cœna.

3. ΟΔΕЖДА.

ἔσθῃς, vestis
χλαῖνα, læna.

4. ΙΝΣΤΡΟΥΜΕΝΤΥ.

ἄροτρον, aratrum

ζεῦγος jugum.

ζύγον

5. НАВИГАЦИЯ.

ναῦς, navis

λίμην, limen

ῥετμὸς, remus

κυβερνήτης, gubernator

ἄγκυρα, ancora

πούς, pes.

Κласс IV. Составные части человеческого тела, семья, общество и общие идеи.

1. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО.

κεφαλὴ, капут

κόμη, кому

ῥίμιος, Армус[535]

μῆρον, Фе-Мур, Морис

παλάμη, пальма

πούς, пес

ὄδους, онтос, Дэнс, дентис

λάπτω, лабрум

δείκνυμι, руки

λάξ, окалина

ῥπαρ, јесир

ἔντερον, Вентер

ἔλκος, трофические

κέαρ cor

καρδία

γόνυ, гену

μύελος, продолговатый мозг

ὀστέον, ос (ossis)

ὥψ, ос (oris).

2. СЕМЬЯ.

πατήρ, pater

μήτηρ, mater

υῖος, filius

φρήτηρ frater

φρήτηρ

ἑκυρος, socer

χήρη heres

χηρωστῆς

γένος gens

genus.

3. ОБЩЕСТВО.

(ῥέζειν) ῥέξας, Рекс[536]

ἐλεύθερος, Либер

τέκτων (στέγω), МВ. крыша (тего)

φύρ, мех

παλλακίς, pellex.

4. ОБЩИЕ ИДЕИ.

νεύω, нумен

θεός, Deus

ὄνομα, номен

μόρφη, форма

ἵς, ВИС

ῥώμη, Рома, Робур

κνίσση, nidor

ὄδμη, запах

φήμη, Фама

φάτις fatum

φάτον

βίος, Вита[537]

μόρος, морс

ὕπνος, somnus

ὁδύνη[538], одиозность

ἄλγος, алгор

γεύω, gustus

γεύσω

ἔνις, annus

λήθη lethum

λήτω

δόσις, dos

δῶρον, donum

φυγή fuga

φύζα

αἴων, уμ.

Κласс V.—Прилагательные, постоянно употребляемые в повседневной жизни.

μέγας, магнус

παῦρος парвус

паукус

πλατὺς, latus

ἄγχος

ἄγκιστρον

οἶος

ἄγοστος

κυρτὸς, курт

γυῖρος, курвус

πυρρὸς, фурвус

έρυθρὸς рубер

руфус

παχὺς, pinguis

βραχὺς, brevis

βραδὺς tardus

βαρδὺς

χαῶς, Кавус
τέρην, а
πλέος, плен
μείων, незначительные
μάσων, майор
νέος, Новус
ἄλλος, алиус
ὀρθος, ОРДО[539]
ὑπτιος, supinus
γραῦς, Гравис

λεπτός левис
 лентус

λεῖος, lævis
γενναῖος, gnavus
δέξιος, Декстер
ὄλος, Солус
ἡδύς, suavis
πικρὸς, Акрис[540].

Классы слов, которые различаются.

Можно было бы добавить очень обширный список, возможно, из сотни или более глаголов, которые либо идентичны, либо почти родственны в греческом и латинском языках; но это, я думаю, существенно не увеличило бы и не уменьшило бы общего эффекта перечисленных слов. Перед нами около ста восьмидесяти слов, относящихся только к классам существительных и прилагательных. Они могут составлять почти примитивный словарь сельского и тихоокеанского населения. Можно назвать два исключения, которые заслуживают внимания. Следует заметить, что чувства представлены неадекватно, включены только два из них, обоняние и вкус. Остальные три также связаны в двух языках следующим образом: осязание - через отношение θιγγάνω и *танго*; зрение - через εἶδω и *видео*; слух - через очевидную связь латинского *audire* с греческим αὔδῃ, собственным именем голоса у Гомера.

Другим заметным исключением является религия. С тонкими и исключения, такие как θεός = *Деус*, связь *Рекс* с ῥέζω, на *нумен* с νεύω, из λοιβή *С либо*, и ὀράομαι, ὀρητήρ с *orare, опатор, Ара*, есть немалая хотите корреспонденции в ведущих ключевые слова, например ἱερός, ἅγιος, θύω, βῆφος, νῆρον, ἄγαλμα, σέβω, μάντις, один язык, и *sacer, святой, Пия, темплума, ватес, Макто, Мола*, и других. Большая часть пеласгийского словаря, должно быть, была вытеснена в ту или иную сторону: и поскольку именно в Греции мы имеем гораздо более полные и ясные свидетельства появления высшей расы, которая наложила свой отпечаток на жизнь и разум в высших областях мысли, мы должны заключить, что эта замена, вероятно, произошла в Греции, и пеласгийские слова были заменены эллинскими.

Предложение Нибура относительно условий ведения войны, как мне кажется, в основном хорошо подтверждается фактами. Давайте возьмем к примеру следующий список: что, как

представляется, показывают, что, в этом отделе, с исключением в довольно тесной связи между βέλος и *компания*, и более удаленных одна от πόλεμος и *беллум*, возможно, также между *Лорика* и θώραξ, вряд ли в любом случае малейшего знак отношения между привычными терминами в двух языках для соответствующих объектов.

ООО "телум"	βέλος
энсис	ξίφος
гладиус	φάσγανον

cuspis	
micro	αἰ χμή
acies	
Галеа	κυνέη
хаста	δόρυ
	ἔγχος

щиток[541]	ἄσπις
наличник	σάκος
Лорика	θώραξ
раструбы	κνημῖς
влагалище	κολεός
беллум	ἄρης
	πόλεμος

praelium	ὑσμίνη
выиграть	μάχη

currus	δίφρος
Реда	ἄρμα
рота	κυκλός (Χом.)
Терно	ῥυμός
туба	σάλπιγξ
classicum	
Кастра	κλισίαι
tabernaculum[542]	κλισίη
Аркус	βιός
	τόξον

сагитта

ὁ ὄν
ὁ ὅστις.

Я думаю, вряд ли можно подвергать сомнению тот факт, что этот класс слов в целом представляет собой очень заметный контраст с теми, которые были представлены ранее. И поскольку мы видим, что высшая боевая энергия Греции явно представлена в эллинах, мы можем с большей уверенностью сделать вывод о привычках эллинов и пеласгов соответственно, на что ярко указывает контраст между двумя языками сам по себе.

Прежде чем закончить с этой частью темы, давайте обратим внимание на большую разницу в путях, по которым в двух языках появляются слова, предназначенные для обозначения высшего совершенства. Для "лучше", греки βέλτερος, от βέλос, 'дротик', и за 'лучший,' ἄριστος, от ἄρης, 'войны; в то время как латиняне являются доволен *Оптимус*, образованных от общего корня с *опес*, богатство.'

В отношении высших идей, как интеллектуальных, так и моральных, между двумя языками наблюдается почти такой же поразительный недостаток соответствия, как и в отношении войны.

В трех словах действительно можно проследить четкую этимологическую связь, но в двух случаях с общим значением, а в третьем - с важным изменением значения.

1. Греческое μένος становится латинским *mens*; так что особое качество, принадлежащее скорее πᾶθῃ, чем ἥθῃ человека, начинает обозначать весь разум.

2. Греческое ἄνεμος, очевидно, является латинским *animus*: или то слово, которое остается символом чувственного объекта в греческом языке, становится представителем разума в латыни. Прилагательное ἀνεμώλιος действительно способно к метафизическому применению: но оно означает "не имеет значения"[543].'

3. θυμός у греков - это *fumus* у латинян: и в последнем описанном случае все в точности наоборот.

Три великих слова в древнегреческом для обозначения невидимых или духовных сил природы человека - это νόος, φρῆν и ψυχή. Они, возможно, наиболее близко соответствуют трем латинским словам *mens*, *indoles* и *vita*[544]. Ни в одном из случаев нет ни малейшего признака соответствия или общего происхождения; хотя νόος похоже на *nosco*[545].

В двух других очень важных словах мы находим, возможно, происхождение от общего корня, но ничего похожего на близкое или прямое родство. Греческое ἀρετή может происходить из того же источника, что и латинское *virtus*, и подобным образом ἄτη может иметь тот же источник, что и *vitium*.

В целом мы можем заключить, что в этом важном классе слов сходство скудное и отдаленное. Будет видно, что под рубрикой общих идей не подразумевается ни одного явного случая соответствия в ментальном качестве; и все сходства, по-видимому, покоятся, опосредованно или непосредственно, на чувственных объектах и явлениях.

Что касается терминов, используемых в навигации, то следует заметить, что все они связаны с самой грубой ее формой - греблей; и что они не включают в себя слова, обозначающие мачту, рей или парус, в которых эти два языка, по-видимому, полностью разделены.

Опять же, в целом можно сказать, что общество на самых ранних стадиях своего развития имеет мало общего с использованием металлов. Это правило будет иметь различное применение в зависимости от их обилия или нехватки в различных странах и в зависимости от того, с какой легкостью они могут быть использованы человеком. По мере того как объекты наслаждения множатся с продолжением и ростом промышленности, драгоценные металлы становятся все более желанными для обмена. Но основным металлом для непосредственного применения является железо, и его количество, известное и использовавшееся греками, по-видимому, даже во времена Гомера, было чрезвычайно малым. Использование металла для изготовления произведений искусства и, вероятно, также для коммерческого обмена, по-видимому, происходит из финикийских, а не пеласгийских источников; и у нас нет доказательств того, что во времена Гомера они сами в какой-либо степени овладели этим искусством.

Таким образом, отсутствие какого-либо значительного прогресса в использовании металлов может быть расценено как признак пеласгианства. А теперь давайте сравним греческие и римские названия металлов соответственно:

1. χρυσός, aurum.
2. ἄργυρος, argentum.
3. χαλκός, эс.
4. σίδηρος, ferrum.
5. μόλιβος, plumbus: в более позднем греческом μόλυβδος, форма, ближайшая к латинской.
6. κασσίτερος, stannum.

Здесь также наблюдается большой недостаток соответствия. Только в железе и свинце, и, возможно, в серебре, есть признаки родства: но у всех оно отдаленное. В других металлах оно совершенно отсутствует; а в тех, которые находятся ближе всего, оно сводится лишь к предполагаемому происхождению от общего корня. Отсутствие общности в этом классе терминов, по-видимому, показывает, что раса, которая была общим фактором для двух наций, вероятно, не продвинулась в использовании металлов дальше их элементарных целей.

Далее я лишь замечу, что, хотя так много имен, указывающих на социальные и домашние отношения, являются сходными, ничто не может быть более четко разделено, чем греческое δοῦλος и латинское *servus*. Из этого факта не было бы невероятным выводом, что рабство было незнакомо пеласгам; и их незнание этого, с другой стороны, было бы самым тесным образом согласовано с их незначительной озабоченностью военными и морскими занятиями; поскольку плен в первом случае и похищение в другом были двумя главными питателями этого института. Это также находится в тесном соответствии с дальнейшей гипотезой, которая представляет пеласгов, вероятно, как расу, которая первой заняла греческую землю и не нашла на ней

предшественников, над которыми можно было установить политическое или имущественное господство[546].

Я думаю, заслуживает внимания в подтверждение общего аргумента тот факт, что почти все те греческие слова, которые находятся в близком родстве с латинскими, встречаются у Гомера. Ибо не может быть никаких сомнений в том, что после него греческий язык становился все более и более эллинским, а тот факт, что слово гомеровского происхождения, дает наиболее вероятный признак связи с пеласгийским происхождением.

А теперь давайте подведем итоги по этому разделу обсуждения.

Можно с большой долей правды сказать, что процитированные слова и классы, к которым они принадлежат, имеют отношение к первичному опыту и элементарным потребностям и произведениям жизни, но они не затрагивают круг вопросов, относящихся к цивилизации и высшим силам человека, таких как война, искусство, политика и песня.

Но если имеются доказательства того, что пеласгийский язык снабдил как латинский, так и греческий народы большинством основных элементарных слов, а также теми, которые выражают основные идеи, связанные с сельским хозяйством, то напрашивается вывод: 1. что они составляли основу греческой нации; и 2. что первоначально они обрабатывали землю для себя, но пришло время, когда другие племена овладели ими, так что с тех пор им приходилось обрабатывать ее под управлением других. Таким образом, ситуация с пеласгийской лексикой в латинском и греческом языках, по-видимому, напоминает вклад саксонцев в английский язык: и вполне вероятно, что нечто подобное общему положению, которое, как мы знаем, обозначается в одном случае, также аналогичным образом выводится и в другом.

Доказательства по именам лиц.

Я думаю, что изучение этимологии имен лиц, содержащихся в гомеровских поэмах, может пролить немалый свет на характер и занятия соответственно пеласгов и эллинов. Ибо имена людей на ранних стадиях развития общества так часто заимствуются непосредственно из их занятий и привычек, что идеи, на которых они основаны, могут помочь нам лучше понять характер и занятия того или иного народа.

В качестве краткого доказательства того, что между гомеровскими именами и занятиями и привычками тех, кто их носит, существовала связь (вымышленные это имена или нет, я не хочу с этой целью выяснять), я могу сослаться на имена феаков и итакийцев. Из последних, которых множество, ни один не происходит от лошади; и мы знаем,[547], что на Итаке лошадей не использовали. Первые состоят в основном из слов, связанных с морем: в соответствии с тем фактом, что занятия людей представлены Гомером как сугубо морские.

Имена персонажей у Гомера чрезвычайно многочисленны, насчитывая многие сотни. Было бы опасно, как правило, приписывать им исторический характер, за исключением случаев, когда речь идет о таких личностях, которые из-за общего положения или местных связей, или из-за какого-то особого дара или обстоятельств, вероятно, останутся в памяти. В некоторых случаях, как мы уже видели[548], на них имеются знаки изобретения. Но этот вопрос не имеет большого значения для настоящей цели: и действительно, вероятность того, что мы должны, как общее правило, рассматривать менее выдающиеся имена как выдуманные для целей поэмы, делает более разумным наше обращение к ним, чтобы увидеть, в какой степени они связаны с

различиями в занятиях, характере и расе, и какие свойства и характеристики, когда они связаны таким образом, они, по-видимому, указывают на то, что Гомер приписал их той или иной расе.

Мы не должны ожидать, что придем к чему-то лучшему, чем общие и приблизительные выводы; поскольку конкретные обстоятельства, неизвестные нам, могли изменить ход этимологической номенклатуры, и также может случиться, что в большом количестве случаев мы вообще не сможем надежно отследить этимологию.

С учетом этих предостережений, я бы, во-первых, заметил, что свидетельства из других источников, как правило, показывают,

1. Что троянцы, за исключением царского дома^[549] и, возможно, нескольких других выдающихся семей, были пеласгами.
2. Что основой греческой армии и нации были пеласги: с вливанием эллинских племен, а не просто семей, которые обладали руководящей властью и, вероятно, составляли высший, то есть собственнический и военный, класс общества в большинстве частей Греции.
3. Что в некоторых частях греческого полуострова практически нет следов эллинского влияния; особенно в Аттике и Аркадии.
4. Что ликийцы, по-видимому, в большей степени, чем другие расы на троянской стороне, приближаются к высокогреческому типу и представляют либо эллинский элемент, либо какой-то родственный ему элемент в заметной форме.

Исследование отдельных имен, встречающихся по отдельности, было бы бесконечным и часто двусмысленным: но Гомер часто объединяет многие имена в группу при обстоятельствах, которые позволяют нам предположить общее происхождение и характер обозначаемых лиц; а другие, хотя он и не может собрать их вместе в одном отрывке, все же связаны в силу очевидных отношений между ними.

Изучение гомеровских имен в собранных таким образом группах привело меня к следующим результатам:

1. Там, где у нас есть основания предполагать эллинское происхождение, большая часть этих имен, этимологию которых можно проследить, по-видимому, выражают идеи, связанные со славой, политической властью, стойкостью ума, энергией и способностями, воинской отвагой и силой или военными операциями.
2. Но там, где мы можем более обоснованно предположить, что частично или полностью пеласгическая ветвь, идеи такого рода выражаются реже, и появляется другая этимология, основанная на сельских привычках, жилищах и занятиях, или на создании мирских благ и заботе о них, или на других свойствах или занятиях, менее родственных политическим и военным занятиям, или на высоком происхождении и статусе.

В то же время стоит отметить, что среди рабов "Одиссеи" мы находим имена более знатного происхождения, чем те, которые наиболее распространены среди пеласгов. Такие, как Эвмей (μᾶω, страстно желать и стремиться к цели), Эвриклея (которая, кроме того, является дочерью Опса, сына Пейзенора), Эвримедуза (в Схерии) и Алкиппа (в Спарте^[550]). Было две причины, к которым это могло быть отнесено: во-первых, высокородных рабов часто добывали как

похищением, так и войной; Эвмей, как мы знаем, принадлежал к этому классу. И, во-вторых, что имена их повелителей могли тогда, как и сейчас, время от времени присваиваться им. Таким образом, высокие значения, связанные с раболепными именами, не являются возражением против изложенных правил.

Есть еще один класс названий, который требует особого внимания. Это те, которые относятся к лошади. Воспитание и уход за лошастью у Гомера больше связаны с троянцами, чем с греками: и его постоянный эпитет ἵπποδάμος чаще используется на троянской стороне[551]. Лошадь использовалась не только, возможно, и не в основном, в войне и играх. Его использовали и в путешествиях: возможно, его использовали как вьючное животное: он определенно тянул плуг, хотя Гомер сообщает нам, что в этом занятии мул был предпочтительнее.

Пунктами, в которых мы можем ожидать найти имена в основном пеласгийские, помимо тех, которые прямо даны нам как таковые, будут следующие три:

1. В связи с некоторыми конкретными частями Греции, особенно с Атикой или Аркадией.
2. Среди массы простых греческих солдат.
3. Еще более определенно среди масс троянского войска и вспомогательных войск в целом; за исключением ликийцев, которых мы имели основания предполагать, что они были менее пеласгами и более союзны или, по крайней мере, более похожи на эллинские расы.

С другой стороны, мы можем предположить, что эллинская кровь, или то, что, по оценке Гомера, было сродни ей, была среди ликийцев, и аналогично везде, где мы находим, особенно на греческой стороне, любое значительное собрание имен, относящихся к высшему классу или аристократии армии или страны.

Названия класса пеласгов.

Гомеровских имен, которые даны нам как явно пеласгийские, всего четыре; и они принадлежат пеласгам на стороне троянцев.

1. Гиппот.
2. Пулей.
3. Летус.
4. Teutamus[552].

Этимология трех первых имен кажется достаточно очевидной: и, хотя все эти люди являются правителями среди своего народа, ни один из них однозначно не обладает характеристиками, которые мы должны рассматривать как соответствующие эллинским именам: хотя, поскольку они имеют высший ранг, мы были бы менее удивлены, если бы дело обстояло иначе.

Что касается первого из четырех, то, изучив класс имен, относящихся к лошади в стихотворениях, мы находим, насколько я заметил, только Гиппоноус[553] у греков. Этот ранг четко не обозначен, но второй фактор слова, обеспечивает более высокий элемент.

С другой стороны, в дополнение к Гипполоху, имени, означающему конную засаду, который был одновременно ликийцем и царем, у нас есть Гиппас, Гипподам, Гипподамус, Гиппокоон, Гипподах и Гиппотийон. У нас есть аналогично,

Melanippos, (Il. xvi. 695.)

Echeolus, (Il. xvi. 417.)

Euippos, (Il. xvi. 417.)

Возьмем снова Пулей, от πύλη. Это имя может означать привратника или привратницу: оно едва ли восприимчиво к высокому смыслу. В связи с характером пеласгов как каменщиков и строителей обнесенных стенами мест, это им подходит. У Гомера есть еще три имени, и не более, которые, по-видимому, основаны просто на термине "врата": Πύλων, πυλάτης и πυλαμένης. Все они на стороне троянцев.

Далее у нас есть более широкий класс имен, в которых можно ожидать сильного вкрапления пеласгического характера, а именно те, которые связаны с Атикой.

Среди них трое принадлежат к его царскому дому, и в них мы не находим определенных черт пеласгийского рода. Они,

1. Эрехтей,
2. Петеос,
3. Menestheus,

Однако последнее из трех, по-видимому, если оно происходит от μένος, относится к более высокому классу имен.

Помимо этих трех, есть еще,

4. Фидас,
5. Стихий,
6. Предвзятость,
7. Iasus,
8. Сфелус,
9. Буколус.

Итак, все они являются командирами или должностными лицами; и все же четверо из них, Фидас (φεῖδω), Стихий (στεῖχω), Сфелус (σφάλω) и Буколус (βοῦκόλος), явно принадлежат к классу пеласгов: Биас (βίη), возможно, принадлежит к нему, поскольку означает просто физическую силу; и об этимологии древнего имени Иас я не берусь строить предположений. Буколус, как и Буколион, с которым мы вскоре встретимся, заслуживает особого внимания: мы не находим ничего похожего на него среди имен, которые (по другим признакам) предположительно являются эллинскими.

Другими именами в стихотворениях, которые, исходя из их местной связи, могут иметь некоторые основания предполагать пеласгийские, являются,

1. Ликург, Из Ил. vii. 136, 149, где они описаны как аркадяне.
2. Ereuthalion,
3. Дметор, владыка Кипра, от Од. xvii. 443.

И, возможно, мы можем добавить,

4. Ион или Иан, как глава Ἴωνες.
5. Апис, ранний эпоним Пелопоннеса или его части[554].

Итак, хотя все они правители и великие личности, имя Дметор - единственное среди них, которое, кажется, в какой-то степени отражает эллинские идеи: оно не обязательно означает покорителя людей; с таким же успехом оно может означать просто укрощающего лошадей. Апис, у нас есть все основания предполагать, означает быка. Lysoorgus, от λυκὸς иρρύον или его корня, по всем признакам является типично пеласгийским.

Давайте теперь выясним, выдержат ли изложенные правила проверку на применимость к низшим слоям греческой армии.

В пятой "Илиаде" Гектор и Марс убивают группу внешне ничем не примечательных людей[555]. Они такие,

1. Teuthras.
2. Орест.
3. Трехус.
4. Номай.
5. Хелен (сын Нопса).
6. Орестий.

И снова в одиннадцатой "Илиаде" Гектор убивает еще девятерых;

1. Асей.
2. Автономный.
3. Выбирайте.
4. Долопс (сын Клита).
5. Офелтий.
6. Агелай.
7. Эсимн.
8. Орус.
9. Гиппоноус.

Итак, из семнадцати собранных здесь имен,

Четверо, а именно Автонус, Клит, Агелай исимн (по его связи со словом αἰ σιμνητήρ, правитель), принадлежат к тому, что я называю эллинским классом.

Трое, а именно Тевтрас, Асей и Еленус, не сразу предполагают конкретное происхождение.

О Гиппоне я уже говорил. Остальные девять, по-видимому, соответствуют пеласгийскому типу. Номай соответствует латинскому Bibulus.

Опять же; названия обычных троянцев, по-видимому, в целом принадлежат к одному и тому же типу.

Когда Патрокл начинает свои подвиги в Шестнадцатой книге, он убивает подряд,

1. Местоимение.
2. Фестор, сын
3. Энопс.
4. Эруалус.
5. Эрума.
6. Амфотер.
7. Эпалт.
8. Тлеполемус, сын
9. Дамастор.
10. Эхиос.
11. Пурис.
12. Ифей.
13. Евипп и
14. Полумелус, сын
15. Аргеас.

Из них только Tlepolemus и Pronous можно с уверенностью отнести к более высокому классу. Дамастор сомнителен, как и Дметор; но, возможно, из-за его связи с Тлеполемом нам следует отнести его к той же категории. Тем не менее, следует отметить, что Гомер позаботился о том, чтобы задействовать против Патрокла и мирмидонян своих любимцев ликийцев, а также троянцев^[556]: и поэтому мы должны предположить, что в этом списке присутствуют ликийские имена.

Имена обычных троянцев по большей части одного цвета. Но мы должны иметь в виду, что мы не можем так легко отследить троянцев как греческую общность. Гомер редко допускает, чтобы был убит грек высокого положения или отличившийся, тогда как греки постоянно уничтожают выдающихся троянцев. Поэтому мы можем быть готовы к тому, что среди троянцев имена более высокого типа встречаются несколько чаще, чем среди убитых греков.

В Шестой "Илиаде"^[557] ряд греческих героев последовательно рассылают список троянцев, в котором указаны следующие имена:

1. Дрезус.
2. Офелтий.

3. Эсеп Эти двое были сыновьями Буколиона, незаконнорожденного сына Лаомедонта, который, по-видимому, никогда не был признан, но воспитывался в низшем классе своей матерью Абарбари.
4. Я добавляю эти имена в список:
Педасус
5. Буколион.
6. Абарбари (мать Буколиона).
7. Астуалус.
8. Пидуты.
9. Аретаон.
10. Аблерос.
11. Elatus.
12. Филакус.
13. Мелантий.
14. Адресус.

Среди всех этих названий нет ни одного, которое мы могли бы с уверенностью отнести к более высокой категории, за исключением Аретаона. Дрезус (сравните δρῆστῆρ, домашний слуга), Офелтий, Буколион, Мелантий (судя по его использованию в "Одиссее", поддерживаемому Меланто, и оба принадлежат к слугам), однозначно принадлежат к классу пеласгов: вероятно, Элат (который, однако, встречается среди итакийских женихов), Филак, Адресус следует интерпретировать аналогичным образом. Астуальос (ἄστυ, ἄλς) не имеет противоположной силы: а из остального вывод не очевиден.

Если мы возьмем вторую партию троянцев, убитых Патроком, то это даст несколько иной результат. Это[558],

1. Адрес.
2. Автономный.
3. Эхеклюс.
4. Перим, сын Мегаса.
5. Эпистор.
6. Меланипп.
7. Эласус.
8. Мулиус.
9. Пулартес.

Из них Автонус и Эпистор, по-видимому, явно принадлежат к высшему классу; к которому мы можем добавить Echeclus, если оно происходит (подобно Echeclus, мирмидонскому вождю) от ἔχω и κλέος: но даже это небольшая доля.

Теперь, когда мы обращаемся к ликийцам[559], последовательно убиваемым Улиссом, мы обнаруживаем существенное изменение. Это,

1. Койранос.
2. Аластор.
3. Хромиус.
4. Алькандрос.
5. Халиос.
6. Ноэмон.
7. Прутанис.

Из высшего, или эллинского, класса.

Все эти семь явно принадлежали к высшему или Эллинский порядок имен, кроме Χρόμιος, который я предполагаю, может быть сродни χροῖα, и Ἄλιος, 'Маринер.' Но это последнее обозначение также несколько эллинское: я сомневаюсь, что мы найдем среди пеласгийских названий какие-либо заимствованные из морских идей или занятий.

Опять же, когда Ахиллес выходит вперед, ему предоставляется список жертв с выдающимися именами[560], хотя они практически неизвестны как персонажи стихотворения. В конце Двадцатой книги он убивает,

1. Друопс.
2. Демуш, сын
3. Филетор.
4. Лаогон и
5. Дардан, сыновья
6. Биас.
7. Трос, сын
8. Аластор.
9. Мулиус.
10. Эхеклус, сын
11. Агенор.
12. Девкалион.
13. Ригмос, сын
14. Пейрус, один из фракийских вождей.
15. Ареитус.

Итак, из этих пятнадцати имен ни одно, если судить по установленным нами правилам, явно не относится к пеласгийскому или более плебейскому классу, за исключением Дриопа, возможно, Лаогона и Биаса: всего трех. Пейрос и Ригмос (вероятно, родственные $\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$) являются фракийскими и могут быть отложены в сторону. Шестеро, а именно Демух, Филетор, Аластор (в отличие от этого Лета), Эхеклус, Агенор и Ареитус, принадлежат к классу эллинов. Остальные, Дардан, Трос, Мулий (Il. xi. 739) и Девкалион, повторяются от выдающихся исторических личностей.

В этом наборе имен мы наблюдаем, в сочетании с новым примером неусыпной заботы Гомера о том, чтобы воздавать величайшие почести Ахиллесу, недвусмысленное свидетельство, как мне

кажется, того, что поэт действительно наделял свои имена каким-то особым значением среди своих второстепенных и, как мы должны предположить, обычно или часто неисторических персонажей.

И, возможно, можно сделать дальнейший вывод о вероятном расовом родстве между высшими троянскими и эллинскими племенами.

Этот вывод может быть подтвержден другим примером. Многочисленные сыновья Антенора, имена которых собраны из разных частей поэмы, следующие:

1. Агенор, Ил. xi. 59.
2. Асамас, ii. 823. xi. 60. xii. 100, *et alibi*.
3. Архелок, ii. 823. xiv. 464.
4. Кун, xi. 248.
5. Демолеон, хх. 395.
6. Эхеклус, хх. 474.
7. Геликаон, iii. 123.
8. Ифидамас, xi. 221.
9. Лаодамас, xv. 516.
10. Лаодок, iv. 87. и
11. Ρεδæus (νόθος), v. 70.

Я полагаю, что слово "Лаодокус" следует толковать на манер Демодока, означающего обладание известностью среди λαός. Если это так, то из десяти законных сыновей восемь имеют имена с этимологией, которая напрямую связывает их с высшим значением. Более сомнительно только имя Бастарда.

Среди претендентов на Итаке, которые являются принцами и главными людьми острова, со своими связями и другими людьми того же класса, у нас есть следующий список имен высшего класса:

Наставник.
Элат. (ср. Ил. xi. 701.)
Эвриады.
Eurydamas.
Эвримах.
Эврином.
Amphinomus.
Peisander.
Эвпейт.
Антиной.
Лейокрит.
Лейодес.
Агелай.
Дамастор.
Демоптолемус.
Эвриад.

Мастор.
Эунор.
Фроний.
Ноэмон.

Имена, которые не были помещены в этот список, также не имеют противоположного характера. В основном это те, которые не имеют очевидной этимологии. Двое из них, Египтий и Полиб, были, как мы знаем, великими именами в Египте, и они, вероятно, указывают на пеласгов или египтян по происхождению. Другие - Галитерс, Меланей, Ктесипп, Нис, Антиф, Пейрей. Из них два или даже три первых, возможно, могут рассматриваться как собственно эллинские.

Возьмем еще раз шестерых сыновей Нестора:

1. Антилох.
2. Stratius.
3. Фрасимед.
4. Эхефрон.
5. Персей.
6. Аретус (родственный ἀρέσκω, ἀρετή и Арете Схерии).

Из них только Персей не сразу попал бы в этот класс; и это, очевидно, самое благородное имя, взятое у великого греческого героя. Действительно, это само по себе должно служить наглядным примером правила, если мы в дальнейшем сможем показать [\[561\]](#) связь между эллинскими расами и Персией как их истоком.

Наконец, давайте возьмем мирмидонских лидеров и военачальников. Это были,

1. Патрокл; , а после него главы пяти
сын подразделений.
2. Менестий.
3. Менестий.
4. Евдор.
5. Пейсандр, сын
6. Маймалус, от μαίμαλω.

7. Феникс. Это название может обозначать (1) финикийское происхождение или связь; (2) пальму; (3) красный или фиолетовый цвет, родственные φόρος, и кровь, которую, как предполагается, обозначает цвет φοῖνιξ. В любом из этих трех аспектов он попадет в класс Hellic.

8. Алкимедонт, сын Лаэртия.
9. Автомедонт.

Все эти названия относятся к более высоким категориям. Таким образом, общим результатом нашего исследования является то, что везде, где у нас есть основания на других основаниях предполагать пеласгийское происхождение, мы находим в собственных именах людей, если только они случайно не являются просто описанием страны, в которой они жили, явную тенденцию представлять мирные, прибыльные и кропотливые занятия или низшие качества и условия существования человечества. Но везде, где по другим причинам мы имеем право предполагать эллинское родство, там, насколько нам позволяет простая этимология, личные наименования, по-видимому, связаны с идеями, происходящими от интеллекта, власти, командования, политики, славы, великих качеств и достижений войны; короче говоря, за исключением религии, которая, по-видимому, вообще не входит в состав номенклатуры, все идеи, которые наиболее сильно привлекают те мужские способности нашей расы, в которых, по мнению греков, заключалось ее совершенство.

Свидетельства политических и военных идей.

Одной из наиболее примечательных особенностей гомеровских поэм является их стремительное развитие политических идей на очень ранней стадии развития общества[562]. Вряд ли нужно доказывать, что они были эллинского происхождения; потому что перед нами тот факт, что они появляются у Гомера одновременно с повсеместным господством эллинов над пеласгийскими племенами, где бы они ни соприкасались; и потому что, сравнивая эти два народа вместе, у нас будет возможность отметить большую отсталость и, так сказать, индоциальность троянцев.[563] в этом отношении. Поэтому я предполагаю, без подробных рассуждений, особую связь между эллинским племенем и политическими институтами Греции.

По тем же причинам я очень кратко коснусь отношения эллинских племен к воинственному характеру Греции.

Мы можем рассматривать всю "Илиаду", которая представляет конфликт между менее пеласгической и более пеласгической расами и которая дает явное превосходство первой, как общее, но решающее свидетельство этого факта.

Мы находим еще одно подобное свидетельство, имеющее хорошо установленный исторический характер, в сравнении второстепенного военного положения Афин в "Илиаде" с их великолепными отличиями в более поздние времена. Действительно, афинские войска упоминаются конкретно в нападении на корабли вместе с беотийцами, локрийцами, фтийцами и эпейцами[564]. Эти две последние называются соответственно μευάθυροι и φαίδιμοί; афиняне являются ἰόονες ἑλκεχίτωνες, эпитет самого сомнительного характера, применяемые к солдатам. Мне кажется очевидным, что Гомер ни в коем случае не рассматривал особое упоминание этих пяти дивизий как знак чести: они сражались, чтобы потерпеть поражение, и он не использует своих первых греков таким образом. Никакие пелопоннесские силы не названы как участвовавшие в этом случае. Вероятно, это был цвет армии; и в Каталоге упоминается, что войска Агамемнона были лучшими[565]. Опять же, при обращении к Каталогу будет видно, что здесь сражаются все силы Средней Греции, за исключением этолийцев, отряда Улисса и абантов (о которых см. 542-4). Все эти трое принадлежат к выдающимся расам, которых он, по-видимому, намеренно исключил из соревнования, где нельзя было добиться чести. Таким образом, военный контраст между ранними и поздними Афинами можно считать установленным: и с ним совпадает тот очень заметный, хотя и нормальный и мирный, переход

Аттики от исключительно пеласгического характера к наиболее полному развитию сложного греческого характера[566].

Отрывок из седьмой "Илиады", в котором описывается война пилян с аркадянами, наводит на аналогичный вывод.

В целом, однако, фактическое господство эллинов в Греции в то время, имея в виду войну и сильную руку даже больше, чем политику, является полной презумпцией того, что их титул следует рассматривать как породивший великолепного военного гения Греции.

Когда в связи с Троянской войной Гомер разделяет двух великих традиционных божеств[567] и приписывает грекам Палладу, более политичную, энергичную и интеллектуальную из них, троянскому Аполлону, мы можем принять это как само по себе подразумевающее утверждение, что высокие искусства политики и войны были исключительно эллинскими.

Свидетельства из Игр.

Теперь мы переходим к принципу того, что можно назвать телесным воспитанием, которое нашло развитие у греков более полно, чем у какой-либо другой нации; во-первых, в гимнастических упражнениях, которым обычно следуют, и, во-вторых, в великом национальном институте Игр.

“Были”, - говорит Гроте[568], “две большие точки опоры, общие для каждой части греков. Одним из них было Амфикиониовское собрание, которое собиралось раз в полгода, попеременно в Дельфах и Фермопилах; первоначально и главным образом для общих религиозных целей, но косвенно и иногда охватывало наряду с ними политические и социальные объекты. Другим были общественные празднества или игры, из которых Олимпийские были первыми по значимости; затем следовали пифийские, немейские и истмийские: институты, которые сочетали религиозные торжества с излияниями досуга и сердечным сочувствием таким внушительным и таким беспрецедентным образом. Амфикион представляет первое из этих учреждений, а Этолий - второе”.

Этот отрывок предельно ясно показывает относительное положение Игр и Амфикионического собрания. Собор представлял собой религиозный институт, носивший также политический характер. Игры, с другой стороны, были гимнастическим праздником, организованным для национальных собраний: в самый важный общественный момент они находились под опекой высоких религиозных церемоний и для большего эффекта, по более поздней традиции, относились к какому-нибудь человеку самого высокого ранга и происхождения, как к их номинальному основателю. Поскольку цели Игр и Совета были разными, различались и их происхождение, и история; и это различие нарастало в самые ранние века. Это ясно доказывается внеисторическими и мифическими именами, присвоенными их основателям, чья слабая индивидуальность даже не помогает подавить нарек на вымысел, передаваемый с непреодолимой силой этимологическими соображениями. Но легенда, хотя и всего лишь легенда, соответствовала законам вероятности, приписывая Амфикиону фессалийское происхождение и в то же время доказывая Этолию высшую честь непосредственного отцовства Юпитера; в то время как, помещая его в Элиду, это закрепляет за ним функцию организатора старейших, а именно Олимпийских игр. В этой легенде мы также видим, как эллинское воображение добивается почестей своих предков, как бы соревнуясь с почестями родственного института, который, возможно, был пеласгийским.

Основание Игр *in genere*, по-видимому, с достаточной ясностью прослеживается на основании гомеровских свидетельств до эллинских племен.

Удлиненных деталей Двадцать третьей "Илиады" само по себе достаточно, чтобы доказать их важность как института, основанного на национальных привычках и манерах. Мы не должны, однако, полагаться на отсутствие каких-либо подобных празднований или даже намеков на них у троянцев; поскольку их состояние в обстоятельствах войны само по себе объясняет это. Но мы можем заметить, насколько присуще было характеру величайших героев преуспевать во всех проявлениях гимнастической силы, а также в упражнениях настоящего военного дела. Все цари и ведущие вожди участвуют в Играх, за определенным исключением Агамемнона, чье достоинство не могло позволить ему быть фактически оцененным подчиненными, но все же он появляется как номинальный кандидат и получает награду, хотя и не участвует в состязании за нее; и за исключением также Ахилла, который не мог бороться за свои собственные призы. Опять же, в пользу адского характера публичных игр свидетельствует тот факт, что, хотя во время действия Двадцать третьей книги были живы три афинских вождя, ни один из них не принимал никакого участия. Это были Менестей, Фидас и Биас. Опять же, речь Улисса к Эвриалу, дерзкому феакийцу[569], с последовавшими за ней действиями, усиливают общее свидетельство "Илиады" по этому вопросу. То же самое относится и к выполнению этих упражнений в меру своих сил даже феаками, родственниками богов.

Вот и вся общая идея Игр у Гомера; но, чтобы с какой-либо силой провести различие между эллинским и пеласгическим, мы должны обратиться к тем отрывкам, которые дают представление о более раннем состоянии Греции, и посмотреть, какой свет они нам дают.

Согласно гомеровскому тексту, Элида и Коринф были частями Пелопоннеса, где ранние признаки присутствия эллинских рас наиболее очевидны. Теперь в Элиде проводились величайшие и древнейшие греческие игры, а рядом с ними проводился истмийский фестиваль в Коринфе.

Изобретение этих гимнастических упражнений было приписано в более поздней мифологии Меркурию, который у Гомера является эллинским божеством, в отличие от пеласгов.

Mercuri, facunde nepos Atlantis,
Qui feros mores hominum recentum
Voce formasti catus, et decoræ
More palæstræ[570].

Было замечено, что гомеровский Гермес не несет на себе и следа этой функции; но у Гомера мы вообще не находим доказательств формального установления Игр, хотя у нас есть четкие признаки того, что они были известной практикой; и Меркурий в поэмах даже в большей степени финикийский, чем эллинский. Аристофан[571] производит Ἑρμῆς Ἐαυώνιος, и подает свежий связь, ссылаясь на αὐῶνες в музыке, а также в подвигах телесных сил и умений. То же самое делает и Pindar[572].

По правде говоря, эти Игры были упражнением и удовольствием только для высших слоев общества. Ибо мы видим, что в Двадцать третьей книге Гомера ни один человек не участвует ни в одном из восьми матчей, которые на самом деле не названы среди ἡγεμόνες и κοίρανοι Каталога, за тремя такими исключениями, которые действительно подтверждают правило. Это

Антилох, очевидный наследник Пилоса, Тевкр, брат Аякса, и Эпей (правда, только в боксерском поединке), который, как видно из "Одиссеи"[573], был важной персоной, поскольку придумал хитрость с лошадью. Даже σόλος αὐτοχόωνος, железная глыба, часть добычи Ахиллеса, раньше использовалась для развлечения только королей[574].

ὄν πρὶ ν μὲν ῥίπτασκε μέγα σθένος Ἡτίωνος.

Греческие игры предполагают досуг и, следовательно, накопление собственности или концентрированное владение землями: но это гораздо больше соответствует эллинскому, чем тому, что мы знаем о пеласгическом обществе, в котором мы не находим тех же признаков аристократии, занимающей среднее место между народом в целом и королевским домом. Давайте теперь рассмотрим другую часть гомеровских свидетельств.

В Одиннадцатой "Илиаде" легенда Нестора знакомит нас с тем, что во время войны между Пилянами и элианами царь Нелей присвоил часть добычи Пилянов в счет "долга", причитающегося ему в Элиде, природу которого он объясняет[575]:

τέσσαρες ἄθλοφόροι ἵπποι αὐτοῖ σιν ὄχεσθιν,
ἐλθόντες μετ' ἄεθλα· περὶ τρίποδος γὰρ ἔμελλον
θεύσεσθαι· τοὺς δ' αὖθι ἄναξ ἀνδρῶν Αὐγείας
κάσχεθε, τὸν δ' ἐλατῆρ' ἀφίει, ἀκαχήμενον ἵππων.

Тогда, очевидно, в Олимпии регулярно проводились гонки на колесницах (поскольку об Играх здесь говорится без объяснений, как о чем-то общеизвестном): и это было во времена отрочества Нестора, или примерно за два поколения до Троянской войны. Племена, которые мы здесь видим задействованными в этих Играх, - это, во-первых, пилийцы, а затем элийцы, царем которых был Авгий. В последующей части этого запроса будет видно,[576], что оба эти племени были эллинскими, а не пеласгийскими. И все же, конечно, здесь нет ничего, что прямо указывало бы на неучастие пеласгов в играх.

Однако в Двадцать третьей книге нашего полезного друга Нестора есть еще один отрывок, который в какой-то степени подтверждает даже эту форму свидетельства. "Хотел бы, - говорит он своей обычной фразой, - если бы я был молод и силен"[577],

ὡς ὅποτε κρείοντ' Ἀμαρυγκέα θάπτον Ἑτριοῖ
Βουπρασίου παῖδες δ' ἔθεσαν βασιλῆος ἄεθλα·

Вот отчетливое свидетельство обычая погребальных игр в Элиде, существовавшего почти за два поколения до *Троики*. Они включали, как мы находим далее в летописи, 1. Гонки на колесницах с лучшим призом; 2. бокс; 3. Борьбу; 4. Бег; и 5. Метание копья. Но у нас есть еще один ценнейший отрывок. По словам Нестора, среди присутствующих не было человека, равного мне; и затем он добавляет исчерпывающее перечисление рас, составлявших компанию:

οὐτ' ἄρ' Ἑτεῶν,
οὐτ' αὐτῶν Πυλίων, οὐτ' Αἰ τῶλων μεγαθύμων.

Для эпейцев (или элианцев) и пилианцев я повторяю уже сделанную ссылку. Я также не сомневаюсь, что этолийцы, подданные Нея и его прославленной семьи, принадлежали к тому

же роду. Я не задаюсь вопросом, поскольку в более поздние времена их всегда считали принадлежащими к эолийской ветви греков, возможно, их имя было радикально сродни или идентично имени Эол, которое часто встречается у Гомера αἴωλος. Но мы находим Мелеагра (независимо от упоминания о нем, очевидно, как о великом национальном герое, в Каталоге[578]), выбранного Фениксом в качестве сюжета для эпизода большой длины, и представленного в качестве предупреждения и примера Ахиллесу[579]. Можно с уверенностью предположить, что он не выбрал бы для этой цели никакого персонажа, кроме героя чисто эллинского происхождения. И описание Тидея, отца Диомеда, эпитетом αἰτώλιος[580], снова служит для отождествления этолийского имени с эллинскими расами.

Таким образом, все племена, присутствовавшие на Играх, были элликами, и все они были схожи: жители Эпеи, пиляне, соседи с Юга, этолийцы с другой стороны узкого пролива, который был наиболее посещаемым проходом в Пелопоннес. На самом деле, это было, очевидно, скопление соседних племен; но за самым замечательным исключением, за восточными соседями Элиды, теми самыми аркадцами, которые по многим признакам, как мы можем заключить, были пеласгами.

Третий пример, в котором Гомер замечает гимнастические упражнения, находится в Ил. iv. 389. Здесь Тидей, отправившись в Фивы, застаёт торжественный пир, продолжающийся во дворце Этеокла. Одиноким среди многих и находящийся в сомнительных отношениях со своими хозяевами, он, тем не менее, сразу же вызывает их на гимнастические игры и побеждает их всех.

ἀλλ' ὅγ' ἀεθλεύειν προκαλίζετο, πάντα δ' ἐνίκα
ρηιδίως· τοίη οἱ ἐπὶρρόθος ἦεν Ἀθήνη.

Ахейнин, то есть эллин, сам он, если и не среди эллинов, то все же среди членов и приверженцев той финикийской династии, которая, по всей видимости, утвердилась в Беотии в несколько более ранний период: даже тогда, когда в период несколько более поздний[581], Минос основал Финикийский трон на Крите, который вскоре приобрел полностью греческий характер.

И снова, в Ил. xxiii. 678-80, нам сообщается, что Мечистей после смерти Эдипа отправился в Фивы на обычные даже в то время погребальные игры, и там одержал победу над всеми καδμεῖωνες, которые противостояли ему, с помощью Минервы. Эвриал, сын Мецистея, был аргивянином и коллегой Диомеда и Сфенела. Здесь применимы те же наблюдения, что и в последнем случае.

Следовательно, ни в одном из этих случаев нет ничего, что связывало бы гимнастические празднества с пеласгами, но все указывает на то, что они были связаны с эллинскими расами.

Из греческих игр Пифийские - это те, которые, поскольку проводились при Аполлоне, больше всего можно заподозрить в пеласгическом происхождении. Но, по-видимому, они не начинались как национальный гимнастический фестиваль примерно до 586 г. до н.э.[582] Затем олимпийские состязания регулярно регистрировались в течение почти двухсот лет, начиная с 776 г. до н.э., и в законах Солона была награда в 500 драхм для каждого афинянина, получившего олимпийский приз, и в 100 драхм только для истмийца: в то время как на Немейские и Пифийские игры, как на чисто местные, они не обращали внимания. Таким образом, эти Игры, помимо того, что были второстепенными, относились к гораздо более поздним временам, а также чисто эллинским.

Панафинейские игры, по-видимому, относятся к аналогичной дате. И с учетом этих свидетельств более ранних исторических времен до нас, нельзя придавать значения столь поздней традиции, как традиция Павсания, согласно которой Тесей основал Панафинаику, а Ликаон, сын Пеласга, - Λύκαια[583]. Но стоит отметить, что, сообщая об этой традиции, он добавляет, что Олимпийские игры были намного старше, что они восходили к самой высокой древности человеческой расы, и что, как говорят, κρόνος и Юпитер боролись на них за призы. Опять же, большая известность была связана с Играми, которые, как говорят, были отпразднованы Акастом после смерти его отца Пелия. Стесихор, живший в седьмом веке, написал о них поэму; но Пелий, брат Нелея и сын Тирона (отцом которого был Нептун), несомненно, был эллинского происхождения[584].

Незначительные примеры пристрастия эллинских рас к играм можно найти в постоянной практике итакийских женихов и в том, как мирмидоняне перед Троей, во время уединения Ахилла, прибегали к этому способу времяпрепровождения[585].

В том, что касается песни, дело обстоит лишь немногим менее отчетливо. Есть ᾠαῖδες во дворце Приама, а также во дворце Улисса; один во дворце Агамемнона и один во дворце Алкиноя. Музы - это олимпийские музы. Географически Олимп был в такой же степени эллинским, как и пеласгийским, а во всех остальных смыслах, как я полагаю, гораздо больше. Возможно, мы можем наиболее справедливо оценить его национальный характер, противопоставив Юпитера Олимпского Юпитеру Додонскому, а дом большой и разнообразной группы греческих богов - уединенному величию, которое оставляет следы древнего пеласгийского культа. С этой точки зрения Олимп и Музы будут явно Адскими. Далее[586], Тамирис в своем хвастовстве предполагает, что Музы сразятся с ним на публичных матчах. Если я был прав, прослеживая такие совпадения до эллинского источника, Тамирис, должно быть, считал Муз эллинскими, когда высказывал это предположение. Опять же, сам Тамирис является Θρηξ, то есть горцем: это связывает его с эллинами холмов, а не с пеласгами более открытой местности. Место, где наказание было наложено на Тамирис, также находится во владениях Пилоса, который, во всяком случае, в течение срока, равного трем поколениям до *Троики*, был ахейским, то есть эллинским[587].

Аполлон, несомненно, был объектом поклонения пеласгов: Аполлон Гомера, однако, не ограничивается пеласгами, но по многим признакам, разбросанным по поэмам, находится в тесных и дружеских отношениях со всей греческой нацией. К их числу можно отнести его принятие умиловивления и молитвы, предложенной Калхасом. По правде говоря, хотя его дело, как органа Юпитера, помогать троянцам, он нигде не проявляет той враждебности к их противникам, которую проявляют к ним Нептун и Юнона.

Что касается поэзии и музыки.

В более поздние времена традиции Орфея, Мусея и Эвмолпа, всегдарρῆκες, поддерживали традицию, которая ведет свое происхождение от греческих песен горных племен.

Почему у Аркадии есть собственная муза, как не потому, что пеласгийская поэзия - не эллинская? и разве известный характер этой музыки не обязывает нас приписывать эллинское происхождение высшей национальной поэзии?

Гесиод, как автор "Трудов и дней", настолько сильно отличается от Гомера как по складу ума, так и по дикции, что трудно проследить, даже в самой общей форме, полное национальное родство между ними. Теогония по своему сюжету приблизила его к Гомеру, но она совершенно лишена героической силы и огня: спокойная и приглушенная красота, как в легенде Веков, - это все, к чему когда-либо восходит Гесиод. На мой взгляд, он, по-видимому, олицетворяет однострунный инструмент, которого могло бы хватить для пеласгийской песни: в то время как Диапазон Гомера, охватывающий своим неизмеримым размахом все малое и великое, возвышенное и обыденное, все объекты, которые подсказал человеческий опыт, и все мысли, которые вообразила или восприняла душа человека, представляет нам тот греческий ум, полный, разнообразный, энергичный, живой, глубокий, точный, которому было суждено на протяжении стольких веков придавать форму мировому гению.

Однако я не могу оставить эту тему и оставить эллинским расам честь внести главный вклад в формирование мощного воображения греков, не обратив внимания на противоположный вывод мистера Фергюссона в его замечательном "Руководстве по архитектуре".

Он рассматривает греческую нацию как состоящую в основном из двух составляющих - дорийской и пеласгийской. Он считает, что греки троянской эпохи были пеласами, и так продолжалось до возвращения Гераклидов. Затем, по его словам, началось преобладание эллинского языка, который он рассматривает как синоним дорического; и, имея перед собой Спарту как единый великий эллинский тип, он отмечает, что раса была гораздо лучше приспособлена "к искусству войны и самоуправления, чем к более мягким искусствам поэзии и мира"[588]."

Но предположение о превосходстве пеласгов в гомеровской Греции противоречит всем свидетельствам, содержащимся в тексте Гомера, и, я думаю, мы можем добавить, верованиям как древних, так и современных времен. Даже та ограниченная часть гомеровских свидетельств, которая связана с именами *Ἕλας* и *Ἕληνες*, кажется достаточно большой, чтобы опровергнуть любую подобную гипотезу. Хотя дорийская раса была эллинской, она, по-видимому, была поздним отпрыском этой породы и не претендует на то, чтобы считаться универсальным типом ее продуктов. В Спарте чрезмерное развитие политики, несомненно, неблагоприятно сказывалось на человеческом совершенстве в других формах; в частности, на поэзии и искусстве. Тем не менее, ни стихи, ни музыка, ни архитектура не связаны с именем и расой дорийцев. Кажется совершенно невозможным отнести военную поэзию "Илиады", величайшую в мире по своему происхождению, к столь невоинственному народу, особенно в связи с изменчивой, романтической и поэтической стороной войны, как пеласги.

Авантюрный тон и направленность "Одиссеи" и ее широкий охват всего мира и морей столь же мало соответствуют тому, что мы можем видеть о пеласгических привычках героической эпохи. Прежде всего, та масштабность и неизменная универсальность типа, которые присущи человеческому характеру, нарисованному Гомером, и особенно Ахиллесу и Улиссу, демонстрируют (я не могу использовать более слабое слово), что все материалы греческого величия были в его время полностью созревшими.

Пеласгийское чувство прекрасного.

В то же время нет необходимости отрицать, что пеласги, возможно, были наделены высоким чувством прекрасного. Нельзя сказать, что Гомер, по-видимому, имел яркое представление о

красоте в связи с архитектурой, ее великим достижением, пользующимся репутацией; напротив, он, по-видимому, имел мало представления об украшениях зданий, за исключением блеска пластин полированного металла: здесь все сильно отличается от того, каким он показывает себя, когда имеет дело с одеждой, доспехами или формами людей и лошадей. Но перед нами тот факт, что прежде всего благодаря самим Афинам, а также благодаря их колониям на востоке греческая раса впоследствии заслужила самые высокие почести в поэзии и изящных искусствах. С одной стороны, однако, большая доля этих почестей, особенно в ранние времена, выпала на долю расы, называемой эолийской, которая явно была эллинской и составляла основную часть эллинского семейства. С другой стороны, Аркадия, которая оставалась более чисто пеласгийской, в то время как Афины принимали всевозможные смеси, никогда не достигала высокого мастерства в искусстве и не поднималась выше скромного и спокойного стихосложения. Великие трагики и артисты принадлежали к расе, самой разношерстной во всей Греции. Естественный вывод, по-видимому, состоит в том, что какой бы вклад пеласги ни внесли в общий результат, каким бы хорошим сырьем они ни снабдили поэзию и искусство (как и войну), только в сочетании с другими элементами из других источников они могли достичь большого практического совершенства. Живое чувство красоты, несомненно, является не только условием, но даже фундаментом: однако великая организующая сила так же необходима для создания великих произведений воображения, как Ликургу для создания спартанского строя или Аристотелю для философского анализа и конструирования; и это была командующая и суверенная способность такого ума, как у Гомера.

Связь между гомеровскими греками и традициями охотников, я думаю, достаточно очевидна у Гомера. Его охотничьи легенды и множество охотничьих сравнений свидетельствуют об этом; и многие признаки, я думаю, указывают на то, что греки были обязаны своей любовью к охоте своему эллику, а не пеласгическим привычкам и крови.

Сначала я рассмотрю отношения между Ахиллом и его инструкторами. Хирон был учителем Ахилла в хирургическом искусстве, в то время как Феникс отвечал за его высшее образование. Очевидно, что хирургия и война будут идти рука об руку. Но Хирон также подарил своему отцу ясеновое копье с Пелиона, которым никто, кроме Ахилла, не мог владеть: он был самым цивилизованным (δῖκαϊότατος) из кентавров, тем, кому идеи справедливости, на которых основано общество, были наиболее близки. Но, по-видимому, он обитает на горе Пелион, а не при дворе Пелея, как Феникс; следовательно, он, без сомнения, охотник и фактически является связующим звеном между старой и грубой жизнью эллинских племен и новой, более цивилизованной.

Снова. Из эллинских легенд Гомера, которые в целом не очень многочисленны, две посвящены охоте: как,

1. Калидонский кабан в Ил. ix.
2. О визите Улисса ко двору Автолика в XIX веке

Теперь эти две легенды - единственные в стихотворениях, которые не имеют отношения к войне. Хотя троянцы жили у Иды, мы никогда не слышали об их охоте, но их князья пасут овец на ее склонах или пасут лошадей на равнине внизу.

Свидетельства охоты.

Даже помимо конкретных свидетельств, мы могли бы предположить, что, если нация унаследовала свою воинственность от адского источника, то это также должно было быть связано с охотой, которая была ближайшей родственницей войне.

Наконец, если это предположение верно, то оно помогает объяснить то, что в остальном является аномалией в стихотворениях. Диана сражается на стороне троянцев: однако мы не находим никаких свидетельств того, что троянцы поклонялись ей или хотя бы знали ее в качестве персонажа, в котором она является величайшей мифической знаменитостью. Я думаю, она упоминается среди них всего один раз; это Андромаха, и это как то, что она поставила точку в жизни своей матери[589], нигде в ее характере охотницы. Но у греков она постоянно фигурирует иначе, чем в связи со смертью. Ее эпитеты *ὑρὸ τέρη, κελαδαινῆ, οὐχέαιρα* гораздо больше подходят охотнице, чем к более торжественной функции служения Смерти среди людей. И снова Хелен сравнивают с ней по внешности. Бедствия калидонянцев обрушились на них из-за того, что они пренебрегли поклонением ей в определенном случае[590]; и особое наказание - это натравливание на них дикого кабана. Навсикая[591] подробно сравнивается с ней, и в этом сравнении она описывается как охотящаяся в Тайгете и Эриманте. Таким образом, в то время как среди более пеласгических троянцев она появляется только благодаря отношению к смерти, которое (как мы обнаружим) у нее есть из традиционного источника[592]; именно влияние Ада усиливает мифические и образные атрибуты прекрасной охотницы: и которое, таким образом, является ярким доказательством зависимости от смерти. Адские племена к этому стремлению.

Данные, касающиеся навигации.

Нелегко судить, следует ли в какой-либо степени относить обращение греков к мореплаванию к пеласгийскому источнику. Очевидно, что если такой источник и существовал, то он не был основным. Мы видели, что только самые элементарные слова, связанные с движением при гребле, по-видимому, несут на себе какие-либо признаки происхождения из этого фонда. Мы не можем ссылаться на морское превосходство афинян гораздо позже на их мореходный характер во времена Гомера из-за важных этнических изменений, которым они постепенно, но наиболее основательно подверглись за это время. С другой стороны, то, что мы обнаружили чистокровное пеласгийское население Аркадии, перебравшееся во внутренние районы страны и совершенно лишенное кораблей, дает отрицательный признак. Более сильный и действительно весьма примечательный фактор объясняется полной нехваткой кораблей у троянцев, несмотря на то, что их положение было в высшей степени благоприятным для приобретения морской мощи. Тем не менее, Парису нужно было построить корабли для него, чтобы совершить свое турне[593], и их строительство упоминается в "Илиаде" как событие, имевшее большое значение в Трое. С другой стороны, Гомер полон указаний на локомотивные тенденции эллинских рас. Среди них можно упомянуть широкий круг, охватываемый "Приключениями Геркулеса: предложение Менелая"[594] сопровождать Телемаха в путешествии по Греции: пребывание Неоптолема[595] в Скиросе: частые визиты Идоменея[596] в Спарту перед войной: женитьба Тесея[597] к дочери царя Крита: путешествие Нестора[598] в Фессалию: увеселительные визиты Автолика на Итаку и юного Улисса[599] к Автолику: очевидное знакомство Поэта с идеей путешествия для взыскания долгов[600]: существование популярных мест для Игр и Оракулов[601]: обычай собираться из группы районов на похоронах великих людей[602]: нет, сам выбор "Путешествий Улисса" для этой темы о столь значительной части "Одиссеи" и затянувшемся путешествии Менелая. И хотя пеласги кажутся

родственниками любящих землю египтян, мы обнаружили, что эллины по характеру сильно симпатизируют финикийцам, великим мастерам мореплавания героической эпохи.

Из речи Псевдо-Улисса в Четырнадцатой "Одиссее" мы имеем убедительнейшее доказательство того, что мореплавание и земледелие, которыми занимались пеласги, находились в резкой оппозиции друг к другу. Он терпеть не мог пахоту, но любил корабли и войну[603].

ἔργον δέ μοι οὐ φίλον ἦεν,
οὐδ' οἱ κωφελῖη, ἥτε τρέφει ἀγλαὰ τέκνα·
ἀλλὰ μοι αἱ εἰ νῆες ἐπήρετμοι φίλοι ἦσαν
καὶ πόλεμοι καὶ ἄκοντες ἐϋξεστοὶ καὶ οἷστοι.

Также очевидно, по крайней мере, из двух обстоятельств, что Гомер рассматривал путешествия как одно из великих средств развития ментальной и практической культуры. Во-первых, он описывает это преимущество как достигнутое в случае с его великим героем Улиссом;

ὅς μ' ἄλλα πολλὰ
πλάγχθη ...
πολλῶν δ' ἴδεν ἄστεα ἀνθρώπων, καὶ ἔγνω νόον[604].

Другая заключается в том, что в очень примечательном сравнении с Мыслью он рассматривает путешествия как великий стимул для развития человеческого разума:

ὡς δ' ὅτ' ἂν αἴξῃ νόος ἄνέρος, ὅς τ' ἐπὶ πολλήν
γαῖαν ἐληλουθὼς φρεσὶ πευκαλίμῃσι νοήσῃ·
ἐνθ' εἴη, ἥ ἔνθα μενοινήσῃ τε πολλὰ[605].

Таким образом, и в отношении навигации, и в отношении передвижения, которые находятся в близком родстве друг с другом, нам, по-видимому, следует рассматривать эллинский род как прародителя греческих достижений.

Краткое изложение дела.

После этого кропотливого и микроскопического исследования мы, возможно, теперь вправе более спокойно осмотреть территорию, по которой мы так медленно продвигались, и попытаться воплотить наши общие результаты в грубом наброске преемственности, мест и функций двух великих рас древней Греции.

Полагаясь, следовательно, на то, что было получено в качестве доказательства, я продолжу заполнять пробелы в нем такими предположениями, какие подскажут вероятные рассуждения.

Греческая нация первоначально состояла из двух больших групп, эллинской и пеласгической рас соответственно: и нет никаких свидетельств того, что какая-либо другая раса в значительной степени вошла в ее состав или ощутимо изменила его: хотя отдельные иностранцы или группы эмигрантов, которые не оставили особого впечатления на названия районов или рас, могли, несмотря на это, время от времени оказывать мощное влияние. Мы можем рассматривать лелегов, кауконов и другие доэллинские племена как ветви пеласгийской семьи или скорее как родственные ей, чем эллинской ветви.

Существуют гомеровские и постгомеровские свидетельства, которые, кажется, показывают нам, что пеласги обосновались на территории Греции от Македонии на севере до Крита на юге, а также в Италии и в других местах за пределами Греции.

В целом наиболее вероятно, что пеласги проникли в Грецию главным образом с юга, через Крит; но они могли проникнуть в Грецию в обоих направлениях. В любом случае, в континентальной Греции нет другого народа, который оспаривал бы у них звание ее первых постоянных поселенцев. Они выбрали свое жилье на равнинах и, по сути, были низменным народом. Вполне вероятно даже, что они получили свое название от этой характеристики и что это сразу выделяет их как земледельцев.

Что касается религии Греции, то ее наиболее существенные черты, вероятно, были общими для двух рас: принцип, иллюстрируемый тем фактом, что эллины в результате своего рода естественной преемственности становятся хранителями и толкователями великого пеласгийского святилища Юпитера в Додоне.

Первая форма религии Греции, вероятно, возникла благодаря пеласгам; и более того, по-видимому, именно от них она получила, в основном, свой ритуал и иерархию, в отличие от своего творческого развития. Они, по-видимому, включили это в видимые институты и придали стране социальный порядок; вероятно, в той форме, в которой люди живут редко, а не в больших скоплениях людей в крупных городах. Но общественный порядок в любой форме предполагает некоторые средства защиты от беззакония: и мы должны рассматривать пеласгов как создателей сооружений этого класса, которые тогда были первостепенной необходимостью для существования сообществ. Их постоянным занятием, очевидно, было сельское хозяйство: единственное звено связи, установленное Гомером между ними и прекрасным в искусстве, - сомнительный один из эпитетов *περικαλλέα* и *καλῶς* [606] применительно к архитектуре дворцов Приама и Париса соответственно.

В целом, пеласги, хотя и не обладали ярким темпераментом эллинских племен, все же, по-видимому, отличались храбростью и твердостью характера.

Поток пеласгической иммиграции, текущий в основном на север, встречает встречный поток эллинских племен, происходящий от высокогорного народа эллинов, обосновавшегося в горах к северу от Фессалии.

В своем движении на юг они распространились по тем же странам, которые уже занимали пеласги; сменявшие друг друга племена переселенцев выходили из родительского стада в разное время, поскольку этого требовала нехватка средств к существованию, и под разными названиями, позаимствованными, по всей вероятности, у их вождей.

В гнездах горцев продолжается варварство или, по крайней мере, грубость; но по мере того, как молодые выводки выходят наружу и попадают в более благоприятные условия физической и социальной жизни, их огромные способности к развитию находят простор, и они быстро приобретают новый характер.

Благодаря своей большей энергии и активности они повсюду стали доминирующей расой. Политика и война попали в их руки: они внесли более энергичный, интеллектуальный и наделенный воображением элемент в удивительный состав греческого сознания. О

воображении пеласгов трудно говорить определенно, но, вероятно, в нем не было того мужского тона и энергичного движения, когда он был один, которые отличают ум Греции.

Гораздо более обширные, чем их предшественники-пеласги, эллинские племена пользовались огромными преимуществами, которые эта страна предоставляла для расширенного судоходства, которое было столь важным как средство коммуникации, так и привлечения элементов цивилизации из-за рубежа. Они были способными учениками под руководством способных инструкторов, финикийских моряков. Они превратили религию пеласгов в свою более обширную и разнообразную мифологию: они идеализировали видимый мир вместе с человеческой природой и установили те своеобразные и всепроникающе поэтические отношения между видимой и невидимой сферами существования, которые лежат в основе греческой мифологии. Их острое чувство прекрасного привело их к украшению тела и разума человека атрибутами божества, в то время как их сила воображения постоянно побуждала их облекать небесные объекты в формы, заимствованные из видимого мира, и наделять богов чувствами и страстями, почерпнутыми из сферы повседневного опыта.

Они также принесли с собой гимнастический элемент греческой системы, воспитание тела; и они предусмотрели это воспитание в сочетании с мощным средством национального объединения в Играх, которые стали столь известными на протяжении стольких веков.

Те же качества, которые нашли применение в формировании отношений земли к небу, были также задействованы в объединении прошлого с настоящим посредством истории в форме песни.

К этой расе принадлежали ахейцы, которые своим могуществом и распространением по Греции дали ей и ее народу их первое знаменитое название, то, которое они носили во времена Гомера. Из того же источника произошли все эллины, производно названные так, и мирмидоняне. Под великим ахейским именем, понимаемым в его особом смысле, вероятно, подразумеваются пелопиды, пиляне, кефаллены, эпейцы, мирмидонцы, лоэрийцы. Мы также не можем быть уверены, что в него не входили также те эолидские семьи, чье могущество и распространение впоследствии наложили отпечаток на значительную часть Греции с именем эолийцев.

В то время как имперские заботы и цели, утонченность и удовольствия вместе с суетой, движением и заботой о жизни достались эллинской части греческих обществ и приняли от них свою форму, пеласгийский элемент, хотя и скрытый под поверхностью, продолжал жить и действовать энергично; он преобладал в классах, образующих прочный *субстрат* общества, тех, от которых зависела сельская промышленность, если не от тех, от которых зависели механические занятия, и от которых верхняя поверхность, истощенная длительным выполнением своих функций, может черпать вдохновение. каждое общество пополняет запасы новых материалов для обновления своих жизненных сил.

В то время как сам Гомер, по-видимому, олицетворяет безграничное богатство и полноту, а также многообразную и разностороннюю силу сложного греческого разума, мы, по-видимому, имеем в сельских стихах Гесиода, если не в приписываемых ему не оживленных теогонических традициях, справедливый и естественный пример всего, что мы могли бы ожидать от пеласгического поэта.

Состояния, особенно эллинские или пеласгические.

Как в более поздние, так и в гомеровские времена аркадцы, по-видимому, наиболее ярко проявили пеласгический аспект греческого ума и жизни: и они демонстрируют его во многом в том же отношении к эллинским расам, в каком саксы относились к норманнскому рыцарству. Подобно саксам, они потерпели неудачу не в храбрости: они были ἐχέσιμωροι и πῖσται μενοι πολέμῳ: но по энергии и страсти, а также по руководящим и организующим способностям они были ниже конкурирующей расы, и поэтому они уступили: в то время как из-за своих стойких и твердых качеств они были хорошо подготовлены в последующих поколениях, чтобы восполнять большие потери, вызванные более ярким темпераментом и более активным воздействием на почву над ними.

Мы находим, что у спартанцев в весьма своеобразной степени развиты два имперских элемента греческого характера. Первая - это политическая способность эллинских рас, благодаря которой, как говорит Страбон, они сохраняли свою ὑγεμονίαν со времен Ликурга вплоть до пятого века.

И второе - идея воспитания тела как существенной и главной части человеческого обучения: мнение, которое нам может показаться узким, но мы должны помнить, что греки полностью придерживались того, что мы исключили из наших теорий, хотя, можно надеяться, не полностью из нашей практики, а именно влияния физических упражнений и дисциплины на формирование умственных качеств и привычек.

Однако именно за Аттикой были закреплены обязанности по проявлению в наиболее полной степени многогранности греческого характера: и действенной причиной, благодаря которой она была приспособлена для выполнения этой функции, вероятно, могло быть то постоянное вливание новой крови в результате последовательных иммиграций различных греческих рас, без абсолютного вытеснения какой-либо из них в больших масштабах, что, как мы видели, по замечанию Фукидида, было ее особой характеристикой. Следовательно, она всегда демонстрировала как древнее, так и свежее; и то, и другое тоже в высшей степени; настаивая, подобно Аркадии, на автохтонном происхождении своего населения, которое должно относиться к пеласгическому элементу; борясь с этим государством и с Аргосом[607], за честь традиций, касающихся пеласгов и поклонения Церере; но богаче за счет в то же время, что и любое другое греческое государство, по разнообразной совокупности качеств, которыми составной или целостный греческий ум, по-видимому, был обязан эллинскому настою. Отсюда широта перехода, который, согласно Геродоту[608], она совершила от пеласгического характера к эллинскому: и все же она совершила его без какого-либо видимого нарушения преемственности своих социальных и политических традиций.

Хотя Фессалия была страной, в которой, по всей видимости, эллинские племена, избавившись от бедности и грубости своей высокогорной жизни, впервые начали развивать свои удивительные способности и приобретать цивилизацию, все же это был скорее, так сказать, их караван-сарай или дом для привала, чем их жилище.

Эллины, путешествуя таким образом по Элладе, дают ей имя и получают от нее то же самое взамен; так что, когда они переходят на юг, они уже не эллины, а эллины и имеют лишь вторичное и производное отношение к своему первоначальному дому и происхождению. Понятно, что они не должны желать заявлять о слишком близком родстве συνπτόποδες χαμαίευναι Гомера[609], хотя большинство готово признать родство в торжественных обращениях к древнему престолу Юпитера. Даже во времена Гомера они намного опередили

привычки, приписываемые им таким образом: ибо, когда греческие вожди возвращаются из Долонеи, они сначала моются в море, затем проходят в баню и, в-третьих, умащаются, прежде чем приступить к заслуженной трапезе[610].

Быстрота их роста численности и распространения на юг могла быть обусловлена тем, что они поселились на плодородной равнине; в то время как потребности, возникающие из-за превратностей климата, были бы вероятной и менее частой причиной миграции с холмов. Но в любом случае, то ли из-за быстроты их прохождения через Фессалию, то ли из-за того, что они фактически заняли лишь небольшую ее часть, они оставили ее в гомеровский и, по-видимому, также в гесиодический период, все еще частично впечатленную, поскольку они, должно быть, обнаружили это, пеласгическим названием[611]. Длительное существование этого названия указывает отчасти, возможно, на преобладание пеласгического элемента в этой стране, отчасти на временный характер эллинского поселения, из которых только ахейская часть пережила исторические времена в такой степени, что сохранила свою видимую самобытность: она также, согласно постгомеровской традиции, была заселена мирмидонцами с юга, а не непосредственно из региона Эллинов.

Таким образом, Фессалия была рассадником или колыбелью эллинских рас, но не более того. Следовательно, с течением времени, поскольку Фессалия нуждалась в истинном сочетании ингредиентов, она становилась все менее и менее греческой по своим основным привычкам и симпатиям: хотя из-за сохранения федеральной конституции под руководством федерального главы, τάυος, мы также можем отнести к ее более пеласгийскому характеру очевидный факт, что она не была так подвержена политическим изменениям, или νεωτέρσις, как менее пеласгийские части Греции. Когда после столетий превратностей внешние признаки его первоначальной крови почти исчезли, пеласгийское чувство все еще сохранилось: Фукидид рассказывает, что, когда Брасид вошел в Фессалию во главе лакедемонянской армии, он обнаружил, что масса людей привязана к афинскому делу, и ему пришлось положиться на влияние аристократии, чтобы снабдить его проводниками[612].

РАЗДЕЛ VIII.

О трех великих гомеровских апеллятивах.

а. Данайцы. б. Аргивяне. с. Ахейцы.

Теперь мы переходим к великим гомеровским апеллятивам: данаан, аргивянин и ахейнин. As Thucydides has said (i. 3), Δαναοὺς δὲ ἐν τοῖς ἔπεσι, καὶ Ἀργείους, καὶ Ἀχαιοὺς ἀνακαλεῖ. Почему великий историк расположил три имени в таком порядке? Это не может быть связано со сравнительной частотой их употребления: первое употребляется наименьшее количество раз, а третье, безусловно, встречается чаще всего. На данный момент давайте отложим поиски причины; и просто отметим как вероятное, даже если не более чем вероятное, что *есть* причина.

Способы образования названий народов.

Позвольте мне в качестве предисловия к исследованию этих имен рассмотреть различные способы, которыми, насколько у нас есть средства проследить их (что является лишь ограниченным), получены имена, которыми Гомер наделял жителей определенных стран.

Похоже, они тоже приходят

1. Непосредственно от эпонимиста, который также является первоначальным основателем, как δαρδανοί, τρώες, из Дардана и Троса, по отношению к Дардании и Трохе соответственно.

2. От земли, на которой они живут: и, следовательно, от эпонимиста, если он изначально существовал для данной территории.

Например, мы находим Ἰθακήσιοι с острова Ἰθακῆ, которая опять была получена из Ἰθακός. В случае, подобном этому, когда название народа исходит не непосредственно, а опосредованно от того, кто дал имя, вмешивается территориальное обозначение, мы не можем делать никаких выводов относительно расового единства между ними и им. Таким образом, в случае перед нами, Ἰθακήσιοι, хотя и связано с Ἰθακῆ, не по мере необходимости, никакой связи ни с Ἰθακός лично.

3. Из земли, на которой они живут, как описано по ее наиболее характерным физическим характеристикам.

Например, фракийцы (Θρήκες), очевидно, должны называться так из-за суровости местности, как родственное слово τρήχης, которое, таким образом, применяется к Итаке,

τρήχεϊ', ἀλλ' ἀγαθὴ κοῦρότροφος. Одиссея. ix. 27.

Опять же, от αἰ γιάλος, района, впоследствии названного Ахея, мы имеем в более позднем греческом[613], название αἰ γιάλει с для жителей. Этого нет у Гомера, но у нас есть эквивалент этому в имени Αἰ Γιάλεια, которая была женой Диомеда и дочерью Адраста, бывшего царя Сикиона в Эгиале. Это пример применения принципа не к жителям в целом, а к отдельному жителю.

4. Название популяции может быть вторичным по отношению к названию другой популяции. Таким образом, хотя мы должны вывести Ἕληνες из ἄλλας, это, в свою очередь, может быть выведено только из ἁλλοί.

5. В единственном случае с афинянами мы находим название населения, производное от имени божества.

6. Предполагается, хотя и не наверняка, что целые популяции получили свое название от правящих личностей или рас. Кажется едва ли возможным объяснить, например, имя Καδμεῖ Οἱ, которое нигде не связывается ни с одним из вышеупомянутых источников эпонимизма, иначе, чем ссылкой на отдельного Кадма, которого Гомер упоминает в Од. ст. 333.

Широко распространена идея, по крайней мере, терпимая, что эти три великих имени у Гомера являются простыми синонимами и не имеют отношения к каким-либо фактическим и историческим различиям, которые либо существовали, когда писал Гомер, либо, как ему известно, существовали в предыдущий период.

Этот вопрос предлагается сейчас рассмотреть. Я начну с широкого признания. Это так.

На первый взгляд кажется, что в поэмах и почти во всех обычных случаях Гомер использует, и он очень часто действительно использует, как эквивалентные и взаимозаменяемые, те три основных обозначения, которые он применяет к общим грекам.

Характерно их использование Гомером.

Однако очень важный вопрос заключается в том, знал ли Гомер и наблюдал ли какие-либо различия между этими именами. Ибо если бы он это сделал, то эти простые банальные слова, как их принято считать, могут содержать в себе зародыши гораздо более ранней истории.

В этом исследовании у нас есть то преимущество, что мы по большей части имеем дело не с простыми традиционными утверждениями, а с фактами. Использование определенных имен в определенные эпохи для определенных племен предоставляет (если тексту можно доверять на предмет подлинности) класс доказательств, аналогичных тем, которые предоставляют монеты и надписи для истории, или тем, которые предоставляют геологические явления в отношении формирования земного шара.

Поэмы Гомера, особенно "Илиада", изобилуют отрывками, относящимися к предшествующим событиям. Эти отрывки, как правило, не отличаются высокой поэтической красотой по сравнению с остальной частью стихотворения; из-за них действие часто затягивается; многие из них представляют собой речи стариков, чья естественная склонность к болтливости, по-видимому, Поэт с присущим ему мастерством использовал для достижения своих собственных намеченных исторических целей. Но это хранилища, в которых хранится, можно даже сказать, битком набитая, самая любопытная и наводящая на размышления информация.

Некоторые из них могут быть без даты, но время обычно устанавливается в достаточно точных пределах либо по генеалогиям, либо по периоду жизни рассказчиков, к которому относятся эти истории. Война Элианцев и пилан, описанная в Одиннадцатой книге, происходила во времена отрочества Нестора: вероятно, за пятьдесят-шестьдесят лет до Троянской войны. Рождение Эврисфея, описанное в Девятнадцатой книге, произошло, вероятно, еще раньше на десять или двадцать лет. Другие легенды относятся к промежутку между этими событиями и *Тройкой*. Теперь, если мы сможем проследить разницу в применении Гомером своих апеллятивов либо ко времени, либо к местам, он может тем самым окончательно, хотя и бессознательно, рассказать нам многое о своем взгляде на преемственность и местное распределение правящих рас в Греции.

Такое правило различия легко проследить.

Например. В Каталоге^[614] и в других местах, если в ходе действия он ссылается на солдат, прибывших из страны, впоследствии названной Ботией, он называет их βοιωτοί. Но там, где Агамемнон имеет или, скорее, использует случай рассказать историю об одних и тех же людях, действовавших в предшествующей истории, он называет их не βοιωτοί, а один раз Καδμείοι, и один раз эквивалентным именем καδμείωνες^[615]. Рассказ представляет собой рассказ о миссии Тидея из Фив в Микены вместе с Полиником, которая произошла во времена династии Пелопидов.

Из этой истории следует, что Тидей и Полиник сначала получили обещание помощи, в которой они нуждались; но после того, как они ушли, решение изменилось. Следовательно, были

отправлены гонцы, чтобы познакомить Тидея и, по-видимому, напомнить о силе. Выражение (Il. iv. 384),

ἐνθ' αὖτ' ἀγγελίην ἐπὶ Τύη στεῖλαν Ἀχαιοί.

Намек на это событие снова вложен в уста Минервы в Il. v. 800-7. Сходство в используемых названиях настолько точное, что является почти *прецизионным*. Опять же, микенцы названы один раз и называются как Ἀχαιοί. Опять же, фиванцы названы дважды, и один раз как Καδμεΐοι, один раз как καδμεῖωνες.

Доказательства отличительного использования.

Эти два примера до такой степени усиливают друг друга своим совпадением, что, как я бы предположил, они, даже если бы стояли отдельно, свидетельствовали бы о том, что Гомер учитывал времена и обстоятельства, при которых преобладали несколько рас, в тех отрывках его произведения, которые относятся к конкретным случаям предшествующей истории, личным и местным. Но нет недостатка и в других доказательствах.

Во-первых, у нас есть другие фрагменты предшествующей истории, которые затрагивают ту же часть Греции. Первый из них, вероятно, предшествовал *Тройке* всего на два или, самое большее, на два с половиной поколения. Это рассказ о рождении Эврисфея, приведенный самим Агамемноном в Девятнадцатой книге. Сцена этого описана как Ἄργος Ἀχαιϊκόν. Он действительно называет ее тем именем, которое она все еще носила в то время, когда он говорил, и которое было понятно слушателям, ибо это была та же страна, что и в прежние времена. Но тот же самый народ, который во времена Тидея, жившего при Пелопидах, был Ἀχαιοί, во времена Эврисфея и, следовательно, до преобладания Пелопидов, описывается как Ῥυγεΐοι. В Ил. xix. 122 Юнона таким образом говорит о рождении Эврисфея

ἦδη ἄνθρω γέγον' ἔσθλος, ὃς Ἀργεῖοισιν ἀνάξει.

И снова, ст. 124, используется тот же термин.

Опять же, из Шестой "Илиады" явствует, что Притус, изгнавший Беллерофонта примерно в то же время, был царем Ἀργεΐοι (Ил. vi. 158);

ὃς ῥ' ἐκ δῆμου ἔλασσε, ἐπεὶ πολὺ φέρτερος ἦεν Ἀργεῖων.

Согласно внегомеровской традиции, Прет был братом Эврисфея. Согласно Гомеру, его власть простирается на Эфир и аргивян: и поскольку на западе тогда правили эолидские династии, это страна, впоследствии названная ахейским Аргосом, в какой-то части которой он, должно быть, правил. Но, рассказывая историю Proetus, и история Эврисфей, со ссылкой на ту же сторону Пелопоннеса, и совершенно вне связи друг с другом, текст Гомера, верен себе, называет субъекты, которым в этот период, только по имени Ἀργεΐοι, не Danaoi или Ἀχαιοί.

Таким образом, за одно поколение до *Троики* он называет людей ахейцами, и называет их только этим именем, которых одним или двумя поколениями ранее он описывает, причем

неоднократно и единообразно, как аргивян. Вряд ли может быть более веское косвенное свидетельство того факта, что каждому термину он придавал свое особое значение.

И все же дело не только в том, что Гомер сделал аргивское название более древним, а ахейское - более поздним. Напротив, он использует и то, и другое с заметным уважением как к месту, так и ко времени. Ибо в великую аргивскую эпоху у него были ахейцы; и в великую ахейскую эпоху, эпоху поэм, у него все еще сохранились аргивские ассоциации и местное аргивское обозначение.

В Одиннадцатой книге Нестор задерживает Патрокла очень длинной речью. В начале этой речи он ссылается на обстоятельства того момента, и, закончив свое предисловие, он возвращается к своей ранней юности, фактически почти к детству, чтобы рассказать историю войны, или набега, между эпейцами и пилийцами. Закончив этот рассказ, он возвращается к действительному положению дел перед Троей.

В описании этого рейда[616] он обычно называет одну сторону эпеанцами, а другую - пилианцами. Но однажды он называет эпейцев, которые были жителями Элиды, элианами. Это достаточно естественно: поскольку впоследствии (и так скоро, как во времена Гомера) элианское имя преобладало в этой расе и стране, оно вполне могло уже начать входить в обиход. Но он также называет пилян ахейцами; и он использует это название отчетливо, поскольку именно там он говорит о них как о партии завоевателей[617]. Для этого явно нет соответствующей причины. Столь же ясно, что Гомер не называет пилийцев Ἀχαιοί просто в смысле того, что они греки, ибо тогда это название не было бы отличительным: враг тоже был бы включен в их число, что превратило бы этот отрывок в бессмыслицу. Таким образом, Гомер (другой альтернативы нет) хочет сказать, что пилийцы были, в некотором особом смысле, ахейской расой.

Это тем более заслуживает внимания, если мы обратимся к преамбуле и завершению речи. Ибо в обоих из них, которые относятся ко всему телу греков и к троянской эпохе, он использует свои обычные имена и называет их обоих данайцами (Δαναῶν οὐ κήδεταί, ст. 665, также vid. 797) и Аргивянами (Ἀργείων ἄεκητι, ст. 667): наконец Achæans (Ἀχαιῶν υἱ ἐς, 800).

Таким образом, он называет пилян ахейцами во времена господства аргивян: ибо эта локальная война вряд ли могла быть более чем через десять или двадцать лет после рождения Эврисфея и, следовательно, должна была произойти до или иначе во время его правления; то есть в то время, когда его собственные подданные назывались Ῥυγεί Οι.

Снова. Гомер использует слово Ἀργεῖος в женском роде единственного числа пятнадцать раз. Дважды это относится к Юноне. Конечно, такое применение термина является образным. Но хотя это и образно, фигура, очевидно, основана на ее близком родстве не только с греками в целом, но и с именем аргивян; и с людьми, но, в частности, с местом, которое было так тесно связано с ним[618].

Во всех остальных тринадцати местах эпитет соединен с именем Елена. Означает ли это для нее просто по-гречески или что-то особенное, выходящее за рамки этого? Теперь, если это означало просто-напросто греческой, было бы странно, что она никогда не вызывается, я не буду говорить Δαναή, потому что Данаан имя не имеет особой пользы в Гомера, но, конечно, Ἀχαιή или Ἀχαιίς. Тем более, что слово Ἀχαιός используется в качестве эпитета, следует помнить,

во много раз чаще, чем $\rho\gamma\epsilon\iota$ ос: и только оно используется для описания женщин Греции в целом.

Опять же, если бы эпитет аргивянка применительно к Елене означал просто греческий, он мог бы быть достаточно подходящим в устах троянца, говорящего среди троянцев, но в устах грека или друга греков он был бы слабым и бессмысленным и, следовательно, наиболее непохожим на Гомера; или когда, как в "Одиссее"[619] Елены больше нет среди незнакомцев, но дома. Тем не менее, оно используется, среди прочего, в следующих отрывках: (1) Юноной Минерве, Ил. ii. 161, (2) Минервой Улиссу, Ил. ii. 177; и здесь в близком сопоставлении с ахейским апеллятивом, которое само по себе доказывает, что $\rho\gamma\epsilon\iota$ Н имеет значение более конкретное, чем просто греческое. Этот отрывок таков,

$\text{Ἀργείην Ἑλένην, ἥς εἴ νεκα πολλοὶ Ἀχαιῶν
ἐν Τροίῃ ἀπόλοντο.}$

Я сомневаюсь, что Гомер когда-либо помещал в такой близости два эпитета с одинаковым значением для каждой[620]. Тавтология была бы грубой, если бы каждое слово "ахейский" и "аргейский" означало ни больше, ни меньше, чем греческий: но если Ἀργεῖν имеет местный смысл, не остается ничего неловкого. (3) Его использует Агамемнон, Ил. iii. 458, обращаясь к троянцам; (4) Ил. iv. 174, обращаясь к Менелая; (5) Ил. ix. 140, обращаясь к Греческому совету. Даже из этого перечисления кажется совершенно очевидным, что $\rho\gamma\epsilon\iota$ Н применительно к Елене должно означать нечто отличное от простого факта, что она принадлежала к греческой нации в целом.

Также нетрудно найти смысл. Гомер действительно оставляет нам лишь ограниченную информацию относительно извлечения Елены. Иногда он называет ее $\epsilon\upsilon\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\alpha$ [621], и много раз $\Delta\iota\delta\acute{o}\varsigma \acute{\epsilon}\chi\upsilon\epsilon\gamma\alpha\upsilon\acute{\iota}$ А[622]. В Третьей "Илиаде" он показывает, что она сестра Кастора и Поллукса, а в Одиннадцатой "Одиссее" он показывает, что они дети Тиндарея и Леды[623]. Кем был Тиндарей, мы от него не знаем. Но общая традиция, которая делает его правителем Восточного Пелопоннеса, полностью согласуется с небольшими замечаниями Гомера. Ибо, как мы видим из случаев Эврисфея и Прета, именно в Восточном Пелопоннесе преобладали власть и имя аргивян; и Елена, дочь Тиндарея, является, как мы также видели, характерной для него аргивянкой Еленой. Таким образом, теперь можно с полным правом сказать, что мы получили значение этого имени, которое делает его особенно уместным в устах Агамемнона, главы Пелопидов. Ибо они были расой, которая, придя во главе ахейцев, с Запада одолела и вытеснила аргивскую державу Востока, в то время как они также оставались наследниками ее по браку: и если царственный аргивский дом в эпоху войны сохранился только в лице Елены и ее сестры Клитемнестры, она, по крайней мере частично, представляла его титул и, как законная жена Менелая, добавила к его трону ту власть, которую имя и права ее расы были способны предоставить.

Надеюсь, увидев достаточно, чтобы обосновать предположение, что по крайней мере некоторые из этих имен в сознании Гомера имели как определенное, так и более общее значение, давайте теперь, рассматривая их последовательно, перейдем к рассмотрению того, что это за значение.

Данайцы Гомера.

Среди трех великих гомеровских апеллятивов давайте сначала обратим наше внимание на тот, который, по-видимому, самый древний. Слово δαναοί, судя по сравнительной скудости связанных с ним знаков и указаний, очевидно, соответствует этому описанию.

Мы рассмотрим сначала свидетельства Гомера, а затем более поздние, касающиеся этого. Из первых большее количество подробностей отрицательны. На самом деле у нас есть только два положительных момента, на которых можно остановиться; однако оба они имеют огромное значение.

1. Имя Данаан у Гомера является постоянным наименованием греков. Я думаю, однако, что можно показать, что это никогда не означает греческую нацию, но всегда греческое вооружение или солдат.

Оно используется в "Илиаде" сто сорок семь раз. Имя Ἀργεῖοι употребляется чаще, а именно сто семьдесят семь раз во множественном числе, кроме одиннадцати раз в единственном числе в качестве личного эпитета: ιααίοι еще гораздо чаще.

Его эпитеты для трех обозначений.

Если мы обратим внимание на оттенки, придаваемые этим словам соответственно посредством эпитетов, которые Гомер им придает, мы обнаружим, что они устанавливают заметные различия.

Эпитеты δαναοί являются исключительно военными эпитетами:

1. ἥρωες.
2. θεράποντες Ἄρης.
3. φιλοπτόλεμοι.
4. αἱ χμηταί.
5. ἄσπισταί.
6. ἱφθίμοι.
7. ταχύπωλοι.

Эпитеты Ἀργεῖοι следующие:

1. ἱόμωροι, Il. iv. 242. xiv. 479.
2. ἀπειλάων ἀκόρητοι, Il. xiv. 479.
3. θωρηκτοί, Il. xxi. 429.
4. φιλοπτόλεμοι, Il. xix. 269.
5. ἐλεγχέες, Il. iv. 242.

На них мы можем заметить, во-первых, что их немного; во-вторых, что они используются крайне редко; в общей сложности они употребляются только в четырех отрывках, тогда как слово δαναοί имеет эпитеты в двадцати двух. В-третьих, к этому слову только дважды во всех стихотворениях прилагается военный эпитет. Ибо я должен следить за теми, кто не переводят ἱόμωροι как связанных с ἐγχεσίμωροι: (1) потому что греки были не лучники, (2) потому что при

выводе из Ἰα, 'голос', придавая ощущение хвастуном, гармонирует именно с сопровождающими фразу ἀπειλάων ἀκόρητοι: также как (3) для фиксированных, но в Гомере не убедительных, оснований, что Ἴον в состав длинный.

Эпитеты Ἀχαιοὶ многочисленны, весьма разнообразны и очень часто употребляются. Вот они:

1. ἀπειλητῆρες.
2. μάχης ἀκόρητοι.
3. ἀνάλκιδες.
4. δῖοι.
5. ἐλίκῳτες.
6. εὐκνήμιδες.
7. ἥρωες.
8. καρηκομόωντες.
9. μεγάθυμοι.
10. μένεα πνείοντες.
11. χαλκοκνήμιδες.
12. χαλκοχίτωνες.
13. ὑπερκύδαντες.
14. ἀρηίφιλοι.
15. φιλοπτόλεμοι.

Эти эпитеты используются почти в ста тридцати отрывках, и их можно классифицировать как включающие,

- (1) Одно или два слова саркастического упрека, которые используются очень редко.
- (2) Слова, описывающие мужество и дух: таковы μεγάθυμοι, μένεα πνείοντες.
- (3) Слова, указывающие на склонность к хвастовству, которая более или менее прослеживается в военном поведении греков, а также явно ощутима среди троянцев.
- (4) Слова, описывающие личную красоту: ἐλίκῳτες и καρηκομόωντες.
- (5) Слово δῖοι, которое обычно обозначает обладание каким-либо совершенством.
- (6) слова, относящиеся к хорошо сделано и хорошо закончил броня: εὐκνήμιδες, χαλκοκνήμιδες, χαλκοχίτωνες.

И об эпитетах трех апеллятивов соответственно мы можем сказать:

- (1) Символы Ἀχαιοὶ в высшей степени разнообразны, расширены и возвышенны по смыслу: и подходят не только для солдат.
- (2) Признаки Ῥγεῖοι настолько незначительны и редки, что на них можно не обращать внимания.
- (3) Знаки δαναοὶ, скорее всего, принадлежат не вождям и не нации в целом, а солдатам.

В "Одиссее" имя Данаан используется тринадцать раз, но оно никогда не обозначает ни греков, современных действию этой поэмы, ни греческую нацию в ее предшествующей истории: оно используется всегда ретроспективно и всегда в отношении солдат Троянской войны.

Читатели поэм, вероятно, заметят, что Гомер часто сопоставляет два из трех великих апеллятивов или даже все три настолько близко, что это было бы неудобно при предположении, что они являются чистыми синонимами. Например, в Ил. я. 71, мы Ἀργεῖοι и Ἀχαιοὶ в той же строке, и в Ил. я. 90, 91, Δαναοὶ и Ἀχαιοὶ в двух последовательных строках. Я думаю, очевидно, что это неудобство будет смягчено или устранено, если удастся показать, что каждое из этих трех имен, хотя они чаще всего применялись для обозначения одной и той же группы лиц, тем не менее имело свой собственный оттенок значения. И сейчас нам придется рассмотреть случаи, когда определение такого рода, по-видимому, требуется по смысловой[624].

Все остальные гомеровские свидетельства, связанные с именем δαναοὶ, носят отрицательный характер.

Оно никогда не употребляется в единственном числе ни как прилагательное, ни как существительное. Это никогда не применялось и к женщинам: немаловажный момент в связи с вопросом, не означает ли это у Гомера исключительно греков, служивших в армии. Опять же, в его употреблении этого слова нет ничего, что связывало бы его с каким-либо особым классом армии, низшим или высшим; но оно представляется по существу общим, всеобъемлющим и, я могу добавить, также неизменным в своем значении.

Еще меньше мы должны ожидать найти его, да и не находим, связанным с жителями какой-либо определенной части страны: у него нет, подобно кадмейскому или кефалленскому названию, местного места жительства в пределах Греции. Не имеет он в себе какой-то корень, или любые производные, которые бы связать его с какой-либо территории, как Αἰ γῖαλεῖς отправляет нас к Αἰ γῖαλος, или даже как Ἄρκαδες относится к Ἄρκαδιῇ.

Его использование в "Илиаде" в точности соответствует использованию в "Одиссее": оно никогда не связано с историей греков или какой-либо ее части: короче говоря, нет четких свидетельств его существования или применения за пределами лагеря.

Это также не имеет никакого отношения ни к физическому характеру страны, ни к какой-либо из известных населявших ее рас, ни к какому-либо занятию или образу жизни, ни к какому-либо божеству. Он плывет перед нами, как Делос на Эгейском море, без какого-либо видимого или обнаруживаемого корня. И единственный вопрос заключается в том, не являются ли имеющиеся в нашем распоряжении незначительные положительные свидетельства настолько ограниченными и окруженными со всех сторон отрицательными, что они придают гипотезе, которая может быть выведена из них, определенную форму, запрещая нам двигаться, кроме как в одном определенном направлении.

Совершенно очевидно, что название Данаан должно было иметь какие-то корни, уходящие очень глубоко в историю или легенды Греции: поскольку Гомер, как народный поэт, затрагивающий тему наиболее глубоко национальную, не смог бы описать греческую армию ни под каким именем, кроме того, которое ассоциируется с некоторыми из самых великолепных или наиболее почитаемых традиций страны.

Династическое имя данаан.

Только одним способом это имя могло соответствовать требуемому условию. Если его корень не был ни территориальным, ни племенным, ни религиозным, оно могло быть только личным. Был ли, таким образом, Данай, известный в ранней истории Греции, который основал династию в центре ее власти в период, предшествующий эллинской истории страны, чтобы не соперничать с почестями этой расы? Если это так, то вполне понятно, что Гомер мог называть греков δαναοί. Если эта династия скончалась, мы можем хорошо понять, почему δαναοί не должно быть именем современных греков как таковым: точно так же, как Κάδμειοι не было допустимым обозначением для современных беотийцев. Далее, если бы это вообще никогда не было историческим апеллятивом, а было простым отражением фигуры великого первобытного персонажа и включено, по замыслу Поэта, в обозначение, сделанное им национальным, тогда мы можем видеть, насколько естественным было то, что он полностью ограничил это слово героическим и воинственным значением; точно так же, как кембрийский для валлийца, или каледонский для шотландца, или гэльский для горца, или сын Альбиона для англичанина, было бы названием, естественным образом подходящим для романтики, или войны, или любого рода, пропитанного духом войны. сильна образность или страстность, но все же не подходила бы для целей чистой истории.

В этом исследовании, касающемся названия Данаан, мы должны, я думаю, использовать в качестве кардинального элемента в этом деле то, что нам известно из других источников относительно того, каким образом Гомер имел обыкновение скрывать все следы проникновения в Грецию из других стран рас, личностей или влияний. Никогда не следует забывать, что во всех стихотворениях, по-видимому, нет ни одного заявления, обращенного к нам с намерением передать информацию о колонизации Греции из-за границы. По-видимому, намерение Поэта состоит в том, чтобы мы предположили, что все греческие нравы, институты и расы возникли из самой почвы: и только случайно он делится с нами какой-либо информацией или предложением по этому вопросу, когда он ищет какую-то другую цель и, сам того не подозревая, проливает свет на какое-то иностранное поселение или иммиграцию.

Все это соответствует естественному течению чувств. Шекспир считал нужным воспеть Лира, но не Хенгиста и Хорсу; англичан во Франции, но не норманнов в Англии. И хотя датские вторжения не лишили нашего великого Альфреда его славы, все же в течение длительного времени, чтобы сохранить ее блеск, возможно, мы приукрашивали военную историю того периода в свою пользу. Прибытие из-за границы в ранние периоды жизни нации обычно является победой, в той или иной форме, иностранцев над туземцами: того, что чуждо этой земле, над тем, что с ней связано. Вряд ли такие повествования должны быть популярны. Ненормальный пример обратного можно найти в басне, которая выводит род Юлиев в Риме из рода Эней: но это было для поэзии, сочиненной через тысячу лет после даты ее повествования; сочиненной, когда линия национальной преемственности с теми, кого, как считалось, победил Эней, была полностью прервана; и сочиненной для ушей двора, когда пульс национальной жизни стал почти неощутим. Даже процесс, с помощью которого эллины овладели пеласгами, нигде официально не описывается Гомером, целью которого было более тесное объединение элементов нации, а не запись того, что они когда-то были разделены.

По сравнению с кадмийским.

За исключением одного момента, что имя Καδμείῳ занимало ясное и неоспоримое место в предшествующей истории, существует заметная аналогия между способами, которыми Гомер трактует истории о Кадме и Данаане. В каждом из двух случаев общая традиция повествует нам об иностранце, который приезжает в Грецию и основывает династию. Эта династия, на протяжении нескольких поколений оказывавшая сильное влияние на судьбы страны, со временем исчезает, и вместе с ней умирает ее имя. Все это, как мы видели, в первом из двух примеров в достаточной степени подтверждается выводами и предположениями Гомера. И все же Гомер никогда не упоминает Кадма, разве что случайно, при передаче добычи Левкотии[625]; также не говорится, что он приехал из-за границы; и что он вообще основал династию. Он дает нам Кадма, отца Левкофея, и Кадмийцев и позволяет нам сделать из них все, что мы можем. Итак, здесь он дает нам Данаев, и на самом деле это не Данай, а Данаэ, которая, предположительно, состоит в родстве с Данаем.

2. В "Илиаде xiv" Юпитер рассказывает о своей страсти к разным женщинам, все они занимают самые высокие посты; и среди них к Данае[626].

Δανάης καλλισφύρου Ἀκρισιῶνης,
ἣ τέκε Περσῆα, πάντων ἀριδείκετον ἄνδρῶν.

Линия Данаи.

В этом отрывке Данаэ представлена как глава династии государей, идущей от Персея, который занимал самое древнее и выдающееся место власти в Греции, Восточный Пелопоннес. Действительно, происхождение суверенитета от нее локально непрерывно вплоть до времен Гомера. Персей - отец Стенела[627], и Стенела из Эврисфея. Рядом с ним мы находим Пелопса, восседающего на троне с новым скипетром, символизирующим новый суверенитет. Иными словами, он больше не был просто местным правителем, высшей честью для которого было быть первым в этом классе, *primus inter pares*; но он также приобрел обширное господство, простиравшееся за пределы своих собственных границ или границ Ахейского Аргоса и охватывающее всю Грецию со множеством островов[628].

Такова линия Данаи вниз: начиная с сына, происхождение которого по отцовской линии мы рассмотрим ниже[629]. И ее эпоха, как мы увидим, за шесть поколений до Троянской войны. Для того чтобы проследить ее восходящий путь, у Гомера у нас нет никаких средств, кроме тех, которые дает слово ΚρισιῶΝη. Использование отчества, которое описывает Данаю как дочь (наиболее вероятно) Акрисия, в некоторой степени делает вероятным, что Акрисий либо был братом Данаэ, либо иным образом состоял в родстве, а не происходил от него напрямую. Ибо, если бы сама Данаэ происходила от Данаэ, казалось бы невероятным, что она получила бы свое отчество от менее выдающегося Акрисия, если только Данай не был очень отдаленным предком. Но это очень маловероятно: семь поколений до Трои составляют предельный предел исторических знаний Гомера; и там, где все остальное укладывается в эту черту, маловероятно, чтобы существовало хоть одно исключение, выходящее далеко за ее пределы. И опять же, судя по ходу миграции, вполне вероятно, что мы должны найти его древнейшие традиции в Азии, а не в Европе. С другой стороны, то, что Гомер остановился на прослеживании родословной непосредственно перед тем, как прийти к иностранному иммигранту, в точном соответствии с тем, что он сделал, не связав Эдипа и Эпикаста[630] с Кадмом или Пелопсом с Танталом. В первом из этих двух случаев упущение тем более убедительно наводит на мысль о замысле, потому что Эпикаста - единственная женщина, представленная в Νεκυῖᾱ без упоминания своего

мужа, среди всех тех, числом восемь, о делах которых он сообщает нам подробно. Следовательно, наиболее вероятно, что Гомер имел в виду следующую генеалогию: и, по крайней мере, не следует думать, что текст Гомера прямо или косвенно подтверждает те более поздние басни, которые отбрасывают первые греческие династии в очень отдаленную древность.

1. Данай = Акрисий
|
2. Даная
3. Персей
4. Стенелус
5. Эврисфей (= Геркулес) = Пелопс
6. Атрей = Фиест
7. Агамемнон = Эгист.

Эпоха династии.

Согласно этим предположениям, Данай современник Дардана[631]: а также именно такой человек, какого можно было бы ожидать от поэтического использования Гомером имени δαναοί; тот, кто приехал из-за границы и по этой причине держится в величественной тени; тот, кто основал трон, но не ввел расу: тот, кто, возможно, дал нам имя δαναοί. его народу дали имя δαναοί, поскольку Кадм дал имя Καδμείῳ на то время, пока его династия была у власти, но чье имя исчезло вместе с ее влиянием. Следует помнить, что у Гомера нет гомеровских легенд о периоде Данаид, так что мы не знаем, было ли тогда название δαναοί в какой-либо степени национальным или нет.

Согласно постгомеровской традиции, Данай был египтянином[632], братом египтянина. Он мигрировал в Грецию и стал царем Аргоса. Акрисий и Притус считались его правнуками.

У Гомера тоже есть Акрисий и Притус: но Притус современник Беллерофонта, за два поколения до *Тройки*, так что он позже Акрисия на четыре поколения и по крайней мере на четыре - Даная.

Более поздняя традиция, положительно противоречащая Гомеру в этом, как и во многих других примерах, переносит Прета во времена Акрисия, а затем, отдавая некоторое уважение интервалу между Претом и Данаем, компенсирует это, отодвигая самого Даная на три поколения назад.

О потомстве гомеровского Притуса мы ничего не слышим, и вместе с ним линия данаид, продолжавшаяся в младшей ветви, возможно, прекратила свое существование. Традиция возводит его на трон Тиринфа. Его обладание отдельным суверенитетом в Аργοлиде само по себе не противоречит гомеровскому рассказу о Персеидах, которые правили в Микенах; потому что мы находим в самом Аргосе отдельный суверенитет при Диомеде в эпоху *Тройки*. Но используемые термины своеобразны. Притус правил Ρῆγι Οἰ;

πολὺ φέρτερος ἦεν
Ἀργείων· Ζεὺς γάρ οἱ ὑπὸ σκηπτρῷ ἐδάμασσεν[633].

Рассказ об Эврисфее в Девятнадцатой книге, однако, может подразумевать, что он был царем всех Ἀργεῖοι: и на первый взгляд здесь возникает некоторый конфликт, потому что и Эврисфей, и Притус, можно сказать, датируются двумя поколениями до *Тройки*. Решение, вероятно, заключается в следующем. Страсть Антеи, жены Прета, к Беллерофонту наводит на мысль, что ее муж был более продвинутым в жизни, чем Беллерофонт, которого, как дедушку Главка, мы можем справедливо считать представителем второго поколения до войны. С другой стороны, поскольку Эврисфей был современником Геракла, а у Геракла на войне был сын, а также внуки, мы можем предположить, что Эврисфей был младшим в поколении, поскольку Прет был его старшим; так что им не обязательно было быть современными принцами.

Историческое место, отведенное Данаю, либо в том виде, в каком мы могли бы зафиксировать его у Гомера, либо в том, как это определяет более поздняя традиция, отделяет его от самых ранних эллинских традиций южной Греции. Ни одно из них нельзя перенести дальше Сизифа; а Сизифу до войны было пять поколений, в то время как Данае не может быть меньше семи. Если бы Гомер приурочивал Данаю к более ранним эллинским владениям, это было бы, на мой взгляд, презумпцией против его египетского происхождения или вообще против его существования. Ибо пришелец из Египта вряд ли мог достичь власти там, где эллины уже были на поле боя: более энергичный гений подчинил бы себе менее энергичного. Изгнание эллина Беллерофонта и заговор против его жизни, возможно, действительно были связаны с политической завистью Данаид к грозным пришельцам с Эолидского полуострова: я также не воспринимаю басню о Юпитере с Данаей иначе, как завесу, использованную для придания достоинства началу эллинского владычества, которое в лице Персея частично унаследовало, частично вытеснило трон Данаид.

Данай был упомянут Гесиодом, первым из позднейших авторитетов. Этот поэт утверждает, что он избавил Аргос от засухи: операция, которая хорошо согласуется с традицией, которая приводит его из страны, зависящей от орошения Нила, поскольку условия возделывания там не могли не привести на раннем этапе к осторожному обращению с водой. Он также называет Персея именем δαναῖδης, а также называет его сыном Данаи[634].

Единственная точка связи между данаидами и аргивским именем заключается в том, что Притус, последний из Данаид, правит аргеями. Но это происходит в период, когда дом Персеидов, который, очевидно, был эллинским, уже стал первым по рангу среди греческих престолов и дал, как вероятно, аргейское имя народу Восточного Пелопоннеса. Таким образом, все свидетельства отбрасывают название Данаан со всеми его эпизодами к периоду, предшествующему периоду аргеев и ахейцев.

Но если Данаи были таким образом дорἈργεῖοι и доαἰοῖ, то за кем они следовали?

Постгомеровская традиция.

Свидетельства Эсхила в Приложениях подтверждают традицию, которая заставляет их немедленно следовать за пеласгами[635], или, более строго, представляет их имя как первое из тех, которые носит греческая нация после того, как она перестала быть просто пеласгической.

Еврипид передал родственную традицию о том, что Данай, придя в Аргос, колонизировал город Инах; и что пелопоннесцев, ранее называвшихся пеласгиотами, впоследствии стали называть Данаями[636].

Πελασγίῳτας δ' ὠνομασμένους, τὸ πρὶ ν
Δαναοὺς καλεῖσθαι νόμον ἔθηκ' ἄν' Ἑλλάδα.

Эти предания, полученные от трагиков, совпадают со свидетельствами гомеровского текста. Ибо, во-первых, этот текст явно отбрасывает данаанскую линию дальше в прошлое, чем линию любого из эллинских племен. Во-вторых, на основании отрицательных свидетельств, нигде не используя имя Данаан в дореволюционных легендах, он оставляет нам возможность сделать вывод, что это, должно быть, было самое древнее и наиболее удаленное от общего употребления из трех его великих наименований. В-третьих, Гомер не дает нам никакого другого названия, которое имело бы хоть малейшее основание ставить между данайцами и древними пеласгами, прямые и косвенные следы которых мы находим во многих местах поэм.

Таким образом, хотя мы можем сослаться лишь на догадки Гомера относительно личности Даная, мы, по-видимому, вправе заключить из его показаний, что название было династическим, что династия была доэллинской и что она стоит в хронологическом порядке рядом с пеласгическим временем.

Имя Ἀργεῖ Οἱ - следующее, с чем нам приходится иметь дело: и это имя, применимое к людям, настолько очевидно основано на имени ῥῆος, применимом к территории, что с этого последнего слова мы должны по необходимости начать исследование; точно так же, как для того, чтобы прийти к значению термина "эллины", мы были вынуждены начать с Эллады.

Применение названия Аргос.

И словосочетание настолько важно и как бы занимает центральное место в географии Гомера, что нам лучше сначала рассмотреть, какие различные формы выражения использует Гомер, когда хочет выразить словами всю территорию греческой нации:

1. Мы уже видели, что он, по-видимому, использует для этой цели объединенную силу имен Эллада и Аргос;

ἄνδρες, κλέος εὐρύ τοῦ καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἀργος[637].

2. Он использует другие сочетания для аналогичной цели. Первое - это Ἀργος, расширенное эпитетом πᾶν и соединенное с островами. Эти слова, взятые вместе, охватывают всю Империю Агамемнона:

πολλῆσιν νήσοισι, καὶ Ἀργεὶ παντὶ ἀνάσσειν[638].

3. И снова, с именем собственным Ἀχαιῖς,

Ἐξ Ἀργος ἰππόβοτον, καὶ Ἀχαιῖδα καλλιγύνακα[639].

Это говорит троянский вестник о возможном урегулировании ссоры, после чего, по его словам, мы спокойно останемся в Трое, а *они* вернутся в Аргос и Ахей. Под “они” он имеет в виду всех греков, следовательно, страна, в которую они возвращаются, означает всю Грецию.

4. Может возникнуть вопрос, включает лиρρος в сочетании с μέσος всю Грецию, как в речи Диомеда Главку:

τῶνϋν σοι μὲν ἐγῶξεϊ νος φίλος Ἄργεϊ μέσσω
εἰ μὶ , σὺ δ' ἐν Λυκίῃ[640].

5. Также возникает вопрос, какова географическая сила Аргоса, даже когда он стоит отдельно. В определенных местах он явно широк. Таким образом, Парис упоминает κτήματα,

ὅσσ' ἀγόμην ἐξ Ἄργεος ἡμέτερον δῶ[641]:

и Полидамас, говоря о возможном уничтожении греческой армии,

νωνύμνους ἀπολέσθαι ἀπ' Ἄργεος ἐνθάδ' Ἀχαιοῦς[642].

строка, повторенная в другом месте. С другой стороны, слово в некоторых местах, несомненно, имеет только ограниченное значение.

6. И снова мы находим слово Ἀχαῖς γαῖ α, используемое, очевидно, с намерением обозначить всю греческую страну; как в первой "Илиаде" Нестора;

ὑπόποι, ἧ μέγα πένθος Ἀχαῖδα γαῖ α ἰ κάνει[643].

7. И у нас есть одно и то же слово Ἀχαῖς без γααα, как в "Илиаде", так и в "Одиссее".

Например, когда Нестор и Улисс собирали греческие войска, они были

λαὸν ἀγείροντες κατ' Ἀχαῖδα πουλυβότειραν[644].

И Улисс, обращаясь к своей матери, стоящей в Тени внизу, говорит:

οὐ γάρ πω σχέδον ἦλθον Ἀχαῖδος, οὐδέ πω ἀμῆς
γῆς ἐπέβην[645].

Чтобы перейти сначала к тому, что наиболее ясно, я думаю, можно с уверенностью утверждать, что Ἀχαῖς, с аффиксом γαῖ α или αῖ α[646], означает не что иное, как всю Грецию в отрывках, где Гомер использует только это обращение. Действительно, один отрывок, взятый сам по себе, является решающим доказательством того, что сюда включены даже острова. Телемах[647] так описывает свою мать как непревзойденную в Греции:

οἷ η νῦν οὐκ ἔστι γύνη κατ' Ἀχαῖδα γαῖ αν
οὔτε Πύλου ἰ ἐρῆς, οὔτ' Ἄργεος, οὔτε Μυκῆνης,
οὔτ' αὐτῆς Ἰθάκης, οὔτ' ἠπειροιο μελαίνης.

Ибо здесь четко перечислены как части Афины несколько пелопоннесских государств, остров Итака и континент, очевидно, имея в виду то, что находится к северу от Коринфского залива.

И все же, возможно, остается правдой, что, хотя обычно это означает Грецию в целом, Ἀχαιῖς все же может иметь более особую связь с Югом, поскольку весь этот остров называется Британией, тогда как название произошло в основном от его южных жителей.

Но в отрывках, пронумерованных (1) и (3), мы находим, что вся Греция обозначается использованием не одного, а двух выражений: в первом случае это,

1. Ἑλλάς.
2. μέσον Ἄργος.

Во втором они такие,

1. Ἄργος.
2. Ἀχαιῖς.

И с ними мы можем сравнить выражение, очевидно предназначенное для обозначения всех греков, в Ил. ii. 530 под именами

1. Πανέλληνες.
2. Ἀχαιοί.

Итак, здесь есть три способа использования этих слов, чтобы передать их общий смысл, который, как я предполагаю, относится ко *всей*: а именно.

1. Что каждое слово должно охватывать часть, причем две части вместе составляют целое, *т.е.* Что слова должны использоваться распределительно.
2. Что каждое из них должно охватывать целое и что слова следует использовать в совокупности.
3. Что одно из слов должно относиться только к части Греции и должно как бы перекрываться другим, означающим целое.

Теперь, поскольку Ἀχαιῖς единообразно означает всю Грецию в восьми отрывках, где оно стоит отдельно, это, естественно, будет определять его смысл в двух отрывках, где оно совокупительно соединено с Ἄργος. Далее мы также увидим, что местное употребление Ἀχαιοί настолько размыто, что вряд ли было бы возможно предположить какое-либо другое значение. Таким образом, у нас есть фиксированная точка, из которой мы можем воздействовать на другие.

Но что означает Ἄργος ἢ Πύρρον?

Очевидно, что у Гомера слово Ἄργος имеет несколько значений.

1. Это город, как в Ил. iv. 51,

ἦτοι ἔμοι' τρεῖς μὲν πολὺ φίλταται εἰ σὶ πόλεις
Ἄργος τε, Σπάρτη τε, καὶ εὐρυάγυια Μυκῆνη.
τὰς διαπέρσαι κ.т.λ.

2. Это ограниченная территория, вероятно, такая, какой впоследствии было государство Арголида. Ибо, когда Телемах покидает Спарту, к нему присоединяется Феоклимен[648], φεύγων ἐξ Ἄργεος. И снова, когда Мелампус покинул Пилос, он прибыл в Аргос:

ὁ δ' ἄλλων ἵκετο δῆμον
ἐς Ἄργος ἰππόβοτον[649].

Первое доказывает, что Спарта не была включена в географическое название Ἄργος: второе доказывает то же самое для Пилоса: и это то же Ἄργος ἰππόβοτον.

Та же фраза используется в Од. iii. 263 об Эгисте, который пытается развратить Клитемнестру, μυχρῶν Ἄργεος ἰπποβότοιο.

Здесь Микены явно подразумеваются под μυχρῶν, Ἄργος ἰππόβοτον - это Арголида или что-то подобное.

Этот район, включая Микены, был главным кварталом греческой державы. Теперь мы обнаруживаем, что все владычество Приама носило название Τροίη, включая множество городов и значительную территорию, и название Τροίη также иногда применялось к столице, собственное название которой было Илион. Таким образом, Венеция в наши дни означает и город, и территорию, даже несмотря на то, что город находится за пределами территории; единственное различие заключается в употреблении или неиспользовании артикля. Следовательно, было достаточно естественно, что троянский вестник назвал целое по наиболее превосходной части и таким образом отождествил их; и, с другой стороны, было бы не иначе, как естественно, если бы он назвал наиболее превосходную часть, а также назвал целое, не проводя словесного различия между ними.

Так что в Ил. iii. 75, 258 фраза Ἄργος ἐς ἰππόβοτον, согласно тому, что предшествовало, может означать либо

1. Часть Пелопоннеса, включающая Аргос и Микены в качестве главного квартала (и тогда линию следует интерпретировать третьим из указанных выше способов; как мы могли бы теперь сказать: "мы посетили Рим и Италию".)

2. Или это может означать всю Грецию путем переноса из ее столичной части, и тогда очередь должна быть переведена вторым способом, как можно было бы сказать сейчас: "нашей Зеленой Эрин, нашей ирландской матери храбрых".

Английское "и" действительно испортило бы смысл: но греческое καὶ гораздо более эластично и может быть эквивалентно итальянскому *ossia* или знаку =.

Я сомневаюсь, что у Гомера есть какой—либо отрывок, где слово "Аргос" стоит отдельно или с характерным эпитетом, таким как ππόβοτον, и где оно требует какого—либо другого значения, кроме одного из трех только что приведенных — город - на северо-востоке Пелопоннеса - и (по метонимии) вся Греция.

Когда Нестор (Ил. ii. 348) осуждает тех греков, которые должны думать о возвращении домой до того, как станет известен разум Юпитера, и называет возвращение Ἄργοςδε ἵ ἐναί, кажется бесспорным, что мы должны понимать Ἄργος Грецию.

Когда Парис говорит, что он привез κτήματα из Аргоса, наиболее естественным объяснением является то, что, поскольку местом была Спарта, а следовательно, не Аргос в узком смысле, из которого он их взял, что он подразумевает под Аргосом для обозначения Греции.

Когда Сизиф обитает в Эфире, μυχῷ Ἄργεος ἱ ππόβοτοιο, это слово означает северо-восточный район Пелопоннеса[650].

Слово Ἄργος в Каталоге (ii. 559), скорее всего, означает только город.

Поскольку ясно, что в некоторых отрывках это не может означать Пелопоннес, и поскольку это значение, по-видимому, ни в одном месте не подтверждается с большей вероятностью, такое значение допускать не следует.

Ахейский и Иасийский Аргос.

Это другой вопрос, как мы должны толковать фразы μέσον Ἄργος—Ἀχαιῶν Ἄργος, использованное четыре раза,—и Ἰάσον Ἄργος.

Два последних, очевидно, аналогичны Πελασγικὸν Ἄργος, которое, как мы уже выяснили, означает Фессалию.

Из четырех отрывков, где мы читаем фразу Ἀχαιῶν Ἄργος, две первые[651] относятся к возвращению Агамемнона и греков и, следовательно, по-видимому, допускают либо ограниченный смысл части Пелопоннеса как наиболее выдающейся части, либо расширенный смысл всей Греции, лучше, чем промежуточный самого Пелопоннеса, с которым ни Агамемнон, ни все греки в целом не имели каких-либо отдельных и определенных отношений, как они имели с владениями Агамемнона в качестве их верховного Вождя и, возможно, с владениями семьи Пелопидов совместно, включая Менелая.

В третьем случае оно используется в отношении Юноны, поскольку она идет, чтобы ускорить рождение Эврисфея[652],

καρπαλίμως δ' ἴ κετ' Ἄργος Ἀχαιῶν, ἔνθ' ἄρα ῥῆθῃ
ἱ φθίμην ὄλοχον Σθενέλου Περσηϊάδαο.

Этот отрывок, очевидно, лучше отражает представление о городе или ограниченном районе, чем о Пелопоннесе в целом. Действительно, поскольку очевидно подразумевается резиденция Персеидского владычества, и поскольку это владычество не распространялось на весь Пелопоннес, мы можем сказать, что это не могло быть значением этих слов.

Но четвертый отрывок требует более широкого значения этой фразы. Это вопрос Телемаха, спрашивающий, где Менелай был все то время, пока Эгист занимался своим преступлением[653];

ποῦ Μενέλαος ἔην;
ἧ οὐκ Ἄργεος ἦεν Ἀχαιῶκοῦ, ἀλλὰ πῇ ἄλλῃ
πλάζετ' ἐπ' ἀνθρώπους;

Это, по-видимому, явно включает Спарту в ахейский Аргос; и, поскольку это так, никакое значение не подходит для него в этом месте так, как Восточный Пелопоннес. Это сооружение также в высшей степени соответствует отношениям между Восточным Пелопоннесом и ахейской державой, которая имела там свою центральную резиденцию.

Несомненно, Страбон трактует Ἀχαιῶκὸν Ἄργος как означающий весь Пелопоннес (viii. 5. с. 365, ibid. 6. стр. 369), но аргумент из текста Гомера, кажется, против него: и даже он признает, что от ОД. раздел III. 249, что этот термин применяется также в Iasonia, в частности: ἀλλὰ καὶ τὴν ἰδίως Λακωνικὴν οὕτω προσὰγορευθῆναι[654].

Поскольку тогда кажется, что значение Восточного Пелопоннеса подходит фразе Ἄργος Ἀχαιῶκὸν во всех четырех отрывках, где оно используется, в то время как более расширенное значение всего Пелопоннеса никому не требуется и может быть даже допустимо только в одном (Od. iii. 249), мы можем заключить, что Восточный Пелопоннес является правильным значением фразы.

Иасийский Аргос.

Теперь мы переходим к Ἰάσον Ἄργος.

В Од. xviii. 245 Жених Эвримах, делая комплимент красоте Пенелопы, говорит ей: "У тебя было бы больше поклонников, чем у тебя есть",

εἰ πάντες σε ἴδοιεν ἀν' Ἰάσον Ἄργος Ἀχαιοί.

Теперь прежде всего следует признать, что это не относится ни к какой стране за пределами Пелопоннеса. Ибо, во-первых, это была самая выдающаяся часть страны и главная резиденция ахейцев; так что намерение этой речи, следовательно, наиболее естественно имеет к ней отношение. Но у Гомера также нет ничего, что связывало бы местное употребление слов Ἄργος со Средней Грецией.

Но если Эвримах ничего не имеет в виду к северу от Пелопоннеса, то опять же наиболее вероятно, что он имеет в виду ту часть Пелопоннеса, с которой Итака имела наибольшие сношения, где лежали ее деловые отношения и гостеприимство. Теперь этой частью был Западный Пелопоннес, как мы видим из путешествия Улисса в Эфир (Od. i. 260); из путешествия Телемаха, которое, так сказать, спонтанно принимает это направление; из хода публичных сделок, подразумеваемых в его речи (Od. iii. 82, ср. 72); из χρεῖ ος, который Улисс отправился восстанавливать в Мессене (Od. xxi. 15); из того, что Нестор был человеком, посетившим Итаку в связи с великой троянской ссорой; и судя по опасению, которое испытывала группа Претендентов, Улисс немедленно отправится в Элиду или в Пилос за помощью. (Од. xxiv. 431.)

Точно так же складывались отношения Крита с Восточным Пелопоннесом; и поэтому Елена в Трое узнает Идоменея, потому что она часто видела его в Спарте. И это, я могу заметить мимоходом, вероятно, является причиной того, что Улисс в вымышленных отчетах, которые он дает о себе на Итаке, так любит изображать из себя критянина, а именно: он может избежать любого риска быть обнаруженным, разместив свое подобающее место на расстоянии, превышающем обычную дистанцию общения.

Мы также не лишены информации от Гомера о самом первоначальном Иасе, от которого, по-видимому, произошло это имя; и чье имя, как мы находим, все еще существовало в Аттике во времена *Троики*[655].

Ибо отрывок из Одиннадцатой "Одиссеи" сообщает нам, что Амфион, сын Иаса[656], был могущественным принцем в минийском Орхомене: что его младшая дочь, прекрасная Хлорис, была королевой Пилоса: и что Нелей, женившись на ней, основал там династию Нелеидов. Таким образом, через Пилос мы связываем могущественную семью Язидов с Западным Пелопоннесом, возможно, за пять поколений до Троянской войны, и в то время, когда мы узнаем у Гомера, что Данаиды или Персей, должно быть, правили в Восточном Пелопоннесе. Этого, по-видимому, достаточно, чтобы оправдать вкладывание смысла Западного Пелопоннеса во фразу Ἰάσον Ἄργος в речи Эвримаха.

Мы можем справедливо спросить, так ли уж достоверно, как кажется само собой разумеющимся, что Орхомен Миней, где правил Амфион, был Орхоменом Беотии. Ибо его дочь Хлорида была правительницей Пилоса, и мы должны предположить, что эта власть была приобретена не ею самой, а унаследована от ее отца. Теперь очень маловероятно, что Амфион мог быть правителем одновременно Пилоса и северного Орхомена, между которыми вмешалась элидская семья, поселившаяся на Перешейке, другая раса эллинских вождей, линия Портея в Этолии, и, возможно, также династия Кадма в Беотии. У Гомера мы не находим ни одного примера владения одним и тем же князем территориями, которые не были непрерывными. Итак, между Пилосом и Элидой протекала река Миней; в Аркадии, как и в Беотии, во времена Гомера был Орхоменос; тогда представляется вероятным, что название этого города должно сочетаться с названием Миней в Пелопоннесе, как и в Беотии. Если бы это было так, то политическая связь с Пилосом естественна, и применение ясского названия к Западному Пелопоннесу становится еще более простым для объяснения. Но даже несмотря на то, что Орхомен, названный здесь, был беотийцем, случай остается достаточно ясным. Ибо когда-то или ранее (τότε) Амфион правил в Орхомене; и смысл вполне может заключаться в том, что, царствуя там в прежней жизни, он впоследствии сопровождал движение того времени на юг, возможно, будучи изгнанным со своей тучной земли; и что он установил или восстановил связь между Западным Пелопоннесом и именем Язиан.

Наконец, место μέσσω Ἄργος по-видимому, эквивалентно английское выражение, через широта Аргос, или *все за Аргоса*; и хотя мы можем думать, что Ἄργος в одиночестве означает, что одна сторона Пелопоннеса, μέσσω Ἄργος вполне может означать целое. В речи Диомеда[657] к Главку, это не может означать меньше этого: с другой стороны, поскольку оно является аналогом Ликий, оно, возможно, с не меньшей вероятностью может обозначать всю заселенную Грецию и, таким образом, быть эквивалентом πᾶν Ἄργος в Il. ii. 108. Но более удобным значением для Od. xv. 80, очевидно, является Пелопоннес, потому что тогда он точно совпадает с Элладой в том же отрывке, и они вместе составляют всю Грецию. Но, не нарушая значения слова Эллада,

означающего Северную и Среднюю Грецию, мы все же могли бы придать μέσον Argos силу 'всей Греции'. Тогда слова Менелая звучали бы так, как если бы житель Лондона сказал своему другу-иностранцу: 'Я провожу тебя через Шотландию и всю Британию'. Однако трудно однозначно выбрать между этими двумя значениями μέσον Ἰσθμῶς. Что мы ясно видим, так это то, что словосорῶς пустило самые глубокие корни и распространилось очень широко в связи с греческими поселениями, и только с такими поселениями.

А теперь, что касается линии, которую так сильно критиковали,

ἐγγεῖρ' ὃ' ἐκέκαστο Πανέλληνας καὶ Ἀχαιοὺς[658].

Слово πανέλληνες, как мы видели, может означать либо племена Греции за перешейком, либо племена всей Греции: в этом последнем и более вероятном смысле оно равнозначно Ἀχαιοί. Здесь я, наконец, касаюсь этого стиха вместе с другими, собственно географическими, из-за важного сочетания, которое он включает.

Апийская земля.

Мы находим в Il. i. 270, iii. 49 и в Od. vii. 25, xvi. 18 выражение ἀπὶ γαίῃ, которое некоторые грамматисты и общее мнение, упомянутое Страбоном[659], объяснили как означающее Пелопоннес, в то время как современные ученые переводят его просто как отдаленный[660]. В двух отрывках "Илиады" первая конструкция, безусловно, более подходит: и сочетание с τηλόθεν в Il. i. 270 тавтологично, плоско и не по-гомеровски, если πῖν γαῖα означает просто отдаленный. В Од. xvi. 18 отрывку будет служить любой смысл. В Од. vii. 25 (когда у нас снова будет τηλόθεν) Улисс утверждает, что пришел ἐξ ἀπὸ γαίης. Поскольку он пришел не с Пелопоннеса, предполагается, что это не имеет значения. Я подвергаю сомнению эти доводы. Улисс повсюду, когда его спрашивают, демонстрирует огромную изобретательность в рассказе о себе: однако в каждом случае он тщательно сообщает, что прибыл издалека. Поэтому я не вижу причин, по которым мы не должны толковать Ἀπὶ γαῖα как означающий Пелопоннес; в соответствии с традицией, на которую Эсхил[661] сообщает об Аписе, и с несомненным использованием трагиков. Поскольку я интерпретирую Внешнюю, или романтическую, географию "Одиссеи", суеки Пелопоннеса понимались гомеровскими феаками как чрезвычайно удаленные от своей страны. Разница в количестве не является достаточным основанием против такой конструкции. Очевидно, Ἀπὶ γαίῃ, если это вообще имя собственное, означает весь Пелопоннес, а не его часть, поскольку Нестор в Il. i. 270 использует его, чтобы включить Западную сторону, а Гектор, Il. iii. 49, чтобы включить Восточную.

Географические определения.

Теперь я подытожу выводы, к которым привело нас это исследование, либо на основании определенных, либо вероятных свидетельств, в отношении географической номенклатуры Гомера для Греции в целом и для ее основных членов.

1. Ἀχαιοί
Ἀχαιοί γαῖα
Ἀχαιοί αἶα

2. Ἄργος либо само по себе, либо с другими эпитетами, кроме тех, которые касаются географического распространения, означает

(1) Только город, как в Il. iv. 52 и, вероятно, в Il. ii. 559.

(2) Непосредственные владения Агамемнона на севере и северо-востоке Пелопоннеса, как в Од. iii. 263.

Но возможно, хотя и далеко не наверняка, что Ἄργος в этом смысле следует считать включающим все владения Пелопида, которые рассматривались как имеющие определенное политическое единство и, таким образом, являющиеся эквивалентом Ἄργος Ἀχαιῶν.

(3) По метонимии этого высшего и столичного квартала Греции оно означает всю страну.

3. Фраза πᾶν Ἄργος в Il. ii. 108 означает всю Континентальную Грецию.

4. Фраза μέσον Ἄργος, скорее всего, означает всю Грецию или Грецию в целом; возможно, только Пелопоннес.

5. Πελασγικὸν Ἄργος - Фессалия, от Македонии дотаты.

6. Ἀχαιῶν Ἄργος означает владения Пелопидов Троического времени, или, в общих чертах, Восточный Пелопоннес.

7. Ἰασὸν Ἄργος означает Западный Пелопоннес.

8. Слово ἄλλας означает

(1) вероятно, часть владений Ахилла, как в Ил. ii. 683, ix. 395;

(2) несомненно, страна за их пределами, к югу от Фтии, вплоть до Коринфского перешейка и, вероятно, простирающаяся на север через остальную Фессалию: Il. ix. 447 и в других местах;

(3) возможно, что ἄλλας может означать всю Грецию в Од. i. 344 и xv. 80; но более вероятно, что смысл тот же, что и в (2).

9. Фраза Ἀπὶ τὴν γαίην, скорее всего, хотя и не наверняка, означает весь Пелопоннес.

Что же тогда это было за название Ἄργος, которое Гомер использует гораздо чаще и с гораздо большей эластичностью и разнообразием значений, чем любое другое территориальное название вообще?

Во-первых, давайте отметим, как редко оно используется для обозначения города; в строгом смысле этого слова нельзя сказать, что мы находим его более одного раза. Его истинное значение, очевидно, означает участок местности.

Отсюда она ограничивается городом, которому принадлежал данный участок страны, или распространяется на страну в целом, столицей или управляющей частью которой был данный участок. Оба эти значения называются неправильными: последнее также является политическим и не имеет отношения к расе, или к эпониму, или к каким-либо физическим особенностям почвы или пейзажа, независимо от того, имело ли слово Ἄργος такое отношение

или нет, когда оно использовалось в его первоначальном, правильном и обычном применении для обозначения района.

Как и ранее в случае с популяциями, давайте теперь изложим различные описания источников, которым гомеровские названия стран и мест обязаны своим происхождением.

Они, по-видимому, являются производными либо

1. От отдельного эпонимиста, например, Итака от Итака, Од. xvii. 207; Дардания от Дардана, Ил. xx. 216; Аскания от Аскания, Ил. ii. 863; в то время как мы видим промежуточную стадию процесса в названии Ἀπίη, соединенном с γαίη, предположительно указывает на Пелопоннес и происходит от Аписа.

2. Из гонки в оккупации: как и в случае Ἀχαιοί с γαίη и Ἀχαιοί с просто, от Achæans; Ἑλλάς от Ἕλλοι; Κρήτη или Κρηταί (Од. XIV. 199) от Κρητές.

3. От ее физических особенностей или обстоятельств, таких как Αἰ γιάλος от узкой полосой вдоль берега Коринфского залива, между горами и морем: там тоже город Αἰ γιάλος из Paphlagonians, Ил. второй. 855. Вероятно, мы можем добавить Εὐβοία, Эвбея, из-за приспособления этого плодородного острова к земледелию, которое впоследствии сделало его житницей Афин.

4. От какой-либо расы, населяющей ее: и в тех случаях, когда эта раса была названа по какой-либо особенности страны, тогда не напрямую, а производно, от самой страны.

Например, Ὀρήκη от Ὀρήκες, фракийцы, какое слово еще должны приходить от одного общего корня с τρέχουσ. Имя Τρηΐη, очевидно, имеет аналогичное происхождение.

Итак, еще раз в более поздних греческих, мы находим старые Αἰ γιάλος имени Αἰ γιάλεια с промежуточным образованием Αἰ γιάλει с: и, возможно, Ἀργολίς от Ἀργεῖοι, кто населял его, и взял свое название от Ἀργός.

Итак, у Гомера мы имеем Φθίη; отсюда, по-видимому, происходит Φθίη, а отсюда снова, в более позднем греческом, Φθιотис.

Таковы, насколько нам известно, обычные источники территориальных названий Гомера.

Три вспомогательных материала, которыми мы располагаем для определения значения имени Ἀργός, - это гомеровский текст, этимология и более поздняя традиция.

Этимология слова Аргос.

Ни одно из них никоим образом не связывает название Ἀργός ни с эпонимистом, ни с расой жителей, ни опосредованно, ни непосредственно, как его корень. Поэтому мы можем только искать его происхождение в чем-то, связанном с физическими особенностями страны или стран, к которым он был применен.

Само слово Ἀργός часто встречается у Гомера не как имя собственное. Оно используется как прилагательное в следующих сочетаниях:

1. κύνας Ἀργοῖ Il. i. 50.

2. βόες Ἀργοῖ Ил. xxiii. 30.

3. ἀργὴν χῆνα Od. xv. 161.

So also we have the compounds ἀργῆς (κέραυνος) ἀργικέραυνος, ἀργεστής (Νότος), ἀργεῖναι (οἶεσ, ὀθόναί), ἀργινόεις (Κάμειρος), ἀργιόδοντες (ῥες), ἀργιπόδες (κύνες), Ποδάργης (horse of Achilles).

И обычно слову ἀργός дают [662] в этих нескольких формах несколько значений

1. Стремительный, как у стремительных собак, стремительная молния.

2. Белый, как у белого гуся, белый (меловой) Камейрус.

3. Холеный, блестящий, как у холеных быков, с блестящей шерстью.

Верно сказано, что то, что быстро движется, создает видимость сияния: а то, что сияет, в какой-то степени сродни белизне. Но при таком взгляде на дело нелегко сказать, какое значение этого слова первичное, а какое вторичное, и какова его этимология. Оно также не имеет ни малейшего сходства с местным названием Ἄργος, которое, судя по разнообразию его применений, помимо любого вопроса расовой или политической принадлежности, должно было иметь какое-то этимологическое значение.

Также, что касается, в частности, βόες ἀργοί, не очень легко поверить в гладкость быков во времена Гомера (это, скорее, идея, заимствованная из процессов и опыта современности) или в лагерьных быков любого времени. Дело не поправят и две вынужденные попытки, одна - истолковать βόες ἀργοί как быков с белым жиром внутри, или, опять же, как медлительных быков. Таким образом, из этих источников мы в настоящее время не можем получить никакого света.

Теперь я утверждаю, что правильное значение имени собственного Ἄργος можно найти, рассматривая его как родственное слову ἀργον, которое, как ясно видно у Гомера, имеет своим основным объектом сельскохозяйственный труд. И кажется довольно очевидным, что при перестановке букв, которая так часто встречается в популярной речи, особенно в период зарождения языков, слово ἀργον, "поле", является не более чем формой ἀργος.

К. О. Мюллер, как мы видели, считает, что Ἄργος у древних означает равнину [663]: Я бы добавил равнину не как плоскую поверхность, а как образованную пригодной для обработки почвой, или же это означает поселение, образованное на такой земле.

Говоря о слове *равнина* применительно к Греции, мы используем его относительно, не так, как оно использовалось бы по отношению к России или Венгрии, а как обозначающее более широкие уровни между холмами, обычно по направлению к морю: например, те долины Шотландии, которые называются *карсы*, или те, которые называются *страты*.

Теперь, во-первых, я не знаю другого значения слова ἀργος, которое подходило бы для его различных употреблений у Гомера как пеласгический Аргос, ахейский Аргос, ясский Аргос. Какова единственная общая физическая особенность нескольких регионов, которая объясняет общий фактор в этих трех составных выражениях, если это не равнина, то есть пригодная для возделывания или заселенная местность?

Еще раз взгляните на отношение Ἄργος к Ἀργεῖοι. Чем, кроме физического и географического значения, все еще присущего этому слову и несколько отличающего его от зрелого и привычного употребления имени собственного, можно объяснить тот факт, что в истории и географии Греции мы имеем так много случаев появления Аргоса без аргивян, то есть местных или провинциальных аргивян, принадлежащих к нему? В ахейском Аргосе действительно есть принадлежность Ἀργεῖοι, но в пеласгическом и ясском Аргосе ее нет. Точно так же мы могли бы говорить о высокогорьях Саксонии или о низменностях Швейцарии; но жители первых не известны как горцы, а жители последних - как жители низменностей[664].

Я полагаю, что нет фраз, которые более точно переводили бы слова Ἄργος и Ἀργεῖοι, чем Lowlands и Lowlanders соответственно. Ибо слово "Низменности" означает землю не только лежащую низко, но и обе лежащие низко, а также благоприятные для возделывания: и эти идеи более верно представляют землю, пригодную для поселения, называемого Ἄργος, чем простое представление о ровных равнинах.

Если такова идея слова "Аргос", мы видим уместность его применения к городу Аргос и его округу. Ибо этот город, как город из городов и более открытая местность, находился в определенной оппозиции к Микенам, расположившимся среди холмов; и которые географически имели почти такое же отношение к Аргосу, как Дардания к Илиону. Впоследствии это также подпадало под ту же политическую аналогию.

Во фразе Ἀχαϊκὸν Ἄργος, Гомер рассматривается случай, когда, как это иногда употребляется без эпитета, Ἄργος по праву можно назвать правильное имя, как и Европейский *платит-бас*; но нет никаких доказательств этого в его Pelasgic Аргос " и "Iasian Аргос, и вполне вероятно, что он, скорее, намерен в те фразы, употребляет термин "Аргос" как слово просто описательный характер, и говорить о Пеласг низменности, и Iasian низменности. Разница в смысле - это как раз то, на что мы должны указывать в английском языке отсутствием заглавной буквы.

Есть свидетельства того, что это название не утратило своей актуальности даже во времена Гомера. В более поздние эпохи мы находим Аргос Орестиды в Македонии; аргос Амфилохии в Западной Греции; Аргос близ Лариссы в Фессалии[665] и другие случаи, более отдаленные. Ничто, кроме географической силы, все еще придерживающейся этого слова, не объяснит это расширение.

Такой же вывод следует сделать из эпитетов и квазиэпитетов, или описательных фраз, примененных к нему Гомером. За исключением одного отрывка, где он придает ей политический эпитет[666] κλυτὸν, все они физическую; будучи ἰππόβοτον, πολυδίψιον, πολύπυρον, и οὕθαρ ὁρούρης. Из этих четырех эпитетов первый у Гомера особым образом связан со специфической формой и характером страны: соответственно, хотя это постоянный эпитет Аргоса, который используется с ним одиннадцать раз из пятнадцати, когда к этому слову прилагается какой-либо эпитет или квазиэпитет, он никогда не встречается с Ахейцами или Элладой. И доказательство его физически описательного характера содержится в отрывке, где Телемах рассказывает Менелаю об Итаке;

ἐν δ' ἰθάκῃ οὗτ' ἄρ' ὁρόμοι εὐρεες, οὔτε τι λείμων·
αἱ γίβοτος, καὶ μᾶλλον ἐπήρατος ἰπποβότοιο[667].

_WBR_πππόβοτος Гомера, опять же, указывает не только на плодородие, но и на труд и его результаты; не только на пастбища, но и на зерно, поскольку лошади Гомера питаются им так же, как и травой,

κρί λευκὸν ἔρεπτόμενοι καὶ ὀλεύρας[668].

Теперь, относя слово Ἄρυος к общему корню и значению срруов, мы не обязаны считать, что оно приобретает свою начальную гласную при соединении с частицей ᾗ, используемой в ее интенсивном значении. Ибо у нас есть это слово, а также его производные в этой форме, дошедшие до нас из древнегреческого. Среди четырех племен Аттики, которые существовали до времен Клизфена[669], одно принадлежало к Ἀρυαδες или земледельцам: и в элианской надписи, предположительно относящейся к началу Олимпиады тит[670], или более чем за 600 лет до нашей эры, у нас есть само словосрруов в форме ᾠруов с дигаммой, в отрывке, который я копирую,

ΑΙΤΕΦΕΡΟΣ ΑΙΤΕΦΑΡΓΟΝ

Эта надпись, говорится в статье в журнале Museum Criticum, датируется более старым временем, чем любая другая, которая либо была привезена в копии из Греции, либо может быть найдена на мраморе. Речь идет об общественном договоре между элианами и некоторыми из их соседей, заключенном на сто лет.

Другой хороший пример взаимозамена гласных α и ε - в слове ᾠρόω, которое, очевидно, происходит от ἔρα, земля. В латыни мы видим, что сохранились обе формы: одна в *ago* пахать, другая в *sego* сеять. И это последнее наводит на мысль о происхождении греческого σπεῖρω из аналогичного источника.

Таким образом, если значение срруος - сельскохозяйственное поселение, а его корень совпадает с корнемрруов, нам нет необходимости сейчас подробно обсуждать, является ли этот корень древним словом ἔρα или terra, что, однако, представляется вероятным и объясняет как особую привязку слова ἔруов у Гомера к обработке почвы, древнейшей отрасли промышленности, так и последующее распространение его значения на труд и его результаты в целом.

Этимология проверена родственными словами.

Теперь, имея такой взгляд на слова Ἄρυος и ἔруов, мы найдем в самой фундаментальной идее труда значение, которое послужит основой для гомеровского прилагательного и для всех его составных частей во всех их разнообразных применениях. Эта идея всегда связана с тем, что является серьезным и (так сказать) сильным; иногда это принимает форму проницательности, а затем приходит в виде идеи быстроты в сочетании с трудом; иногда, опять же, это принимает форму терпения, и тогда труд предполагает медлительность. Работа собаки быстра, работа быка терпелива: следовательно, κύνες ᾠροῖ - трудолюбивые собаки, следовательно, быстрые; и, следовательно, также βόες ᾠροῖ - трудолюбивые быки, следовательно, медлительные; задача одних - покрывать пространство, а других - преодолевать сопротивление. Мы можем сблизить эти два чувства без каких-либо потерь в любом случае, назвав быков крепкими или прилежными, а собак энергичными или проницательными.

Третье ощущение белизны вполне обоснованно связано с воздействием быстрого движения на глаз.

Ощущение гладкости, по-видимому, не требуется от Гомера, но оно может быть производным от ощущения белизны.

С помощью одного или нескольких из трех первых чувств, или первоначального смысла труда в его (так сказать) интегральной идее, все гомеровские слова могут быть правильно переданы. Некоторые из них будут иметь либо смысл swift, либо смысл white: например, ἄργης с κεραυνός. У Аристотеля[671], de Mundo, с. 4, мы имеем τῶν κεραυνῶν ... οἱ ταχέως διάττοντες, ἄργητες λέγονται. И сноварρῦεστίης с νότος. Это может означать fleet Notus: это может также означать белый, как несущий легкое белое облако над морем, в смысле, понятном Горацию, который, по-видимому, был точным и внимательным наблюдателем гомеровских эпитетов; и который говорит:

Альбус без средств для обскурирования волос
Скрывает[672].

Это значение слова "Аргос" подходит для других его употреблений, которые еще не были названы.

Например, это подойдет кораблю "Арго", который мы можем считать быстрым или, что, возможно, предпочтительнее, крепким, способным сражаться с волнами: как мы теперь говорим, хорошим кораблем или доблестным кораблем. Опять же, это подходит благородному псу Аргусу из "Одиссеи", чей характер был бы лишь неадекватно представлен терпеливым, быстрым или белым. Рассматривая это слово как прилагательное к слову, описывающему то, что писатель наших дней справедливо назвал "благородным, плодотворным трудом", мы сразу видим его перед собой, каким бы быстрым и терпеливым он ни был, но также храбрым, верным, доверчивым и заслуживающим доверия. Аргус-шпион, названный в Ἀργεῖφόντης Гомера, представляет одну из сторон раннего значения слова[673]. Прилагательное ἄργαλέος, преувеличивает, а также изолировать этот элемент сложности, который включает в себя корень, представляет собой еще один: а позже слово ἄργοῦντες[674], холостого, поймав мысль о медлительности в том месте, где она переходит в инертностью, так же представляет собой еще один.

Поскольку это относится к имени Ἄργος, то теперь у нас будет простая задача разобраться с ρῥεῖσι.

Гомер использует это слово в четырех местах (выражаясь круглыми цифрами) вместо трех, в которых он использует δαναοί.

Он использует это слово как эпитет, иногда с именем Юноны и часто с именем Елены.

Аргивяне Данаана VIII. 578 г. от р. х.

В "Одиссее"[675] у нас есть это необычное и редкое сопоставление слов:

Ἀργείων Δαναῶν ἥδ' Ἰλίου οἳ τον ἀκούων.

Ницш[676] отмечает, что мы могли бы почти предположить, что слово ΡυεῖΩν является эпитетом, и это наблюдение цитирует Г. Крузиус. Евстафий, Схолиаст, Барнс, Найт Пейн этого не замечают. Мне кажется, законам Гомера более приемлемо трактовать ΡυεῖΩν как основное, а Δαναῶν - как прилагательное. Ибо, как Гомер знает об ахейском, яссском, пеласгическом Аргосе, так и он может последовательно говорить об аргивянах Данаана, имея в виду скрытую идею о том, что могли быть и были другие жители Низменностей вне Греции. Но, насколько нам известно, не было никаких других данайцев, кроме одной греческой династии.

Гомер также в других местах использует δαναοὶ [677] в качестве прилагательного с существительными ἦρωες и αἱ χηῖται . У него нет соответствующего употребления Ρυεῖ Οἱ : таким образом, старая идея о *колоне* или земледельце-поселенце, кажется, все еще окрашивает это слово и сохраняется в нем даже после того, как оно вошло в обиход как имя собственное.

В приложении слова Ἀρυεῖη как эпитет Юноны и Хелен, он появляется не имею в виду просто грек, а аргосской Юноны, Аргивянин Хелен, так что слова тут не правильно единственном числе Ἀρυεῖ οἱ национальное название, а просто прилагательное образовано от Ἄρυος , в смысле, что часть Пелопоннеса, который формируется Пелопида доминионов. К ним принадлежала Елена, и за эту семью, как ранее за расу Персеид, Юнона испытывала главную тревогу, очевидно, потому, что они были политическими руководителями Греции.

Таким образом, использование *Argeian* как прилагательное кажется вполне четко ограничивается смысле этого слова: и в этом случае, мне кажется примечательным, что внимание комментаторы, прежде чем Nitzsch не должны быть направлены к линии в восьмом Одиссея, и что Nitzsch, с ἦρωες Δαναοὶ и αἱ χηῖται Δαναοὶ , чтобы вести его, следует рекомендовать смысле Аргивянин Данаи, вместо Данаан Аргивянами.

Однако местное употребление аргейского имени не следует сбрасывать со счетов без более полного исследования. Давайте сначала разберемся с его использованием для обозначения Юноны и Елены.

Доказательство того, что Елену следует описывать не просто как греческую, а как связанную с ахейским Аргосом или Восточным Пелопоннесом, уже было в достаточной степени [678] изложена.

Что касается Юноны, то мы обнаружим, что ее привязанности всегда были сосредоточены в доме, который имел первостепенное значение в главном центре эллинского могущества, Восточном Пелопоннесе. Ее цепкие привязанности постоянно направлены к нации, и они переживают династические перемены. Отсюда ее острое и отважное чувство к Эврисфею; ее никогда не умирающая, никогда не спящая ненависть к его сопернику Геркулесу; ее уважение к Агамемнону наравне с Ахиллесом [679], хотя они были так неравны в славе и доблести: возможно, это наводит на мысль, что Ахиллес пользовался ее уважением либо потому, что он был необходим для целей Агамемнона, либо потому, что он был тесно связан с вождем Ахейские акции [680]. Поэтому, когда он взялся за оружие [681], она гремит в его честь: и отсюда ее особая любовь к трем городам, которые были символами греческой мощи, Аргосу, Спарте и Микенам [682]. Ее привязанность настолько сильна, что она могла бы пожелать стать настоящей матерью греков, даже если при случае она с готовностью сожрала бы троянцев [683]. Следовательно, еще раз, даже в "Одиссее", где она почти немая, упоминается, что

Агамемнон[684] благополучно пересек море, ибо Юнона защитила его. Этого вполне достаточно, чтобы зафиксировать значение Ἀργεῖν, когда оно применяется к Юноне, как местное значение.

На самом деле, использование Гомером этого слова в сдержанном и местном значении не только ясно, но и наиболее тщательно определено как по времени, так и по месту.

Находясь в армии перед Троей, он свободно меняет местами Данаан, аргивянин и ахейянин, поскольку они достаточно близки к идентичности для его цели, он вообще никогда не применяет Данаан к грекам дома и использует два других имени с наиболее точным различием.

Переход от аргеев к ахейцам.

Аргейское название по месту приурочено к Восточному Пелопоннесу, а по времени - к эпохе Персеид. После передачи суверенитета дому Пелопидов аргейское имя перестает применяться к их непосредственным подданным. Давайте теперь рассмотрим отрывки, которые могут проиллюстрировать этот случай.

1. За два или почти за три поколения до *Тройки*, во времена, когда Беллерофонт был молод, Притус правил Ἀργεῖοι,

πολὺ φέρτερος ἦεν
Ἀργείων· Ζεὺς γὰρ οἱ ὑπὸ σκηπτρῷ ἐδάμασσεν[685].

Итак, Притус определенно не был правителем Греции. До Пелопидов в Греции не было верховного правителя, и примерно во времена Прита у нас есть Эврисфей, Эней и его род, Кадм и его род, Нелей и его род, Минос и его род, а также, вероятно, другие троны, каждый на своем месте. Но Прит относится к периоду Персеидов и к местным границам Восточного Пелопоннеса, где они правили.

2. Но Гомер также не упоминает Эврисфея как суверена Греции; хотя он и царь аргивян[686],

ὃς Ἀργείοισιν ἀνάξει.

Ибо, когда Юнона обманным путем просит и получает от Юпитера обещание, что человек, который родится в этот день, будет обладать определенным суверенитетом, это происходит не над аргивянами, а над περικτίονες:

ἧ μὲν τὸν πάντεσσι περικτίόνεσσιν ἀνάξειν
ὃς κεν ἐπ' ἥματι τῷδε πέσῃ μετὰ ποσσὶ γυναικός.

Таким образом, обещание состоит в том, что младенец будет царствовать над περικτίονες, слово, явно неприменимое ко всей этой обширной территории, которая была нерегулярно занята греками. Но когда заявляется о свершении, это означает, что он будет царствовать над Ἀργεῖοι. Следовательно, эти два имени совпадают, и, соответственно, Ἀργεῖοι не означает всех греков; например, оно не включает род Кадма, правившего тогда в Беотии.

3. Но мы переходим ко временам Тидея, который был владыкой Аргоса в эпоху владык Пелопидов. И теперь мы обнаруживаем, что его подданные перестают называться Ἀργεῖοι (см. II. v. 803. iv. 384) в легендах, где Гомер отмечает особую аккуратность в применении этих важных слов.

Местный смысл прежнего названия сохранен.

4. Тем не менее аргейское название продолжает сохранять свое местное применение к жителям Аргоса и его округа, или ахейского Аргоса.

На играх, посвященных смерти Патрокла, Идоменею кажется, что он видит в победителе Диомеда, и он описывает его так:

δοκέει δέ μοι ἔμμεναι ἀνὴρ
Αἴτωλος γενέην, μετὰ δ' Ἀργείοισιν ἀνάσσει[687].

Ясно, что здесь Идомея имеет в виду среди аргивян, а не среди греков.

1. Потому что не Диомед был господином среди греков, а Агамемнон.
2. Потому что Диомед был господином над частью аргивян.
3. Потому что это слово используется в явном противоречии и соответствии с предыдущим словом αἴτωλος, которое, несомненно, местное.

Опять же, когда нам говорят, что Орест устроил поминальный пир по Ἀργεῖοι[688], мы, вероятно, можем предположить, что здесь мы снова имеем дело с местным смыслом.

Таким образом, мы достаточно ясно видим историю возникновения аргивского имени. Принадлежащий подданным правящей части Греции, он растет таким образом, чтобы быть применимым ко всем грекам в тех случаях, когда его применение таким образом не может вызвать путаницы. Таким образом, римское название стало применяться к кампанцам или калабрийцам как подданным Рима, в отличие от германцев, даков или парфян; но если бы речь шла о местных жителях и итальянцах, внутреннее различие, естественно, возродилось бы. Точно так же все гомеровские греки - аргейцы в *Тройке*: но у себя на родине они имеют свое местное значение, как кадмийцы, этолийцы, пилийцы, элийцы, эпейцы, аркадцы, локрийцы, а также, как мы увидим, ахейцы.

Именно в период локального распространения имени аргивянин мы находим также у Гомера недвусмысленные упоминания о критской империи, ограничивавшей ее морем и, возможно, более или менее по суше, хотя, возможно, минойская держава и династия не сразу приобрели свой греческий характер.....Итак, если в отношении слова Ἀργεῖοι мы видим, что первоначально оно имело ограниченное и локальное применение, то у нас нет никаких оснований предполагать, что название Данаан могло когда-либо иметь более широкий охват. Тогда возникают два вопроса.

Во-первых, почему Гомер использует названия Данаев и аргивян как национальные, когда они были только местными?

Во-вторых, приоритет имени Данаан очевиден, поскольку мы видим, что династия Данаан предшествовала династии, подданные которой назывались аргивянами, почему аргивское имя вытеснило или сменило данаан?

К первому вопросу мы вернемся позже, но сейчас я коснусь второго.

Имя Данаан, по всей вероятности, принадлежало династии, происходившей из-за морей; и если это так, то оно не могло быть более популярным у греков, когда они пробудились под влиянием Эллы к полному осознанию национальной жизни, чем было бы у англичан в прошлом столетии, если бы их называли ганноверцами или брауншвейгцами, пока его не смягчила мягкая дымка расстояний.

Род Данаид прекратился, когда на трон взошел Персей, поскольку он происходил по отцовской линии из другого источника.

Нет ничего более естественного, чем то, что со сменой династии старое и чисто династическое имя должно исчезнуть. Но почему за ним должно следовать название Ἀργεῖοι?

Связь аргейских и пеласгийских имен.

Надеюсь, это будет не подумала, что слишком жирно, если учредитель сам на вероятные, возможно, я мог бы сказать, обычная сходство между понятиями Πελασγοὶ и Ἀργεῖοι, я предполагаю, что об исчезновении из употребления названия Δαναοὶ, вместо того, чтобы падать обратно на старый сельскохозяйственного имя Πελασγοὶ, который был Данаан завоевания стали, что подчиненного, если не холопское сословие, люди могут прийти, чтобы носить имя Ἀργεῖοι; заимствовано, как и другие, от области, где они жили, и от своих привычек жизни, и равную силу, но без пятен в биографии, которая прилагается к обозначению подавленном гонки.

С этой точки зрения, имя Ἀργεῖοι может быть определено как эллинский эквивалент старого пеласгического наименования народа страны: и оно, естественно, укоренилось после ухода данайской державы во владениях тех, кому эта власть была передана.

Позже у меня будет возможность подробнее рассмотреть, каково было первое историческое использование аргейского имени.

В позднегреческом языке есть признаки предполагаемого мною здесь сходства между пеласгийскими и аргейскими именами и принятия функций первых последними. Я не касаюсь вопроса об этимологической идентичности, но я имею в виду только сходство применения.

Иллюстрации этимологии.

In Suidas we find the proverb Ἀργεῖους ὄρεας, with this explanation; παροιμία ἐπὶ τῶν ἀστενῶν καὶ καταπληκτικῶν ὀρώντων. Сейчас мы ничего не знаем об аргивянах, то есть жителях Арголитиды, что давало бы основание предположить, что они имели особенно дикую внешность. Но если Ἀργεῖοι, как было показано, первоначально означало поселенцев в сельскохозяйственном районе, и если со временем население собралось в города вместо своего старого образа жизни κωμηδόν, тогда, вследствие изменения, Ἀργεῖοι стало бы означать крестьян, в противоположность горожанам, и от этого переход был бы легким до значения дикого аспекта, как в пословице.

Давайте сравним с ним латинское слово *agrestis*. Это, как я полагаю, в точности похоже, даже идентично, этимологически, *σρρυεῖ ος*. Точка расхождения - это когда Ἄγρος путем транспозиции становится *ἄγρως*, откуда происходят *ager* и *agrestis*. Материально это латинское слово находится в еще более тесном соответствии *σρρυηστῆς*, греческим производным от ἄγρος. В идеале, он проходит через тот же процесс, как было показано в случае Ἀργεῖ ος, и вот он всячески поддерживал общий гомерический слово ἄγριος, грубые или дикарь, который исходит от ἄγρος, подготовленный транспозиция чтобы произвести такое производная.

Это имя мы находим не только как прилагательное, но и как имя собственное. Оно применяется к брату Нея и Меласа, сыну Портея[689]: и в этих именах мы, по-видимому, видим описание первых грубых эллинских захватчиков Этолии в эпоху за три поколения до *Троики*. У комплекса *agrestis*, или сельскохозяйственное отстойник, далее идет обозначать класс людей страны, в отличие от жителей городов или *Урбани*; и тогда, в то время как *урбан*, с ее греко-соотносительных ἄστεῖ ος, передает приобретают смысл культурных и полированные, комплекса *agrestis*, с другой стороны, следуя параллельно движению с Ἀργεῖ ος, и в обратном направлении, заходит значит необразованный, грубый, дикий, варварский. Так говорит Овидий о реке Ахелой, когда он был искалечен потерей своего рога в битве с Гераклом,

Вульт ахелоусный агрест

И разрыв роговицы срединной, скрывающий смерть[690].

Так, Цицерон в "Тускуланцах" после описания сражений спартанских юношей, в которых использовались не только кулаки и ноги, но и ногти и зубы, спрашивает: *Что такое варварская Индия (al. barbaries Indica), что такое агрессия?*

We also find in Suidas the phrase Ἀργεῖ οἱ φύρες, and this explanation: Ἐπὶ τῶν προδήλως πονηρῶν οἱ γὰρ Ἀργεῖ οἱ ἐπὶ κλοπῇ κωμῶδονται. Ἀριστοφάνης Ἀναγύρω

От этой пьесы не осталось и следа, так что мы предоставлены общим рассуждениям: но кажется наиболее естественным объяснением этой пословицы или фразы то, что словоррϋεῖ ος, означающее "дикий", следует применять к бандитам: воровство на ранних стадиях развития общества всегда происходит в уединенных местах, в то время как на более поздних оно, скорее, привлекает людей в самые людные места.

Опять же, Эсхин в "περὶ παραπρεσβεας" выдвигает грубейшие личные обвинения против Демосфена за преступления, которые, по его словам, навлекли на него различные прозвища. Among these, he thus accuses him: Ἐκ παιδῶν δὲ ἀπαλλαττόμενος, καὶ δεκατаланτοὺς δίκας ἐκαστῷ τῶν ἐπιτρόπων λαγχάνων, Ἄργας ἐκλήθη. Этот отрывок не заметил как аноним и Исихия под Ἀργᾶς, и это объясняется ὄνομα ὀφέως. Змей, либо вообще, либо какого-то определенного вида, имел, по-видимому, название Ἀργᾶς, которое мы легко можем вывести из ἄγρος, взятого в том же смысле, в каком оно стало именем Аргуса шпиона. 'Итак, змей был хитрее любого полевого зверя[691].' Но это, похоже, не соответствует намерению крайне оскорбительного отрывка из книги Эсхина. Такое обвинение в чрезвычайной сообразительности или хитрости, возможно, было бы не очень эффективным в Греции. Я думаю, что он, скорее всего, имеет в виду назвать Демосфена мошенником или мародером, *человеком триумфальным*, от которого его опекуны пытались избавиться и который, вероятно, был разоблачен, чтобы освободиться, не как змей: и

в этом смысле слово Ἀγρῶς сразу же присоединяется к сообщаемому отрывку у Аристофана, а через это и к старому значению *agrestis* или Ἀγρεῖ ος. Ни Ἀγρεῖ ος, вор, более отдаленные по смыслу от Ἀγρεῖ ος, в сельских поселенцев, чем *паганус*, идолослужитель, от *паганус*, сельский житель.

Я возьму еще один кирпичик, Исихия под Ἀγρεῖ ος дает такое объяснение; οὕτως οἱ ἐκ τῶν Εἰ λῶτων πιστευόμενοι ἐλέγοντο, ἡ λαμπροῖ. Теперь значение λαμπροῖ можно было бы легко вывести из первобытного смысла, точно так же, как значение белизны. Но это совершенно отличается от объяснения, касающегося избранного и пользующегося доверием класса илотов, которых называли Ῥγρεῖ Ος. Это употребление служит для объяснения истории и объясняется ею. Ἀγρεῖ ος было имя гражданина Греции в восточной части Пелопоннеса под Персеиды, кажется, отчасти сохранили свои местные силы, на протяжении всего периода Pelopids; ибо, хотя в Легенде о Тидеи жителей Арголиды мы по крайней мере узнать имя Ἀχαιοῖ среди них, пока в двадцать третьей "Илиаде", и в третьем Одиссея, они называются Ἀγρεῖ ος. Таким образом, в местном обиходе илот означает крепостного, освобожденный илот был бы гражданином, Ῥγρεῖ ος. Но ни крепостничество, ни гражданство не были в те времена жестко определены, и одно перетекало в другое. Что могло при таких обстоятельствах быть более естественным, чем то, что любой илот, который был отделен от своих братьев, войдя в доверие к своему хозяину и живя с ним в хороших отношениях, получил имя Ῥγρεῖ ος, и что класс, который таким образом получил его в несколько особом смысле, то есть в смысле свободного сельского поселенца или (так сказать) фригольдера, должен продолжать носить его как описание своего собственного положения, даже когда оно перестало быть общеприменимым к свободным грекам этого конкретного района? чего, конечно, уже не могло быть, когда семейные и династические узы между Арголид и Лакедемоном были разорваны.

И если я прав, предполагая, что даже у Гомера[692] имя Ἀγρεῖ Ος, очевидно, относится к массам, а имя Ἀχαιοῖ - к немногим избранным или вождям, такое различие находится в заметной гармонии со всем этим исследованием, учитывая силу первой фразы.

Разная степень Ῥγρεῖ Ος и Ἀγρῶς.

Согласно изложенной здесь точке зрения, мы должны тщательно различать значения Ῥγρεῖ Ος как национального названия у Гомера и значения Ῥγρῶς в этом отношении. В Ἀγρεῖ ος имя был поставлен на различие национальной имии, видимо, в следствие политического господства дом, который царствовал над территориями специально назвал Ἀγρῶς, и более субъектов имени из Ἀγρεῖ ος области. Я говорю это, не берясь определить, действительно ли существовал период, в который греки как нация назывались Ἀγρεῖ Ος, предположение, которое кажется мне невероятным: или это было имя, которое Гомер поэтически применил к ним, подобно имени δαναοῖ, потому что когда-то оно было правильным обозначением тех, кто занимал место греческого господства. Однако в обоих случаях случай имени Ἀγρῶς разный. Это название не имело своего корня в политической власти, действительной или памятной: оно сохраняло свое место, поскольку основывалось на хорошем физическом описании, насколько это возможно, общего характера основных обитаемых частей полуострова, которые последовательно и постепенно занимали эллинские племена, спускавшиеся со своих холмов. Следовательно, субстантив был, как мы видим, способен распространяться в пространстве за пределы прилагательного, поскольку, хотя у нас есть Iasian и Pelasgian Ἀγρῶς, у нас нет Iasian или Pelasgian Ἀγρεῖ Ος. Таким образом, они были отделены друг от друга. У Гомера эпитет имеет

больший диапазон четкого значения, чем субстантив. Но, если не считать Гомера, субстантивированное слово, судя по этимологии, было древнее, а из истории - либо достигло таких рубежей, до которых прилагательное так и не дошло, либо долгое время сохраняло свою обыденность.

Ахейцы.

Особенности употребления ахейского имени.

Сведения, которые мы уже получили при рассмотрении данайских и аргивских имен, помогут в исследовании ахейцев. В то же время, полное представление об этом имени и расе невозможно получить, пока нам не удастся зафиксировать то, что мы должны понимать под гомеровским $\nu\nu\alpha\xi\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$.

Теперь, однако, я продолжу показывать из текста стихотворений,

1. Из трех великих апеллятивов нации $\imath\mu\alpha\alpha\iota\acute{o}\imath$ является наиболее знакомым.
2. Что способ его национального использования указывает на политическое преобладание ахейской расы в гомеровскую эпоху над другими расами, участвовавшими бок о бок с ней в троическом предприятии и составлявшими вместе с ней нацию, главой которой был Агамемнон.
3. Что, помимо своего национального употребления, название $\acute{\Lambda}\chi\alpha\iota\acute{o}\imath$ имеет также важное местное и особое значение для расы, которая распространилась по Греции и пользовалась влиянием среди ее населения.
4. Способ его местного и специфического использования указывает нам со значительной ясностью на эпоху, в которую он приобрел преобладание, а именно на то время, когда Пелопс и его семья приобрели господство в Греции.

Что касается первого из этих утверждений, числовой тест, хотя и грубый, все же представляется убедительным. Мы находим, что Гомер использует имя $\acute{\Lambda}\rho\gamma\epsilon\acute{\imath}\ \omicron\imath$ во множественном числе двести пять раз, из которых двадцать восемь - в "Одиссее"; кроме пятнадцати отрывков, в которых используется единственное число. И имя $\delta\alpha\nu\alpha\acute{o}\imath$ встречается примерно сто шестьдесят раз, из которых тринадцать - в "Одиссее". Но мы находим имя $\acute{\Lambda}\chi\alpha\iota\acute{o}\imath$, работающих от семи до восьми сотен раз: это, так сказать, пятьсот девяносто семь раз в "Илиаде", и сто семнадцать раз в "Одиссее"; все они во множественном количестве, к тому же тридцать два места из стихотворений, в котором оно употребляется в единственном числе, или в его производных $\acute{\Lambda}\chi\alpha\iota\acute{\imath}\varsigma$ или $\acute{\Lambda}\chi\alpha\iota\acute{\imath}\kappa\acute{o}\varsigma$.

Следующие сведения будут иметь отношение сразу и к первому, и ко второму предложению.

Гомер очень редко придает какой-либо эпитет имени $\acute{\Lambda}\rho\gamma\epsilon\acute{\imath}\ \omicron\imath$, гораздо чаще - $\delta\alpha\nu\alpha\acute{o}\imath$, а еще чаще - $\alpha\alpha\iota\acute{o}\imath$. К первому обращались всего шесть раз, ко второму - двадцать четыре, а к третьему - почти сто сорок раз. Маловероятно, что метрическое удобство является причиной такого разнообразия. Мы уже видели, что $\acute{\Lambda}\rho\gamma\epsilon\acute{\imath}\ \omicron\imath$ восприимчив к субстантивной силе, которая будет носить по крайней мере одно из других названий в качестве эпитета, как если бы оно указывало на занятие, а не собственно название расы. Аналогичный вывод может быть сделан из большей восприимчивости к использованию описательных эпитетов, которые, как мы теперь находим, демонстрируют имена Данаев и ахейцев. Например, имя скотты, Douglasses, или сухарики,

четыре столетия назад, предоставили бы больше возможностей для характерная Эпитhefts чем такое название, как фермеры и колонисты, когда используется, чтобы указать на конкретных людей, или не такая фамилия, как низин, а она до сих пор сохранила ее описательный характер, и еще не стали чисто титульной или правильным. Таким образом, мы, вероятно, должны обратиться к политическому значению в качестве основы использования Гомером ахейского имени.

Когда мы исследуем характер эпитетов, это предположение в значительной степени подтверждается. Гомер использует со словом Ἀχαιοί, и только с этим словом, эпитеты, указывающие, во-первых, на высокий дух, во-вторых, на личную красоту и, в-третьих, на законченные доспехи[693]. Я полагаю, что сами по себе они являются достаточными признаками, даже если бы отсутствовали другие, указывающими на то, что ахейцы были собственно правящим классом, или аристократией, героической эпохи.

Ахейское имя, опять же, достигает у Гомера большего разнообразия в употреблении и произношении, чем данайские или аргейские имена.

Он работал в женских форм Ἀχαιῖδες, Ἀχαιῖδες, Ἀχαιαί, а с другой стороны он сделал с именами Τρῶες в Τρῶες, Τρῶαδες, и Τρῶαί, и Δάρδανοι в Δαρδανίδες: но он не сделал ни одного такого использования имен Ἀργεῖοι и Δαναοί. Женское употребление первого действительно встречается в единственном числе с именами Юнона и Елена, но никогда не применимо к гречанкам вообще или к гречанке просто как таковой.

Он использует его в единственном числе для описания "грека" Ἀχαιὸς ἄνηρ, Ил. iii. 167, 226: чего он никогда не делает для двух других имен. Таким же образом он использует Δάρδανος ἄνηρ, Ил. ii. 701. Эта форма, по-видимому, указывает на полное и привычное закрепление имени; а дарданцы, как мы знаем, были дарданцами на протяжении семи поколений до *Тройки* (Ил. xx. 215-40).

Во вступительном отрывке Первой "Илиады", как и в "Одиссее", Гомер, как обычно отмечают критики, намеренно дал нам краткое изложение или 'Аргументацию' своей поэмы. Но я сомневаюсь, что было обращено достаточное внимание на очень эффективную манеру, с помощью которой он придал силу своей цели, позаботившись в этом отрывке использовать наиболее характерные слова. Ахилл - там сын Пелея, ибо его происхождение, как божественное с обеих сторон, но особенно как со стороны отца от Юпитера, является основой его высокого положения в поэме. Агамемнон также представлен здесь под названием, которое указывает на его то же происхождение и больше, чем что-либо другое, подчеркивает достоинство его превосходства перед людьми[694]. И греки тоже, если я не ошибаюсь, не лишены значения, что здесь представлено нам, как и положено, под их высшим, а также наиболее устоявшимся обозначением - ахейцами. И только после того, как их пять раз называли ахейцами[695], он вообще вводит название данаан[696]. Аргивское имя, как будто самое слабое, когда оно употребляется впервые, находится в неловкой близости к титулу ахейцев, возможно, в качестве объяснения:

ὃς μέγα πάντων

Ἀργείων κράτει, καὶ οἱ πείθονται Ἀχαιοί[697].

Опять же, о первостепенной силе ахейского имени можно справедливо заключить из того, что оно было единственным территориальным названием, которое четко охватывало всю Грецию в эпоху *Троики*[698].

Обращаясь теперь полностью к тому, что указывает на более или менее своеобразный характер ахейцев, я бы заметил, что прилагательное δῖος, по-видимому, является высшим из всех национальных эпитетов, используемых Гомером; и это он связывает, как было замечено Мюром[699], (который признает особую силу этого термина) с единственным из трех ахейских обозначений. . Он также применяет это слово к пеласгам; для которых, как мы выяснили, он имеет в виду, что это в высшей степени почетный эпитет. Вероятно, ахейцы - δῖος из-за превосходства, пеласги - из-за древности. Ни к какому другому народу или племени он не применяет этот эпитет. Его очень осторожное употребление этого слова во множественном числе является признаком того, что оно обладает в его глазах каким-то особым достоинством.

Признаки его склонности к аристократии.

Из его женских форм была выбрана одна, чтобы выразить наиболее резкую форму упрека армии, в речи Терсита. Примечательно, что в этой речи, отличительной чертой которой является преувеличенная самонадеянность, ахейское имя используется пять раз в девяти строках, и ни одно из других имен не используется вообще. Я не сомневаюсь, что выскочка и хвастун использует это имя только потому, что это было самое выдающееся или аристократическое имя, поскольку невоспитанный человек всегда особенно заботится о том, чтобы называть себя джентльменом. И, несомненно, по той же причине он использует женское начало в слове Ἀχαιοί, вместо того чтобы использовать δαυαί или Ἀργεῖαι в качестве своего интерпретирующего эпитета, когда он хочет уязвить солдат как "гречанок, а не греков".

Несколько схожее свидетельство дает гомеровская фраза ὦς Ἀχαιοί, которая не имеет ничего соответствующего ей в названиях Данаев или аргивян. Это гомеровская формула, и форма ὦς, по-видимому, принадлежит исключительно ахейскому имени. Для греков, которые всегда спрашивали незнакомца, кто были его родители, эта фраза имела особое значение. То, что обращалось к ним как к сыновьям уважаемых родителей, было бы для них самым острым пробным камнем чести или позора. И то, чем отчество было для отдельного человека, эта форма речи была для нации стимулом в виде украшения. Это принцип, который работает в течение Гомера; это все где μηδὲ γένος πατέρων αἰ σχύνεμεν. Поэт не мог сказать, сына Данаи, их предки были не Данаан: ни сыновей Argeians, для этого хотел бы напомнить, орало и не меч: хотя армия обратилась от времени как ἦρως Δαυαί, и ἦρως Ἀχαιοί, они никогда не ἦρως Ἀργεῖοι. Но быть сыновьями ахейцев было великой славой расы, даже если вырождаться из ахейских воинов в изнеженность было бы ее глубочайшим порицанием: и тот факт, что он называет смешанную расу сыновьями ахейцев, наоборот, является доказательством того, что ахейский элемент был высшим и наиболее известным элементом в составе их родословной.

Но, если я не ошибаюсь, у нас есть много отрывков из Гомера, где использование простого термина αἰοί показано из контекста как имеющее особое значение, иногда, возможно, даже исключительное, по отношению к вождям и руководителям армии. Я думаю, можно показать, что это слово на самом деле имеет три значения:

1. Принадлежность к особой греческой расе, которая распространялась от точки к точке, приобретая силу повсюду по мере своего распространения благодаря врожденному превосходству.
2. Аристократия страны, которой она естественным образом стала в силу такого расширения и допущения.
3. То, что принадлежит целому народу, получившему название от своей главной части.

Теперь мы должны рассмотреть некоторые отрывки в поддержку второго значения: и я не знаю почему, но, безусловно, эти отрывки кажутся в "Илиаде" наиболее обильными ближе к началу поэмы.

Хрис просит "всех ахейцев и большинство двух Атридов"[700]. Все ахейцы согласны, кроме Агамемнона. Теперь священник вообще не мог призвать армию, кроме как на собрании: и нет упоминания об одном, действительно, ответ Агамемнона[701] вряд ли таков, как был бы дан в одном. Таким образом, вполне вероятно, что те, к кому он обращался, были постоянными и заурядными соратниками Агамемнона; другими словами, вождями.

Когда Калхас продолжает призывать месть Аполлона, которая должна обрушиться на всю армию в целом, он говорит уже не о Ἀχαιοί, а о своей молитве:

τισεῖαν Δαναοὶ ἐμὰ δᾶκρυα σοῖσι βέλεσσιν[702].

Хотя я не согласен с теми, кто не находит элемента реальной свободы в положении греческих масс, будь то дома или в лагере, все же, исходя из характера дела, кажется достаточно очевидным, что вопросы, касающиеся раздела добычи, поскольку это обязательно административное дело, должны были решаться вождями. Теперь, когда рассматриваются вопросы этого класса, мы обычно обнаруживаем, что такая должность приписывается αἰοί. Агамемнон говорит[703]: "Не оставляй меня одного из аргейцев без награды"; и в соответствии с этим мы находим Нестора, стимулирующего войско в ожидании добычи[704]. Но Ахилл отвечает Агамемнону, "что ахейцы не в их силах возместить ему ущерб прямо сейчас, потому что у них нет общих интересов", но "когда Троя будет взята, тогда мы, ахейцы, возместим вам в трех- и четырехкратном размере"[705]. Та же тема снова затрагивается в i. 135, 162, 392. ii. 227: и оба раза со ссылкой на αἰοί как распределителей добычи. В Il. ii. 255 оно обозначено через ἦρωες δαναοί.

Точно так же мы обнаруживаем явную склонность к использованию слова Ἀχαιοί, когда речь идет о других руководящих обязанностях.

Например, при заклинании Ахиллеса посохом или скипетром. "С него сняли листья и кору, и теперь"[706]. Вряд ли здесь возможно истолковать фразу, не ограничивая ее вождями.

Я ссылаюсь на отрывок, где Гомер впервые вводит слово Ρυεῖ Οἱ, как бы в тени αἰοί. Теперь, если мы изучим этот отрывок, мы увидим, что, если не будет какой-либо тени различия в значении, слова будут тавтологичными, чего Гомер никогда не заслуживает. Но если мы допустим в имени ахейцев определенный уклон в сторону знати армии, тогда смысл и выражения одинаково уместны. "Я боюсь негодования того, кто могущественным образом господствует над (всеми) греками, и кому подчиняются даже ахейцы (или вожди)"[707].

Снова фраза Ἀχαιοὺς ἄνῆρ[708], дважды использованная Гомером, и оба раза в устах Приама с Троянской стены, оба раза также относится к благородным фигурам, подобным вождям, которые его острый на красоту глаз различает в толпе. Особого внимания заслуживает второй случай:

τίς τ' ἄρ' ὄδ' ἄλλος Ἀχαιοὺς ἀνὴρ ἦς τε μέγας τε,
ἕξοχος Ἀργείων κεφάλην ἦδ' εὖρεας ὤμους;

Эффект которого, по-видимому, выражен в этих словах:

Кто этот ахейский вождь,
Такой красивый и высокий?
Его широкие плечи возвышаются над толпой,
Его голова превосходит их всех.

И здесь, если ахейский и аргейский - синонимы, употребление последнего слова в высшей степени безвкусно, но если речь идет о начальнике, превосходящем ростом основную массу солдат, соблюдается полное соответствие.

Мне нет необходимости распространять эти иллюстрации на другие отрывки, такие как Ил. ii. 80, 346. ix. 670. И, с другой стороны, легко указать на отрывки, где сила ахейского и аргейского имен явно идентична, например, Il. ix. 521: или снова, где ахейцы и данааны должны совпадать, как в Il. ix. 641, 2. Наиболее частое употребление ахейского имени, я полагаю, относится к нации, а не к расе или классу: все же сохранился ряд отрывков, демонстрирующих исконную предвзятость и примитивное значение этого слова.

Однако я укажу еще на два места, по одному в каждом стихотворении, где то затенение смысла, за которое я ратую, либо значительно облегчит передачу текста, либо даже может быть названо необходимым для достижения приемлемой конструкции.

1. Особого внимания заслуживает то, что Гомер иногда помещает эти слова очень близко друг к другу, как в следующем отрывке;

νηῶν ἐπ' ἀρίστερα δηϊόωντο
λαοὶ ὑπ' Ἀργείων· τάχα δ' ἂν καὶ κῦδος Ἀχαιῶν
ἔπλετο· τοῖ ος γὰρ Γαίηοχος Ἐνοσίγαιος
ἔειπεν Ἀργείους·

Это находится в Il. xiii. 676-8, а Δαναῶν следует в 680 году. Близость слов и место Ἀχαιοὶ между дважды употребленным Ἀργεῖοι в высшей степени безвкусны и негомеровы, если они являются чистыми эквивалентами. Но теперь кажется отнюдь не невозможным, что Поэт мог в этом отрывке иметь в виду различие между лидерами и массой. Возможно, он хотел сказать: 'Гектор еще не знал, что его люди терпят поражение слева от греческих войск. Но так оно и было; и

вожди, возможно, теперь завоевали бы славу, такова была мощь, с которой Нептун подстегивал их войска, "но это и т.д.

2. Трудно, за исключением предположения о различном оттенке значения в этих апеллативах, вообще истолковать такой отрывок как

ἐξερῆεινεν ἔκαστα,
Ἴλιον, Ἀργείων τε νέας, καὶ νόστον Ἀχαιῶν[709].

Здесь сопоставление слов, если они являются синонимами, становится абсолютно невыносимым. Но смысл становится понятным легко и естественно, если мы передадим его следующим образом: "он расспрашивал (меня) обо всем о (падении) Трои, о флоте (или вооружении) греков и о приключениях вождей по пути домой".

Однако "Одиссея", по-видимому, вносит большой вклад в наши способы понимания гомеровского употребления Ἀχαιοί, чем простое цитирование отдельных отрывков.

Его применение в Итаке.

Имеются значительные свидетельства разделения рас на Итаке, а также применения ахейского имени к аристократии страны.

Продолжительность времени, в течение которого Улисс отсутствовал, будет являться причиной значительной дезорганизации в его владениях, а их размещение главным образом в отдельных островных владениях имело бы тенденцию усугублять зло. Тем не менее, не только Нестор, Идомей[710], Филоктет, Неоптолемей, но и Менелай, который отсутствовал почти столько же, сколько и сам Улисс, похоже, без труда воссели на свои соответствующие троны; так что мы можем предположить, что в случае с Итакой должно было быть много особенностей. Отчасти это можно найти в том факте, что семья Улисса, возможно, совсем недавно пришла к власти и что консолидация рас была несовершенной. Помимо силы характера, он накопил[711] огромное богатство, следуя по стопам своего отца Лаэрта, который был одновременно завоевателем и экономистом[712]. Его власть, таким образом, зависевшая от того, что было лично для него, не могла не быть поколеблена до основания его отъездом и длительным пребыванием в чужих краях.

Насколько мы можем узнать из текста Гомера, семья Улисса пришла, как и другие эллинские семьи, с севера и правила на Итаке не более двух поколений. Его происхождение не указано дальше, чем у его деда по отцовской линии Арцеисия[713]. Но все его связи, судя по всему, находятся на севере. Его дед по материнской линии, Автолик[714], жил у Парнеса, или Парнаса, в Фокиде, недалеко от Дельф. И у отца его жены, Икария, была дочь Ифтимия, которая была замужем за Эвмелом[715], наследником Феры на юге Фессалии: обстоятельство, которое позволяет предположить близость их владений. Таким образом, вполне вероятно, что Лаэрт женился в Фессалии; и, поскольку у нас нет упоминаний о верховной власти Арцеисия, весьма вероятно, что Лаэрт был первым, кто либо занял итакийский трон, либо, по крайней мере, удерживал его в течение какого-либо периода времени.

Фонтан недалеко от города, который снабжал его водой и который, вероятно, отмечает его основание, был построен, как нам сказали, Итаком, Неритусом и Поликтором[716].

Первый, должно быть, был эпоним острова: вторая из его главных гор[717].

Пейсандр, называемый ἄναξ и πολυκτορίδης[718], является одним из четырех главных женихов, чьи подарки Пенелопе конкретно упоминаются в Восемнадцатой Одиссее. Таким образом, он, скорее всего, приходился племянником Эпонимисту острова. Иногда отчество действительно происходит от деда или даже, как в случае с Приамом (δαρδανίδης, Ил. xxiv. 629, 631), от отдаленного предка; но тогда он, очевидно, должен быть основателем или одним из самых известных людей. Но Пейсандр, по крайней мере, мог быть сыном Поликтора; и он, вероятно, был представителем семьи, которая была вытеснена из-под Власти дома Лаэрттов. Впоследствии он появляется среди лидеров в борьбе Женихов с Улиссом[719].

Имена, применяемые к субъектам Улисса в "Одиссее" три: Κεφαλλῆνες, Ἰθακῆσιοι, и Ἀχαιοί. В соответствии с его использованием в "Илиаде", первое из них, которое встречается всего четыре раза[720] используется, по-видимому, как название всего народа государства; и, судя по тому, что мы видели о силе слова, это подразумевает, что эллинский элемент был доминирующим. Разница в использовании двух других очень заметна.

В первую очередь, женихи обычно называют Ἀχαιοί [721], и не Ἰθακῆσιοι, ни когда-либо Δαναοί или Ἀργεῖοι. Либо, будучи аристократией, они были ахейской расой; либо же, не будучи полностью ахейской расой, они назывались ахейцами, потому что они были аристократией. Утверждается, что из этого класса они составляли всю[722].

Более вероятным из этих двух предположений является то, что они ни в коем случае не были исключительно ахейской крови, но получили это название по своему рождению и положению. Наиболее естественно предположить, что перемещенная семья Пейсандра и, вероятно, другие, не были ахейцами, а принадлежали к более древнему роду. Возможно, это были эллины; ибо, как мы знаем, эллинские, и в частности золидские, семьи жили в Греции задолго до того, как мы слышали об ахейцах.

У дома Улисса все еще действительно были друзья на острове, такие как Ментор, как Ноэмон, сын Фрония (или класс, представленный этими именами, если они только типичные) или как Пейрей, который взял на себя ответственность за Теоклимена по просьбе Телемаха[723]. Но основная масса людей была нейтральна или же настроена недружелюбно. Лучшее, что может сказать Телемах, это то, что *весь* народ не настроен враждебно[724]. И в последней книге, в то время как более половины Собрания поднимают оружие против Улисса, остальные просто[725] остаются нейтральными: так что ему не на кого положиться, кроме своего отца, своего сына и всего лишь горстки иждивенцев.

В то время как ахейское имя, таким образом, применяется исключительно к Женихам и, по-видимому, к ним самим, потому что они составляли аристократию, к народу, когда он собирается, неизменно обращаются Ἰθακῆσιοι. Действительно, сказано, что ахейцы[726] были вызваны герольдами на Собрание Второй Книги: но, похоже, было принято посылать специальную повестку только высокопоставленным лицам, как мы находим в Схерии[727]; хотя ожидалось, что все классы будут присутствовать, и они присутствовали.

Я, однако, не берусь утверждать с уверенностью, что слово αἰοί не применяется к населению Итаки в целом. Когда Еврипид обращается к Собранию и подстрекает народ отомстить за смерть Женихов, нам говорят, что οἱ κτὸς δ' ἔλε πάντας Ἀχαιοὺς. Это может означать аристократическую партию в Ассамблее, поскольку мы знаем, что там были две части с совершенно разными взглядами. Во всяком случае, если иметь в виду весь народ, то это

редчайшее из возможных исключений. Это название, как и следовало ожидать, применяется к солдатам, которые плыли с Улиссом в Трои, но в пределах Итаки кажется очевидным, что это имя правильно обозначает знатных людей. И в целом представляется наиболее вероятным, что эти Ἀχαιοί в Двадцать третьей книге являются партией Претендентов, скорее из-за их положения в обществе, чем из-за их происхождения: в то время как меньшинство, которое не присоединяется к движению против Улисса, вероятно, представляет собой старое население острова, у которого нет причин для ссор, которые заставили бы их взяться за оружие против него, и все же нет такой связи с ним, ни расовой, ни древней подчиненности, которая побудила бы их выступить в его пользу.

Итака была плохо приспособлена для обработки почвы или для содержания чего-либо, кроме овец и коз. И Итакус, его эпоним, будучи персонажем очень современного типа, представляется весьма вероятным, что, ахеец он или нет, он и его раса были эллинами и дали населению то своеобразное имя Кефаллены, под которым Лаэрт называет их своими подданными. Но, вероятно, были и более ранние обитатели древнего пеласгийского племени, затопленные двумя эллинскими иммигрантами, мало заботящиеся о том, кто из их владык главнее, и составляющие пассивное меньшинство окончательного Собрания.

Использование ахейского имени на Итаке, в широком отрыве от итакийского, должно тогда доказывать либо его связь с расой, либо его пристрастие к классу, а может доказывать и то, и другое. Но оставляя последнее как достаточно показанное, я теперь продолжу прослеживать местное употребление ахейского имени.

И, прежде всего, мы находим его местное употребление на Севере; в той Фессалии, откуда возникло название Эллада и откуда оно распространилось на Юг; следовательно, в самой тесной связи с эллинской основой.

Что касается дивизии под командованием Ахилла, то в Каталоге после названий округов и мест, откуда они прибыли, говорится:

Μυρμιδόνες δὲ καλεῖντο, καὶ Ἑλῆνες, καὶ Ἀχαιοί[728].

Теперь мы находим на протяжении всей "Илиады", что местное название этого отряда остается неизменным: войска Ахилла единообразно именуются мирмидонцами. Следовательно, Гомер не имеет в виду, что одна часть была мирмидонцами, другая - эллинами, третья - ахейцами, но что эти три названия прилагались ко всему телу, конечно, в разных отношениях. Тогда они были мирмидонянами, каким бы ни был источник этого названия, по общему обозначению. Они были эллинами, потому что жители Эллады, территории, откуда уже начали распространяться влияние и диапазон этого имени, следовательно, более правильными и возвышенными эллинами, чем другие, которые не так положительно восприняли это имя, хотя они, возможно, были включены в πανέλληνες. И очевидно, что они могли называться только Ἀχαιοί, потому что, как известно, находились под руководством чистокровных ахейцев, которые имели право носить это имя самостоятельно, а не носить его только в производном смысле, и потому что оно распространилось по всей Греции. Об этом своеобразном и выдающемся ахействе в роду Пелеидов мы имеем, я думаю, два других указания из поэм: одно в возможном значении любви Юноны, которая, как мы видели, распространялась на Ахилла в равной степени с Агамемноном; другое в браке Гермiony с Неоптолемом, который был основан на обещании, данном ее отцом Менелаем перед Троей. Несомненно, выдающиеся заслуги Неоптолема могли быть

единственным основанием для этого обещания; но это могло также иметь отношение к родственникам, поскольку, по-видимому, эти супружеские связи обычно сопровождаются каким-то особым родством, по соседству или иным образом. В соответствии с этим отрывком, имя Ἀχαιῖδες применяется Ахиллом в Девятой книге к женщинам Эллады и Фтии.

Местное использование ахейского имени.

Удивительно иллюстрирует проницательность и точность Гомера тот факт, что в этом самом месте, которое он так специально отметил именем ахейцев, оно продолжало существовать как местное название и существовало почти исключительно здесь на протяжении всех исторических эпох Греции. Этого вопроса у нас еще будет возможность коснуться.

2. Из пяти рас, населявших Крит во времена *Троики*, одна была ахейской[729]:

ἐν μὲν Ἀχαιοὶ
ἐν δ' Ἑεοκρῆτες μεγάλῃτορες, ἐν δὲ Κύδωνες,
Δωριέες τε τριχάϊκες, δῖοί τε Πελασγοί.

Присутствие ахейского племени на Крите, возможно, было связано с его постоянными сношениями с Восточным Пелопоннесом[730], где ахейцы в течение некоторого времени доминировали: или с теми отношениями с Фессалией, о которых, вероятно, свидетельствует имя Девкалиона у Гомера. В любом случае, этот отрывок ясно указывает на местное значение этого названия. Это также показывает нам, что ахейцы отличаются от дорийцев, и показывает нам, что у эллинского древа было множество ветвей, известных Гомеру. И перечисление ахейской и пеласгийской рас вместе с другими в этом месте по сравнению с единообразным описанием в "Илиаде" всего войска Идоменея как критского, показывает нам, насколько тщательно Гомер избегал такой путаницы, какую вызвало бы сопоставление ахейцев и пеласгов со ссылкой на основное этническое разделение в "Илиаде".

3. В "Пилийском набеге" Одиннадцатой книги Нестор тщательно проводит различие между сторонами, такими как эпейцы, также называемые элианами, с одной стороны, и пилийцы, также называемые ахейцами, с другой[731]. Этот набег произошел в его ранней юности, возможно, за сорок или пятьдесят лет до *Троики* в ахейскую эпоху. И поскольку он утаивает ахейское имя от другой стороны, они явно не были ахейцами в ограниченном смысле этого слова. И все же они были эллинскими, ибо, среди других эллинских знаков, Авгий, царь эпейцев, был νναξ ἄνδρῶν. Таким образом, мы снова имеем ахейцев, зафиксированных как подразделение, хотя, вероятно, и главное подразделение эллинской расы.

4. Четвертый случай, в котором имя ахейцев явно имеет ограниченное значение, приводится во втором отрывке греческого каталога, где часть войск Диомеда описывается как те,

οἱ τ' ἔχον Αἰ γίνην, Μάσητά τε, κοῦροι Ἀχαιῶν[732].

Хотя Масес был принят за город, все же его соединение здесь с Эгиной, возможно, скорее указывает на то, что это остров. По-видимому, признано, что его местоположение неизвестно. И внегомеровская традиция[733] сообщает, что небольшие острова у трезенского побережья были

названы в честь Пелопса. Невозможно не заметить соответствия между этой традицией и косвенными традициями, представленными нам языком Гомера в этом стихе. Ибо в Каталоге он, по-видимому, тщательно избегает повторения общегреческих наименований в связи с обитателями конкретных мест и дает им только местные и особые названия. Из этого неотвратимо следует, что здесь следует понимать, что он говорит об особой расе и местном названии ахейцев: к этой расе и имени, естественно, принадлежали бы любые поселенцы, привезенные Пелопсом в Южную Грецию.

И, поскольку Гомер не прекращает полностью применять аргейское название к жителям Аргolidy, он, вероятно, в этом месте имеет в виду отличить ахейцев не только от других греческих рас, но даже от других подданных Тидея и Диомеда, которых правильнее всего было бы назвать аргейцами.

Таким образом, оказывается, что дважды в Каталоге Гомер имеет случай употребить ахейское имя локально и в его первоначальном или, так сказать, языческом смысле. И соответственно, он был осторожен, чтобы не допустить путаницы, употребляя его в более широком значении либо вначале Каталога, либо в конце. В обоих случаях он использует слово δαναοί; единственное из его великих обращений, которое нигде не имеет местного или иного разнообразного значения. Когда он начинает, он приглашает Музу рассказать ему, ст. 487,

οἱ τινες ἡγεμόνες Δαναῶν καὶ κοῖρανοί ῥσαν.

Так же и в конце, ст. 760, он резюмирует в этих словах:

οὗτοι ἄρ' ἡγεμόνες Δαναῶν καὶ κοῖρανοί ῥσαν.

5. Как Нестор применяет ахейское имя к жителям Пилоса, так и со времен правления Пелопидов оно становится применимым к жителям Восточного Пелопоннеса в целом, в смысле более широком, чем у Ил. ii. 562, но все же более узком, чем национальное. В Ил. iv. 384 и Ил. v. 803 те, из числа которых Тидей отправился в Фивы, называются Ἀχαιοί. Точно так же и в разговоре с Главком Диомед называет товарищей своего отца по этому случаю тем же именем (Ил. vi. 223). Он повторяет это имя в своей молитве к Минерве, Ил. x. 286, 7; и здесь он тщательно отличает их от фиванцев той эпохи, которые являются Καδμεῖς Οἱ (288).

Имя Παναχαιοί.

6. Продолжая развивать ту же тему, нам еще предстоит рассмотреть силу родственного гомеровского слова παναχαιοί.

Это, несомненно, термин, требующий особого внимания. Ни один писатель не имел такой слабой привычки, как Гомер, варьировать свои выражения без причины. Но поскольку слово Ἀχαιοί используется много сотен раз как простое равнозначное греческому, оно не может требовать приставки παν, чтобы эффективно передавать этот смысл. Следовательно, предположение, что παναχαιοί означает "Греки" и ничего более, сделало бы приставку бессмысленной, и я прихожу к выводу, что это не может быть адекватным объяснением ее назначения. Но если мы истолкуем это слово как имеющее конкретное отношение не только к совокупности, но и к частям, из которых оно состоит, тогда приставка παν становится обильно наполненной значением. Слово παναχαιοί с этой точки зрения будет означать то, что мы должны были бы назвать "всеми классами греков", "греками от высших до низших".

Всего он используется одиннадцать раз. Из этих одиннадцати отрывков семь раз оно встречается в выражении ἄριστῆς Παναχαιοῖν. Здесь предыдущие слова ἄριστῆς сразу направляет ум на это уведомление из разных классов, и получает большую силу из отличительных пан частицы: как мы можем судить из-за того, что Гомер никогда, но когда-то (ἄριστῆς Δαναῶν, Ил. XVII в. 225) добавляет апеллятив в его простой форме, чтобы ἄριστῆς. Приставка παν, кажется, лишает идею условности и делает ее реальной: вожди - это сорт и цветок всего греческого массива.

Только в одном другом отрывке "Илиады" мы находим παναχαιοί; это в пересказе речи Улисса Ахиллесу[734]:

εἰ δέ τοι Ἀρεΐδης μὲν ἀπήχθετο κηρόθι μᾶλλον,
αὐτὸς καὶ τοῦ δῶρα, σὺ δ' ἄλλους περ Παναχαιοὺς
τειρομένους ἐλέαιρε κατὰ στρατόν.

‘И все же, если ты ненавидишь (короля), От всего сердца почитай его и его дары, но все же пожалей греков по всей армии, которые сейчас страдают от самых высоких до самых низких степеней.’ Сила παναχαιοί κατὰ στρατόν здесь очень заметна.

Наконец, в "Одиссее" мы находим трижды повторяющуюся строчку:

τῷ κέν οἱ τυμβὸν μὲν ἐποίησαν Παναχαιοί,

и всегда в одной и той же связи со смертью какого-нибудь избранного и любимого героя армии. Его очевидный смысл таков: "все классы греков объединились бы, чтобы оказать ему честь, протянув руку помощи для возведения его погребального холма".

Следовательно, в каждом из этих случаев слово παναχαιοί, по-видимому, выражает совокупность всех классов и, таким образом, отчетливо указывает на слово ααιοί как способное обозначать нечто меньшее, чем все классы, а именно один, то есть правящий класс.

Конструкция, созданная таким образом для παναχαιοί, соответствует обычному способу Гомера использовать в композиции такие слова, как прилагательное πᾶς и предлог σύν. Мы уже видели интенсивное усилие πᾶς в Ἄργος πᾶν и Πανέλληνες. И πᾶς сам получает дополнительное питание от σύν. Как и в Il. i., где Ахилл, незадолго до этого напомнив Калхасу о его должности Провидца δαναοί, продолжает уверять его, что никто из греков не причинит ему вреда за выполнение своего долга, теперь это никто, не просто δαναοί, но и σύμπαντες δαναοί; нет, даже если он назовет виновным самого Агамемнона[735].

Вряд ли нужно указывать, насколько точно все это совпадает с общими результатами, к которым мы уже пришли. Согласно им, основная масса греков была пеласгийским населением, находившимся под властью правящих племен и семей, принадлежащих к другой расе; среди которых наиболее могущественными были те, кто принадлежал к ахейскому роду; и чье аргейское имя было этимологически и, возможно, практически, своего рода заменой более древнему пеласгийскому.

Также нетрудно представить, как, если бы ахейцы стали доминирующей расой в наиболее важных частях Греции, они могли бы, не составляя численного большинства, дать свое имя массе народа и самой стране, подобно тому, как Британия и британцы стали Англией и

англичанами от англов, или как Ломбардия получила свое название от лангобардов, а европейская Турция, некогда гражданская глава христианского мира, - от турок.

Элидские и эолийские названия.

Было принято обсуждать вопрос о том, был ли Гомер эолийским греком: давать эолийское название формам греческого языка, преобладавшим в его время; и описывать ахейцев как ветвь эолийцев. За некоторыми исключениями, говорит Страбон[736], эолийское название все еще преобладает за пределами Перешейка; и оно также охватывало Пелопоннес, пока не произошло смешение. Ионийцы из Аттики были заняты *Ægialus*; и когда Гераклидов, с дорийцами, стал хозяином многих городов Пелопоннеса, ионийцы были изгнаны в свою очередь ὑπὸ Ἀχαιῶν, Αἰ οἰκοῦ ἔθνους, после чего два ἔθνη только оставался на Пелопоннесе, в *Æolian* и Дориан.

Опять же, что касается *дигаммы*, Гейне[737] наиболее справедливо отмечает, что его гораздо правильнее назвать пеласгическим, чем золовым; поскольку эолийцы, насколько нам известно, сохранили его только после того, как нашли применение у пеласгов. Но в целом тем, кто основывает свои суждения на гомеровском тексте, весь взгляд на отношения ахейцев и эолийцев, как он обычно дается, покажется ложным. Во-первых, эолийцы как нация или племя полностью постгомеровские, если только мы не наберемся смелости найти какую-то модификацию их названия в Αἴτωλοι. Элидские семьи Гомера действительно занимают, очевидно, высокое положение, которое мы обсудим далее[738]: но они просто подпадают под общее название ахейцев, как и любые другие семьи, и больше, чем семьи, подобные эцидам, которые находились в тесных политических отношениях с расой, носившей собственное обозначение, а именно, с ахейцами. Мирмидоны. По-видимому, такого нигде не было в случае с эолийцами. Напротив, Нелеиды, хотя и были незаконнорожденными, возможно, могут рассматриваться как принадлежащие к Эолидам; но их подданные на самом деле носили имя ахейцев, помимо их территориального названия пилианцы[739]. Что касается эпохи *Троики*, то вместо того, чтобы называть ахейцев эолийской расой, было бы разумнее называть эолидов (поскольку с этим именем не было ничего более обширного, чем отчество) ахейскими домами. Я, однако, не имею в виду, что они были собственно таковыми, поскольку имя Эолидов появляется в Южной Греции до ахейцев и, вероятно, было более древней ветвью того же ствола.

Последующее преобладание эолийского по сравнению с ахейским именем (эллинское, однако, перекрывает и вскоре поглощает оба названия), по-видимому, указывает на одно из двух предположений. Либо существовало первоначальное эолийское племя, которое совершенно ускользнуло от упоминания у Гомера, как почти ускользнули от него дорийцы; либо же, и это более вероятно, могло случиться так, что по крайней мере часть этих эолийских родов удержалась в Греции, в то время как ахейское имя, которое возвысилось благодаря политическому господству пелопидских государей, рухнуло с потерей этого господства. Следовало ожидать, что это имя должно было принять участие в падении расы, когда вторжение Гераклидов и дорийцев изгнало его носителей из центра их власти и превратило их сначала в беглецов, а затем в единственную полосу ПелоПоннес; единый регион с узким охватом, и, как отмечает Полибий[740] спустя много веков, с небольшим весом и влиянием, который от них получил название Ахея. Тот факт, что дорийское имя Гомеру практически неизвестно, в то время как ахейское находится в зените своего могущества, причем не только героически, как в "Илиаде", но и в повседневном употреблении Итаки на протяжении всей

"Одиссеи", является для меня одним из нескольких веских предположений, не подкрепленных никакими равнозначными доказательствами того, что Гомер не мог дожить до той великой революции, которая так полностью стерла этнические ориентиры и изменила положение Южной Греции.

Гераклиды у Гомера.

Несомненно, существует поразительная аналогия между отношением эолидских домов, названных у Гомера, к распространившейся впоследствии и могущественной эолийской расе, и отношением семей Гераклидов, также названных им, к дорийской расе, которая подобным же образом выросла из безвестности в гомеровский период до такой великой последующей известности. Сам Геракл предстает перед нами в древней легенде как великий дорийский герой, "повсюду прокладывающий дорогу своему народу и его поклонению и защищающий их от других рас"[741]. Единственные гераклиды, номинально упомянутые Гомером, - это Тлеполем, Фидипп, Антиф; и есть другие, имена которых не указаны[742]; ни одного из них, как и греков, участвовавших в экспедиции, не называют дорийцами, в то время как, опять же, ни одного из гераклид Гомера не называют ахейскими или эолидскими именами. Возможно, они были дорийскими домами, как дома Эолидов; и это название, возможно, стало племенным впоследствии, когда они пришли к власти. Традиция приема определенных Гераклидов в Аттике, по-видимому, была признана лакедемонянами в исторические эпохи[743], и в предположении о установленной таким образом дружбе мы, возможно, сможем найти истинное объяснение привилегии децелейев, упомянутой Геродотом[744].

Располагая в хронологическом порядке данайские, аргейские и ахейские имена Гомера, мы ставим на первое место данаан, а на следующее - аргейцев, чтобы приблизить данайцев к пеласгам. Но истинное значение этого заключается просто в том, что три названия были подсказаны Гомеру тремя периодами греческой истории, которые расположены в порядке, указанном в названиях. Если, однако, вместо того, чтобы проследить цель Поэта, мы обратимся к этнической истории, то мы должны заявить, что имя Данаан не обозначает смену расы, а является всего лишь иностранным приставкой к заключительной части пеласгийского периода. Аргейское название, если мы предполагаем, что оно было своего рода переводом или реконструкцией пеласгийского, также не указывает непосредственно на эллинское вливание; но сам факт его замены предшествующего наименования, по-видимому, предполагает причину. Гомер, действительно, не сообщает нам греческих историй о данаидском периоде, так что мы не можем с уверенностью утверждать, что он не описывал греков того периода также как аргейцев. Все, что мы можем сказать положительно, это то, что его использование аргейского имени *де-факто* начинается с эпохи первого эллинского престола в Греции, эпохи Персеид. Я надеюсь показать, что ахейское имя и имя Персея на самом деле принадлежат к одному роду и происхождению[745]: но только у Пелопидов появляется ахейское имя, и оно обозначает вторую стадию эллинского преобладания, поскольку аргейское имя обозначает первую, а дорийское - третью. Первая, или аргейская, стадия частично принадлежит, как я полагаю, дому Персея, но частично, как ясно из гомеровского текста, домам, происходящим от Эола.

Происхождение Эолидов.

Сам Эол нигде не упоминается у Гомера. Древнейшие Αἰ ΟἰῖΔαι, данные нам как таковые, - это Сизиф и Кретеи. Отчество само по себе не позволяет нам определить, были ли они сыновьями

Эола или происходили от него более отдаленно. Но косвенно мы, возможно, сможем установить его дату следующим образом:

1. Беллерофонт, внук Сизифа[746], называется современным ликийским царем, отпрыском божества, то есть Юпитера:

γίγνωσκε θεοῦ γόνον ἢ ὃν ἔοντα[747].

Смысл этого может заключаться только в том, что человек, которого Гомер указал как основателя расы, а именно Эол, был предполагаемым сыном Юпитера.

2. В ΝέκυϊΑ Одиннадцатой "Одиссеи" нас знакомят с Тайро, дочерью Салмонея и женой Кретея[748]. Она украшена эпитетом εὐπατέρεια, никогда больше нигде не дававшимся Гомером, кроме как Елене, и, по-видимому, эквивалентным ему для обозначения Διὸς ἑΚγεγαυῖ Α.

Я бы рискнул предположить, что отнюдь не маловероятно, что аналогичная сила может заключаться в эпитете Salmoneus, который здесь назван ἄμύμων. Этот эпитет действительно иногда применяется по признаку личного характера. Но Гомер также приписывает это злодею Эгисту, что кажется совершенно необъяснимым, за исключением божественного происхождения Пелопидов[749]. Более поздняя традиция обвинила Салмонея в преступлении, заключающемся в дерзком сквернословии: и это также, начиная с Гесиода[750], сделало его сыном Эола. Слово ἄμύμων в сочетании с εὐπατέρεια Тиро оставляет мало места для сомнений в том, что, возможно, оба, и, безусловно, последнее из этих представлений, соответствуют смыслу Гомера. Если это так, то Тирон была внучкой Эола; и мы можем сразу установить дату его рождения по Гомеру следующим образом:

1. Эол.
2. Салмонея, Од. xi. 235-7.
3. Тайро = Кретея, там же.
4. Ферес, Од. xi. 259.
5. Адмет, Ил. ii. 711-15, 763.
6. Эвмел, там же. и Од. iv. 798.

Из этого последнего процитированного отрывка я вывел, что Эвмел был современником своего шурина Улисса и на полпоколения старше стандартного возраста войны.

У нас также есть побочная линия Сизифа от Эола следующим образом: 1. Сизиф; 2. Главк (1); 3. Беллерофонт; 4. Ипполох; 5. Главк (2), современник войны[751]. Согласно этой таблице, Сизиф мог быть либо сыном, либо внуком Эола.

И опять же, Кретея, который, как и Сизиф, является αἰ ολίδης, возможно, был либо дядей, либо двоюродным братом своей жены Тайро. Фрагмент из Гесиода сделал бы и его, и Сизифа сыновьями Эола, а следовательно, дядьями Тирона.

Эти генеалогии полностью соответствуют тому, что Гомер рассказывает нам о линии Нелеид. Тайро, по его словам, влюбился в Энипея. В подобию этой реки Нептун получил доступ к ней, и она родила ему двух сыновей, Пелия и Нелея. Нелей - отец Нестора: а Нестор на одно поколение старше Эвмелия; ибо он находился в своем третьем трехдекадном периоде[752], если позволено такое выражение, во время действия "Илиады". Таким образом, мы имеем (как и

прежде): 3. Тайро; 4. Нелей; 5. Нестор; 6. Нестор. Генеалогия Эвмела по материнской линии подводит нас точно к тому же моменту: ибо Алкеста, дочь Пелия, была замужем за его отцом Адметом[753].

Таким образом, генеалогии Элидов изложены Гомером с большой ясностью, за исключением первого интервала, и с исключительной самосогласованностью. Perseus[754], как мы видели, принадлежит к пятому довоенному поколению. Это почти то же самое с Сизифом и Кретеом: и мы, таким образом, можем с достаточной уверенностью определить эпоху первого проникновения эллинов в Грецию. Это событие предшествует прибытию Портея в Этолию на одно поколение, а Пелопса - на два.

О Сизифе мы знаем от Гомера, что он жил в Эфире на Коринфском перешейке или поблизости от него. Не столь ясно, заходил ли Критей когда-либо на Пелопоннес. Есть Энипей из Элиды: но есть также одна[755] из Фессалии, которая, несомненно, была ее оригиналом. Однако название фессалийского ручья, по-видимому, было написано "Энисей". Ницш[756] определяет, на недостаточных основаниях, насколько я могу судить, что отрывок из Od. xi. не может означать Энипей Писатиса. В любом случае я не могу найти убедительных доказательств, но Сизиф определенно был в Южной Греции в это время или раньше, так что нам не нужно удивляться, что Кретея, другой Эолид, тоже был там. Его предполагаемый сын Нелей, без сомнения, основал царство Пилос. Постгомеровская традиция помещает даже Салмонея, отца Тирона, в Элиде.

Самые ранние эллинские троны в Греции.

Теперь перед нами схема первого проникновения эллинских элементов в Грецию, к югу от Фессалии. По-видимому, это было сделано пятью семьями;

1. Дом Персея.
2. История Сизифа.
3. Незаконнорожденная линия Кретея, или Нелеидов.
4. Вероятно, законная линия Салмонея, представленная у Авгия.
5. Следующим за ними будет Портей, глава Энейд в Этолии: и только затем следует великий дом Пелопидов, не один, а вместе с расой, к истории которой мы сейчас должны обратиться.

Что касается князей Данаид и Персеид, то у нас нет оснований предполагать, что они пользовались такой обширной властью, какой обладал Агамемнон. Мало того, что они, по-видимому, были ограничены, по крайней мере в последнее время, минойской империей, основанной на Крите, но Гомер не дает нам никаких указаний на то, что их владычество в какое-либо время включало обладание превосходством над рядом подчиненных князей за пределами их собственных непосредственных границ или простиралось за пределы территории, которую обычно можно описать как Восточный Пелопоннес.

Прямой вывод, имеющий отношение к этому предмету, может быть получен из отрывка, касающегося скипетра Агамемнона[757]: ибо Пелопиды не унаследовали скипетр Эврисфея и Персеид, но унаследовали от Юпитера: что, по-видимому, подразумевает, что они приобрели

гораздо больше, чем было под властью их предшественников. Вероятно, поэтому нам следует сделать вывод, что, например, у Эврисфея было ограниченное царство, и то только на суше; у Агамемнона - определенное господство на суше и на море, в пределах которого теперь пала старая минойская империя. И все же царство Эврисфея, вероятно, было в свое время величайшим, а также, вероятно, древнейшим из всех собственно эллинских царств.

Таким образом, если ни одна из предшествующих династий Даная и Персея не правила всей Грецией, маловероятно, что кто-либо из них мог дать название всей нации: хотя они могли бы дать название той части страны, которая, будучи в их время особенно известной и могущественной, стала при Пелопидах столицей, верховодящей над остальной частью страны; и народ которой затем не только присвоил себе название *αἰοί*, но и распространил его на всю Грецию.

Использование данайских и аргейских имен поэтично.

Таким образом, более чем вероятно, что сфера применения имени Данай (если мы предположим, что тогда это было действительно используемое имя) при Данаидах и имени *Ρῆϊ Οἱ* при Персеидах была локальной и ограничивалась в основном Восточным Пелопоннесом, где правили эти князья; с добавлением любых других частей страны, на которые они могли на время распространить свою власть. И если это так, то мы должны предположить, что Гомер, восприняв предания о данайских и аргейских князьях как о главах в их собственное время греческой истории или легенды, дал нации в качестве поэтического имени, но только в качестве поэтического имени, название, которое соответственно носили их подданные и которое никогда прежде не было и не стало никаким другим титулом, кроме его поэтического авторитета, применимым ко всем грекам.

Имя ахейцев, с другой стороны, отличается от них, во-первых, тем, что обозначает распространение определенной расы, хотя и не на всю страну, но на очень многие ее части, и, во-вторых, тем фактом, что правящий дом тех, кто носил это имя, пользовался реальным политическим господством как над континентом, так и над островами. Так что оно стало наиболее законным представителем греческой национальности, пока не утратило как свою протяженность, так и свою власть; первое из-за сжатия своих основных племен на узком пространстве; другое - из-за передачи своих политических прерогатив великой дорийской семье спартанских царей после завоевания Гераклидов.

Когда ахейцы перестали преобладать, не могло быть никаких причин, по которым их имя должно было оставаться запечатленным на их братьях, которые хвастались тем же происхождением и которые достигли большей силы.

Как во времена Гомера, когда ахейцы были лидерами Греции, они могли претендовать на то, что представляют весь эллинский род, так и когда дорийцы свергли их с престолов и заняли трон власти, когда эолийское имя было широко распространено, и, опять же, когда Афины с их смешанной расой стали великими и заявили, наряду со своими похвалами древности и преемственности, что переходят, как говорит Геродот, к эллинскому классу, но без ахейского происхождения, тогда ахейское имя больше не могло соответствовать эллинскому классу. представляют собой право на гражданство, и различные расы, естественно, вернулись к обозначению, которое не давало исключительных прав или превосходства ни одной из них и

которым все они имели право пользоваться совместно. Однако они, по-видимому, предпочли быть связанными с богатыми равнинами Фессалии, где они впервые познакомились с цивилизацией и организовали свою коллективную или национальную жизнь, а не с грубыми манерами своих более отдаленных предков на холмах. Следовательно, они были не эллинами, а эллинками.

Это можно рассматривать как *обоснование* распространенной и явно сфабрикованной традиции в отношении Эллина и его семьи, самую раннюю форму которой мы имеем у Гесиода.

Краткое изложение доказательств.

Наши выводы относительно имен, которыми Гомер описывает жителей Греции, теперь можно резюмировать следующим образом:

1. Мы начинаем с того места, где Греция, вероятно, впервые, была заселена расой, привыкшей к земледелию и миролюбивым привычкам, под общим названием пеласги, с подразделением под второстепенными названиями отдельных племен или частично и локально смешанной с фрагментами других рас.
2. Династия иностранного происхождения в той части Греции, которая тогда стала и с тех пор продолжала оставаться наиболее известной, возглавляет ход событий; и, по-видимому, не вытесняя самих пеласгов, все же, по-видимому, вытеснила в определенной части пеласгов именем данаан; во всяком случае, она достигает такой известности, что ее история, в глазах Гомера, заполняет всю широту ее собственной эпохи, и ее имя впоследствии стало национальным названием, по крайней мере поэтически.
3. Эллинская династия Персеидов, принадлежащая Греческому полуострову, следует за этой династией; и, стирая следы иностранного правления, управляет своими подданными под аргейским или аргивинским именем; которое, не возрождая титула пеласгов, слова, которое теперь становится подчиненным, но, подобно этому титулу, основано на физическом характере регионов, в которых было расселено население, и на подходящих для этого занятиях.
4. Затем на сцене появляется ахейское имя, которое не несет на себе никаких признаков связи с землей, или с каким-либо конкретным занятием, или с каким-либо конкретным эпонимистом, но, по-видимому, является обозначением расы, на самом деле не чужой, но новой для Пелопоннеса.
5. Воинственная и высокоодаренная раса постепенно распространилась по разным частям Греции под этим именем: Пелопиды, ее правящая семья, завладев трон Персеидов, достигли, возможно, благодаря широкой симпатии ахейской крови, национального превосходства. Ахейцы, по сути, стали греками эпохи Трои. К ним относятся эолиды и эациды, аргивяне, беотийцы, этолийцы, эпейцы, абанты, дорийцы, аркадцы, ионийцы и все другие местные племена, а также масса древних пеласгов, которые составляют, так сказать, рабочее население страны; некоторые из них в силу крови, а остальные благодаря тому политическому союзу, в котором ахейцы имели неоспоримое превосходство.
6. Все характеристики этой расы, социальные и религиозные, а также ее непосредственная географическая близость к гомеровским эллинам-мирмидонянам, если не самоидентификация

с ними, по-видимому, выводят ее с Севера, отделяют от пеласгов и объединяют с эллинским племенем.

7. Время идет; мы теряем направляющую руку Гомера; но всеобщее предание уверяет нас, что дорийцы, вышедшие, подобно тем, кто им предшествовал, из колыбели нации, возглавляют еще одно и последнее великое эллинское переселение на юг; Пелопиды свергнуты с трона того, что можно назвать столичной областью Греции; они переселяются на более низкое место со своими последователями и становятся безвестными главами второстепенного государства; и название эллины, принадлежащее всем великим греческим племенам вместе взятым, будь то ахейское, или греческое. Эолид, или дорийская кровь, или связь, становится великим историческим обозначением нации в целом.

8. После, возможно, восьмисот лет славы и свободы Эллады железная рука римской власти опускается на нее в то время, когда старое ахейское имя возродилось благодаря демократической конфедерации и снова распространилось[758] Пелопоннес. С этого времени Эллада занимает свое место в истории лишь как незначительная часть Римской империи, даже несмотря на то, что внутренним процессом она утверждает свое интеллектуальное превосходство[759] и формирует литературу и философию своих завоевателей. Но с политической точки зрения для них она не более чем придаток *Великой Греции*, слава которой заключается в том, что она является частью имперской Италии, и чье имя земля из песен Гомера теперь должна носить в силу двойного родства; первое, из-за их общей социальной базы, древних пеласгов, частью которых, вероятно, были греки (ὑραῖοι); и второе, из-за более поздней колонизации. Таким образом, грайское, или греческое, название, существовавшее, но так и не ставшее тем, что можно назвать видимостью в Элладе, снова возвращается к ней путем Италии и, наконец, становится преобладающим в этом своем древнейшем очаге.

У нас есть достаточный пример такого смешения и преемственности имен, зависящих от слияния рас и политического превосходства, на нашем собственном острове. Его населяли бритты, римляне, англы, саксы, юты, датчане и норманны. Все они пришли более или менее как завоеватели, один сменяя другого. Но только два имени оставили свой след - бритты и англы: все остальные, включая последних или норманнских завоевателей, исчезли. Так было с преемственностью пеласгов, ахейцев, эллинов, греков. Каждое из этих имен исторически вытесняло предыдущее. Отдельно от них, по высокой привилегии Поэзии, стоят их имена в другом сочетании: "Илиада" и "Одиссея" показывают нам данайцев, аргейцев и ахейцев как основные синонимы до Трои: но у каждого своя склонность, которая делает δαναοὶ наиболее правильно и предпочтительно "солдатами", ῥῥυεῖς - "массаами" и Ἀχαιοὶ - "вождями".

Остается еще понаблюдать за непосредственно последующей литературной историей этих трех великих апеллятивов, которые указ Гомера сделали столь известными.

Гесиод и второстепенные греческие поэты представляют для нас единственную удовлетворительную иллюстрацию фактического употребления, поскольку трагики, вероятно, стремились, трактуя героические сюжеты, использовать терминологию героической эпохи. Другие поэты говорили, конечно, в соответствии со своим возрастом.

У Гесиода мы не находим δαναοὶ на всех: Ἀργεῖς только в единственном числе на Юноне: Ἀχαιοὶ используется один раз для греков коллективно, в ретроспективе проход со ссылкой на собрания в Авлиде[760]. Он использует πανέλληνες[761] в том же стихотворении с тем же смыслом.

Важный отрывок Страбона[762] свидетельствует, что и Гесиод, и Архилох были знакомы с использованием имен Ἕληνες и πανέλληνες для греков в целом; и ссылается на их работы, ныне утраченные, в качестве примера относительно последнего термина. Как Ἕλας и Ἕληνες свободно использованы в Симониду, который также имеет Ἀργεῖοι только для Аргивянами. И, как правило, эти древние писатели, следующие после Гесиода, ничего не знали об использовании Ἀργεῖοι или даже αἰοῖ для обозначения всего народа, в то время как слово βαναοῖ у них вообще не встречается.

Как мне кажется, это убедительно подтверждает утверждения, которые я пытался установить.

Среди трагиков имя Ἀχαιοὶ с его производными, использовавшееся в какой-то степени Эсхилом, постепенно приходит в упадок: имя Данаан удерживается гораздо лучше, ἀργεῖοι еще лучше; хотя все они затмеваются великим историческим именем эллины, которое, вероятно, пользовалось бесспорным распространением со времен дорийского завоевания. Таким образом, для поэтического использования, имея дело с событиями и персонажами героической эпохи, они должны образом опираться на имена, которые использовал Гомер.

Его ценность как первобытной истории.

Исходя из этих последовательностей имен, независимо от того, основано ли конкретное название на происхождении или на физических происшествиях, вполне разумно утверждать, что мы можем очертить контуры первобытной истории, по крайней мере, с большей уверенностью и удовлетворением, чем путем попыток соединить воедино разнообразные и беспорядочные традиции многих эпох и мест, расположенных далеко друг от друга; в отношении которых, даже там, где нам не приходится сетовать на гложущую власть Времени, мы, по крайней мере, знаем, что способности как к преувеличению, так и к выдумке, стимулируемые тщеславием, соперничеством и эгоизмом, могут быть разрушены. интерес ко многим другим формам проявился на работе. Лучше иметь дело с более слабыми реликвиями, о достоверности которых мы знаем, чем с обилием таких, которые были фальсифицированы. Кроме того, когда мы полностью исчерпаем мощь первого, мы сможем с гораздо большей пользой использовать вспомогательные источники света, которые предоставит нам второй. И тенденция попытки придать гомеровскому тексту недвусмысленное превосходство состоит в замене полных и симметричных систем, в которых тесный камень и мусор неотличимы друг от друга, на самом деле очень незначительные и частичные, но все же авторитетные фрагменты и очертания, все промежутки между которыми заполнены общепризнанными догадками. Эта гипотеза не претендует на авторитет в собственном смысле этого слова, но, во всяком случае, она явно отделена от того, что является авторитетным, и также основана на предположениях, которые могут быть сделаны даже фрагментарными свидетельствами, когда они подлинны и близки к источнику.

И череда имен сама по себе является почти политической историей. Ибо названия наций не изменяются произвольно, хотя подобные вещи и были проделаны с определенными городами во владениях определенных государств. Названия рас, особенно рас, склонных, подобно грекам, тесно связывать себя с прошлым, бережно хранятся как материальная часть их наследия. Когда они меняются, это происходит по какой-то великой и повелевающей политической причине. Как, например, если какое-либо племя или семья, ранее не продвинувшиеся дальше своих собратьев, в какой-либо великой национальной нужде облакаются ответственностью действовать от имени всего организма и, таким образом,

становятся в равной степени его представителем и органом во всех внешних отношениях, а также представителем его внутренней жизни; или когда какая-нибудь династия-завоеватель и воинство сильной рукой вторглись на территорию прежних обитателей земли и, поставив их в зависимость или порабощение, более или менее квалифицированное, или сузив круг их владений, взяли под свою опеку вместе с лучшими землями страны. , весь спектр общественных дел, и наложили законы на побежденных, и привили им хорошие манеры. В этом случае различные элементы объединяются в политическое единство властью, исходящей от той расы, которая среди них обладала большей физической и боевой силой. Но до тех пор, пока не будет предпринято нечто большее, чем просто конвульсивное усилие завоевания, до тех пор, пока в почву не будут пущены глубокие корни и на ней не пролягут более резкие борозды, чем может прорезать одно копье или оставить следы волна простого потопа, до тех пор, пока, одним словом, не будет преобладающей организующей способности, эффект не будет постоянным; и грубая масса простой силы утонет среди окружающих более мягких, но более стойких и более преобладающих импульсов. В некоторых случаях так и было: тело, которое было сильнее в руках, оказалось слабее в интеллектуальных и моральных, то есть устойчивых, элементах власти. Неумирающее, но ежедневное влияние и симпатии сторонников мира ослабляют конвульсивные вибрации, которые потрясения войны и завоевания передали социальной структуре. Победа должна заканчиваться обладанием, как тяжелый труд во сне. Обладание подразумевает рассеяние победителей и, в таких случаях, как этот, их свободное смешение с побежденными. Узы соседства, торговли, брака, узы, относящиеся ко всем жизненным операциям, постепенно множатся между новичками и стариками; и путем мягкого процесса опыт и мнение постепенно решают, не властно в духе партии, но незаметно для всеобщего блага, какие законы, какие манеры, какой язык[763], какая религия должна преобладать. Судьба названия следует судьбе институтов и привычек, с которыми оно было связано; и старое обозначение в конечном счете преобладает над новым, или новое над старым, пропорционально тому, насколько пожилые жители внесли большую или меньшую долю в общую национальную жизнь в результате объединения; пропорционально тому, насколько вновь прибывшие получают больше впечатления, чем они передают, или передают больше, чем получают.

РАЗДЕЛ IX.

О гомеровском названии ἄναξ ἀνδρῶν.

Разница между эпитетами и титулами.

Как в современном обществе, так и в формах современного языка хорошо известно различие, которое разделяет описательные аффиксы или эпитеты и собственно так называемые названия.

Описательный аффикс, будь то субстантивный, такой как δαυαοὶ αἱ χιρῆται , или прилагательный, такой как δαυαοὶ φίλοπτόλεμοι, описывает качество и требует от читателя, как и любая другая фраза, передающая идею, согласия со справедливостью его описания. Эти описательные аффиксы имеют тенденцию при многократном использовании превращаться в *формулы*, а затем, в конце концов, они приближаются к природе названий.

Но титул - это совсем другое дело, чем описательный аффикс. Титул - это текущая языковая монета, которая предназначена для передачи из уст в уста без проверки. Это подобно

местоимению, предназначенному просто для обозначения конкретного человека. Это показатель ранга или должности, вещь, определенная по своей природе, подобно единице числа: и она не имеет никакого отношения, когда однажды была закреплена в качестве титула, к личному характеру, хотя по своему происхождению она могла быть основана на реальном или предполагаемом существовании личных качеств. Подобно описательному аффиксу, титул может быть либо прилагательным, например "самый благородный", либо субстантивированным, например "маркиз".

Титулы, очевидно, предполагают определенный прогресс в организации политического общества; в то время как описательные эпитеты должны использоваться, чтобы соответствовать целям человеческой речи, даже на ее первых этапах.

Такой степени прогресса, должно быть, достигли во времена Гомера, поскольку можно ясно различить использование заглавий в поэмах, а также описательных эпитетов.

Среди описательных эпитетов Гомера мы находим, из субстантивы, ἡγεμόνες, ἀριστῆες, а также βασιλεῖς, ἄοιδοί. Of adjectives, applied to classes, σκηπτοῦχοι (βασιλῆες), ὑπερμένεες (βασιλῆες), θεῖοι (ἄοιδοί): and applied to persons, ἔχεφρ' Πηνελόπεια, Τηλέμαχος πεπνυμένος, πολύμητις Ὀδυσσεύς: and many more.

В современной фразеологии герцог, граф, барон, рыцарь, эсквайр - это титулы: дворяне, духовенство, фригольдеры, горожане - это описательные фразы. Описательный эпитет или приставка, превратившиеся в титул, мы можем найти среди только что приведенных примеров; рыцарь (*кнехт*) первоначально означал слугу, затем человека, оказывающего особую услугу королю; а эсквайр (*скупьеро*, *экюйер*) означал человека, носящего оружие рыцаря, в частности его щит. Со временем это превратилось в титулы. Опять же, слова могут с сомнением зависеть от границы между титулом и эпитетом; как часто критикуемые выражения из английского общего молитвенника: "(наш) самый религиозный и милостивый (король)".

Мы находим у Гомера, что слово βασιλεὺς, царь, уже начало переходить от функции простого описательного слова к функции титула; ибо, хотя и редко, он присоединяет его к именам отдельных лиц, помимо того, что свободно использует его без них; и это обычное указание на титулы, собственно так называемые, что они могут, даже если они являются существительными, либо сочетаться с именем человека, либо, обращаясь к нему, заменять его. В "Илиаде" мы находим Ἀλεξάνδρῳ βασιλῆϊ, и в ἔχον βασιλῆα Одиссея. И снова мы находим, что βασιλεία используется в "Одиссее" в звательном падеже[764], которая аналогичным образом помечает ее как название.

Слово ἄναξ, опять же, у Гомера, которое ни в коем случае нельзя путать с βασιλεὺς[765], обычно является описательным эпитетом, почти эквивалентным нашему слову *господь*, и, подобно ему, обладает необычайной смысловой гибкостью; ибо как человек может быть господином сейчас, так он может быть и тогда ἄναξ, о королевстве, народе, поле, шахте, рабе, лошади или собаке. Примеров бесчисленное множество. Иногда значение - господин или повелитель по отношению к определенному объекту, как в случае с лошадьми Нестора,

οἱ δὲ ἄνακτος ὑποδδείσαντες ὀμοκλήν....[766]

Иногда это абстрактно означает класс людей,

οἱ οἱ τε ἀνάκτων παῖδες ἔασιν.[767]

где ἀνάκτων παῖδες почти соответствует нашим "детям высших порядков", то есть хозяевам рабов.

С другой стороны, применительно к бессмертным ἄναξ иногда является титулом: как в Il. xvi. 233, Ζεῦ ἄνα, Δωδώναιε, Πελασγικέ.

Примеры названий.

Однако у Гомера есть различные слова, которые, несомненно, являются единообразными. Таковы, в частности, прилагательные διотреφής и διογενής, которые почти эквивалентны по силе словосочетанию "Королевское высочество" наших дней. Обычно они сопровождают имя индивидуума или класса, к которому они принадлежат; и в "Илиаде" они ограничены, за единственным исключением, лицами самого высокого известного ранга - βασιλεὺς или царем. Исключением является Феникс, к которой в одном месте Ахилл обращается как к γέραιε διотреφές. Но Ахилл говорит это χαρίζομενος, лаская и уговаривая старика, и поэтому этот пример не разрушает силу общего правила.

В одном месте у нас есть ὁ διογενής[768] используется для Ахилла в третьем лице без его имени: что еще более поразительно характеризует это слово как титул. Также διотреφής нередко употребляется в звательном падеже, как без имени, так и с именем человека, которому оно адресовано. Возможно, стоит отметить, что эти слова, διотреφής и διογενής, никогда не применяются к Агамемнону, как если бы они имели, опять же, как и фраза "Королевское высочество", ограничение как вверх, так и вниз, и не были применимы к верховному главе нации. Действительно, есть один отрывок, где к Агамемнону обращаются как к διотреφής, но он находится в вызывающей всеобщее подозрение[769] νεκυῖα двадцать четвертой "Одиссеи". Очевидно, что этот факт нельзя отнести к метрическим соображениям, даже в том, что касается διотреφής, потому что либо в родительном, либо в звательном падеже он был бы легко доступен, особенно в последнем падеже, поскольку к Агамемнону в стихотворениях обращено звательное обращение около двадцати пяти раз. Я допускаю, что Улисс может ссылаться на него в этой строке,

θυμὸς μέγας δὲ ἐστὶ Διοτρεφέος βασιλῆος[770].

Но фраза здесь скорее абстрактная, чем личная: возможно, нам следовало бы сказать "наш царственный повелитель".

Слово βασιλεὺς, возможно, первоначально носило чисто описательный характер. Но в нем сохранились лишь частичные следы этого символа, который используется в "Илиаде". Главное отличие такого смысла, которое я могу найти, заключается в том, что оно используется в сравнительной и превосходной степени, чтобы отличить дом Пелопидов от других царей. Агамемнон βασιλεύτατος, Ил. ix. 69, и Менелай явно нацелен на βασιλεύτερος Ил. x. 239; там Диомед является велено выбрать лучший человек, независимо от ранга, а не привязывать себя к βασιλεύτερος.

Поскольку "Одиссея" представляет собой период политической дезорганизации, вызванный долгим отсутствием вождей, неудивительно, что мы находим слово βασιλεὺς и его надлежащий эпитет διотρεφής, используемые в этом стихотворении с большей небрежностью. βασιλῆες и διотρεφεῖς [771], здесь не короли, а аристократия Схерии и владений Улисса: и это комплимент, сделанный Телемаху Теоклименом, когда он говорит [772],

ὑμετέρου δ' οὐκ ἔστι γένος βασιλεύτερον ἄλλο
ἐν δημῷ θάκης.

Однако даже здесь сохраняется особый и официальный смысл βασιλεὺς: никого никогда не называют индивидуально βασιλεὺς, если только он не находится на троне, хотя говорят, что Антиной похож на представителя царского сословия,

βασιλῆι γὰρ ἀνδρὶ ἔοικας [773].

И тот же Антиной саркастически выражает надежду, что Юпитер не сделает Телемаха βασιλεὺς на Итаке, несмотря на его право наследования по рождению [774]. Если βασιλεὺς только указывало на определенную станцию, Телемах, без сомнения, уже был βασιлеὺς.

Смысл, присущий ему у Гомера, таков, что на протяжении нескольких тысячелетий оно, по-видимому, сохраняло всемирную известность.

Распространенные толкования *ἄναξ ἀνδρῶν*.

А теперь что касается конструкций, которые были применены к фразе ἄναξ ἀνδρῶν. Этого не заметили ни Гейне, ни Крузиус. О переводчиках я уже говорил. Что касается лексикографов, Скотт и Лидделл сказать 'Агамемнон, как генерал-аншеф специально ἄναξ ἀνδρῶν, а Orsilochos называется ἄναξ ἀνδρεσσιν в Ил. В. 546;' но фраза πολέεσσ' ἀνδρεσσιν ἄνακτα, который я беру, чтобы быть просто эквивалентно ἀνάσσοντα, и не имеют никакого отношения к фразы или формулы.

Проклятая [775] говорится, что это указывает на высшее достоинство, объединенное с военным командованием.

Снова; ГИПЕРССЫЛКА Mure отмечает, что, как и ποικίλῃ λαῶν и κρείων, "оно обозначает должность любого короля или вождя, но более конкретно должность верховного правителя или командующего".

После несколько минутного размышления я убедился, что эти объяснения совершенно не соответствуют действительности.

Отвечая Дамму, я бы заметил, что эта фраза была применена к Эней, который был полководцем, но не сувереном: она была применена к Анхизу, который был сувереном, но не командиром; она была применена к Эвмелу, который не был ни сувереном, ни сколько-нибудь заметным воином и командовал не более чем одиннадцатью кораблями.

Таким образом, это не зависит от высшей степени военного или гражданского возвышения.

И не во всех случаях это связано с божественным происхождением, даже если это происхождение от Юпитера; и даже если оно непосредственное или почти непосредственное: как и среди живущих, Сарпедон, сын Юпитера, не имеет его, как и Полипт, его внук (Ил. ii. 740).

Так, среди погибших нет ни Геркулеса, ни Радаманта[777], сыновей Юпитера. Если, как это вероятно, предполагаемое происхождение от Юпитера во всех случаях связывалось с ним, то это было отдаленное, а не близкое происхождение, и, таким образом, титул был украшением античной родословной; конечно, божественное происхождение не было непосредственным основанием для получения особого достоинства.

Я не оспариваю, что идея божественного происхождения обычно и непосредственно присуща правителям как таковым, по крайней мере, в "Илиаде". Но это представлено словами $\delta\iota\omicron\tau\rho\epsilon\phi\acute{\eta}\varsigma$ и $\delta\iota\omicron\upsilon\epsilon\nu\eta\varsigma$, о чем свидетельствует их этимология, а $\nu\epsilon\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$. Действительно, мы, кажется, находим слово $\delta\iota\omicron\tau\rho\epsilon\phi\acute{\eta}\varsigma$, используемое для обозначения рожденных на небесах, без ссылки на политическую власть, в той строке "Одиссеи" (ст. 378), где Нептун применяет его к феакам:

$\epsilon\acute{\iota}\ \sigma\acute{o}\kappa\epsilon\nu\ \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omicron\iota\sigma\iota\ \Delta\iota\omicron\tau\rho\epsilon\phi\acute{\epsilon}\epsilon\sigma\sigma\iota\ \mu\iota\upsilon\epsilon\acute{\iota}\eta\varsigma.$

Но из тех гомеровских титулов, которые являются специфически греческими, безусловно, самым замечательным является титул $\nu\epsilon\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$.

Особенности его использования.

Оно используется Поэтом пятьдесят два раза: пятьдесят раз в "Илиаде", только дважды в "Одиссее".

Оно применяется сорок шесть раз к Агамемнону и шесть раз к пяти другим лицам, по одному разу для каждого в четырех случаях и дважды в одном. Эти люди,

Эвмел, живой грек.

Авгий, мертвые греки.

Эвфет,

Анхис, живые троянцы.

Эней,

Оно появляется и исчезает вместе с Гомером, не встречаясь ни в сочинениях какого-либо другого греческого автора.

Оно никогда не употребляется ни в одном из падежей, кроме именительного падежа: никогда не отделяется от имени собственного того, к кому оно применяется, за исключением одного раза (Ил. i. 7), и то только частицей $\tau\epsilon$: оно всегда предшествует имени, за исключением этого единственного отрывка: оно всегда заканчивается первой половиной пятой части стиха, за исключением того же отрывка: и опять же, слово $\acute{\alpha}\nu\alpha\xi$ никогда не отделяется от слова $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$, за исключением одного раза в "Одиссее" словом $\delta\acute{\epsilon}$.

Оно не применяется ни к одному человеку, чье имя не начинается с гласной, и ни к одному человеку, чье имя не имеет метрической ценности, необходимой для того, чтобы оно могло составлять последние полтора фута гекзаметра: например, Агамемнон состоит из двух коротких слогов и двух долгих; Эвфет - из трех долгих; Эвмел - из двух длинных и одного короткого. Обстоятельства, эти последние, которые, если бы они стояли отдельно, наводили бы на предположение, что его использование определялось только метрическими соображениями.

Что метрические соображения или иную степень своего влияния на использование фраз Гомера, мы можем в достаточной степени судить, наблюдая, что в то время как Гомер использует имя Achæans четыре раза за это Argeians раз, он использует формы Ἀχαιοίσι и Ἀχαιοίσιν по двенадцать раз, в то время как он использует Ἀργείοισι и Ἀργείοισιν более чем в шестьдесят раз.

Но мы можем заметить, что никакие метрические соображения не могли помешать Гомеру применить эту фразу к Диомеду, Полипету или другим, чьи имена отличаются от Агамемнона только наличием согласной в начале: и все же он этого не сделал: имена всех его шестерых ἄνακτες ἄνδρῶν начинаются с гласной. Таким образом, поскольку он ограничивает себя сверх того, что требует метр, у него, возможно, были какие-то иные причины, помимо метра, управлять использованием титула.

Вопрос в том, существуют ли, очевидно или вероятно, другие условия содержания, которые, помимо условий звучания, встречаются у лиц, обозначенных в названии, и которые позволяют нам проследить и зафиксировать его смысл?

Со ссылкой на объяснение Мьюра я замечая, что оно, по-видимому, не учитывает разницу между описательными словами в целом и названиями применительно к Гомеру; скорее предполагается, что гомеровские фразы просто относятся к первому классу.

Очевидно, что слово κρείων является термином только этого класса, на который *pro tanto* указывает его связь с установившимся и обычным сравнительным эпитетом κρείσσων. Это ясно описывает класс тех, кто правил единолично, в обращении к Юпитеру, Ἰπάτε κρείόντων[778]; и это соответствует эпитету княжеский в Il. xxiv. 538.

ὅττι οἱ οὔτι

Παίδων ἐν μεγάροισι γονὴ γένετο κρείόντων.

"Ибо в его доме еще не было княжеского отпрыска".

Ниже, чем βασιλεὺς, что соответствует рангу, подразумеваемому нашим термином "величество", и менее широкое по смыслу, чем νναξ, что очень близко соответствует слову "лорд", оно обычно эквивалентно рангу принца или княжеской особы, согласно английскому смыслу терминов; но у Гомера это всегда только описательное слово, и никогда титул. Соответственно, это встречается у более поздних греческих авторов, когда исчезли νναξ ἄνδρῶν, и даже ποιμήν λαῶν.

ποιμήν λαων Гомера.

Фраза ποιμήν λαῶν используется чаще, чем κρείων, и с большей видимостью приближения к тому содержательному характеру и восприимчивости к индивидуальному применению, которое относится к названию. Таким образом, в

Οἱ δ' ἐπανεστήσαν, πείθοντό τε ποιμένι λαῶν,
σκηπτοῦχοι βασιλῆες[779],

βασιλῆες являются членами греческого βουλή, а ποιμήν λαῶν означает Агамемнон. Подобно κρείων, это было применимо к тем, кто обладал вторичными суверенитетами, так сказать, феодалиями главных вождей: как, например, мы находим среди второстепенных командиров Пилианской дивизии,

Αἶ μὲν τὰ τε κρείοντα, βίαντά τε, ποιμένα λαῶν[780].

Это относится к лицам, о которых мы ничего не знаем и не можем сделать никаких выводов, кроме того, что они, вероятно, могли владеть небольшими феодами (если можно так их назвать) с производным суверенитетом того или иного рода, такими, как были у троянцев[781], Бьенор, Гипейрон, Аписаон, Гипсенор: и это также применимо к сыновьям более крупных вождей, ибо например, Фрасимед и Агенор[782], а также на самих вождей, включая Агамемнона. Это также дано Эгисту, когда он *де-факто* владел тронном Агамемнона[783]. Следовательно, оно применимо к идее политического правления в самом широком смысле, отличаясь, однако, от ἄναξ тем, что, хотя в политическом плане оно присваивается менее заметным персонам, оно ограничено выражением такого рода превосходства и не имеет ничего общего с собственностью.

Я нахожу, в целом, невозможным обнаружить в этой фразе что-либо определенное, за исключением того, что она выражает политическое правление в целом и выражает его в форме фигуры, адаптированной к раннему и патриархальному состоянию общества. Поэтому я не решаюсь с уверенностью назвать это названием, потому что класс, к которому оно относится, несколько неопределенен, и поэтому ему не хватает определенного значения: все же оно может в какой-то степени обладать этим характером. Мы должны, однако, проводить широкое различие между элементом подчинения Агамемнону, каким мы видим его у Нестора и Диомеда, и элементом класса, к которому принадлежали низшие ποιμένες λαῶν. Они были так же далеко отделены, как крупные феодальности средневековой Франции, от мелких лордов, которых так много на этом острове.

По своей форме фраза имеет скорее внешнее, чем реальное сходство сὺναξ ἀνδρῶν. Для ποιμὴν образно использовать выражает не более чем в кабинете правителя в его политической отношении к своим подданным; а ἄναξ ἀνδρῶν гораздо более специфический характер, поскольку ἄναξ экспонаты идея мастер также как правитель, и он не просто ἄναξ людей, но ἄναξ отдельных людей, в отношении к чему-то, принадлежащие человеку как таковому, в котором он является собственником или узурпатором. ποιμὴν λαῶν выражает отношение, которое подразумевает, что политическое общество уже сформировано, поскольку λαὸς означает тело, объединенное в этой форме.

Опять же, мы вряд ли вправе предполагать, что ἄναξ ἀνδρῶν обозначает должность "любого короля или вождя", когда, хотя оно используется примерно в пятидесяти отрывках, применяется только к шести лицам: не менее опасно утверждать, что оно конкретно означает должность верховного правителя или командующего, когда из этих шести лиц только одно соответствует этому описанию, и когда по крайней мере трое являются лицами незначительной власти, а также малоизвестными по отдельности.

Еще раз, дело в манере Гомера, где он применяется эпитет или словосочетание характерно для одного из его персонажей, давать их исключительного использования, такие как ποδωκῆς δῖος для Ахилла, κορυθαίολος для Гектора, πολύμητις и πολυτλας δῖος для Улисса. Например, κορυθαίολος используется тридцать восемь раз для Гектора, никогда для любого другого героя: хотя он используется один раз для Марса, в II. xx. 38. Было бы странно, если бы он отошел от этого употребления в рассматриваемом нами случае. Но если ἄναξ ἀνδρῶν - это просто фраза для описания, как предполагает Мюре, он отходит от нее самым странным образом; ибо, хотя он применяет ее сорок шесть раз к Агамемнону, он также применяет ее к очень незначительному

Эвмелу. Если это фраза, просто служащая цели, как эпитет, обозначения великого политического положения Агамемнона, то как можно более сокрушить ее силу, чем присвоив ее не только Эвмелу, который ничего не делает, кроме управления колесницей, но и Эвфету, который упоминается лишь однажды в поэмах Гомера, без какого-либо эпитета или обстоятельства, отличающего его, кроме этого, и который вообще нигде больше не назван? Если оно описывает правителя как высшего среди правителей, почему оно применяется столь унизительно, а также расплывчато? Но если оно описывает правителя в целом, то почему оно используется так ограниченно? Фактический способ и условия его использования требуют от нас изучения того, не охватывает ли он на самом деле некую конкретную идею, заимствованную из формы общества, которая даже во времена Гомера стала или, по крайней мере, выходила из употребления; возможно, уже в какой-то части является памятником прошлого и скорее противоречит порядкам и обычаям его времени, чем вписывается в них.

Ἦναξ ἀνδρῶν имеет особое значение.

Своеобразная формула ‘господин людей’, по-видимому, хорошо подходит для обозначения периода перехода от патриархального к политическому устройству общества; в семье суверенитет и владение собственностью объединены, и βασιλεὺς естественно следует за νῆαξ и вырастает из него. Власть здесь облечена в форму более широкую, чем просто семейная связь, однако идея о ней остается неопределенной: нет четкого формирования *класса*; вышестоящие еще не рассматриваются в рамках формального политического понятия королей, и (как в случае с λαὸς) *мужчины* еще не начали воспринимать себя как подданных. Есть люди с высшим началом, но нет общества с главой. При таком положении вещей власть, хотя и менее надежная и укоренившаяся, была более абсолютной: посмотрите на запланированное жертвоприношение Авраамом своего сына Исаака.

Подводя итог, однако, тому, что мы сказали о других фразах, оказывается, что у Гомера мы имеем четыре слова, обычно используемых для обозначения правящей должности, начиная с высшей формы этой должности и ниже: они,

1. βασιλεὺς, наиболее ограниченный: в "Илиаде" ограничен теми, кто был практически верховным и правил значительной территорией, или же имел первостепенное значение благодаря личной доблести или другим качествам.
2. κρείων, следующий; охватывает самых высоких, но нисходит к второстепенным князьям, хотя обычно ограничивается более значительными.
3. ποικίλῃ λαῶν, которое, также применимое к высшему, но выражающее политическое господство в самой широкой форме, охватывает подчиненные, производные и мелкие княжества даже тех лиц, которые, по-видимому, ни в каком смысле не были независимыми суверенами.
4. Более разнообразное по своему применению, чем любое из этих, возможно, более древнее и относящееся к тому времени, когда единственная известная форма суверенитета подразумевала неопределенные и пока абсолютные полномочия распоряжения, словονῆαξ включает в себя двойную идею политической власти и собственности; оно сопровождает их обоих, подобно нашему слову *господь*, когда они разделяются, и оно прилипает к каждому из них во всех его формах.

Я признаю, что конструкция, которую сейчас предлагается применить $\kappa\nu\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$, насколько мне известно, ранее не предлагалась; и что это, *pro tanto*, презумпция против этого. Но вместо *pro tanto* я бы в данном случае предпочел написать *pro tantillo*; ибо, по-видимому, факт остается фактом: поскольку систематическому изучению этнологии подверглись лишь в последнее время, то лишь в последнее время текст и дикция Гомера были подвергнуты тщательному исследованию; и разумно ожидать, что дальнейшее применение к ним критического внимания все же может открыть нашему взгляду многое, о чем до сих пор не подозревали. Более допустимо придерживаться этой точки зрения в случае с $\acute{\alpha}\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$, потому что так мало читателей Гомера, по-видимому, даже заметили, что это когда-либо применялось к кому-либо, кроме Агамемнона, и поэтому общее мнение основывается на неточном представлении об элементарных фактах. Соответственно, мою цель более справедливо можно охарактеризовать как попытку поставить новый вопрос, чем как атаку на регулярно выносимый критический вердикт.

Давайте теперь перейдем к рассмотрению того, каковы на самом деле факты, касающиеся использования фразы $\acute{\alpha}\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$ у Гомера.

Лица, к которым оно применяется.

Это применимо к Агамемнону в следующих отрывках:

Ил. i. 7, 172, 442, 506.
ii. 402, 434, 441, 612.
iii. 81, 267, 455.
iv. 148, 255, 336.
v. 38.
vi. 33.
vii. 162, 314.
viii. 278.
ix. 96, 114, 163, 672, 677, 697.
x. 64, 86, 103, 119, 233.
xi. 99, 254.
xiv. 64, 103, 134.
xviii. 111.
xix. 51, 76, 146, 172, 184, 199.
xxiii. 161, 895.

Od. viii. 77.
xi. 396.

Это также относится к

Анхис, Ил. v. 268.
Эней, Ил. v. 311.
Augeias, Il. xi. 701, 739.
Euphetes, Il. xv. 532.

Теперь, хотя, как мы видели, этот термин фактически используется только с именами, почти сходными друг с другом по метрическому значению, все же Поэт предоставил нам самые четкие доказательства того, что его использование было не просто метрическим приемом, помогающим ему использовать имена, которыми иначе невозможно управлять. Этому мы учимся в двух следующих формах:

1. Имя Эвмел - одно из тех, к которым он применяет эту фразу: но метрическое соединение его с этим именем ни в коем случае не особенно удобно, поскольку из пяти мест, в которых Гомер упоминает Эвмела в именительном падеже, он только один раз дает ему титул $\alpha\gamma\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$. Опять же, очевидно, что он не отдает предпочтения концу стиха как месту для имени Евмел; поскольку он помещает его в другом месте, в начале и в $\tau\eta\nu\ \epsilon\upsilon\mu\eta\lambda\omicron\varsigma\ \omicron\pi\upsilon\epsilon$ (Il. ii. 714. Od. iv. 798), в единственных двух случаях, когда он использует именительный падеж без прилагаемого названия. Он помещает это слово только в конце стиха, чтобы соединить его с $\alpha\gamma\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$ и с $\kappa\rho\epsilon\acute{\iota}\omega\nu$ (Ил. xxiii. 288, 354). Таким образом, эта фраза далека от того, чтобы быть метрическим удобством, и скорее вынуждает его свернуть с пути, чтобы представить ее. Так же обстоит дело и с Энеасом. Гомер использует его имя очень много раз, но ни разу не ставит его в конце стиха, за исключением единственного случая, когда он присоединяет его к названию $\alpha\gamma\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$. И снова, таким образом, эта фраза вынуждает его занять позицию, которой он неизменно старается избегать в других местах для Эней, и это немногим менее чем в сорока примерах.

Лица, к которым это могло быть применено.

2. Помимо имен, к которым Гомер применяет эту фразу, он использует большое количество имен лиц высокого или очень высокого ранга, которые обладают точно такой же метрической ценностью, как то или иное из шести приведенных выше имен; но все же ни одному из них он никогда не присваивает титул $\alpha\gamma\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$. Из таких имен я заметил следующее: и я исключаю из списка чисто местных персонажей "Одиссеи" и всех лиц низшего положения.

(1) Того же метрического значения, что и у Эвмелуса:

Патрокл.

Фидипп.

Euneus.

Евдор.

Евфимий.

Египтянин.

Адмет.

Амфиус.

Молочай.

И о мертвых,

Исандрос.
Адрест.

(2) одинакового метрического значения с Авгиями, Эвфетами, Энеями, Анхисами:

Аntenop.
Carpidon.
Piraxm.
Геракл (Heracles).
Eurystheus.

(3) Того же метрического значения, что и у Агамемнона:

Диомед.
Полипентес.
Мегапентес.
Фрасимед.
Этеоней.
Агапенор.
Эйфенор.
Протоенор.
Гиперенор.

(4) Того же метрического значения, что и у "Агамемнона", за исключением краткости последнего слога:

Менелай.
Эчеполус.
Melanippos.
Полидорус.

И о мертвых,

Радамантус.
Meleagros.

Вот тридцать пять имен, которые в равной степени могут сочетаться со словосочетанием ἄναξ ἄνδρῶν, как и шесть, к которым он его присоединяет. Как получилось, что оно, каким бы значительным оно ни было, *изначально*, привязано к шести, а не к тридцати пяти? Пришло ли это и ушло случайно, или Гомер вкладывал в это какой-то смысл?

Более того, меня ни в коем случае нельзя было бы понять, если бы я признал, что метрических препятствий было бы достаточно, чтобы помешать Гомеру применять почти любое название к почти любому имени: таковы были ресурсы его гения и слуха и такая свобода, которую обеспечила ему юношеская эластичность языка.

Следует также помнить, что он привел нам пример (в Ил. i. 7), так сказать, второго места для ἄναξ ἄνδρῶν в греческом гексаметре, что позволило бы ему сразу же объединить его со всеми такими именами собственными, которые входят в круг дактиля и хорей, или спонди и хорей. Such as Πουλυδάμας γὰρ ... Καὶ Πρίαμος μὲν ... Καὶ γὰρ Τευκρὸς ... Θησεὺς αὐτὸς ... Δάρδανος αὐτὸς И даже не изменяя своей обычной позиции в стихе, путем перерыв, или *cæsura*, который не нечастого с ним, он мог бы нам дать (например) ἄναξ ἄνδρῶν γὰρ Ἑρεχθεύς. Или же он мог бы с помощью *метода*, более широко используемого, еще больше расширить поле его применения.

Или, опять же, он был бы волен, по правилам своего собственного употребления, сказать в звательном падеже: ἄνδρῶν ἄνα.

Благоговение Гомера перед этим титулом.

Я думаю, заслуживает замечания его абсолютное воздержание от интонации и почти полное от тезиса при использовании ἄναξ ἄνδρῶν. Мы могли бы быть поражены, даже у другого автора, обнаружив слово пятьдесят шесть раз в именительном падеже единственного числа и никогда ни в какой другой форме; но у Гомера эти незначительные обстоятельства имеют ценность и значение, которые в обычных случаях было бы опаснее приписывать им. Мне кажется возможным, что эта сдержанность в употреблении имени, которое всегда отводит ему самое важное место в предложении, была связана с чувством почтения к нему. Я думаю, что если бы мы изучили переписку, например, между британскими министрами и их Сувереном, мы могли бы обнаружить, что фраза "Ваше Величество" была поставлена авторами, в силу своего рода естественного и бессознательного предубеждения, в именительном падеже в пропорциональном количестве случаев, намного превышающем то, которое местоимение "вы" использовалось бы в обычном письме.

Трудно определить это тонкое чувство, но, возможно, его можно проиллюстрировать чувством, на котором основано преобладающее обращение между нами к самым высокопоставленным лицам, а на некоторых языках и ко всем уважаемым лицам, в третьем, а не во втором лице. И снова, это то же самое описание чувства, которое, будучи перенесено в сферу религии, неизменно приводило Данте к тому, что, когда он вводит имя "Кристо" в конце стиха, он воздерживался от рифмования с ним какого-либо другого слова, так что он превращал его в собственное эхо (так сказать) и повторял его трижды, не менее чем в четырех отрывках, чтобы полностью соответствовать требованиям своего метра[784].

Или, опять же, поскольку Гомер, по-видимому, обладал тонкостью слуха, которая не только удивительна, но и для нас отчасти незаметна, возможно, он придавал значение, которое мы не можем измерить, сохранению совершенного единообразия в этом достойном и звучном названии как средству произвести на публику впечатление не меньшее, чем для удовлетворения собственного вкуса.

Можно привести и другие примеры из Гомера, имеющие отношение к делу.

_WBR_vNoσίχθΩν употреблено сорок раз, и только один раз вне именительного падежа, хотя метрические соображения не могли помешать поэту ни в одном из падежей этого существительного. διογενής используется только в именительном и звательном падежах. κύδιος используется шестнадцать раз и только в звательном падеже. Однако женская форма встречается в именительном падеже, но только в двух отрывках (один из них с

противоположным прочтением) применительно к Минерве. ΕὐρυκρεΐΩν встречается двенадцать раз, и только в именительном падеже.

Возможно, опять же, редкость и незначительность употребления им *тезиса* может быть объяснена не только благозвучием, но и тем обстоятельством, что эти два слова из-за титульного употребления превратились почти в одно.

Тот факт, что фраза ἄναξ ἄνδρῶν должна была исчезнуть вместе с самим Гомером, в то время как его герои непрестанно воспевались более поздними поэтами, сам по себе наводит на мысль, что она относилась к тому положению вещей, которое, когда после большого промежутка времени начался род его преемников, полностью прекратило свое существование.

Та стадия общества, на завершающих стадиях которой жил Гомер и о которой мы знаем из классических авторов только благодаря ему, была патриархальной стадией в ее последней фазе. Под патриархальной стадией общества я подразумеваю стадию, на которой права, с одной стороны, и полномочия и обязанности - с другой, были все еще неопределенными и постепенно переходили из состояния *туманности* в состояние тела. Теперь, если фраза ἄναξ ἄνδρῶν принадлежала ему, то, без сомнения, она с самого начала должна была демонстрировать свою неизменную характеристику - союз суверенной политической власти не только с наследственным происхождением, но и со ссылкой на какой-то первоначальный род как объект глубокого почитания, если не на более или менее отдаленное кровное родство между королевской семьей и их подданными или на доминирующую расу среди них.

Его отношение к патриархальному вождеству.

Вожества кельтских племен на нашем родном острове, такие, какими они существовали всего лишь столетие назад, дают нам частичную аналогию. Основная идея заключается в главенстве большой семьи, иногда приближающейся к характеру нации; иногда более ограниченной, так что многие из таких семей или племен могут рассматриваться как принадлежащие к одной нации. Одной из характерных черт этих вождеств является то, что превосходство и власть, которые они приписывали рождению, отделимы от так называемого суверенитета, то есть абсолютного политического превосходства, хотя и могут быть объединены с ним, и сохраняются в своих основных чертах даже после разделения; они также не становятся двусмысленными или неопределенными, если поле для их применения узкое. Великолепие имени возрастает с расширением сферы влияния, но его целостность сохраняется даже в самой ограниченной сфере, пока сохраняется организация, от которой оно зависит.

По крайней мере, возможно, что греческие и кельтские вожди до сих пор соглашались. Они различаются тем, что эллины, когда бы мы о них ни слышали, более или менее ясно предстают как поработители какой-либо расы, ранее занимавшей землю, и как хозяева рабов: так что, в то время как отношение вождя горцев к своему клану возвышалось и смягчалось кровным союзом, греческий вождизм скорее влиял на отношения между главой племени и не всем, а только привилегированной частью сообщества.

Фундаментальная идея этого вождества заключалась бы в обладании властью, организованной патриархально, по прямой линии и прослеживаемой вплоть до точки, которая была признанным источником традиций расы.

Там, где идея наследования по первородству была четко определена, вероятно, одновременно существовала бы только одна линия, которая могла бы сохранять титул для любой расы. Но могли быть случаи, когда правило первородства было неизвестно или применялось непоследовательно, или когда оспаривался факт старшего происхождения, или когда общее происхождение от какой-то одной признанной расы и периода могло наделять титулом множество семей, расположенных в отдаленных пунктах друг от друга, в каждой из которых впоследствии оно могло быть ограничено прямым наследником. В таких случаях существовало бы множество линий, все восходящих к основанию общего предка, и все они носили в своих отдельных преемственностях титул вождей.

Опять же, среди этих вождей один может быть политически выше остальных в пределах данной страны. Таковы были Макдональды, лорды Островов в Шотландии, которые называли себя не только вождями, но и королями; и такими в Ирландии были Кеванаги, О'Руарки и О'Брайены.

Следовательно, если я прав, интерпретируя фразу ἄναξ ἄνδρῶν как означающую правильно (вместе с чем-то большим) *Вождь*, в некотором смысле включающий основные элементы кельтского вожества, или *Патриарх* (но последняя фраза менее применима из-за ее традиционной связи с преклонным возрастом), тогда не должно вызывать удивления, если мы обнаружим ἄναξ ἄνδρῶν на каждой стороне, а не в верховном командовании. В то же время, хотя существуют огромные различия во власти между одним гомеровским ἄναξ ἄνδρῶν и другим, все они, насколько мы видим, находятся строго в положении князей, обычно независимых в пределах своих владений, хотя и владеющих, возможно, прерогативами определенного политического превосходства, находящимися в других руках.

Случай с Агамемноном.

Способ его использования для Αγαμέμνον.

Весьма достойно замечания, что Гомер почти никогда не описывает Агамемнона личными эпитетами. В нескольких отрывках (я заметил семь) он использует слово δῖος в связи с именем: но это один из наименее специфичных среди гомеровских эпитетов для отдельных лиц, и он используется не только для Ахилла, Гектора, Улисса, Нестора и других, но и для толпы низших персонажей, так что, как слово самого общего назначения, оно практически не обладает определяющей или индивидуализирующей силой. Это означает превосходство в каком-то определенном роде, среди класса, и оно применимо к любому классу; к Агамемнону, величайшему среди государей, и к Эвмею, достойнейшему среди свинопасов. Несколько раз Гомер называет его ἦρως, словом, которое он также применяет ко всей греческой армии (Ил. ii. 110). Во всех остальных местах (я, конечно, опускаю инвективы Ахилла) он характеризуется только словами, взятыми из его положения или происхождения. Основными из них являются Ἀτρεΐδης, что он имеет общего с Менелай: κρείων, обратились к нему и множество других начальников: ποικίλῳ λαῶν, еще более значительной степени и употреблять произвольно,: εὐρυκρείων, который только своим среди мужчин, и что это эпитет, используемый Гомером как правильно описывать его обширный раскаты. Это также применимо к Нептуну среди бессмертных, потому что у Гомера необъятность была главной чертой ἀλάστος, его владений. Наконец, Агамемнон - это ἄναξ ἄνδρῶν, что, как я считаю, описывает его положение по рождению как главы или вождя ахейцев, собственно так называемых.

Есть два замечательных отрывка, которые, очевидно, призваны послужить как бы ключом к нашему представлению о материальной власти Агамемнона: первый, Ил. ii. 108, касается скипетра; второй, в Каталоге, Ил. ii. 576-80: в обоих он назван κρείων, ни в одном из них ἄναξ ἄνδρῶν. Этот факт полностью согласуется с предположением, что ни определенная форма политической власти, ни военное командование не являются жизненно важной идеей этой фразы.

С другой стороны, хотя Поэт, по-видимому, не связывает эту фразу с императорской властью, но то, что он намеревался использовать ее как одну из важнейших характеристик, мы можем сразу же счесть вероятным, поскольку он использовал ее в том замечательном отрывке [785], с которой начинается стихотворение и которая так лаконично, но в то же время так широко раскрывает его тему. Ибо здесь он убрал фразу ἄναξ ἄνδρῶν из ее обычного и в другом месте единственного места в стихе и присоединил ее, что также противоречит его единообразной практике в других местах, к имени человека, описываемого ею. Линия такая

Ἀτρείδης τε, ἄναξ ἄνδρῶν, καὶ δῖος Ἀχιλλεύς.

Очевидно, это сделано для большей выразительности: поскольку 'великий Александр' звучит менее выразительно, чем 'Александр Великий', а 'царь Дарий' - чем 'Дарий-царь'. Можно признать, что эпитет δῖος, используемый в этом месте для Ахилла, не является одним из самых характерных: но Ахиллес уже был описан (в ст. i) этим выдающимся отчеством, которое составило его главную славу [786], поскольку оно связывало его через отца и деда с Юпитером.

Все эти предположения, взятые из случая с Агамемноном, сходятся в одном: они стремятся показать, что ἄναξ ἄνδρῶν действительно означает превосходство, но все же особый вид превосходства; и он отличается от общей идеи суверенитета и более специфичен, чем она.

Извлечение и станция Агамемнона.

Так называемая генеалогия Агамемнона отличается от всех других, приведенных Гомером, тем, что в ней не описывается происхождение по прямой линии. Поскольку Фиест, один из трех его предшественников на Пелопидском троне, был отцом Эгиста, который был современником, но все же не братом Агамемнона, он, без сомнения, должен был быть братом Атрея, отца Агамемнона. На самом деле это не просто генеалогия, а скорее преемственность по достоинству. Достоинство ἄναξ ἄνδρῶν, возможно, сочеталось с достоинством политического превосходства, что привело Гомера на этот необычный путь. Если, как я полагаю, ἄναξ ἄνδρῶν требовало двойного вывода как о происхождении, так и о суверенитете, то это был способ, и единственный способ, которым Гомер мог достичь своей цели. И то, что он применил этот метод, по-видимому, подразумевает, что таков *был* его конец.

Поэтому я не могу в соответствии с условиями приведенного выше определения объяснить применение этой фразы к Агамемнону простой ссылкой на его политическое превосходство. Необходимо будет доказать, либо прямыми, либо предполагаемыми доказательствами, его прямую связь с первобытным греческим или эллинским происхождением, стволом дерева, от которого другие ахейские семьи были лишь ответвлениями.

Я предлагаю сделать это, показав,

Во-первых, не следует придавать никакого существенного значения представлениям, которые представляют его внуком азиатского иммигранта; в то время как даже если бы это происхождение можно было исправить, мы не имели бы на этом основании оснований сразу же переходить к отрицанию того, что Пелопиды были чистокровными эллинами.

Во-вторых, в тот момент он был не просто политическим главой Греции, но и наследственным вождем ахейцев, тогдашнего правящего племени страны.

В-третьих, это ахейское племя, по всей вероятности, произошло из Фессалии, где оно особенно укоренилось и выделилось, поскольку сама Фессалия питалась из горной преисподней и составляла вторичный и непосредственный источник, откуда последовательно произошли эллинские расы и распространились по полуострову.

Я не претендую на дальнейшее приведение доказательств патриархального положения или линейного лидерства в случае с Агамемноном. Мы не знаем, каков был строго первоначальный царский род эллинских племен. Существующая традиция об ЭлLINE и его сыновьях была бы очень удобна, но она слишком явно приспособлена к поздним временам и слишком резко расходится с самыми ранними, то есть с гомеровскими рассказами, чтобы быть хоть в малейшей степени заслуживающей доверия в качестве исторической основы. Мы можем принять традицию Гесиода как доказательство веры в то, что существовало первоначальное царское происхождение и что правящие семьи произошли от него, поскольку в этих пределах она не противоречит Гомеру; но мы не можем справедливо строить на ней ничего дальнейшего. Несомненно, само употребление фразы ἄναξ ἄνδρῶν, если предложенная ее конструкция может быть исправлена, значительно укрепит это убеждение. Но это можно исправить только предположительным образом: например, показав, что фраза употреблялась только в правящих семьях: и только в репрезентативных линиях правящих семей: и только в семьях, которые правили племенами господствующей расы; и которые правили таким образом с незапамятных времен — то есть это должны быть семьи, из которых нельзя показать, что когда-либо они приобрели свое положение в своем собственном племени. Если указан первый предок, по-видимому, источник титула, он должен быть тем, от кого начинается история: до него не должно быть ничего, что указывало бы на то, что он или его род когда-либо были меньше того, чем он стал. Наконец, племена, над которыми правит ἄναξ ἄνδρῶν, должны находиться в видимой или предполагаемой связи локально с первоначальным местом или колыбелью нации; и это будет еще одним подтверждением аргумента, если, поднимаясь по прямым линиям, мы обнаружим в них тенденцию к сближению к единству происхождения, которое, как мы обнаружим, поэтически выражено как божественное происхождение Юпитера и, таким образом, покрыто золотыми облаками далекой древности, сквозь которые не может проникнуть даже солнце^[787]. Возможно, мы даже найдем основания предположить, что происхождение с Юпитера было существенным условием для получения титула ἄναξ ἄνδρῶν.

Аргументы против его эллинского происхождения.

Итак, сначала давайте разберемся с негативными или неблагоприятными предположениями, которые могли бы доказать, что Агамемнон вообще не был эллином.

На этом можно настаивать,

1. Даже из Гомера мы видим, что Пелопс был недавним героем, всего за два поколения до *Троики*, так что Агамемнону нечем похвастаться древностью.

2. Что, согласно посторонней традиции, нет никакой связи между Агамемноном и эллинским племенем, поскольку Пелопс считается сыном Тантала, а Тантал - царем Фригии.

Первому я отвечаю, что список имен в Ил. ii. 101-8 - это не просто генеалогия, поскольку в него входит Фиест, который не принадлежит к правильной линии; но это последовательность царей на общем троне, и поэтому она может начинаться только с Пелопса, как первого, кто сел на этот трон.

Но, далее, даже если бы это была генеалогия, все же Гомер, по-видимому, обычно начинал свои родословные не с первого известного предка человека, а с первого его предка, который поселился в том месте, где он осуществляет власть. Таким образом, Нестор, хотя мы косвенно получаем сведения о его более раннем происхождении через ΝέκυϊΑ, не имеет генеалогии, кроме своего отца Нелея, потому что он был предком, который мигрировал в Пелопоннес или, по крайней мере, который первым получил пилосский трон, вступив в брак с настоятелем и, возможно, с пеласгийским домом[788]. У Улисса не было никого, кроме Арцеисия; и из записей более ранней династии в Итаке ясно, что до него не могло быть царя из этого дома. Дардан и Минос, главы генеалогий, также были основателями суверенитетов. Опять же, Портей дан нам как глава линии Неидов в Этолии: и мы сочли вероятным, что он был первым из своей расы[789], кто мигрировал в эту страну. Те же соображения, по всей вероятности, справедливы и в отношении Пелопса.

Теперь что касается второго возражения.

Мы должны помнить, что Гомер нигде не утверждает о связи между Пелопсом и Танталом или между Танталом и Фригией.

Но даже последнее соединение, и тем более первое, не опровергло бы титул Агамемнона, линейно представляющий характер ἄναξ ἄνδρῶν. Ибо, как мы видели, этот титул существовал в линии Дардана, и причины, которые насаждали его там, могли также насадить его во Фригии; вполне логично предположить, что это была линия марша эллинской расы в ее первоначальном движении на запад[790]. Более того, Фригия - это название не только для Азии.

Связь Тантала с греками.

Однако существует множество косвенных гомеровских указаний, а также множество внегомеровских традиций, которые, как правило, связывают Пелопса как с Танталом, так и с Грецией.

Во-первых, даже если бы Тантал был известен Гомеру как отец Пелопса, он не мог быть назван по имени в традиции Il. ii. 101-8, если только он не занимал, подобно Пелопсу, трон, на который наследовал Агамемнон.

Судя по появлению Тантала в "ΝέκυϊΑ", вероятно, Гомер считал его греком либо по рождению, либо в силу того, что мы можем назвать натурализацией. Таким он мог бы быть, по мнению Поэта, если бы традиции, касающиеся его, не приписывая ему греческого происхождения или даже места жительства, сделали его отцом того, кто стал великим греческим государем. Если, например, мы возьмем имя Эол; оно является источником некоторых из самых известных греческих домов, однако Гомер никогда не упоминает его, за исключением отчества, и не дает нам никаких способов полностью связать его с какой-либо частью Греции. Возможно, Эол был

известен только как отец греков. Итак, Минос не был греком по происхождению, но был натурализован и поэтому фигурирует в ΝέκυϊΑ как судья нижнего мира. Все остальные персонажи, без исключения, которые там представлены, по-видимому, греки: Сизиф, Геркулес, Титий, Тесей, Пирифей, судя по четким признакам проживания: даже Орион, поскольку он стал героем сцены на Делосе[791], похоже, независимо от его происхождения, традиция уже эллинизировала его. Нелегко избежать того же предположения и в отношении Тантала.

Опять же, мы можем быть совершенно уверены, что Тантал был человеком высочайшего ранга и положения. Никто другой, по-видимому, не отличался особым уведомлением о своей судьбе после смерти. Орион был объектом страсти Авроры (Од. ст. 121). Титий был преступником настолько возвышенным, что стал поводом для путешествия самого Радаманта, чтобы разобраться со своим преступлением[792]. Сизиф, как у нас есть основания полагать,[793] принадлежал к самому возвышенному роду.

Наказание Тантала в преисподней, вероятно, как и в других случаях, является отражением предыдущей катастрофы, несомненно, предыдущего характера, на земле. Природа его наказания - это постоянное искушение непреодолимой силы, направленное на удовлетворение appetitов голода и жажды, в то время как в их удовлетворении полностью и постоянно отказывают. Это показывает, что его преступление на земле, должно быть, было какой-то формой πλεονεξία, жадности, самонадеянности или честолюбия. Поэтому не исключено, что своими неустанными попытками приобретения он, возможно, пошатнул свои владения и заставил своего сына мигрировать.

Теперь эта предполагаемая черта характера Тантала полностью соответствовала бы черте характера Пелопидов. Он наказан за алчность или стяжательство. Его сын получает царство через Меркурия, который является богом приумножения честными или нечестными средствами. Его внук Фиест собирает богатство (πολύαρς, Ил. ii. 106): его правнук Агамемнон глубоко отмечен алчностью, о которой повсюду говорится в "Илиаде": и, наконец, мы имеем безрассудную и преступную тягу к честолюбию Эгифа.

Приведенные в поэмах стихи отнюдь не лишены оснований причислять Тантала, как его относит более поздняя традиция, к героям рода Юпитера. Текст Одиннадцатой "Одиссеи" дает нам одно основание для предположения, что он был, я не говорю, сыном, но, по крайней мере, потомком Юпитера. Дело в том, что, по-видимому, все герои, с которыми мы таким образом знакомимся, были, по крайней мере, божественного происхождения. Они, помимо Тантала, следующие:—

1. Минос, который был сыном Юпитера. (Од. xi. 568.)
2. Орион: согласно более поздней традиции, он был божественного происхождения. У Гомера у него нет родителей, но он, по крайней мере, достиг божественных почестей, поскольку был превращен в звезду. (Од. v. 274 et alibi.)
3. Титий, сын Γαῖ Α. (Од. xi. 596 и vii. 324.)
4. Сизиф, сын Эола; следовательно, произошел от Юпитера.
5. Геркулес, сын Юпитера (там же. 620.)

Но я полагаюсь на специально проходы к концу, где все это носит название ἄνδρες ἥρωες, и когда Улисс говорит, что он мог видеть другие, а именно, Θῆσεν Περύθοόν τε, θεῶν ἑρικούδεα τέκνα, прославленные дети богов: как-будто бы дитя богов были условием возникновения в августе этого года, хотя и скорбная, компании.

Херес, мегарский автор неопределенного возраста, цитируется Плутархом[794] как заявивший, что последний цитируемый стих был среди вставок Писистрата. Но Херас с такой же вероятностью ошибался в этом утверждении из-за антипатии к мегарцам, как и Писистрат, вставивший стих в угоду афинскому тщеславию. Внутренние свидетельства, я думаю, в его пользу. Ибо фраза θεῶν ἑρικούδεα τέκνα, согласно приведенной здесь точке зрения, действительно характерна. В то же время это характерно благодаря идее, которая, хотя и может быть справедливо выведена из текста, не очевидна на его поверхности, а именно идее о том, что все герои "ΝέκυΐΑ" были божественными. Таким образом, этот стих подкрепляется чем-то вроде спонтанного или непреднамеренного совпадения.

Постгомеровская традиция делает Ниобу дочерью Тантала; и, если это так, то мы можем извлечь из ее очень высокого положения дополнительную поддержку предположению о том, что Тантал принадлежал к расе Юпитера, а также гипотезе о его личной связи с Грецией. То, что предание о Ниобе греческое, мы видим из того, что его цитирует Ахилл; и то, что она была правительницей, ясно подразумевается из совокупного воздействия различных обстоятельств. Первое - Ахилл сравнивает ее с Приамом. Второе - хвастовство низшего человека вряд ли было бы замечено прямым вмешательством богов. Третье - исключительный размах и достоинство этого вмешательства: Аполлон убивает сыновей, Диана - дочерей; Юпитер обращает людей в камень; бессмертные на свободе хоронят мертвых. Четвертое - это использование термина λαοῦς, который явно означает подданных королевства, где Ниоба была королевой.

Сейчас мы не можем продолжать предположения о том, что Тантал был потомком Юпитера, а Агамемнон - от Тантала; но если при рассмотрении случаев с другими представителями его класса мы достаточно убедительно покажем, что все они, по общему мнению, произошли от Юпитера, то, возможно, у нас будет основание более решительно полагаться на связь, на которую указывает текст в случае с Агамемноном, через его предполагаемого предка Тантала.

У Гомера трудно найти более чем слабые следы пребывания власти Тантала.

Он упоминает гору под названием Сипилус[795], недалеко от Ахелоя и, таким образом, недалеко от главного прохода из Северной и Средней Греции в Южную. Именно здесь он помещает скорбящую Ниобу. Но Павсаний помещает гробницу Пелопса на вершине горы Сипил, имея в виду, по-видимому, одноименный холм в Лидии[796]. Опять же, фригийцы, над которыми, как сообщает более поздняя традиция, он правил, также известны нам как фракийский народ[797]: обозначение, вполне способное охватить любое из горных племен по соседству с Фессалией. У нас есть еще один признак распространения этого имени у фригийцев Аттики, упомянутый Фукидидом (ii. 22): фригийский алфавит очень похож на греческий.

Страбон, однако, отмечает, что состояние этих традиций настолько запутано, что делает их едва ли приемлемыми для целей истории[798].

Место Пелопса в истории Греции.

Связь Пелопоннеса с Южной Грецией хорошо подтверждается древним названием Пелопоннес. У Гомера это имя не упоминается; но нам не нужно удивляться, что Пелопс был первым представителем своего племени в этой части страны и Поэт почти не узнал его: это обычная манера поэта обращаться с незнакомцами или *новыми людьми*.

Гомеровские замечания о Пелопсе не более либеральны, чем о Тантале. 1. Мы находим, что его зовут πλῆξιππος[799] таким образом, который показывает, что нечто, связанное с вождением колесницы, должно было быть связано либо с известными привычками, либо с каким-то великим кризисом в его жизни, либо с обоими. В любом случае, это согласуется с распространенной традицией, согласно которой, добившись успеха в гонках на колесницах, он завоевал руку Гипподамии, дочери царя Нома, а вместе с ней и трон Пизы. У Гомера есть еще один факт, подтверждающий эту традицию, а именно, что во времена ранней юности Нестора в Элиде, как мы видели, проводились общественные игры, в том числе гонки на колесницах.

2. Общая традиция также дополнительно подтверждается отрывком из Второй "Илиады", который дает нам представление о линии правителей Пелопида. Ибо там нам сказано, что Вулкан выковал скипетр Пелопида для Юпитера: что Юпитер отдал его Меркурию, а Меркурий - Пелопсу, погонщику лошадей, который передал его Атрею и остальным. Из этого утверждения ясно вытекают две вещи. Во-первых, трон Пелопса был завоеван либо хитростью, либо, по крайней мере, его собственной предприимчивостью. Во-вторых, что это была новая власть, которую он воздвиг, и что он был не просто преемником власти линии Персеид.

Также нетрудно понять, в чем состояло новшество. Этот скипетр нес право верховного владычества над всей Грецией —

πολλῆσιν νῆσοισι καὶ Ἀργεῖ παντὶ ἀνάσσειν[800]—

принимая во внимание, что Персеиды были местными правителями, хотя, вероятно, первыми по рангу и могуществу среди своих современников в Континентальной Греции.

Теперь это расширенное таким образом владычество было явно владычеством ахейцев. Ибо мы видели, что одновременно с его возведением Гомер отказывается от подчеркнутого и исключительного употребления слов Ρυεῖ Οἱ для жителей этого квартала и называет их предпочтительно αἰοῖ, при этом старое название уходит в тень. Таким образом, ахейцы возвысились вместе с домом Пелопса; и в таком случае мы можем лучше понять, почему этот дом поднялся на такую высоту. Это было потому, что ахейская раса теперь распространилась на Севере и юге Греции, в Восточном и Западном Пелопоннесе, и потому, что она обычно преобладала, куда бы ни направлялась. Таким образом, дом Пелопса получил возможность приобрести влияние и власть, которыми не обладали предыдущие династии, хотя они и правили с того же суверенного престола. Это были всего лишь семьи: Пелопиды были вождями расы.

То, что мы, таким образом, видели у Гомера относительно высокого положения, достигнутого Пелопсом, подтверждается более поздней традицией.

Павсаний замечает местные следы пребывания Тантала, а также Пелопса в Элиде. Гавань там носила имя Тантал[801]: Пелопсу поклонялись в святилище рядом с храмом Юпитера Олимпийского. Это было по правую руку, перед этим храмом, что, по всей вероятности, было очень примечательным местом: и Павсаний говорит, что элианцы почитали Пелопса среди героев, как Юпитера среди богов. Вероятно, именно по этой причине и в память о поклонении с

возвышенностей *ῥόνος*, или резиденция Пелопса, находилась, как он говорит, не только в Сипиле, но и на вершине горы.

Другая традиция делает Пелопса первоначальным королем Пизы, города-соперника Элиды, который в конце концов уступил ей. И еще одно предание сообщает, что он стал зятем Номая, царя Пизы, победив его в гонках на колесницах; и вместе с этим он восстановил Олимпийские игры. Другая традиция сообщает, что он пришел из Олена в Ахайе: и поскольку дорийцы вместе с Гераклидами пришли в Пелопоннес этим путем, вероятно, как самым легким, то и Пелопс, вероятно, по той же причине, вероятно, сделал это. Наконец, в то время как Гомер помещает ахейцев в Эгине и в Масесе (местонахождение которых неизвестно), Павсаний (род. ii. в. 34) утверждает, что девять островов (*νησίδης*) у побережья Метаны, которое находится прямо напротив Эгины, в его время назывались островами Пелопса.

Прежде чем оставить тему Пелопса, я хотел бы заметить, что поклонение ему в Олимпии с такими особыми почестями связано с традицией, согласно которой он возвысил Олимпийские игры до уровня, которого они никогда прежде не достигали. Теперь, если мы рассматриваем его как главного вождя, который привел ахейцев в Пелопоннес, эта традиция склонна поддерживать точку зрения, высказанную в предыдущем разделе об отношениях между эллинской расой и институтом публичных игр. И нет ничего более вероятного, чем то, что вождь из огромной племенной области Фессалии либо основал колесничные или конные бега в Олимпии, либо возвысил их до небывалой славы и обеспечил им поистине национальное положение, которое они так долго сохраняли.

До сих пор мы видели,

1. Что титул *ἄναξ ἀνδρῶν* используется Гомером как главное отличие Агамемнона.
2. Что, скорее всего, Агамемнон происходил от Тантала, а также от Пелопса, что эта линия с самого начала была линией государей, а Тантал, по всей вероятности, считался потомком самого Юпитера.
3. Что ахейцы появляются вместе с пелопидами из пещеры доисторической ночи, и что поэтому Пелопидов следует рассматривать, по всей вероятности, как главный дом ахейского племени.

Но мы все еще должны спросить, откуда пришли сами ахейцы? и как нам доказать их связь с эллинским именем и происхождением?

И прежде всего, что касается гомеровских свидетельств.

Ахейцы из Фессалии.

Мы уже видели, рассматривая рассказ Гомера о контингенте Ахилла, а также из II. ix. 395, что ахейская раса, по-видимому, была доминирующей в настоящей и исконной Элладе Фессалии: что, по-видимому, не вызывает сомнений в том, что ахейцы были теми, кто первыми широко распространили с собой в Грецию эллинское имя, имя, всегда следующее вслед за ахейским, и у Гомера распространяющееся на всю Грецию, если не считать той части, которая была суверенным центром ахейской власти.

Первая форма названия происходит от Элли Северной Фессалии; вторая развилась в собственно Элладу Южной Фессалии; третью мы находим в более широком и менее

определенном употреблении слова для обозначения Греции к северу от Перешейка. Название получило такое распространение, по-видимому, как раз в период, когда ахейцы продвигались на юг, например, дом Улисса - на Итаку, дом Нелея, возможно, с ахейским обозом, - на Пилос, Пелопиды - в Микены и Спарту, Тидей - из Этолии в Аргос.

И снова мы должны соблюдать это различие. Мы видим, как ахейцы вторгаются в Пелопоннес, и мы можем, исходя из текста Гомера, указать время, когда их там не было. Но мы не видим, чтобы они приходили в Фессалию из горной преисподней. Мы просто находим там их имя заметным; из чего мы должны заключить, что Гомер хотел указать на них как на первых представителей Эллады соответствующего масштаба в этой стране.

Все это убедительно подтверждается более поздним преданием о связи Пелопса с фессалийскими ахейцами и имеющимися в нашем распоряжении ясными историческими доказательствами глубокого происхождения ахейского имени.

Страбон в отрывке, где он выбирает конкретную традицию из многих, как особенно достойную упоминания, говорит[802],

Ἀχαιοὺς γὰρ τοὺς Φθιώτας φασὶ συγκατελθόντας Πέλοπι εἰς τὴν Πελοπόννησον, οἱ κῆσαι τὴν Λακωνικὴν· τοσοῦτον δ' ἀρετῇ διενεγκεῖν, ὥστε τὴν Πελοπόννησον, ἐκ πολλῶν ἤδη χρόνων Ἄργος λεγόμενην, τότε Ἀχαικὸν Ἄργος λεχθῆναι.

Таким образом, он сразу же утверждает связь Пелопса с ахейцами, а ахейцев - с Фессалией. Далее он говорит, что Лакония считалась своеобразным названием ахейского Аргоса[803]; что некоторые истолковали Od. iii. 251 как поддерживающее его, и что ахейцы, изгнанные дорийцами из Лаконии, в свою очередь вытеснили ионийскую расу из Ахайи и завладели этим районом.

Геродот[804], при лечении Пелопоннеса, описывает Аркадии и Cynurians как αὐτόχθονες, кто никогда не менял их обитания; четыре других рас, в том числе дорийцев, как ἐπήλυδες, и Achæans как мигрировали о Пелопоннесе, но так и не покинуло его. Он явно не относит ахейцев ни к одному из классов; и эта традиция не проливает особого света на происхождение ахейцев, которое, по-видимому, не было ему известно, а касается только вопроса, возникшего после их прихода в Пелопоннес.

Павсаний[805], опять же, кажется, скорее выводит фессалийских ахейцев из Пелопоннеса, чем *наоборот*. Он сообщает нам, что после смерти Ксуфа Ахей отправился с войском из Эгиала и обосновался в Фессалии. Но, имея перед собой Гомера, мы можем смело сказать, что не было такой личности, как Ксуф или Ахей из более поздней традиции, и что, с другой стороны, ахейцы были в Фессалии задолго до времени, отведенного этому Ахею, а именно до эпохи, когда раса нашла убежище в Эгиале. Таким образом, эта традиция запоздала и ничего не стоит, и, даже если бы она прямо противоречила традиции Страбона, чего в ней нет, она не могла бы соперничать с ней.

Традиция, которая сделала Фтиотиду в Южной Фессалии колыбелью ахейской расы, где она впервые обрела сознательную жизнь, по-видимому, была бессмертной.

Длительность существования названия в Фессалии.

И здесь история снова приходит нам на помощь. На протяжении всего исторического периода Греции, вплоть до эры Полибия, были ахейцы из Фтиотиды. Когда за 205 лет до Рождества Христова Квинтий, римский полководец, исследовал происхождение греческих городов и сделал их классификацию[806], ахейцы Фтиотиды были объявлены фессалийцами: и он, по-видимому, использует это название для всех фтианцев, поскольку называет Факсидаса[807] ахейцем, по-видимому, только потому, что он был жителем Мелитеи, города Фтиотиды.

Таким образом, я считаю достаточно доказанным, что Агамемнон и его дом были настоящими главами ахейской расы, которая поднялась вместе с ними. Доказательство удваивается тем фактом, что они пали вместе с ним: ибо в постгомеровской литературе, вся из которых следует за дорийским завоеванием, имя ахейцев перестало быть живым именем для нации греков.

И поскольку Пелопиды были вождями ахейцев, то теперь я полагаю, что у Гомера достаточно показано, что ахейцы были в его время во главе всех эллинских семей и племен; дорийцев, эолидов, кефалленов и любых других происходили из того же племени и фактически были для своего времени надлежащим типом самого эллинизма.

Это самое замечательное превосходство Агамемнона над греческой нацией, которое так ярко отмечено на страницах Гомера и силе которого Фукидид приписывает чудесное развитие Троянской войны, оставило после себя традицию, которую правящая раса дорийцев сочла целесообразной сохранить даже после крушения старой политической системы.

Орест вззошел на трон Агамемнона, а Тисамен - на трон Ореста. Он был изгнан Гераклидами вместе с дорийцами, и они сделали Спарту главным центром своей власти. Утвердившись таким образом в первенстве Греции, они удерживали его под названием *Γερωνία*, оспариваемое иногда, но только по прошествии нескольких веков, Афинами: никогда полностью не отнималось, пока оно не перешло, как говорит Полибий, неожиданно в руки фиванцев в четвертом веке до нашей эры.

Тисамен и его ахейцы вошли в Эгиал и дали ему свое собственное имя. Но императорские спартанцы сочли, что в их интересах предъявить свои претензии на старый агамемнонский титул. Итак, как сообщает нам Павсаний[808], вплоть до его дней в Спарте была показана гробница Тизамена, и благодаря ей соблюдался ликургийский праздник Фидития; согласно традиции, что их отцы, по наставлению оракула, забрали останки последнего пелопидского государя из Гелики в Ахее. С другой стороны, ахейцы, которые во времена Полибия[809] еще не перестали сохранять образ своего легендарного предка Ахея, и чьи претензии на этот образ были признаны римским полководцем, также придерживались традиции, согласно которой род Тисамена был продолжен и правил среди них вплоть до времен Огига[810], когда их Лига была сформирована на основе демократических институтов.

Дорийцы присваивают себе преемственность Пелопидов.

Теперь мы могли бы ожидать не больше, чем того, что ахейцы, несмотря на их тяжелую судьбу, будут нежно лелеять воспоминания о своей славе, сохраняя и почитая память последних представителей этой расы, которые, будучи их государями, были также главами греческой нации. Но почему дорийцы проявляли своего рода беспокойство в столь примечательном для них положении? Такое чувство вряд ли могло бы существовать, если бы не было особого

характера, присущего расе Пелопидов, поскольку они обладали не только фактическим превосходством, но и каким-то особым титулом по происхождению, на который стоило претендовать дорийским государям как на своего рода наследников по усыновлению. Мы не находим, чтобы, когда Пелопиды пришли со своими ахейцами, они проявили какую-либо соответствующую заботу о том, чтобы связать себя с памятью о Данаидах или Персеидах: напротив, Гомер явно разъединяет династии, передавая Пелопидам новый скипетр, только что полученный руками Меркурия от Юпитера. Из этого, по-видимому, следует, что, по всей вероятности, Пелопиды обладали тем, чего до них не было ни у Данаид, ни у Персеид, и чего дорийцы тоже вообще не имели или не имели в таком четком названии: честью, а именно, не только эллинской крови, но и того, что ими управляла семья, которая представляла собой изначальный суверенитет над эллинской нацией через ее передовое, или ахейское, племя.

Это тем более примечательно, что дорийские правители Спарты считали своим прародителем Геркулеса, а через него и Юпитера. Но патриархальный вождизм, хотя и не был более непосредственно связан с божественным происхождением, придал ему то накопление достоинства, которое зависит от непрерывной передачи власти из самых отдаленных исторических источников: и Геракл был современником по сравнению с теми, до кого некоторые эллинские семьи смогли (как мы видели) проследить свою родословную.

Если бы мы отдавали должное общей традиции, уважающей Эллина и его сыновей, я признаю, что это создало бы новую трудность на пути построения, которую я предлагаю связать $\sigma\nu\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$. Вместо того, чтобы видеть Агамемнона наделенным им, потому что он глава ахейцев, и пользующимся особым, более того, почти исключительным присвоением этого титула, потому что они являются передовым эллинским племенем, мы должны были бы признать в них самую молодую из всех ветвей этого стебля, причем дорийцы, эолийцы и ионийцы также превосходили их: и нам пришлось бы искать, и искать напрасно, какие-либо следы или предположения о его происхождении от того ахея, о существовании которого традиция утверждает. Что угодно. О его происхождении от Ахея.

Но с признанием исторического авторитета Гомера авторитет этой традиции падает; как, впрочем, и само ее этимологическое подтверждение в образовании ее кардинального имени Эллин.

Выдающееся положение ахейцев у Гомера покоится на достаточно ясных основаниях: над ионийцами, которые, по-видимому, даже не являются эллинской расой; над дорийцами, обитающими в пилийском городе Дорион, или среди сестринских рас Крита, где они пока совершенно не выделяются; над эолидами (ибо эолийцев там нет), потому что это всего лишь отдельные побеги, в то время как ахейцы - это ветвь, основная часть эллинской расы; а также, как я думаю, может быть показано^[811], потому что из всех эллинов у них, по-видимому, действительно была самая нормальная связь с истинным истоком их расы.

Нигде у дорийцев и (конечно, если ионийцы пеласги) нигде у ионийцев мы не находим никаких следов имени $\acute{\alpha}\nu\alpha\xi\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$ или того, что им обозначается. Не может ли это быть причиной того, что дорийские цари Спарты стремились (так сказать) стать наследниками дома Агамемнона?

Я могу мимоходом заметить относительно ионийцев, что недавно было высказано мнение, что они не только эллины, но и древнейшие эллины: что они отделились от остальной расы в Азии, пришли в Грецию с островов и были ее великой расой мореплавателей. Эта теория, как бы

умело она ни была поддержана, лишь сомнительно согласуется с положительными или отрицательными свидетельствами Гомера: тем не менее, она не менее фатальна для современной традиции Эллина и его семьи, чем та, которая рассматривает ионийцев как более тесно связанных с пеласгами[812].

Только у ахейцев, золидов и дарданийцев мы находим патриархальный титул $\nu\alpha\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$. Дом Дарданов пал во время Троянской войны. Трон Авгия уступил еще до этого великого кризиса. Вполне вероятно, что линейки Euphetes тогда уже не существовало; в противном случае мы должны были услышать о ней в Каталоге или во время акции. Царство Эвмелуса было отдаленным и маленьким, и если бы оно потерпело крушение в конвульсиях того периода, то не осталось бы ничего, за что дорийцы могли бы ухватиться в качестве точки соприкосновения с прошлым. Но они вторглись во владения семьи Пелопсов, хотя и с переносом столицы из Микен в Спарту. Здесь был истинный Греческий патриархат, мнимыми представителями которого они вполне могли пожелать стать в политических целях.

Ложная традиция эллинидов.

Легенда об Эллинидах, вероятно, могла бы способствовать достижению той же цели. Его определенную форму я рискнул отбросить, но его дух и намерение имеют свое значение в связи с вопросом об изгнании греков. Это раннее свидетельство общей веры в происхождение греческих рас из Фессалии: и хотя этого самого по себе недостаточно, чтобы доказать, что дорус или ион произошли оттуда, все же это имеет большое значение как свидетельство их общей связи с Фессалией, и оно убедительно подтверждает свидетельства, подобные тем, которые Гомер приводит на этот счет в случае с ахейцами. Мы также не полностью лишены гомеровских свидетельств о связи между дорийцами и ахейцами и, следовательно, между дорийцами и Фессалией. Ибо дорийцы обитают на Крите вместе с ахейцами (Ок. XIX), а во владениях Нестора, населенных ахейцами, мы находим город под названием $\Delta\acute{\omega}\rho\iota\omicron\nu$, Ил. ii. 594. Поскольку, однако, великая дорийская месса пришла в Пелопоннес не при семье дорийских правителей, а при Гераклидах, их связь со старой Элладой не поддерживалась никакими царскими традициями, и отсюда, возможно, необходимость в эллинской легенде, чтобы возродить память о ней.

Давайте теперь попытаемся собрать воедино нити аргументации.

Очевидно, что Агамемнона называли $\nu\alpha\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\omega}\nu$ не из-за его великой монархии; потому что другие великие монархи хотят этого титула, и, опять же, им владеют другие незначительные лорды.

И он не обладал им на основании автохтонности, поскольку ахейцы были иммигрантами в Пелопоннес, а не автохтонами, и им предшествовали другие расы.

Он также не нес это на основании божественного происхождения, более прямого или более прославленного, чем у других: ибо в этом случае, по крайней мере, его божественное происхождение было бы указано конкретно, а не оставлено для отдаленных и рискованных умозаключений. Этот титул также не носит Ахилл, который был правнуком Юпитера, или Геркулес, или Минос, которые были его сыновьями.

Если суверенитет и древность связаны с титулом, то сами по себе они недостаточны для его присвоения; и если божественное происхождение является его условием, это должно быть соединено с другими условиями.

Эти отрицательные значения, установленные в случае с Агамемноном, оставляют место, я полагаю, только для одного предположения; а именно, что ἄναξ ἄνδρῶν должно указывать на главенство, или, другими словами, на прямое главенство, переходящее по старшинству, одного из правящих или царских домов, которые представляют основу определенной расы, в его случае ахейской ветви эллинской семьи; и которые управляют и постоянно управляли представителями своего имени или ветви. Таких королевских домов могло быть много, объединенных общим происхождением в одну и ту же или разные эпохи от общей основы.

Краткое изложение доказательств.

В целом гомеровская картина выглядит следующим образом.

Сначала у нас есть отдаленная и зимняя Фессалийская Додона, самое древнее и самое ужасное место религиозного поклонения греков; в связи с этим Ахилл взывает к Юпитеру об успехе и благополучном возвращении Патрокла.

Вокруг Додоны обитают селли, или хелли. Особое почитание, оказываемое этому месту, указывает на него как на древнейшее место национального поклонения; а обладание этим древнейшим местом еще раз указывает на племя как на прародительницу той замечательной греческой расы, слава которой неизгладимо начертана на скале железным пером.

Из среды горных эллинов, которые нигде не появляются среди контингентов греческой армии, должно быть, произошли кочевые группы, давшие Фессалийской равнине название Эллада. Их потомки закрепляются там в качестве поселенцев. Привлеченные цивилизацией, они становятся эллинами; благодаря своей врожденной эластичной энергии они распространяются на юг и несут с собой, лишь немного отставая, само название своего эллинского происхождения, а также свое собственное особое имя.

Правящие семьи своих септов или кланов присваивают каждому его фактическому главе, если не его наследнику, достоинство ἄναξ ἄνδρῶν, и этот титул они уносят с собой в южные провинции, в которых они обосновались.

Одно из этих правящих семейств, глава великой септы ахейцев, имеет право на этот титул в случае Агамемнона: и поскольку оно обозначает то, что является одновременно старейшим и высшим по происхождению и гражданской власти во всей группе эллинских племен, оно образует подходящее и характерное обозначение для их главного правителя и лидера.

Рассмотрев, таким образом, случай Агамемнона, великого ахейского вождя, с этой точки зрения, мы можем перейти к другим случаям Анхиза и Эния, Авгия, Эвфета и Эвмелия.

Однако ни в одном из этих случаев мы не имеем такого же права предполагать, что *in limine* характер вожества по известной линии происхождения из эллинской семьи, как в случае с ахейцами. Случаи Анхиза и Эния действительно могут рассматриваться на основании их собственных оснований. В других случаях мы должны выяснить, какое основание дает Гомер для особой связи этих людей с главенством правящих семей, а также с Элладой или Фессалией.

Это я сделаю с соблюдением общего правила, согласно которому, если в каком-либо конкретном случае можно обнаружить особый знак связи с Фессалией или Элладой в определенном месте или около него, то на основании этого следует сделать вывод, что в этом конкретном месте связь была известна и увековечена. Если, например, мы находим в данной точке *ἄναξ ἄδρις*, разум заставляет нас предположить, что, поскольку местное название может указывать на происхождение от первого места проживания расы, этим названием должно было быть отмечено прямое происхождение от правящей семьи.

Случаи с Анхисом и Энеем.

Но сначала об Анхисе и Энее.

Гомер - историк Греции, равно как и поэт, но он не является ни поэтом, ни историком Трои, если не считать того, что ему было необходимо в общих чертах описать грекам расу, с которой они вели смертельную борьбу.

Сильное сходство между двумя нациями, и особенно то, что они в определенной степени имеют общее происхождение, по-видимому, составляло трудность на его пути. Уже в его время чувство греческой национальности было сильным. Нашел ли он это главным образом или сделал это таковым, не имеет значения для настоящей цели. Это национальное чувство требовало, чтобы оно было ограничено четкой линией, отмечающей масштабы греческой политической организации; и если это было неблагоприятно для признания родства с какой-либо расой за пределами этой линии, особенно это было так в случае расы, которую завоевали греки. Вероятно, поэтому цель Гомера требовала, чтобы он как бы инстинктивно хранил в особой тайне признаки родства между двумя странами.

В случае с греками Гомер доходчиво указал на происхождение расы среди холмов Северной Фессалии вокруг древней Додоны и недалеко от Олимпа, ее поэтического аналога, и резиденции Юпитера с его великолепной свитой. Еще более четко он в случае с троянцами позволил нам проследить их путь до истока, опять же в горах, у корней Иды, где они поклонялись идейному Юпитеру[813]. Здесь мы имеем дело с расой, не имеющей предшественников, проживающей на том самом месте, где они были посажены своим божественным прародителем, и восходящей по четкой линии из семи поколений к двоюродным братьям Гектору и Энее.

Случаи Анхиса и Энея.

Но хотя условия вожества, таким образом, очевидно выполнены в расе Дарданов, все же трудность проявляется в новой форме. Почему термин *ἄναξ ἄδρις* применяется к Анхису и его сыну Энее, но никогда к Приаму, или к его сыну Гектору, или к кому-либо из его семьи?

Ответ на этот вопрос открывает любопытную главу гомеровской истории и спекуляций. Проходя через это, я постараюсь тщательно провести различие между позитивным утверждением и интерпретацией или предположением.

Таким образом, эти факты отражаются в стихотворении.

1. Анхис нигде лично в нем не фигурирует. И все же в Трое было собрание δημογέροντες (Ил. iii. 146-8). Из упомянутых там лиц Лампус, Клитий и Хикетаон были братьями Приама; другие, например, Пант и Антенор, пользовались, по меньшей мере, подчиненной властью. Они присутствовали при взятии Трои, в то время как их сыновья сражались в рядах троянцев. Следовательно, причину отсутствия Анхиза следует искать не в том, что его представлял Эней. Ни в неприкосновенности его владений, поскольку они были расположены среди гор, от войны: ибо сам Эней, прежде чем он пришел в Трою, был спасен только божественным вмешательством из рук Ахиллеса[814]. Почему же тогда Анхиз никогда не появляется? Либо, конечно, из-за высокого ранга его владычества, либо из-за какого-то необъяснимого соперничества между семьями.

Свидетельство об Энее.

2. Не похоже, чтобы Эней принимал какое-либо участие в советах троянцев. Но все же он всегда представлен как личность величайшей важности. Он сказал ему, как Гектора, θεὸς δ' ὤχε τίετο δῆμῳ[815]. И все же его характер, по-видимому, совершенно не отмечен какими-либо великими или поразительными качествами, какие мы находим у Сарпедона и Полидамаса. Значит, что-то особенное в его рождении и положении, должно быть, было причиной придаваемого ему значения, поскольку этого нельзя найти в его личных качествах.

3. Соответственно, имеются явные признаки ревности между самим Энеем и троянской царской семьей. В великой битве 118 года до н.э. Деифоб, нуждаясь в помощи, отправляется на поиски Эния (459-61).

τὸν δ' ὕστατον εὔρεν ὀμίλου
ἑστάοτ'· αἱ εἰ γὰρ Πριάμῳ ἔπεμνεν δῖω
οὐνεκ' ἄρ', ἔσθλον ἔοντα μετ' ἀνδράσιν, οὔτι τίεσκεν.

Теперь это отвращение совершенно чуждо характеру Приама, который был добродушным и незлобивым; оно также не может быть объяснено чем-либо в очень нейтральном характере Эния. Некоторые критики придерживаются мнения, что он и Анхиз нанесли оскорбление, посоветовав восстановить Елену. Это, однако, кажется (В. iii. 159) общим желанием δημογέροντες, которому это прямо приписывается; и именно Антенор предлагает это на Собрании; почему же тогда это не должно было быть упомянуто Гомером, если оно существовало, в случае с Энеем и Анхизом? И все же нет ни малейшего упоминания об этом. Однако этого все равно было бы недостаточно для объяснения чувства, приписываемого Приаму. Связывая это с высоким положением Эния и отсутствием Анхиса, я не могу не думать, что здесь, скорее всего, имеется в виду главенство в семье, которое обозначается термином ἄναξ ἀνδρῶν. Ничто не могло быть более естественным, чем эта ревность между недавно созданным и богатым городом на равнине, с одной стороны, и древним, но сравнительно бедным городом на холмах - с другой, если правящая семья Дардании претендовала по старшинству на главенство в расе.

4. Еще одно замечательное указание на особое положение Энея дает насмешка Ахилла (Ил. xx. 179-83),

ἦ σέ γε θυμὸς ἐμοὶ μαχέσασθαι ἀνώγει
ἐλπόμενον Τρώεσσιν ἀνάξειν ἱπποδάμοισιν
τιμῆς τῆς Πριάμου;

"Но ты этого не получишь, - продолжает он, - потому что у Приама есть свои дети, и он не дурак".

На эту насмешку Эней ничего не отвечает, кроме как приводит свою генеалогию, о которой Ахилл не спрашивал. Разве это не оправдывает его ожидания занять трон? или какое другое связующее звено можно указать между насмешкой Ахилла и генеалогией, приведенной в ответ на брошенный им вызов?

5. В то время как Илион, город Приама, был основан несколькими поколениями позже, вероятно, во времена правления Ила, Анхис правил в Дардании, первоначальном местопребывании расы (Ил. хх. 216). На факт его владычества там, по-видимому, указывает то, что мы находим Эней командующим дарданийцами вместе с двумя сыновьями Антенора, которые, вероятно, служили его лейтенантами (ii. 819-23): связь, которую этот отрывок устанавливает между Анхисом и горной местностью, населенной (Ил. хх. 216) дарданийцами; разделение царской линии в том месте, где впервые появляется имя илиан (Ил. хх. 231); и ряд мест, показывающих высокое положение в армии, которое Эней занимал как глава армии. Силы Дардании.

6. В троянской армии у Энея не было ни одного соперника или параллели, кроме Гектора. Хотя, строго говоря, к нему обращаются как к дарданианцу,

Αἰ νεῖα, Τρώων βουλήφορε·

Его имя часто сочетается с именем Гектора и при таком сочетании часто предшествует ему. Таким образом, мы имеем (vi. 75),

εἰ μὴ ᾧρ' Αἰ νεῖα τε καὶ Ἑκτορι εἶ πε κ.т.λ.

К этому у Гелена присоединяются слова, которые придают Эней равное командование Гектору:

Αἰ νεῖα τε καὶ Ἑκτορ, ἐπεὶ πόνοϋς ὕμμι μάλιστα
Τρώων καὶ Λυκίων ἐγκέκλιται[816].

Если предположить, что метрические соображения были связаны с размещением Эней в этих местах, а также в хх. 240, перед Гектором, то они могли быть связаны с размещением Илуса перед Ассараком в генеалогии.

Это утверждает о нем Марс в лице Акамаса, Ил. v. 467,

κεῖ ται ἀνὴρ ὄντ' Ἴσον ἐτίομεν Ἑκτορι δίω
Αἰ νεῖας, οὐδ' ὅς μεγαλήτορος Ἀχίλλεος.

Наконец, у нас есть пророчество Нептуна о том, что скипетр Дардана должен продолжить линию Анхисов (Ил. хх. 302-8).

А что касается применения к Эней титула, который по праву принадлежал Анхизу, то это, по-видимому, связано с практикой героической эпохи передачи суверенитета, частичной или полной, пожилыми людьми своим наследникам. Кажется, мы находим еще один пример этого в случае с Эвмелом; и примеры Ахилла, и особенно Улисса, также уместны.

7. Как характер Энея не объясняет ревности, испытываемой по отношению к нему, так и его поведение. Он нигде не препятствует Гектору противодействием и не испытывает его советом, к которому он не склонен прислушиваться. У нас есть пример такого хода действий; но это в Полидамасе. Если, таким образом, ни характер, ни поведение Энея не дают объяснения, мы должны искать его в некоторых притязаниях, которые он имел право предъявлять в силу происхождения и которые, следовательно, вызывали к нему зависть.

8. Хотя предполагалось, что Приам был главой троянской расы и федерации, Гомер этого не утверждает. В II. xxiv. 544 сказано только, что он превосходил других князей этого региона, (1) своим богатством и (2) числом, или, возможно, это может означать превосходство его сыновей. Напротив, исходя из простых слов поэмы, сомнительно, представлял ли Приам старшую или младшую линию, и когда мы сравниваем и делаем выводы из текста, мы можем прийти к выводу, что это была младшая линия, так же легко, как и противоположная; особенно если мы обнаружим, что само право старшинства было менее определенным в Трое, чем в Греции.

В генеалогии Двадцатой книги мы не находим никакой помощи в прояснении этого вопроса, за исключением приоритета имен. Трое сыновей Троса стоят в следующем порядке:

1. Илус.
2. Ассарак.
3. Ганимед.

Затем (1) описывается судьба Ганимеда;

(2) линия Илуса прослеживается вплоть до Приама;

(3) история Ассарака восходит к Анхису.

Здесь линия Приама имеет приоритет; но, с другой стороны, наконец, Эней продолжает утверждать о своем собственном происхождении от Анхиза, а затем о происхождении Гектора от Приама,

αὐτὰρ ἔμ' Ἀχίλλης, Πρίαμος δ' ἔτεχ' Ἕκτορα δ' οὔ[817].

9. В Пятой "Илиаде" мы узнаем, что Юпитер подарил Тросу несколько лошадей определенной породы в качестве компенсации за потерю своего сына Ганимеда. Анхис привел к ним своих кобыл во времена Лаомедонта без разрешения и таким образом завладел породой. И именно в этом месте Гомер называет его *ἄναξ ἀνδρῶν* [818]. Можно также заметить, что это был поступок молодого человека, ибо Лаомедонт, с которым он сыграл эту шутку, был на одно поколение выше в генеалогическом древе. Здесь несомненно показано, что лошади Троса, общего предка, восходили к линии Приама; который был более богатым и могущественным и занимал равнинную местность, где лошади паслись в большом количестве (хх. 221); но опять же, не кажется ли, что само это поведение Анхиза могло иметь отношение к соперничеству между двумя домами и претензиям с его стороны на главенство в семье? особенно из-за использования в этом самом повествовании фразы *ἄναξ ἀνδρῶν* для Анхиса (ст. 268) и вскоре после этого для его наследника Энея (ст. 311).

Краткое изложение доказательств.

Подводя итог доказательствам. Мы находим фразу ἄναξ ἀνδρῶν, применяемую только к двум лицам у троянцев. Эти двое - отец преклонных лет и его очевидный наследник. Совершенно очевидно, что отец является правителем Дардании, а также происходит от Дардана; и Дардания, хотя и второстепенная по могуществу, была изначальным очагом расы. Мы не можем с уверенностью сказать, представлял ли Анхис старшую или младшую ветвь семьи, поскольку приоритет имени иногда отдается одной, а иногда и другой линии. Но поскольку Троя была могущественна, а Дардания бедна, мы можем понять приоритет троянской линии, даже если она считается младшей: тогда как кажется трудным объяснить тот факт, что приоритет иногда отдается Эней, или ревность, испытываемую как к нему, так и им самим, за исключением предположения, что его семья в ее более скромных обстоятельствах либо была законными представителями Дардана, чей скипетр после падения Трои Эней и его сыновья, несомненно, должны были передать[819]; или, по крайней мере, были в состоянии, будь то в силу первородства в Ассараке или занимая первоначальное место происхождения расы, справедливо и правдоподобно претендовать на это отличие.

Важно иметь в виду, что у нас нет такого же четкого утверждения права старшей ветви наследования власти в Азии, какое дают случаи Агамемнона, Протесилая, Фрасимеда и, возможно, других в Греции. Напротив, мы найдем Сарпедона первым вождем ликийцев, хотя и младшей по отношению к Главку ветви, и также представляющим только женскую линию. Мы также найдем веские основания усомниться в том, что Гектор, даже если он и был ожидаемым наследником престола, не был, тем не менее, младше Париса. Это отсутствие определенности в правиле наследования - именно то, что могло бы привести к его оспариванию, и, возможно, к затяжному спору. И если право старшинства не было полностью признано в Азии, это сразу же объяснило бы, почему Гомер не соблюдал единообразного порядка в генеалогии: возможно, это также могло бы объяснить его историческое незнание того, что это был за порядок.

Если это так, то очевидная аномалия применения со стороны троянцев только к второстепенным лицам титула, постоянно присваиваемого высшему греческому, исчезает и становится последовательным применением правила. И тогда Анхис с Энеасом могут предложить наиболее совершенную модель ἄναξ ἀνδρῶν, объединяющую с продолжающимся суверенитетом не только известное прямое происхождение от первого предка и от Юпитера, но и продолжающееся владение первоначальным престолом.

Однако можно спросить, почему, даже если мы допускаем, что ἄναξ ἀνδρῶν является у греков титулом патриархального вождя, мы должны поэтому предполагать, что оно имело такое же определенное значение у людей другой крови и институтов?

Позвольте мне кратко ответить на этот вопрос.

Именно к элли мы обратились как к наиболее вероятному источнику тех идей и институтов клановости, которые дали начало названию ἄναξ ἀνδρῶν. Но элли были горным народом (поскольку они жили вокруг зимней Додоны), как и дарданцы; и институты горцев в разных частях, даже через большие промежутки времени, часто обнаруживают сильное взаимное сходство. Ограниченные средства и занятия человека в таком физическом положении сдерживают развитие и стремятся поддерживать единообразие.

Горцы-дарданы поклонялись Юпитеру на Иде, как эллины поклонялись ему в Додоне. То, что это был один и тот же Юпитер, мы можем заключить с величайшей уверенностью из того факта, что Гомер приводит одну формулу призыва, общую для его троянцев и его греков[820].

Ὡς δὲ τις εἴπεσκεν Ἀχαιῶν τε Τρώων τε·
Ζεῦ πάτερ, ἴδθ' ἐν μεδέων, κύδιστε, μέγιστε, κ.т.λ.

Основная часть религии была почти одинаковой с обеих сторон, что касалось основных божеств.

Признаки родства между троянцами и греками.

В качестве первого доказательства кровного родства я был бы склонен привести тот самый визит Париса к Менелая, который послужил поводом к войне. У Гомера нет другого зафиксированного случая, когда иностранный принц был бы принят как таковой с домашним гостеприимством греческим вождем. И наоборот, мы не можем найти, чтобы греческих вождей подобным же образом принимали иностранцы. У нас действительно есть отчет о подарках, полученных Менелаем в Египте[821]; и у нас есть любезный прием египетским царем и его народом псевдо-Улисса как просителя[822]; и аналогичное развлечение Улисса, опять же в качестве просителя, в Схерии. Но эти случаи сильно отличаются от случая с Парижем. И снова Гомер называет египтян ἄλλοθροοὶ ἄνθρωποι[823]: и эта фраза у него обычная, очевидно, представляющая знакомую идею. Но он никогда не называет троянцев ἄλλοθροοὶ и не говорит о них как о людях с иными нравами или религией, чем у греков. Самое сильное слово, применяемое к ним, - ἄλλοδαποὶ[824]. Но это слово, по-видимому, означает просто 'из другого места' и не передает правильного и полного представления об иностранце. Не только Ликийского Сарпедона является ἄλλοδαπός к троянцам, но греческие пираты обычно говорят, что она атакует ἄλλοδαποί, в то время как они, очевидно, имели обыкновение грабить тех из своего народа, даже вплоть до времени Фукидида: и, прежде всего, Eumæus, противно и изношена с забулдыгами бесчинства женихов, вздумает тронуться с ἄνδρας ἐς ἄλλοδαπούς, вместе с волами (ὁ ὄντ' αὐτῇσι βόεσσιν), на который он не смог бы означало более короткий отрывок из греческого континента[825]. В целом, я думаю, что все это позволяет предположить, что троянцы были признаны родственниками, хотя и не были греческим народом.

Но, кроме того, стихи полны свидетельств родства между троянцами и греками. Это правда, что они также свидетельствуют о значительных различиях: но оба народа были расселены на равнине за несколько поколений до Троянской войны; и с ростом сельского хозяйства и торговли, искусства и богатства они вполне могли отойти от тесного параллелизма более примитивной эпохи.

Однако на данном этапе мы должны вспомнить некоторые вопросы, которые уже обсуждались более подробно.

Среди этих сходств общего характера можно заметить, что по обе стороны великой ссоры, очевидно, есть пеласги. πελασγοὶ троянцев относятся к числу ἐπίκουροι (Ил. ii. 840): πελασγοὶ греков фигурируют как одна из критских рас, отличная от дорийцев и ахейцев, и вероятно, как первые основатели тех равнинных поселений в Фессалии (ii. 681), над которыми, по-видимому, в основном преобладали эллинские и ахейские названия. Таким образом, пеласгийское имя образует решительные узы союза между двумя расами: хотя из упоминания поэтом его в

"Троянцы" и умолчания о нем с греческой стороны мы сразу же делаем вывод, что пеласгийский элемент был сильнее и ощутимее среди троянцев.

Знаки, связанные с Адом.

Далее, можно вспомнить, что, согласно как предшествующей вероятности, так и традиции, те эллины, которые колонизировали урочище около Додоны, должны были быть выходцами из Дардании, то есть пришли через нее. Таким образом, существует большая вероятность сходства либо в расовом, либо в манерном отношении между теми, кто прошел дальше, и теми, кто выбыл из движения и остался позади.

Также нет недостатка в некоторых указаниях, небольших по количеству, но заслуживающих доверия по своей природе, на примитивную идентичность между дарданами или некоторой их частью и элли.

Троянский каталог делится на две основные части. В последней из них (840-877) перечисляются названия союзных наций. В первом (816-39) не упоминаются названия рас, кроме троянской и дарданийской; которые на самом деле были одной расой и даже по названию иногда считались идентичными: к Энейсу обращаются, хотя и к командующему дарданами[826], как

Αἰ νεῖα, Τρώων βουλῆφορ.

На это разделение Каталога ясно указывает вводный стих,

ἔνθα τότε Τρῶες τε διέκριθεν ἥδ' ἐπίκουροι·

где слово τρῶες, очевидно, включает в себя дарданцев.

И то, что все является троянским, или дарданским, что находится в пределах раздела, ст. 816-839, далее может быть выведено из описания Долоном бивуака πῖκουροι в Ил. х. 428-31. Он перечисляет девять наций, некоторые из которых фигурируют среди одиннадцати, описанных в Ил. ii. 840-77, но ни одной среди тех частей армии, которые описаны в 816-839. Следовательно, я полагаю, что каждая вещь в этой части Каталога является строго троянской или дарданской. Но здесь мы имеем

Ἄσιος Ὑτακίδης, ὃν Ἀρίσβηθεν φέρον ἴπποι
αἶθωνες μεγάλοι, ποταμοῦ ἀπὸ Σελλήεντος.

Упоминание об этой реке повторяется в Ил. xii. 96, 7.

Теперь название реки Селлеис сразу наводит на мысль о связи с племенем селли или хелли: и далее мы обнаружим, что Эфира - это признак эллинов, как Ларисса - пеласгов, и что по крайней мере одна из эфир греческих, вероятно, расположенная в Фессалии, находилась у реки Селлеис. В более поздние времена на Сицилии[827], а в Элиде Гомера, если не в Фессалии, изображена каждая их Эфира с рекой Селлеис.

Уже было замечено, что в Играх Двадцать третьей "Илиады" Гомер сообщает нам, что σόλος, или железный шар, подаренный Ахиллом в качестве приза, ранее был брошен сильной рукой царя Ээтиона. И поскольку все следы гимнастических упражнений у Гомера заставляют нас относить

их к эллинским семьям, мы, возможно, вправе считать это указанием на то, что Ээтион, отец Андромахи, принадлежал к этому роду.

Геллеспонт Гомера.

Другой след названия Эллинов обнаруживается в грамматической структуре древнего гомеровского слова Геллеспонт. По своему составу это море Хелле. Хелле - описательное имя женщины из племени Хелли. И не могло быть ничего более естественного, чем то, что пролив и прилегающий к нему водоем получили свое название от племени хелли или даже от человека из этого племени, когда у нас есть все основания полагать, что они прошли этот пролив в ходе своей миграции на запад.

В более поздние времена название Геллеспонт было ограничено узким проливом между Мраморным морем и архипелагом. У Гомера оно имело этот смысл, по крайней мере, иногда или включительно, потому что он называет его *γῆρρος*[828]. В других случаях он называет это *πλάτῡς*, и комментаторы были сильно озадачены, пытаясь показать, как узкий пролив мог быть широким, в то время как для этого эпитета также предлагалось толкование *соленого*. Вполне возможно, что это прилагательное могло бы применяться к тому, что впоследствии стало известно как Геллеспонт, и могло бы описать его как широкое по сравнению с заливом, в котором стояли греческие корабли: но гораздо естественнее толковать его более свободно и понимать под ним широкий Геллеспонт в противовес узкому Геллеспонту; то есть открытое море в противовес *γῆρρος*, что означает Пролив. Выражение *πλάτῡς Ἐλλήσποντος* используется всего трижды; один раз[829] для обозначения воды вблизи части лагеря, занятой Ахиллесом, которая, как мы знаем, находилась в открытом море[830], и дважды[831] со ссылкой на могильные холмы, которые должны были быть возведены там и для которых, конечно, было выбрано самое заметное место. Что предполагает *πλάτῡς*, другого эпитета, *πτεῖρων*[832], безусловно, требует: ибо невероятно, чтобы это слово применялось к простому проливу. И действительно, независимо от эпитетов, очевидно, что это слово у Гомера иногда означает не пролив, а Архипелаг. Ибо Ахилл, объявляя о своем намерении отплыть домой, говорит, что его увидят проходящим *Ἐλλήσποντον ἐπ' οὐόεντα*[833], над Геллеспонтом, чего он явно не мог сделать, имея свои суда уже в устье, если бы речь шла только о проливе. И, по правде говоря, этимология этого слова говорит сама за себя: греки вообще никогда бы не дали название *πόντος* узкой полоске воды. Связь, которая таким образом установилась между этим кварталом и Грецией через название Хелле, была признана позднейшими греками; но они, естественно, изменили его форму, сохранив за своей страной почести, связанные с истоком, в то время как направленное на восток название они сочли вторичным и производным. У Аполлония Фрикс и Гелла - дети Афама и внуки Эола; и их везут из Фессалии на спине барана к Тройскому морю, где она сбрасывается и дает ему свое имя. Эта традиция обобщена в аргументации к "Аргонавтике" и демонстрирует веру греков в ранние взаимоотношения этих стран.

Все это указывает на эллинов не только как на народ, пересекший проливы, но и как на народ, оставивший свое название связанным с северным побережьем Эгейского моря, и, более того, со страной по соседству с проливом, вплоть до реки Селлеис; ручей, который мы видим, должен был находиться на значительном расстоянии от Трои, потому что все реки, которые спускались с горы Ида, использовались для расчистки греческих земляных укреплений, и эта река не входит в их число[834].

Дар Эчеполы.

В случае с Эчеполом мы обнаруживаем изолированную, но примечательную ноту родства между домом Дарданов и греками. Он был сыном Анхиза и проживал в Сикионе. Он обладал большим богатством, и, по-видимому, у него также была прекрасная порода лошадей, которая была в его семье: ибо он подарил Агамемнону кобылу Αἴθνη[835], в качестве вознаграждения за то, что ему не требовалось следовать за ним против Трои.

Очевидно, в то время в Греции еще не сформировался торговый класс. Следовательно, Эчеполус должен был обладать территориальным состоянием. Обнаружение богатого представителя дома Дарданов, одомашненного в Греции и мирно пребывающего там во время экспедиции, должно вызывать некоторое удивление. Это, по-видимому, дает новое и убедительное основание предполагать эллинское происхождение царских семей Трои. Имя также и дар лошади находятся в замечательном соответствии с занятиями по разведению лошадей и верховой езде знатных троянцев.

Мы уже видели отдельные признаки пеласгического родства между двумя противоборствующими партиями; но теперь выясняется, что родство было и в эллинской линии: и если это так, то этот институт вожества, стоящий выше простого политического превосходства и обозначаемый фразой ἀναξ ἄνδρῶν, вероятно, существовал как у троянцев, так и у греков.

Менее воинственный характер троянцев, их более восточные манеры и менее разнообразная религия с богатым воображением - все это указывает на значительные различия в составе народа. Пеласгический ингредиент, вероятно, был сильнее в Трое: похоже, он оказал большее влияние на религию, нравы и институты. Но обстоятельства, упомянутые выше, являются признаками вливания эллинской крови в население, населявшее Трою. Нигде этого не было так много, как в царской семье; ибо мы видим, что способность к управлению повсюду сопровождает эллинские племена по всей Греции и утверждает себя как путем приобретения политической власти, так и путем энергичного ее использования. Повсюду оно поднимается, благодаря естественной плавучести, на вершину общества и дает первый выход, в миниатюре, тем энергиям, которые впоследствии должны были бросить вызов миру или даже подчинить его.

В то же время, хотя только в связи с эллинскими семьями мы находим ἀναξ ἄνδρῶν у греков, нам не нужно заходить так далеко, чтобы отрицать возможность того, что это также могло быть пеласгическим институтом, и что его отсутствие в связи с их именем может быть в достаточной степени объяснено простой потерей ими политической власти. У нас нет оснований предполагать, что пеласги и эллины были семьями человечества, характеры которых находились в радикальной и абсолютной противоположности друг другу: полнота их слияния после короткого периода, по-видимому, доказывает, что, хотя у них и различалось распределение способностей и склонностей, у них должно было быть много важных точек соприкосновения.

IV. Дело Авгия.

Возьмем теперь случай Авгия.

Он появляется в трех отрывках "Илиады".

1. Эпейцы, населявшие Элиду с Бупразиумом и другими городами, перечисленными в Каталоге и расположенными в северо-западном углу Пелопоннеса, послали на троянскую войну сорок кораблей четырьмя дивизиями под командованием четырех отдельных командиров и без какого-либо начальника над всем контингентом. Четвертый по имени из них - Поликсейн, сын Агастена, сам владыка (ἄναξ) и сын Авгия.

2. В Одиннадцатой книге Нестор излагает любопытную историю войны своего детства или ранней юности между элианами (ст. 671), называемыми также эпеанами (688), и пилянами.

Нелей послал в Элиду колесницу, запряженную четверкой лошадей, для участия в играх, призом в которых был треножник. Лошади были задержаны Авгием (ст. 701).

τοὺς δ' αὖθις ἄναξ ἄνδρῶν Αὐγείας
κάσχεθε.

В ответ Нестор и пилийцы вторглись в Элиду и захватили огромную добычу. Затем элианцы взяли за оружие и осадили Триоссу (в Каталоге Трион), пограничный город Пилос, у брода через Алфей. Минерва принесла эту весть в Пилос. Пилийские войска провели одну ночь на пограничной реке Миней и двинулись к Алфею, у которого провели вторую ночь.

3. Утром произошла битва: эпейцы были разбиты и оттеснены до самого Бупразия и Оленной скалы на берегу моря, в западной части того, что впоследствии стало Ахеей. Там Паллас повернул их вспять. Вернувшихся домой пилян называют ахейцами[836].

Случай с Авгием.

Нестор в первом бою убил воина по имени ροῦλιος. Он был зятем Авгия, женатым на его старшей дочери Агамеде, которая была глубоко сведуща в наркотиках (ст. 741);

ἦ τόσα φάρμακα ἦδη, ὅσα τρέφει εὐρεῖ αἰχμῶν.

К. О. Мюллер ("Орхомен", стр. 355) делает вывод из Каталога, что Авгий был владыкой только четвертой части Элиды. Но это предположение кажется совершенно необоснованным в связи с отрывком из Каталога и полностью противоречит сюжету истории о Пилианском набеге в XI веке до н.э. Напротив, я со значительной уверенностью делаю вывод из безглавого состояния элианской дивизии армии, в котором она отличается от других дивизий, что в этом государстве произошла революция со времен Авгия; и если это так, то Каталог косвенно подтверждает элианскую монархию, описанную в Одиннадцатой книге.

Таким образом, мы находим этого ἄναξ ἄνδρῶν Авгия, владыку Элиды за два поколения до Троянской войны. Он сосед ахейцев, которых мы уже проследили в Элладе; и он, по-видимому, принадлежал к тому же национальному происхождению, что и они, потому что они посылали свои колесницы устраивать скачки на его играх. Опять же, факт его проведения этих игр вообще и в месте, которое впоследствии боролось за проведение великих национальных собраний, отмечаемых в Олимпии, и получило контроль над ними, свидетельствует о его известной связи с колыбелью расы, чьим обычаем было их отмечать; потому что эти празднества носили религиозный и национальный характер и, как таковые, не могли не зависеть в значительной степени от традиционного титула. Эта раса, как мы ранее выяснили, является эллинской расой.

Заметки о связи между Элисом и Севером.

Однако мы можем найти другие указания на происхождение Авгия из правящей эллинской семьи в местных и личных заметках, которые связывают Элиду, его собственную территорию, с севером и, в частности, с Фессалией.

Например: именно в Алфее в Элиде Тамириса постигло бедствие: и в то время он шел из Халии[837], в долине Верхнего Пеня, части гомеровской Фессалии или собственно Эллады. (Ил. ii. 730.)

Имя Ὀρήξ, которое также применяется к нему, по-видимому, никогда не распространялось дальше на юг, чем холмы Фессалии.

Далее, он происходил от Эврита Халийского, который, по-видимому, снова назван владыкой этого города во ii. 730. Но имя Эврит было распространено среди потомков Актера[838], ибо потомок Актера, носивший его, назван в Каталоге чуть ниже: и этот последний Эврит был эпейским вождем: и потомки Актера встречаются в эпейской или элианской армии из Одиннадцатой книги. (xi. 709, 739.)

Опять же, они найдены в Фессалии или Фтиотиде, поскольку, когда Меркурий лишил девственности Полимелу, дочь фессалийца Филаса, Эхекл, потомок Актера, женился на ней; и снова они найдены близ Аспледона[839] и Орхоменоса Миней, между Беотией и Фокис[840].

И снова пилийская армия остановилась в дневном переходе от Алфея на реке Миней, названной, очевидно, по пелопоннесским Миниям. Но была Минья и в Фессалии[841], местонахождение которого в исторические времена точно не было известно: а северный Орхомен назывался Минейус[842].

Нет ни одной части Средней или Южной Греции, которая так изобиловала бы местными и личными нотками связи с Фессалией и Севером, как Элида и ее окрестности. Некоторые указания на это уже были даны, и можно было бы добавить еще много. Что касается примера, там была ГИПЕРССЫЛКА на Энипей, река Элида, так что там были Пиерия и Фтиотис. Дорида, расположенная подтаТой, отражена или прообразна в гомеровском дориуме пилийских территорий: фессалийская Ларисса в Лариссе и река Ларисс в Элиде. Фессалийское название *OEChalia* повторяется в округе, которым правил Нестор в эпоху *Троики*; и есть аркадский Орхоменос, а также северный. Ципарисс в Элиде, опять же, соответствует ципариссу в Фокиде. Некоторые другие, более сомнительные признаки могут закрыть список. Паррасия Аркадии может происходить от того же корня, что и *πύρασος*[844] из владений Протесилая. Возможно, фессалийский Гелос и Птелеос могут быть сродни Алосу в стране Пелея[845]. Сходство названий не ограничивается окончностями линии, но распространяется по пути миграции с севера на юг. Оно распространяется и на Лаконию.

Нестор в юности был вызван из Пилоса (τηλόθεν), чтобы сражаться с Пирифеем и другими в Фессалии; (откуда Полифет, сын Пирифея, возглавлял подразделение греческой армии) против φῆρες.

До сих пор мы находим некоторые предположения относительно происхождения Авгия, относительно его связи с эллинским институтом игр и относительно связи между Элид, над которой он правил, и линией на север, в Фессалию; все это, вместе с явно эллинским

характером эпейцев, указывает на то, что он был представителем одного из их правящих племен.

Но он также несет на себе отчетливый местный отпечаток, природу которого я сейчас попытаюсь исследовать.

Правление Агамемнона было прослежено и идентифицировано с помощью его ахейских связей, без какой-либо помощи местных или территориальных названий, связанных с местожительством его семьи.

В таком случае, как у него, мы не могли искать помощи в этом описании: ибо его дом владел их владениями только в течение двух поколений: до того времени у нас нет точных сведений о месте их пребывания: и когда они пришли к власти, это было на территории и в городах, которые, по-видимому, уже имели историческую известность. Поэтому маловероятно, чтобы их жилища носили такие названия, которые, вероятно, были бы прикреплены к ним, если бы они были названы основателями, а не наследниками.

В случае с домом Дарданов мы обнаружили, среди других указаний на их эллинское родство, два явно эллинских названия Геллеспонта и реки Селлеис.

Имя Эфиры.

У Гомера есть еще одно местное название, имеющее первостепенное значение как ключ к вопросу о правящих эллинских племенах, - имя Эфира (Ἐφύρη).

Давайте попытаемся собрать рассеянный свет, который может пролить либо этимология, либо употребление термина у Гомера и его ассоциации с ним.

Его родственные названия.

И, во-первых, мы можем заметить у Гомера большую группу имен, которые встречаются по всей Греции и которые, очевидно, находятся в этимологической связи друг с другом: я сведу их вместе, прежде чем попытаться оценить их связь с именем Эфира.

1. φῶρις, Ил. ii. 582. В Лакедемоне.

2. Φεραῖ, Ил. ii. 711. В Фессалии.

3. Φήρη, Ил. v. 543. Между Пилусом и Спартой.

4. Φήραι, Ил. ix. 151, 293. Od. iii. 488. То же самое.

5. φεαῖ, Од. xv. 296[846]. В противном случае читайте φεραῖ, и, согласно Схолиасту, то же самое с Φῆραι. Участок находится на берегу моря, между Пилусом и Спартой.

6. Φεῖα, Ил. vii. 135. На Иарданусе: и, вероятно, также на аркадской границе в направлении Пилуса: но, по мнению Схолиаста[847], то же самое с φεαῖ.

Помимо этих названий мест, у нас есть также,

1. φηρητιάδης, Ил. ii. 763. xxiii. 376, имя Евмел; который был сыном Адмета, повелителя ферай в Ил. ii. 711.

2. φέρης, один из сыновей Критея, фессалийского царя, Ок. xi. 259.

3. В Φῆρες, называется ὄρεσκι в Ил. я. 268, и λαχνηέντες в Ил. второй. 743; косматые горцы, на которых сделаны Пирифой войны, когда он принял участие и Нестор.

Что касается шести местных названий и двух первых из трех личных имен, то не может быть никаких сомнений в их идентичности по корню. Из текста непосредственно следует, что Φήρη и φηραι были одним и тем же местом. Имя Евмел, который живет в ферай и который является внуком φέρης, но называется φηρητιάδης, четко устанавливает этимологическую связь. Поэтому, опять же, никаких затруднений ни в признании между Φεραῖ и Φεαῖ, или опять же между Φεαῖ и Φείαι; и это в манере Гомера, чтобы дать имя одной и той же стране в единственном и во множественном числе, как Μυκῆνη, Ил. Ив. 52, и Μυκηναῖ, Ил. второй. 569. φῆρις, единственное оставшееся название, дает нам дорическое или эолическое α для η и измененную форму склонения. Однако это не совсем несовместимые с образом Гомера, который не только использует Πηνελόπη и Πηνελόπεια, Ἀστυόχη и Ἀστυόχεια, Πηρεΐη (по одному для чтения), Ил. второй. 766, и Πιερίη, Од. В. 50, но Ἑρμῆς и Ἑρμείας, Πατροκλῆς и Πατρόκλος; и для городов, Ὀρύον Ил. второй. 591-снова Ὀρυόεσσα в Ил. XI. 711.

В общем, следует помнить, что языковой инструмент во времена Гомера был еще в высшей степени эластичным: он находился в состоянии, так сказать, хряща; он еще не превратился в кость и не принял строгих условных форм, которых требует сформировавшаяся литература. И по тем же причинам, по которым он представлял различия между одним временем и другим, он не мог не делать то же самое между одним местом и другим.

Те же самые причины, которые сделали изменение законом языка, придали бы этому ходу изменений в одном месте большую, а в другом - меньшую скорость, более старые формы гибли в данный момент времени в одном месте и все же выживали в другом. Такое положение дел вокруг него дало бы поэту большую свободу, независимо от остроты его стихов, которые, по-видимому, действительно не вызывали у такого человека и с таким языком особых трудностей.

Но нам вряд ли нужны эти общие соображения, чтобы охватить случай различного склонения названия города. Истинное объяснение, вероятно, очень простое: в одном склонении оно употреблялось в существительном, а в другом - в прилагательном. И это станет еще более очевидным, если мы примем во внимание, что название города обычно отражает идею либо в сочетании с человеком, либо непосредственно. Таким образом, ὀρύον - это *порыв* и ὀρυοεὶς *стремительный*. Город Ὀρύον в каталоге у бродяги Алфея, и в Ил. XI. 711 это τῆς Ὀρυόεσσα πόλις, αἱ πεῖ α κολῶνη, который показывает нам использование прилагательного в наглядном примере. Так снова, по аналогии мы могли бы Φῆρις от Φήρα или Φήρη, как πάτρις от πάτρα, ἀνακτὶς от ἄλκη.

У нас есть любопытные внегомеровские географические свидетельства относительно этого Фариса. Павсаний[848] сообщает нам, что место, где, как сообщалось, он стоял, в его время называлось Алесия, и что рядом с ним протекала река, носящая своеобразное название Феллиас; которое кажется наиболее естественным рассматривать как искаженную форму гомеровского имени σελληεῖς. Эта связь Фариса с Селлеидой, в свою очередь, становится аргументом в пользу родства между Фарисом и Эфирой, с которой Селлеида ассоциируется в тех местах, где Гомер упоминает ее как название греческой реки.

В этом регионе нет и других следов того названия, которое так часто встречается в Эфире: ключом к Лаконии на севере был город Селлазия[849]. Здесь также следует иметь в виду Προέληνοι Аркадии.

Таким образом, мы, по-видимому, находим название Эфира в той или иной его форме в Лаконии, в Пилусе и в той части Фессалии, которой правил Адмет. Правящая раса в двух первых была ахейской, а следовательно, эллинской. Адмет сам был $\nu\nu\alpha\xi\ \alpha\nu\delta\rho\omega\iota$, и его эллинское происхождение будет показано позже. Таким образом, на данный момент у нас есть установленное предположение, что имя Эфира означает некую особую связь с эллинами.

Этимологически очевидно связать эти слова с $\xi\rho\alpha$ в качестве их корня и предположить, что они сохраняют приставку, которую она утратила в обычном греческом употреблении еще до времен Гомера, поскольку он использует $\xi\rho\alpha\zeta\epsilon$ без дигаммы: и эту приставку мы находим воспроизведенной в латинском *terra*.

Тот самый фῆρες.

Давайте теперь перейдем к фῆρες.

фῆρες Гомера, как $\iota\lambda\lambda\omicron\iota$, горный народ, Ил. i. 268, с грубыми манерами (ii. 743) и агрессивный по отношению к жителям равнин; ибо война, в которой участвовал Нестор, очевидно, была карательной, поскольку использовалось выражение $\acute{\epsilon}\tau\iota\sigma\alpha\tau\omicron$ [850], Пиритос *заплатил им*;" и он был правителем части равнинной страны, называемой Пеласгическим Аргосом. Также не возникает никаких неблагоприятных предположений из-за того, что мы обнаружили эллинское племя (если это было таковое) в горах, ведущее войну с племенами аналогичного происхождения на равнине: не больше, чем мы удивлены войной между пилийцами и эпейцами, которые оба, по-видимому, эллины, хотя, вероятно, и не ахейцы.

Возможно, хорошо бы вспомнить, что дарданы Гомера часто включаются в состав троянцев; а также часто обозначаются отдельно: и что кефалленцы также, по-видимому, включены в число $\epsilon\gamma\omega\alpha\iota\omicron\iota$. Ни одна из этих пар названий не является территориальной, хотя в каждой паре одно, вероятно, указывает на подразделение другого.

Таким образом, фῆρες напоминает $\iota\lambda\lambda\omicron\iota$, и их обозначение подводит нас к другой связи между именем Фῆραι с его родственниками и эллинской расой. До сих пор кажется, что φῆραι было бы подходящим названием поселения, образованного фῆρες.

Продвинувшись так далеко, мы можем теперь проследить отношение слова Φῆρ,

1. К греческому $\xi\rho\alpha$, которое, очевидно, из-за своего перехода в латинское *terra*, когда-то имело греческую приставку. С этим мы, вероятно, можем связать греческое $\xi\rho\alpha\rho$ и латинское *ver*.
2. От греческого $\theta\eta\rho$ - дикий зверь.
3. К латинскому *fera*, с тем же значением.
4. От латинского *terra*, что означает земля.

5. Итальянскому *terra*, старому классическому названию на этом прекрасном языке, обозначающему не район, а замкнутое, обнесенное стеной или укрепленное место. Это слово, по-видимому, в итальянском языке редко, если вообще используется для обозначения района, но настолько широко для обозначения города, что трудно предположить, что это значение было получено тем же способом, что и Аргос в греческом, от местности, в которой оно находилось. В переводе с итальянского "*Терра*" часто означает, *Теллус*, часто *гумуса*, очень редко - *эйджер*, постоянно *оппидум* или *каструм*. Thus in Dante (*Inferno*, C., v. 97), '*Siede la terra, dove nata fui.*'

Поскольку это так, естественно предположить, что, в то время как коррелятив греческого ἔρα стал в латыни *terra*, чтобы непосредственно обозначать *теллус* или *гумус*, коррелятив греческого φῆρ стал в итальянском *terra*, чтобы обозначать обнесенное стеной место; или, другими словами, что первоначальное слово, каким бы оно ни было, общего родного языка, которое в греческом стало φῆρ, в Италии стало *terra* для этой последней цели. Замену θ на t мы видим в σσθῆς, становящемся *вестисом*: и t на f (= φ) в τρυάω по сравнению с *fruges*.

Это значение *terra*, по-видимому, полностью исчезло из латинской, и особенно пеласгийской, ветви древнеитальянского языка.

Отношение между φῆρ и θῆρ, одно из которых применимо к людям, а другое - к диким зверям, очевидно, возвращает нас к тому, что у горных племен людей было общего с животными, а именно к дикой жизни и свободному владению землей. Таким образом, эти два слова находятся в общем и близком родстве со словом ἔρα, земля, и, по-видимому, у них есть ἔρ или ῆρ их общий корень.

Прежде чем перейти к Ἐφύρη, я хотел бы отметить, что в данном случае мы, кажется, снова извлекаем свет из непревзойденной точки зрения Гомера и точности в использовании эпитетов. Его φῆρες, по-видимому, на самом деле являются грубыми и непричесанными горцами, которые также носят название Ἄλοι в том же или других племенах. Эти φῆρες - λαχνηέντες, лохматые. Они спустились на равнину, и приобрести оседлых и цивилизованных привычек: от φῆρες они становятся Ἀχαιοί, но их длинные волосы их не оставил, и из λαχνηέντες они сейчас καρῆκορόωντες.

Теперь мы находим, что слово φύρη много раз использовалось у Гомера: и однажды у нас есть имя Ἐφύροι, применяемое к народу, по-видимому, фессалийскому, на которого Марс[851], со своим сыном φόβος ведет войну из Фракии.

Этимология слова Ἐφύρη.

Можем ли мы тогда предположить этимологическую связь между словом Ἐφύρη и той группой слов, которые мы обсуждали и которые, как мы обнаружили, демонстрируют признаки связи с элли?

Ибо если это так, то нас поддержат различные другие доводы, которые, как мы обнаружим, весьма примечательным образом связывают слово Эфира с эллинскими расами.

Что нам здесь нужно рассмотреть,

1. Приставка ε.
2. Замена ε или η на ,,

Доктор Дональдсон[852] привел список греческих слов, у которых в качестве приставок, не связанных с корнем, иногда используется буква α, иногда ε, иногда

Таковыми во втором классе являются

ἐ-ρέφω, откуда крыша.

ἐ-λεύθερος, откуда Либер.

ἐ-ρυθρός, откуда Рубер, Руфус.

ἐ-ρετμός, откуда рем.

Если отбросить этот момент, то как нам объяснить нахождение φυρῆ вместо φερῆ или φηρῆ?

Может ли это быть потому, что в случаях греческого слогового дополнения существует тенденция избегать дублирования, как в ἀπτάλλω для ἀπατάλλω? Лишь в небольшой доле случаев, приведенных в таблице доктора Дональдсона, приставка гласной совпадает с последующей гласной.

Может ли это быть из-за тенденции того, что мы называем всеобъемлющей дигаммой, переходить в[853]?,,

Или, основываясь на принципах, изложенных Боппом[854], в его Сравнительной грамматике, мы должны установить, что α имеет тенденцию превращаться в ε, и что жидкости, отдающие предпочтение этой последней гласной, влияют на ее образование? условия взаимобмена между α и ε зависят, как он говорит, от законов тяготения или вокального равновесия.,,

Следует отметить, что исходной гласной корня в данном случае могла быть буква α, которую мы находим в φῆρις.

Мы можем обнаружить, что не только α вытеснено, но и ε постигает та же участь в итальянском *сицилийском*, который появляется как представитель греческого σίκελος. Опять же, в латыни мы имеем родственные слова *furo* и *fera*. Возможно, я ошибаюсь, так скрупулезно разбираясь с вариацией от ε до u, как будто это может жизненно повлиять на вопрос об идентичности в корне. Ибо, исследуя другой корень (корень κεφάλη), мы увидели, что его производные, по-видимому, включают в себя весь или почти весь диапазон гласных алфавита.

Его вероятное значение.

В целом представляется небезопасным, не претендуя на какое-либо авторитетное решение вопроса, пригодного для ученых-филологов, к числу которых я не могу претендовать, предполагать, что φῆρις и φηραι могут быть этимологически выведены из одного корня. Если это так, то корень будет, вероятно, то же с ἔρα, и φῆρ которых мы уже убедились, что это связано с Hellic рас: и на основе этих предположений мы уже подготовили, я не говорю, чтобы сделать вывод, но подозреваю, что Ἐφύρη и Φεραι может правильно обозначать, а может быть оригинальной и правильной Hellic имя - *Terpe* (Итал.), или огороженного места, основан Hellic рас; как Ἄρυος означает открытые районы, в которых пеласги были даны урегулирования κωμηδόν, для сельскохозяйственных целей.

Я не имею в виду, что в пеласгийских поселениях не было скоплений домов или что эллины не были связаны с обработкой почвы. Напротив, поскольку пеласги, по-видимому, строили свои Лариссы для обороны, у нас, похоже, есть указания, связывающие название Эфира с плодородной почвой. Когда Гомер представляет Ἔφυροι как объекты вторжения Марса из Фракии, он, вероятно, имеет в виду под этим названием жителей оседлой страны на равнинах, на которых совершались грабительские набеги фракийских горцев. Так что, если нам удастся показать особую связь между местным названием Эфиры и эллинскими племенами, мы можем, исходя из этого заключения, даже рискнуть понимать слово эфиры как означающее эллинов, которые спустились в низменность, основали поселения и приобрели по крайней мере некоторые привычки цивилизованной жизни.

Мы также не лишены дополнительных гомеровских свидетельств о том, что везде, где встречается Эфира, обычно имеется изобилие богатых пастбищ и пригодной для обработки земли, так что это название хорошо подходит для обозначения тех мест, которые раса завоевателей была бы склонна выбирать для своего обитания.

Например, в Элиде есть своя Эфира: и из того факта, что Элида была ареной национальных гонок колесниц, мы могли бы сразу заключить, что она славилась своими лошадьми, и если это так, то она изобиловала хорошей почвой, пастбищами и открытой местностью. Везде, где у Гомера мы находим лошадь, бросающуюся в глаза, мы находим также хорошие земли и изобилие, будь то в Трое, во Фракии под названием ῥῖβωλαξ[855], в Фессалии или в Элиде. Для Гомера дает нам, как к последней, прямых доказательств того, его эпитеты εὐρύχορος, открытия, и ἰππόβοτος, лошади выпаса[856]. Фактически, Элида, скорее всего, была для Пелопоннеса тем же, чем Беотия была для Средней Греции: первым местом остановки на плодородной почве тех, кто въезжал в регион; соответственно, ареной быстрой смены власти и, следовательно, частых революций, но также и местом, несущим на себе самые сильные признаки страны, из которой прибыли вновь прибывшие.

Опять же, Эфира из "Одиссеи" прямо называется (Od. ii. 328) πίειραν ἄρουραν. И когда Геракл взял Астиоху из Эфиры (Il. ii. 659), разорив ее вместе со многими другими городами, мы можем ясно заключить, что это были богатые, а не бедные места, которые он разграбил, следовательно, эта Эфира также была богатой, и если это так, то богатой своей почвой, единственным богатством для регионов, известных тогда Греции. Опять же, Эфиром Сизифа (Il. vi. 152) стал Коринф, а Коринф даже во времена Гомера назывался φθνείος. Некоторые относят этот эпитет к его благоприятному положению для торговли. Но такое объяснение совершенно не подходит к эпохе Гомера. Ибо коммерческая известность Коринфа относится к более позднему периоду; и у нас нет ничего, что могло бы поддержать идею о том, что коммерческое богатство вообще существовало в Греции в этот период. Естественным объяснением, по-видимому, является плодородие почвы равнины между Коринфской скалой и Сикионом. Похоже, со временем это стало предметом притчи. Следовательно, χρησμός в Авесе Аристофана говорится (Av. 968),

ἄλλ' ὅταν οἱ κήσωσι λύκοι πολῖαι τε κορώναι
ἐν ταῦτ' ὅτε μεταξὺ Κορίνθου καὶ Σικυῶνος.

В том же смысле, в каком говорит Шекспир,

Когда Бирнам вуд переедет в Дунсинан.

Схолиаст дает два объяснения, из которых лучшим является εὔφορος ὕψος αἵτης ἡ χώρα.

Опять же, это, безусловно, подтверждает предположение о том, что Φύρη было названием первобытных эллинов, как κρρῦος было названием пеласгического поселения, когда мы обнаруживаем, что первое, хотя и явно означает оседлое место, этимологически не имеет отношения к сельскохозяйственному труду, в то время как второе полностью основано на этой идее; поскольку эти значения слова, выбранного для обозначения поселения, в обоих случаях согласуются, в их взаимном различии, с различным специфическим характером эллинских и пеласгских племен, первое из которых вышло из гор, а второе - из хищные и бедные, пылкие, смелые и предприимчивые; последние миролюбивы в своих привычках и не смотрят ни на что, кроме обработки почвы.

Вот и все о корнях Эфира и Феры, а также о связи между ними.

Места, носящие это название у Гомера.

Итак, гомеровское свидетельство о распространенности этих имен как раз такое, которое наиболее эффективно устанавливает связь между ними, с одной стороны, и Фессалией с эллинскими расами - с другой.

Сначала об Эфире.

1. За пять поколений до Троянской войны Сизиф, сын или потомок Эола, был поселен, по-видимому, в качестве подчиненного принца или лорда, в Эфире, который находился недалеко от территории Притуса и располагался Μύχων ἄρως ἰπποβότοιο. Беллерофонт, внук Сизифа, был изгнан Претом, царем аргивян; и был ξείνος из Сенеуса, предка Диомеда. Эти обстоятельства в сочетании с традицией, связывающей название Эфиры с местом расположения Коринфа, не оставляют сомнений в том, что Гомер имел в виду поместить Сизифа на месте, которое впоследствии стало Коринфом[857]. Не было никакой другой известной Эфиры в укромном уголке κρρῦος, или того, что можно назвать в пределах досягаемости Притуса и Энея: тогда как эта Эфира лежала на перевале, который сообщался с Севером из этой части Пелопоннеса.

Но линия Сизифа была прервана в лице Беллерофонта за два поколения до Троянской войны. Вместе с этой строкой исчезло старое название Эфиры: в "Илиаде" мы слышим о нем только как о Коринфе и как о части микенских владений. В настоящее время традиция связывает название эолидов, в частности, с Фессалией, эолиды всегда считались одной из великих первобытных греческих рас. И Гомер дает нам Эолиды в Фессалии, а также на Пелопоннесе. Тогда, во времена Сизифа, мы видим это элидское название, которое является этео-эллиническим, соединенным с местным названием Эфира: в эпоху Троянской войны оба исчезли с этого места.

Традиционное название Эфира действительно сохранилось во многих частях Греции вплоть до более поздних времен. Страбон (стр. 338) считает один в Элиде, один в Теспотии и один в Фессалии, помимо Коринфа: а также пять κωραι этого имени. Но даже во времена Гомера либо эти поселения пришли в упадок, либо, что более вероятно, конкретная форма Φύρη так и не приобрела прежней силы имени собственного, а оставалась скорее в категории описательного слова: ибо в противном случае вряд ли могло случиться, что тот или иной из Эфиров был назван

в Каталоге Гомера. Если это описательное слово, то, по всей вероятности, оно просто описывало примитивные поселения эллинской расы. Вероятно, эти Φύραι были грубыми и маленькими; и, собственно говоря, представляли собой скопления нескольких зданий, а не города регулярной формы.

2. Уже упоминался отрывок из Тринадцатой "Илиады", в котором это имя упоминается на Севере. Поэт говорит, говоря о Марсе и его сыне φόβος,

τῶμ' ἐκ Θρήκης Ἐφύρους μετὰ θωρήσσεσθον,
ἦε μετὰ Φλέγυας μεγάλητορας[858].

Два обстоятельства оправдывают наше размещение этих Ἐφύροι в Фессалии: первое, что название Фракии не распространяется дальше на юг; и второе, что это единственное известное местонахождение Флегий.

3. Рядом, возможно, будет удобно взять Эфир, который дважды упоминается в "Одиссее".

В первом из этих отрывков Паллас в образе Мента, Повелителя тафиан, вспоминает Улисса в те дни, когда он совершал другие путешествия до своего троянского: вспоминает его,

ἔξ Ἐφύρης ἀνίοντα παρ' Ἴλου Μερμερίδαο.
ῥχετο γὰρ καὶ κεῖ σε θοῆς ἐπὶ νηὸς Ὀδυσσεύς
φάρμακον ἀνδροφόνον διζήμενος[859].

И снова, когда Женихи понимают, что Телемах замышляет недоброе, они спрашивают, приведет ли он союзников из Пилуса или даже из Спарты (которая была более отдаленной).

ἦ τινας ἐκ Πύλου ἄξει ἀμύντορας ἡμαθόεντος
ἦ ὄγε καὶ Σπάρτηθεν, ἐπεὶ νύ περ ἴεται αἱ νῆες·
ἦε καὶ εἰς Ἐφύρην ἐθέλει, πείραν ἄρουραν·
ἐλθεῖ ν, ὄφρ' ἐνθεν θυμοφθόρα φάρμακ' ἐνείκη[860].

По нескольким причинам представляется вероятным, что Эфира, о которой здесь идет речь, находилась в Элиде и, следовательно, была Эфирой Авгия.

1. Географически это, скорее всего, Пелопоннес. Маловероятно, что Телемах совершит более длительное путешествие. Сношения его семьи обычно происходили с яским Аргосом, или Западным Пелопоннесом. Следовательно, о Пенелопе сказано[861]: "Могли ли все ахейцы Ясского Аргоса увидеть тебя". И, следовательно, в двадцать четвертой "Одиссее"[862], враги Улисса ожидают, что, если они не помешают ему, он обратится за помощью либо в Пилус, либо в Элиду, где находятся эпейцы. Следовательно, опять же, во Второй "Одиссее" мы находим Эфиру, соединенную с Пилусом и Спартой (последняя упоминается как крайняя точка, γυε καὶ Σπάρτηθεν), как места, куда он мог обратиться за помощью. Имена Элиды и Эпейцев не появляются: и это само по себе почти равносильно демонстрации того, что Эфира не только находилась в Элиде, но и фактически стоит вместо нее в этом месте.

Однако мы можем отметить один или два второстепенных момента.

2. Теперь Коринф утратил название Эфира, то есть новое название затмило старое. Но эта Эфира, если не Коринф, могла быть только Элианской Эфирой.

3. Постгомеровская традиция помещает Эфиру в Элиде.

Мы уже видели, что Авгий был владыкой Элиды, что он правил эллинской расой, что он ἄναξ ἄνδρῶν: была ли эта Эфира резиденцией его империи?

Даже сам факт пребывания в Элиде указывает на значительную связь с Авгием: но, что более важно, кажется невозможным не связать особые знания о снадобьях, сохранившиеся в Эфире, куда отправился Улисс, с прежней славой Агамеды, дочери Авгия (Il. xi. 740), от которой они, по всей вероятности, перешли к следующему поколению.

Можно спросить, какое место занимал Илус, сын Мермера[863], в Эфире, где Авгий был царем или повелителем? Мы можем дать, по крайней мере, такой отрицательный ответ: каталог показывает, что Элида во времена Троянской войны больше не управлялась патриархально; у эпейцев было четыре согласованных лидера, из которых внук Авгия был лишь одним. Следовательно, Илус, возможно, во времена Улисса владел местом, которое принадлежало Авгию во времена отрочества Нестора: и мы можем заметить, что ни один эпейский или элийский вождь, современник *Троики*, не фигурирует у Гомера под титулом ἄναξ ἄνδρῶν.

Объединив все эти обстоятельства, мы, по-видимому, имеем самые веские основания полагать, что Авгий был владыкой Эфиры; что он был главой одной из правящих семей, которые вели свое происхождение по известной и зарегистрированной линии из Эллады и эллинского племени; и, следовательно, архаичный титул ἄναξ ἄνδρῶν был применен к нему не случайно, а с определенным значением и в соответствии с установленным правилом.

Краткое изложение доказательств в пользу Авгия.

Следующий краткий обзор, после того, что было сказано, послужит указанием на основные предполагаемые основания для присвоения Авгию звания ἄναξ ἄνδρῶν.

1. Авгий связан с φάρμαка, Ил. xi. 739-41.

2. φάρμαка с Эфирой, Од. i. 259.

3. Эфира с Сизифом, Ил. vi. 152, 3.

4. Сизиф - сын Эола, Ил. vi. 154.

5. Эол является этео-эллинским, как общий предок нескольких великих греческих домов и прямой предок по крайней мере одного ἄναξ ἄνδρῶν[864].

6. Эол также божественного происхождения, ибо его потомок Беллерофонт - θεοῦ γόνος, Ил. vi. 191.

7. То есть он сын Юпитера; ибо θεός обычно означает Юпитера, когда в контексте нет конкретной ссылки на какое-либо другое божество и когда описывается личный поступок или атрибут.

Внегомеровская традиция полностью поддерживает это убеждение, поскольку делает Авгия сыном Салмоней, а Салмоней сыном Эола.

И теперь, после того как мы так подробно рассмотрели термин Ἐφύρη и родственные ему слова, нам не мешало бы заметить, что, по крайней мере, владения Агамемнона не лишены некоторого отношения к этому семейству имен; поскольку φῶρις в Каталоге - один из городов, снабжающих его войсками, а Φῆραι в Девятой "Илиаде" - один из городов, повелителем которых он обещает сделать Ахиллеса. От Феллий и Селлазий мы уже лечились.

Против Дела Эвфета.

Случай эвфета.

Я перехожу к случаю с Эвфетом.

Он упоминается только один раз в гомеровских поэмах. Это когда в Пятнадцатой "Илиаде" Долопс наносит удар Мегесу, сыну Филея, которого спасает его прочный нагрудник: благодаря этому нагруднику,

τόν ποτε Φύλεος
ἦγαγεν ἐξ Ἐφύρης, ποταμοῦ ἀπὸ Σελλήεντος.
ξεῖνος γάρ οἱ ἔδωκεν ἄναξ ἄνδρῶν Εὐφρήτης[865].

Этот случай в его нынешнем виде очень прост. Эвфет, очевидно, является царем Эфиры: название этого места указывает на связь с колыбелью Эллинов; эта связь удваивается названием реки σελλήεις, а его ранг, по-видимому, указывает на принадлежность к правящей расе в стране; поскольку он является ξεῖνος при государе, и, по-видимому, отношения всегда были между равными или почти равными.. ..

Этот отрывок, однако, не помогает нам определить, где находилась эта Эфира; поскольку он не говорит нам, где искать резиденцию Филея.

Был ли это Эфир Элиды или это был другой Эфир, упомянутый в отрывке, который мы еще не изучали? Давайте теперь обратимся к этому отрывку.

В Греческом каталоге Тлеподем, сын Геракла, командует девятью кораблями с Родоса, куда он переселился из-за того, что убил своего двоюродного деда Лицимния. Его рождение описано следующим образом,—

ὃν τέκεν Ἀστυόχεια βίη Ἡρακλεΐη·
τὴν ἄγετ' ἐξ Ἐφύρης, ποταμοῦ ἀπὸ Σελλήεντος,
πέρσας ἄστεα πολλὰ Διοτρεφέων αἱ ζῆν[866].

Затем Геракл увел Астиохею из Эфиры близ Селлеиды, предварительно опустошив множество городов. Из этого отрывка, возможно, можно заключить, что упомянутая в нем Эфира не является Эфирой Элиды по следующим причинам.

1. Тлеподем[867] эмигрирует на Родос в результате убийства. Скорее всего, он сделал это из Фессалии, чем из Элиды, поскольку мы не видим никаких признаков сообщения между западным Пелопоннесом и островами Малой Азии у подножия Эгейского моря.

2. Если Астиохея, мать Тлеполема, была также Астиохией, родившей Марсу Аскалафа и Иалмена (Ил. ii. 513), то он, скорее всего, был фессалийцем, чем Элианом; поскольку Марс жил во Фракии, граничил с Фессалией, но о нем не слышали в Южной Греции; и эти князья правили Орхоменом Минейским, который находится далеко от Пелопоннеса, но недалеко от Южной Фессалии.

3. Опять же, Нестор в Одиннадцатой книге[868], где он описывает депрессию, в которую впали пилийцы из-за набегов их соседей элианцев, заявляет, что они были не в состоянии защитить себя от этих опустошений, потому что Геракл опустошил их страну и убил их принцев. Вряд ли он сказал бы это, если бы Элианская Эфира и ее окрестности также были опустошены Гераклом, поскольку его рассказ тогда не смог бы объяснить относительную неполноценность пилийцев. Но если это была не Элианская Эфира, и поскольку положение Перешейка и его состояние делают этот проход неприменимым к Коринфской Эфире, то, продолжая искать какую-либо страну, известную в связи с подвигами Геракла, мы, естественно, должны принять ее за Эфир Фессалии, где наиболее естественно было бы искать название Селлеида как соседнего ручья.

Это правда, что географы не сообщают нам о реке Селлеис близ Фессалийской Эфиры. Но беглый характер названия Эфира проявляется из того факта, что, хотя во времена Гомера существовало несколько Эфиров, ни один из них не имел достаточного значения, чтобы предоставить воинский контингент, заслуживающий названия. Если бы под Эфиром подразумевалось первое место зарождения новой колонии, это название, естественно, могло бы исчезнуть не только с перемещением в более безопасное или удобное место, но даже, возможно, с превращением простой группы обнесенных стеной зданий в город, окруженный стеной. Поэтому неудивительно, что местоположение многих из этих городов было забыто или, как следствие, соседние ручьи не могут быть идентифицированы.

Место его Эфиры.

Существует предание, чуждое Гомеру, но не противоречащее ему, что Астиохея, которую похитил Геракл, была дочерью Филаса; и если это так, то Филас, конечно же, был владыкой Эфиры, из которой она была похищена. Если мы предположим правдивость этого предания, мы можем определить, что резиденция Эфиры Астиохейской находилась в Фессалии. Ибо все пять командиров под командованием Ахилла, конечно же, были набраны из этой страны. Но среди них есть Евдорус, сын Полимелы и внук Филаса[869].

Здесь, кстати, можно спросить, почему этот Евдорус не является ἔναξ ἀνδρῶν? даже его имя имеет ту форму, к которой так хорошо подходит это словосочетание. Ответ заключается в том, что, хотя он был сыном Полимелы и внуком Филаса по женской линии, его предполагаемым отцом был Меркурий, и поэтому он не происходил по мужской линии от вождя племени и не мог называться им.

Если тогда Филос был владыкой Фессалийской Эфиры, а Эвфет также был владыкой Фессалийской Эфиры, то в каком отношении друг к другу мы должны предполагать, что они стояли относительно времени? Здесь нет никаких видимых расхождений. Филей, как отец Мегеса, был ξείνος Эвфета за одно поколение до Троянской войны. Тлеполем, современник Мегеса, был, по нашему предположению, внуком Филаса. Следовательно, Филас, владыка Эфиры, вероятно, был на одно поколение раньше Эвфета и, возможно, был его отцом.

Также не является возражением против этого рассуждения тот факт, что Мегес, сын Филея, был владыкой Дулихия, и что мы не можем предположить, что Филей был ξεῖνος одного жилища, расположенного так далеко, как Фессалийская Эфира. Во-первых, Нестор Пилянин сражался в Фессалии. И далее, Мегес бежал из дома своего отца из-за вражды с ним: что делает даже вероятным, что он удалился бы на некоторое расстояние, поскольку мы видим, что Тлеподем отправился по аналогичной причине из Фессалии или, по крайней мере, из какой-то части Греции на Родос.

Если тогда Эвфет, который был ἄναξ ἄνδρῶν, правил Эфирой, и особенно если это было в Фессалии, особой резиденции Эллинов, нам не составит труда заключить, что он носил титул патриархальный по праву своего происхождения.

С другой стороны, Эфира Тлеподема, безусловно, по общему мнению, считается Эфирой Элиды. Если это мнение верно, то еще легче связать его с титулом ἄναξ ἄνδρῶν. Авгий жил за два поколения до Троянской войны, правил в Эфире и является ἄναξ ἄνδρῶν. Эвфет является современником отца Мегеса, который сражается на войне; и, следовательно, он на одно поколение старше Авгия, хотя правит в том же месте и носит тот же титул. Если тогда Эфиром Евфета был Элиан, то, по-видимому, невозможно избежать предположения, что Евфет был сыном Авгия.

Этот взгляд на Эфир Эвфета в целом более полно удовлетворит гомеровский текст. Ибо мы находим Мегеса в Тринадцатой книге сражающимся во главе эпийских войск[870]. Но войска, которые он вел в Трою, были из Дулихия и Эхинад[871]. Таким образом, мы можем сделать только один вывод из двух. Либо Мегеса командовал Epeans из Элис в силу консвязи своей семьи с этой страной; или он командовал Epeans, которому его отец Phyleus взял с собой из Элис через Коринфский залив. В любом случае, отношения между Элис и семьей Мегес налаживаются, что приводит к тому, что Эвфет, как друг этой семьи, оказывается в Эфире Элис.

Открыто еще одно предположение. Гомер сказал нам, что Филей был διὶ φίλος, — различие, которое он очень редко признает, — и что он мигрировал, как он скорее подразумевает, чем утверждает, из Элиды из-за ссоры со своим отцом:

ὅς ποτε Δουλίχιόν δ' ἀπενάσσατο πατρί χολωθείς.

Он не упоминает причину; но этот резкий намек на отца Филея подразумевает, что он был известной личностью. Страбон[872] следовательно, это может быть только заполнением пустоты в Гомере, когда он сообщает нам, конечно, исходя из какой-то традиции, что Авгий был отцом Филея.

Если бы это было так, мы должны были бы спросить, почему Филеус не является ἄναξ ἄνδρῶν? и кем, исходя из этого предположения, мог быть Эвфет?

Поскольку из Каталога мы должны заключить, что элийское царство Авгия распалось в эпоху *Троики*, и, как следствие, мы не находим Поликсейна, его внука, названного этим титулом, поэтому нам не нужно ожидать этого и от Филея.

Если бы Филей был сыном Авгия, Евфет не мог бы быть правителем Элианской Эфиры, поскольку в этом случае они были бы не ξεῖνοι, а братьями.

Но он все еще мог быть властелином либо Эфиры, упомянутой Гомером, $\mu\chi\omega\tilde{\Lambda}\rho\upsilon\epsilon\omicron\varsigma$, которая в Каталоге фигурирует как Коринф, либо, возможно, Феспотианской Эфиры, с которой мы познакомились у Страбона.

Если Эвфет представлял с титулом $\tilde{\alpha}\nu\alpha\xi\ \tilde{\alpha}\nu\delta\rho\omega\tilde{\nu}$ один из древних эллинских вожеств в любом из этих мест, ничто не могло быть более естественным, чем то, что узы гостеприимства существовали между ним и Филеем, сыном другого эллинского вождя того же класса.

В любом случае, хотя гомеровские свидетельства явно неполны, все же, связывая титул $\tilde{\alpha}\nu\alpha\xi\ \tilde{\alpha}\nu\delta\rho\omega\tilde{\nu}$ с весьма характерным местным титулом Эфира и названием реки Селлеис, они недвусмысленно подтверждают интерпретацию этого титула как указывающего на изначальное и чисто эллинское вожество.

VI. Случай с Эвмелом.

Случай с Эвмелом.

Теперь остается только рассмотреть случай с Эвмелом, последним из шести человек, которому Гомер дает своеобразный титул $\nu\alpha\xi\ \tilde{\alpha}\nu\delta\rho\omega\tilde{\nu}$.

Он ввел нас в каталоге как $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma\ \pi\alpha\acute{\iota}\varsigma$ [873] ($\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ смысл, вероятно, либо старший или единственный сын) из Адмета, который никогда не упоминается, кроме как в косвенных падежах, и кому, следовательно, в соответствии с его использованием, Гомер никогда не применяет титул $\tilde{\alpha}\nu\alpha\xi\ \tilde{\alpha}\nu\delta\rho\omega\tilde{\nu}$. Он командует войсками своего отца; и, поскольку Фера названа в этом списке первой, мы можем сделать вывод, что это был его главный город.

Во-первых, я хотел бы отметить, что у нас есть для этой страны признак богатства, который уже был замечен, а именно превосходство породы лошадей. Существует также множество свидетельств богатства и важности Феры в исторические времена [874]. Таким образом, этот знак согласуется с гипотезой о том, что это, вероятно, было одно из примитивных поселений эллинской расы на равнине в Фессалии. Фактически, Фера стоит относительно Адмета, как Эфира стоит относительно Авгия, Эвфета и более древнего Эолида, Сизифа.

Посредством названия Pheræ мы связываем это семейство с $\sigma\phi\phi\acute{\upsilon}\rho\eta$, как его родственное название, и как название, которое, как мы обнаружили в случаях с Эвфетами и Авгиями, в высшей степени характерно для поселений под $\tilde{\alpha}\nu\alpha\xi\ \tilde{\alpha}\nu\delta\rho\omega\tilde{\nu}$.

Далее выясняется, что отец или предок Адмета взял свое имя от места, в котором он жил, и звался Фересом, ибо поэт говорит:

$\text{Ἴπποι μὲν μέγ' ᾄρισταί ἔσαν Φηρητιάδαο,}$
 $\text{τὰς Εὐμηλος ἔλαυνε}$ [875].

Объединение названий места и человека дает еще один признак первобытного поселения. Вероятно, Ферес был основателем города $\phi\eta\rho\alpha\acute{\iota}$.

Далее, отрывок из "Одиссеи" дает нам описание этого Явления [876]. Он был сыном Кретея от Тайро:

τοὺς δ' ἑτέρους Κρηθῆϊ τέκεν βασιλεία γυναικῶν,
Αἴσωνά τ' ἠδὲ Φέρητ' Ἀμυθάονα τ' ἰπποχάρμην.

Итак, Критей был сыном или потомком Эола:

Φῆ Κρηθῆος δὲ γυνὴ ἔμμεναι Αἰολίδαο[877].

И мы уже видели, что Эолиды Гомера непосредственно связаны с характерным именем Эфира в лице Сизифа (Ил. vi. 152, 211). За пределами гомеровского текста вся традиция приписывает эолийцам, не в меньшей степени, чем ахейцам, этео-эллинское происхождение. Опять же, мы можем заметить, что среди греческих генеалогий Гомера самыми длинными являются родословные Эолидов. От Эола до Главка II в Шестой "Илиаде" шесть поколений: и здесь подобным же образом от Кретея до Эвмелия четыре, число которых будет увеличено до пяти или до шести, в зависимости от того, примем ли мы Кретея за сына или внука Эола или оценим возраст Эвмелия. Судя по гомеровской силе отчества, он может быть и тем, и другим. Однако сам Эвмел, как мы видели, был, по-видимому, немолод во времена *Тройки*; поскольку он был женат на Ифтиме, сестре Пенелопы, которая, как следует считать, вместе со своим мужем Улиссом (Il. xxiii. 791) была старше среднего возраста армии.

Подводя итог; пока что кажется, что

1. Что Эвмел был наследником Адмета, правящего князя Фессалии или Эллады.
2. Что столица этого князя своим названием свидетельствовала о своем первобытном или этеоэллинском характере.
3. Что Эвмел был потомком по мужской линии от Эола, из рода которого некоторые, согласно Гомеру, по-видимому, обладали характером и носили титул $\alpha\upsilon\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma\ \alpha\acute{\nu}\delta\rho\omega\acute{\nu}$.
4. В силу своего происхождения от Эола, он произошел от Юпитера.

Чтобы в полной мере оценить силу доказательств, неплохо было бы заметить, что в Каталоге, помимо Эвмела, упоминается очень много фессалийских князей и вождей; однако только к последнему применен титул $\alpha\upsilon\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma\ \alpha\acute{\nu}\delta\rho\omega\acute{\nu}$. Но ни один из остальных не несет на себе никаких личных или местных признаков особого происхождения и социального положения, которым, по-видимому, принадлежит этот титул: хотя среди них встречаются Подалейрий и Махаон, сыновья Асклепия; Полипет, сын Пиритоса и внук Юпитера; Эврипил, выдающийся воин; Протесилай и Филоктет, каждый из которых является предметом различных исторических упоминаний.

Опять же, я бы на примере Евмела проиллюстрировал фразу $\alpha\upsilon\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma\ \alpha\acute{\nu}\delta\rho\omega\acute{\nu}$ с другой точки зрения.

Его мать Алкеста была потомком Нептуна. Она была дочерью Пелиаса, сына, которого Тиро родила легендарному повелителю морей. Это происхождение по материнской линии упоминается в Каталоге, где соблюдается полное молчание относительно его отцовской линии от Эола и Кретея.

Εὐμηλος, τὸν ὑπ' Ἀδμήτω τέκε δῖα γυναικῶν,
Ἰακηστὶς, Πελῖας θυγατρὶς εἴδος ἄριστη.

Но очевидно, что его происхождение от Юпитера по отцовской линии было более достойно внимания, чем его происхождение от Нептуна через незаконнорожденного Пелия. Еще у Гомера нигде обратили внимание на происхождение от Юпитера, в случае Eumelus, если это подразумевается в значении термин ἄναξ ἄνδρῶν, хотя мы знаем, спуск в самом деле: несомненно, что сильное доказательство того, что он является частью смысла фразы ἄναξ ἄνδρῶν, и дело не только неотделима от него, но передал его.

ἄναξ ἄνδρῶν произошли от Юпитера.

Что касается божественного происхождения гомеровских вождей, носивших этот титул, то наше прямое свидетельство от Поэта заключается в следующем:

1. Что линия Дарданов берет начало от Юпитера.
2. Этот Тайро, которого называют εὐπατέρεια совместно только с Еленой, очевидно, подразумевается как происшедший от этого божества.
3. Что Беллерофонт, также Эолид, также является θεοῦ γόνος, следовательно, сам потомок Юпитера.
4. И если это так, то Эвмел, который тоже был Эолидом, подпадает под то же описание.
5. Авгий подобным же образом достигает той же чести благодаря гомеровским предположениям, которые делают его эолидом, а также благодаря всей внегомеровской традиции.
6. Что касается Эвфета и Агамемнона, у нас нет прямых доказательств. Но у нас есть веские основания предполагать, что Эвфет сам был эолидом; и не маловажное предположение, что Тантал был, согласно Гомеру, тем, кем его делает более поздняя традиция, сыном Юпитера, и что Агамемнон происходил от Тантала.

Возможно также, не рискуя придавать какой-либо убедительный вес такому знаку, мы можем интерпретировать присоединение διотреφής и διογενής к эллинскому царству как признак того, что самое раннее эллинское царство, которое также носило титул ἄναξ ἄνδρῶν, всегда ассоциировалось с божественным происхождением.

Среди тех, кто носит титул ἄναξ ἄνδρῶν, мы не находим ни одного случая нисхождения с Юпитера, который считался бы недавним. Две строки, в которых наиболее четко передается этот титул, строки Эола и Дардана, относятся к древнейшим генеалогиям Гомера. Эпоха Агамемнона, по-видимому, самая короткая, отделяет его от Юпитера по меньшей мере на четыре поколения.

Линия Дардана, по-видимому, на одно поколение длиннее любой другой, принадлежащей к ἄναξ ἄνδρῶν. Но нет ничего более естественного: ведь любое поселение, основанное эллинами на Геллеспонте во время их продвижения на восток, естественно, на какое-то время предшествовало бы их спуску с Олимпа и фракийских холмов в Фессалию; так что более ранняя дата появления первичного предка свидетельствует скорее за, чем против этого родства.

Однако не следует слишком тщательно учитывать, что божественное происхождение *ἄναξ ἄνδρῶν* от Юпитера сильно отличается от происхождения более поздних героев, таких как Сарпедон или Геркулес. Мы можем предположить, что в подобных случаях божественный родитель либо скрывает результат незаконной любви, либо, возможно, указывает на внезапное возвышение семьи, ранее малоизвестной: *συνᾶξ ἄνδρῶν* дело обстоит совершенно иначе. Поэтический смысл здесь в том, что в прошлом не было ничего из семейной истории, кроме предка, от которого он утверждал, что происходит, будь то Дардан, или Эол, или Тантал: как будто стремясь к эффекту, законно произведенному этими словами в Евангелии от Святого Луки, которыми завершается восходящая линия приведенной им генеалогии; "который был сыном Адама, который был сыном Бога"[878]. И историческая основа аллегории, вероятно, может заключаться в том, что указанный человек принадлежал к какому-то правящему дому, который со своими последователями или родственниками отделился от мигрирующей расы Хелли, когда она продвигалась на запад вдоль холмов, и основал стабильное поселение и общество, более или менее организованное по орденам и занятиям, в котором его имя стало символом одновременно суверенного ранга, национальной точки происхождения и кровного родства с правящей расой.

Четыре ноты *συνᾶξ ἄνδρῶν*.

Итак, в заключение: примечания к *ἄναξ ἄνδρῶν* у Гомера, вероятные или демонстративные, таковы:

1. Он должен быть рожден от Юпитера *в древности*.
2. Он должен обладать верховной властью, либо первостепенной, либо второстепенной, и либо полностью, либо, подобно Энее, путем частичной передачи власти, над каким-либо данным местом или племенем.
3. Его семья, должно быть, обладала этим суверенитетом непрерывно со времен первичного предка.
4. Он должен быть главой правящего племени или дома исконного эллинского происхождения и должен быть связан со знаками присутствия эллинского поселения. Эти признаки могут, как в случае с Агамемноном, принадлежать расе или племени; или они могут быть территориальными, такими, какие дает название реки Селлеис, и особенно название Эфира, и семейство родственных слов.

Итак, каждый из шести персонажей, которым Гомер дает титул *ἄναξ ἄνδρῶν*, причастен, по свидетельству очевидному или вероятному, к каждой из этих заметок.

Отрицательные доказательства.

Среди негативных свидетельств того, что название *ἄναξ ἄνδρῶν* передает особый смысл, мы можем выделить следующее:

1. Положение Приама в Трое, где он был величайшим человеком Северо-западной Азии, Ил. ххiv. 543-6, и Гектора, или иначе Париса, как его наследника, были таковы, что требовали самых высоких эпитетов достоинства. У него был даже постоянный суд из *ὑέροντες*, из которых кажется очевидным, что по крайней мере некоторые, такие как Антенор, были наделены каким-то суверенитетом. Однако никого из семьи Илиан не называют по имени *ἄναξ ἄνδρῶν*.

2. Алкиной в "Одиссее" приводит еще один пример господина над господствующими, который не принадлежит к исторической греческой ветви и, следовательно, не называется $\nu\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$. Этот пример может показаться слабым из-за божественного происхождения феаков. Но если бы эта фраза, подобно $\kappa\rho\epsilon\acute{\iota}\omega\nu$, была лишь общим украшением, почему бы ее не применить к нему в том виде, в каком она есть, или к его брату Рексенору, или к его отцу Навситоусу? Если божественное происхождение феаков от Нептуна делает эту фразу неприменимой к ним, это само по себе является доказательством ее весьма специфической природы.

3. Опять же, можно спросить, почему Главк не был $\alpha\upsilon\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$, поскольку он происходил от эолидского владыки. Ответ таков: он больше не был вождем ни одного эллинского клана. Его дед Беллерофонт мигрировал просто как беглец в южноазиатскую страну, жители которой не имели с ним непосредственных расовых связей; и, находясь отдельно от своего первоначального племени, он не мог унаследовать титул его главы.

4. Сарпедон был дисквалифицирован так же, как и Главк, его брат, царь. Кроме того, он происходил не по мужской линии от Эола, а только через свою мать Гипподамию.

5. Опять же, среди греков. Почему, можно спросить, не было Пелея, или почему Ахилл не был $\nu\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\delta\rho\acute{\omega}\nu$? Здесь был престол над престолами: ибо Патрокл был не только $\nu\alpha\varsigma$, но и носил имя $\delta\iota\omicron\upsilon\epsilon\nu\eta\varsigma$, что подразумевает верховную власть; следовательно, Ментий, его отец, был таким же; но Ментий присутствовал при дворе Пелея. Феникс снова был наставником этого вождя, хотя он правил долопийцами благодаря дару Пелея, как он говорит нам,

$\kappa\alpha\acute{\iota}\ \mu'\ \alpha\phi\nu\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\nu\ \xi\theta\eta\kappa\epsilon$, $\pi\omicron\lambda\acute{\upsilon}\nu\ \delta\epsilon\ \mu\omicron\iota\ \acute{\upsilon}\pi\alpha\sigma\epsilon\ \lambda\alpha\delta\acute{\omicron}\nu$,
 $\nu\alpha\acute{\iota}\ \omicron\nu\ \delta'\ \acute{\epsilon}\sigma\chi\alpha\tau\acute{\iota}\eta\nu\ \Phi\theta\acute{\iota}\eta\varsigma$, $\Delta\omicron\lambda\acute{\omicron}\pi\epsilon\sigma\sigma\iota\nu\ \alpha\acute{\nu}\alpha\sigma\sigma\omega\nu$ [879].

Помимо того, что он занимал высокое положение и происходил из высшего рода, я думаю, из Списка ясно, что мирмидоняне, над которыми правил Пелей, были ахейцами и, следовательно, строго эллинской расой.

И снова, характер Ахилла совершенно ясно показывает, что его семья происходила из эллинского рода. Ибо именно в нем Гомер изобразил первейший образец всей греческой нации; и он, конечно, никогда бы не выбрал для этой цели какую-либо семью чужой или сомнительной крови.

Однако не в каждой эллинской расе или семье, а только среди известных по происхождению представителей главной или старших ветвей, мы вправе ожидать найти патриархальный титул. И еще меньше мы знаем, были ли мирмидонцы, хотя и эллинские и ахейские, основным племенем этого рода.

Свидетельства о происхождении Ахилла могут пролить дополнительный свет на эту часть вопроса.

В тех случаях, когда предполагалось, что длинная линия предков начинается с Юпитера, как, например, троянская генеалогия, несомненно, естественно рассматривать это как своего рода необходимое введение в период, за пределами которого память человека, пусть и без посторонней помощи, не простиралась.

Но когда мы обнаруживаем, что отцовство человека, современника Троянской войны, или какого-то его ближайшего предка связано с Юпитером, наиболее подходящей интерпретацией этого легендарного утверждения, по-видимому, является то, что они были, так сказать, *новыми гоминами*, которые, внезапно обретая известность и живя среди народа, привыкшего спрашивать у каждого проходящего незнакомца, кто были его родителями, но не имея родителей, которых можно было бы процитировать, или никого, кого стоило бы процитировать, позолотили свое происхождение, назвав своим отцом какое-то великое божество. Я не говорю сейчас об отдельном и в то же время родственном случае, когда аналогичный предлог использовался для прикрытия незаконнорожденности: например, чтобы не переходить из предшествующей нам линии, в случае сына Полидора[880], сестры самого Ахиллеса. Но один и тот же принцип применим к обоим: божественное прародительство использовалось для того, чтобы скрыть от посторонних глаз то, что было желательно скрыть, будь то позор благородной девушки или ничем не примечательное происхождение великого дома или героя. Таким героем, возможно, согласно этому правилу, был Геракл: такой дом более явно принадлежал Эакидам; ибо Эак, дед Ахилла, был сыном Юпитера[881]. Следовательно, он не представлял патриархальную семью и не мог носить этот титул.

Согласно внегомеровской традиции, мирмидоняне бежали из Эгины в Фессалию под предводительством Пелея[882].

6. Другие примеры можно взять из семейства Пелопидовых. Менелай из "Илиады" принадлежит к высшему разряду: он более царственный, чем другие цари[883]. В "Одиссее" он желает пересадить Улисса на часть своих владений (Од. iv. 174). И Эгиф действительно занимает в течение многих лет, во время изгнания Ореста, пелопидский трон: имя либо Менелая, либо Эгифа имеет метрическое значение, наиболее удобное для объединения с ἄναξ ἄνδρῶν: но ни тот, ни другой не были представителями великого ахейского дома Пелопсов, и, соответственно, ни тот, ни другой не получают титула.

7. Диомед - грек самого высокого происхождения: о нем единственном среди царей до Трои мы можем с уверенностью сказать, что он сам был героем, что герой был у его отца, герой у его дяди и герой у его деда. Эней, Тидей, Мелеагр - три имени, которые нелегко сопоставить в ранней греческой истории. Они также были недалеко от племени, как мы, вероятно, можем заключить из имени основателя расы, Портеуса, Разрушителя. Он был отцом Нея, а также ὄριος Грубого и μέλας Смуглого - все имена указывали на то, что первый этап прибытия в пределы цивилизации еще не пройден. Кроме того, он командовал одним из крупнейших отрядов, однако ни его, ни его дядю Мелеагра, Ахилла своего времени, никогда не называли ἄναξ ἄνδρῶν.

Причина, несомненно, в том, что в случае с семьей Нейдов нет никакой связи с ведущим греческим происхождением. Они не являются ни эолидами, ни пелопидами; и они не имеют никакого отношения к характерным названиям Эфиры и селеев.

8. Позвольте мне, наконец, обратить внимание на случай Нестора. Он был первоклассным воином. Его богатые владения предоставили для войны контингент из девяноста кораблей; больше даже, чем у Диомеда или у любого другого вождя, за исключением Агамемнона, у которого было сто. Его отец, Нелей, пользовался большой известностью. На самом деле он имел больше влияния в совете, чем любой другой вождь, и всегда брал там на себя инициативу.

Он происходил от Нептуна, который на самом деле был всего лишь его дедом, в то время как его бабушка, Тайро, вероятно, была, как мы выяснили, внучкой Эола.

Но он не мог быть ἄναξ ἄνδρῶν, потому что не происходил по прямой мужской линии от первичного предка Эола: он также не был главой племени эллинской расы, среди которой он правил, которая была ахейской (Il. xi. 759), поскольку ахейцы считали Пелопидов своими вождями. Кроме того, его отец Нелей, по-видимому, младший близнец, мигрировал с Севера, оставив, как это вероятно, во владении Пелиаса старшего. Таким образом, Нестор не представляет ни одной из четырех нотναξ ἄνδρῶν. И все же этот титул принадлежал незначительному родственнику, Эвмелу, его двоюродному брату, которого когда-то удалили, несомненно, потому, что он обладал ими.

Лица с примечаниями, но без названия.

Безусловно, верно, что есть несколько случаев, когда Гомер *не* применял титул ναξ ἄνδρῶν к конкретным лицам, которым он мог бы дать его в соответствии с предположениями относительно его значения, истину которых я попытался показать. Одним словом, они являются предками людей, которым он фактически присвоил этот титул. Но все они, такие как Пелопс и его род, Дардан с его родом до Троса и более ранние потомки Эола, упоминаются в поэмах по большей части лишь один раз, и редко более двух-трех. Теперь, поскольку Гомер часто упоминает без приставки ἄναξ ἄνδρῶν тех, кому в других случаях он ее дает, мы не вправе требовать ее применения ко всем лицам, способным ее носить, которых он упоминает всего один раз.

И опять же, если я прав, утверждая, что это был строго титул, привязанный к происхождению, то было совершенно излишне, когда он обозначал конкретного человека как ἄναξ ἄνδρῶν, награждать своих предшественников также этим титулом, потому что, как само собой разумеющееся, поскольку они были его предшественниками, это прилагалось к ним. Тогда не было никакой исторической цели, и никакой цели не было бы достигнуто, если бы Адмет, например, упоминался с этим титулом наряду с его сыном Эвмелом.

Но, признаюсь, мне кажется, что это в немалой степени подтверждает аргументы и выводы, изложенные на этих страницах, если вспомнить, что не только четыре правила определения смысла фразы подходят, насколько мы можем судить, всем шести лицам, к которым она применяется, но и что нет абсолютно ни одного другого живого человека, упомянутого в поэмах, которого они не исключили бы, за незначительными исключениями, сначала Адмета, который только что был упомянут, а затем Ореста. В "Илиаде" Орест упомянут только в одном отрывке (дважды повторяющемся) Девятой книги[884]. В "Одиссее" он назван несколько раз, но название ἄναξ ἄνδρῶν менее подходит к политическому состоянию Греции в том виде, в каком оно фигурирует в этом стихотворении, а также к предмету. Это никогда не появляется, разве что ретроспективно.

Возможно, несколько слов следует сказать о Поликсеине, внуке Авгия, который, вполне возможно, хотя и маловероятно, сохранил положение своего деда. Это вполне возможно, потому что мы не уверены в обратном; но наиболее маловероятно, потому что Авгий предстает как владыка эпейцев, а Поликсеин только как командующий их подразделением. Опять же, Поликсеин упоминается только один раз. Также очевидно, что потеря трона его дедом в результате революции в Элиде, естественно, могла положить конец применению титула в его

конкретном случае посредством процесса, точно такого же, как тот, из-за которого произошло его всеобщее и окончательное исчезновение, которое теперь так быстро наступило.

Действительно, было бы небезынтересно поинтересоваться, почему, хотя Гомер не использует эту фразу практически ни для кого, кроме Агамемнона, он, несмотря на это, позаботился зарегистрировать, так сказать, право собственности на нее от имени пяти других лиц. Я также не сомневаюсь, что справедливым ответом было бы то, что он сделал это потому, что, учитывая его исторические цели, он, возможно, считал делом национальных интересов присвоение титула такого своеобразного и примитивного значения.

Его исчезновение вместе с Гомером.

Но из всех негативных аргументов, которые стремятся показать, что ἄναξ ἀνδρῶν не было просто расплывчатым названием, ни на одном я не останавливаюсь с большей уверенностью, чем на его полном исчезновении в эпоху Гомера. Ибо это было не так с другими, менее своеобразными формами, βασιλεὺς, ἄναξ и κρείων. Хотя в реальном употреблении они были вытеснены термином τυραννός, который стал для греков типом верховной власти в руках одного человека, все же представление о них традиционно сохранилось. Соответственно, даже название βασιλεὺς применялось греческими писателями к современным царям за пределами Греции и к старым ушедшим греческим монархиям: и Фукидид выделил его в отдельный класс, где он описывает πατρικαὶ βασιλεῖαι[885]. Но фраза ἄναξ ἀνδρῶν, наиболее специфичная из всех, исчезает даже из ретроспективного употребления: и отсюда следует вывод, что ее собственное значение перестало быть представлено в институтах либо Греции, либо известного мира за пределами греческих границ; что оно ушло вместе с архаической системой, своеобразным символом которой оно было.

Даже независимо от прямых свидетельств, мы могли бы быть уверены, что патриархальный строй общества горцев не смог бы надолго пережить увеличение числа поселений на равнинах. Ибо богатство, которое создавали эти поселения благодаря возросшей эффективности труда, большей щедрости земли и усовершенствованным средствам связи и обмена, не могло не принести с собой сразу же новых искушений и новых источников беспокойства; тогда как искусству обуздания этого зла обучались лишь мучительно и медленно и в большинстве случаев неполностью. Среди горных племен могли быть войны и грабежи с целью удовлетворения сиюминутных потребностей; но накопленные богатства нельзя было украсть там, где их не существовало, за исключением простейших форм; и люди не свергают наследственную власть и не втягивают общество в революции без определенной цели.

Но Каталог, а также другие части гомеровских поэм показывают нам, как уже действовали указанные таким образом причины. Из греческих государств, включенных в это бесценное перечисление, некоторые, как прямо утверждается или подразумевается, управлялись монархически: например, микенцы, спартанцы, пилийцы, мирмидоняне, аркадийцы, эвбейцы[886] и этолийцы. Мы можем обоснованно заключить то же самое в отношении последователей тех великих вождей, которые рассматриваются как βασιλεῖς в основной части поэм: саламиняне и локрийцы, каждый под командованием своего Аякса, кефалленцы под командованием Улисса, критяне или часть из них под командованием Идоменея, аргивяне под командованием Диомеда. В каждом из этих случаев либо есть только один лидер, либо, как в двух последних, из текста становится очевидным, что названный первым руководитель является высшим по рангу. Вероятно, мы можем сделать вывод, что монархия преобладала во всех

случаях, включая афинян, когда появляется только один полководец. Выражение δῆμος, применяемое к Афинам, вполне совместимо с царствованием у Гомера. Но остается шесть случаев, когда существует множество лидеров, по-видимому, находящихся в равном положении. Это случаи

1. Беотийцы.
2. Жители Аспледона и Орхомена из Минея; которые на самом деле являются вторым беотийским контингентом.
3. Фокейцы.
4. Элианцы или эпианцы: которые отличаются от других тем, что формально разделены на четыре подразделения под руководством четырех лидеров и, следовательно, являются строго безголовными.
5. Нисурцы и др.
6. Жители Трикки, Итомы и Халии под предводительством сыновей Асклепия.

В отношении первых четырех из них заметно, что все они находились в сравнительно открытой и богатой местности; следовательно, подвержены влияниям, которые, как отмечает Фукидид[887], сделали Беотию, Фессалию и большую часть Пелопоннеса особенно подверженными революциям; и отсюда, несомненно, то, что Гомер поведал нам, что Амфион и Зетус построили стены для Фив, потому что без них они не смогли бы удержать их.

Что касается нисурцев, то, утверждая, что они находились под властью Фидиппа и Антифа, Гомер добавляет, что это были (Ил. ii. 679)

Θεσσαλοῦ υἱὲ δούω Ἡρακλείδαο ἄνακτος.

На котором мы можем наблюдать

1. Что власть, разделенная между ними, очевидно, была монархической в предыдущем поколении.
2. Что имя их отца указывает на то, что он родился в Фессалии[888], которая из-за своего богатства была особенно открыта для революций.
3. Что он был сыном Геркулеса, с именем которого так часто ассоциируются волнение и конвульсии.

В случае с сыновьями Асклепия существует то же самое предположение, что они разделили власть, которая была монархической: и хотя эпитет κλυμακόεσσα, данный Итому, местонахождение которого неизвестно[889], может указывать на грубую и пересеченную местность, все же территория находится в пределах Фессалии[890], и на реке Пенеус. Трикче был известен в исторические времена; и он упоминается у Гомера с эпитетом ἰππόβοτος, указывающим на плодородие.

Признаки политической дезорганизации.

Таким образом, здесь, и особенно в делах Ботиана и Элиана, мы имеем значительные признаки ослабления и постепенного распада старых шотландских институтов: я провожу различие между этими двумя и остальными, потому что там, где разделение происходит только между двумя братьями, оно могло подразумевать небольшое отклонение от монархической формы. И все же эта малость могла быть первой стадией отклонения, которое вскоре должно было вырасти до бесконечности.

Есть и другие указания на тот же эффект, как в "Илиаде", так и в большей степени в "Одиссее".

Например: династии *Æneids* исчез среди *Ætolians*^[891]: династии *Æolids*, и имя *Ephyre*, из Коринфа^[892]: *Polyxeinus*, внук *Augeias*, к ἄναξ ἄνδρῶν, не описан как ἄναξ, или Господь, на всех: Геракл разорил окрестные города *Ephyre*, и окрестные города *Пилос*^[893]: *Pelopemus*, воюет со своим *Heraclid* отношений, были вынуждены эмигрировать на Родосе: и все это с семьей Персеиды исчез перед *Pelopids*.

Изменения, наблюдаемые в "Одиссее", таковы, что связаны со своего рода потопом, который, по-видимому, распространился по лицу политического общества Греции. Они заслуживали бы всестороннего изучения в связи с точки зрения отношения этой поэмы к "Илиаде". Здесь нужно только заметить, что ἄναξ ἄνδρῶν нигде не появляется в действии "Одиссеи": эта фраза используется всего дважды, и то только по отношению к мертвому Агамемнону; и что частичное исчезновение этого слова из более поздних произведений Гомера, очевидно, сопровождает серьезное приближение к дезорганизации старого порядка вещей и идей в политическом государстве Греции.

Краткое изложение всего.

Теперь я могу обобщить результаты, насколько они связаны с настоящим предметом, всего нашего этнологического исследования.

1. Из гомеровского текста следует, что фраза ἄναξ ἄνδρῶν, по-видимому, относилась не к политическому превосходству или власти, или к личному героизму, или к различию в богатстве, или к божественному происхождению как таковому; но к архаичной форме суверенитета, которая постоянно объединяла ее с кровным главенством правящей семьи или клана, населявших страну, которая считалась колыбелью нации, или способных линейно проследить свое происхождение от этой страны. Традиция первоначального происхождения от Юпитера во всех случаях была связана главным образом с обладанием титулом.
2. В каждом из шести случаев, когда Гомер использует его, он, по-видимому, делает это в строгом соответствии с указанными таким образом правилами.
3. Непосредственной колыбелью тех греческих рас, которые обладали этим первоначальным титулом и происхождением, была Фессалия; а Фессалия Эллада была либо синонимом, либо частью.
4. Происхождение рас, правивших таким образом Элладой, следует искать среди эллинов, которые жили в горах вокруг Додоны, очевидно, с теми институтами, которые когда-либо были

характерны для горцев; и которые более верно, чем жители низменностей, представляют самый ранний тип человеческого общества, возникший в то время, когда его связь с семьей была еще ощутимой и близкой.

5. Сходство эллинов и дарданов, наряду с вероятностью данного случая, является убедительным доказательством их некоего общего родства с одной и той же ветвью великого ствола, от которой большая часть Европы была заселена их правящей расой.

6. Наконец, мы можем с разумными основаниями предположить, что патриархальная система, обозначаемая патриархальными правлениями вождей, которая была поколеблена перед троянской войной, была еще более сильно нарушена ею и ее прямыми и косвенными политическими последствиями; и что эта система исчезла еще до того, как началась линия греческих поэтов после Гомера, которую следует вести от Гесиода. Таким образом, основание для названия было удалено, само название естественным образом исчезло как из литературы, так и из истории; и если мы обнаружим, что в более поздние времена ключ к его значению был утерян, это всего лишь новый признак резкости и ширины разрыва, который лежит между Гомером и его преемниками, скудости непрерывных традиций и ограниченных средств, которыми обладали греки исторических эпох для исследования более ранних периодов их национального существования.

РАЗДЕЛ X.

О связи эллинов и ахейцев с Востоком.

Мы подошли к концу этого исследования, поскольку оно касается происхождения, характера и занятий пеласгов; характера эллинских племен и их отношений к пеласгам; и положения ахейцев среди эллинов, как первых национальных представителей эллинского происхождения. Но кто были эти ахейцы и откуда они пришли? В настоящее время мы можем описать их только отрицательно. Они не были потомками легендарного Ахея: они получили свое название не от греческой территории и не от какого-либо занятия, которому они следовали; и это слово не имеет очевидного корня в этимологии греческого языка.

Но мы видели явные указания на то, что эллинское название впервые возникло не на западной стороне Дарданелл: и если ахейцы были первыми вождями эллинов, почему бы нам не проследить их путь и за пределами Проливов и, таким образом, возможно, проследить также и эллинов, по их средствам и в том виде, в каком они представлены, вплоть до истока?

В то же время, если я возьму на себя смелость приписать эллинский народ какому-либо восточному происхождению и, опять же, предположить родство между этим народом и другими, которые также мигрировали из первых рассадников человека на Запад, то, я надеюсь, будет понято, что все подобные утверждения утверждаются не только как недоказуемые, но и как имеющие, даже в своих собственных пределах, лишь вероятную истинность, подлежащую, по молчаливому признанию, всевозможным оговоркам. Преемственность и смешение рас, языковые сочетания, сочувственное и имитационное распространение идей и институтов образуют массу явлений, достаточно сложных и трудных для описания даже современниками; тем более с помощью тех слабых и рассеянных лучей, которые мы можем найти в настоящее время, отбрасываемых на них.

Давайте затем продолжим рассматривать, какую помощь можно получить из других источников в поддержку тех предположений, вытекающих из текста Гомера, которые, как правило, связывают эллинов его времени и ахейцев как их ведущее племя с Востоком.

И здесь мы можем сначала обратиться к общим признакам расы и языка, к этнологическим свидетельствам, представленным ходом миграции из Центральной Азии в Европу.

Далее, обратимся к свидетельствам тех из древних авторов, которые обратили внимание на это распространение таким образом, чтобы в какой-то степени направить нас к истокам великих факторов греческой нации.

После этого мы зададимся вопросом, могут ли сами имена, которые используются у Гомера для обозначения современных греков, по сравнению с родственными именами в других местах, пролить на это какой-либо свет.

И, наконец, можем ли мы обнаружить в той части, к которой привели бы нас эти сведения, какое-либо из тех сходств в манерах и характере с греками, которые, если бы были обнаружены, предоставили бы наиболее удовлетворительное подтверждение аргумента в пользу происхождения одного из них от другого.

Труды этнологов объединили в одну великую семью, сначала названную индогерманской, а затем индоевропейской, но угрожающую расширяться даже за пределы этого всеобъемлющего названия, массу ведущих языков от кельтских регионов на западе до равнин Индии на востоке.

Высокогерманская и нижненемецкая расы.

Это большое семейство, говорит доктор Дональдсон^[894], делится на две группы. К этим двум группам соответственно принадлежат нижненемецкий и верхненемецкий языки: на первом говорят в равнинных странах к северу от Европы, на втором - в более горных странах к югу. Нижненемецкие языки содержат свидетельства более глубокой древности, и те, кто говорит на них, по-видимому, были вытеснены вперед в своих миграциях следовавшими за ними верховыми германцами: последние пришли в Европу через Малую Азию, первые - к северу от Эвксинского полуострова.

Это различие восходит к более раннему месту расселения расы в Ариане, или Иране, части Азии, которую можно условно определить как лежащую между Каспием и Индийским океаном на севере и юге, Индом и Евфратом на востоке и западе. В этих пределах можно обнаружить две формы языка, находящиеся в том же отношении друг к другу, что и та, которая существует между верхненемецким и нижненемецким языками; на первой, соответствующей верхненемецкому, говорили в странах юго-запада, где находится собственно Персия, а на другой - в ее более северных и восточных частях, центральную часть которых составляла Мидия. Население этого огромного тракта распространилось в направлении на юго-восток, через северные районы Индии; и снова в сторону Малой Азии и Европы, в направлении северо-запада. Те, кто пришли первыми, происходили из Мидии и составили основу так называемых нижнегерманских народов: сарматов, саксов, гетов (или скифов, или готов). Языком этих эмигрантов был тот, который, приняв организованную или классическую форму, и с должным учетом изменений, которые, должно быть, внесло время, стал языком, который в настоящее время лучше всего представлен, по крайней мере как литературный язык, санскритом.

Весь ход истории, по-видимому, указывает на борьбу рас в этой части света, что может быть использовано для иллюстрации настоящего исследования. В определенной степени место этой борьбы может быть указано на карте. От Каспийского моря к югу и от устья Персидского залива к северу суша вскоре поднимается на большую общую возвышенность, но с заметными и также весьма разнообразными неравномерностями. Мидия, по-видимому, занимала основную часть огромного центрального пространства, очерченного горами, образующими внешнюю линию этого возвышения. Это соответствует тому, что сейчас является провинцией Ирак, и Исфахан является ее главным городом. Здесь, говорит Малкольм[895], мы находим самый благоприятный климат, которым может похвастаться Персия. На юге, недалеко от Персидского залива, летняя жара невыносима: по мере продвижения страны к Ширазу климат становится умеренным и еще больше улучшается по мере продвижения на север, пока мы не приближаемся к холмам, которые отделяют Ирак от Мазендерана на Каспии, где он ухудшается.

Провинция Фарс, или собственно Персия.

Непосредственно к югу от Ирака, соприкасаясь с Персидским заливом, немного восточнее Каруна и Джероха, которые являются восточными притоками великих центральных рек Тигра и Евфрата, находится провинция Фарс, которая поднимается на холмы к своей столице Ширазу, а затем простирается в северо-восточном направлении к песчаным пустыням. Это провинция[896], где персидская раса все еще встречается в ее величайшей чистоте; и предполагается, что от этого трактата происходит название Персии, присоединенное европейцами к иранской империи[897]. От фарса или парса, поскольку считается, что существуют обе формы, происходит название парсы, которое носили огнепоклонники, которые мигрировали в поисках безопасности в Индию: и тот же корень, по-видимому, четко прослеживается в великом персидском племени Пасаргады, названном Геродотом[898] как ведущее племя страны. Но хотя провинция Фарс в настоящее время охватывает значительную территорию и отличается разнообразием климата, все, что известно о древних персах, по-видимому, связывает их особенно с ее более грубыми и гористыми частями: ибо у нас есть все основания полагать, что Геродот говорил правду, когда описывал так называемых персов как бедных, а их страну как суровую и бесплодную по сравнению с богатыми долинами Мидии, которые в древности привлекали и окупали труды земледельцев. Он был заселен, как говорит Геродот[899], κατὰ κώμας, то есть по пеласгийскому обычаю, в то время, когда Дейоцез занял трон.

Расовый конфликт между смелым горным народом, обладающим высшей энергией, и более развитыми, но также и более расслабленными жителями более благоприятного района, проявляется даже среди нечеткости самых ранних попыток истории. С этнологической точки зрения общий характер движения заключается в давлении, выражаясь языком доктора Дональдсона[900], верхов на нижнеиранцев; однако следует понимать, что терминами "Высокий" и "Низкий" я обозначаю различие в языке, а не в высоте местности. Свержение Мидийской империи персами, описанное в различных формах Ктесием и Геродотом, а также в Священном Писании, какой бы ни была его хронологическая эпоха, может быть воспринято как великий кризис в борьбе, в ходе которой высокие иранцы утвердились в стране Низких и достигли среди них постоянного политического господства. Революция магов, несомненно, ставшая мощной реакцией против этого господства, была непродолжительной. Вторжение скифов в Мидию, о котором Геродот сообщает как о происходящем из-за Эвксинского полуострова и Палус-Меотиды, но которое, более вероятно, было с востока Каспия[901],

указывает, вероятно, на другую форму этой реакции. Это вторжение произошло при Киаксаресе, внуке Дейока: и мы, возможно, можем считать, что Мидия в это время подверглась персидскому влиянию, возможно, в результате иммиграции групп персидских семей до общего господства этой расы, точно так же, как мы видим, что дома Элидов и семья Персея проникли в Южную Грецию до дней ахейской расы и общего господства эллинов в стране.

Было замечено сходство современного персидского с современным верхненемецким языком[902]: и даже считалось вероятным, по причинам, которые будут рассмотрены позже, что немецкое название могло произойти от этого квартала. Греческий ингредиент греческого языка относится к аналогичному происхождению. С другой стороны, нам говорят, что путешественник[903], придерживаясь скорее популярного, чем научного взгляда на язык, заметил сильное сходство между латинскими и современными славянскими формами. Опять же, структура латинского языка, поскольку она отталкивает некоторые более современные тенденции греческого, считается указывающей на древность, превосходящую древность греческого: и есть также мнение, что более древние греческие формы, как и латынь, несут на себе следы соответствия со славянским. Все это, как правило, подтверждает веру в то, что пеласги, составлявшие древнюю часть и основу населения Италии и Греции, были ответвлениями древних, или низкоиранских племен, и что более поздним элементом был высокоиранский или персидский.

Отношение германцев к кельтам.

Этнологические сходства, иллюстрирующие то, что здесь было выдвинуто, не ускользнули от внимания греческих и римских авторов. То, что Страбон сказал по этому поводу, заслуживает особого внимания. Его вывод немецкого названия из латинского слова *Germanus* действительно может быть проигнорирован как представление, которое нельзя поддерживать, хотя оно подтверждается мнением Тацита[904], что название появилось недавно: поскольку даже римские надписи показывают, что оно существовало за триста лет до этого историка. Однако очень примечательно, что Страбон утверждает, германцы и кельты были практически связаны: *μικρὸν ἐξαλλάττοντες τοῦ Κελτικοῦ φύλου τῷτε τῆς πλεονασμῶς ἀριότητος, καὶ τοῦ μεγέθους, καὶ τῆς ξανθότητος, δὲ καὶ τὰλλα παραπλήσιοι μορφαῖς, καὶ ἥθεσι, ὄντες καὶ βίοις*[905].

И к эллинам.

Итак, результатом всего, что мы до сих пор извлекали из Гомера, была бы связь кельтов с пеласгами, Мидией и странами Нижнего Ирана: 'германцев' - с эллинами и с Персией. Обратите внимание, как различия, отмеченные Страбоном между кельтами и 'германцами', соответствуют гомеровским различиям между эллинами и пеласгами. Во-первых, как ἀριότης: напомним, история названия Ἀργεῖος; использование Ἕλιος как Hellic имя собственное; отсутствие названия этого класса среди пеласгов; грубые манеры Хелли и Pheres; Тихого привычки, богатство, и передовые хозяйства Пеласг населения. Затем, что касается роста: как этот дар относится к богине Диане, как он является постоянным и неотъемлемым элементом красоты как для женщин, так и для мужчин, как греческие вожди в Третьей "Илиаде" выделяются из толпы ростом,

ὥς μοι καὶ τόνδ' ἄνδρα πελώριον ἐξονομήνης,
ὅστις ὅδ' ἐστὶ ν' Ἀχαιοὺς ἀνὴρ ἧς τε μέγας τε[906],

и как Ахилл, самый храбрый и могущественный военачальник этой армии, был первым также по красоте и размерам; ибо Аякс всегда записывается следующим за ним и в то же время предшествующим всем остальным[907]; за исключением Нирея, который был красив, но который как солдат был просто отбросом.

И, наконец, что касается каштановых волос, которые были у Гомера в таком почете. Менелай - это ξανθός (*passim*); как и Мелеагр (Ил. ii. 642); как и Радамант (Ил. iv. 564); Агамед (Ил. xi. 739); Улисс (Ил. xiii. 399, 431); наконец, Ахилл (Ил. i. 197). Но ни разу, я думаю, Гомер не наделял этим эпитетом пеласгийское имя. Никто из троянской царской семьи, столь известной красотой, не является αανθοί: ни один из Вождей, даже Молочай[908], чьи распущенные волосы Поэт дал нам столь красивое и даже столь страстное описание. Ничего пеласгийского, но Церера[909] в честь эпитета назван καλλιπλόκαμος. В этом вряд ли можно было отказать богине румяного урожая:

Извлечение золотистого цветка из комы[910].

Теперь Тацит, описывая германцев, дает им *перемирие и власть глаз, рутилий, великих корпусов*[911]. В его трактате приводится множество других примеров для сравнения.

Очевидно, что при сравнении названий скифов, гетов, готов, массагетов, Меси, Мизи они несут на себе признаки их собственного родства; и читатель найдет в Новом Кратиле доктора Дональдсона[912] различные указания, зафиксированные древними авторами о распространении Мидии на Северный Египет: а именно, у Геродота (ст. 9), Плиния (Hist. Nat. vi. 7) и Диодора (ii. 43). Последний из этих авторов признает сходство между языком греков и гипербореев (раздел II. 47): и Клеменса Александрийского, после произнесения ряд изобретений которого греки перед варварами, среди них слова Анахарсиса, которого некоторые помещенные греками среди своих 'семи мудрецов' и добавляет ἐμοὶ δὲ πάντες Ἕλληνες Σκυθίζουσι[913].

И снова Геродот (i. 125) дает нам список имен, принадлежащих различным племенам Персии: Персии, то есть Персии его собственного времени. Шесть из них являются оседлыми или сельскохозяйственными, а четыре - кочевыми. Из шести, Пасаргады являются первыми. Then come the Μαράφιοι and Μάσπιοι. Следуют еще трое, из которых одного зовут Γερμάνιοι. Точное соответствие названия сразу наводит на мысль, что современные немцы получили свое название от этого персидского племени. Но обычно это название происходит от *wehr* и *man*, или от *heer* и *man*, придавая ему военный смысл: и также отмечается, что[914] что, если бы оно имело этот смысл во времена Геродота, он, вероятно, отвел бы ему более высокое место в своем списке. Но он не дает нам понять, что он имеет в виду указать на эти племенные названия как на описательные названия различных классов в одном и том же гомогенном сообществе или как на имеющие, в какой-либо степени, кастовый характер. Первым трем он действительно приписывает политическое превосходство, ибо это были племена, с помощью которых Кир осуществлял свои замыслы. Но идея особых занятий и общественных обязанностей, по-видимому, не принадлежит даже им, и у других нет никаких признаков этого. Возможно, что Γερμάνιοι означало военный, поскольку κεφάλῃνες, по-видимому, означало Главу или вождя эллинов, и все же, поскольку последние не были вождями всех эллинов, первые не были солдатами всей Персии. Опять же, как δωριέες Гомера было незаметно в эллинской массе, но впоследствии и на той же самой арене достигло долговременного господства, так и, что еще

более естественно, могло случиться, что племя, второстепенное в самой Персии, могло занять или приобрело лидерство в миграции из нее на север и запад и, возможно, дало свое название народу, который впоследствии сгустился (так сказать) вокруг этой миграции.

Следы персидского имени у Гомера.

Нет недостатка ни в гомеровских, ни в постгомеровских следах связи между ранней Грецией и Персией. У Гомера Персей, отец линии пелопоннесских царей, является сыном Юпитера и Данаи[915]. Сын Нестора носит то же имя[916]. У нас также есть имя Περσεφόνηα, жены Айдодея или Плутона, и Персе, дочери Океана, которая родила Цирцею и Эета от Ἥλιος, Солнца[917].

Когда Гомер делает Персея сыном Юпитера, он, безусловно, подразумевает под этим правителем, как и под Миносом, что у него не было известной родословной по отцовской линии и, возможно, что он ложно претендовал на родословную по материнской линии в стране, где он достиг славы. Но далее, из употребления слова Ἀργεῖοι для обозначения подданных Персеидов и из сильной привязанности гомеровской Юноны к этой семье совершенно определенно следует, что они были эллинским домом, следующим за, вероятно, египетской династией Данаид. С них, по-видимому, начинается то, что Гомер считает подлинно национальной историей. Следовательно, Персей, вероятно, мог заимствовать свое имя непосредственно у северных эллинов. Почему бы ему не прийти в Эллину из Персии? Следует помнить, что у нас есть две другие связи с востоком: одна в Персее, дочери Восточного Океана, и невесте Солнца, другая в Персефонии, χυλλοῦσα, как я надеюсь показать при рассмотрении Внешней географии, находятся в том же квартале.

У Геродота мы находим предание о том, что Персей посетил Цефея[918], персидского царя, в период, когда греки называли людей Цефенами; что он женился на своей дочери Андромеде, и у него родился сын Персес, который остался после него, наследовал Цефею и дал его имя стране. Эта история выглядит явным вымыслом, призванным скрыть то, что, возможно, было фактом; что Персей, который у Гомера сам выглядит иммигрантом в Пелопоннес, был чужаком и получил свое имя от имени персов. Так вот, это была версия, распространенная среди персов; они сообщали, что Персей, рожденный одним из них, стал эллином, но что его предки не были эллинами. К этому персидскому рассказу Геродот, по-видимому, присоединяется сам: и он утверждает, что греки считали эллинских царей вплоть до Персея[919], но что до него они были египтянами. Это полностью согласуется с тем, что можно почерпнуть из косвенных, но последовательных и сходящихся замечаний Гомера. И опять же, вся масса позднейших сообщений о Персее поддерживает его тесную связь с тем внешним кругом преданий, который я обозначил как финикийский; с Горгонами Гадеса, с Тартессом на Океане, с Эфиопией и Атласом. Наконец, сохранение этого имени в качестве царского вплоть до полного исчезновения национальности в Греции — поскольку последним македонским царем был Персей — вероятно, может быть связано с потоком традиций, который вывел из Персии старейшего из национальных монархов.

Ахейское имя в Персии.

Опять же, мы обнаруживаем, что имя Ἀχαιοί было великим описательным названием эллинских рас в гомеровскую эпоху. И все же в нем нет ни малейшего намека на эллинское или европейское происхождение. Поэтому давайте посмотрим, можем ли мы найти на Востоке что-

либо, хотя бы на первый взгляд замаскированное, близкое к нему. Теперь Геродот сообщает нам, что в ведущем племени Пасаргад была семья (φρίτρη), из которой произошли персидские цари; семья $\alpha\iota\mu\epsilon\nu\acute{\iota}\Delta\alpha\iota$. Даже если бы было нелегко проследить способ родства, казалось бы неизбежным признать связь между именем Ἀχαιμένης , или тем, что является надлежащим персидским корнем этого греческого отчества, и $\tau\epsilon\mu\iota\alpha\alpha\iota\acute{o}\iota$, которых мы находим во главе греческих рас. Эта связь получает своеобразную иллюстрацию у Страбона, который, описывая азиатскую страну под названием Ария, которая дает название арийской расе, утверждает, что в ней есть три города, названные в честь их основателей: Артакена, Александрия и Ахайя. Артакей был выдающимся персом из армии Ксеркса. Имя Александр говорит само за себя. В отношении любого из них можно понять, что Страбон говорит о том, что, начиная с соответствующих дат, могло быть подлинными историческими традициями. Но он ничего не знал и не мог знать о персидском Ахее как основателе третьего города. А греческий Ахей, если он вообще существовал, принадлежал другой стране и к доисторической древности. Однако реальная сила традиции, сообщающей, что эти города носили имена своих основателей, кажется довольно очевидной. Это, несомненно, должно означать следующее: они носили одни и те же имена во все времена на памяти человека. Таким образом, мы имеем ахейское название, перенесенное местным свидетельством, существовавшим во времена Страбона, в отдаленную древность: там оно находит опору в "Ахеменидах" Геродота: и оба этих автора, я думаю, становятся свидетелями происхождения Ἀχαιοί Гомера из Персии[920]. Я не имею в виду, что Ахеменид, который, согласно Бехистунской надписи, дал свое имя Ахеменидам, был отцом ахейцев из поэмы, поскольку он, по-видимому, жил всего за пять поколений до Дария. Но совпадение имени правящей семьи в Персии и господствующей расы в Греции свидетельствует, в согласии с другими свидетельствами, о предполагаемой идентичности происхождения.

Представляется также, что рассматриваемое таким образом название вполне могло иметь свои корни в древнем арийском языке, если судить по его дошедшим до нас формам. Слово, обозначающее "друзья", согласно сэру Х. Роулинсону, есть в санскрите *сакха* и в персидском *хахе*.

"Имя Ахименес означает "дружелюбный" или "обладающий друзьями", образовано от персидского слова *hakha*, соответствующего санскритскому *сакха*, и атрибутивного аффикса, эквивалентного санскритскому мату, который образует именительный падеж в человеке. Н.Р.[921]

Таким образом, слово, если мы можем положиться на этот высокий авторитет, при переходе в греческий язык не претерпевает никаких других изменений, кроме потери начального придыхательного (в то время как второе сохраняется в χ) и добавления греческого окончания $\chi\varsigma$ или $\alpha\omicron\omicron\varsigma$. В этом описании правящей расы, основанной на их общих связях как единомышленников, есть что-то похожее на европейское и феодальное название пэров.

Действительно, в Персии все еще существует другое название - эллиаты, или кочующие племена, форма которого и обстоятельства, при которых оно появляется, вскоре будут рассмотрены[922].

Теперь мы получили различные сведения, которые указывают нам на персов как на вероятных предков греков. Все еще остается выяснить, можем ли мы на основе истории древней Персии

предположить, что благодаря существовавшим там сходствам между ними существовали заметные признаки родства.

Персы согласно Геродоту.

Геродот дал нам замечательный и, по-видимому, подробный отчет о древних персах как в том, что касается религии, так и в том, что касается нравов, которые в целом демонстрируют поразительное сходство с Грецией, а также склонны приписывать это сходство скорее эллинам, чем пеласгам.

Проводя сравнение, мы должны специально учитывать два источника ошибок. Эллинские племена времен Гомера, вероятно, на протяжении не менее восьми или десяти поколений (поскольку мы прослеживаем, что дарданцы жили на их собственной территории в течение семи поколений, персеиды и эолиды - в течение шести) отделялись от родительского племени и вполне могли изменить свой характер и обычаи, особенно с тех пор, как они смешались с пеласгами на равнинах. И опять же, рассказ Геродота, вероятно, на 500 лет или больше позже, чем нравы, описанные у Гомера. Персы его времени долгое время смешивались с мидянами: и, как он сообщает нам,^[923] переняли их костюм: вероятно, вместе с ним и многое другое.

Сравнение с религиозной верой.

У персов, говорит Геродот^[924], нет ни храмов, ни алтарей, ни статуй богов. Тацит^[925] дает похожий отчет о германцах. Из них Гомер позволяет нам ясно проследить алтари, которые были приняты эллинскими расами в период *Троики*. Но тенденция к развитию жречества среди пеласгов, возможно, имела свой аналог в "символике и сложном церемониале сми"^[926].

Они поклоняются Юпитеру с высоких мест. То же самое делал Гектор. У нас нет оснований утверждать то же самое о троянцах в целом, но место, отведенное Юпитеру на Иде, и вся структура Олимпа, вероятно, также план восхождения на небеса путем нагромождения гор одна на другую, - все это относится к одному и тому же ходу мыслей.

Они, если мы хотим принять это утверждение, называют весь небесный круг именем Юпитера. Это же доля вселенной, которая в гомеровской мифологии выпадает на долю Юпитера, и имя Ζεὺς, как говорят, идентично санскритскому *Dyaus*, что означает "небо"^[927]: "смысл, который мы находим в *sub dio* и *sub Iove* из латинские писатели, принадлежащие к эпохе Августа. Однако это элементарное представление о нем, вероятно, скорее мидийское, чем персидское.

Первоначально они не поклонялись Венере (Ἀφροδίτην); но они научились поклоняться ей у других, по-видимому, у мидян или ассирийцев. Это замечательно согласуется со случаем гомеровских эллинов, которые, похоже, в его время только приближались, а не полностью принимали поклонение Венере^[928].

Они считали огонь богом^[929]: в этом они отличались от египтян, которые считали огонь животным.

Итак, мы обнаруживаем, что поклонение Вулкану, по-видимому, скорее эллинское, чем пеласгийское, и что легенда о его происхождении отчетливо указывает на то, что для Гомера было самым дальним востоком^[930].

Они с особым почтением относились к риверсу[931]. Наиболее убедительные свидетельства этого мы имеем у Гомера среди греков относительно Алфея, Сперхея и реки Схерия: реки также почитались более отчетливой персонификацией, чем приписывалось другим природным объектам. Со Скамандром, действительно, обращаются подобным образом. Но это исключение из общего способа представления: и никакая другая троянская река активно не персонифицируется[932]. Скамандр обращается к Симоису (Il. xxi. 308), но сам он немой.

Это, однако, частные моменты: давайте также рассмотрим более широко общие очертания персидской религии, которые дал нам Геродот.

Они, по его словам, не считали, как греки, что боги были (ἄνθρωποφύεας) антропофуистами[933]. Они называли весь небесный круг именем Юпитера. Первоначально они не поклонялись никаким богам, кроме солнца, луны, земли, огня, воды и ветров. Впоследствии они научились у ассирийцев и арабов поклоняться Οὐρανῷ под именем Митры.

Я не буду пытаться в этом месте обсуждать сложную тему персидских или магических религий такими, каковы они сами по себе; ограничусь замечанием, что они, по-видимому, отличались друг от друга. Здесь нам нужно только рассмотреть связь, если таковая вообще существует, между той системой, которую описывает Геродот, и религией героической Греции.

Похоже, что религия персов[934], либо предшествующая, либо независимая от религии Зороастра и магов, включала (1) веру в единого Верховного и бестелесного Бога и (2) поклонение воинству небесному.

Набросок Геродота, по-видимому, отражает эту религию: он не содержит свидетельств дуализма, и поклонение огню фигурирует в нем лишь как второстепенная характеристика. Только может показаться, что историк отразил в отношении Персии ведущую идею греческой мифологии, а именно ту, которая наделяла Юпитера как верховное божество, особенно властью над небом и атмосферой: и что, когда он говорит, что персы называют небеса Юпитером, он, вероятно, имеет в виду, что они считают, что Высшее Существо не ограничено, но пронизывает все пространство. Силам внешней Природы они, несомненно, поклонялись в первую очередь как органам Высшего Существа.

В этом наброске есть что-то, что напоминает нам о примитивной религии или, по крайней мере, наводит на мысль о традиционных формах, в которых эта религия передавалась: она учит единству Бога, а затем переходит только в самую естественную и непосредственную форму отклонения. Доктор Деллингер правильно назвал это "монотеизмом с политеистическими элементами"[935].

Это не похоже на гомеровскую религию, поскольку не содержит никаких свидетельств традиционного происхождения, почти столь обильных или столь специфичных, какие, я думаю, мы обнаружим в гомеровской системе[936]. Но тогда мы должны помнить, что она на много веков моложе системы Гомера и что в эпоху, когда жил Геродот, эти свидетельства в современной религии Греции стали гораздо менее ощутимыми.

С другой стороны, что касается ее человеческого, изобретательного и политеистического элемента, то она, очевидно, сродни гомеровской религии; при ней Природа повсюду

оживляется и возвышается, и в каждой поре она изобилует тем или иным проявлением божественности. Греческая схема действительно еще более человечна (поскольку она повсюду носит человеческое одеяние), более поэтична и богата воображением, чем персидская; но порождающий принцип один и тот же, а именно олицетворение, хотя и не обязательно в обоих случаях одинаково в человеческих условиях, всех сил, наблюдаемых и ощущаемых во внешней природе. Вся группа вполне может напомнить нам, как по букве, так и по духу, о призывании Агамемнона, который после Юпитера перечисляет солнце, реки и землю: хотя он также добавляет адских богов[937]. Из другого места у Геродота мы узнаем, что он знал, что персы верили в адское божество, которому они приносили человеческие жертвы[938].

Если мы представим себе, что персы движутся на запад и по пути набираются умственной, творческой, а также воинственной и политической энергии, мы увидим, что они лишь расширяют схему, описанную Геродотом, путем последовательного применения ее принципов и следуют им в духе воображения и драматизма до достижения результатов, когда они населяют божествами каждый луг, лес и фонтан, и когда они строят великий олимпийский двор для небес с его несколькими отражениями; в море, вокруг трона Нерее и в нижнем мире. , под мрачным влиянием Айдонея и Персефоны.

Что касается ритуала и других сходств.

Геродот[939] также дает нам общее представление о персидской ритуальной системе. Каждый человек приносил жертву ради себя: без возлияний, музыки, гирлянд или тортов: только в подходящем месте и с тиарой, увитой обычно миртом. Выполнив основную часть ритуала, *Маг* читал религиозное песнопение; и никто не мог совершать жертвоприношение иначе, как в присутствии *Мага*. Очевидно, что мы видим здесь, если не то, что думает м-р Блейкли[940], путаницу, во всяком случае, сочетание подлинного персидского языка со срединным ритуалом. Требовалось присутствие Мага, или давайте предположим, что это было просто обычным делом: однако он не принес жертвы. Возможно, это был компромисс между жреческой системой пеласгов и независимым или патриархальным принципом эллинов, которые демонстрируют нам сначала $\rho\phi\eta\tau\alpha\iota$, затем $\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\epsilon\varsigma$ и $\iota\upsilon\upsilon\upsilon\omicron\sigma\kappa\omicron\omicron\iota$, но которые, похоже, ничего не знают о священниках, как между собой.

Подобно эллинским расам, персы древности отличались личной скромностью. Они не практиковали никаких противоестественных пороков, пока не научились этому в Греции[941]. Они чрезвычайно высоко ценили свою собственную расу, которую почитали намного выше всех остальных[942]. Различные социальные отношения среди тех, кто был близок, были отмечены различиями в поцелуе[943]. Равные целовались устами, неравные - устами одного в щеку другого; в то время как лица, стоящие значительно ниже, падали ниц. В "Одиссее" Улисс целует своего сына Телемаха (несомненно, в лицо) (Од. xvi. 190), а Пенелопа целует Телемаха в голову и глаза (xvii. 39); но Улисс целует царя Египта, когда тот просит (xiv. 279), в колени, а раба Долия в руки (xxiv. 398): он целует Евмея и Филтиуса в голову и руки, когда они обнимаются, но не целуют его (xxi. 224, 5) . Долий держал Улисса за руку, и не более того. Но вождя целует в голову и глаза его бабушка (Од. xix. 417.)

Как и греки, персы берегли волосы в знак траура. Они считали ложь самой постыдной из всех вещей. Также было позорно, когда тебя называли женщиной[944]. Опять же, персы во времена

Креза были горцами[945], лишенные всех жизненных удобств, точно так же, как Ахилл описывает эллинскую округу Додона. Как и $\kappa\alpha\tau\alpha\kappa\omicron\rho\acute{\omega}\nu\tau\epsilon\varsigma\ \text{Ἀχαιοὶ}$, они носили длинные волосы[946].

Все это точки схождения. С другой стороны, есть два момента расхождения, на которые можно обратить внимание. У персов было много жен и наложниц, и они не сжигали своих мертвецов. По первому из этих пунктов расхождения с греками персы были в гармонии, по крайней мере, с правящей расой Трои; а полигамия всегда должна быть делом правящих рас или немногих избранных.

Фрагмент старого историка Ксанфа[947] заставляет нас предположить, что они унаследовали эту привычку от мидян, у которых, согласно этому автору, не было закона об инцесте и они свободно обменивались своими женами.

Во втором пункте они отличались от Трои: троянцы, как и греки, сжигали своих мертвых.

Также в персидском обычае было приглашать женщин на свои банкеты[948]. Однако следы этой последней практики есть, по крайней мере, в олимпийских пирах Гомера. И ясно, что Арета, царица Алкиноя, была на феакийском пиру (Od. vii. 49, 50, 147, 8): но это, возможно, было связано с необычным почетом, которым она пользовалась (Od. vii. 67). Чаще всего гречанки не появляются за трапезой с мужчинами.

Пока что мы, по-видимому, руководствуемся текстом Геродота, стоящим особняком. И следует иметь в виду, что Ктесий, как о нем сообщается у Фотия[949], хотя он осуждает Геродота как рассказчика неправды и противоречит ему в своем повествовании, не подвергает сомнению его рассказ о религии и нравах.

Свидетельство о Бехистунской надписи.

Но открытие и расшифровка Роулинсоном Бехистунской надписи проливает дополнительный свет на этот вопрос и в высшей степени подтверждает общие выводы, к которым мы стремились. Маг, названный Смердисом[950] Геродотом, фигурирует в этой Надписи под именем Гоматес: и теперь продемонстрировано, что переворот, который он совершил, или которым он воспользовался, и который был обращен вспять Дарием, был религиозным, а также политическим. Ибо, гласит Надпись, 'когда Камбиз отправился в Египет, государство стало нерелигиозным'. Затем рассказывается, что Гомат получил империю. Но, говорит Дарий, 'Я боготворил Ормузда. Ормузд оказал мне помощь'. 'Тогда я с верными людьми убил Мага Гомата.... Милостью Ормузда я стал королем. Ормузд подарил мне империю.... Я запретил обряды, которые ввел Гоматес-Маг. Я восстановил песнопения и богослужение в государстве и в тех семьях, которых Маг Гомат лишил их'. Таким образом, Дарий представляет в этом великом деле персидскую партию и ее религию в противовес мидянам и магам. Отсюда возникает прямое предположение, что маги были собственно средним классом и были приняты в персидскую систему только вследствие связи и политического слияния персов с мидянами.

Опять же, с политической точки зрения, мы имеем дело с персами, явно стоящими в том же отношении к мидянам, в каком эллины относились к пеласгам. Нуждающиеся горцы[951] нападают на более богатых и продвинутых жителей центральных долин и подавляют их: под

руководством выскочки-мага последние пользуются отсутствием суверена, чтобы взбунтоваться, но после короткого перерыва они, наконец, подавлены.

Политическая система Дария.

Дарий, получив трон и установив персидское господство, приступил к организации империи; и он, по-видимому, проявил в этой великой сфере тот же самый глубоко политический склад ума, какой эллинские расы проявляли в своих миниатюрных, но все же необычных государствах. Он разделил империю с помощью кадастровой системы, подчиненной губернаторам провинций; и он установил повсюду фиксированные ставки дани. Это были большие отступления от древнегреческой формы суверенитета; но сейчас мы на пять столетий опередили героическую эпоху; и, кроме того, мы должны помнить, что отцовские и повсеместно установленные формы правления, которых будет достаточно для очень маленьких государств, не всегда применимы к большим. Тем не менее, как мы узнаем из Геродота, нововведения Дария вызвали сильное возмущение персов, которые при Кире и даже при Камбизе ничего не знали о фиксированных ставках налогообложения, но предлагали трону благосклонность (δῶρα)[952]; и вошла в моду поговорка, что Кир был отцом, Камбиз - сыном. самодержец (δεσπότης), а Дарий - торговец (κάπηλος).

"Теперь ты хозяин Англии, а не король"[953].‘

Кажется, мы имеем здесь убедительное свидетельство изначальной идентичности персидских и эллинских идей правления.

Также стоит отметить, что в случае с Миносом, который, по-видимому, владел большой и разрозненной империей, мы имеем традиционные и даже гомеровские указания на некоторые действия, не совсем отличающиеся от действий Дария. Ибо этот принц, согласно Фукидиду, управлял островами через своих сыновей, то есть провинциальной организацией под руководством местных чиновников[954]; у Гомера мы находим Радаманта, действующего на расстоянии, вероятно, от его имени; и мы, возможно, отсюда можем предположить, что в традиции, впоследствии столь одиозной, была правда, что он обложил данью тогдашних пеласгов. Аттика. Минос действительно был известным финикийцем, но у Гомера финикийская и персидская традиции тесно переплетены, и поэт, по-видимому, рассматривал Финикию как носителя, возможно, даже символа многого персидского. Я полагаю, что даже географически он расположил эти две страны в очень непосредственной близости.

Также представляется вероятным, что мы можем рассматривать длительное применение греками термина βασιλεὺς к персидским царям как относящееся к первоначальной идентичности расы и нравов. Это было их собственное первоначальное имя для монарха. Когда древние монархии исчезли, исчезло и это название из их употребления; и обладатель единоличной власти у греков, во всех случаях получивший ее путем подавления свободы, стал называться τύραννος; но слово βασιλεὺς продолжало использоваться по отношению к Персии, где цепь традиций не была разорвана и где монархия никогда не переставала господствовать; так что не было причин для изменения употребления или для отклонения от древнего уважения и почтения к обладателю власти. трон. Опять же, традиционный трон Лакедемонян продолжал занимать βασιλεὺς [955].

Ибо слово βασιλεὺς обладало необычной силой; и вплоть до очень позднего времени оно, должно быть, было окружено почтенными воспоминаниями. Его носили императоры

Константинополя и даже временами отстаивали как титул, отличающий их от императоров Запада. Хотя по сути оно греческое, оно также было написано латинскими буквами. В отличие от слова *Rex*, оно, по-видимому, никогда не применялось к какому-либо правителю, который пользовался лишь производной властью. Он зашел так далеко на запад, что достиг нашего собственного острова: и король Эдгар в хартии называет себя *Anglorum Basileus, omniumque Regum, Insularum, Oceanique Britanniam circumjacentis, cunctarumque nationum, quæ infra eam includuntur, Imperator et Dominus*^[956].

Эллинские черты в современной Персии.

Даже сейчас, после стольких веков превратностей, персидский язык имеет множество точек сходства, возможно, большего, чем мы можем найти в самой Современной Греции, с примитивным и героическим греческим гомеровским. В целом, без сомнения, он стоит на более низком уровне. Ложь, пьянство, противоестественный порок^[957], деградация женщин - все это сейчас широко распространено в Персии. Но таких вещей следовало ожидать после стольких веков отчуждения от богооткровенного знания о Боге, морального осквернения, политической депрессии и плохого правления. Но с учетом этих свидетельств и изменений в магианстве и магометанстве, старые черты все еще сохраняются, и они, на наш взгляд, представляют собой многочисленные предположения об идентичности.

Персы^[958] по-прежнему известны гостеприимством и любовью к показному: в высшей степени утонченными манерами и большой личной красотой. Они по-прежнему сильно любят поэзию, песни, а также музыку, хотя их практика в этом искусстве груба и проста: они по-прежнему ассоциируют поэзию (иногда распушенную, как в "Восьмой Одиссее") с декламацией и банкетом; и, когда Малкольм писал, книгопечатание все еще было неизвестно среди полезных искусств страны. Они страстно любят лошадей, много внимания уделяют охоте и конным скачкам^[959]. Литераторов уважают, и их общество ценится, даже если в "Одиссее" Бард входит в число тех, кого мужчины привыкли приглашать на ужин^[960]. По случаю свадьбы они устраивают продолжительные праздники продолжительностью в три дня для бедных, а затем до тридцати-сорока дней для высших слоев общества. Среди великой порочности большая часть сыновнего благочестия и материнского влияния остается^[961]. Замечено, что они обычно не называют женщин по имени^[962]. Подход к этому воздержанию есть в гомеровских поэмах, где часто встречаются имена мужчин, а также богинь в звательном падеже, но я не уверен, что у нас есть какие-либо примеры обращения к женщине по ее собственному имени на протяжении "Илиады" или "Одиссеи". Но, безусловно, одна из самых любопытных черт сходства заключается в том, что вместе с их высокой и утонченной вежливостью они сохраняют склонность, когда находятся в сильном возбуждении, к своего рода каннибальской свирепости. Недавний автор утверждает, что^[963] следующие анекдоты. Несколько лет назад вождь одного племени убил в междоусобице вождя другого. Вскоре после этого на него напали во время путешествия, схватили после яростного сопротивления и казнили. Его сердце, если мы можем верить рассказу, было затем зажарено и съедено матерью его бывшей жертвы. И еще: муж красивой молодой женщины был убит вождем-соперником. Вдова, которая была очень привязана к погибшему воину, подробно описывала события катастрофы, а затем, воздев руки к небу, молила Али передать убийцу в ее руки, 'чтобы, вырезав его сердце, я могла сделать из него кибавы и съесть их перед смертью'. Это, безусловно, наиболее убедительные доказательства того, что Гомер действовал со своей обычной правдивостью наблюдателя и летописца человечества, когда он шокировал нас, заставляя Ахилла желать съесть Гектора, а Гекубу -

Ахилла; более того, даже когда он еще раз доказывает, что эта идея была знакома его расе и эпохе, заставляя Юпитера сказать Юноне, что она, по его мнению, была бы вполне довольна съесть Приама и всех его сыновей.

Эллиаты: Мидия и пеласги.

Однако, чтобы полностью оценить сходство греческого и персидского языков, мы должны принять последний в том виде, в каком он встречается у военных племен провинции Парс или Фарс. Члены этих племен - в основном всадники, все солдаты и все разбойники. Но они питают отвращение к имени и характеру вора; в их глазах грабеж искупается насилием, и это, очевидно, сопровождается проявлением щедрого и деликатного гостеприимства. В других местах Персии преобладает много унижительных обычаев, и к женщинам относятся главным образом с целью чувственного использования; но среди этих военных племен они ценятся более высоко и отличаются замечательной скромностью и целомудрием; при этом они проявляют невинную свободу в своих добрых услугах незнакомцам^[964], что сразу же напоминает греческих дев из "Одиссеи". Супружеская измена карается смертной казнью. Александр Македонский пытался поселить эти племена и привить им земледельческие привычки; но они не поддались его усилиям и до сих пор остаются подобными древним элли с холмов, когда они нависали над пеласгами из долин. Следует отметить, что они особенно упоминаются в этео-персидской провинции Фарс: и далее, что они носят название Eelleat^[965], что, по крайней мере, имеет поразительное сходство с именем элли. Аспират будет проходить в два раза ε, как ἥλιος в ἥελιος, или ἔδνα в ἔεδνα. Итак, Хелли - это эквивалент Элли.

В общем, древние персы, как и эллины, принадлежали к арийской расе, обладали горским характером и привычками, были жителями грубой страны: по-видимому, дети Иафета, близкие к эллинам и менее ощутимые к осси и умбри.

Мидийцы в *гражданском отношении* находились на более продвинутой стадии социальной жизни и обладали большим богатством, но были наделены более низкой энергией. Многие предполагают, что они принадлежали к расе хама: населяли Египет и были родственны древним сикани, баскам, эстонцам, лопарям и финнам современной Европы. Для целей настоящего исследования их, по всей вероятности, следует рассматривать как непосредственный источник широко распространенных пеласгийских рас.

Мы начали с предупреждения мистера Грота: и я боюсь, что мы заканчиваем под подразумеваемым запретом другого очень способного и недавнего писателя, доктора Латама^[966]. Он считает, что мы не располагаем никакими фактами в отношении пеласгов, кроме этих трех, столь незначительных и столь неспособных к эффективному сочетанию, которые признаны г-ном Гроте^[967]. Но принцип, который он излагает, - это тот самый принцип, по которому я хочу, чтобы меня судили. Он говорит, что ученый находит ποῦ οὖν *изречении* того или другого автора, но здравомыслящий этнолог 'опирается на последний засвидетельствованный факт': он требует за основу 'существующее положение вещей, известное либо нам самим, либо современникам, способным изучить их в ближайший к рассматриваемому период времени'. Мне кажется, что текст Гомера, насколько это возможно, отвечает этому требованию: его рассказы о пеласгах, эллинах и ахейцах, когда мы можем до них добраться, и когда мы принимаем во внимание его эпоху и средства получения информации, явно подпадают под значение 'подтвержденных фактов' в отношении этого конкретного предмета. Я признаю, что из-за их случайного и часто бессознательного характера существует

большая вероятность ошибки при попытке выявить их; но я утверждаю, что почва под ногами прочная; и что, хотя мы можем сбиться с пути, путешествуя по ней, все же мы не пытаемся наступить на зыбучий песок. Что касается успеха, с которым этот принцип был применен здесь, я не слишком оптимистичен; но я искренне отстаиваю сам принцип, потому что верю, что он, будучи принят, законно приведет к своим собственным результатам, и что они станут немаловажным дополнением к основным фактам этой великой отрасли философии, истории, и прежде всего ранней истории человека.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Страница 106. О возможной миграции доднейского оракула см. Ниже, стр. 238.

С. 126. О теории Курция относительно ионийцев см. стр. 480.

С. 153. Богатство египетских Фив было известно Ахиллему; см. Ил. ix. 381.

С. 167. Рождение Миноса будет более подробно рассмотрено в связи с Внешней географией "Одиссеи". О древнем и обширном влиянии Финикии на Крит см. "Криту" Хека, том i, стр. 68 и далее.

С. 186. О слове *волчанка* см. "Дорийцы" Мюллера, II. vi. 8, 9, чтобы узнать о его связи с λευκός, λυκῆ, λυκηγενής, или рожденные светом, и люкс.

С. 306. В качестве общего подтверждения того, что было сказано выше по поводу языка, я могу сослаться на Römische Geschichte[968] Моммзена, которая не попала мне на глаза, когда Седьмой раздел вышел в печать.

Его выводы таковы;

1. Соответствие греческого и среднеитальянского языков в том, что касается зачатков материальной жизни человека.
2. Что в высших областях разума, религии и развитого государственного устройства это соответствие полностью отсутствует.
3. Что греко-италийский согласуется с санскритом только на пастушеской стадии общества и исчезает с началом земледельческой и оседлой стадии.
4. Абстрактный гений римской религии имеет такое же отношение к греческому антропофизму, как законченная индийская мифология к метафизической схеме Зендавесты.

Мне кажется, что он склоняет чашу весов в пользу Рима, но его заявление вполне оправдывает внимательное рассмотрение.

Он приводит следующие слова, которые я бы добавил к приведенным выше спискам. В целом они подтверждают выводы, к которым я пришел.

χόρτος	гортус.
κέϋχρος	cicer.

μελίνη	милиум.
πολτός	пульс.
μύλη	мола.
ἄξων	axis.
ἄμ-αξα	
ποιίνη	рæна.
κρίνω, κρίμα	crimen.
ταλάω	talio.
χίτων	tunica.

И, принадлежащий к более высокой области —

σκύτος	щиток (с изменением или прогрессированием смысла).
λόγχη	ланца.
τέμενος	templum.

Среди них связь τέμενος и templum, по-видимому, требует дальнейших доказательств.

Я должен добавить слово κῆλον, которое, по-видимому, находится в более близком соответствии, чем βέλος с *telum*. С другой стороны, я могу отметить оор для *меча* и ὄχος, ηημα для *колесницы*, как среди слов, не соответствующих друг другу.

С. 311. Add Φείδιππος. Il. ii. 768.

С. 313. Утверждение о лицах, убитых Гектором и Марсом, неточно. Семь первых имен, насколько нам сообщает текст, неразличимы, за исключением Тевтраса, которого зовут ἄντιθεος; и среди этих семи у нас нет имени, которое явно имеет эллинскую этимологию. Но девять других принадлежат к другой части действия (Ил. xi. 301-4) и явно называются ἡγεμόνες (или офицеры, Ил. ii. 365): и среди них, хотя у нас есть четыре имени эллинского происхождения, Долопс и Офелтий - единственные двое, которые могут быть положительно отнесены к классу пеласгов.

С. 380. Хотя я изложил второе значение слова ἄργος в соответствии с тем, что мне кажется балансом свидетельств, я признаю, что это сомнительный момент, следует ли нам, вслед за Страбоном (стр. 365), понимать его предпочтительно как способное обозначать весь Пелопоннес.

СНОСКИ

[1] Переработано и дополнено из "Эссе о месте Гомера в классическом образовании и исторических исследованиях", которое содержалось в "Оксфордских очерках" за 1857 год, опубликованных мистером Дж. У. Паркером.

[2]"Адонаис Шелли".

[3] Говоря об этом выдающемся работнике в области изучения Гомера, я не должен пройти мимо сочувствующего духа и воображения мистера Х. Нельсона Кольриджа, превосходно подчеркнутых гомеровских интонаций баллад доктора Магинна или ценного анализа, содержащегося в незавершенном 'Гомере' архидьякона Уильямса. Но из всех критических замечаний о Гомере, которые мне когда-либо посчастливилось прочитать, на нашем родном или любом другом языке, наиболее яркими и совершенно гениальными являются те, которые содержатся в 'Критических очерках с богатым воображением' покойного профессора Уилсона. В этой наиболее полезной и, я полагаю, могу добавить стандартной работе Смита "Словарь классической биографии и мифологии" я с сожалением обнаруживаю, что важная статья доктора Айне "Гомер", хотя и имеет достоинство в том, что представляет вопрос в ясном свете, все же не является единообразно точной в своих ссылках на текст Гомера и вообще не соответствует преобладающему состоянию, по крайней мере, английскому мнению по этому спору.

[4] "История греческой литературы" Муре, том i, стр. 10.

[5] 4 к изд. стр. 622, н.

[6] Папа Римский Уортона, том iv. стр. 371, н.

[7] Замечание, я думаю, принадлежит мистеру Халламу.

[8] Это σφοδρότης, который Лонгин (ок. ix в.) восхваляет в "Илиаде", но который, возможно, был превзойден в "Божественной комедии".

[9], используемая Лонгином xv. Полиб. vi. 56, 8.

[10] Stefh. Lex. iii., 1353.

[11] Аристотель. Поэт. с. 15.

[12] Исторические древности греков, том i. Приложение С.

[13] Од. i. 326, viii. 72-82, 266-366, 499-520.

[14] Il. xx. 213-41.

[15] Il. xx. 179-83.

[16] Ил. xix. 148-50.

[17] Hor. A.P. v. 359.

[18] Од. iii. 266.

[19] Il. xxiii. 826.

[20] Там же. 326-33.

[21] Ил. v. 801.

[22] Il. xxiii. 409.

[23] Od. iv. 797.

[24] Nägelsbach, Homerische Theologie, Einleitung, pp. 1-3.

[25] Скотт, однако, отдал дань уважения Шекспиру на этом основании в "Судьбе Найджела". Романы и повести, том iii. стр. 68, 8-е издание.

[26] Ил. iv. 438.

[27] Страбон i. 2, стр. 16.

[28] Страбон i. 2, стр. 20.

[29] Ил. ii. 486.

[30] Ил. xx. 308.

[31] Hist. i. 5.

[32] Ил. v. 304; xii. 383, 449; xx. 287.

[33] Исключение iii. ил. xxiv., т. viii. с. 828.

[34] Ил. i. 262-272.

[35] История. Греция, глава iii. Приложение.; том i. 169-74, 4то.

[36] Heyne, Exc. iii. ил. xxiv.; т. viii. с. 226.

[37] Грэнвилл Пенн о главных аргументах "Илиады", стр. 314.

[38] Ил. ii. 740.

[39] Ил. iv. 51.

[40] Ил. ii. 660.

[41] Ил. ix. 593.

[42] Ил. vi. 445-64; xii. 10-33; xv. 384.

[43] Хейн, Отл. ii. ил., РАЗДЕЛ ii., том. viii. стр. 789; Расследование лорда Абердина, стр. 65.

[44] В "Берлинских философских трудах", 1839, и "Фернере Бетрахтунген", 1843.

[45] Пиндар.

[46] Прил. ii. ил., РАЗДЕЛ ii. том. viii. стр. 790, 1.

[47] Прил. ii. ил., РАЗДЕЛ ii. том. viii. стр. 790, 1.

[48] Pind. Nem. ii. 1.

[49] Джозеф. продолжение. Ap. i. 2.

[50] Вар. История. xiii. 14.

[51] Plut. Лус. стр. 41.

- [52] Plat. Rep. x. стр. 600, B.
- [53] Страбон xiv. стр. 946.
- [54] viii. 2.
- [55] Ирод. против 67.
- [56] История. Греция, ii. 174 н. э.
- [57] Ил. v. 412-15.
- [58] Ил. ii. 572.
- [59] Хейн, род. viii., далее.
- [60] I. 57.
- [61] В Leocritum, 104-8.
- [62] Диктат Смита. "Тиртей".
- [63] Смотрите Гомера архидьякона Уильямса, стр. 9-11.
- [64] Cic. de или. iii. 34.
- [65] Пауз. vii. 26. стр. 594. добавьте Suidas в voc. "Φηρος. Eustath. Il. i. 1.
- [66] Противоречит П. i. 2.
- [67] Изречение Смита, ст. "Гомер" и в других местах.
- [68] Там же. из Ritschl.
- [69] Гиппарх, § 4. (ii. 228.)
- [70] Ирод. ii. 117. iv. 32.
- [71] Ил. ii. 594-600.
- [72] Фрагмент. xxxiv.
- [73] Указ. ii. 268-75.
- [74] Гимн. Apoll. 166-73; 146-50.
- [75] Schol. Pyth. vi. 4; Nem. ii. 1.
- [76] Ил. А. стр. 6.
- [77] Хейн, viii. стр. 811.
- [78] Поддержка
- [79] Pind. Nem. ii. 1 и Strabo, xiv. i. стр. 645.
- [80] Платформа. Федр, iii. 252 и Republ. B. 1.; ii. 599.

- [81] Athen. iv. p. 174.
- [82] Хейн, viii. 814.
- [83] Plut. Апоф., стр. 186 D.
- [84] Xenoph. Симпос. iii. 5.
- [85] Athen. xiv. p. 620.
- [86] Ил. ix. 458-61.
- [87] Люциан, Версия. История. ii. 117.
- [88] Виллуазон, Пролог, стр. xxvii.
- [89] Од. xiv. 280.
- [90] Од. xiv. 204 и Buttman в локализации.
- [91] xvi. 195 и Buttman в локализации.
- [92] Ахиллеида, i. 456.
- [93] Мюре, ii. 282.
- [94] Мюре, ii. 286.
- [95] Од. viii. 499.
- [96] Прил. i. объявление
- [97] История Греции, глава i, РАЗДЕЛ iv. стр. 62. 4то.
- [98] Там же. РАЗДЕЛ iii. стр. 47.
- [99] История Греции, том i, стр. 146; глава vi. Введение.
- [100] 12-летний Минос в произведениях Платона.
- [101] Предисловие, стр. xi.
- [102] Там же, стр. xii.
- [103] Том i. стр. 2.
- [104] Опытный критик в июльском "Ежеквартальном обзоре" (1856) рассматривает это отречение как одно из главных восхвалений мистера Грота.
- [105] История Гроте., том i. стр. 58, 9, 72.
- [106] I. vii. 2 и 3.
- [107] Hes. Фрагмент. xxviii. из книги Цецеса ad Lys. 284.
- [108] Германн, Грех. Государственный университет Альтертум, РАЗДЕЛ 8.

- [109] Смотрите список в Clinton, F. H., Vol. I., стр. 46, примечание.
- [110] См. inf. II. РАЗДЕЛ 2.
- [111] Муре, лит. Греция, том i, стр. 39, н.
- [112] Hes. Op. 157.
- [113] Od. iv. 561-9.
- [114] Вр. "История Греции" Терлуолла, глава V.
- [115] Ирод, ix. 73.
- [116] Encom. Глава 21 и последующие.
- [117] Ил. iii. 144.
- [118] Ил. i. 262.
- [119] См. Od. iv. 12.
- [120] Запрос лорда Абердина, стр. 62. (1822.)
- [121] Inferno, I. 32.
- [122] Cic. de Nat. Глава i. 4.
- [123] История Гроте. том ii. стр. 349-51, часть ii. глава 2.
- [124] Предисловие, стр. ix.
- [125] Предисловие, стр. xvii.
- [126] Ил. ii. 681-5.
- [127] Герман Гр. Штатс-альт. РАЗДЕЛ 12.
- [128] Ил. ii. 841.
- [129] Inf. РАЗДЕЛ viii.
- [130] Il. xiii. 686 и далее.
- [131] Так Страбон, стр. 221.
- [132] Обзор обсуждения приведен в книге Крамера "Греция", том i. 115.
- [133] Ил. ii. 750.
- [134] Од. xiv. 327; xix. 296.
- [135] "Древняя Греция" Крамера, i. 353.
- [136] Cramer's Greece, i. 370.
- [137] Гесиод ап. Страб. vii. 327.

[138] Schol. ad Trach. v. 1169.

[139] Vid. inf. РАЗДЕЛ iii.

[140] Од. xix. 175.

[141] Этот вопрос обсуждается, инф. РАЗДЕЛ ix.

[142] См. inf. РАЗДЕЛ ix.

[143] Ил. ii. 735.

[144] Од. iv. 83. xiv. 199, 245. xvii. 448.

[145] Страбон viii. 6. стр. 370.

[146] Cramer's Greece, iii. 244.

[147] Inf. РАЗДЕЛ viii.

[148] Ил. xx. 215 и далее.

[149] Тук. i. глава. 2.

[150] Од. xii. 260-5.

[151] Это состояние идей и привычек хорошо иллюстрируется в Odyss. xiv. 222-6: и см. inf. РАЗДЕЛ 7.

[152] Страбон viii. стр. 383.

[153] Xenoph. Ад. vii. 1, 23 и Кремер iii. 299.

[154] Ил. ii. 610.

[155] Ил. ii. 609.

[156] 630-5.

[157] См. inf. РАЗДЕЛ vii.

[158] Xenoph. Ад. vii. 1. 23.

[159] Глава i. 2.

[160] Xenoph. Hellen. vii. 1. 23.

[161] Thucyd. vii. 57.

[162] Б. и. 2.

[163] Смотрите также Мюллер, Орхомен, стр. 77, и ссылки на него.

[164] Ил. ii. 498.

[165] Страбон ix. стр. 433.

[166] Аристотель. Метеорол. i. 14.

[167] Паус. ii. 22. 2.

[168] Редакция 125.

[169] Гесиод. Бог. 971.

[170] Od. xi. 281-4.

[171] См. inf. РАЗДЕЛ 8.

[172] Ил. xv. 332, 7.

[173] Inf. РАЗДЕЛ vi.

[174] Гимн. Сер. 123.

[175] Il. xxiii. 148. Od. viii. 362. Il. viii. 48.

[176] Il. xiii. 635.

[177] Ил. iv. 328.

[178] Хейн в локализации.

[179] В локализации.

[180] От греческого βῶλος, согласно Ричардсону, который цитирует The Fox (v. 2.)

Если в Италии
есть глеб, более плодородный, чем эти залежи,
я обманут.

[181] Od. i. 407.

[182] Od. v. 463.

[183] Од. vii. 332.

[184] Ил. xxi. 232.

[185] Од. xi. 309.

[186] (ii. 132 Серр. Стеф.)

[187] Inf. РАЗДЕЛ 7.

[188] Od. xxi. 255.

[189] Пэйн Найт в оригинале.

[190] Od. xi. 302-4.

- [191] Ил. iii. 243.
- [192] Юстат. в loc. et alii.
- [193] Schol. A. в лозанне.
- [194] В лок.
- [195] Описание. в лок.
- [196] Юстат. в лок.
- [197] Schol. БЛ. в лок.
- [198] Ирод. vii. 161.
- [199] Запрос лорда Абердина, стр. 100.
- [200] Ил. xvi. 419.
- [201] См. Od. xx. 72.
- [202] Ил. xii. 331.
- [203] Ил. ii. 756.
- [204] Ил. ii. 748.
- [205] Там же. 703-7.
- [206] Od. iii. 307.
- [207] Ил. i. 194.
- [208] Ил. v. 1-8.
- [209] V. 2, 3.
- [210] Ил. iv. 64-74.
- [211] Ил. vii. 34.
- [212] Ил. xxiv. 25-30.
- [213] Ил. v. 59.
- [214] Il. viii. 362-9: ср. Od. xi. 626.
- [215] Il. xx. 146.
- [216] См. inf. Религия и мораль, РАЗДЕЛ II.
- [217] Vid. inf. как и раньше.
- [218] Eurip. Издание 64. 1590. Гроте i. 144.
- [219] Thirlwall, том ii. стр. 2.

[220] Ирод. против 65.

[221] Так. i. 6.

[222] i. 2.

[223] Ирод. i. 56.

[224] i. 57.

[225] Creta ii Хека. 109.

[226] Так. i. 3.

[227] Ирод. vi. 137, 8.

[228] В. viii. стр. 333.

[229] Herod. i. 139.

[230] Od. xiv. 243.

[231] Там же. 257.

[232] Il. ix. 363.

[233] Od. iii. 318.

[234] Деллингер Хайдентум и Юдентум vi. 136. стр. 427.

[235] Инф. стр. 176.

[236] Примечание xvii.

[237] Ил. ii. 614.

[238] Смит, Антик. стр. 331. Niebuhr, Hist. iii. 282.

[239] Работает и днями 616 и далее.

[240] Vid. inf. РАЗДЕЛ 4. Nägelsbach (Hom. Теол. ii. 9.) можно рассматривать в противоположном смысле.

[241] Од. xiii. 272. xiv. 228.

[242] Ирод. iv. 42.

[243] i. 13.

[244] Информация о религии и морали, РАЗДЕЛ iii.

[245] Дополнение. стр. 148.

[246] Od. xiv. 271.

[247] Од. v. 278-86.

[248] Там же. ix. 84, 94.

[249] Там же. iv. 220.

[250] Там же. 584.

[251] Ирод. ii. 54. Согласно египетской традиции, о которой там сообщается, финикийцы привезли в Грецию жрицу, основавшую Додонейский оракул. Это снова заставляет нас рассматривать финикийцев как главное средство общения между Египтом и Грецией.

[252] Mure, лит. Греция, том i.

[253] Ирод. v. 2.

[254] Ил. ii. 594-600.

[255] Ил. ii. 730.

[256] Страбон x. с. 471.

[257] Ил. ii. 844 и x. 434.

[258] Ил. xx. 485.

[259] Ил. ii. 841.

[260] История. Греция, iv. 28.

[261] Страбон viii. 7. с. 321, 2.

[262] Ил. x. 429; xx. 329.

[263] Од. iii. 366.

[264] Ил. xxi. 85.

[265] Ил. xx. 96.

[266] Инф. стр. 182.

[267] Ил. ii. 828-39.

[268] Крета Хека, ii. стр. 7.

[269] История Греции. Глава ii. Том i. стр. 41. 12мо.

[270] Перевод.

[271] Ил. ii. 631.

[272] Ил. ix. 184 и xvi. 196.

[273] Од. xix. 175.

[274] Ил. ii. 645.

[275] См. выше, стр. 126.

[276] Ил. xiv. 321.

[277] Од. xix. 178.

[278] Од. xi. 568-71.

[279] См. Ил. i. 238. ii. 205.

[280] Ил. xviii. 501. xxiii. 436.

[281] Эн. vi. 566.

[282] Ил. iii. 365.

[283] Нэгельсбах, Homerische Theologie, стр. 83; и Vid. inf. РАЗДЕЛ iv. стр. 120, 124.

[284] Крета Хека, ii. 142, н.

[285] Ил. xiii. 450. Од. xix. 179.

[286] Од. xix. 181-98.

[287] Крета Хека, ii. 182.

[288] Од. xvii. 523.

[289] Од. xiv. 199. Ил. xiii. 453. Ил. ii. 649.

[290] Од. xix. 172.

[291] Ил. xi. 712.

[292] Ил. vii. 133, 5.

[293] Од. xvii. 442.

[294] Од. xi. 321.

[295] Ил. i. 260-5.

[296] Од. xi. 631.

[297] Там же. 322-5.

[298] Ил. xiii. 450-3.

[299] Фрагмент. xi. Страбон vii. стр. 332.

[300] Ил. xiii. 681.

[301] Ил. xiv. 322.

[302] Од. iv. 564.

[303] Од. vii. 317-26.

[304] Od. xi. 580.

[305] По-РУССКИ. Дополнение 262.

[306] Фукид. i. 4.

[307] Минос, 16, 17.

[308] Pol. ii. 10. 4.

[309] Ясный очерк положения Миноса, определенного традицией, см. в "Греции" Терлуолла, том i, глава 5.

[310] Ирод. iii. 122.

[311] Ирод. i. 173.

[312] "Дорийцы" Мюллера, ii. 11. 8; Еврип. Фрагмент. i.

[313] Creta ii. 87.

[314] Pol. ii. 10.

[315] Там же. ii. 10. 2.

[316] Минос 11-17.

[317] Athen. vi. стр. 263.

[318] Там же. стр. 267.

[319] Ил. xviii. 592.

[320] Пауза. x. 17. 4.

[321] Ath. vi. стр. 263.

[322] Крета Хека, род. ii. РАЗДЕЛ 4. (ii. 222 и далее)

[323] Ил. xii. 397.

[324] Смотрите, в частности, его выступление Il. xii. 310-28.

[325] Были также ликийцы из Трояды, с которыми был связан Пандар: и не исключено, что они могут быть теми людьми, о которых идет речь. (Schol. на Ил., ст. 105.)

[326] Вопрос о том, являются ли исключения в одном единственном случае, см. на стр. 162.

[327] Ил. xvii. 350, 1. ii. 848.

[328] Ил. xii. 408. xvi. 421.

[329] Редакция vi. 241.

[330] Ил. xii. 397.

- [331] Ил. xvi. 659.
- [332] Ил. xvi. 422. xvii. 426.
- [333] Ил. xii. 310.
- [334] Vid. inf. РАЗДЕЛ vii.
- [335] Ил. v. 172.
- [336] Ил. ii. 827.
- [337] Ил. v. 105.
- [338] Пауз. viii. 2. 1.
- [339] Гроте, История. Греция, iv. 280.
- [340] Vid. inf. РАЗДЕЛ x.
- [341] Herod. i. 136.
- [342] Библиотека Фотия 72. стр. 107.
- [343] Herod. i. 73.
- [344] Il. xxiii. 860.
- [345] Ил. vi. 193.
- [346] Од. xvii. 442, 8.
- [347] Там же. 440-4.
- [348] Видеозапись. стр. 125.
- [349] Ил. xi. 19-28.
- [350] Ил. ii. 108.
- [351] Од. viii. 362.
- [352] См. inf. Религия и мораль, РАЗДЕЛ iii.
- [353] Гр. κινύρα, евр. киннур. Лидделл и Скотт, в лос-анджелесе.
- [354] Приношу свои извинения. Bibl. iii. 14. 3. Пин. Пифий. ii. 26. Ov. Met. x. 310.
- [355] Кембридж, 1815.
- [356] Дополнение. стр. 108.
- [357] История. Фрагмент. x. 2.
- [358] Пауз. viii. 1. 2.

[359] Текст.

[360] История. vi. 56, 8.

[361] Минос 10.

[362] По-русски. Дополнение 256.

[363] Пауз. viii. 2. 2.

[364] Ирод. ii. 56.

[365] ii. 171.

[366] i. 146.

[367] vii. 94.

[368] i. 56.

[369] viii. 44.

[370] ii. 52.

[371] v. 64.

[372] Thuc. i. 3.

[373] Т. 109.

[374] Theocr. Идиллия. xv. 136-40.

[375] Pind. Пит. xi. 18. Соф. Aj. 285.

[376] См. inf. РАЗДЕЛ viii.

[377] Argonaut. i. 580 и Schol. Париж.

[378] Страбон vii. стр. 327.

[379] Там же., стр. 221.

[380] Там же.

[381] i. 17.

[382] См., однако, стр. 114 выше.

[383] Итак, ὄχρητῆρος ἀνὴρ уже существовал, отдельно от простого рабочего, во времена Гомера; Ил. xxi. 257.

[384] К. О. Мюллер, Орхоменос, 119-22.

[385] Глава iii.

[386] География Крамера. Древняя Греция, том i, стр. 15.

[387] Традиция о том, что пеласги были исконными жителями Греческого полуострова, по-видимому, была принята в литературе современной Греции. See Πετρίδης—Ἱστορία τῆς παλαιᾶς Ἑλλάδος ἀπὸ τοῦς ἀρχαιοτάτους χρόνους, Κερκύρα, 1830, chap. i. p. 2. Also that Pelasgi and Hellenes were the two factors (μέρη) of the Greek nation. Там же, стр. 3.

[388] Нибур, там же.

[389] Horæ Pelasg. глава ii. стр. 28.

[390] Cramer's Greece i. 17.

[391] Antiq. Рим. i. 17, 18.

[392] Horæ Pelasg. стр. 12-15.

[393] Ирод. ii. 54-7.

[394] Od. iv. 83.

[395] Там же. xiv. 246-58, 290, 293-300.

[396] Там же. v. 442, 7, 8.

[397] Возможно, использование слова πτεῖρος для обозначения материка может свидетельствовать о том, что оно связано с островным народом, который уместно описал бы континент как безграничный (сушу). Его получают из α и πέρας, конец или стоп; рассмотрим также περάω, чтобы передать, ἀντιπέραα, Ил. второй. 635, πέρην и ἰ ἐρῆς Εὐβοίης, там же. 535.

[398] См. inf. РАЗДЕЛ vi.

[399] Inf. РАЗДЕЛ vi.

[400] Ричард II, акт II, часть 1.

[401] Horæ Pelasg..

[402] Клинтон, Быстро. Ад. i. стр. 97.

[403] Herod. i. 56.

[404] Dion. Hal. i. 17.

[405] Il. xvi. 235.

[406] Ὀνιθεα, v. 1359.

[407] Антик Поттера, b. i. глава 26.

[408] Horæ Pelasg. глава i. стр. 17.

[409] Смотрите Лекции Эй Норриса, том iii. стр. 142.

[410] Od. v. 335.

[411] Пр. vii. 104; Персея 427; Скотт и Лидделл в книге πέλαγος. Я рискну предложить πελάζω в качестве корня и "доступный", "легко перемещаемый", "открытый" (сравните εὐρυαγυῖ α) в качестве значения.

[412] Страбон, стр. 327, 331.

[413] Орхоменос, стр. 119 и далее

[414] Так. i. 2.

[415] Од. xi. 260.

[416] Од. xi. 568.

[417] Од. iv. 564.

[418] Ил. ii. 824; и xii. 19.

[419] Од. iii. 320-2; и xiv. 257.

[420] Од. xiv. 231, 243-8.

[421] Од. xiv. 237; Ил. xiv. 321.

[422] Од. i. 105; ii. 180.

[423] РЕДАКЦИЯ 183.

[424] Од. xv. 425.

[425] Од. xv. 415.

[426] См. Вуда о Гомере, стр. 48.

[427] Од. xvii. 383.

[428] Нэгельсбах, Гомеровская теология 80-3.

[429] Снаружи дверей, например, дворца Улисса на Итаке, были колонны. Од. xvii. 29. Такое построение метафоры привело бы почти к тому же результату, если бы оно означало двери океана.

[430] Труд Германа. vii. 253. Nägelsbach, ii. 9, note.

[431] Введение Блейкли к Геродоту, стр. xiv.

[432] Страбон iii. 2. 13, 14. стр. 149, 50.

[433] Муре, Греческая литература, i. 510.

[434] Ил. xv. 630. xvii. 21. ii. 723.

[435] Ил. xxii. 15.

[436] Ил. iii. 365.

[437] Od. xx. 201.

[438] Il. xxiii. 439.

[439] Od. i. 52 и x. 137.

[440] Od. iv. 460.

[441] Од. xvii. 248.

[442] Od. iv. 410.

[443] Od. x. 289.

[444] Как, возможно, и Амфитрита, четырежды упомянутая в "Одиссее", но ни разу в "Илиаде".

[445] Я рассмотрю далее конструкцию Il. xiv. 321, поскольку она касается связи Миноса с Финикией, при рассмотрении предмета Внешней географии.

[446] Од. xv. 252, 3.

[447] Od. x. 492.

[448] Нэгельсбах ii. 9.

[449] Смотрите Исследования по религии, РАЗДЕЛ iii.

[450] Я привел общепринятое и, возможно, более вероятное значение; но это слово также хорошо подходит для обозначения *приливного* течения в океане. В Средиземном море, как хорошо известно, действие приливов не ощущается.

[451] Фукид. vi. 42, 44.

[452] Od. xxiv. 304-8.

[453] Од. xix. 172.

[454] Od. xx. 383.

[455] Od. xxiv. 211, 366, 389.

[456] Ил. ii. 857. Schönemann Geog. Дом. стр. 31.

[457] Od. xv. 426.

[458] Cramer's Italy, ii. стр. 354, 391.

[459] Thucyd. vi. 2.

[460] Дионис. i. 9.

[461] Вот. там же.

[462] Cramer's Italy, ii. стр. 2.

[463] Од. xxiv. 309.

[464] Редакция xiv. 93.

[465] Редакция vi. 7-12.

[466] Од. xiv. 293-359.

[467] Од. xvi. 65. xvii. 525 и xix. 269-99.

[468] Од. xvi. 424-30.

[469] Од. xiv. 278-86.

[470] Страбон vii. стр. 324.

[471] Ирод. vii. 176.

[472] Dion. Hal. i. 18.

[473] Diod. Sic. v. 58.

[474] Редакция vi. 266.

[475] 260-5.

[476] См. inf. РАЗДЕЛ viii.

[477] Од. xix. 522.

[478] Il. iv. 385, 388, 391. v. 804. 7. x. 208. xxiii. 680. Od. xi. 275.

[479] ix. стр. 401.

[480] Рис. i. на карте.

[481] Рис. ii. на карте.

[482] Рис. iii. на карте.

[483] ix. 5. стр. 430.

[484] Рис. iv. на карте.

[485] Страбон ix. стр. 435.

[486] Там же, стр. 439.

[487] Там же. стр. 442.

[488] Глава i. 2.

[489] Рис. v. на карте.

[490] Од. i. 170, *и алиби*.

[491] Я не готов утверждать, что номера кораблей следует понимать буквально: но эта тема будет обсуждаться в сочетании с его общим способом использования чисел в "Исследованиях поэзии", РАЗДЕЛ iii.

[492] Od. ii. 386.

[493] Причины рассматривать это как совпадение можно найти в статье об использовании Гомером числа. (Исследования по поэзии, РАЗДЕЛ iii.)

[494] Ирод. vii. 161.

[495] Ил. x. 434.

[496] Од. xi. 521.

[497] Букв. Греция, i. 39, примечание.

[498] Ил. x. 267.

[499] Ил. ii. 500.

[500] Ил. ii. 681.

[501] "Илиада" *passim*: и Од. iii. 182. iv. 9. и xi. 494.

[502] Il. xvi. 171.

[503] Il. xiii. 685-700.

[504] Ил. ii. 704, 727.

[505] Ил. ii. 530. 562. 684.

[506] Глава i. 3.

[507] Vid. inf. РАЗДЕЛ viii.

[508] Новый кратилус Дональдсона, стр. 291.

[509] Нет необходимости с точностью проследить в этом месте различные варианты употребления имени Эллада после Гомера. Стэнли (на осн. Дополнение 263) утверждает, что то, что я назвал Средней Грецией, было Элладой Птолемея; что у Страбона это слово включает большинство эгейских островов; и, наконец, что оно также стало включать Малую Азию и даже части африканского побережья, а также места в других местах, которые были колонизированы греческой расой. Согласно Кремеру (Geogr. Греция, i. 2), в эпоху Пелопоннесской войны Эллада означала все к югу от Пеней и Амбракийского залива. Он считает, что Геродот также имел в виду под этим часть Теспротии (Herod. ii. 56. viii. 47). Интересно наблюдать, как это домашнее название, взятое от расы, которая сделала Грецию такой великой и прославленной, сохранило свою жизнеспособность после стольких превратностей и теперь является национальным названием Греции, в противоположность тому, которое, вероятно, было заимствовано из пеласгийского источника и которое, как происходящее от римских хозяев страны, поведало своему народу историю их порабощения.

[510] Ил. xvi. 234.

[511] Ил. iii. 172.

[512] Я следую острым и проницательным заметкам профессора Молдена к ценной статье, опубликованной мистером Джеймсом Йейтсом в 1856 году в журнале *Philological Transactions*: также *Cratylus* Дональдсона, стр. 120.

[513] В локализации. Птицы Кэри, стр. 77.

[514] См. РАЗДЕЛ х.

[515] i. 89.

[516] Смотрите Исследования по теомифологии Гомера.

[517] Фасти, i. 39.

[518] *De Nat. Deor.* ii. 27.

[519] Лив. История. Рим. iv. 25, 29.

[520] Исключение. iv. н.э. - vii. См. "Историю римской литературы" Брауна, гл. viii. с. 129 и гл. iii. с. 41. Также "Историю Рима" Данлопа. Литература, том iii. с. 56.

[521] Смотрите "Трояны".

[522] *Polyb.* vi. 56, РАЗДЕЛ 6-12.

[523] Дионисий, род. ii. 18-21.

[524] ИДЕНТИФИКАТОР, b. viii. 38. См. также *Cic. Div.* i. 2.

[525] Диктант Смита, ст. "Фасти".

[526] Деяния XVII. 22.

[527] Суть жертвоприношения. b. i. глава iv. РАЗДЕЛ 3.

[528] Исход xi. 12-16 и Левит. viii. 1-13. 1 Цар. xvi. 2 и с. См. Диктат Калмета. Издание Тейлора, 1838 год. Искусство. Священник.

[529] Евр. v. 4.

[530] Роман Брауна "Классическая литература Рима", глава i. стр. 13.

[531] Хор. де Арт. Поэт. v. 53.

[532] Нибур Хэйра и Терлуолла, том i, стр. 65.

[533] Гора Пеласг. глава iv.

[534] Подробнее. Leipzig, 1838.

- [535] Применялся латинянами главным образом к лопаткам животных.
- [536] Идеальное звено связи можно найти в жертвоприношении первобытного *царя*.
- [537] Скотт и Лидделл *в лос*.
- [538] Сравните гомеровское происхождение Ὀδυσσεύς от δδύσσομαι, Од. хіх. 407.
- [539] Дедерляйн.
- [540] Энниус.
- [541] Возможно, связано с греческим κεύθειν.
- [542] Цезарь, род. ііі. с. 96.
- [543] Il. хх. 123.
- [544] Как в Эн. хіі. 952.
- [545] Словарь Буттмана. *в лос*. κελαινός.
- [546] Сравните со статьей [237](#).
- [547] Од. ііі. 601-8. Имена Ктесиппа и Элата среди Женихов связаны с лошадьми, но не все острова были такими суровыми, как Итака, и у некоторых знатных людей, возможно, как у Улисса, были пастбища на континенте. (Од. хіv. 100.)
- [548] Дополнение. стр. [256](#).
- [549] Inf. РАЗДЕЛ [ix](#).
- [550] Од. іі. 347. vii. 8. iv. 124.
- [551] Смотрите Историю Мюра. Греция, том іі. стр. 86.
- [552] Il. іі. 840-3.
- [553] Il. хі. 303.
- [554] См. inf. РАЗДЕЛ [viii](#).
- [555] Ил. v. 705-7.
- [556] Ил. хvi. vv. 369, 393, 419, 422.
- [557] Ил. vi. 20-37.
- [558] Ил. хvi. 694.
- [559] Ил. v. 677, 8.
- [560] Ил. хх. 455-87.
- [561] Inf. РАЗДЕЛ [x](#).

- [562] Смотрите "Исследования по политике".
- [563] Смотрите исследования о "Троянцах".
- [564] Ил. xiii. 685.
- [565] Ил. ii. 577.
- [566] Ирод. i. 56.
- [567] Смотрите Исследования по религии, РАЗДЕЛ 2.
- [568] История Греции, том i, стр. 137.
- [569] Од. viii. 179.
- [570] Hor. Od. i. 10. 1.
- [571] Plutus 1162.
- [572] Pyth. ii. 18. Nem. x. 98. Isthm. i 85.
- [573] Од. viii. 493. xi. 592.
- [574] Il. xxiii. 827.
- [575] Il. xi. 699-702.
- [576] Vid. inf. РАЗДЕЛ viii.
- [577] xxiii. 629.
- [578] Ил. ii. 642.
- [579] Il. ix. 529-99.
- [580] Ил. iv. 399.
- [581] На стр. 167, 242, и смотрите "Внешнюю географию Одиссеи".
- [582] История Гроте. ii. 322.
- [583] Пауз. viii. 2. 1.
- [584] История Гроте. Греция, i. 160.
- [585] Ил. ii. 773.
- [586] Ил. ii. 597, 8.
- [587] О пеласгийской музыке см. "Дорийцы" Мюллера, i. стр. 367 (перев.)
- [588] Иллюстрированный справочник Фергюссона по архитектуре, книга vi. глава i.
- [589] Ил. vi. 428.
- [590] Ил. ix. 533.

[591] Редакция vi. 102.

[592] Смотрите ниже, Исследования по религии, РАЗДЕЛ ii.

[593] Ил. v. 62.

[594] Од. xv. 80.

[595] Од. xi. 506.

[596] Ил. iii. 232.

[597] Од. xi. 322.

[598] Ил. i. 269.

[599] Од. xix. 399, 413.

[600] Од. iii. 267. xxi. 16.

[601] Il. xi. 698-702. Од. vi. 364. xiv. 327.

[602] Il. xxiii. 629-43.

[603] Од. xiv. 222.

[604] Од. i. 1-3.

[605] Ил. xv. 80.

[606] Ил. vi. 242, 315.

[607] Паус. i. 14. 2.

[608] Herod. i. 56.

[609] Ил. xvi. 235.

[610] Ил. x. 537-9.

[611] Hes. Фрагмент. xviii.

[612] Thuc. iv. 78.

[613] Страбон, стр. 372, 383.

[614] Il. ii. 494. xiii. 685. vid. sup. стр. 243.

[615] Ил. iv. 385. 191.

[616] Il. xi. 670-761.

[617] v. 759.

[618] Инф. стр. 392.

[619] Од. iv. 184, 296.

[620] См. inf. РАЗДЕЛ ix.

[621] Il. vi. 292. Od. xxii. 227.

[622] Ил. iii. 199 и др.

[623] Il. iii. 236. Od. xi. 298.

[624] Inf. стр. 410, 11.

[625] Od. v. 333.

[626] Ил. xiv. 319.

[627] Ил. xix. 116.

[628] Ил. ii. 108.

[629] Inf. РАЗДЕЛ x.

[630] Od. xi. 271.

[631] См. inf. РАЗДЕЛ ix.

[632] Фрагмент. из данайцев, Дюнцер, Фрагмент. "Эпическая поэзия", стр. 3. Э. Курциус утверждал (Ionier for der Ionischen Wanderung, стр. 11-13), что на египетском побережье были поселенцы, принадлежащие к ионийской расе и к тому же происхождению, что и эллины. Из числа таких поселенцев, будь то ионические или нет, представляется вероятным, что иммигранты могли попасть из Египта в Грецию.

[633] Ил. vi. 158.

[634] Hes. Фрагмент. lviii. и убирайся. Herc. 216. 229.

[635] Дополнение. РАЗДЕЛ iii.

[636] Eurip. Ar. Fr. ii. 7.

[637] Od. i. 344.

[638] Ил. ii. 108.

[639] Ил. iii. 75, 258.

[640] Ил. vi. 224.

[641] Ил. vii. 363.

[642] Ил. xii. 70.

[643] Ил. i. 254 и vii. 124.

[644] Ил. xi. 770.

[645] Од. xi. 166 и 481. См. также Od. xxiii. 68.

[646] Од. xiii. 249.

[647] Од. xxi. 107.

[648] Од. xv. 223.

[649] Од. xv. 238.

[650] Смотрите также Il. xiii. 378. Од. xv. 224, 239.

[651] Ил. ix. 141, 283.

[652] Ил. xix. 115.

[653] Од. iii. 249.

[654] Любопытно, что Страбон говорит в viii. 6, что Гомер часто отмечает Ἰωνός эпитетом πηλείων, а также πηλοπόρον, когда первое слово вообще не встречается в гомеровских поэмах.

[655] Ил. xv. 332.

[656] Од. xi. 281. Э. Курций ("Ионье", стр. 22 и далее) связывает Иаса, Амфиона, Иолкоса, Ясона с ионийской расой.

[657] Ил. vi. 224.

[658] Ил. ii. 530.

[659] Страбон viii. стр. 371.

[660] Хейне в Il. i. 270. Buttmann Lexil. в лос. Crusius ad locc.

[661] Дополнение 277.

[662] См. Scott and Liddell, in voc. Проклятый Лекс. Хом. в лос. Crusius Il. xxiii. 30. Нитцш в Од. ii. 11 и цитируемый им Германн.

[663] Орхоменус и Миньер, стр. 119. См. также Э. Курциуса "Ионье", стр. 17.

[664] Страбон обнаружил в свое время и сообщил об этом как об обычае "современников", что Аргивская равнина называлась Ἰωνός, а не только город.

[665] Греция Крамера, i. 197. 385. ii. 10. Страбон ix. стр. 440.

[666] Ил. xxiv. 437.

[667] Од. iv. 606.

[668] Ил. v. 196. viii. 560.

[669] История Гроте.

[670] Смотрите Критический музей, том i, стр. 536, и книгу Марша "Гора пеласгов", стр. 70.

[671] Stefh. Лекс.

[672] Carm. I. vii. 15.

[673] См. Ницша в Od. i. 38 для его этимологии Argeiphontes; но не для его этимологии Argus, которую он просто называет Argos.

[674] Соф. Фр. 288.

[675] Од. viii. 578.

[676] В локализации.

[677] Ил. ii. 110, 256. xv. 733. xii. 419.

[678] Дополнение. стр. 353, 4.

[679] Ил. i. 196.

[680] Inf. стр. 417.

[681] Od. xi. 45.

[682] Ил. iv. 52.

[683] Od. iv. 35.

[684] Od. iv. 515.

[685] Ил. vi. 158.

[686] Ил. xix. 122.

[687] Il. xxiii. 470.

[688] Od. iii. 309.

[689] Ил. xiv. 115.

[690] Ov. Met. ix. 96.

[691] Поколение iii. 1.

[692] См. inf. стр. 410.

[693] Дополнение. стр. 357.

[694] См. inf. РАЗДЕЛ ix.

[695] Il. i. 2, 12, 15, 17, 22.

[696] Ил. i. 42.

[697] Ил. i. 81.

[698] См. дополнение. стр. 380.

[699] История. Гр. лит. xv. 5. том ii. стр. 77.

[700] Ил. і. 15, 22.

[701] і. 26-32.

[702] і. 42.

[703] і. 118.

[704] іі. 354.

[705] Ил. і. 123, 127.

[706] і. 237.

[707] і. 78.

[708] ііі. 167, 226.

[709] Од. х. 14.

[710] Од. ііі. 188, 9.

[711] Од. хіі. 96.

[712] Од. ххіі. 377 и 205-7.

[713] Од. хві. 118.

[714] Од. хіх. 394.

[715] Од. іі. 798.

[716] Од. хвіі. 205-7.

[717] Од. іх. 22.

[718] Од. хвііі. 299.

[719] Од. ххіі. 243.

[720] Од. ххі. 210. ххіі. 354. 377. 428.

[721] Од. і. 394. 401. іі. 87. 90. 106. 112. 115. хвііі. 301 и др.

[722] Од. іі. 51. хві. 122.

[723] Од. іі. 386. хв. 545.

[724] Од. хві. 114.

[725] Од. ххіі. 463.

[726] Од. іі. 7.

[727] Од. хвііі. 11.

[728] Ил. ii. 624.

[729] Од. xix. 175-7.

[730] Ил. iii. 232.

[731] Il. xi. 671, 94, 732, 7. xi. 687, 724, 37, 53, 59.

[732] Ил. ii. 562.

[733] Pausanias ii. 321.

[734] Ил. ix. 300.

[735] Ил. i. 85-91.

[736] В. viii. с. 1. стр. 333.

[737] Домашний АДРЕС. Il. vol. vii. p. 711.

[738] См. inf. РАЗДЕЛ ix.

[739] Дополнение. стр. 352.

[740] Polyb. b. ii. с. 38.

[741] Мюллер, Дорианс, ii. 11. 6.

[742] Il. ii. 653. 665. 678. v. 628.

[743] Мюллер ii. 11. 10.

[744] Дополнение. стр. 88.

[745] Inf. РАЗДЕЛ x.

[746] Ил. vi. 154, 5.

[747] Там же. 191.

[748] Од. xi. 235-7.

[749] Inf. РАЗДЕЛ ix.

[750] Фрагмент. xxviii.

[751] Ил. vi. 154, 197, 206.

[752] Il. i. 250.

[753] Ил. ii. 714.

[754] Дополнение. стр. 364.

[755] Глава iv. 78.

[756] На Од. iii. 4.

[757] Ил. ii. 101-8.

[758] Polyb. ii. с. 38.

[759] Hor. Ep. II. i. 156. *Græcia capta ferum victorem cepit.*

[760] "Ἑρμῆς, ii. 269.

[761] Там же. ii. 146.

[762] Страбон, viii. 6. с. 370.

[763] Характер этого процесса применительно к языку прекрасно показан на примере Испании в "Испанской литературе" Тикнора, Приложение А. (том iii.)

[764] Od. iv. 697.

[765] Это предостережение не является излишним, поскольку данная ошибка является распространенной. Дамм, действительно, весьма странно говорит: ἄναξ *ex multo augustius potest quam* βασιλεὺς (в лос. ἄναξ). Английские переводчики, Чепмен, Поуп, Каупер и другие, переводят ἄναξ ἄνδρῶν, король людей. Восс со своей обычной точностью, хотя, вероятно, и без особого смысла, переводит это так: "герой народа".

[766] Il. xxiii. 417.

[767] Od. xiii. 223.

[768] Ил. xx. 17.

[769] V. 121.

[770] Ил. ii. 196.

[771] Od. i. 394.

[772] Od. xv. 533.

[773] Од. xvii. 416.

[774] Od. i. 386; ср. 401.

[775] На лос. ἄναξ.

[776] Букв. Греция, том ii. стр. 78.

[777] Ил. xiv. 322.

[778] Ил. viii. 31. Передовица. i. 45.

[779] Ил. ii. 85.

[780] Ил. iv. 296.

[781] Il. ix. 92. v. 144. xi. 578. xiii. 411.

- [782] Ил. ix. 81. xiii. 600.
- [783] Od. iv. 528.
- [784] Paradiso, xii. 71. xiv. 104. xix. 104. xxix. 11.
- [785] Ил. i. 1-7.
- [786] См. Il. xx. 106.
- [787] Ил. xiv. 343.
- [788] Od. xi. 281.
- [789] Дополнение. стр. 398.
- [790] See E. Curtius, *Ionier vor der Ionischen Wanderung*, p. 9.
- [791] Ред. v. 121. также смотрите Il. xviii. 436.
- [792] Od. vii. 323.
- [793] Дополнение. РАЗДЕЛ viii. стр. 427, 8.
- [794] Фес. 20.
- [795] Ил. xxiv. 615.
- [796] Pausan. ii. 23. 4.
- [797] Страбон, xii. стр. 579. xiv. стр. 680.
- [798] Страбон xii. 572, 3.
- [799] Ил. ii. 104.
- [800] Ил. ii. 108.
- [801] Пауза. v. xiii. 1-4.
- [802] Книга viii. 5, 5. стр. 365.
- [803] См. дополнение. стр. 381.
- [804] Ирод. viii. 7, 73.
- [805] Pausan. vii. 1.
- [806] Полиб. xviii. с. 30.
- [807] v. 65. 3 и 11.
- [808] Паус. vii. 1. 3.
- [809] Polyb. xl. 8. 10.
- [810] Polyb. ii. 41. 4. iv. i. 5.

[811] См. РАЗДЕЛ х.

[812] Die Ionier vor der Ionischen Wanderung: von E. Curtius, Berlin, 1855.

[813] Ил. iii. 276. vii. 202. ix. 47, 8. xvi. 605. xxiv. 290, 308.

[814] Ил. xx. 90-3, 128-31.

[815] Ил. xi. 58.

[816] Ил. vi. 77.

[817] Ил. xx. 240.

[818] Ил. v. 268.

[819] Ил. xx. 303.

[820] Ил. iii. 297, 320.

[821] Од. iv. 125-35.

[822] Од. xiv. 276-86.

[823] Од. iii. 302.

[824] Ил. iii. 48. xix. 324.

[825] Од. iii. 48. xx. 219. Ил. xvi. 550.

[826] Смотрите также описание Долона, Ил. х. 418-21.

[827] Страбон, стр. 338.

[828] Ил. xii. 30.

[829] Ил. xvii. 432.

[830] Ил. i. 350.

[831] Ил. vii. 86. Од. xxiv. 82.

[832] Ил. xxiv. 545.

[833] Ил. ix. 360.

[834] Ил. xii. 19-23.

[835] Ил. xxiii. 293-9.

[836] Ил. xi. 759.

[837] Ил. ii. 592 и далее.

[838] Ил. ii. 596, 621.

[839] Ил. xvi. 189.

[840] Ил. ii. 513.

[841] Cramer's Greece, i. 449.

[842] Ил. ii. 511.

[843] Тук. iv. 76. Страбон, 356, 432. Греция Крамера, i. 207, 399.

[844] Ил. ii. 608, 695.

[845] Ил. ii. 682.

[846] Страбон, б. viii. стр. 351.

[847] Schol. Il. vii. 135. Od. xv. 297. Cramer, Geogr. Гр. iii. 87.

[848] Paus. Lac. b. III. с. xx. 5, 3.

[849] Крамер iii. 221.

[850] Ил. ii. 743.

[851] Ил. xiii. 301.

[852] Новый Cratylus iii. 1. с. 282, 286.

[853] Неуне Exc. iii. наш дом. Ил. xix. т. vii. с. 770.

[854] Сост. Грамм. РАЗДЕЛ 490.

[855] См. Il. xi. 222. xx. 485, в сравнении с х. 436, 545-7.

[856] Od. iv. 635; и xxi. 347.

[857] Сравните Проперция, б. ii. El. v. 1.

Эфирейский Лайдос.

[858] Версия 301.

[859] Od. i. 259.

[860] Od. ii. 326.

[861] Од. xviii. 245.

[862] Od. xxiv. 430.

[863] Od. i. 251.

[864] Евмелий, подп. стр. 428.

[865] Ил. xv. 530.

[866] Ил. ii. 658.

[867] Ил. ii. 667.

[868] Ил. xi. 688-95.

[869] Il. xvi. 179.

[870] Ил. xiii. 692.

[871] Ил. ii. 625-30.

[872] Страбон, стр. 459.

[873] Ил. ii. 711-15.

[874] Cramer's Greece, том i. стр. 392.

[875] Ил. ii. 763.

[876] Od. xi. 258.

[877] Там же. xi. 237.

[878] Святой Лука iii. 38.

[879] Ил. ix. 483.

[880] Il. xvi. 175.

[881] Ил. xxi. 189.

[882] Страбон ix. 5. стр. 433.

[883] Ил. x. 239.

[884] Ил. ix. 142, 284.

[885] Тук. i. 13.

[886] Сравните Il. ii. 540 с iv. 363.

[887] Глава i. 2.

[888] Название Фессалии не встречается у Гомера; и оно отмечено Фукидидом как современное: ἡ νῦν ΘΕσσαλίᾱ καλουμένη. Разве нельзя разумно предположить, что, когда великое племя дорийцев покинуло Элладу, чтобы отвоевать Пелопоннес, эта фессалидская ветвь Гераклидов, мигрировавшая на юго-восток, вернулась туда и передала ему имя своего предка?

[889] Cramer i. 360.

[890] Ил. iv. 202.

[891] Ил. ii. 641.

[892] Ил. vi. 152, по сравнению со ii. 570.

- [893] Ил. ii. 659, 60 и xi. 689, 91.
- [894] Новый Кратилус, глава iv. стр. 77.
- [895] История. Персии, ii. 507.
- [896] Кварта. Откр. том 101. стр. 503.
- [897] История Малкольма. глава i. п. 1. н.
- [898] Ирод. i. 125.
- [899] Там же. 96.
- [900] Новый Кратилус, стр. 86.
- [901] Блейкли о Ироде, i. 104.
- [902] Новый Кратилус, глава iv. как указано выше.
- [903] Новый Кратилус, стр. 92.
- [904] Тас. Зародыш. с. 2. и записка Бротье.
- [905] Страбон vii. 2. с. 290.
- [906] Il. iii. 166. cf. 226.
- [907] Od. xi. 469.
- [908] Ил. xvii. 51.
- [909] Ил. v. 500.
- [910] Проперций.
- [911] Тас. Зародыш. i. 4.
- [912] Новый Кратилус, стр. 91.
- [913] Примечание. Алекс. Strom. i. 299 C и 308 A (Ред. Coloniae 1688).
- [914] Блейкли о Ироде. i. 125.
- [915] Ил. xiv. 319.
- [916] Od. iii. 414, 444.
- [917] Редакция ix. 139.
- [918] Ирод. vii. 61.
- [919] Ирод. vi. 53, 4.
- [920] Страбон xi. 10. стр. 516.
- [921] Геродот преподобного Г. Роулинсона, том i, стр. 264. примечание 5.

[922] Inf. стр. 571.

[923] vi. 54.

[924] Herod. i. 113.

[925] Тас. Зародыш. с. 9.

[926] "Геродот" Блейкли, том i. 428. Прил. к iii. 74.

[927] "Сравнительная мифология" Мюллера, стр. 45, в "Оксфордских очерках" за 1856 год.

[928] Информация о религии и морали, РАЗДЕЛ 3.

[929] iii. 16.

[930] Il. xviii. 394 и далее.

[931] i. 138.

[932] Эта тема будет продолжена при рассмотрении троянов.

[933] Ирод. i. 131.

[934] "Персия Малкольма", том i, стр. 185.

[935] "Хайдентум и Юдентум" Деллингера, vi. 2.

[936] Смотрите "Религию гомеровской эпохи", РАЗДЕЛ ii.

[937] Ил. iii. 276.

[938] Ирод. vii. 114.

[939] i. 132.

[940] В локализации.

[941] Ирод i. 133, 135.

[942] Там же. 134.

[943] Там же.

[944] Ил. ii. 235.

[945] Ирод. i. 71 и ix. 122.

[946] Ирод. vii. 19.

[947] Геродот Роулинсона, Жизнеописание, стр. cxlviii. н. э.

[948] Ирод. i. 135. iii. 16. v. 18.

[949] Библиотека Фотия. Треска. lxxii.

[950] Смотрите Экскурс Блейкли по Ироду. iii. 74.

[951] Ирод, ix. 122.

[952] Ирод. iii. 89.

[953]"Ричард II" Шекспира.

[954] Глава i. 4.

[955] Ar. Pol. III. xiv. 3.

[956] Почетные звания Селдена, глава ii.

[957] "Персия Малкольма", ii. 585. 631, 6. Ежеквартальный обзор, том 101. стр. 510.

[958] Черты, упомянутые в тексте, где нет специальных ссылок, взяты из трех последних глав "Персии" Малкольма.

[959] "Персия Малкольма", ii. 550, 558, 566, 611.

[960] Там же. 576. "История Греции" Гроте, Р. I. с. xxi. том ii. стр. 196 н.

[961] Там же. 616 и Кварт. Откр., стр. 509.

[962] Кварта. Откр. том 101. стр. 509 н.

[963] Кварта. Откр. том 101. стр. 50.

[964] Малькольм, ii. 613.

[965] Малкольм, i. 369. ii. 597, 634, 638.

[966] "Человек Латама и его миграции", стр. 33-6.

[967] История Греции, том ii. стр. 352.

[968] Лейпциг, 1854, том i, глава ii.

Примечание переписчика

Заголовки страниц в печатной книге преобразованы в примечания.

Были исправлены следующие очевидные ошибки:

- стр. xi "Campared" заменено на "Сравненный"
- стр. xii "Эней 864" заменен на "Эней 486"
- стр. 20 "У Аристо" заменено на "у Ариосто"
- стр. 42 "РАЗДЕЛ 4" изменен на "РАЗДЕЛ 5".
- стр. 83 "xxviii" заменено на "xxviii".
- стр. 86 "ἡμίθεοι" заменено на "ἡμίθεοι"

- стр. 92 "m'án" заменено на "m'ha"
- стр. 95 "349-51" заменено на "349-51",
- стр. 98 "603, 11" заменено на "603, 611"
- стр. 99 "267, 8" заменено на "267, 8"
- стр. 107 "Древняя Греция" заменено на "Древняя Греция"
- стр. 114 "Ἀργεῖος" заменено на "Ἀργεῖος"
- стр. 147 "i. 3" заменено на "i. 3".
- стр. 164 "сам по себе[269]". заменено на "сам по себе[269]".
- стр. 169 "стр. 83.;" заменено на "стр. 83.;"
- стр. 178 "морским путем" заменено на "морским путем".
- стр. 178 "Лакедемонянин" заменено на "лакедемонянин"
- стр. 183 "мы находим" заменено на "мы находим"
- стр. 195 "Пауз. viii. 1, 2." заменено на "Пауз. viii. 1. 2."
- стр. 197 "Пауз. viii. 2, 2." заменено на "Пауз. viii. 2. 2."
- стр. 199 "ἔθηκ'" заменено на "ἔθηκ'"
- стр. 200 "город. основание" заменено на "город-основание"
- стр. 203 "коннот" заменено на "не может"
- стр. 214 "ὅλς" заменено на "ὅλς"
- стр. 215 "841" заменено на "841",
- р. 230 "ἔστηκεν" changed to "ἔστηκεν"
- стр. 259 "кто в тех" заменено на "те, кто в"
- стр. 259 "Критяне".... Их вел Идомений с Мерионом. изменено на "Критяне.... Их вел Идомений вместе с Мерионом".
- стр. 265 "ἦδ'" заменено на "ἦδ'"
- стр. 266 "ἔπωμαι" заменено на "ἔπωμαι"
- стр. 275 "704" заменено на "704",
- стр. 286 "1. "Что-то" заменено на "Что-то"
- р. 287 "Ἰφαιστός" changed to "Ἰφαιστός"
- стр. 300 "ἔσθης" заменено на "ἔσθης"
- стр. 300 "πάτηρ" заменено на "πατήρ"
- стр. 300 "ἔκυρος" заменено на "ἔκυρος"
- стр. 300 "ἴς" заменено на "ἴς"
- стр. 300 "Од. xix." заменено на "Од. xix."
- стр. 301 "πλατὺς" заменено на "πλατὺς"
- стр. 301 "πυρρός" заменено на "πυρρὸς"
- стр. 313 "Агелай" заменено на "Агелай".
- р. 328 "προκαλίζετο" changed to "προκαλίζετο"
- стр. 343 "сохраненный" заменено на "сохраненный"
- стр. 345 "конституция" заменена на "constitution"

- стр. 350 "ένθ'" заменено на "ἔνθ'"
- стр. 351 "ρ'" заменено на "ῥ'"
- стр. 359 "Эгейский" заменено на "эгейский"
- стр. 368 "ἄνδρος" заменено на "ἄνδρὸς"
- стр. 369 "σύ" заменено на "σὺ"
- стр. 371 "ἴ κετο" заменено на "ἴ κετο"
- р. 372 "ἰ ππορότοιο," changed to "ἰ ππορότοιο."
- стр. 374 "ένθ'" заменено на "ἔνθ'"
- стр. 374 "ἦδη" заменено на "ἦδη"
- стр. 383 "Od, xv" заменено на "Od. xv".
- р. 383 "ἀργιπόδες (κύνες)." changed to "ἀργιπόδες (κύνες),"
- стр. 409 "сложите[705]". заменено на "сложите[705]".
- стр. 409 "уместно". заменено на "уместно".
- стр. 410 "ἄν" заменено на "ἄν"
- стр. 461 "ποιμῆν" заменено на "ποιμῆν"
- стр. 462 "замаскированный" заменено на "выдающийся"
- стр. 466 (примечание) "Od. xi. 281.": добавлен якорь сноски
- стр. 486 (примечание) "Il. ii. 58." заменено на "Il. xi. 58.", а в текст добавлена привязка к сноске
- стр. 487 "εὔρεν" заменено на "εὔρεν"
- стр. 506 "Это там" заменено на "Таким образом там"
- стр. 514 (примечание) "485" заменено на "485",
- р. 554 "Κέφαλληνες" changed to "Κεφάλληνες"

Следующие возможные ошибки оставлены в том виде, в каком они были напечатаны:

- ἄνηρ (несколько экземпляров)
- стр. viii ΘΡῆικιοι